This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Отд. I.
№ 82
2021
С. 1. 35

ПАМЯТНИКИ

ТАРИНШОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,

ИЗДАВАЕМЫЕ

ГРАФОМЪ ГРИГОРІЕМЪ КУШЕЛЕВЫМЪ-БЕЗБОРОДКО,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ Н. КОСТОМАРОВА.

СКАЗАНІЯ, ЛЕГЕНДЫ, ПОВѢСТИ, СКАЗКИ И ПРИТЧИ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

Библ. 15098
Одеського Інституту Народної Освіти Бібліотека

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1860.

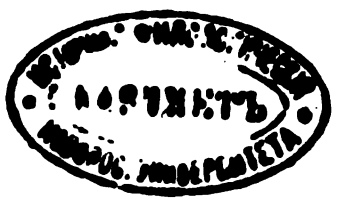
ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ, узаконенное число экземпляровъ, С. Петербургъ. Сентября 3-го дня 1860 года.

Цензоръ *А. Ярославцовъ.*

Отъ С. Петербургскаго Комитета Духовной цензуры печатать позволяется. Сентября 3-го 1860 года.

Цензоръ Архимандритъ *Сергій.*



327

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША.

На углу Сѣнной площади и Обуховскаго проспекта, въ домѣ Котомина, № 2.

ПАМЯТНИКИ

•

СТАРИННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES
STACKS
JUL 10 1972
PG3223
P3
v. 1/2
1860

ГОРЕ-ЗЛОЧАСТІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ настоящее время, кажется, уже созрѣло сознаніе, что, для уразумѣнія смысла исторіи, недостаточно однихъ повѣтствованій о минувшихъ политическихъ событіяхъ, законоположеній, указовъ, дипломатическихъ сношеній и вообще всѣхъ источниковъ, относящихся до государственнаго и административнаго строя. Только упорные старовѣры могутъ еще сомнѣваться въ томъ, что государственность со всѣми ея признаками есть только видимое историческое явленіе народной жизни, и что послѣдняя составляетъ сущность того, что подлежитъ историческому уразумѣнію. Безъ знанія народнаго духа, понятій, воззрѣній, вѣрованій, сочувствій, антипатій, добродѣтелей и пороковъ народныхъ, невозможенъ ясный взглядъ ни на политическія событія, ни на внутреннія учрежденія. — Служа отечественной исторіи и желая содѣйствовать успѣхамъ ея научной обработки, редакція Русскаго Слова признала небезполезнымъ, при своемъ журналѣ, печатать, въ видѣ приложеній, памятники старинной русской литературы до-петровскаго времени, большею частію до сихъ поръ скрытые въ рукописяхъ нашихъ книгохранилищъ или извѣстные по изданіямъ, разсѣяннымъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, нерѣдко въ отрывочномъ видѣ. Съ этою цѣлію, издатель Русскаго Слова поручилъ профессору санктпетербургскаго университета Костомарову, въ текущемъ 1860 году, въ видѣ приложенія къ Русскому Слову составить сборникъ памятниковъ, раздѣленный для удобства на два выпуска, и заключающій сказанія, легенды, повѣсти, сказки и притчи въ слѣдующемъ порядкѣ.

1. Горе-злочастіе.
2. Повѣсть о посадникѣ Новгородскомъ Щилѣ (въ двухъ варіантахъ).
3. Повѣсть о муромскомъ князѣ Петрѣ и супругѣ его Февроніи (въ трехъ варіантахъ).
4. Легенда о Мароѣ и Маріи (въ двухъ варіантахъ)
5. Повѣсть объ Ульяніи Муромской.
6. Сказаніе о плѣнномъ Половчинѣ.
7. Сказаніе о старцѣ, низведшемъ дождь съ неба (съ отмѣнами по другому варіанту).
8. Повѣсть о благочестивомъ рабѣ (въ двухъ варіантахъ).
9. Легенда о двухъ сапожникахъ.
10. Легенда о покаяніи князя (въ двухъ варіантахъ).
11. Повѣсть о грѣшной матери (въ двухъ варіантахъ).
12. Видѣніе мукъ грѣшницы во адѣ
13. Легенда о временномъ пос
14. Легенда о прельщени
15. Легенда объ
16. Леге

17. Легенда о св. Георгіи.
18. Легенда о купцѣ.
19. Легенда о происхожденіи винокуренія.
20. Легенда о пьяницѣ, продавшемъ душу бѣсу.
21. Легенда объ игрокѣ.
22. Легенда о ляхѣ и пресвитерѣ.
23. Повѣсть о бѣсноватой женѣ Соломоніи (съ отмѣнами по другому варіанту).
24. Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ (въ двухъ варіантахъ).
25. Повѣсть о пресвитерѣ Тимофеѣ.
26. Сказанія о бѣсовскихъ искушеніяхъ (числомъ семь).
27. Повѣсть о цѣломудренной вдовѣ.
28. Легенда объ оживленной курицѣ.
29. Повѣсть о водвореніи христіанства въ Ростовѣ (съ отмѣнами по другому варіанту).
30. Повѣсть о водвореніи христіанства въ Муромѣ.
31. Повѣсть о побѣдѣ Новогородцевъ надъ Суздальцами.
32. Повѣсть о путешествіи Іоанна Новогородскаго.
33. Легенда о построеніи варяжской божницы въ Новгородѣ.
34. Повѣсть о построеніи Благовѣщенскаго монастыря въ Новгородѣ.
35. Повѣсть объ Антоніи Римлянинѣ.
36. Новгородскій судъ и св. Варлаамъ.
37. Пророчество св. Варлаама.
38. Видѣніе пономаря Тарасія.
39. Повѣсть о Новгородскомъ бѣломъ клобукѣ (съ отмѣнами по другому варіанту).
40. Бесѣда Іерусалимская.
41. Повѣсть о семи багатыряхъ.
42. Сказка объ Иванѣ пономаревичѣ.
43. Сказка о Еруслапѣ Лазаревичѣ.
44. Сказка о царѣ Даріанѣ.
45. Повѣсть о Димитріѣ кіевскомъ купцѣ и его сынѣ (двухъ варіантахъ).
46. Повѣсть о премудромъ Акирѣ (въ двухъ варіантахъ).
47. Повѣсть объ иверской царевнѣ Динарѣ.
48. Повѣсть о прекрасномъ Девгеніи.
49. Повѣсть о градѣ Вавилонѣ.
50. Сказаніе о вавилонскомъ царствѣ.
51. Повѣсть о мультанскомъ воеводѣ Дракулѣ.
52. Повѣсть о Шемякиномъ судѣ.
53. Прѣніе о вѣрѣ.
54. Отрывокъ повѣсти о молодцѣ, о его конѣ и сабл
55. Отрывокъ повѣсти о Михаилѣ Скопинѣ Шуйск
56. Легенда о кровосмѣсителѣ (въ трехъ варіантахъ)
57. Легенда о происхожденіи табака.
58. Притча о витязѣ и о смерти (въ двухъ вар тахъ).
59. Притча о хмѣлѣ.
60. Притча о старомъ мужѣ и о молодой дѣвицѣ.
61. Притча о бражникѣ и старая застольная пѣсня.
62. Сказаніе о роскошномъ житіи и веселіи.
63. Притча о женской злобѣ.
64. Притча о корыстолюбцѣ.

Эти памятники извлечены и зъ рукописныхъ сборниковъ, хранящихся въ санктпетербургскихъ публ ныхъ книгохранилищахъ, а нѣкоторые сообщены частными лицами. Редакція, принося благодарность всѣ оказавшимъ ей участіе, поставляетъ долгомъ изъявить особенную признательность г. директору Императ ·іотеки Барону М. А. Корфу, г. директору Румянцовскаго музея князю В. Ѳ. Одоевско ·ской Публичной Библіотеки А. Ѳ. Бычкову, за радушное содѣйствіе, оказанное рукописей, и профессору Императорскаго Московскаго Университета Ѳ. ко памятниковъ изъ принадлежащаго его библіотекѣ сборника, елей старинной русской письменности. О памятникахъ, изъ

чены изъ рукописей публичной Библіотеки и Музея, если при заглавіи ихъ не означено къ какому вѣку прижать списки, изъ которыхъ они извлечены, слѣдуетъ разумѣть, что они печатаются со списковъ XVII вѣкадакція старалась, по возможности, сохранить способъ правописанія списковъ со всѣми уклоненіями, допи, однако, для уразумѣнія смысла, разстановку слитыхъ вмѣстѣ частей рѣчи, употребленіе обычныхъ зна препинанія и, для избѣжанія двусмысленности, замѣну однозвучныхъ буквъ другими, но вмѣстѣ съ тѣчиталось недозволительнымъ всякое измѣненіе, которое касается выговора. Буквы ѧ и ѩ сохранены то въ памятникахъ по древнѣйшимъ спискамъ; въ другихъ, при совершенной произвольности ихъ постави въ памятникахъ, онѣ замѣняются буквою я. Въ тѣхъ памятникахъ, гдѣ удержана буква ѧ — буквою я жено ѩ, и, напротивъ того, гдѣ удержено ѩ, — я замѣняетъ ѧ. Тамъ, гдѣ встрѣчаются явныя описки, мѣщія смыслу, рядомъ въ скобкахъ поставлены правильныя формы. Нѣкоторые памятники снабжены прчаніями, по мѣрѣ представленія къ тому поводу.

При выборѣ памятниковъ для печати принималось правиломъ помѣщать преимущественно русскія оригинальныя произведенія, допуская, однако, и такія, которыя первоначально могли быть и чужеземнаго происхожнія, но усвоены народнымъ вкусомъ и приняли на себя характеръ русской народности. Вообще же въ это собраніи допускалось и будетъ впередъ допускаться то, что представляетъ матеріалъ къ разъясненію прошлой народной общественной и домашней жизни, понятій и вѣрованій народа.

ГОРЕ-ЗЛОЧАСТІЕ.

ПОВѢСТЬ О ГОРѢ И ЗЛОЧАСТІИ И КАКЪ ГОРЕ-ЗЛОЧАСТИЕ ДОВЕЛО МОЛОТЦА ВО ИНОЧЕСКІЙ ЧИНЪ.

(Имп. Публ. Библ. рукоп. Погод. древлехран. № 1773.)

Изволеніемъ Господа Бога и Спаса Нашего,
Іуса Христа Вседержителя,
съ начала вѣка человѣческаго....
въ началѣ вѣка сего тлѣннаго
сворилъ небо и землю,
сворилъ Богъ Адама и Евву;
велѣлъ имъ жити во святомъ раю,
дъ имъ заповѣдь божественну:
повелѣлъ вкушати плода винограднаго,
отъ едемскаго древа великаго.
Человѣческое сердце несмысленно и неумичиво:
прельстился Адамъ со Еввою,
нарушили заповѣдь Божію,
вкушили плода винограднаго
отъ дивнаго древа великаго, —
на преступленіе великое
Господь Богъ на нихъ разгнѣвался,
и изгналъ Богъ Адама со Еввою
изъ святаго раю изъ едемскаго,
и вселилъ ихъ на землю на низкую,
благословилъ ихъ раститися-плодитися,
и отъ своихъ трудовъ велѣлъ имъ сытымъ быть,
отъ земныхъ плодовъ.... (1)

(1) Вѣроятно, слѣдуетъ *питатися*.

Учинилъ Богъ заповѣдь законную:
велѣлъ онъ бракомъ и женитбамъ быть
для рожденія человѣческаго и для любимыхъ дѣтей.
Ино зло племя человѣческо:
вначалѣ пошло непокорливо,
ко отцову ученію зазорчиво,
къ своей матери непокорливо, (2)
и къ совѣтному другу обманчиво.
А се роди пошли слабы добрубожливи (?)
а на безуміе обратилися,
и учали жить въ суетѣ,
и въ правдѣ вечеркие (3) великое, (?)
а прямое смиреніе отринули.
И за то на нихъ Господь Богъ разгнѣвался:
положилъ ихъ въ напасти великія,
попустилъ на нихъ скорби великія
и срамныя позоры немѣрныя,
безживотіе злое, сопостатныя находы,
злую немѣрную наготу и босоту,
и безконечную нищету;
и недостатки послѣдніе,
все смиряючи насъ наказуя,
и приводя насъ на спасенный путь.

(2) Вѣроятно, *непослушливо*.
(3) Срезневскій читаетъ это слово: *въ ечерине* (Изв. Акад. 1856).

Тако рожденіе человѣческое отъ отца и отъ матери,

Будетъ молодецъ уже въ разумѣ въ беззлобіи,
и возлюбили его отецъ и мать;
учить его учали, наказывать,
на добрыя дѣла наставлять: (4)

»Милое ты наше чадо!
»послушай ученія родительскаго,
»ты послушай пословицы
»добрыя, и хитрыя, и мудрыя!
»не будетъ тебѣ нужды великія,
»ты не будешь въ бѣдности великой:
»не ходи, чадо, въ пиры и въ братчины;
»не садися ты на мѣсто большее;
»не пей, чадо, двухъ чаръ за едину.
»Еще, чадо, не давай очамъ воли;
»не прельщайся, чадо, на добрыхъ красныхъ женъ отеческія дочери....
»Не ложися, чадо, въ мѣсто заточное; (5)
»не бойся, не бойся мудра, бойся глупа,
»чтобы глупыя на тя не подумали,
»да не сняли бы съ тебя драгихъ портъ, (6)
»не доспѣли бы тебѣ позорства и стыда великаго,
»и племени укору и поносу бездѣлнаго.
»Не ходи, чадо, къ костаремъ (7) и корчемникамъ;
»не знайся, чадо, зъ головами кабацкими;
»не дружися, чадо, съ глупыми, немудрыми;
»не думай украсти-ограбити,
»и обмануть-солгать и неправду учинить.
»Не прельщайся, чадо, на злато и сребро;
»не збирай богатства неправаго;
»*не* (8) буди послухъ лжесвидѣтельству,
»а зла не думай на отца и матерь
»и на всякаго человѣка, —
»да и тебе покрыетъ Богъ отъ всякаго зла.
»Не безчествуй, чадо, богата и убога,
»а имѣй всѣхъ равно по единому;
»а знайся, чадо, съ мудрыми,
»и *съ* (9) разумными водися,
»и зъ друзи надежными дружися,
»которыя бы тебя злу не доставили.«

Молодецъ былъ въ то время-се малъ и глуп
не въ полномъ разумѣ и не совершенъ разум
своему отцу стыдно покоритися,
и матери поклонитися,
а хотѣлъ жити, какъ ему любо!
Наживалъ молодецъ пятдесятъ рублевъ,
залѣзъ (10) онъ себѣ пятдесятъ друговъ;
честь его яко рѣка текла;
друговя къ молодцу прибивалися,
родъ-племя причиталися (11).

Еще у молодца былъ милъ-надеженъ-другъ -
назвался молодцу названой братъ;
прельстилъ его рѣчми прелестными,
зазвалъ его на кабацкой дворъ,
завелъ его въ избу кабацкую,
поднесъ ему чару зелена-вина,
и кружку поднесъ пива пьянаго,
самъ говоритъ таково слово:

»Испей ты, братецъ мой названой,
»въ радость себѣ и въ веселіе, и во здравіе.
»Испей чару зелена вина,
»запей ты чашею меду сладкова;
»хошь и упьешься, братецъ, до-пьяна,
»вино гдѣ пилъ, тутъ и спать ложися,
»надѣйся, надѣйся на меня, брата названова.

(4) Вѣроятно слѣдуетъ *наставливать*.
(5) Закатное, малоросс. точити, польск. tocić się — катиться, въ такое мѣсто, гдѣ падаютъ пьяницы.
(6) Одеждъ.
(7) Игрокамъ въ кости.
(8) *Не* недостаетъ въ подлинникѣ.
(9) *Съ* недостаетъ въ подлинникѣ.
(10) Нашелъ — слово, очень извѣстное въ старомъ русскомъ языкѣ. ское znaleść.
(11) Вѣроятно, здѣсь пропущенъ предлогъ *въ*; слѣдовало бы: *въ родъ племя причиталися*.

»Я сяду стеречь и досматривать:
»въ головахъ у тебя, мила-друга,
»я поставлю кружку пшему сладкова, ([12])
»вскрай поставлю зелено-вино,
»близь тебя поставлю пиво пьяное,
»сберегу я, милъ-другъ, тебя на-крѣпко,
»сведу я тебя ко отцу твоему и матери.«

Втѣпоры молодецъ понадѣялся
на своего брата названого;
не хотѣлося ему друга ослушатца;
принимался онъ за питья за пьяныя,
и испивалъ чару зелена-вина,
запивалъ онъ чашею меду сладкаго,
и пилъ онъ, молодецъ, пиво пьяное.
Упился онъ безъ памяти,
и гдѣ пилъ, тутъ и спать ложился:
понадѣялся онъ на брата названого.

Какъ будетъ день до вечера а солнце на западѣ,
отъ сна молодецъ пробужаетца,
втѣпоры молодецъ озирается:
а что ([13]) сняты съ него драгіе порты,
чары ([14]) и чулочки все поснимано,
рубашка и портки все слуплено,
и вся собина ([15]) у его ограблена,
а кирпичекъ положенъ подъ буйну его голову,
онъ накинутъ гункою ([16]) кабацкою,
въ ногахъ у него лежатъ лапотки-отопочки,
въ головахъ мила-друга и близко нѣтъ.

И вставалъ молодецъ на бѣлыи [illegible]

([12]) Въ рукописи было *кружку пива*; слово *пива* обведено кавычками, потомъ написано *пшему*.
([13]) Не *ажно ли*?
([14]) Черевики.
([15]) Имущество. Слово, употребительное зъ старыхъ актахъ — *собинная рухлядь*.
([16]) Отрепья, собственно кусокъ грубаго холста. У малороссійскихъ козаковъ *гуня* называлась конская попона. Богатыри нашихъ былинъ надѣваютъ иногда *гуню*.

учалъ молодецъ наряжатися:
обувалъ онъ лапотки ([17]),
надѣвалъ онъ гунку кабацкую,
покрывалъ онъ свое тѣло бѣлое,
умывалъ онъ лице свое бѣлое;
стоя, молодецъ закручинился,
самъ говоритъ таково слово:

»Житіе мнѣ Богъ далъ великое:
»ясти-кушати стало нѣчево!
»какъ не стало деньги, ни полуденьги,
»такъ не стало не друга, не полдруга;
»родъ и племя отчитаются,
»всѣ друзи прочь отпираются!«

Стало срамно молодцу появитися
къ своему отцу и матери,
и къ своему роду и племяни,
и къ своимъ прежнимъ милымъ другомъ.

Пошелъ онъ на чюжу страну, далну-незнаему,
нашелъ дворъ, что градъ стоитъ,
изба на дворѣ — что высокъ теремъ,
а въ избѣ идетъ великъ пиръ почестенъ:
гости пьютъ, ядятъ, потѣшаются.
Пришелъ молодецъ на честенъ пиръ,
крестилъ онъ лице свое бѣлое,
поклонился чюднымъ образомъ,
билъ челомъ онъ добрымъ людемъ
на всѣ четыре стороны.
А что видятъ молодца люди добрые,
что гораздъ онъ креститися,
ведетъ онъ все по писаннему ученію,
емлютъ его люди добрыя подъ руки,
посадили его за дубовой столъ,
не въ большее мѣсто не въ меньшее, —
садятъ его въ мѣсто среднее,

([17]) Вѣроятно пропущено *отопочки*, какъ выше сказано.

гдѣ сѣдятъ дѣти гостиные.
Какъ будетъ пиръ на веселіе,
и всѣ на пиру гости пьяны-веселы,
и сѣдя всѣ похваляютца, —
молодецъ на пиру не веселъ сѣдитъ,
кручиноватъ, скорбенъ, не радостенъ,
а не пьетъ, ни ѣстъ онъ, ни тѣшитца,
и ничѣмъ на пиру не хвалитца.

Говорятъ молодцу люди добрыя:

»Что еси ты, доброй молодецъ,
»зачѣмъ ты на пиру не веселъ сѣдишь,
»кручиноватъ, скорбенъ, не радостенъ,
»ни пьешь ты, ни тѣшишься,
»да ни чѣмъ ты на пиру не хвалишься?
»Чара ли зелена-вина до тебя не дохаживала?
»или мѣсто тебѣ не по отчинѣ твоей?
»или милые (18) дѣти тебя изобидѣли?
»или глупые люди немудрыя
»чѣмъ тебѣ, молодцу, насмѣялися?
»или дѣти наши къ тебѣ не ласковы?«

Говоритъ имъ, сѣдя, доброй молодецъ:

»Государи вы, люди добрые!
»Скажу я вамъ про свою нужду великую,
»про свое ослушаніе родителское,
»и про питье кабацкое,
»про чашу медвяную,
»про лестное питіе пьяное.
»Язъ какъ принялся за питье за пьяное, —
»ослушался язъ отца своего и матери:
»благословеніе мнѣ отъ нихъ миновалося;
»Господь Богъ на меня разгнѣвался,
»и на мою бѣдность вели великая (?)
»многія скорби неисцѣльныя,
»и печали неутѣшныя,
»скудость и недостатки и нищета послѣдняя...
»Укротила скудость мой рѣчистой языкъ;
»изсушила печаль мое лице и бѣлое тѣло:
»ради того мое сердце не весело,
»а бѣлое лицо уныливо,
»и ясныя очи замутилися;
»все имѣніе (?) и взоры у мене измѣнилися;
»отечество (19) мое потерялося,
»храбрость молодецкая отъ мене миновалася!
»Государи вы, люди добрые!
»скажите и научите, какъ мнѣ жить
»на чюжей сторонѣ, въ чюжихъ людехъ,
»и какъ залѣзти мнѣ милыхъ друговъ?«

Говорятъ молодцу люди добрые:

»Добро еси ты, и разумный молодецъ!
»Не буди ты спѣсивъ на чюжей сторонѣ:
»покорися ты другу и недругу,
»поклонися ты стару и молоду,
»а чюжихъ ты дѣлъ не объявливай,
»а что слышишъ или видишъ — не сказывай!
»не льсти ты межь други и недруги;
»не имѣй ты упадки вилавыя (20),
»не вейся зміею лукавою;
»смиреніе ко всѣмъ имѣй,
»и ты съ кротостію держися истины съ правд
»То тебѣ будетъ честь и хвала великая;
»Первое тебе люди овѣдаютъ
»И учнутъ тя чтить и жаловать
»За твою правду великую,
»За твое [illegible]ніе и за вѣжество;
»Будутъ у[illegible] милыя други,
»Названыя братья надежныя.«

(18) Вмѣсто *милые* вѣроятно слѣдуетъ читать *малые*.

(19) Въ смыслѣ достоинства, то есть: я потерялъ право быть мымъ по отчеству, какъ честный и добропорядочный человѣкъ.

(20) Смыслъ этого неупотребительнаго теперь выраженія, вѣро ковъ: не пресмыкайся предъ другими коварно. *Вилавый* — мож вилавый. *Упадка* — отъ глагола упадать, въ смыслѣ кланяться. сіяне о хитромъ, уклончивомъ человѣкѣ, говорятъ: *лестью упада*

И оттуду пошелъ молодецъ на чюжу сторону
и учалъ онъ жити умѣючи;
отъ великаго разума наживалъ онъ живота болшы
старова,
присмотрилъ невѣсту себѣ по обычаю, —
захотѣлося молодцу женитися.
Срединъ молодецъ честенъ пиръ
отчествомъ и вѣжествомъ,
любовнымъ своимъ гостемъ и другомъ билъ челомъ.

И по грѣхамъ молодцу,
и по Божію попущенію,
а по дѣйству діяволю,
предъ любовными своими гостьми и други
и назваными браты похвалился
(а всегда гнило слово похвальное:
похвала ([21]) живетъ человѣку пагуба):
наживалъ-де я, молодецъ, живота больши старова! —

Подслушало Горе-Злочастіе хвастанье молодецкое!
Само говоритъ таково слово:

»Не хвались ты, молодецъ, своимъ счастіемъ,
»не хвастай своимъ богатествомъ;
»бывали люди у меня, Горя,
»и мудрые тебя и досужае,
»и я ихъ, Горе, перемудрило.
»Учинися имъ злочастіе великое:
»до смерти со мною боролися;
»во зломъ злочастіи позорилися;
»не могли у меня, Горя, уѣхати,
»наки (?) ([22]) они во гробъ вселилися;
»отъ мене на крѣпко они землею накрылися,
»босоты и наготы они избыли,
»и я отъ нихъ, Горе, миновалось,
»а Злочастіе на ихъ въ могилѣ осталось!

([21]) Т. е. похвальба, самохвальство.

([22]) Срезневскій читаетъ слово *нани* и объясняетъ — лишь только, едва.

»Еще возграяло ([23]) я, Горе, къ инымъ привязалось:
»а мнѣ, Горю и Злочастію, не впустѣ же жить:
»хочю я, Горе, въ людехъ жить;
»и батогомъ меня не выгонить;
»а гнѣздо мое и вотчина во бражникахъ!«

Говоритъ сѣро Горе-горинское:
»какъ бы мнѣ молодцу появитися!«
Ино зло то Горе излукавилось,
во снѣ молодцу привидѣлось:
»Откажи ты, молодецъ, невѣстѣ своей любимой;
»быть тебѣ отъ невѣсты истравлену,
»еще быть тебѣ отъ тое жены удавлену,
»изъ злата и сребра быть убитому!
»Ты пойди, молодецъ, на царевъ кабакъ;
»не жали ([24]) ты, пропивай свои животы,
»а скинь ты платье гостиное, ([25])
»надежи ([26]) ты на себя гунку кабацкую;
»кабакомъ-то Горе избудетца,
»да то злое Злочастіе останетца, ([27])
»за нагимъ-то Горе не погонитца,
»да никто къ нагому не привяжется.
»а нагому-босому шумить розбой.« ([28])

Тому сну молодецъ не повѣровалъ.
Ино зло то Горе излукавилась;
горе архангеломъ Гавріиломъ молодцу
по прежнему еще въ ново злочастіе привязалося.

»Али тебѣ, молодецъ, невѣдома
»нагота и босота безмѣрная,

([23]) Т. е. закаркало вороном. Слово древнее; ср. Слово о Полку Игоря: *врани граахуть*. Въ малороссійской думѣ: *ворони загруе*.

([24]) Вмѣсто *не жалѣй;* стар. форма: *ѣй* перемѣняется въ *и*.

([25]) Купленое у гостей, хорошаго сорта — *гостиные товары*.

([26]) *Надѣнь*.

([27]) Въ рукоп. въ скобкахъ между *злое* и *злочастіе* — *горе*.

([28]) Въ томъ же значеніи, какъ пословица: »голому разбой не страшенъ.« *Шумить разбой*: если голый и слышитъ его, то не боится и не имѣетъ надобности бѣжать отъ него.

»легота, безпроторица ([29]) великая,
»на себя что купить, то проторится,
»а ты, удалъ молодецъ, и такъ живешь!
»Да не бьютъ, не мучатъ нагихъ-босыхъ,
»и изъ раю нагихъ-босыхъ не выгонятъ,
»а съ того свѣту сюды не вытепутъ ([30]);
»да никто къ нему не привяжется;
»а нагому-босому шумить розбой!«

Тому сну молодецъ онъ повѣровалъ;
сошелъ ([31]) онъ пропивать свои животы,
а скинулъ онъ платье гостиное, —
надѣвалъ онъ гунку кабацкую,
покрывалъ онъ свое тѣло бѣлое;
стало молодцу срамно появитися своимъ милымъ другомъ.

Пошелъ молодецъ на чужу страну, дальну-незнаему,
на дорогѣ пришла ему быстра рѣка;
за рѣкою перевозчики,
а просятъ у него перевознаго,
ино дать молодцу нечего;
не везутъ молодца безденежно.
Сѣдитъ молодецъ день до вечера,
миновался день до вечера ([32]), ні до обѣднемъ
не ѣдалъ молодецъ ни полукуса хлѣба;
вставалъ молодецъ на скоры ноги,
стоя, молодецъ закручинился,
а самъ говоритъ таково слово:

»Ахти мнѣ, Злочастіе-горинское!
»до бѣды меня, молодца, домыкало,
»уморило меня, молодца, смертью голодною;
»уже три дни мнѣ были не радошны, —
»не ѣдалъ я, молодецъ, ни полукуса хлѣба!
»ино кинусь я, молодецъ, въ быстру рѣку:
»полощи мое тѣло, быстра рѣка!
»ино ѣжте, рыбы, мое тѣло бѣлое!
»ино лутчи мнѣ житія сего позорнаго!
»уйду ли я у Горя злочастнаго!«

И въ тотъ часъ у быстры рѣки
скоча ([33]) Горе изъ-за камени,
босо, наго, нѣтъ на Горѣ ни ниточки,
еще лычкомъ Горе подпоясано,
богатырскимъ голосомъ восклицало:

»Стой ты, молодецъ: меня, Горя, не уйдешь никуды!
»не мечися въ быстру рѣку,
»да не буди въ горѣ кручиноватъ;
»а въ горѣ жить — некручинну быть!
»а кручинну въ горѣ погинути!
»Спамятуй, молодецъ, житіе свое первое;
»и самъ тебѣ отецъ говорилъ, ([34])
»и какъ тебѣ мати наказывала.
»О чемъ ([35]) тогда ты ихъ не послушалъ?
»не захотѣлъ ты имъ покоритися,
»постыдился имъ поклонитися,
»а хотѣлъ ты жить, какъ тебѣ любо есть!
»А кто родителей своихъ на добро ученія не слушаетъ,
»того выучю я, Горе-злочастное!
»не къ любому онъ учнетъ упадывать.
»и учнетъ онъ недругу покорятися!«
Говоритъ Злочастіе таково слово:
»Покорися мнѣ, Горю нечистому,
»поклонися мнѣ, Горю, до сыры земли,
»а нѣтъ меня, Горя, мудряя на семъ свѣтѣ;

([29]) *Легкость*, въ насмѣшливомъ смыслѣ, какъ вмѣсто *обокрали, ограбили* говорятъ: *облегчили*. Безпроторица — отсутствіе всякихъ проторовъ, также въ насмѣшливомъ смыслѣ.

([30]) *Тепать*. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ говорятъ *тепать каноплю*, а въ переносномъ смыслѣ — *бить*. Тяпка — орудіе, которымъ полятъ.

([31]) Въ смыслѣ *опустился, дошелъ до того, что началъ пропивать*.

([32]) По выраженію *три дни*, слѣдующему ниже, видно, что въ этомъ мѣстѣ пропускъ.

([33]) Вѣроятно, описка: слѣдуетъ читать *скочи*.

([34]) Вѣроятно, *говаривалъ*.

([35]) Вмѣсто *для чего*.

»и ты будешь перевезенъ за быструю рѣку,
»напоятъ тя, накормятъ люди добрыя.«

А что видитъ молодецъ ([36]) неминучую —
покорился Горю нечистому,
поклонился Горю до сыры земли!

Пошелъ, поскочилъ доброй молодецъ,
по круту по красну по бережку,
по желтому песочику;
идетъ веселъ, некручиноватъ,
утѣшилъ онъ Горе-Злочастіе;
а самъ, идучи, думу думаетъ:
»Когда у меня нѣтъ ничево,
»и тужить мнѣ не о чемъ!«
Да еще молодецъ некручиноватъ,
запѣлъ онъ хорошую напѣвочку,
отъ великаго крѣпкаго разума:

»Безпечална мать меня породила,
»гребешкомъ кудерцы расчесывала,
»драгими порты меня одѣяла,
»и, отшедъ, подъ ручку ([37]) посмо́трила:
»хорошо ли мое чадо въ драгихъ портахъ?
»а въ драгихъ портахъ чаду и цѣны нѣтъ!
»Какъ бы до вѣку она такъ пророчила!
»Ино я самъ знаю и вѣдаю,
»что не класти скарлату безъ мастера,
»не утѣшити дѣтяти безъ матери,
»не бывать бражнику богату,
»не бывать костарю въ славѣ доброй.
»Завѣченъ ([38]) я у своихъ родителей,
»что мнѣ быти бѣлешеньку,
»а что родился головенкою!« ([39])

Услышали перевозчики молодецкую напѣвочку, —
перевезли молодца быстру рѣку,
а не взяли у него перевозного.
Напоили, накормили люди добрые:
Сняли съ него гунку кабацкую,
Дали ему порты крестьянскіе.

Говорятъ молодцу люди добрые:

»А что еси ты, доброй молодецъ?
»ты поди на свою сторону,
»къ любимымъ честнымъ своимъ родителемъ,
»ко отцу своему и къ матери любимой,
»простися ты съ своими родители,
»со отцемъ и матерію,
»возьми отъ нихъ благословеніе родителское!«

И оттуду пошелъ молодецъ на свою сторону.
Какъ будетъ молодецъ на чистомъ полѣ,
а что злое Горе напередъ зашло,
на чистомъ полѣ молодца встрѣтило,
учало надъ молодцемъ граяти,
что злая ворона надъ соколомъ;
говоритъ Горе таково слово:

»Ты стой, не ушелъ, доброй молодецъ!
»не на часъ я къ тебѣ, Горе злочастное, привязялося,
»хошь до смерти съ тобою помучуся!
»Не одно я, Горе, — еще сродники,
»а вся родня наша добрая;
»всѣ мы гладкіе, умилные;
»а кто въ семю къ намъ примѣшается, —
»ино тотъ между нами замучится!
»такова у насъ участь и лутчая.
»Хотя кинся во птицы воздушныя;
»хотя въ синее море ты пойдешь рыбою, —
»а я съ тобою пойду подъ руку подъ правую.«

Полетѣлъ молодецъ яснымъ соколомъ,

([36]) *Бѣду*. Пропущено въ подлинникѣ.
([37]) Т. е. держа ладонь надъ глазами.
([38]) Опредѣленъ на весь вѣкъ. Иначе, *что́ мнѣ на роду написано*.
([39]) По толкованію профессора Срезневскаго *головенкою* значитъ — бѣдняковъ, горемыкою.

а Горе за нимъ бѣлымъ кречатомъ;
молодецъ полетѣлъ сизымъ голубемъ,
а Горе за нимъ сѣрымъ ястребомъ;
молодецъ пошелъ въ поле сѣрымъ волкомъ,
а Горе за нимъ съ борзыми вѣжлецы; (40)
молодецъ сталъ въ полѣ ковылъ-трава,
а Горе пришло съ косою вострою,
да еще Злочастіе надъ молодцемъ насмѣялося:
»Быть тебѣ, травонька, посѣченой,
»лежать тебѣ, травонька, посѣченой, (41)
»и буйны вѣтры быть тебѣ развѣяной.«

Пошелъ молодецъ въ море рыбою,
а Горе за нимъ съ щастыми (42) неводами;
еще Горе злочастное насмѣялося:
»Быть тебѣ, рыбонькѣ, у бережку уловленой,
»быть тебѣ да и съѣденой,
»умереть будетъ напрасною смертію!«

Молодецъ пошелъ пѣшъ дорогою,
а Горе подъ руку подъ правую:
научаетъ молодца богато жить,
убити и ограбити,
чтобы молодца за то повѣсили,
или съ каменемъ въ воду посадили.

Спамятуетъ молодецъ спасенный путь,
и оттолѣ молодецъ въ монастырь пошелъ пострига
а Горе у святыхъ воротъ оставается,
къ молодцу впредь не привяжетца!

А сему житію конецъ мы вѣдаемъ:
избави Господи вѣчныя муки,
а дай намъ, Господи, свѣтлый рай!
Во вѣки вѣковъ! аминь.

(40) Слѣдовало бы *выжлецы*. Польск. wyżeł лягавая собака.
(41) Вѣроятно здѣсь описка надобно читать покошеной.
(42) Вѣроятно, съ *частыми*.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ,

СОСТАВЛЕННАЯ РЕДАКТОРОМЪ НЫНѢ ИЗДАВАЕМАГО СБОРНИКА ПРИ ПЕРВОМЪ ИЗДАНІИ ГОРЯ-ЗЛОЧАСТІЯ ВЪ СОВРЕМЕННИКѢ 1856 Г.

Драгоцѣнное это произведеніе старины отыскано А. Н. Пыпинымъ въ одномъ изъ рукописныхъ сборниковъ конца XVII вѣка, хранящихся въ Публичной Библіотекѣ. Оно тамъ записано подъ названіемъ: »Повѣсть о Горѣ и Злочастіи, какъ Горе-Злочастіе довело молодца во иноческій чинъ«. По формѣ оно принадлежитъ къ разряду тѣхъ памятниковъ нашей старой самобытной литературы, которымъ въ ученомъ мірѣ усвоено названіе *былинъ* и которые въ первый разъ появились въ свѣтъ подъ именемъ »Древнихъ Русскихъ Стихотвореній, собранныхъ Киршею Даниловымъ«. Въ послѣднее время число ихъ умножено новыми, записанными изъ устъ народа и напечатанными въ »Извѣстіяхъ« Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ. Но, по содержанію нашей *повѣсти* и по нравственной идеѣ, которою она проникнута отъ начала до конца, она совершенно отлична отъ всѣхъ послѣднихъ и составляетъ новое, оригинальное явленіе. До сихъ поръ всѣ наши былины и пѣсни, за исключеніемъ немногихъ, записанныхъ однимъ англичаниномъ въ XVII вѣкѣ и отысканныхъ академикомъ Гамелемъ въ Оксфордѣ, показывались намъ въ позднѣйшей одеждѣ, не ранѣе XVIII вѣка. Издаваемая теперь *повѣсть* является въ томъ видѣ, въ какомъ разсказывалась или пѣлась назадъ тому около двухъ вѣковъ, а можетъ быть и ранѣе, потому что нѣкоторыя описки, изъ которыхъ иныя поправлены тою же рукою, заставляютъ допустить, что въ XVII вѣкѣ она была списана съ другаго списка. Притомъ же и философскій тонъ и стройное изложеніе показываютъ въ ней не чисто народное, а сочиненное произведеніе; если же это сочиненіе, то его простота и отсутствіе напыщенной риторики, которой едва ли могъ избѣжать русскій грамотѣй XVII вѣка, описывая предметъ нравственно-религіознаго содержанія, побуждаютъ предполагать, что она составлена раньше. Какъ бы то ни было, это произведеніе чисто русское, самобытное по содержанію, духу, языку: самый строгій критикъ не въ силахъ будетъ отыскать въ немъ чуждаго элемента. Здѣсь живыми и вѣрными красками рисуются и жизнь, и философія нашихъ предковъ, и ихъ вѣрованія, и ихъ нравы, и ихъ образъ выраженія: Его величавый тонъ, грустно поэтическое чувство, разлитое во всемъ стихотвореніи, живость образовъ, послѣдовательность и стройность разсказа и, наконецъ, прекрасный народный языкъ съ неподдѣльными красотами оборотовъ юной, народной, неизсушенной школою рѣчи ставятъ эту *повѣсть* на первое мѣсто между старинными нашими поэтическими произведеніями подобной формы, — по содержанію оно единственное до сихъ поръ и не можетъ быть ни съ чѣмъ сравниваемо.

Повѣсть о Горѣ-Злочастіи начинается благочестивымъ размышленіемъ, въ видѣ приступа. Послѣ этого приступа слѣдующій стихъ:

»тако рожденіе человѣческое отъ отца и отъ матери«

не имѣетъ связи ни съ предъидущими, ни съ послѣдующими: вѣроятно, здѣсь пропускъ.

Нравоученія, проповѣдуемыя почтенными родителями ихъ неопытному сыну, вовсе не общія мѣста. Старики предостерегаютъ юношу отъ тѣхъ пороковъ, которые въ особенности заражали старое русское общество. Стóитъ только прочитать разсказы посѣщавшихъ насъ иностранцевъ, чтобъ повѣрить это. Непричастные нашей общественной жизни, они рѣзче замѣчали наши особенности и удачно схватывали наши порочныя черты, хотя не всегда умѣли подмѣтить добрыхъ, потому

что дурное скорѣе бросается въ глаза. Прежде всего благочестивые родители остерегаютъ сына отъ пировъ и братчинъ — увеселенія позволительныя, повидимому, онѣ были искушеніемъ для молодаго человѣка и первымъ путемъ къ разгулу. На пирахъ у русскихъ — говоритъ Олеарій (нѣм. изд. 1656 г. стр. 194) — поднесеніе чарки вина означало честь, и считалось предосудительнымъ отказываться отъ нея; а потому иной нехотя пьетъ другой, третій, четвертый разъ, пьетъ до тѣхъ поръ, пока не упадетъ безъ чувствъ. Кого больше уважаютъ, того больше заставляютъ пить. Вотъ что́ значитъ совѣтъ родителей не садиться на бо́льшое мѣсто и не пить двухъ чаръ вмѣсто одной. Непозволительное обращеніе съ *добрыми красными женами* слѣдовало исключительно за попойками. Иностранцы описываютъ нашихъ предковъ вообще скромными и цѣломудренными въ трезвомъ состояніи; но зато въ пьяномъ предавались они самому безстыдному разврату (Олеарій, стр. 195), который изображаютъ въ отвратительныхъ картинахъ. Пріучившись пить на братчинахъ и пирахъ, молодецъ начиналъ посѣщать кабаки, гдѣ головы и вѣрные цаловальники, чтобъ выказать свое рачительство и представить къ первому сентября въ Приказъ *большую прибыль противъ прошлыхъ годовъ*, заводили умышленно знакомство и дружбу съ охотниками до питья и увлекали ихъ въ порокъ. Тутъ собирались гуляки, сидѣли, балагурили и часто выходили оттуда безъ одежды (Флетч., стр. 44), а если успѣвали не пропить ея, то, выходя на воздухъ, падали безъ чувствъ въ грязь, и счастье гуляки, если проѣдетъ мимо знакомый извощикъ: онъ подберетъ его и привезетъ къ роднымъ, съ которыхъ получитъ за это плату (Мейерб. Voyage, стр. 131); а нерѣдко воры обирали пьянаго до ниточки (тамъ же, стр. Домо- стр. 14) и даже убивали, и на другой день тѣло бѣдняка привозилось въ Земскій Приказъ, гдѣ, на масляницѣ или на святой недѣлѣ, за одну ночь собирали нѣсколько десятковъ такихъ труповъ. Но главнымъ притокомъ безпутства были у насъ въ старину корчмы, дома пьянства, разврата и игры, строго преслѣдуемые правительствомъ, которое въ каждомъ воеводскомъ наказѣ подтверждало воеводамъ строго смотрѣть, чтобы никто не держалъ корчемъ и не игралъ въ зернь (кости). Родители, между прочимъ, научаютъ сына не обманывать, никого не безчествовать и любить всѣхъ равно по единому. Въ этихъ словахъ тоже не одна общая мораль. Русскіе были вообще въ старину подвержены наклонности обманывать и, обманывая другихъ, сами были ко всѣмъ недовѣрчивы и часто старались въ самыхъ безхитростныхъ словахъ другаго отыскивать тайный смыслъ (Мейерб., стр. 66). Олеарій (стр. 169) замѣтилъ, что они бываютъ высокомѣрны, когда счастіе или богатство поставятъ ихъ на высшую предъ другими ступень. Этихъ примѣровъ достаточно, чтобъ видѣть, что родительскіе совѣты сыну въ нашей повѣсти касаются современныхъ пороковъ общества.

Приключеніе съ нашимъ молодцемъ въ кабакѣ — самое обыкновенное, случавшееся очень часто съ московскими гуляками. Названный братъ въ кабакѣ — чисто-русскій типъ, да и молодецъ, проснувшись, изливаетъ свое горе насмѣшкою надъ своимъ положеніемъ также чисто по-русски.

Трудно рѣшить, изображенъ ли здѣсь пиръ, даваемый хозяиномъ гостямъ, или братчина въ чужой сторонѣ, куда зашелъ молодецъ; но, вѣроятнѣе, послѣднее, потому что присутствіе хозяина не показывается.

На пиру или на братчинѣ не то, что въ кабакѣ: здѣсь требуютъ приличія, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока винные пары не затмили разсудка. Основою тогдашняго приличія почиталось — войдя въ домъ, прежде съ благоговѣніемъ поклониться образамъ, а потомъ уже сдѣлать привѣтствіе всѣмъ, начиная отъ старшихъ до меньшихъ. Объ этомъ, строго наблюдаемомъ, обычаѣ говорятъ писавшіе о насъ иностранцы: Герберштейнъ, Олеарій, Мейербергъ и другіе. На пирахъ и братчинахъ участвовали люди разныхъ сословій, отчего и осталась пословица: »пиръ на весь міръ«. Тамъ были и воеводы, и дьяки, и люди торговые, и простые посадскіе, или уѣздные. Во многихъ наказахъ волостелямъ и воеводамъ подтверждается не ходить незванными на пиры и братчины и внушаются правила, какъ вести себя на такихъ собраніяхъ, если они будутъ приглашены. Мѣстничество и здѣсь прилагалось; каждый садился по своему достоинству. Вообще у насъ въ старину люди дѣлились на лучшихъ или большихъ, середнихъ и меньшихъ: такое раздѣленіе прилагалось и къ происхожденію, и къ состоянію, и къ отправленію служебныхъ обязанностей. И въ царской думѣ и въ отдаленномъ селѣ являлась та же троичность. Она является и на пиру.

Молодца не знали по происхожденію, а приняли по его обхожденію и дали ему середнее мѣсто между гостиными дѣтьми; слѣдовательно, на этомъ пиру были выше торговыхъ (гостиныхъ) — дворяне и дѣти бояр-

скіе, и ниже торговыхъ—люди черные. Гостиные вообще означаютъ торгующихъ на гостиномъ дворѣ.

Здѣсь замѣчательно выраженіе: »ведетъ онъ по писанному ученію.« Чѣмъ менѣе грамотны были наши предки, тѣмъ болѣе уваженія оказывали всему книжному, писанному: съ писаннымъ для нихъ соединялось все нравственное, полезное, потому что на письмѣ они знали только правила религіозныя, законодательство и предписанія правительства.

Обстоятельства нашего героя поправились какъ нельзя лучше. Но не забудемъ, какъ онъ разстался съ родителями: но нравственному понятію вѣка, это ему не должно пройти даромъ.

Приступая къ великому дѣлу въ жизни, онъ не подумалъ о родительскомъ благословеніи, не изъявлялъ благодарности Промыслу, изведшему его изъ печальнаго положенія, а приписывалъ свое возвышеніе собственнымъ силамъ, положился на земное пріобрѣтеніе, словами *больши стараго* признавалъ какъ будто правильность своего разрыва съ родителями, съ семьей, съ родиной: потеря этихъ священныхъ связей замѣняется для него богатствомъ, нажитымъ собственными силами. Благочестивая философія русская не прощаетъ такого матеріализма.

Горе-Злочастіе, послѣ перваго неудачнаго опыта искусить добраго молодца, принимаетъ на себя видъ свѣтлаго, добраго ангела и снова искушаетъ и уже сводитъ его съ ума своими лукавыми совѣтами.

Олицетворенія отвлеченныхъ понятій общи всѣмъ народамъ въ извѣстный періодъ ихъ развитія и составляютъ существенную стихію всякой миѳологіи, когда она возвысится отъ неопредѣленнаго шаманства, безсмысленнаго страха таинственной неизвѣстной силы на степень антропоморфизма и свободнаго творчества образовъ. Что русская фантазія олицетворяла Горе — это не новость. Въ »Древнихъ Русскихъ Стихотвореніяхъ, собранныхъ Киршею Даниловымъ«, есть пѣсня, гдѣ Горе является босымъ, нагимъ, подпоясаннымъ лыкомъ, привязывается къ несчастливцу и расточаетъ ему насмѣшливыя утѣшенія. Я слышалъ въ народѣ полнѣйшій варіантъ этой пѣсни. Но нигдѣ Горе не является такъ очерченнымъ, такъ опредѣлительнымъ, какъ въ нашей *повѣсти:* это какое-то мрачное божество, духъ злой, но справедливый, карающій человѣка за преступленіе и безразсудство, что-то въ родѣ Эвменидъ; и, дѣйствительно, борьба нашего молодца съ нимъ напоминаетъ эсхилову трагедію, въ которой эриніи преслѣдуютъ матереубійцу Ореста. Такъ и наше Горе-Злочастіе преслѣдуетъ презрѣвшаго родителей сына. Какъ Эвмениды — оно не одиноко; по крайней мѣрѣ, говоритъ, что у него есть семья, что всѣ они сами по себѣ добрыя, но кто попадется къ нимъ, того они научатъ. Какъ Эвмениды смягчаются на время жертвами, такъ Горе-Злочастіе смягчилось навремя, когда молодецъ повинился ему. Онъ покорился Горю и сталъ бодръ — для новой борьбы съ нимъ. Наконецъ, какъ Эвмениды прекращаютъ свои преслѣдованія и падаютъ въ сонъ, когда Орестъ убѣжалъ въ храмъ Аполлона, такъ наше Горе-Злочастіе оставляетъ добра молодца, когда онъ нашелъ убѣжище подъ сѣнію храма истиннаго Бога, въ святыхъ стѣнахъ обители мирныхъ отшельниковъ. Молодецъ отрекается отъ міра, и Горе-Злочастіе, духъ мятежнаго міра, отрекается отъ него. Таковъ смыслъ нашей *повѣсти*, — смыслъ истинно высокій, заключающій въ себѣ нравственную философію вѣка.

Трудно рѣшить, когда написано это замѣчательное произведеніе. Во всякомъ случаѣ, сюжетъ его очень древній: вѣрованіе въ олицетвореніе Горя и его похожденія принадлежитъ далекой древности: доказательствомъ этому служитъ поразительное сходство нашей *повѣсти* по идеѣ съ одною малороссійскою пѣснею, гдѣ играетъ ту же роль *Лиха-Доля*. Только въ этой пѣснѣ лицо, терзаемое лихой долею, не молодецъ, а дѣвица. Она совершенно невинна, но терпитъ потому, что мать дала ей при рожденіи этого демона. Страдалица хочетъ убѣжать отъ ней въ поле, въ лѣсъ, въ воду — лихая доля повсюду за нею; наконецъ она бросается въ церковь, но лихая доля врывается и туда и тамъ уцѣпляется за нее. Наша *повѣсть* оставляетъ по себѣ болѣе отрадное впечатлѣніе: у нашихъ предковъ въ монастыряхъ находили пріютъ страдальцы, испившіе въ мірѣ горькую чашу, подобно нашему доброму молодцу: удобства жизни и тарханныя грамоты служили стражами дверей святыхъ обителей.

Въ рукописи эта *повѣсть* написана сплошь какъ проза; я разбилъ ее на стихи, потому что стихотворный составъ ея слишкомъ очевиденъ.

О МИѲИЧЕСКОМЪ ЗНАЧЕНІИ

ГОРЯ-ЗЛОЧАСТІЯ.

Въ прекрасной своей статьѣ о *Горѣ-Злочастіи* (»Рус. Вѣстн.«, т. IV іюль, кн. 2) г. Буслаевъ высказалъ свое несогласіе съ моимъ мнѣніемъ относительно миѳическаго значенія »Горя-Злочастія«. Ученый изслѣдователь называетъ древность нашего стихотворенія мнимою и находитъ неумѣстнымъ основывать ее, а вмѣстѣ съ тѣмъ и миѳическое значеніе »Горя-Злочастія«, на сходствѣ съ малороссійскою пѣснею, которую называетъ новѣйшею. Ученыя заслуги г. Буслаева даютъ ему такой авторитетъ, что всякое указаніе, сообщенное имъ относительно взгляда на произведенія нашей древней и народной литературы, должно приниматься съ благодарностію; тѣмъ не менѣе, однако, основанія, на которыхъ я утверждалъ свое мнѣніе о »Горе-Злочастіи«, побуждаютъ меня высказать нѣсколько объяснительныхъ словъ.

Г. Буслаевъ говоритъ: какъ правда, которая улетаетъ на небо, и кривда, которая пошла по всей землѣ воспѣваемыя въ стихѣ о Голубиной Книгѣ, олицетворенія нравственныхъ понятій, или какъ »Злодѣй-тоска« въ извѣстной русской пѣснѣ, такъ и »Горе-Злочастіе« есть только поэтическій образъ, а не миѳологическое существо. Старинное вѣрованіе Славянъ въ судьбу или встрѣчу нисколько не уполномочиваетъ насъ видѣть и въ »Горѣ-Злочастіи« языческое или полуязыческое божество, точно такъ же, какъ смерть или дьяволъ въ гравюрѣ Альбрехта Дюрера или какъ классическій купидонъ и госпожа смерть во французской поэмѣ — только поэтическіе образы, въ которыхъ выражены нравственныя понятія эпохи, а не миѳическія силы, которымъ поклонялись нѣмецкій художникъ и французскій поэтъ. Въ противномъ случаѣ, пришлось бы и миѳологическія картины Рафаэля или Рубенса принять въ источники классической миѳологіи XVI и XVII вѣковъ, или изъ нѣкоторыхъ аллегорическихъ изображеній венеціянскаго живописца вывесть то заключеніе, что они поклонялись миѳическому олицетворенію Венеціи въ образѣ роскошной женщины. Аллегорія, олицетворенія и художественный символъ очень рано получили широкое развитіе въ христіанскомъ искусствѣ народовъ западныхъ. Дантъ уже ввелъ ихъ въ свою *комедію*, а современный ему живописецъ Джіотти изображалъ на стѣнахъ храмовъ олицетворенные въ человѣческихъ образахъ добродѣтели и пороки.

Между правдою и кривдою въ стихѣ о Голубиной Книгѣ, а въ особенности между »Злодѣемъ-тоскою«, въ извѣстной пѣснѣ: »Ужь какъ палъ туманъ«, и »Горемъ-Злочастіемъ« мы видимъ важное различіе въ тѣхъ чертахъ, какія могутъ вести къ признанію или непризнанію миѳологическаго значенія въ олицетвореніи отвлеченной идеи. Такимъ образомъ, въ стихѣ: »а злодѣй тоска въ ретиво сердце«, тоска по сравненію носитъ человѣческій эпитетъ *злодѣй*, но не говорится о ней, какъ о существѣ. Напротивъ, »Горе-Злочастіе« въ нашемъ стихотвореніи представляется въ образѣ дѣйствующаго человѣкоподобнаго существа, описывается его наружный видъ, влагаются въ уста его рѣчи, изображаются его поступки, обрисовывающіе его характеръ. Приведенные вслѣдъ затѣмъ г. Буслаевымъ примѣры, взятые изъ западнаго міра, такого свойства, что подтверждаютъ поводъ видѣть въ »Горѣ-Злочастіи« скорѣе миѳологическое существо, чѣмъ одинъ только поэтическій образъ. Дѣйствительно, смерть и купидонъ — такіе образы, которымъ не поклонялись нѣмецкій художникъ и французскій поэтъ (существованіе дьявола они, конечно, признавали); дѣйствительно, миѳологическія картины Рафаэля и Рубенса нельзя признать источникомъ классической миѳологіи XVI и XVII вѣковъ, а изъ

аллегорическаго изображенія Венеціи въ видѣ женщины не слѣдуетъ, чтобъ ей поклонялись; но смерть, купидонъ и сюжеты миѳологическихъ картинъ Рафаэля и Рубенса были въ древности предметами вѣрованія, миѳологическими существами. Художники изображали ихъ потому, что получили воспитаніе, въ кругъ котораго входила древняя классическая образованность, неразлучная съ миѳологіею. Изображеніе странъ и государствъ въ видѣ антропоморфическихъ существъ, истекло также изъ классической миѳологіи, признававшей существованіе мѣстныхъ боговъ и богинь. Если художники не признавали дѣйствительнаго существованія въ природѣ изображаемыхъ ими образовъ, то это не лишаетъ самыхъ образовъ ихъ миѳологическаго происхожденія. Моровая дѣвица въ »Конрадѣ«, взятая изъ народной миѳологіи, остается для насъ съ своимъ миѳологическимъ значеніемъ, хотя мы увѣрены, что поэтъ не признавалъ ея бытія въ природѣ. Что касается до »Божественной Комедіи«, то главные образы въ ней или занесены изъ классической миѳологіи, какъ, напр., фуріи, Плутонъ, Харонъ, Стиксъ и пр., или составляли вѣрованіе тогдашняго вѣка и для современниковъ были тѣмъ, чѣмъ для Грековъ и Римлянъ ихъ миѳы. Такимъ образомъ, мы видимъ, что олицетворенія и художественные символы художниковъ и поэтовъ, приводимые г. Буслаевымъ, миѳологическаго происхожденія, что мы видимъ и въ »Горѣ-Злочастіи«.

Миѳологичность образа для изслѣдователя не теряется оттого, что тотъ, кто воспроизвелъ этотъ образъ, самъ не вѣрилъ въ его существованіе въ природѣ. Но вѣрилъ ли, или не вѣрилъ въ существованіе »Горя-Злочастія« слагатель стихотворенія о немъ, этого не рѣшитъ никто. Это зависѣло отъ степени образованности, отъ понятій, наконецъ отъ характера неизвѣстнаго сочинителя. Въ XVI — XVII вѣкахъ только такія фантастическія формы не допускали къ себѣ вѣры, которыя были несовмѣстны съ христіанствомъ, и, притомъ, такія, противъ которыхъ церковь возвысила голосъ. Такимъ образомъ, тогдашній грамотѣй не призвавалъ бы Перуна или другаго языческаго бога, потому что церковь представила достаточный запасъ доказательствъ того, что богамъ языческимъ не слѣдуетъ вѣрить, подъ опасеніемъ гибели души въ будущемъ мірѣ. Впрочемъ, если разбирать строго, то и существованіе языческихъ боговъ не было совершенно исключительно изъ области вѣрованія: ихъ признавали только за злыхъ духовъ, бѣсовъ, ослѣплявшихъ нѣкогда родъ человѣческій. Тогда вѣрили въ лѣшихъ, домовыхъ, упырей и т. под. остатки древней миѳологіи: почему же не могли вѣрить въ »Горе-Злочастіе«?

Мнѣніе г. Буслаева, что »Горе-Злочастіе« есть только поэтическій образъ, а не миѳологическое существо, не подтверждается. Но насъ спросятъ: на чемъ же мы основываемъ противоположное?

Способность человѣка облекать въ формы (преимущественно антропоморфическія) нравственныя понятія и созданія миѳологическихъ образовъ находятся между собою въ ближайшемъ отношеніи. Послѣднее вытекаетъ изъ первой. Въ юношескомъ возрастѣ человѣчество легко признавало въ произведеніяхъ собственной фантазіи отдѣльное отъ него бытіе. На темные въ началѣ образы набрасывались черты за чертами: образы дѣлались яснѣе, выпуклѣе; возникалъ рядъ отношеній къ нимъ, какъ къ существующимъ лицамъ, слагались разсказы о ихъ дѣяніяхъ; привычка исключала возможность отъискать ихъ настоящее происхожденіе, и страхъ, которымъ воображеніе окружало свои дѣтища, отгонялъ отъ нихъ и пытливые умы, по своей природѣ, болѣе другихъ склонные къ анализу. Мужая, человѣчество мало по малу путемъ опыта и размышленія освобождалось изъ-подъ ига собственныхъ созданій. Эта борьба происходила медленно и постепенно: не всѣ вдругъ фантастическіе образы теряли право на дѣйствительность въ глазахъ человѣка; они исчезали по мѣрѣ того, какъ вѣрованіе въ ихъ существованіе становилось несовмѣстнымъ со степенью уразумѣнія силъ нравственной и матеріальной природы. Но, переставая вѣрить въ дѣйствительность созданій своей фантазіи, человѣкъ не теряетъ способности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и потребности олицетворять свои идеи. Прежнія вѣрованія остаются ему матеріаломъ для поэзіи, дѣлаются буквами для художественнаго выраженія. Такимъ образомъ, вымыслы Греціи, потерявъ для поэта свое независимое бытіе, какое имѣли въ глазахъ прежнихъ вѣковъ, долго удовлетворяли его потребности выражаться посредствомъ олицетвореній. То же самое происходитъ и съ народными вѣрованіями нашего времени. Бо́льшая часть олицетвореній фантастическихъ существъ, фантастическихъ событій не созданы воображеніемъ самихъ поэтовъ и художниковъ, а заимствовованы изъ угасшихъ или живыхъ, но чуждыхъ самимъ творцамъ народныхъ миѳовъ. По бо́льшей части поэтическіе образы были нѣкогда миѳами, признавались живыми существами и хо-

тя измѣнялись подъ талантомъ художниковъ, но всегда высказывали свое миѳологическое происхожденіе. Какъ мало такихъ олицетвореній, которыя бы нѣкогда не были миѳами, которымъ бы, другими словами, нѣкогда не вѣрили, это показываетъ самъ г. Буслаевъ, доказывая, что »Горе-Злочастіе« есть только поэтическій образъ, а не миѳологическое существо. Онъ привелъ примѣры, которые всѣ безъ исключенія имѣютъ миѳологическое происхожденіе. Думаю, что г. Буслаевъ согласится, со мною, что чѣмъ народъ менѣе развитъ и образованъ, тѣмъ болѣе мы вправѣ признавать миѳическое значеніе въ его олицетвореніяхъ; въ то же время простой народъ не только вѣритъ въ существованіе фантастическихъ личностей, которыя перешли къ нему отъ предковъ, но олицетворяетъ современныя явленія и даетъ миѳическое значеніе своимъ олицетвореніямъ. Такимъ образомъ, въ Малороссіи скотскій падежъ олицетворяется въ видѣ женщины, которую называютъ *товаряча смерть*; въ Великой Россіи въ настоящее время олицетворяется холера, и народъ вѣритъ въ существованіе личности, которая называется холерою и отъ котораго происходятъ болѣзненные припадки эпидеміи.

Когда мы видимъ въ древнемъ русскомъ стихотвореніи олицетвореніе горя или нужды подъ именемъ »Горя-Злочастія«, естественно должны задать себѣ вопросъ: создано ли это фантастическое существо самимъ слагателемъ, или же заимствовано имъ? Сходство нашей повѣсти съ народными пѣснями указываетъ на послѣднее и это болѣе всего заставляетъ отъискивать въ немъ не простую аллегорію, а миѳическое существо, которому вѣрилъ народъ. Независимо отъ пѣсни, которая помѣщена въ сборникѣ Кирши Данилова (стр. 381), приведу здѣсь еще двѣ народныя пѣсни о горѣ:

I.

Ой, ты горе мое, горе сѣрое!
Лычкомъ связанное, подпоясанное!
Ужь и гдѣ ты, горе, не моталося?
На меня, бѣдную, навязалося!
Я не знаю, какъ быть,
Недостало, какъ мнѣ горя избыть!
Ужь я отъ горя во чисто поле,
Оглянусь я назадъ — горе за мной идетъ,
За мной идетъ, во слѣдъ грозитъ:
»Ужь я выжну, пожну все чисто поле,
А сыщу я, найду тебя, горькую!«

Ой, ты, горе мое, горе сѣрое!
Лычкомъ связанное, подпоясанное!
Ужь и гдѣ ты, горе, не моталося?
На меня, бѣдную, навязалося!
Я не знаю, какъ быть,
Недостало, какъ мнѣ горя избыть!
Я отъ горя во темны лѣса!
Оглянусь я назадъ — горе за мной идетъ,
За мной идетъ, во слѣдъ грозитъ:
»Порублю я, посѣку всѣ темны лѣса,
А найду я тебя, горемычную!«

Ой, ты, горе мое, горе сѣрое!
Лычкомъ связанное, подпоясанное!
Ужь и гдѣ ты, горе, не моталося?
На меня, бѣдную, навязалося!
Я не знаю, какъ быть,
Недостало, какъ мнѣ горя избыть!
Ужь я отъ горя къ гробовой доскѣ,
Оглянусь я назадъ — горе за мной идетъ,
Съ топорешечкомъ, со лопаточкой.

II.

Охти, горе, тоска-печаль,
Тоска-печаль великая!
Я отъ горя во чисто поле —
И тутъ горе сизымъ голубемъ!
Охти, горе, тоска-печаль,
Тоска-печаль великая!
Я отъ горя въ темны лѣса —
И тутъ горе соловьемъ летитъ.
Я отъ горя на сине море —
И тутъ горе сѣрой утицей.
Я отъ горя во сыру землю —
Вотъ тутъ горе миновалося!

Вторая изъ этихъ пѣсень напоминаетъ слѣдующіе стихи *Горя-Злочастія:*

Полетѣлъ молодецъ яснымъ соколомъ,
А горе за нимъ бѣлымъ кречетомъ;
Молодецъ полетѣлъ сизымъ голубемъ,
А горе за нимъ сѣрымъ ястребомъ.

Первая же пѣсня сходна съ малороссійской о ли долѣ. Я приведу здѣсь ее по варіанту, записанн мною въ Волынской губерніи:

Породила мене мати у святу неділю:
Дала мині лиху долю — де жъ її подіну!
»Та піди, доле, піди, нещастная, въ полі загубися,
А за мною та за молодою, та й не волочися!«
— »Хочъ я піду, молода дівчино, въ полі загублюся,
А якъ підешъ пшениці жати — я за тебе вчеплюся!«
— »Та піди, доле, піди, нещастная, въ лісі заблудися,
А за мною та за молодою, та й не волочися!«
— »Хочъ я піду, молода дівчино, въ лісі заблудюся,
А якъ підешъ калини ломати — я за тебе вчеплюся!«
»Та піди, доле, піди, нещастная, въ воді утопися,
А за мною та за молодою, та й не волочися!«
— »Хочъ я піду, молода дівчино, въ воді утоплюся,
А якъ вийдешъ рано води брати — я за тебе вчеплюся!«
»Та піди, доле, піди, нещастная, въ церкви присвятися,
А за мною та за молодою, та й не волочися!«
— »Хочъ я піду, молода дівчино, въ церкві присвячуся,
А якъ прійдешъ Богу молиться — я за тебе вчеплюся!«

Основываясь на сходствѣ этихъ пѣсень, я позволяю себѣ искать древности — не самаго стихотворенія, о чемъ я и не говорилъ — а вѣрованія въ его олицетвореніе и похожденія. Г. Буслаевъ думаетъ, что сходство стихотворенія о »Горѣ-Злочастіи« съ *новѣйшею* малороссійскою пѣснею мало говоритъ въ пользу моего мнѣнія. Но слово *новѣйшая пѣсня* можно понимать въ двухъ смыслахъ: или потому она новѣйшая, что недавно записана, или потому, что недавно сложена. Г. Буслаевъ, конечно, не понималъ слова *новѣйшая пѣсня* въ первомъ смыслѣ. Но что она сложена не въ недавнее время, это доказываетъ распространеніе ея повсюду, гдѣ только живетъ малороссійскій народъ, и еще болѣе сходство ея съ великорусской. Эта пѣсня поется такъ въ Галиціи и Волыни, такъ равно и у малороссійскихъ переселенцевъ, обитающихъ въ Воронежской губерніи. Предки послѣднихъ оставили свое прежнее отечество, заднѣпровскую южную Русь, еще въ половинѣ XVII вѣка и, безъ сомнѣнія, тогда еще принесли съ собою эту пѣсню. Если намъ возразятъ: можетъ быть, эта пѣсня занесена къ нимъ изъ Малороссіи впослѣдствіи, мы отвѣчаемъ: во первыхъ, общихъ малороссійскихъ пѣсенъ у нихъ чрезвычайное множество, и, безъ сомнѣнія, гораздо правдоподобнѣе думать, что предки ихъ пришли на новыя мѣста жительства съ этими пѣснями, чѣмъ подозрѣвать, что вся ихъ пѣсенность занесена впослѣдствіи, ибо, такимъ образомъ, можно сдѣлать вопросъ: не занесенъ ли къ нимъ впослѣдствіи самый языкъ южно-русскій? во вторыхъ, пѣсня, гдѣ олицетворяется доля, не одна въ своемъ родѣ — такое олицетвореніе попадается очень часто въ южно-русскихъ пѣсняхъ. Напр. дѣвица посылаетъ долю:

Пливи, доле, за водою,
Щобъ не було жалю за тобою.

Или, напримѣръ, козакъ разговариваетъ съ долею, жалуется и называетъ ее причиною своихъ несчастій; тогда

Обізвалась доля по тімъ боці моря:
Козаче бурлаче! дурний розумъ маешъ!

О долѣ существуютъ сказки и легенды, гдѣ доля представляется въ антропоморфическихъ формахъ, чаще всего въ видѣ женскомъ (ср. ст. Аѳанасьева въ Арх. Калачова. Кн. II., полов. I. стр. 138). Вѣрованіе въ существованіе *доль*, доброй и лихой, какъ отдѣльныхъ миѳическихъ существъ, до сихъ поръ не исчезло у Малороссіянъ; и, конечно, каждый знакомый съ этнографіею этого народа подтвердитъ мнѣ извѣстное.

Что же касается до пѣсни великороссійской, то мнѣ кажется, что вообще сходство нашихъ великорусскихъ пѣсенъ съ малорусскими служитъ, вмѣстѣ съ другими доказательствами, къ указанію относительной ихъ древности. Разумѣется, надобно отличать пѣсни, заимствованныя однимъ народомъ у другаго, отъ пѣсенъ, которыя различны у обоихъ, а между тѣмъ показываютъ одинакое происхожденіе. Великороссіяне и Малороссіяне съ XIV вѣка до временъ Екатерины II жили отдѣльно другъ отъ друга народною жизнію. Содержаніе ихъ пѣсень, языкъ, складъ, мѣра, напѣвъ, — все различно. Но между этими пѣснями есть такія, которыя сходны между собою по своей основѣ и кажутся варіяціями на одну и ту же тему. Такія-то пѣсни я почитаю древними, ихъ темы должны восходить ранѣе XIV вѣка. Для отличія такихъ пѣсень отъ заимствованныхъ впослѣдствіи, нужна строгая и осторожная критика. Но, къ счастію, угадать пѣсни послѣдняго рода нетрудно. О заимствованныхъ Малороссіянами отъ Великороссіянъ и говорить нечего: онѣ съ перваго взгляда бросаются въ глаза, по уродливости языка и несвойственности склада.

Пѣсни, заимствованныя Великороссіянами отъ Малороссіянъ, являются въ лучшемъ видѣ, но все-таки не теряютъ чертъ, обличающихъ ихъ происхожденіе. Великороссіянинъ переводитъ иногда довольно удачно ма-

лороссійскія слова, передѣлываетъ грамматическія формы, иногда произвольно замѣняетъ обороты другими, иногда прибавляетъ малороссійскія слова и обороты тамъ, гдѣ они не слишкомъ рѣзко щекочатъ его слухъ или гдѣ онъ не сладитъ съ переводомъ по ихъ мѣстности и особенности значенія, удерживаетъ мѣру, отличную отъ мѣры великорусскихъ пѣсень, равно складъ и теченіе пѣсни. Вотъ, напримѣръ, общеизвѣстная малороссійская пѣсня:

Ой за гáемъ, гáемъ, гáемъ зеленéнькимъ,
Тамъ орáла дівчи́нонька вóликомъ чорнéнькимъ;
Орáла, орáла — не вміла гукáти,
Та наняла́ козáченька волівъ поганя́ти (поютъ еще: у скри́почку грáти).
Козáкъ поганя́е (или: козачóкъ играе), бровáми моргáе;
Враги́ жъ ёгó бáтька знáе, чогó вінъ моргáе.

Эта пѣсня вошла въ большое употребленіе у великороссіянъ. Между тѣмъ, вотъ какъ она поется такими лицами, которыя никогда не видали въ глаза Малороссіянъ:

Какъ за лѣсомъ. лѣсомъ, за темнымъ зеленымъ,
Тамъ пахала дѣвчоночка воликомъ черненькимъ,
Пахала, пахала, не умѣла кричати
И наняла казаченьку на скрипку играти.
Казачокъ играетъ, бровями моргаетъ,
А чортъ его батьку знаетъ, зачѣмъ онъ моргаетъ!

Вотъ другой примѣръ. Въ юго-западной Руси поется слѣдующая пѣсня:

Поіхавъ козáченько на полювáння,
Зостáвивъ Марýсеньку на горювáння,
Пусти́въ кони́ченька на попасáння,
А самъ прилігъ къ сирій землі на спючивáння,
Присни́вся козакóві дивнесéнький сонъ:
Зъ-підъ прáвоі зъ-підъ рýченьки ви́линувъ сокóлъ,
Зъ-підъ лівоі зъ-підъ білоі сіра ýтінька.
Поіхавъ козáченько до воріженьки:
»Воріженько! голýбонько! отгадáй мій сонъ!
Що ви́линувъ зъ-підъ рýченьки яснéнький сокóлъ,
Зъ-підъ дрýгоі зъ-підъ білоі сіра ýтінка.«
—»Біжи́, біжи́, козáченьку, и не стоючи́,
А вже твоéі милéнькоі не застаючи́.
Учóра изъ вéчора си́на привелá,
Самá молодéнька до грóбу лягла́....« и проч.

Великоросіяне усвоили эту пѣсню и поютъ ее т

Поѣхалъ нашъ казаченька на воеваньице,
Оставилъ свою Марьяшечку на гореваньице.
Не доѣхалъ казаченька до воеваньица,
Становился казаченька середи пути,
Среди пути дороженьки, близь крутой горы,
Пустилъ своего добра коня въ зелены луга,
Раскинулъ онъ, казчаенька, свой бѣлый шат
Ложился спать казаченька подъ бѣлымъ шатр
Увидѣлъ же казаченька дивный сонъ во снѣ:
Изъ-подъ правой пóлушки соколъ вылеталъ,
Изъ-подъ лѣвой пóлушки сѣрая утица.
Вылетывалъ соколушка — онъ высвистывалъ,
Высвистывалъ, выгаркивалъ, выговаривалъ:
»Въ твоемъ дому, казаченька, несчастье случил
Какъ тутъ же нашъ казаченька призадумалс
»Пойду, пойду къ старушечкѣ, своей вороже
Пошелъ же нашъ казаченька путемъ-дорогой;
Навстрѣчу казаченькѣ старушка идетъ.
Какъ сталъ же онъ старушечку выспрашива
»Старушенька-бабушенька! разсуди мой сонъ!
Скажи, скажи, старушенька, всеё правду мн
—»Казаченька, мой батюшка! Какой же твой со
—»Изъ-подъ правой пóлушки соколъ вылета
Изъ-подъ лѣвой пóлушки — сѣрая утица.
Вылетывалъ соколушка — онъ высвистывалъ,
Высвистывалъ, выгаркивалъ, выговаривалъ:
»Въ твоемъ дому, казаченька, несчастье случил
—»Казаченька, мой батюшка! нехорошъ твой с
Твоя жена, Марьяшечка, сына родила,
Къ бѣлой зарѣ ранехонько сама померла.«

Не много нужно навыка къ народной поэзіи, ч видѣть въ пѣснѣ не чисто великорусскую, а перет тую отъ Малороссіянъ. Совсѣмъ иное въ такихъ пѣсн къ которымъ принадлежатъ великорусскія пѣсни рѣ и многія другія. Здѣсь общее съ малороссійски одна мысль, основа содержанія и нѣкоторые оборо поэтическіе образы, неразлучные съ мыслію; склад мѣра — все различное, все носитъ печать своенар сти. Къ такимъ, напримѣръ, принадлежатъ велико кія (извѣстная: »Калинку съ малинкою«) и малоро скія (Метлинск., стр. 256—258) пѣсни о превр ніи женщины въ кукушку или пѣсни о матери и ри въ татарской неволѣ. Въ Великороссіи послѣ пѣсня поется такъ:

Какъ за рѣченькой за быстрою,
Не огонь горитъ, а полымья.
Злы татарченки города берутъ,
Города берутъ — по себѣ дѣлятъ,
Да кому что достанется:
Кому золото, кому серебро,
Кому добрый конь, кому платье цвѣтное,
Кому платье цвѣтное, кому русска нянюшка.
Доставалася теща зятюшкѣ.
Зять беретъ тещу за бѣлы руки,
Посадилъ ее во колясочку,
Подвозилъ тещу къ широку двору,
Вскрикнулъ, возгаркнулъ громкимъ голосомъ,
Громкимъ голосомъ молодецкіимъ:
»Ты встрѣчай меня, молода жена,
Я привезъ тебѣ русску нянюшку,
Русску нянюшку — полоня ночку.
Ты заставь ее дѣлать три дѣла:
Первое дѣльце — ковры вышивать,
Другое дѣльце — гусей стеречи,
А третіе — дѣтей качати.«
—»Я руками ковры вышила,
Я глазами гусей стерегла,
Я ногами дитя качала:
»Ты качу баю, мое дитятко!
»Ты по батюшкѣ злой татарченокъ,
»Ты некрещеный, немолитвенный,
»А по матушкѣ — мой боярченокъ,
Мой боярченокъ, русска косточка!«
Услыхала молода княжна:
»Почему знаешь, моя нянюшка,
Что по батюшкѣ злой татарченокъ,
А по матушкѣ — боярченокъ?«
—»Какъ мнѣ не знать, моя доченька,
Ты семи лѣтъ во полонъ взята!«

Въ червонорусской пѣснѣ (см. «Piesni Ludu Rusk. zebr. Zeg. Pauli» t. 1 166) поется:

Татáрове полóнъ женýть;
Одúнъ полóнъ зъ жіночкáми,
Другúй полóнъ зъ дівочкáми,
Трéтій полóнъ зъ діточкáми.
Стáли кóшомъ підъ ярúшомъ,
Та взялú сі паювáти.
Дівка впáла пáробкові,
А тéщенька зятенькові.
Взявъ вінъ ії по при коні.
Ой, кінь біжúть дорóгою,
А тéщенька тернúною,
Назадъ сéбе поглядáе,
Кровця слідú заливáе,
Чóрний вóронъ залітáе,
Тоту кровцю изпивáе.

Приїзджáе вінъ до двóру:
»Вúйди, вúйди, татáрочко!
Привівъ тобі невільницю,
А до смéрти робітницю!«
А вонá ій та й завелá,
Три робóти загадáла:
Оченькáми стáдо пáсти,
Рученькáми кýжіль прясти,
Ніженькáми колисáти.

Тéща дитя колисáла,
И дитúні приспівáла:
»Лю́лю, лю́лю, татарчáтко!
По дóненьці унучáтко!
Бодáй стáдо виздихáло,
Бодáй кýжіль попеліла,
Бодáй дитя скаменіло!«

Далѣе расказывается, какъ услышалъ эти слова вѣрный слуга и передалъ госпожѣ. Госпожа разгнѣвалась, ударила невольницу по лицу. Она воскликнула:

»Ой ти, дóню, моя дóню!
Не тількомъ тя годувáла, —
По лúченьку тя не бúла!«
—»Мáмко жъ моя старéнькая,
Почóмъ же сь мя испознáла,
Щось мя дóненькомъ назвáла?«

—»Въ нéділю барвінокъ різала,
Тайсь си пáльчикъ відрізала
И потомý-мъ тя пізнáла.«

Несмотря на сходныя черты въ этихъ пѣсняхъ, каждая изъ нихъ сложена на особый своенародный ладъ, и нельзя подозрѣвать, чтобъ та или другая въ своемъ образовавшемся народномъ складѣ послужила началомъ для другой. Такія-то пѣсни я признаю древними по ихъ темамъ. Къ нимъ принадлежатъ пѣсни о Горѣ. Если же

тема олицетворенія горя или лихой доли существовала раньше XIV вѣка, то старинное вѣрованіе Славянъ въ добрую и злую судьбу, доказанное въ послѣдніе годы нашими учеными: Шевыревымъ, Срезневскимъ, Буслаевымъ, Афанасьевымъ, уполномочиваетъ насъ искать связи этого олицетворенія съ областью славянской миѳологіи, и «Горе-Злочастія» въ открытомъ г. Пыпинымъ стихотвореніи, единое съ горемъ и лихой долей народныхъ пѣсенъ, должно для насъ носитъ значеніе древняго миѳологическаго существа.

(Редакт. *изъ Современн. 1856. № 10*).

ПОВѢСТЬ О ЩИЛѢ

ПОСАДНИКѢ НОВГОРОДСКОМЪ.

ПЕРВЫЙ ВАРІАНТЪ.

(Имп. Публ. Библ. русск. рукоп. in 4° отд. XVII № 69.)

СКАЗАНІЕ О ЩИЛОВѢ МОНАСТЫРѢ, ИЖЕ ВЪ ВЕЛИКОМЪ НОВѢГРАДѢ.

ѣ въ великомъ Новѣградѣ нѣкто посадникъ имеъ Щилъ, при архіепископѣ того же града Иваннѣ: я же у себѣ сына единочада; живущу же ему въітствѣ мнозѣ, мнозіе же людіе, купцы, не имуще кунъ, маху у него сребро на торговлю въ куны, имаше же вы на 14 гривенъ и 4 деньги точію по единой ѣ на годъ, болѣ же того отнюдъ не имаше. Собра таковаго имѣнія многое множество и восхотѣ на то ное собраніе воздвигнути церковъ и соградти монарь, и вземъ у архіепископа Иванна благословеніе зданіе церкви во имя Причистые Богородицы чест› ея Покрова; наятъ же дѣлатели многи и созда церь близъ рѣки Волхова на лугу, отъ града яко двай рища.

Бывшу же и архіепископу на основаніи же тоя кви со священнымъ соборомъ, вопросившу же архіскопу Щила, отъ какова имѣнія воздвигну Бо› церковъ, егда совершена бысть церкви, Щилъ моля архіепископа освятити церковъ, понеже о ь вначалѣ не вопросилъ его, егда испроси блаловеніе. Онъ же исповѣда ему истину, яко отъ веннаго собранія создана бысть церкви; архіепипъ же рече ему: уподобился еси Исаву, лестію вземъ гословеніе отъ мене на таковое божественное дѣло; нынѣ же повелѣваю ти ити в домъ свой, и повелѣ (и) у зданія своего въ стѣнѣ устроити гробъ, и повѣжь вся своя тайны отцу своему духовному, и вздѣвъ срачицу и саванъ и вся яже суть подобна на погребаніе мертвымъ, и лязи въ созданіи своемъ во гробѣ ономъ, и повелѣ (и) и надгробное отпѣти, и Богъ всѣхъ насъ свѣдый тайная сердецъ, елико хощетъ, то и сотворитъ, мы же ко освященію готови будемъ. Щилъ же въ недоумѣніи велицѣ бывъ, рыдаа и плачася иде въ домъ свой, повелѣнія же святителева не смѣ преслушати, вскорѣ вся повелѣваетъ устроити заповѣданная святителемъ. Егда же надгробное пѣніе соборне отпѣша надъ нимъ, внезапу не обрѣтеся гробъ съ положеннымъ въ немъ и бысть въ томъ мѣстѣ пропасть. Святителю же пришедшу на освященіе церкви по моленію щилову и видитъ страшное оно и ужасное видѣніе страха и трепета исполнь и повелѣ иконописцемъ написати вапы на стѣнѣ, видѣніе повѣдающе о братѣ Щилѣ во адовѣ днѣ надъ всѣмъ гробомъ его, и несвященну церковь повелѣ запечатлѣти, дондеже изволитъ Богъ о немъ своего человѣколюбія смотрѣніемъ, и отъиде въ домъ святѣй Софѣи. Сынъ же щиловъ, видя отчю погибель и свое лишеніе, въ велицѣ недоумѣніи бысть и пріиде ко святителю, ища спасенія и помощи лишеной души

отца своего. Святитель же повелѣ ему молити Бога о отчей погибели и въ постѣ и во бдѣніи пребывати, и повелѣ на 40 дній у 40 церквей сорокоусты дати священникомъ съ причетники доволно, да поютъ въ ты дни по 40 панахидъ и литургіи неизмѣнно, и в ту 40 дній милостыню безпрестанно творити; егда же совершатся 40 дній пришедъ возвѣсти нашему смиренію. Сынъ же щиловъ по заповѣди святителя вся совершивъ въ 40 дней и возвѣсти святителю. Святитель же отъ клироса своего посылаетъ архидіакона къ запечатлѣнной церкви и повелѣваетъ сокровенно распечатавъ церковь дозрѣти разумно идѣже пропасть гроба и надъ нею стѣнное писаніе, и соглядавъ извѣстно, паки запечатлѣти церковь и возвѣстити себѣ о семъ. Архидіаконъ же по повелѣнію святителя согладавъ вся разумнѣ и видитъ въ надстѣнномъ писаніи, иже надъ гробомъ, Щила во адѣ во гробѣ, главу же его внѣ ада, и возвѣсти о семъ святителю. Святитель же заповѣда сыну щилову паки вторую 40 дній такожде сотворити, яко же напреди изъявися, и егда совершатся, паки возвѣстити себѣ о семъ. Той же заповѣданная паки совершивъ и возвѣщаетъ святителю о семъ. Святитель же паки посла архидіакона своего по прежнему обычаю соглядати о немъ, въ надстѣнномъ писаніи. Архидіаконъ же видѣ въ надстѣнномъ писаніи Щила во гробѣ и съ гробомъ внѣ ада до пояса и возвѣсти о семъ святителю. Святитель же паки повелѣваетъ сыну щилову по прежнему обычаю 40 дней третицею сотворити. Той же по заповѣди совершивъ и возвѣщаетъ святителю о семъ. Святитель же третицею посла архидіакона своего по прежнему обычаю соглядати о немъ стѣннаго писанія. Архидіаконъ же видѣ въ надстѣнномъ писаніи Щила внѣ ада съ гробомъ всего изшедша; такоже и гробъ его верху земли обрѣтеся надъ пропастью, пропасти же не бѣ видѣти, во гробѣ же весь цѣлъ обрѣтеся, якоже и положенъ; и сіа вся архидіаконъ возвѣсти святителю. Слышавъ же сіа архіепископъ и пріимъ извѣщеніе отъ Бога, и подвижеся соборнѣ къ запечатлѣнной церквѣ ко освященію, и сицевое чудо предивное и ужаса и страха исполнь хотя видѣти своима очима. Видѣвъ же сіа вся архіепископъ всякаго удивленія исполнь, благодаривъ Бога о недовѣдомыхъ и непостизаемыхъ его судбахъ праведныхъ, и пѣвъ соборне надгробнаа пѣніа надъ гробомъ щиловымъ и церковь освятивъ во славу Христу Богу нашему и Пречистѣй его Богоматери. И оттолѣ устроися монастырь, нарицаемый Щиловъ, идѣже и до нынѣ стоитъ. Нѣцыи же глаголютъ: архіепископъ заповѣда сыну щилову по трижды на годъ по сту литургіи пѣти в три лѣта. И сіе до здѣ.

ВТОРОЙ ВАРІАНТЪ.

(По списку изъ рукописнаго сѵнодика съ рисунками, хранящагося въ Импер. Публ. Библіотекѣ.)

Бысть въ великомъ Новѣградѣ чюдо страшно и оудивленію достойно. Бѣ нѣкій посадникъ, именемъ Щилъ, имѣя оу себѣ сына единаго, бѣ бо богатъ зѣло, и многимъ даяше сребро свое въ лихву: взимаше на годъ по денгѣ, на новогородской рубль новогородскую денгу, и оттого собра много, и помысливъ на то сребро церковь поставити и монастырь создати. И обрѣте мѣсто отъ града два поприща и пріиде ко Іоанну архіепископу, прося благословенія отъ него на основаніе церкви Пресвятыя Богородицы честнаго ея Покрова. Архіепископъ же даде ему благословеніе на таковое великое дѣло Божіе и отъиде. Щилъ же пріимъ благословеніе отъ Архіепископа, и посла сына своего наяти дѣлатели и готовити вся потребная на созданіе церкви; сынъ же

вся повелѣнія, и возвѣсти отцу своему. Щилъ
и архіепископа, дабы ѣхалъ на основаніе церк-
, начало положилъ; архіепископъ же моленія его
зрѣ, и иде на основаніе церковное со всѣмъ
нымъ соборомъ, и съ нимъ множество народа,
аніе церкви положи, со освященнымъ соборомъ.
же, по совершеніи церковномъ и основаніи, по-
грапезу велію и добрѣ оучредивъ архіепископа,
одаривъ, и отпустивъ во градъ съ великою че-
самъ въ домъ свой и отъиде, славя Бога. Архі-
ъ же, пріѣхавъ въ домъ святыя Софіи, и пріятъ
и чтяше правила святыхъ отецъ, и нача раз-
и въ себѣ, вдавъ благословеніе Щилу, а вѣдая
ата суща и мздоимца, понеже не вопроси его
его собранія такое великое дѣло замысли, и о
хіепископъ въ великомъ недоумѣніи бысть и въ

Щилъ же нача созидати церкви; по соверше-
церковнемъ, пріиде ко Архіепископу Іоанну, и
го, дабы освятилъ храмъ той. Архіепископъ же
ему съ собою внити въ тайную храмину. Щилъ
дъ въ тайную храмину, и рече ему святый Іо-
рхіепископъ: повѣждь ми, чадо, не скрый Господа
тъ коего собранія своего сицевое дѣло начина-
Цилъ же отъ страха и оужаса паде къ ногамъ
ля, и глаголя: согрѣшихъ, отче, прости мя; мно-
людіе прихождаху ко мнѣ, взимаху сребро и да-
ъ въ лихву, на 14 гривенъ, и на 4 денги,
ь по денгѣ. И на то сребро создахъ церковь, и
ырь оградихъ, и нынѣ, владыко, что ми повелѣ-
Архіепископъ же глагола ему: и нынѣ ти по-
о, оустрои себѣ вся погребалная, срачицу, и са-
вся суть на погребеніе мертвымъ; и исповѣждься
воему духовному вся согрѣшенія своя, и въ по-
ыхъ ляги въ созданномъ своемъ гробѣ, и над-
и повели надъ собою пѣти, всемогій же Богъ от-
елико хощетъ, а мы, чадо, готови будемъ со всѣмъ
ъ. Щилъ же, слышавъ отъ святителя, плача и
и вскорѣ оустроивъ гробъ и погребалная, и ис-
вся согрѣшенія отцу своему духовному: и скры-
ився во гробѣ, и соборнѣ надъ нимъ пѣвше надгроб-
ная пѣнія, и внезапну Щилъ во гробѣ оумре, и раз-
сѣдеся мостъ церковный, и не обрѣтеся гробъ предъ
ними. И бысть ту пропасть велія; святитель же прі-
иде на освященіе церковное, и видѣвъ страшное оное
видѣніе, и повелѣ изуграфомъ вапы на стѣнахъ писати
церковныхъ надъ пропастію въ подобіе образъ Щиловъ.
Самъ же отъ страха и оужаса отъиде въ домъ святыя
Софіи, и неосвященну церковь повелѣ запечатати, дон-
деже изволитъ Богъ: той и сотворитъ.

Сынъ же щиловъ, плача и рыдая, и пріиде, и при-
паде къ ногама святителя, и рече: святитель великій,
помози ми лишенія ради отца моего! что ми повелиши
да сотворю? Архіепископъ же повелѣ ему въ постѣ и
въ молитвѣ пребыти, и рече: еще заповѣдаю ти, чадо,
40 дней да лутургисаютъ оу 40 церквей. Даждь свя-
щенникомъ доволно, и причетникомъ, и нищымъ и тем-
ничникомъ; и въ тѣхъ 40 днехъ на всякъ день пона-
хіды поютъ и литургіи служатъ неизмѣнно, и на ра-
спутіяхъ никого не минуй, ни алчна, ни жадна, ни на-
га, да и монастырь препитай елико возможно, и тако
сотвори: и пріиди къ нашему смиренію, и возвѣсти ми
о семъ. Сынъ же щиловъ повелѣ лутургіи служити
40 дней, лишенія ради отца своего, и милостыню ни-
щимъ доволно давати, и сотворивъ всю четыредесятницу
елика заповѣда ему святитель. Сынъ же щиловъ прі-
иде ко архіепископу и возвѣсти ему: что сотворихъ
лишенія ради отца своего; вторицею повелѣ ему тво-
рити, яко же прежде сотворилъ 40 дней. Архіепископъ
же посла архдіакона досмотрити въ церкви щиловѣ
пропасти, архідіаконъ же видѣ щилова гроба наруже
не много и отъиде запечатавъ церковь, и возвѣсти ар-
хіепископу чюдо сіе о немъ. Архідіаконъ же пріиде, и
возвѣсти великому святителю, что щилова гроба нару-
же не много видѣть. Архіепископъ же повелѣ щилову
сыну въ постѣ, и въ молитвѣ пребыти и творити еще
и вторую четыредесятницу: такожде сотворивъ, и прі-
иди къ нашему смиренію, и возвѣсти о семъ. Архіе-
пископъ же посла того же архідіакона досмотрити щи-

ловы пропасти, архідіаконъ же пріиде и видѣвъ того гробъ половина наруже, и пріиде и возвѣсти архіепископу чюдо сіе. Сынъ же рекомаго Щила пріиде ко архіепископу и возвѣсти ему: еже сотворихъ лишенія ради отца своего, по повелѣнію его елико заповѣда ему святитель. Архіепископъ же призва щилова сына, и повелѣ ему въ тѣ дни пребывати въ молитвѣ и въ постѣ, и творити повелѣ ему ту четыредесятницу, вдвое того больши давати божіимъ церквамъ, и нищимъ, и страннымъ. Сынъ же щиловъ четыредесять дней подаяхъ (лъ) божіимъ церквамъ, священникомъ, и причту, и нищимъ, и темничникомъ, и страннымъ, болши прежняго вдвое. Архіепископъ же посла того же архідіакона, въ третіе досмотрити того великаго чюдеси. Архідіаконъ пріиде въ церковь, и видивъ той гробъ наруже весь, и возвѣсти святителю чюдо сіе. – Щиловъ же сынъ повелѣ служити лутургіи 40 дней лишенія ради отца своего, и милостыню доволну даяше во всю четыредетятницу, елико заповѣда ему святитель то и сотвори. Сынъ же щиловъ пріиде ко святителю и возвѣсти ему: что сотворихъ лишенія ради отца своего всю 40 дней. Архіепископъ же повелѣ надъ нимъ соборнѣ пѣти надгробная пѣнія всему освященному собору, и погребе его самъ со освященнымъ соборомъ съ великою честію, а храмъ той освяти самъ со освященнымъ соборомъ, во славу Отца и Сына, и Святаго Духа, аминь.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Къ какому именно времени относитъ эта повѣсть описываемое событіе — съ точностію опредѣлить трудно. Имя Олонія Щила встрѣчается въ лѣтописяхъ подъ 1309 годомъ: »поставиша церковь камену на Дубенкѣ (или на Дубнѣ) во имя святыя Богородицы Покровъ, стяжаніемъ раба Божія Олонія мниха, нарицаемаго Щила (Новгор. четв. лѣт. стр. 47); но въ то время архіепископомъ Новгородскимъ былъ не Іоаннъ, называемый такимъ образомъ въ повѣсти, а Давидъ, поставленный въ 1306 году и правившій епархіею до 1326 года. Сочинитель книги: Опытъ о посадникахъ Новгородскихъ (стр. 303), ссылаясь на Исторію Россійской Іерархіи, приписываетъ основаніе монастыря, о которомъ говорится въ нашей повѣсти, Олонію Щилу, но относитъ это событіе къ 1410 году, когда дѣйствительно архіепископъ новгорода назывался Іоанномъ. »Посадникъ Олоній (Леонтій) Щилъ, по принятіи монашескаго чина, извѣстенъ основаніемъ въ 1410 г. покровскаго новгородскаго монастыря, его именемъ названнаго, находившагося на правомъ берегу Волхова, разстояніемъ отъ города къ югу въ 3-хъ верстахъ, противъ Юрьева монастыря». Но откуда знаетъ авторъ, что въ то время существовалъ такой посадникъ — объ этомъ у него нѣтъ ничего, и что всего страннѣе, — свѣдѣніе о Щилѣ напечатано въ примѣчаніи къ 225 страницѣ сочиненія, а на 225 страницѣ нѣтъ ни слова о Щилѣ. — О Щиловомъ монастырѣ есть извѣстіе въ отрывкѣ русской лѣтописи, напечатанномъ приложеніемъ къ софійскому списку подъ 1528 годомъ; именно: въ это время устроено было общежительство во многихъ новгородскихъ монастыряхъ и въ томъ числѣ и въ Щиловѣ; изъ этого извѣстія видно, что монастырь этотъ былъ въ числѣ загородныхъ. »А около града того которые монастыри общины устроиша, а се ихъ имена: Антоніевъ монастырь на Деревяницѣ, Благовѣщенской, Оркажъ, на Колмовѣ, на Ковалевѣ, на Волотовѣ, на Ситицки, Чудо Архангела на Сковородкѣ, въ Нередицахъ, въ Щиловѣ, на Коломцахъ, на Липнѣ, на Перынѣ, Николинъ конецъ Легощи улицы и проч. (П. Собр. Л. VI. 285). Въ росписи Новгородскихъ церквей, сдѣланной въ 1615 году, въ числѣ монастырей значится монастырь Щиловъ, а въ немъ храмъ каменъ Покровъ Богородицы (Оп. о Посадн. Новгород. стр. 303). Впослѣдствіи, сколько извѣстно, не встрѣчается уже упоминовенія объ этомъ монастырѣ. Такъ какъ въ лѣтописи подъ 1309 г. говорится о построеніи Щиломъ церкви Покрова, а монастырь подъ именемъ Щилова былъ посвященъ празднику Покрова Пресвятыя Богородицы, то изъ этого вѣроятнѣе будетъ предположить, что событіе, описанное въ повѣсти, относится къ 1309 г.; что же касается до имени архіепископа Іоанна, то, вѣроятно, въ позднѣйшее время оно у переписчиковъ измѣнилось изъ имени Давида въ имя Іоанна.

Здѣсь изображается наказаніе за взиманіе роста (процентовъ). Церковь безусловно охуждаетъ росты, и Щилъ представленъ вовсе не грабителемъ, не безжалостнымъ

ростоимцемъ, напротивъ онъ беретъ чрезвычайно малые проценты, но тѣмъ не менѣе виноватъ и за то что беретъ. Самый способъ наказанія, какое постигаетъ Щила, указываетъ на подмѣсь къ церковнымъ понятіямъ какихъ-то своебытныхъ народныхъ; наказаніе душъ послѣ смерти отражается на трупѣ, такъ что существованіе человѣка послѣ смерти соединено съ понятіями о состояніи его тѣла послѣ смерти. Трупъ проваливается: слѣдовательно воображеніе представляетъ какую-то подземную область.

Редакт.

ПОВѢСТЬ

О МУРОМСКОМЪ КНЯЗѢ ПЕТРѢ

И СУПРУГѢ ЕГО ФЕВРОНІИ.

ПОВѢСТЬ

О МУРОМСКОМЪ КНЯЗѢ ПЕТРѢ И СУПРУГѢ ЕГО ФЕВРОНІИ.

ВАРІАНТЪ ПЕРВЫЙ.

(Императ. Публ. Библ. in f° отд. I. № 294) (¹).

Сей оубо въ роустѣй земли градъ нарицаемый Муромъ, в немьже державъствуя благовѣрьный кнѧзь, яко повѣдаху имя его Павелъ. Искони же ненавидѧй добра роду человѣчю діѧволъ всели непріязьненнаго змія лѣтящего к женѣ князя того блоуд . . . сѧ и своими мѣчьты якоже . . . . . тѣствомъ и приходящимъ людѣмъ . . . . . ѧшесѧ якоже кнѧзь самъ сид . . . . . же его не тояше но повѣдаше . . . жеви своему вся ключаашесѧ иже непріязьнивый осилѣ с. . . . . кнѧзь мысляше что зміеви . . . . недоумѣѧшесѧ и рече ж . . . . глю, жено; но недооумеюсѧ . . . рити непріѧзьнивому то . . . . оубо не вемъ како нанесу . . . . бо глаголать к тебѣ каково слово . . . . сиши лестію и о семъ весел . . . . ѧзнивымъ духомъ ѡт чего е . . . . . .

. . . . . .

глати но и въ будоущіи вѣкъ нелицемѣрнаго судію Христа милостива ми себѣ сотворишн, жена же мужа своего глаголъ въ сердцы се твердо пріимьши, оумысли во оумѣ своемъ добро тако быти. Во единъ же отъ дни непріязнивому тому змію пришедшу к неи, она же, добру память при сердцы имѣѧ, глаголъ с лестію прилагаетъ к непріязьни тои глаголы многіѧ і иныѧ речи, и по сихъ почтеніемъ въспросивъ его хвалѧ; рече: яко много вѣси и весе ли коньчину си какова будетъ и отъ чего? Он же непріѧзьнивыи прелестникъ и прельщенъ добрымъ прельщеніемъ ѡт вѣрьныѧ жены, яко непьщева тайну си, изрече к неи, глаголѧ: смерть моѧ есть ѡт петрова плеча, ѡт агрикова же меча. Жена же, слышавъ таковоу речь, во сердцы твердо сохрани, и, по отшествіи непріѧзьниваго того, поведа кнѧзю моужеви своему, якоже реклъ ей зміи. Кнѧзь же, послышавъ, недоумѣяшесѧ что есть смерть ѡт петрова плеча и ѡт агрикова меча. Имѣяше же оу себѣ приснаго брата именемъ кнѧзѧ Петра; въ единъ же ѡт дни призьва его к себѣ и нача повѣдати зміеви речи, якоже реклъ есть женѣ его. Князь же Петръ слышавъ ѡт брата своего, якоже зміи нарече тезоименитому исходатаѧ смерти своеи, нача мыслити, недооумѣясѧ в моужестве како оубити ѕміѧ, и

(¹) Рукопись эта — четь-минея за мѣсяцъ іюнь, одной редакціи съ макарьевскою. Конца XVI вѣка, писана полууставомъ. Въ ней включены нѣсколько картинокъ, изображающихъ нѣкоторыя событія изъ настоящей повѣсти. Мѣста, означенныя точками, вырваны въ оригиналѣ и заклеены бѣлой бумагой. Мы оставляемъ неизмѣнно образъ правописанія, позволивъ себѣ только раздѣлить слова и разставить знаки препинанія. Большая часть мягкихъ знаковъ (ь) въ срединѣ словѣ въ подлинникѣ означена надстрочными значками (ь). Такъ-какъ этотъ варіантъ, хотя старѣе послѣдующихъ, неполонъ, то просимъ читателей, которымъ эта повѣсть неизвѣстна, для скорѣйшаго знакомства съ ея содержаніемъ, прочитать прежде одинъ изъ слѣдующихъ за симъ варіантовъ.

веще бяше въ немъ мысль. яко не вѣдаше агрикова меча. Имѣяше обычаи ходити по церквамъ оуединѧсѧ, бе же вне града церковъ въ женьстемъ монастыри Воздвиженіе честнаго и животворѧщаго креста, и пріиде к неи единъ помолитисѧ, явижеся емоу отроча, глаголѧ: княже, хощеши ли да покажу ти агриковъ мечь. Онъ же, хотѧ желаніе свое исполнити, рече: да вижду где есть. Рече же отроча: иди в слѣдъ мене; и показа емоу во олтарьнои стѣнѣ . . . средами скважню въ ней же ле . . . Благовѣрный же кнѧзь Петръ, вземъ мечь тои пріиде повѣда братоу своемоу, и ѡт того дни искаша подобна времени да оубіетъ зміѧ, по вся же дни ходя ко братоу своемоу и къ снохѣ своей на поклоненіѧ. Приключися же ему пріити въ храмину к братоу своему, и ѡ том же часу шедъ къ сносе своеи во ину храмину, и видѣ оу неи брата своего сидѧща, и, паки ѡтшедъ ѡтъ неѧ, въстрете ѡтъ предстоѧщихъ нѣкаего братоу его и рече емоу: изыдохъ оубо ѡт брата своего къ сносѣ, братъ же мои оста въ своемъ храмѣ, мнѣ же не коснѣвъшу никаможе, но воскорѣ пришедшоу въ храмину къ сносѣ моеи, не свѣмъ и чюжоусѧ яко братъ мои напреди менѣ обретесѧ въ храминѣ оу снохи моеѧ. Той же человѣкъ рече емоу: никакоже, господи, по твоемъ ѡтшествіи не изыдѣ братъ твои ис своея храмины. Он же разоумѣвъ быти пронырьствоу лукаваго зміѧ, пріиде къ братоу и рече емоу: когда оубо сіимо пріиде; азъ бо ѡт тебѣ исъ сеѧ храмины изыдохъ, и негде ли ничесоже помедьливъ, пріидохъ к женѣ твоеи во храмину, и видѣхъ тя с нею сидѧща и чюдѧхсѧ како пред мене ѡбрѣтесѧ; пріидохъ же паки сѣмо нигдѣ же помедьливъ, ты же не вѣмъ како предтече и на преди мене здѣ ѡбрѣтесѧ. Онъ же рече: никако же бѣхъ. Кнѧзь же Петръ рече: се есть, брате, пронырьство лукаваго зміѧ, да тобою ми ся кажетъ, аще не быхъ хотелъ оубити его, яко непьщоуѧ своего брата тебѣ. Нынѣ оубо, брате, отсюду никакоже иди: азъ же тамо иду братисѧ со зміемъ, да не ли же божіею помощію оубіенъ да боудетъ лукавый зміи. И вземъ мечь, нарицаемый агриковъ, и пріидѣ въ храмину къ сносѣ своей, и видѣ зміѧ зракомъ акы брата, симъ и твердо оуверивъсѧ, яко нѣсть братъ его, но прелесныи зміи, і оудари его мечемъ, змій же явисѧ яко бѣше естествомъ, и нача трепетати, и бысть мертвъ и ѡкропи блаженьнаго кнѧзѧ Петра кровію своею. Ѡнъ же от нѣѧпріѧзнивыѧ тоѧ крови і ѡструпи і язьвы быша, и пріиде нань болѣзнь тяжка ѕѣло; искаше въ своеи дерьжавѣ ото многихъ врачь исцеленіе, ні ѡт единаго получи, и слышавъ же яко мноѕи соуть врачевѣ въ пределехъ резанскіѧ земьли, повеле себе тамо повести; не бѣ бо.... мощенъ на конѣ сидѣти ѡт великіѧ болѣзни, привезенъ же беше въ прѣделы резанскіѧ земли, и посла суньклитъ свой възыскати врачевъ. Единъ же ѡт предстоящихъ емоу юноша оуклонисѧ въ вѣсь нарицающу Ласково, пріиде к некоемоу вратомъ, и не видѣ никогоже, и вниде въ домъ, и нѣ бѣ кобы его чтилъ, и вънидѣ въ храмину и зрѧ виденіе чюдно: сидѧше бо дѣвица, ткаше красна, предъ нею же скача заецъ, и глаголѧ дѣвица: не лѣпо есть быти дому без оушію и храму без очію; юноша же то не внятъ въ оумѣ глаголъ . . . рече к девицы: гдѣ есть человѣкъ мужеска полу иже здѣ живѣтъ? онаже рече: отецъ мой и мати моя поидоша въ заемъ плакати, братъ же мои идѣ чрезъ ноги въ нави зрѣти; юноша же тои не разоумѣ глаголъ еѧ, дивлѧшесѧ ѕрѧ, и слыша вѣщь подобну чюдеси, и глагола дѣвицы: вънидохъ къ тебѣ зрѧ тѧ дѣлающ, (у) и виде же заецъ пред тобою скача и слышоу ѡт оустну твою глаголы странны, никако сего не вѣмъ что глаголеши; перво бо рече: нелѣпо есть быти дому без ушію и храму безо очію; про отца же твоего и матерь рече яко идоша в заемъ плакати, брата же своего глаголеши чрезъ ноги въ нави зрѣти и ні единого слово ѡт тебѣ разоумѣхъ. Ѡна же глагола емоу: сего же ли не разоумѣеши? пріиде въ домъ мой сіи, въ храмину мою вниде, и видѣвъ мѧ сидѧщу въ простотѣ: аще бы былъ въ домоу наю песъ и чювъ тѧ къ дому приходѧща, лаелъ бы на тѧ: се бо есть домоу оуши; аще бы было въ храминѣ моей отроча и видѣлъ тѧ ис храмины приходѧща, сказала (о) бы ми: се бо есть храму очи; а еже сказахъ ти про ѡтца и матерь и

про брата, яко ѡтець мой и мати моѧ идѣ въ заемъ плакати: пошли бо соуть на погрѣбаніе мертваго и тамо плачоуть; егда же по нихъ смерть пріидетъ, то иніи по нихъ оучнутъ плакати: се же есть замованьный плачъ; про брата же ти глаголахъ: яко ѡтець мои и братъ дрѣволѣзцы соуть, въ лѣсе бо медъ ѡт древъ всѧкъ въземлютъ; братъ же мой нынѣ на таково дѣло иде, і яоже лѣсти на дрѣво въ высоту чрез ноги въ нави зрѣти, мысліѧ абы не оурьватисѧ с высоты; аще ли кто оурьветсѧ, сеи живота гонзнетъ; сего ради рѣхъ, яко идѣ чрез ноги въ нави зрѣти. Глагола же еи юноша: вижю тѧ дѣвицоу мудроу сущоу: повѣжь ми имѧ свое. Она же рече: имѧ ми есть Февроніѧ. Той же юноша рече к ней: азъ есми муромьскаго кнѧзѧ Петра служаи ему; кнѧзь же мой имѣѧ болѣзнь тѧжкоу и язьву оструньлену, бо бывшоу ѡт крови летѧщаго зміѧ, егоже есть оубилъ своими роуками, и во своемъ одерьжаніи искаше исцеленіѧ ото много врачевъ, и ні ѡт единаго получи; сего ради семо повелѣ себѣ привести, яко слыша здѣ мнози врачевѣ, но мы не вѣмы камо (ко) имѣюютсѧ, ни жилище ихъ вѣмы, да того ради въпрошенъ ѡт нею. Ѡна же рече: аще бы кто требовалъ кнѧзѧ твоего себѣ и моглъ бы оуврачевати. Юноша же рече: что оубо глаголеши еже ктомоу требовати кнѧзѧ моего себѣ? аще кто оуврачюетъ и кнѧзь мои дастъ емоу имѣніѧ много; но скажі ми врача того, кто есть и камо есть живетъ? Она же рече: да пріведеши кнѧзѧ моего сѣмо; аще будетъ мах горсерьдь и сміренъ во ѡтвѣтехъ, да боудетъ здравъ. Юноша жь скоро возвратисѧ ко кнѧзю своемоу и повѣда ему все порядоу еже видѣ и еже слыша. Благовѣрный же кнѧзь Петръ рече: да везете мѧ, гдѣ есть дѣвица, и приведоша (его) въ домъ той, в немъ же бѣ дѣвица. И посла к ней ѡт отрокъ своихъ глаголѧ: повѣжь ми, дѣвице, кто есть хотѧ мя оуврачевати, да оуврачюютъ ѧ и возьметъ имѣніѧ много? Она не ѡбинуясѧ рече же: азъ есмь хотя извраченати, но имѣніѧ не требоую ѡт него пріяти, імамъ же отъ него слово таково: аще бо не имамъ быти соупруга емоу, не требе ми есть врачевати его. Пришедъ человѣкъ тои и повѣда кнѧзю своемоу, яко же рече дѣвица. Кнѧзь же Петръ яко не бреги словеси еѧ, и помысли: како кнѧзю соущу древоласца дщи поѧти себѣ женоу и .....

ри шедша рѣша ей слово то. Она же, вземъ сосудъ малъ, почерпе кисследи своей и доуну на нѧ и рече: да оучредѧтъ кнѧзю вашему баню и да помажутъ по телу своему, идѣ же есть струпы и язвы, и единъ строупъ да ѡставитъ не помазанъ: и боудетъ здравъ. І принесоша к немоу таково помазаніе. И повелѣ оучредити баню, дѣвицу же хѡтѧ искоусити во ѡтвѣтехъ, аще мудра есть, яко слыша глаголы еѧ ѡт юноши своего, посла к неи съ единымъ ѡт слоугъ едіно повѣсмо льноу, рече: яко сіѧ дѣвица хощетъ ми соупруга быти мудрости ради; аще мудра есть, да вземъ льноу оучинитъ ми срачицу, и порты и полотеньцѡ в ту годину, в нюже в бане пребоуду. Слоуга же принесе к неи льноу повѣсма и кнѧзь же (княже) слово сказа. Она же рече слоузе: взыди на пѣщь нашу и снемъ з градъ полѣньца, снѣсѝ ми сѣмо. Онъ же, послушавъ еѧ, снѣсе поленца; ѡна же отмѣривъ падію и рече: ѡтсѣки се отъ поленьца сего. ѡнъ же ѡтсѣкъ. Она же глагола: возми оутинокъ полѣньца сего и шедъ дай же кнѧзю своемоу и ѡт мене рьцы емоу: въ кіи часъ се повѣсма азъ очешу, а кнѧзь твои да приготовитъ ми в сѣмъ оутиньцы станокъ и всѣ строеніе кымъ сочтетсѧ полотно. Слоуга же принесе ко кнѧзю оутинокъ полѣньца и речи дѣвичи сказа. Кнѧзь рече: шедъ, рцы дѣвицы, яко невозможьно есть въ таковѣ древьцы въ малѣ и в такову малу годиноу сицева строеніѧ сотворити. Слоуга же, пришедши, сказа еѧ кнѧзю же речь; дѣвица же ѡтрече кнѧзю: а се ли возможно есть человѣкоу мужеска полу возраста во единомъ повѣсмѣ лноу въ малу годину, въ нюже пребудетъ въ бани, сотворити срачицу и порты и оубрусецъ? Слоуга же ѡтъидѣ и сказа кнѧзю. Кнѧзь же дивласѧ отвѣту еѧ. И по времени кнѧзь Петръ идѣ въ баню мытисѧ и повелѣніемъ дѣвица помазаѧ язьвы и строупы своѧ и единъ строупъ остави непомазанъ по повѣленію дѣвицы. Изыде же изъ бани ничтоже болѣзьни

чюяше; на оутріѧ же оузрѣ и все тѣла здрава и гладка, развѣ единаго струпа, еже бѣ не помазанъ по повелѣнію дѣвичю, и дивьлѧшесѧ скорому исцелѣнію; но не восьхоте пояті ю себѣ женою ѡтчества ради. И посла к неи дары. Она же не пріѧтъ.

Кнѧзь же Петръ поеха въ вочину свою во градъ въ Моуромъ здравствуѧ. На немъ же бе единъ струпъ еже бе не помазанъ повелѣніемъ дѣвичимъ, и ѡт того строупа начаша многи струпы расходитисѧ на тѣле его ѡт перваго дни, в онь же поеха во ѡтчиноу свою, и бысть весь остроупленъ.

И паки възвратисѧ на готовое исцелѣніе къ дѣвицѣ; якоже приспѣ въ домъ еѧ і со студомъ посла къ неи просѧ врачеваніѧ. Она же, ни мала гнѣва подеръжавъ, рече: аще боудетъ ми супроужьникъ, да боудетъ оуврачеванъ; онъ же с твердьостію слово дасть еи, яко имать пояти женоу себѣ. Сія же пакы, якоже и преже, тожъ врачеваніе дасть емоу; се же преже писахъ. Онъ же въскорѣ исцелѣніѧ получивъ, і поѧ женоу себѣ. Токою жъ виною бысть Февроніѧ княинѣ. Пріидоша во ѡтчиноу свою градъ Муромѣ и живѧста во всѧкомъ благочестіи, ничтоже ѡт Божіѧ заповѣди оставльѧюще.

По малеже дни предреченьныи кнѧзь Павелъ ѡтходитъ житіѧ своего; благовѣрный же кнѧзь Петръ по брате своемъ единъ самодеръжавецъ бываетъ граду своему. Кънѧини же Февронія бояре же его не любѧхоу женъ своихъ ради, і яко бысть княгини, ѡтечества ради еѧ, Богоу прославльѧющоу ю добраго ради житіѧ еѧ. Никогда (нѣкогда) же бѣ нехто ѡт предстоящихъ еи пріидѣ къ благоверному кнѧзю Петроу наводити на ню: яко ѡт коегож.... своего безчину исходитъ внегьда бо во .... еи и взимаетъ въ рукоу свою крох.... Благовѣрьный же кнѧзь Петръ, хотѧ ю искусити, повелѣ да ѡбѣдаетъ с нимъ за единымъ столомъ. Яко оубо сконьчавьшоусѧ столоу, ѡна же яко обычаи имѧше .... со стола в роуку свою крохи и кнѧзь .... пріимъ за рукоу и развѣде и видѣ ..... добровольной и фимьянъ, и ѡт того дни ѡста ю ктому не иськоушати.

По мнозем же врѣмени пріидоша к нему сь яростію бояре его рькуще: хощемъ, кнѧже, вси праведно слоужити тебѣ и самодеръжавцомъ имѣти тебѣ, но кнѧини Февроніи не хощемъ, да господьствуетъ женами нашими, а хощеши самодержавцемъ быти, да боудетъ ти инаѧ княгинѧ, Февронія же возмѣтъ богатества довольно себѣ, и ѡтидетъ аможе хощетъ. Блаженный же кнѧзь Петръ, яко ему ѡбычаи, ни ѡ чесомъ ярости имѣѧ, смиреніемъ отвѣщаѧ: яко же речете, и тогьда слышимъ. Они же, невежства напольнивьшисѧ бесьтоудія, оумыслиша да оучредѧтъ пиръ. И сотворимъ (сотвори имъ). Якоже быша весели, начаша простирати бестоудьныѧ своѧ глаголы аки пси лающа ѡтемлюще оу святыѧ Божіи даръ, еи еже Богъ и по смерти неразлучна обещалъ есть, и глаголахоу: Февронія! Весь градъ и бояре глаголютъ тобѣ: даждь его егоже мы просимъ оу тебѣ? И ѡна рече: да возмета его же просита. Она же едіными оусты рекѡша: мы оубо, госпоже, вси кнѧзѧ Петра хощемъ, да самодеръжьствоуетъ надъ нами. А тебѣ жены наши не хотятъ яко господствоуеши надъ нимі; вземъ богатесьтво доволно себѣ, ѡтидеши аможе хощеши. Ѡна же рече: обещахсѧ вамъ яко елико аще просите и прѣмета. Азъ же вамъ глаголю: дадіте мнѣ егоже аще азъ попрошу ваю. Ѡни же зли ради бывше и (не) свѣдоуще будоуща его, и глаголаше с клятвою: яко аще просиши единаго, бесъ прекословіѧ вземши. Она же рече: ино прошу токмо соупруга моего кнѧзѧ Петра. Ѡни же рѣша: аще самъ восхощетъ, ни о томъ тебѣ глаголемъ. Врагъ бо напольни имъ мысли, яко аще не боудетъ кнѧзь Петръ, да поставимъ собѣ иного самодеръжьцемъ. Нѣкии же ѡт бояръ во оумѣ своемъ держаше яко самъ хощетъ самодеръжьцемъ быти.

Блаженный же кнѧзь Петръ не возлюби временнаго самодержьства кромѣ Божіихъ заповѣдеи, но по заповѣдемъ его шествоуѧ, дѣрьжасѧ сихъ заповедѣи, яко богоглаголаньныи Матьфеи во своемъ благовѣстіи вѣщаетъ, рече бо: яко аще пострижетъ (¹) женоу свою разьвѣ словѣси прелюбодѣйнаго и ѡжениться иною, прелюбы тво-

(¹) Въ Евангеліи читается: иже аще *пустить* жену свою... Мѳ. 19. 9.

ритъ; сей же блаженьный кнѧзь по евангелію сотвори, да заповѣди Божіи не разрушитъ. Ѡни же злочестивіи бояре давше имъ соуды на реце; бѣ бяше под городомъ рѣка, глаголемаѧ Ока; ѡни же пловоуще по рекѣ в соудѣхъ, нѣкто же бѣ человѣкъ оу блаженный княгини Февроніи в соудне и жена его в томъ же соудне бысть; той же человѣкъ, оубо пріимъ помыслъ отъ лоукаваго бѣса, възрѣвъ на святую с помысломъ; ѡна же разоумѣхъ злои его помыслъ, и вскорѣ ѡбличи и рече ему: почерьпи воды из реки сеѧ сію страноу судна сего. Ѡнъ же почерпе. И повелѣ ему испити. Ѡнъ же пивъ. И рече же паки ѡна: почерьпи оубо воды з другои страны соудна сего. Ѡнъ же почерьпе. И повелѣ ему паки испити. Ѡнъ же пивъ. Ѡна же рече: равьна ли оубо си вода есть или едіна сладши? Ѡнъ же рече: едіна есть, госпожа, вода. Паки же ѡна рече: сице едіно естество женское есть; почьто оубо свою женоу ѡставлѧѧ и чюжіѧ мыслиши? Той же человѣкъ оувидѣ, яко въ ней есть прозрѣніе даръ, бояса к тому таво помышленіѧ.

Вѣчероу же бывшоу, начаша ставитисѧ на брезѣ, блаженный же кнѧзь Петръ яко помышляти начатъ яко боудетъ, понеже волею самодерьжьство гознусѧ. І прѣдивьна яже кнѧинѧ Февроніѧ глагола емоу: не скоръби, кнѧже, милостивъ Богъ творецъ и промысленикъ всему не оставитъ насъ въ нищетѣ быти. На брѣзѣ же томъ блаженьномоу кнѧзю Петру на вечерю его ѧсть готовлѧхоу, и потомъ поворъ его дрѣвьца малы, на нихъ же котьлы висѧхоу; по вѣчериже святаѧ княгини Февроніѧ ходѧщи по брѣгоу и видѣвьши дрѣвьца тыи, благослови рекше: да боудутъ сіи на оу . . . . дрѣва велицы имуши листвіѧ. И бысть такоже. Въставьши въ оутрѣ, обрѣтоша тыѧ дрѣвьца велико дрѣвіе, имоуще вѣтвіе и листвіе.

Якоже хотѧхоу людіе ихъ роухледь вивѣтати въсоуды со брѣга, пріидоша же иже вельможа ѡтъ града Мурома, рекоуще: Господи кнѧже! ѡт всѣхъ вельможъ и ѡт всего града пріидохъ к тебѣ: да не ѡставиши насъ сирыхъ, но возвратишисѧ на свое отечество; мноѕи бо вельможи въ граде погибоша ѡтъ меча, кижьдо ихъ хотѧ дерьжавствовати, сами изгубиша, а ѡставьшіи вси с народомъ молѧтъ, глаголюще: господи кнѧже! аще прогънѣвахъ тѧ и раздражихъ тѧ, не хотѧщимъ княгини Февроніѧ господьствуетъ женами нашими, и нынѣ жо со всѣми домы своими раби ваю есми, и хотимъ, и любимъ, и молимъ: да не оставите насъ, рабъ своихъ. Блаженьный же кнѧѕь Петръ и блаженьнаѧ княгинѧ Февроніѧ възвратишасѧ во градъ свои, и бѧхоу дерьжавьствоующи въ граде томъ, ходѧща въ всѣхъ заповѣдехъ и ѡправьданіихъ господнихъ бес порока, въ мольбахъ непрестаньныхъ, и молитвахъ, и въ милостынѧхъ ко всѣмъ людемъ, под ихъ властію соущимъ, аки чадолюбивіи отець и мати имѣста ко всѣмъ любовь равьну имоущи, не любѧста горьдости ни грабленіѧ, ни богатества тлѣньнаго щадѧше, но въ Бога богатѣюще. Бѣсто бо своему граду истиньнаѧ пастырѧ, а не яко наемьника: градъ бо свои истиньною кротостію, а не яростію правѧще, и странныѧ пріемьлюще, альчныѧ насыщающе, нагіѧ ѡдѣвающи, бѣдныѧ ѡт напасти избавьлѧющи.

Егъда же приспѣ благочестно преставленію, і оумолиша Бога, да во единъ часъ боудутъ преставьленіе ею, и съвѣтъ сотвориша да боудутъ положены ѡба въ единомъ гробѣ, и повелѣша оучредити собѣ во единомъ камени два гроба, едіну токьмо предградоу имущи межоу собою. Сами же во едіно времѧ ѡблекошасѧ во мьнишескіи ризы, и нареченъ бысть блаженный князь Петръ, во иноческомъ чиноу Давидъ, преподобнаѧ же Февроніѧ нареченa бысть во иноческомъ чиноу Еоуфросиніѧ.

В тоже времѧ преподобнаѧ Февроніѧ, нареченаѧ Еоуфросиніѧ, въ храмъ пречистыѧ соборьныѧ церкви своима роукама шияше воздоухъ, на немъ же бѣ лики святыхъ, преподобный же и блаженьныи кнѧѕь Петръ, нареченыи Давидъ, приславъ к неи, глаголя: о сестро Еѵфросиніѧ! хощу оуже ѡтити ѡт тѣла, но ждоу тобѧ, да купно ѡтоидемъ. Ѡна же рече: пожди, господине, да яко дошю воздухъ во святоую церковь. Ѡнъ же въторицею послалъ к нѣи, глаголѧ: оуже бо мало пожьдоу тебѣ. І яко же третицею глаголя, приславъ к нѣи: оуже бо хощу преставитисѧ,

не жьдоу тебѣ; ѡна же ѡстановьное дѣло възьдоуха святаго шияше, оуже бо единаго святаго ризъ еще не дошивъ, лице же нашивъ, и преста, и вотькьне иглоу, и приверьте нитію, еюже шияше, и посла к блаженьномоу нареченному и Давидоу ѡ преставьленіи коупьнѣмъ, и поволимсѧ предста въкоупѣ святаѧ своѧ душа в руцѣ Божіи мѣсяца іюнѧ въ 25 день.

По преставленіи еже ею, хотѣста людіе, яко да положенъ блаженьныи князь Петръ боудетъ внутри града оу соборьныѧ церкви пречистыѧ Богородицы, Февроніѧ же вѣне града в женстемъ монастыри оу церкви Воздвиженія честнаго креста, рькоуще: яко в мьнишескомъ ѡбразѣ не оугодьно есть положити святыхъ въ единомъ гробѣ. Оучредиша имъ гробы особны и обложиша телеса ихъ вѣне: святаго Петра, нареченнато Давида, тѣла вложиша во ѡсобьныи гробъ, и поставиша вѣноутрь града въ церкви пречистыѧ Богородицы даоутріѧ, святая же Февроніѧ тѣло вложиша вѣне града оу церкви Воздвиженія честнаго креста; ѡбшій же гробъ, егоже сами повѣлеша истесати собѣ во единомъ камени, ѡста тощъ въ томъ же храмѣ пречистые соборьные церкви, иже вѣноутрь града. На оутрія же воставша людіе, ѡбрѣтоша гроби ихъ ѡсобниѧ тощи и въ на же в нихъ вложистасѧ, святая же тѣлеса ихъ ѡбрѣтоста вѣноутрь града въ соборьныѧ церкви пречестыѧ Богородица во единомъ гробѣ, егоже сами себѣ повелѣша сотворити. Людіе же неразумьніи, якоже въ животѣ ѡ нихъ матушасѧ, тако и по честнемъ ею преставленіи: паки положиша во особьныи гробы и паки разьнесоша; и паки же ѡбрѣтоша на оутріи святіи во единомъ гробѣ; и кътому не смѣяху прикоснутисѧ святыхъ ихъ телесемъ, и положиша во единомъ гробѣ, въ немъ же сами повелѣста, оу соборьныѧ церкви Рожества пречистыѧ Богородица вѣноутрь града, еже есть далъ Богъ на просвѣщеніе и на спасеніе граду томоу; иже бо с вѣрою прирыщущихъ к мощемъ ихъ неѡскудьно исцѣленіе пріемьлютъ.

ВТОРОЙ ВАРІАНТЪ.

(По списку Импер. Публ. Библ. отд. XVII № 18.)

Бѣ убо в роусийстей землѣ градъ, нарицаемый Муромъ, в внемже бѣ самодержавствуяй благовѣрный князь, повѣдаху именемъ Павелъ. Искони же ненавидяи добра роду человѣческому дияволъ и всели неприязнена летяща змия к женѣ князя того на блудъ. И являшеся ей яковъ же бѣяше естествомъ, приходящимъ же людемъ являшеся своими мечты, якоже князь сѣдяше с женою своею; тѣми жъ мечты мнози времяна преидоша; жена же сего не таяше, но повѣдаше князю своему вся приключившаяся ей; змий же неприязнивый осилѣ над нею. Князь же мысляше что змиеви сотворити, но не доумѣяшеся; и рече женѣ своей: мыслю, жено, и недоумѣюся что сотворити неприязни тому: смерть убо не вѣмъ каку нанесу нань; аще глаголетъ къ тебѣ какова словеса, да воспросиши его лестию о семъ. Вѣсть сей неприязненый духомъ своимъ отъ чего ему смерть хощетъ быти; аще ли то увѣси и намъ повѣдаеши, сама свободишися не токмо в нынѣшнемъ вѣце злаго дыхания, и сепения, і всего скаредия, его же сирадъ есть и глаголати, но и въ будущий вѣкъ нелицемѣрнаго судию Христа милостива себѣ сотвориши. Жена же, мужа своего глаголъ въ серцы си твердо приими, умысли во умѣ своемъ добро тако быти. Во единъ же отъ дній неприязнивому тому змию прилетѣвшу к ней, она же добру память при сердцы имѣя, глаголъ лестию предлагаетъ к неприязни той, глагола многия иныя рѣчи,

и по сихъ, с почтеніемъ вопросивъ его хваля, рече: яко много вѣси, і вѣси ли кончину свою: какова и отъ чего будетъ ти? Онъ же, неприязнивый прелестникъ, прельщенъ добрымъ прельщеніемъ отъ вѣрныя жены, яко непщева тайну къ ней рещы, глаголя: смерть моя есть от петрова плеча, а от агрикова меча. Жена же, слышавъ такую рѣчь, в сердцы си твердо сохрани, и по отшествіи неприязнимого того, повѣда князю мужу своему яко же реклъ есть змий. Князь же то слышалъ, недоумѣяшеся что есть смерть отъ петрова плеча, а отъ агрикова мечя. Имѣяше же у себя приснаго брата, именемъ князя Петра. Во единъ же отъ дний призва его къ себѣ, и начатъ ему повѣдати змиевы рѣчи, якоже реклъ есть женѣ его. Князь же Петръ, слышавъ отъ брата своего, яко змий нареченъ тезоименита ему исходатая смерти своей, нача мыслити, не сумняяся мужествене, какобы убити змия, но и еще беяше в немъ мысль, яко не вѣдый агрикова меча. Имѣяше же обычай ходити по церквамъ, уединяяся. Бѣяше же внѣ града церковь в женстемъ монастырѣ Воздвижение честнаго и животворящаго креста; и приде к неи единъ помолитися. Яви же ся ему отроча, глаголя: княже, хощеши ли да покажу ти агриковъ мечь? Онъ же, хотя желание исполнити, рече: да вижу гдѣ есть. Рече же отроча: иди вслѣдъ мене. И показа ему во олтарней стѣне межу каменія скважнею в немже мѣсте лежаше мечь. Благовѣрный же князь Петръ взятъ мечъ той, и приде повѣда брату своему, и отъ того дни искаше подобна времени да убиетъ змия. По вся же дни ходяй к брату своему и к сносѣ своей на поклонение, і видѣ у нея сѣдяща брата своего, и пошедъ отъ нея, въстрѣте нѣкоего отъ предстоящихъ брату его, и рече ему: изыдохъ убо от брата моего к сносе моеи; братъ же мой оста в своемъ храму; мнѣ же не коснѣвшу никаможе, но вскорѣ пришедшу в храмину к сносѣ моей, и не свѣмъ чюжуся, како братъ мой напреди меня обрѣтеся в храминѣ у снохи моея. Той же человѣкъ рече ему: никаможе, господи, по твоемъ отшествіи но изыде братъ твой из своея храмины. Онъ же разумѣ быти пропырству лукаваго змия, и приде ко брату, и рече ему: когда убо приде сѣмо? Азъ бо отъ тебе изыдохъ и нигдѣ же ничесоже помедливъ, пріидохъ к женѣ твоей в храмину, і видѣхъ тя с нею сѣдяща, і почюдихся како напредъ мене обрѣтеся; приидохъ же паки сѣмо, нигдѣ же ничесоже паки помѣдливъ, ты же не вѣмъ како мя предтече, напредъ мене здѣ обрѣтеся? Онъ же рече: никако же, брате, из храма сего по твоемъ отшествіи не изыдохъ, и у жены своея никакоже бѣхъ. Князь же Петръ рече: есть, брате, се пронырство лукаваго змия, да тобою ми ся кажетъ, аще не бы хотѣлъ убити его, яко непщуя тебе своего брата; нынѣ убо, брате, отсюду никаможе иди, азъ же тамо иду братися со змиемъ, да негли Божиею помощию убиенъ будетъ. І вземъ мечь, нарицаемый агриковъ, и приіде в храмину къ сносѣ своей, и видѣ змия зракомъ яко брата си, и твердо увѣрися яко нѣсть братъ его, но прелестный змий, и удари его мечемъ; змий же явися ему яковъ же бѣ естествомъ, и нача трепетатися і бысть яко мертвъ, и окропи блаженнаго князя Петра кровю своею. Онъ же отъ непріязнивыя тоя крови оструне; и язвы быша; и приіде нань болѣзнь тяжка зѣло; и іскаше во своемъ одержаніи отъ много врачевъ исцѣления, и ни отъ единаго получи.

Слышавъ же яко мнози суть врачеве в предѣлахъ резанския земля, и повелѣ себе тамо вести; не бѣ самъ мощенъ на конѣ седѣти отъ великия болѣзни. Привезенъ же бысть въ предѣлы резанския земли, и пославъ синъклитъ свой искати врачевъ. Единъ же отъ предстоящихъ ему юноша уклонися в весь, нарицающуся Ласково, и приіде к некоего дому вратомъ, и не видѣ никого же, и вниде въ домъ, и не бѣ кто бы его челъ, и вниде в храмину, и зря видѣние чюдно: сѣдяще бо едина дѣвица и ткаше красна, пред нею же скача заецъ. И глагола дѣвица: не лѣпо есть быти дому без ушии и храму безо очию. Юноша же той не внятъ глаголъ... ....(1) во умъ. Рече юноша ко дѣвицы: гдѣ есть чело-

(1) Слово осталось неразобрано въ рукописи.

вѣкъ мужска полу, иже живетъ здѣ? Она же рече: отецъ мой и мати моя поидоша в заимъ плакати, братъ же мой поиде чрез ноги в нави зрѣти. Юноша же той не разумѣ глаголъ ея, дивляше же ся зря и слыша вещъ подобную чюдеси, и глагола дѣвицы: внидохъ к тебѣ, і вижу тя дѣлающу, и видѣ заецъ предъ тобою скача, и слышу ото устъ твоихъ глаголы странны нѣкаки, и сего не вѣмъ что глаголеши; первое бо рече: нелѣпо есть быти дому без оушию и храму безо очию; про отца же своего и матерь рече: яко идоша в заимъ плакати, а брата же своего глаголя чрез ноги в нави зрѣти; и ни единаго слова отъ тебѣ не разумѣхъ. Она же глагола ему: сего ли не разумѣеши? приниде бо в домъ сий, и въ храмину мою вниде, і видѣвъ мя сѣдящу в простотѣ, аще бы былъ в дому наю песъ и чювъ тя к дому приходяща, лаялъ бы на тя: се бо есть дому уши; и аще бы было во храмѣ моемъ отроча, і видѣвъ тя къ храминѣ приходяща, сказало бы: се бо есть храму очи. А еже сказахъ ти про отца и матерь и брата яко отецъ мой и мати моя идоша в заимъ плакати: шли убо суть на погребеніе мертвымъ и тамо плачютъ, а егда же по насъ смерть приідетъ, и инии по насъ учнутъ плакати: се есть заимованный плачь; про брата же ти глаголахъ, яко отецъ мой и братъ древолазцы суть, въ лѣсехъ медъ емлютъ отъ древия; братъ же мой и нынѣ на таковое дѣло иде; и яко же лѣсти на древо в высоту чрез ноги зрѣти к земли, мыслитъ аже бы не урватися і высоты; аще ли кто урветца — сей живота гонзнетъ; сего ради рѣхъ ти: яко чрез ноги в нави зрѣти. И глагола ей юноша: вижу тя, дѣвице, мудру сущу; повѣжь ми имя свое. Она же рече: имя ми есть Ѳевронія. Той же рече к ней: азъ есмь муромскаго князя Петра служан ему; князь же мой имѣя болѣзнь тяжку и язвы; оструплену бо бывшу ему от крови летящаго сверѣпаго змия, его же убилъ своею рукою; і во своемъ одержании искаше исцѣления отъ много врачевъ и ни отъ единаго получи; сего ради сѣмо повелѣ привести, яко слыша здѣ многи врачевѣ, но мы не вѣмы како и гдѣ именуютца, ни жилищъ ихъ вѣмы, да того ради вопрошаемъ о нею. Она же рече: аще бы кто требовалъ князя твоего себѣ, моглъ бы уврачевати. Юноша же рече: что убо глаголеши еже кому требовати князя моего себѣ? аще кто уврачюетъ, то князь мой дастъ ему имѣнія много; но скажи ми врача того: кто есть и камо есть жилище его? Она же рече: да приведеши князя твоего сѣмо; аще будетъ мягкосердъ и смиренъ во отвѣтехъ, да будетъ здравъ. Юноша же скоро возвратися ко князю своему, и повѣда ему подробну: еже видя и еже слыша отъ дѣвицы. Благовѣрный же князь Петръ рече: да везите мя гдѣ есть дѣвица. И посла к ней князь от отрокъ своихъ глаголя: повѣжь ми, дѣвица, кто есть хотя мя уврачевати, да аще уврачюетъ ма, возметъ имѣния много. Она не обинуяся рече: азъ есмь хотя уврачевати, но имѣния не требую отъ него приняти. Имамы же к нему слово таково: аще бо не имамъ быти супруга ему, не требе ми есть врачевати его. И пришедъ человѣкъ той, повѣда князю своему еже рече дѣвица. Князь же Петръ, не брегий словеси ея, и помысли: како князю сущу древолазца дщи поять себѣ жену. И пославъ к ней, рече: рцыте ей что есть врачество ея, да врачюетъ. Аще ли уврачюетъ, имамъ поятиію жену себѣ. Пришедши же юноша, рѣша ей слово то. Она же, вземъ сосудецъ малъ, почерпе кислижды своея, и доуну на ня, и рече: да учредятъ князю вашему баню, и да помазуетъ симъ по тѣлу своему, идѣже суть струпы и язвы, и единъ струпъ да оставитъ не помазанъ: и будетъ здравъ. И принесоша к нему таковое помазаніе; и повелѣ князь учредити баню, дѣвицу же хотя во отвѣтехъ искусити аще мудра есть, якоже слыша о глаголехъ ея отъ юноши своего, посла к ней со единымъ отъ слугъ своихъ едино повѣсмо лну, реклъ: яко си дѣвица хощетъ ми супруга быти мудрости ради; аще мудра есть, да всемъ льну, учинитъ мнѣ срачицу, и порты, и убрусецъ, в годину, в нюже азъ в бани пребуду. Слуга же принесе к ней повѣсмо лну и давъ ей, и княже слово сказа. Она же рече слузе: взыди на пещь нашу, и снемъ з грядъ полѣнце, снеси сѣмо. Слуга же, послушавъ ея, снесе полѣнце. Она же, отмѣря

ядю, рече ему: отсѣки сие отъ полѣньца сего. Онъ же отсѣче. Она же рече: возми утинокъ полѣнца сего и шедъ, даждь князю своему, и рцы ему отъ мене: въ кий часъ сие повѣсмо очешу, а князь твой да приготовитъ ми в семъ утиньце станъ і все строение, кимъ сотчетца полотно его. Слуга же принесе ко князю утинокъ полѣнца и речь дѣвичю сказа. Князь же рече: шедъ рцы дѣвицы: яко не возможно есть в такове малѣ древце і в такову малу годину сицева строения сотворити. Слуга же пришедъ, сказа ей княжну рѣчь. Дѣвица же рече: ни возможно есть человѣку мужеска возраста во единомъ повѣсме лну в малую годину, в нюже требуетъ в бани пребыти, сотворити срачицу, и порты, и убрусецъ? Слуга же отъиде и сказа князю. Князь же дивися отвѣту ея. И по времени князь Петръ иде в баню мытися, и повелѣніемъ дѣвица помазаниемъ помаза язвы и струпы своя, и единъ струпъ остави непомазанъ по повѣленію дѣвицы. Изыде же из бани князь, ничтоже болѣзнено пострада, на утрее же узрѣ все тѣло здраво и гладко, развѣ единаго струпа, иже бѣ не помазанъ по повелѣнію дѣвицы, и дивляшеся скорому исцеленію, ю не восхотѣ поятн ея себѣ жену отечества ея ради. И посла к ней дары. Она же не прия.

Князь же Петръ поеха во отчину свою во градъ Муромъ здравствуяй, на немъ же бѣ единъ струпъ, еже бѣ не помазанъ повелѣніемъ дѣвичимъ. И оттого струпа начаша многи струпы разходитися на телѣ его отъ перваго же дни, в онь же поеха во отчину свою, и бысть паки оструплен многими струпы и язвами, якоже бѣ и первие.

И паки возвратися на готовое исцелѣніе к дѣвицы, и якоже приспѣ в домъ ея, со студомъ посла к ней, прося врачевания. Она же, ни мало гнѣву подержавъ, рече: аще будетъ ми супружникъ, да будетъ уврачеванъ. Онъ же со твердостию слово давъ ей, яко иматъ поятн ю си жену; сия же паки, якоже преже, тоже врачеваніе дастъ, еже предписахъ. Онъ же вскорѣ исцеленіе получи. И поятъ ю жену себѣ. Таковою же виною бысть Ѳеврония княгини. И приидоста же во отчину свою во градъ Муромъ, и живяста во всякомъ благочестіи, ничтоже отъ Божиихъ заповѣдей оставляюще.

По мале же дни предреченный князь Павелъ отходитъ житія сего; благовѣрный же князь Петръ по брате своемъ единъ самодержецъ бываетъ граду своему. Боляре же его княгини Ѳеврониі не любляху, женъ ради своихъ, яко бысть княгини не от отечества: того ради. Богу же прославляющу добраго ради житія ея, нѣкогда убо от предстоящихъ ей пріидѣ ко благовѣрному князю Петру, снавади на ню: яко отъ коегождо, рече, стола своего бес чину исходитъ; внегда бо ей востати отъ стола своего, взимаетъ въ руку свою крохи, яко гладнии. Благовѣрный же князь Петръ, хотя ю вскусити, повелѣ, да обѣдуетъ с нимъ за единымъ столомъ; и яко убо скончавшуся обѣду, она же, яко же обычаи имяше, вземъ от стола в руку свою крохи, князь же Петръ принимъ ю за руку, и разведъ, видѣ ладанъ добровонный и ѳиміянъ в руку ея, и от того дни остави ю ктому не искушати.

По мнозѣ же времени, приидоша к нему съ яростію боляре его, рькуще: хощемъ вси праведно служити тебѣ и самодержцемъ имѣти тя, но княгини Ѳеврониі не хощемъ да государствуетъ женами нашими. Аще ли хощеши самодержецъ быти, да будетъ иная княгини; Ѳеврония же, вземъ богатьство себѣ доволно, отидетъ аможе хощетъ. Блаженый же князь Петръ, якоже бѣ ему обычай ни о чесомъ собѣ ярости имѣти, но со смиреніемъ, отвѣща: да глаголита Ѳеврониі; яко же речетъ, то да слышимъ. Они же, неистови и исполнившеся бестудия, и умыслиша да учредятъ пиръ; и сотвориша. И егда быша весели и начаша простирати бестоудныя своя глаголы, аки пси лающе, отнемлюще у святыя Божий даръ, егоже Богъ и по смерти неразлучна обѣщалъ есть. И глаголаху к ней: госпоже княгини Ѳеврониі! весь градъ и боляре тебѣ глаголютъ: даждь намъ, егоже мы у тебѣ просимъ. Она же рече: возмете, еже просите. Они же яко единеми усты рѣша: мы убо, госпоже, вси князя Петра хощемъ, да самодержавствуетъ надъ нами, тебе же жены наши не хотятъ

яко государьствуеши надъ ними; вземъ богатство доволно себѣ, і идеши аможе хощеши. Она же рече: обѣщахся вамъ, яко елико аще просита и приимѣта; азъ же вамъ глаголю: дадите мнѣ, егоже аще азъ воспрошу у ваю. Они же, злии, ради быша, не вѣдуще будущаго, и глаголаша с клятвою: яко аще речеши единою, без прекословия вознеши. Она же рече: ничтоже ино прошу, токмо супруга моего князя Петра. И рѣша же они: аще самъ восхощетъ, ни о томъ тебѣ глаголемъ. Врагъ бо наполни имъ мысли: яко аще не будетъ князь Петръ, да поставятъ себѣ иного самодержьцемъ; кіждо бо отъ бояръ во умѣ своемъ держаше, яко самъ хощетъ самодержцемъ быти; блаженный же князь Петръ не возлюби временнаго самодержаства кромѣ Божиихъ заповѣдей, но по заповѣдемъ его шествуя и ждершеся(?) (1) ихъ, яко же богогласный Матѳей во своемъ благовѣстии вѣщаетъ, рече бо: яко иже аще пуститъ жену свою развѣ словеси прелюбодейнаго и оженитца иною, прелюбы творитъ; сей же блаженныя князь Петръ по евангелию сотвори: о самодержании своемъ яко уметы вмѣни, да заповѣди Божия не разрушитъ. Они же, злочестивии бояре, даша имъ суды на рѣце; бяше бо подъ градомъ тѣмъ рѣка, глаголемая Ока. Они же поплавуще в судехъ, нѣктоже бѣ у блаженныя княгини Ѳеврониии в судне, его же и жена в томъ же судне бысть, і онъ же человѣкъ, приимъ помыслъ от лукаваго бѣса, возрѣвнова на святую помысломъ; она же, разумѣвъ злый помыслъ его въскоре, обличи его, и рече убо ему: почерпи оубо воды отъ рѣки сея сію страну судна сего. Онъ же почерпе. И повелѣ ему испити. Онъ же пивъ. Рече же она: почерпи убо воды з другую страну судна сего. И повелѣ ему испити. Онъ же пилъ. Она же, блаженная, рече: равнали убо вода си есть, или едина сладчайши? Онъ же рече: едина есть, госпоже, вода. Паки же она рече: сице едино естество женско; почто убо свою жену оставя, на чюжую мыслиши? Той же человѣкъ увѣдевъ, яко есть в ней прозрѣния даръ, бояся ктому таковая мыслити.

(1) Ошибка; вѣроятно: *и держашеся*.

Вечеру же приспѣвшу, начаша ставитися на брезѣ. Блаженный же князь Петръ яко промышляти начатъ како будетъ, понеже волею самодержаства гонзнувъ, предивная же княгини Ѳеврония глагола ему: не скорби, княже; милостивый Богъ творецъ и промысленикъ всему да не оставитъ насъ в нищетѣ быти! На брезѣ же томъ блаженному князю Петри на вечерю ядь готовляху, и вотче поваръ его древца малы, на нихъ же котлы висяху; по вечери же святая княгини Ѳеврония, ходяще по брегу і видѣвши древца тыя, благослови ихъ, рекши: да будутъ сия на утрия древие великое, имущи вѣтвие и листвие. И якоже уже хотяху рухло людие ихъ вметати со брега, приидоша же велможа от града Мурома, ркуще: господине княже! от всѣхъ велможъ и от всего града приидохомъ к тебѣ, да не оставиши насъ сирыхъ, но да возъвратишися на свое отечествие; мнози бо велможа во граде погибоша от меча; кіждо бо ихъ хотяху державствовати, сами ся избиша, и оставшии вси со всѣмъ народомъ молятъ тя, глаголюще: господине княже! аще прогнѣвахомъ тя, и раздражихомъ тя, не хотяще же княгини Ѳеврониии государьствовати женами нашими; нынѣ же со всѣми домы своими есмы хощемъ, и молимъ, и любимъ: да не остави насъ, рабъ своихъ. Блаженный же князь Петръ и блаженная княгини Ѳеврония во градъ свой идяху, и державствующе во граде своемъ, и ходяше во всѣхъ заповѣдехъ и оправданіихъ господнихъ беспорочно, в молитвахъ непрестанныхъ и милостыняхъ, и ко всѣмъ людемъ, под ихъ властию сущимъ, аки чадолюбивый отецъ и мати: бѣста бо ко всѣмъ любовъ равну имуща; не любляше гордости ни грабления, ни богатества тлѣннаго щадяще, но Богу богатѣюще; бѣста бо своему граду истинная пастыря, а не яко наемника, градъ свой истинною кротостию, а не яростию правяще, странныя приемлюще, алчныя насыщающе, нагия одѣвающе.

Егда же приспѣ благочестное преставление, умолиша Бога во единъ день будетъ преставление ею, и совѣтъ сотвориша да будетъ положена оба во еди-

номъ гробѣ. И повелѣша учредити во единомъ камени два гроба, едину токмо преграду имуще меж собою. Сами же во едино время облекошася во мнишеския ризы, и нареченъ бысть блаженный князь Петръ во иноческомъ чину Давыдъ, преподобная же княгиня Ѳеврония наречена бысть во иноческомъ чину Еѳросиния.

В тоже время преподобная блаженная княгини Ѳеврония, нареченная Еѳросиния, во храмъ пресвятыя соборныя церкви своими руками шьяше воздухъ, на немже бѣ ликъ святыхъ преподобныхъ. Блаженный же князь Петръ, нареченный Давидъ, приславъ к ней, глаголя: сестро Еѳросиниа! хощу уже отити от тѣла, но жду тебе, яко да купно отидемъ ко Господу. Она же рече: пожди, господине, яко да вошию воздухъ во святую церковь. Онъ же вторицею посла к ней, глаголя: уже мало пожду тебе. Яко третицею посла к ней, глаголя: уже бо хощу преставитися, мне жду (щу) тебе; она же остаточное дѣло воздуха того святого шияше, уже бо единаго святаго ризъ не дошивъ, лице же навивъ и преста, і вотче главу (¹) свою в воздухъ и приверте нитю, ею же шияше, и пославъ к блаженному Петру, нареченному Давиду, о преставлении купнемъ. И помолившеся, предаста вкупе святая своя душа в руцѣ Божіи мѣсяца Июня в 25 день.

По преставленіи же ею, хотѣста людие, яко да положенъ будетъ блаженный князь Петръ внутрь града у соборныя церкви пречистыя Богородицы; Ѳеврония же княгини внѣ града в женстемъ монастыри да положитца у церкви Воздвижения честнаго и животворящаго креста, ркуще: яко да во мнишестемъ образе не угодно положити святыхъ во единомъ гробѣ. И учредиша ина гробы особныя, і вложиша телеса ихъ в ня: святаго Петра, нареченнаго Давида, тѣло положиша во особный гробъ, и поставиша внутрь града в церкви святыя Богородица доутрия, святыя же Ѳеврониии княгини, нареченныя Еѳросиніи, тѣло положиша во особный же гробъ, и поставиша внѣ града в церкви Воздвижения честнаго креста. Общей же ихъ гробъ, егоже сами повелѣша истесати во единомъ камени, оста тощъ в томже храмѣ пречистыя соборныя церкви, иже внутрь града. На утрие же воставше людие и обрѣтоша гробы ихъ особныя тщи, в ня же ихъ положиста; святая же тѣлеса ихъ обрѣтошася внутрь града в соборнѣй церкви пречистыя Богородица во единомъ гробѣ, егоже сами себѣ повелѣша истесати. Людие же неразумнии, якоже в животѣ о нихъ мятущеся, тако и по честнѣмъ ихъ преставлении, паки преложиша я во особныя гробы, и паки разнесоша. И паки на утрия обрѣтошася святие во единомъ гробѣ, в немже сами повелѣста, у соборныя церкви Рождества Пречистыя Богородица внутрь града, еже есть далъ Богъ на просвѣщение и на спасение граду тому: иже с вѣрою пририще къ мощемъ ихъ и неоскудно исцѣления приемлютъ.

(¹) Ошибка; слѣдуетъ: иглу.

ВАРІАНТЪ ТРЕТІЙ.

(По списку Императ. Публ. Библ. отд. XVII № 35.)

Сей убо в рустей земли градъ нарицаемый Муромъ, в немъ же бѣ самодержавствуя благовѣрный князь Павелъ. Искони ненавидяй добра роду человѣчю дияволъ всели непріязненаго летящаго змия к женѣ князя того на блудъ, и являяся ей яковъ бяше естествомъ; приходящимъ же людемъ являшеся своими мечты яко самъ князь; тѣми же мечты не мало время преиде. Жена же того не тояше, но повѣда князю своему вся ключившаяся, и

змій, иже непріязненый, осиле над нею. Князь же мысляше что сотворити змиеви, и недоумѣяшеся, и рече к жене своей: мыслю, жено, но недоумѣюся: что сотворити непріязненому змию; не вемъ бо того, како бы на него навести смерть; нынѣ же заповѣдаю ти: блюди опасно, аще начнетъ той лукавый змий глаголати каковы словеса, і вопроси его о семъ льстивыми словѣсы: вѣсть ли то лукавый и от чего ему смерть хочеть быти; и аще увѣси, то повѣдай ми вскоре, яко да ты свободишися всяко в нынѣшнемъ вѣце злаго его дыхания, и сипѣния, и всего скаредия, иже смрадно есть глаголати, въ будущемъ вѣце судию нелицемернаго Христа милостива себѣ сотвори. Жена же таковый глаголъ мужа своего в сердцы своемъ приемши твердо, во единъ же отъ дней непріязнивому тому змию прилѣтевшу к ней, она же, помня заповѣданое слово мужа своего, нача тому треклятому змию многія речи с лестию простирати, и по многихъ словесехъ вопроси его, яко хваля, речи (е): вижу, яко много вѣси, и веси ли свою кончину, и от чего ти будетъ смерть? Онъ же, льстивый прелестникъ, прелщенъ бысть отъ добрыя жены, мня ея яко истинствующу к себѣ, и изрече ей тайную свою: смерть моя от петрова плеча, от агрикова мѣча. Жена же, слышавъ отъ него, и по отшествіи его поведа князю мужеви своему. Князь же, то слышавъ, недоумѣяся: что есть ему смерть от петрова плеча, от агрикова мѣча. Имѣяше же у себя приснаго брата юнейшаго себѣ, именемъ Петра зовома. Во единъ же отъ двій повѣда ему, брату своему Петру, подробну вся зміевы речи, яже сказа женѣ его. Князь же Петръ, слышавъ отъ брата своего, яко змий нареченое тезоименито ему смерти своей, и нача мыслити мужественно, не сумняся, какобы змия убити, но не вѣдый агрикова меча. Имяше же обычай ходити по церквамъ уединяяся. Бысть же церковъ в женстемъ монастырѣ Воздвиженіе честнаго креста Господня; и приіде к ней единъ помолитися. Яви же ся ему отроча, глаголя: княже, хощеши ли да покажу ти агриковъ мечь. Онъ же рече: покажи ми. И рече отроча: иди во слѣдъ мене. И показа ему во алтарной стенѣ между керемидами скважию, в ней же мечь лежаше; князь же Петръ, видѣвъ мечь, нарицаемый агриковъ, і взя его, приіде же в домъ свой, исповѣда брату своему князю Павлу. И от того дьни начаша искати подобна времени купно како погубити змия. В некое же время приключися блаженьному князю Петру приіти в полату на поклонение брату своему; понеже имяше обычай блаженный Петръ вьсегда приходити к брату своему на поклонение, яко бѣ мний его лѣты; і бывша у брата своего, потомъ иде в полату ко сносѣ своей, і видѣ у нея сѣдяще мужа во образѣ брата своего, и изыде скоро ис полаты, и срѣте нѣкоего человѣка от предстоящихъ брату своему, и рече: где есть братъ мой? Онъ же повѣда ему, яко в полате своей. Онъ же, разумѣвъ лукаваго пронырство змия и хотя испытно увѣдати, паки иде к брату своему в полату, и рече ему: когда убо семо приіде? братъ же рече ему: азъ по твоемъ изшествии отъ мене никако изходилъ ис полаты своея. Князь же Петръ повѣда ему пронырство лукаваго змия и како виде у жены во образе его, рече же ему: отселе, брате, не изходи никамо из полаты своея, дондеже язъ иду братися со змиемъ; ты же во время пребуди въ молитвѣ къ Богу: егда услышитъ Богъ молитву твою и подастъ ми помощь убити лукаваго зьмия. И тако увѣщавъ брата, і вземъ мечь, нарицаемый агриковъ, и пришедъ в полату ко сносѣ своей, видевъ змия зракомъ брата своево седяща, и твердо увѣрився, яко нѣсть братъ его, но прелестный змей, и удари его мечемъ толико зѣло, яко змий возтрепета и бысть мертвъ, и явися яковъ бяше естествомъ. Блаженный же князь Петръ нача его мечемъ сѣщи, дондеже до конца низложи; отъ неприязненыя же его крови окровися лице блаженнаго князя Петра, отъ крѣпкаго его ударения. И быша на блаженнемъ отъ тоя зьмиевы крови болезненыя струпы и язвы, и приіде нань болезнь тяжка зело, яко весь острупися. И искаше во своемъ одержаніи от многъ врачевъ, и изцѣления не получи ни от единаго. Понеже и брань его не бяше с человѣки, но з дияволомъ; тако подобаше исцелению

быти не от человѣкъ, но от божественныя силы, по реченному словѣси Господни во святемъ Еуангелиі: иже невозможно от человѣкъ, возможна суть от Бога, ему же слава нынѣ, и присно, і во вѣки вѣкомъ. Аминь.

Сущу же блаженному князю Петру в велицей болезни и слышавъ, яко в пределехъ резенския области мнози врачеве жителствуютъ, и повѣле тамо вѣсти себѣ; бѣ бо немощенъ зѣло: от великия болезни на конѣ ѣздити не возможно. И егда приспѣша въ предѣлы рязанския, розосла весь синъклитъ свой искати врачевъ, яко да обрящутъ такова врача, иже бы хто его от тои болѣзни уврачивалъ. И повѣле обѣщати врачемъ дары многи. Единъ же от того синклита, нѣкто юноша, уклонися в весь, наричему Ласково, и приіде к нѣкоему дому, и не виде у вратъ никого; вниде же в домъ, и не бѣ кто его ощутилъ; вниде же и в храмину, і виде: седяше бо едина дѣвица, точаше поставъ; предъ нею же скачетъ заецъ. Дѣвица же бысть яко в сомнѣніи, и нача глаголати нѣкаки странны глаголы, яже не удобразумны юноше тому. Рече бо: нелѣпо есть быти дому без ушей; а храму безо очей. Юноша же не разумѣ глаголъ ея, и рече к девице: повѣждь ми, дѣво: гдѣ есть господинъ дому сего? Она же отвѣща со многимъ разумомъ: господинъ дому отецъ ми есть, но идоша с материю моею вкупѣ в заимы плакати. Есть бо у меня и братъ, но поиде чрез ноги в нави зрѣти. Юноша же, слышавъ вѣщь подобну чюдеси, яко не разумѣ ни единаго от глаголъ ея и дивляшеся, рече: о дѣво! вижу тя мудру сущу: внидохъ к тебѣ, і видехъ тя дѣлающа поставъ, и предъ тобою зайца скачюща; и слышахъ от устъ твоихъ глаголы нѣкия странны, еже азъ не могу разумѣти! Она же глагола ему: человѣче, сего ли не разумѣеши? Речи бо сия не суть странны и незнаемы, яже глаголеши, но всякия простоты исполнены, и аще не разумѣеши, азъ ти повѣдаю простою беседою: пришелъ бо еси въ домъ наю, і въ храмину вниде, виделъ мя въ толице простоте седящу безобразну и всея лѣпоты лишену, и аще бы в дому у наю былъ песъ, и ощутивъ тя к дому приходяща, аще бо онъ естествомъ и безсловесенъ; но моглъ бы ми брехaниемъ своимъ приходъ твой возвестити: то бо есть дому уши; и аще бы у меня в храмине сей было отроча, и видѣвъ тя сеі храмине приходяща, то бы мнѣ повѣдало: се бо есть очи храму. Отецъ же мой и мати поидоша на погрѣбения мертваго, да тамъ над нимъ плачютъ; егда же они преставятся от жития сего, і над ними такожде учнутъ плакати: се бо есть заемный плачъ. Отецъ же мой и братъ древоделцы суть; в лѣсе бо от дрѣвия медъ емлютъ; и нынѣ іде братъ мой на таковое дѣло, яко лѣсти ему древо в высоту: чрез ноги долу зрѣти, еже бы не отторгнутися и не лишитися живота своего. Юноша же рече: о дѣво! вижу бо тя мудру сущу: повѣждь ми имя свое! Она же отвѣщавши рече: имя ми есть Ѳеврония; повѣдай же и ты ми о себѣ: кто ты еси, и откуду, и камо гредеши, и чего ради семо приідохъ? Онъ же рече: азъ есмь от предстоящихъ муромскаго князя Петра. Князь же мой, имѣя болѣзнь зѣло тяжку и многи язвы на тѣлѣ своемъ и струпы, понеже окровленъ бѣ отъ неприязненаго лѣтящаго змия, егоже убилъ своею рукою, і во всемъ одержаниі искаша исцеления от многъ врачевъ, и не получи, и сего ради вѣле себѣ семо привезти; слышахъ, яко суть здѣ врачевѣ мнози, и ныне во страну сию приідохомъ, и не вѣмы како имѣнуются, или гдѣ пребываютъ врачеве, и о семъ молю тя повѣдати ми: аще гдѣ еси извѣстно вѣси врачевъ? Она же рече: аще бы кто требовалъ князя твоего себѣ, моглъ бы его уврачавати. Юноша же рече: что, убо, дѣво, глаголеши? кому бо требовати князя моего себѣ: аще кто уврачюетъ его, князь мой дастъ ему имѣния многа; но скажи ми врача того: кто есть, и камо жилище его? Она же рече: да привезите князя своего семо. И аще будетъ мягкосердый и смиренъ во отвѣте, да будетъ уврачеванъ. Юноша же возвратися ко князю своему, и поведа ему вся поряду и подробну, еже виде и слыша. Благовѣрный же князь Петръ, слышавъ таковая глаголы, удивися разуму дѣвичю, и рече

к предстоящимъ: довѣзите мя гдѣ есть она дѣвица. Предстоящи же, слышавше повѣление князя своего, повѣзоша его, и доидоша дому того, в немъ же бѣ дѣвица. И посла к ней князь юношу вопросити: гдѣ есть той врачь хотяй мя уврачевати? Слуга же, пришедъ к ней, вопроси ю; она же рече: шедъ, повѣдай князю своему, яко азъ есмь: хощу врачевати его, но имѣния его не требую; имамъ к нему слово таково: аще имамъ супруга быти ему, то могу уврачевати его. Слышавъ же человѣкъ той, шедъ повѣда князю, яже слыша от нея. Князь же Петръ помысливъ себѣ: како ми, князю сущу, древоделцеву тщерь пояти жену себѣ, но изнемогаше болезнию зело и зжалився, посла к ней, рече: что есть врачевство ея, да врачюетъ: имамъ пояти ю в жену себѣ. Человѣкъ же той пришедъ, слово княже повѣда ей. Блаженная же и преблаженная, не требуя многаго врачевания, но токмо вземъ сосудецъ малъ, и почерпе кислажти своея, и дуну на ня, и благослови я; и даде слузе, рече: приими сие, и шедъ отнеси князю своему, и повѣле (и) прежде учредити баню измытися ему водою, и потомъ да помажется симъ по всему тѣлу, токмо единъ струпъ оставитъ не помазанъ, и будетъ здравъ. И принесе слуга помазание то ко князю, и вся глаголы ея повѣда ему; князь же повѣле баню учредити і восхоте блаженную искусити премудрости ея ради, якоже слышахъ глаголы ея от юноши своего. И посла к ней со единымъ отъ слугъ своихъ едино повѣсмо льну, глаголя: яко сия дѣвица хощетъ ми супруга быти мудрости ради, и аще мудра есть, да учинитъ ми в семъ повѣсме срачицу, и порты, и убрусецъ, в ту годину, в нюже азъ пребуду в бани. Слуга же принесе ей повѣсмо лну. и княже слово сказа ей; она же, ни мало смутися, но рече слузе: взыди на печь нашу и вземъ полѣнце, снеси семо. Онъ же послуша ея и снесе. Она же повѣле ему отмерети пяди единыя утинокъ и отсещи. Слуга же повѣления ея сотвори, отсече утинокъ. Она же рече: возми сей утинокъ, отнеси князю своему, и рцы ему отъ менѣ: в кий часъ азъ очищу повѣсмо сие, а князь твой да приготовитъ ми в семъ утинце в ту год станъ и все строение, чимъ сотчетца полотно его. С га же принесе князю утинокъ полѣнца и речи (женныя вси повѣда ему. Князь же, слышавъ, удив отвѣту ея, и посла того же слугу: шедъ і рцы дѣ цы, яко невозможно есть в таковѣ мале древце малу годину сицева строения сотворити. Слуга пришедъ и слово княже сказа ей. Она же рече: а ли возможно есть человѣку мужеска возраста во е номъ повѣсме і въ такову годину, в неже в бани п будетъ, сотворити срачицу, и порты, и убрусецъ. Сл же отиде и повѣда вси ея отвѣты. Князь же, с шавъ, похвали ю. И по времени иде князь мытися баню; и повѣлениемъ блаженныя помаза онымъ сляждемъ, яже уготова ему блаженная, вся своя стр и язвы, и единого же струпа не помаза повѣлени ея, изыде же изъ бани, и бысть здравъ, яко ничимъ лѣзнуя: и узрѣ до конца тѣло свое чисто и здраво, р единаго струпа и (же) бѣ не помазанъ, и дивившеся к скорому своему исцелению, и бысть в размысле м за оно слово, еже обѣщавшуся ему блаженную Θе нию пояти в жену себѣ, бозотчества ея ради. И сла к ней дары многи, и повѣле глаголати ей: яко возможно князю пояти тя в жену себѣ безотче твоего ради. Она же даровъ не прия, и глагол слуге: шедъ, рцы князю своему, яко онъ во исти не пребысть; есть же истинствуяй, иже надо в сый: той сотворитъ, яко восхощетъ.

Князь же Петръ поеха во отчину свою во градъ Мур здравствуя. И нача на немъ паки струпы являтися того единаго струпа, иже бѣ не помазанъ, единъ по ному, и бысть весь оструплен, и виде себя в бол велицеі, паки возвратися на готовое исцеление ко бл ней. Яко приспе к дому ея, посла к ней с молен и з дары, прося врачавания и скораго исцеления. же ни мала гнѣва подержавъ, и рече слугамъ его: будетъ ми князь супружникъ, да будетъ уврачев Слуги же, шедше, возвѣстиша князю своему. Он обѣщася с клятвою пояти ю в жену себѣ, аще и

литъ его. Она же увѣрися, и паки таково же врачевания посла к нему, яко и прежде. Онъ же по предреченному сотвори: помаза все струпы своя и не остави ни единаго не помазяна, и бысть весь здравъ, яко николиже болевъ. И поеха во отчину свою во градъ Муромъ, поятъ и блаженную с собою с великою честию; и дошедше града Мурома, благословениемъ епископа града того, сотвориша бракъ честенъ, поя блаженную в жену себѣ, і вѣнчанъ бысть с нею в соборной и апостольской церкви, і радость велия бысть во граде. И живяста блаженниі во всякомъ благочестиі, и ничтоже отъ заповѣдей Божиихъ оставляюще, но все житие свое в смирении, і в кротости, і во страсѣ Божии провождающе.

По мале же времени старѣйший братъ блаженнаго князя Петра, князь Павелъ, отъ жития сего отиде; благовѣрный же князь Петръ по брате своемъ бысть единъ самодержецъ граду Мурому. Ненавидя иже добра врагъ диаволъ вложи ненависть бояромъ его: начаша блаженныя кнеини Ѳевронії не любити, женъ ради своихъ, яко бысть не боярского роду, Богу же прославляющу ея добраго ради жития ея.

Чюдо блаженныя како прелагаше хлѣбныя крохи въ еминянъ.

Нѣкогда от предстоящихъ слугъ ея приіде ко благоверному князю Петру, и навади на ню, яко, рече, отъ стола своего безчинно исходитъ, внегда убо востати ей, взимаетъ въ руку свою крохи яко гладна. Благовѣрный же князь Петръ, хотя ю искусити, повѣле ей обѣдати с собою за единымъ столомъ. Егда же скончася обѣдъ, она же, яко же имаше обычай, вземъ отъ стола в рукавъ своі крохи, князь же Петръ, приімъ ю за руку и разверзе, виде ливанъ добровоненъ и еминянъ; и от того дьни остави ю кгому не искушати. По инозе же времени приидоша к ней съ яростию бояре его, рекуще; о княже! хощемъ ти вси праведно служити и самодержцемъ тя имѣти, но кнеини Ѳевронии не хощемъ, яже господьствуетъ женами нашими; аще же хощеши самодержецъ быти, да будетъ ти ина кнеиня; Ѳеврония же, вземъ богатество си доволно, и отидетъ аможе хощетъ. Блаженный же князь Петръ, якоже бѣ ему обычаи, ни о чемъ же ярости не имѣя, со смирениемъ отвѣща: да глаголита Ѳевронии, и якоже речетъ, тогда слышимъ. Они же наполнишася неистовия и безстудия, умыслиша учредити пиръ, и сотвориша; и егда быша весели, начаша простирати безстудныя своя глаголы, аки пси брешуще, отнимающе у святыя Божіи даръ, егоже и по смерти ей Богъ неразлучно обѣща, глаголаху; о госпоже, княгиня Ѳеврония! весь градъ и бояре в си глаголютъ: даждь намъ его же просимъ у тебѣ. Она же рече: возмита его же просита. Они же едиными усты реша: мы убо, госпоже, вси князя Петра хощемъ, да самодержьствуетъ над нами; тебѣ жь жены наши не хотятъ, яко господьствуеши надъ ними, но вземъ си богатство доволно, и отиди аможе хощоши. Она же рече: обѣщахся вамъ, яко елико аще просите, приімѣте; азъ же вамъ глаголю: дадите ми его же азъ попрошу у васъ! Они же, злии, тому ради быша, не вѣдуще будущаго, и глаголаша с клятвою: яко аще речеши единою, бѣз прекословия возмеши. Она же рече: ничтоже ино прошу, токмо супруга моего князя Петра. Бояре же рѣша ей: аще самъ восхощетъ, ничтоже ти глаголемъ. Врагъ бо наполни ихъ злыхъ мыслей: яко аще не будетъ князь Петръ, то поставимъ иного самодержца; кийждо от бояръ его держаще во умѣ своемъ, яко самъ будетъ самодержецъ. Блаженный князь Петръ не возлюби временнаго самодержьства кромѣ Божиихъ заповѣдей, но по заповѣдемъ Его шествуя и держася ихъ, яко богогласный Матѳей и по (во) своемъ благовѣстиі вѣщаетъ, глаголя: аще кто пуститъ жену свою развѣ словѣси прелюбодейнаго, и оженится иною, прелюбы творитъ. Сей же блаженный князь Петръ по еуангелию сотвори: одержание свое яко уметы вмѣни, да заповѣди Божия не разрушитъ. Они же, злиі боляре, даше имъ суды на реце, глаголемей Оке, яже и до нынѣ под стеною града того; и тако отидоша от своего отчества, упование положше на всесилнаго Бога, промышляющаго своими угодники.

О прозрѣнiи блаженныя в нѣкоемъ человѣце лукаваго помысла.

Пловущимъ же имъ по реце в судехъ, и некий человѣкъ бѣ у блаженныя кнеини Ѳевронiи в судне, его же и жена в томъ же судне бысть, тоi же человѣкъ, приемъ помыслъ от лукаваго бѣса, i возре на святую с помысломъ. Святая же разумѣ духомъ злый его помыслъ, i вскорѣ обличи его, глагола ему: почерпи воды из реки сию сторону судна сего. Онъ же почерпе. И повѣле ему пити. Онъ же испи. И паки повѣле ему святая почерпнути з другую сторону судна и испити. Онъ же сотвори тако. Она же рече: коя вода слаждьше? Онъ же отвѣща: едина есть вода и вкусъ единъ. Святая же рече ему сице: и женское естество едино есть. Ты же, свою жену оставя, на чюжую мысляши. Человѣкъ же той увиде, яко в ней есть прозорливый даръ, бояся ктому таковая помышляти.

Вечеру же приспѣвшу, начаша ставитися на брѣзе; блаженный же князь Петръ нача помышляти: что се будетъ, еже волею гонзну самодержьства; предивная же кнеиня Ѳеврония глагола ему: не скорби, княже: милостивый Богъ, творецъ и промысленикъ всему, не оставитъ ны в нищете быти!

Чюдо блаженныя о древияхъ.

На брезе же томъ блаженному князю Петру на вечерю его ядь готовлеху, и потче поваръ его древца малы, на нихъ же котлы висяху; по вѣчери же святая кнеиня Ѳеврония ходяще по брегу, i видевши древца тыя, и благослови я, глаголя: да будутъ сия древца на утрия велика древия, имуще вѣтвия и листия. Еже и бысть. Воставше бо заутра, обрѣтоша тыя древца велика древия, имуще вѣтвие и листие.

О пришествiи людей от града Мурома.

I яко же хотяху людие ихъ рыхло метатися в суды со брѣга, и абие прiидоша велможи от града Мурома, моляше и глаголюще: о господине княже! от всехъ велможъ и от всего града прiидохомъ молити тя, да не оставиши насъ сирыхъ, но возвратися на свое отечество! Мнози бо велможи во граде погибоша от меча, кийждо бо ихъ хотя державствовати, сами ся изгубиша, а оставшiи со всемъ народомъ молятъ тя, глаголюще: о господине княже! аще и прогневахомъ тя, и раздражихомъ, не хотяще да княиня Ѳеврония господьствуетъ женами нашими, нынѣ же со всеми домы своими раби есмы ваю, хощемъ, и любимъ, и молимъ, да не оставиши насъ, рабъ своихъ. Блаженный же князь Петръ и блаженная кнеиня Ѳеврония возвратистася во градъ свой, славя Бога, прославляющаго своя угодники. И бѣху державствующе во граде томъ, ходяще во всехъ заповѣдехъ и оправданiихъ Господнихъ без порока, i в непрестанныхъ молбахъ и милостиняхъ ко всемъ людемъ, сущимъ под областию ихъ, аки чадолюбивыi отецъ и матi бѣста ко всемъ, и любовь равну имуще, не любяще гордости, ни грабления, но в Бога богатѣюща; бѣста бо всему граду истинная пастиря, а не яко наемника, градъ бо свой истинно и кротостию, а не яростию правяще, странныя приемлюще, алчныя насыщающе, нагия одѣвающе, бѣдныя от напасти избавляюще, i во всякомъ благочестiи пребывающе и угождающе Богу, ему же слава и нынѣ, и присно, i во вѣки вѣкомъ.

Егда же приспѣ благочестное ихъ преставление, умолиша Бога, да во единъ часъ будетъ преставление ихъ. И совѣтъ сотворивше, да будутъ положены во единомъ гробѣ и повѣлеста си учредити во единомъ камени два гроба, едину токмо преграду имуще между собою; самi же во едино время облекшеся во мнишеския ризы; и нареченъ бысть блаженный князь Петръ во иноческомъ чину Давидъ, преподобная же Ѳеврония наречена бысть во иноческомъ чину Еѳросиния.

В тоже время преподобная и блаженная Ѳеврония во храмъ пречистыя Богородицы соборныя церкви своима рукама шьяше воздухъ, на немъ же ликъ святыхъ. Преблаженный же князь Петръ присла к ней, глаголя: о сестро Еѳросиния! хощу уже отити от тела; нужду ти, яко купно отидемъ. Она же отрече: пожди, господине, да дошю воздухъ во святую церковъ. Онъ же второе посла к ней, глаголя: уже мало пожду тя. Якоже тре-

тицею посла к ней, глаголя: уже хощу преставися, и не жду тя. Она же остави точное дѣло воздуха того святаго шьяше, уже бо единаго святаго ризъ еще не шивъ, лица же нашивъ. И преста, и вотче иглу свою в воздухъ, и приверте нитию, ею же шьяше, и посла ю блаженному Давиду о купнемъ преставлении; и поюлившеся, предаста святыя своя души в руце Божіи мѣсяца Июня въ 25 день.

По преставленіи ихъ же, восхотѣста людие положити блаженнаго Давида внутри града в соборной церкви пречисты Богородицы, святыя же Еуѳросиніи положиша тѣло внѣ града в женстемъ монастыре в церкви Воздвиженія честнаго креста, глаголюще: яко во мнимесшемъ образе не угодно есть положити ихъ во единомъ гробѣ; и учредиша имъ гробы особныя, і вложивше в ня тѣлеса святыхъ; святаго князя Петра тѣло постависта внутрь града в соборной церкви доутрея, а святыя Еуѳросиніи тѣло постависта внѣ града в церкви Воздвиженія честнаго креста; общий ихъ гробъ, егоже святіі сами повѣлеша истесати во единомъ камѣни, остави (ша) тощъ в той же соборной церкви. На утрие же вставше людие, обрѣтоша особныя гробы ихъ тощи, в ня же ихъ вложиста; святая же тѣлеса ихъ обрѣтоста внутрь града в соборной церкви Рожества Пречистыя Богородица во единомъ гробѣ, его же сами себѣ повѣлеша сотворити; людие же неразумніі, якоже в животе о нихъ мятущеся, тако и по честнемъ ихъ преставлении, паки преложиша я в особныя гробы, и паки разнесошася; и паки же на утрия обрѣтостася святіі во единомъ гробѣ. И ктому не смеяху прикоснутися святымъ тѣлесемъ ихъ. И положиша я во единомъ гробѣ, в немъ же сами повѣлеста, въ соборной церкви Рожества Пречистыя Богородицы, внутрь града, яже даде Богъ на просвѣщение и на спасение граду тому. Аще бо кто с вѣрою приходитъ к раце мощей ихъ, неоскудно исцеление приемлетъ.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

ПОСЛѢСЛОВІЕ ПЕРВАГО ВАРІАНТА.

Мы же по силѣ нашеи, да приложимъ хваленіе нма. Радуйсѧ, Петре, яко дана бысть ѡт Бога власть оубити иже лѣтѧщаго свирѣпаго зміѧ! Радуйсѧ, Февроніѧ, яко в женстей главѣ святыхъ моужъ мудрость имѣла еси! Радуйсѧ, Петре, яко струпы и язьвы на телѣ своемъ носѧ доблественне скорьби претерьпѣлъ еси! Радуйсѧ, Февроніѧ, яко ѡт Бога имѣла еси даръ въ девъственнеи юности недоуги исцелити! Радуйсѧ, славьны Петре, яко заповѣди ради Божіѧ самодерьжьства волею ѡтступи, еже не ѡсъставити супруга своеѧ! Радуйсѧ, дивнаѧ Февроніѧ, яко твоимъ благословеніемъ во единои нощи малое древіе велико возьрасте и изьнесоша вѣтвіе и листвіе! Радуйсѧ, честнаѧ глава, яко во ѡдержаніи ваю, въ смиреніи, молитвахъ, и милости, и без горьдости пожиста, тѣмьже и Христосъ дасть вамъ благодать: яко и по смерти телѣса ваю неразлучно во гробѣ лежаща, духомъ же предстоита владыцѣ Христу! Радуйтасѧ, преподобная и преблаженьнаѧ; яко и по смерти исцѣленіе с вѣрою к вамъ приходѧщимъ невидимо подаета, но молитвы, ѡ преблаженнаѧ супроуга Февроніѧ, помолитесѧ ѡ насъ, творящихъ вѣрою память вашоу! Да помянете же и мене грѣшнаго, списавьшаго сіе, елико слышахъ, не вѣдыи, аще иніи соуть написали, вѣдоуще выше мене. Аще оубо грѣшенъ есмь и гроубъ, но на Божію благодать и на щедроты его уповаѧ, и на ваше моленіе ко Христу надѣѧсѧ, и троудихсѧ мысльми, хотѣвый на земли хьвалитими почьтити, и оу хьвалы коснухьсѧ хоті вама, ради вашего смиреніѧ, и самодержьства, и пре добъства, и по преставленіи вашемъ вѣньца плести не оуплѣтеніе косноухсѧ, прославьлени бо есте на бесѣхъ и веньчани истиньными и нетлѣньными вѣ цы ѡт обьщаго владыкы всѣхъ Христа, емоуже по баетъ со безьначалнымъ Ѡтцемъ, коупьно со пресвяты благимъ и животворѧщимъ Духомъ, всѧка слава, и чес и поклонѧніе, и нынѣ, и присно, и во вѣки. Амин

ЗАГЛАВІЕ ВТОРАГО ВАРІАНТА.

Мца Іюнѧ кѯ кѯ день Повѣсть ѿ житьѧ ст҃ыхъ новыхъ чу творцоѡ мѹромскихъ благовѣрнаго кнзѧ Петра, нарѣченнаго иноческом чинѹ прпбнаго и достохвалнаго Дѣда. и сѹпрѹги благовѣрныѧ кнгини Ѳеврониꙗ нарѣнныѧ во иноческомъ чи прпбныѧ Ѳѧросениꙗ достохвалныѧ. Благослови, ѿче!

ПОСЛѢСЛОВІЕ ВТОРАГО ВАРІАНТА.

Мы же по силѣ нашей да приложимъ хваления и Радуйся, Петре, яко дана ти бысть власть от Б убити змия летящаго! Радуйся, Ѳевронне, яко в ж стей главѣ святыхъ мудрость имѣла еси! Радуй Петре, яко струпы и язвы на тѣле своемъ нося, блественне скорби претерпѣлъ еси! Радуйся, Ѳеврон яко отъ Бога претерпѣла (¹) еси даръ въ дѣвствене

(¹) Вѣроятно: имѣла.

юности недуги исцелятн! Радуйся, Петре, яко заповѣди ради Божия самодержавьства волею отступи! Радуйся, дивная Ѳеврония, яко твоимъ благословениямъ во едину нощь малое древие велико возрасте и иснесоша вѣтви и листвие! Радуйтася, честныя главѣ, яко во одержании ваю, во смирении, и в молитвахъ, и въ милостыни, без гордости пожиста; тѣмже Христосъ дарова ваю благодать, яко и по смерти тѣлеса ваю неразлучно во гробѣ лежаше, духомъ же предстоите владыце Христу! Радуйтася, преподобная и преблаженная, яко и по смерти исцеление вѣрою к вамъ приходящимъ невидимо подаваета! Но молимъ вы, о преблаженная супруга, помолитеся о насъ, творящихъ вѣрою память вашу, до помянета же и мене, грѣшнаго, списавшаго сие, елико слышахъ, не вѣдый аще инии суть написали, вѣдуще паче мене. Аще бо и грѣшенъ есть и грубъ, но на Божію благодать, и нащедроты его, и на ваше моление ко Христу надѣяся, трудихся мысльми, хотя вы на земли хвалими почтити и не у хвалы коснухся. Хотѣхъ ваю вашего ради смирения, самодержьства и преподобьства, и по преставление вашемъ вѣнца плести и плетения коснухся. Прославлені убо есте на небесехъ и вѣнчани истинными нетлѣнными вѣнцы от общаго владыки Христа, емуже подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе, со безначальнымъ Отцемъ, купно и со пресвятымъ, благимъ и животворящимъ Духомъ, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

ЗАГЛАВІЕ И ПРЕДИСЛОВІЕ ТРЕТЬЯГО ВАРІАНТА.

Житие и жизнь и ѿчасти чюдес сѣтого блговѣрного князя Петра ко иноцех Дѣда и сѣтыя блговѣрныя кнгини Ѳеврониї ко иноцех Ѳѵфросиниї. мѹромских чюдотворецъ. Блгки ѿче.

Богу и Отцу, и присносущному Слову Божию Сыну, і пресвятому и животворящему Духу, единобожию естеству, безначалному, купно в Троіце воспѣваему, и славиму, и почитаему, и вѣруему, і превосносиму, і исповѣдуему, і благодариму, Содѣтелю і Творцу невидимому, и неописану, изкони самосилну, неизреченною обычною си премудростию совѣрьшающему и строящему всяческая, и прославляющему, еже хотя своимъ самовластиемъ, яко же бо исперва сотвори небеса, ангелы своя духи и слуги своя огнь палящь, умные чинове безтѣлесная воинства, ихъже неисповѣдимо есть величество, яково уму человѣческому невозможно постигнути, і вся невидимая сотвори, яже не суть вѣдома человѣкомъ, видимую же тварь сотвори: небесная стихия, солнце, луну, звѣзды, и на земли древле созда человѣка по своему образу, и ниже тѣлесный видъ разумѣ, ино мысленный, яже Содетель отъ своего трисолнечнаго Божества подобіемъ тричисленно лично дарова ему: умъ, слово, духу (ъ); иже пребываетъ в человѣцехъ умъ, яко отецъ слову, слово же исходитъ отъ него яко сынъ посылаемъ, на немъ же духъ почиетъ, ибо у коегождо человѣка изо устъ слово без духа исходити не можетъ, но духъ с словомъ исходитъ, умъ же начальствуетъ. Да не продолжимъ слова от твари чистѣй (?), но на предлежащее возвратимся. Богъ же безначалный, создавъ человѣка, почте и надо всѣмъ существомъ постави его и любя же в человечестемъ роде вся праведники, грѣшныя же милуя, хотя бо всемъ спастися і в разумъ истинный пріити. Егда же, благоволениемъ Отчимъ, и своимъ хотѣніемъ и споспѣшествомъ Святаго Духа, единъ отъ Троицы Сынъ Божій ни инъ ни инакъ (?) но тойже Богъ Слово Сынъ Божій благоволи родитися плотию от Пречистыя Богородицы Марії, и бысть человѣкъ, еже *нѣ* (?) бѣ на земли ходя, и никакоже Отчиихъ нѣдръ отлучися, обаче же і в Пречистую его Матерь Божественное естество его пребысть неизреченно, и никакою притчею повѣдати возможно, или къ чесому приложити, занеже вся тварь его есть; по твари же его разумѣваемъ без страсти его, ібо аще какову стоящу (древу) на земли, солнцу же с небеси сияющу нань, в ту же годину древу тому аще случитца посѣкаему быти, и симъ страдати, лучь же солнечный от древа то (го) не отступитъ, ниже посекаетца со древомъ, того не отступитъ, ни стражетъ. Глаголемъ

убо о солнце и о дрѣве, понеже тварь его есть; Зиждитель же и Содѣтель неизглаголаненъ есть; себо пострада за ны плотию, і грѣхи наша на крестѣ пригвозди, искупивъ от миродержителя лесца цѣною честною своею кровію; о семъ бо рече ны Павелъ: небудите раби человѣкомъ, куплени бо есте ценою кровию Христовою. По распятии же Господь нашъ Іисусъ Христосъ трудневно воскресе, і в четыредесятый день вознесеся на небеса, и седѣ одесную Отца, и посла Духъ Святый на святыя своя ученики и апостолы. Они же всю вселенную просвѣтиша святымъ крещеніемъ, и елицы во Христа крестишася, во Христа облекошася, да не отступаютъ от заповѣдей его, не яко лесцы и блазнители, иже по крещенні оставльше заповѣди Божія и лстящеся мира сего красотами, но яко же пророцы и апостолы, и мученицы, і вси святіи, Христа ради пострадавше в скорбехъ, в бѣдахъ, в тѣснотахъ, в ранахъ, в темницехъ, в нестроениихъ, в трудехъ, во бдѣниихъ, во очищениихъ, въ разумѣ, в долготерпенні, во благости, в Дусе святе, в любви нелицемѣрие, в словѣси истинне, в силѣ Божиі, иже свѣдомы суть единому вѣдущему тайны сердечныя, имиже землю просвѣтилъ, яко небо звѣздами украсилъ, и почте ихъ чюдотвореньми, овыхъ убо ради молитвъ, и покаяния, и трудовъ, овыхъ же мужества ради і смирения, якоже сихъ святыхъ прослави, о нихъ же намъ слово предлежитъ.

ПОСЛѢСЛОВІЕ ТРЕТЬЯГО ВАРІАНТА.

ПОХВАЛА.

Мы же по силе нашей да приложимъ хваления има. Радуйся, князе Петрѣ, яко на тѣбѣ бысть отъ Бога власть убити летящаго змия! Радуйся, княгиня Ѳеврония, яко в женстей главѣ святыхъ мужъ мудрость имѣла еси! Радуйся, княже Петрѣ, яко струпы и язвы на теле своемъ нося и доблествѣннѣ скорби претерпѣлъ еси! Радуйся, Ѳеврония, яко от Бога имѣла еси даръ в дѣвственей юности недуги цѣлити! Радуйся, княже Петре, яко заповѣди ради Божия самодержавства волею отступи, еже не остати супруги своея! Радуйся, дивная княгиня Ѳеврония, яко твоимъ благословениемъ во едину нощь малое дрѣвие велико возрасте, і ветвие и листие испусти! Радуйся (тася), честнѣи главѣ, (в) воздержанні ваю, в молитвахъ, и смиренні, і в милостыни, без гордости пожиста, тѣмъ и Христосъ даде вамъ благодать, яко и по смерти тѣлеса ваша неразлучно лежатъ, духомъ же предстоита владыце Христу! Радуйтася, преподобная и преблаженная, яко и по смерти исцеление с вѣрою к вамъ приходящимъ невидимо подаете, но молимъ вы, о преблаженная супруга, помолитися о насъ, творящихъ вѣрою память вашу, да помѣнетѣ же и менѣ, прегрѣшнаго, списавшаго сие, не вѣдый, аще ини суть написали, вѣдуще выше менѣ; аще бо грѣшенъ есть и грубъ, но на благодать Божию и на щедроты его уповая, и на ваша моление ко Христу надѣяхся, трудихся мысльми, хотя вы на земли хвалами почести, и не у хвали коснухся: хотехъ вамъ, ради вашего смиреннаго самодержавьства и преподобства, по преставленні вашемъ вѣньца плѣсти и не уплетения коснухся. Прославлени бо есте на небесѣхъ, і вѣнчани истинными і нѣтленными вѣньцы от общего всехъ владыки Христа. Ему же честь и слава, купно со со безначалнымъ его Отцемъ, и с пресвятымъ, и благимъ, и животворящимъ Духомъ, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Повѣсть эта принадлежитъ къ самымъ замѣчательнымъ созданіямъ древней нашей письменности и представляетъ драгоцѣнный матеріалъ для изученія какъ народныхъ вѣрованій и понятій, такъ равно и для древняго быта. Основа ея очень древняя: загадка, составляющая важнѣйшій интересъ разсказа, находчивость и умѣнье выйти изъ затрудненія, обладаніе тайными силами на пользу человѣка. Повѣсть наша имѣетъ поразительное сходство съ старинною малороссійскою сказкою *о дівкѣ семиліткѣ,* которую для объясненія мы считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь на южнорусскомъ языкѣ.

Бувъ собі панъ, и загадавъ вінъ своімъ людямъ загадку; и каже, що де ту загадку яка дівка, або удова одгадае, то вінъ ії за паню собі візьме. А загадка та була отъ-яка: *що е на світі надъ усе ситчійшъ, швидчійшъ и милійшъ?* Отъ и стали приходити до пана люде; одинъ каже: у мене дівка оттакъ веліла сказать, другий тее, третій ще инше; хто каже ситчійшъ надъ усе свиня, швидчійшъ — кошеня а милійшъ — дитина.... а другі по своему казали. А панъ імъ откаузе: »ні, не тое. Коли приходить до пана чоловікъ, бідний-бідний, саме послідній на селі и каже: »у мене, пане, е дівчина семиліткa, послала мене до вашоі милости, каже: ситчійшъ надъ усе земля, швидчійшъ око, а милійшъ сонъ.« Панъ, якъ почувъ, такъ ажъ у долоні сплеснувъ: »якъ разъ такъ!« каже. — Треба ії сватать, а панові не хочетьця, бо вінъ есть панъ, а вона проста, и ставъ вінъ думати — якъ-би одъ неі одвязатися. Отъ и посилае вінъ сватівъ и давъ імъ яецъ голубячихъ.« Отдайте, каже, ій, щобъ вона мині къ світу голубятъ вивела, щобъ до обіда вони виросли, а на обідъ панові поспіли.« Ті й пішли; увіходять у хату; отъ дівка сидить сама собі, гола, та кросна тче, и каже імъ: »вибачайте, панове-свати, що я гола, бо у мене хата безъ очей и безъ ушей, а хочъ и е очи, та завязані.« Ті стоять неначе дурні, нічого не второпають; трохи постояли, та й кажуть: »а де твій батько та мати?« — А вона імъ каже: »батько поіхавъ у лісъ, а мати пішла на заемъ плакати.« — »А коли жъ батько твій вернетьця?« питають свати. — А вона каже: »коли поіде на объіздъ, то сегодні ввечері вернетця, а коли навпростець, такъ дома не ночуватиме.« Ті нічого не второпають, тілько плечіма здвигають. А вона імъ каже: »чимъ же васъ панове свати частувати: чи прибиллю, чи убиллю, чи тимъ, що на пана Бога дивитця?« Свати й кажуть: »скажи, будь ласкава, дівчино, що се ти таке говоришъ що ми нічого не второпаемъ.« А вона каже: »а ви зъ своімъ паномъ умієте загадки загадовати, а одгадати не вмивались, мабуть! А то бачте: що я сказала, що въ мене хата безъ ушей и безъ очей, а хочъ и е очи, такъ завязані, такъ то — що у насъ въ хаті вікна віконницями позачинювані, а на дворі собаки нема; бо якъ-би собака була, такъ би дзвягнула, я бъ и почула, а якъ-би віконниці не були зачинені, то я бъ у вікно глянула, такъ побачила бъ васъ, та й одягласъ. Отто жъ воно й есть: що хата безъ ушей и безъ очей, а хочъ и е очи, такъ завязані. А те, що я сказала, що батько вернетця ввечері, коли на объіздъ поіде, а коли навпростець, такъ дома не ночуватиме, такъ то — що прямa дорога до лісу перекопана; коли батько поіде навпростець, то поламае візъ, то й ночуватиме въ полі, а коли на объіздъ поіде, то тамъ дорога хороша, и вінъ поспіе у вечері прибути. А те, що я сказала, що мати пішла на заемъ плакати, такъ, бачте, у сусіда дитина вмерла; мати й пішла надъ нею сидіти, а якъ у насъ помре, такъ сусіда прийде надъ нашою сидіти: отъ воно й есть, що на заемъ плакати. А то, що я сказала чимъ

васъ частувати: чи прибиллю, чи убиллю, чи тимъ що на пана Бога дивитця, такъ се бачте: прибиль — то молоко, бо якъ корову видоють, то й корова ціла, и молоко е: отъ воно и прибыль; а убиль, такъ то сало, бо якъ свиню заріжуть, такъ хочъ сала зъ неі добудуть, а свині въ хозяйстві не буде; а те, що на пана Бога дивитця, такъ то сирівець; бо вінъ у насъ бознаколишній, такий кислий, що якъ покоштуешъ, то й голову вверхъ задерешъ; неначе на образа дивисся!« Тоді свати й кажуть: »приславъ панъ насъ до тебе сватами, тільки казавъ; щобъ ти отсі яйця взяла и къ світу голубятъ вивела, и щобъ голубята панові на обідъ поспіли. А вона каже: »скажіть панові, нехай вінъ зробить изъ однолітківъ плугъ, та виоре цілину, та насіе проса, и щобъ те просо къ світу виросло, и щобъ его убрали и помолотили, щобъ було чимъ тихъ голубятъ годувати!« А потімъ скочила до іхъ, та якъ хватить іхъ за свитки, та подула імъ підъ свитки, та й крикнула: »Оттакъ же! нехай горить! Горіть тепер!« А вони: »Де горить?« та свитки зъ себе. А вона кричить: »Горіть! Горіть!« Ті зъ переляку и сорочки зъ себе и убрання поскидали, вертятця-крутятця, та кричять: »Де, де горить?« А вона ухопила у іхъ въ оберемокъ всю одежу, та й сховала, а потімъ випхала іхъ изъ хати, та й каже: »Панъ голубівъ хотівъ, отъ ему й голуби! идіть собі голі — тепер голубами стали; а свитки згодятьця голубятъ укривати.«

Тоді панъ посилае до неі знову и загадуе ій такъ: »Щобъ вона приіхала до мене ні конемъ, ні воломъ, ні саньми, ні возомъ, ні оголоблями, ні війкомъ, ні боса, ні обута, ні гола, ні вдягнута, ні зъ гостинцемъ, ні безъ гостинця.« Вона сказала: »Добре, приіду.« Та взяла й обмоталась уся бреднемъ, а сама сіла въ човенъ, а до човна козла привязала, підъ мишку зайця взяла, та такъ и іде. Панъ якъ углядівъ и велівъ на неі хортівъ спустити. Хорти до неі, а вона зъ підъ мишки зайця імъ пустила; вони й ушкварили за зайцемъ. А вона и вскочила до пана въ будинокъ. И каже: »Ну, пане, тепер я ваша, бо якъ казали, такъ я и приіхала: сами бачите: »ні конемъ, ні воломъ, ні саньми, ні возомъ, ні оголоблями, ні війкомъ, ні боса, ні обута, ні гола, ні вдягнута, ні зъ гостинцемъ, ні безъ гостинця, бо гостинець бувъ, та втікъ.« Панъ и взявъ іі.

Отъ прийшли мужики судитьця, и кажуть: були ми въ полі, та найшли сокиру, та ніякъ не поділимось. Одинъ каже: »Я попереду взглядівъ«; а другий каже: »Ні, я.« Панъ и задумавсь, не зна якъ іхъ розсудить. А вона каже: »Отъ, Богъ-зна надъ чимъ думаете довго! Збийте сокиру зъ топорища; одному нехай топорище, а другому сокира буде!«

Удруге упять прийшли мужики судитьця. »Були ми, кажуть, »въ полі, — его кобила, а мій візъ. Та й заночували. А вранці, дивимось, ажъ лошятко стоіть маленьке; ми й заспорили: чие лошятко? Одинъ каже: моя кобила привела, а другий каже: мій візъ привівъ.« Панъ и задумався. А вона каже: »Отъ Богъ-зна надъ чимъ думаете довго! Пустіть лошятко: куди воно побіжить, чи до кобили, чи до воза? А лошятко було собі сліпеньке, та й побігло до воза. А той, що казавъ, що то его візъ привівъ лошятко, и каже тепер: отъ бачте: я жъ казавъ, що мій візъ привівъ! А що не праву я казавъ?«

Тоді панъ и каже: »На що ти мої суди пересужуешъ? не хочу я тебе за паню мати. Бери у мене, що тобі здаетця найліпшого и наймилійшого, та йди собі одъ мене.« А вона каже: »Добре, піду; аби бъ позволивъ узяти що е найліпшого и наймилійшого. Та й каже: »Якъ ми побрались, то пили-гуляли, такъ и тепер треба пити-гуляти расходячись.« Та напоіла пана пьяного, та положила на той візъ, що гній возють, та й везе. А панъ прокинувсь, та й пита: »Куди ти мене везешъ?« А вона каже: »Аже жъ ти позволивъ узяти, що е найліпшого и наймилійшого. А для мене нема нічого найліпшого и наймилійшого одъ тебе, я тебе и взяла.« Тоді панъ каже: »Ну, годі жъ сваритьця; вернімось до дому, та станемо жити въ-купі любенько.«

Аналогія между этой сказкой и нашей повѣстью видна сама собою и нѣтъ необходимости входить въ объяснительныя подробности. Другія черты изъ этой повѣсти общія вообще всякому сказочному эпосу. Змѣй, летающій къ женщинѣ — старинное повѣрье, сохраняющееся до сихъ поръ. И теперь, если женщина начинаетъ страдать болѣзнью, отъ которой сохнетъ, то думаютъ, что къ ней летаетъ змѣй и является ей въ видѣ знакомаго мужчины; говорятъ даже, что иные видятъ, какъ этотъ змѣй прилетаетъ въ видѣ огненнаго метеора, разсыпается надъ избой, гдѣ живетъ обреченная ему жертва, потомъ превращается въ мужчину. Убійство змѣя, очевидно, варіантъ тѣхъ же бесчисленныхъ сраженій съ змѣемъ, которыя можно найти во множествѣ въ сказкахъ всѣхъ народовъ, и къ которымъ принадлежитъ наше старое сказаніе о кіевскомъ богатырѣ Кириллѣ Кожемякѣ. Мальчикъ, который указы—

мстъ Петру, гдѣ лежитъ агриковъ мечь, — есть таинственное сказочное существо, возвѣщающее скрытую тайну, открывающее мудрость и часто являющееся въ видѣ дитяти въ народномъ эпосѣ. Къ этому сказочному представленію относится одна малороссійская пѣсня, въ которой спрашивается какое-то малое дитя (*малé пахолѧ*): какая птица лучше всѣхъ птицъ, какой цвѣтокъ лучше всѣхъ цвѣтковъ, и какая *людúна* лучше всѣхъ людей! Пѣсня эта, раздѣляемая на куплеты, представляетъ нѣсколько разъ повтореніе восклицанія: *та скажú минí прáведу, малé пахолѧ*. Такое же символическое *малé пахолѧ* является и въ этомъ отрочати, указующемъ, гдѣ лежитъ агриковъ мечъ.

Что такое агриковъ мечъ и почему онъ агриковъ, объясняетъ сказка о Добрынѣ Никитичѣ.

Агрикъ или Агрика былъ богатырь, побѣждавшій исполиновъ и чудовищъ; онъ собиралъ со всего свѣта оружіе и имѣлъ такое собраніе, какому подобнаго не было въ цѣломъ свѣтѣ. Въ числѣ оружій у него были инородово копье, сдѣланное изъ громовой стрѣлы и мечь-кладенецъ, непобѣдимаго свойства. Когда умиралъ Агрикъ, то приказалъ, чтобы на его погребеніи сошлись богатыри и рѣшили споромъ и битвою, кому владѣть этими драгоцѣнными оружіями. Съѣхались трижды-тридевять богатырей и послѣ погребенія агрикова стали сражаться, и всѣ перебили другъ друга. Одинъ изъ богатырей, пережившій другихъ и смертельно-раненый, поручаетъ сокровища эти стеречь агрикову слугѣ, до тѣхъ поръ, пока явится достойный богатырь, которому предопредѣлено овладѣть ими. Ключь отъ этихъ сокровищъ долженъ былъ лежать подъ головой убитаго, а этой головѣ слѣдовало валяться въ чистомъ полѣ до тѣхъ поръ, когда пріѣдетъ желанный богатырь. Этотъ чаянный богатырь былъ Добрыня Никитичъ, и онъ овладѣлъ сокровищами Агрика и съ помощію его умертвилъ Тугарина-Змѣевича — сказочное олицетвореніе враждебной силы, которую ни чѣмъ другимъ нельзя было побѣдить, какъ только агриковымъ оружіемъ.

Въ нашей повѣстѣ агриковъ мечь запрятанъ подъ церковью, но между *керемедями*; кереметями назывались мѣста языческаго богослуженія у восточныхъ народовъ финно-турецкаго племени. Это наводитъ на мысль, что все преданіе объ агриковомъ мечѣ заимствовано отъ этихъ народовъ и составляло сущность ихъ миѳологическихъ представленій. Церковь стояла на мѣстѣ прежнихъ кереметей, потому что въ тѣ вѣка, когда христіанство распространялось и замѣняло угасавшее язычество, церкви обыкновенно строились на мѣстахъ, прежде священныхъ для язычниковъ.

Въ повѣстѣ нашей заключаются нѣкоторыя любопытныя черты древняго быта вѣрованій гражданскаго устройства и домашней жизни:

1) Отправка князя Петра за врачами въ рязанскую землю показываетъ тогдашнее понятіе о врачевствѣ. Врачевство было знахарство, а не искусство; знатныя особы, заболѣвши, разсылали своихъ слугъ разузнавать, гдѣ есть тѣ, которые выдаютъ себя за умѣющихъ пользовать больныхъ. Воображеніе, отодвигая все чудесное, мудрое, необыкновенное въ даль, искало врачей не въ своей, а въ чужой землѣ. Такимъ образомъ и муромскій князь началъ искать врачей въ сосѣдней, рязанской землѣ.

2) Февронія говоритъ юношѣ, вступившему къ ней въ избу: *нельпо есть дому безъ ушію, а храму безъ очію*. Здѣсь домъ принимается въ смыслѣ всего домашняго заведенія, двора, а *храмъ* въ смыслѣ избы.

3) Указаніе Февроніи на то, что отецъ ея и братъ были древолазцы, показываетъ, что въ этихъ странахъ, въ древности обильныхъ медомъ, поселяне занимались разведеніемъ пчелъ въ лѣсахъ; пчелы содержались въ бортяхъ и, какъ видно, плодились свободно, такъ что потомъ надобно было, собирая медъ и воскъ, иногда лазить на вершины деревьевъ.

4) Въ *Навы* — выраженіе старое, значитъ въ смерть. Здѣсь впервые, сколько извѣстно, является это слово во множественномъ числѣ. Въ одной малороссійской пѣснѣ *нава* значитъ гробъ: *та ще того нíхтó не видáвъ, щобъ умéрший зъ нáви вставъ*; въ Чешской хроникѣ Далимила слово *Навы* употреблено также въ смыслѣ могилы: potom krok jide do nawy; у Іоанна Экзарха Болгарскаго навъ — вампиръ: *навъ изъ гроба изходящъ*. Въ этомъ смыслѣ, по извѣстію нашей лѣтописи, кіевляне прозвали одного сановнаго мужа *навьемъ*: се *навье пришолъ*; въ той же лѣтописи (подъ 1092, по поводу описанія страшныхъ явленій, совершавшихся въ Полоцкѣ) навье — бѣсы, привидѣнія, наносившія вредъ жителямъ Полоцка; навій великдень — у южноруссовъ мертвецкій праздникъ. Въ нашей повѣсти *навы* во множественномъ числѣ какъ будто какое-то царство смерти, міръ усопшихъ.

5) Изгнаніе Петра и Февроніи представляетъ важныя указанія на общественный порядокъ и понятіе о власти. Видно, что въ восточной Руси, въ княжествахъ, рано образовалось сословіе, сильное и вліятельное, со-

словіе бояръ; оно успѣло уже развить аристократическіе зачатки. Женитьба князя на дѣвушкѣ изъ земледѣльческаго сословія уже трогала самолюбіе и казалась выходящимъ изъ границъ дѣломъ. Власть княжеская зависѣла отъ бояръ, но разъ предоставленная князю, была *самодержавная* до тѣхъ поръ пока признаютъ ее; подъ именемъ самодержавія, однако, нельзя понимать вполнѣ того, что впослѣдствіи разумѣлось. Достойно замѣчанія, что въ повѣсти говорится, что когда князя изгнали, то нѣкоторые думали сами захватить власть. Слѣдовательно, достоинство правителя не было въ Муромѣ исключительнымъ достояніемъ княжескаго рода; слѣдовательно считались возможными случаи, а можетъ быть и бывали, когда вмѣсто князя захватывали власть бояре, какъ подобные примѣры видны на другомъ концѣ русскаго міра — въ Галичѣ. Но эти попытки были и здѣсь, какъ и тамъ, неудачны; князь изгнанный возвращенъ снова потому, что въ городѣ явилось много претендентовъ и открылись усобицы, что составляло характеристику вообще русской исторіи. Это объясняетъ почему необходимъ былъ княжескій родъ и почему рюриковъ родъ держался въ Руси, не смотря на то, что власть его членовъ была слаба: безъ единаго рода не было бы ничего прочнаго и всѣ между собою ссорились бы, и народъ страдалъ бы отъ ссоры сильныхъ. Какъ ни губительны казались иногда княжескія усобицы, но зло, происходившее отъ нихъ, не было такъ сильно, такъ ужасно, какъ то зло, которое могло возникнуть при совершенномъ отсутствіи опредѣленнаго понятія о правѣ лицъ на власть. Это-то самое образовывало и поддерживало, мало по малу, при согласномъ вліяніи постороннихъ обстоятельствъ, самодержавную идею.

Когдабы ни составилась эта повѣсть въ ея настоящей формѣ, несомнѣнно то, что основа ея взята изъ старыхъ временъ. Точность описываемаго событія здѣсь не важна; дѣйствительно ли происходило съ Петромъ то, что здѣсь разсказывается объ изгнаніи, для насъ все равно; довольно того, что въ народномъ понятіи существовало сознаніе, что такое событіе могло произойти.

Подробную оцѣнку этой замѣчательной повѣсти и отношенія ея къ сказаніямъ другихъ народовъ индоевропейскаго племени можно найти въ ученой статьѣ почтеннаго изслѣдователя нашей старины Ѳ. И. Буслаева, помѣщенной въ Атенеѣ 1858 года.

Редакт.

Сказание о явлении и о сотворении чтнаго и животворящаго крта Гдня что въ Муромскомъ уѣздѣ на рѣкѣ на Унже.

Понеже благій и премилостивый Богъ нашъ не восхотѣ благости своей въ молчаніи быти, но излитися въ ней и произыти сущія отъ него человѣцы, и милость его и человѣколюбіе проповѣдуетъ вся тварь.

Тако и сія убо благочестиви поклонницы святыя единосущныя Троицы вѣрніи христіане, двѣ сестрѣ Мареа да Марія единородны суще, добра рода и благочестива, по лѣтѣхъ же нѣкіихъ родителя ихъ вдана ихъ мужеви Мареу именемъ Іоанну, Марію Логину, Іоаннъ живяше въ Муромѣ, а Логинъ въ рязанскихъ предѣлѣхъ, и бысть между ними разстояніе не мало.

Но нѣкоемъ же времени случися имъ быти у нѣкоего от сродникъ своихъ, и в то время ненавистникъ роду христіанскаго врагъ, не хотя видѣти любви христовы въ людехъ, учини вражду промежъ Іоанномъ и Логиномъ, и вложи гордыню в сердца ихъ; и бысть велика брань промежъ ихъ о мѣстѣхъ: ни единъ одному мѣста не хощетъ дати. Іоаннъ поносяся богатствомъ, а Логинъ хвалася отчествомъ, и о томъ велика пря между ихъ, потомъ разыдошася во своя себѣ домы: Іоаннъ въ Муромъ, а Логинъ на Рязянь. О злыя козни діяволи! Како от любви Божіи отврати, а вражду всѣялъ! Не токмо во гнѣвѣ разыдошася, но и клятву на свои души положили, что другъ со другомъ и до смерти не видѣться, и женамъ своимъ заповѣдали, чтобы имъ сестрѣ съ сестрою не съѣзжаться, и писмами не ссылаться. И тако в томъ гнѣвѣ многимъ лѣтомъ минувшимъ безъ вѣсти другъ друга, и судомъ Божіимъ преставися Іоаннъ в Муромѣ, и того же мѣсяца и дни преставися и Логинъ на Рязани. Великое то чюдо: нако единаго дни и часа обѣ сестрѣ мужей своихъ отлучилися, а не вѣдаютъ другъ про друга вдовства своего! И минув (шу) годиночному времени, востужися Мареа о сестрѣ своей Маріи, и моля Бога, дабы подалъ милости своей, чтобъ видѣть ей сестра своя, и рече въ помыслѣ своемъ: пойду я на Рязань, и поклонюся зятю своему Логину: да умилится надо мною, вдовства ради моего, потомъ увижу сестру Марію. И милостивый Господь Богъ не презрѣ моленія рабы своея Мареы: вложи ту же мысль въ сердце и сестрѣ ея Маріи итти в Муромъ поклонитися зятю своему Іоанну и видѣти сестру; а не вѣдаютъ обѣ вдовства своего.

По малѣ же времени, повелѣ Мареа рабомъ своимъ изготовити кони и себѣ колесницу и возила запасомъ, и поѣде в рязанскія предѣлы къ зятю своему Логину. И тако повелѣніемъ Божіимъ и Марія поѣде тогоже дни въ Муромъ къ зятю своему Іоанну, а невѣдая

другъ про друга. И ѣдущи же Мареѣ путемъ, по нѣкоемъ дни прилучися стати на нѣкоемъ пустѣ полѣ, покоя ради; и в тоже время пріѣде и Марія на тоже поле, призвавъ своего раба и рече ему: пойди, рабе, вопроси отъ служащихъ: кто на семъ полѣ стоитъ? мужескъ ли полъ или женскъ! аще мужескъ полъ стоитъ на семъ мѣстѣ, то поѣду далѣ отъ сего мѣста, аще ли женскъ полъ стоитъ, то и я здѣ пребуду. Рабъ же маріинъ пріиде и вопроси единаго отъ служащихъ ту: брате, повѣждь ми, кто стоитъ на семъ мѣстѣ? Онъ же отвѣща: стоитъ здѣ из Мурома вдова Мареа, а ѣдетъ па Рязань к сестрѣ своей Маріи. Рабъ же маріинъ, слыша слово, тече скоро к госпожѣ своей Маріи, и повѣда все поряду слышанное отъ служащаго оного, Марія же, познавъ, что единородная сестра ея Мареа, пометавъ все, течаше скоро къ Мареѣ со многимъ плачемъ; Мареа же съ великимъ ужасомъ и со слезами иде на встрѣтеніе ея, и рече: устрашила еси мя, сестро! Кто еси ты? Съ плачемъ идешь ко мнѣ; азъ познати тебя не могу. Она же едва промолви отъ зѣлней своей печали и рече: азъ из Рязани убогая вдова сестра твоя Марія, бреду къ тебѣ, да плачю своего вдовства. И зря другъ на друга много, и не може по образу познати едина едину, токмо по отчеству и по именомъ, и хапився другъ со другомъ, и нападе на выи свои, и пролія слезы, аки рѣку, и безмолвно рыданіе творя. Рабы же ихъ и рабыни, видя такое ихъ познаніе и неутолимый плачь, приступиша къ нимъ со многими слезами, и молиша ихъ, дабы престали отъ зѣльнаго своего плача. Они же едва проглаголаша другъ ко другу; и рече Марія Мареѣ: Когда мужъ твой Іоаннъ умре? И отвѣща Мареа: оного лѣта и оного дни и часа мужъ мой умре. Тако и Марія рече: сестро моя милая! Веліе то чюдо показа Богъ надъ нами! от единаго дни и часа вдовство свое плачемъ съ тобою: в тоже время и мой мужъ Логинъ умре! И тако слезы къ слезамъ прилагаше, и плакастася горко, поминая безсовѣтіе мужей своихъ, и о своемъ многихъ лѣтъ несвиданіемъ. (даніи) Потомъ же, размышляя о судьбахъ Божіихъ, и глаголаша обѣ вкупѣ: о неизреченная премудрость Спасителя нашего Христа! О неисчерпаемыя глубины милосердія своего! Излія на насъ убогихъ благодать свою! Како многія лѣта не слышахомъ другъ про друга, а нынѣ видимъ над собою благодать Божію! И возрадовостася великою радостію о своемъ свиданіи. Потомъ же повелѣ (ша) рабомъ своимъ учредить трапезу, и тако веселяся и радуяся, пивши и ядши, потомъ и рабъ своихъ насыщая доволно.

И скончавшу же ся тому дни, и бысть нощь; они же обѣ сестрѣ легше на единомъ одрѣ спати и явися (ша) имъ Ангелъ Господень въ тонцѣ снѣ и даде Мареѣ злата, а Маріи сребра, и повелѣ имъ въ златѣ слить животворящій крестъ Господень, а въ сребрѣ ковчегъ кресту Господню, и рече имъ: заутра кого на встрѣчѣ узрите перваго человѣка, тому отдайте злато и сребро: той же вамъ крестъ и ковчегъ построитъ. И убудистася отъ сна и поскочивши скоро отъ ложа своего, нападе на нихъ страхъ великъ о видѣніи томъ. И повѣдаста другъ другу: како явися имъ во снѣ ангелъ Господень, и како даде имъ злато и сребро, и что повелѣ имъ творити; и очютившася обѣ, и обрѣтше Мареа въ рукавѣ срачицы своея вданное ей отъ ангела злато, а Марія обрѣте у себя сребро, и возрадовастася великою радостію. О неизреченной благодати Божіи! Како во снѣ дадеся имъ злато отъ ангела, тако и на явѣ бысть! Потомъ же Мареа и Марія поѣде въ Муромъ къ своимъ сродникомъ свидапія ради, и мало отъиде отъ того мѣста въ путь свой, и видѣша трехъ старцевъ достолѣпныхъ зѣло и сѣдинами украшеныхъ, грядущихъ къ нимъ прямо. Мареа же и Марія увидѣша старцовъ и познаша ихъ по видѣнію ангелову; и страхомъ содержими, и воставше, поклонишася онѣ старцемъ до земли, и повѣдаша имъ о видѣніи ангеловъ все поряду, о златѣ и сребрѣ, и како повелѣ имъ отдати злато и сребро первымъ людемъ на встрѣчю пути сего, и повелѣ въ златѣ слити животворящій крестъ, а въ серебрѣ ковчегъ сему кресту Господню. Что вы намъ сотворите, честніи отцы,

мы убогіи, вашю святость. Старцы же отвѣща-
імъ: буди благодать Божія съ вами! Мы того
вамъ пріидохомъ. Мареа же и Марія отдаде
сребро старцемъ съ великою радостію. Стар-
ріяша злато и сребро, отъидоша въ путь свой.
і же, ни о чемъ сумняяся, поѣде в путь свой,
е и Марію сестру свою с собою, и пріѣде в
в свой ей домъ. И призвавъ свои сродники,
, и сосѣди ближнія, Мареа же обрадовася о не-
іой милости Божіей; и повѣда сродникомъ сво-
поряду, како обрѣла сестру свою Марію, и о
ангеловъ, и о вданномъ намъ златѣ и сребрѣ, и
аша злато и сребро тремъ старцемъ на строе-
а Господня. Сродницы же Мареы и Маріи, не
ъ дѣла Божія, роптаху на ня и рѣша: безум-
жены! обрѣтосте толику казну и погубисте
невѣдомымъ и незнаемымъ отдасте толико
сребра? Или здѣ во градѣ мастеровъ нѣтъ,
ѣстъ Господнь построити? И ропташа много не-
и, послаша рабъ своихъ по многимъ доро-
по малымъ стезямъ на взысканіе тѣхъ стар-
вратити къ себѣ. Послѣди же тѣхъ послан-
ібъ, по совѣту праведныхъ тѣхъ женъ, а сво-
дницъ, Мареы и Маріи, по глаголу ихъ, поидо-
ими на то мѣсто, гдѣ имъ явися ангелъ Го-
вдаде имъ злато и сребро, и на коемъ мѣстѣ
и сребро отдаша тѣмъ старцемъ.

ремени же нѣкоемъ, приближающимся имъ къ
сту, гдѣ отдаша старцемъ злато и сребро, и
а) издалеча грядуща къ нимъ три старцы; и несо-
обою животворящій крестъ Господнь златый въ
сребряномъ. Мареа же и Марія, познавъ дѣло
увидѣвше старцовъ, текше къ нимъ со сродни-
ми скоро, и поклонистася старцемъ до земли, и
припадше со слезами къ честнымъ ногамъ ихъ, и рѣ-
ша къ нимъ: святче Божіи! вы ли есте на семъ мѣстѣ
явистася намъ и взяста у насъ убогихъ вдовицъ вдан-
ное намъ отъ ангела злато на строеніе животворящаго
креста и сребро на сотвореніе ковчега кресту Госпо-
дню? И отвѣщавше оные святые три старцы: мы взяли
у васъ злато и сребро, и содѣла (ли) животворящій крестъ
въ томъ златѣ, а въ сребрѣ ковчегъ кресту Господню.
И рѣша старцы Мареѣ и Маріи: буди благодать Божія
с вами и по вѣрѣ вашей Богъ дарова вамъ! молитеся
душамъ вашимъ на спасеніе, а міру на сохраненіе, и на
очищеніе душамъ и болящимъ на исцѣленіе! И рѣша
старцы: примите дарованіе вамъ от Бога, честный и жи-
вотворящій крестъ Господнь и ковчегъ! Они же пріяша
с радостію великою; и моляша Мареа и Марія и
сродницы ихъ старцовъ; святче Божіи! повѣдайте намъ:
откуду есте пришли сѣмо? Они же отвѣщаша: от
Царяграда! И рече Мареа: Господине мой! коими мѣся-
цы и деньми дойде до сего мѣста? Ониже отвѣшаша
имъ: третій часъ. Потомъ же невидими быша. Мареа
же и Марія со сродники своими пріидоша в домъ
свой с великою радостію славяще Бога, и пресвятую
его Богоматерь, и призвавъ священники, и молебная со-
вершая честному и животворящему кресту Господню, и
моля Бога, дабы явилъ имъ Богъ, гдѣ поставить честный
крестъ и молитися. Явишеся животворящій крестъ Го-
сподень во снѣ, и бысть имъ гласъ отъ креста Господня: поставите мя въ церкви соборной архистратига
Михаила архангела от сего мѣста едино поприще, и
тутъ молитеся. Тако и бысть; и до нынѣ всѣмъ по-
даетъ исцѣленіе с вѣрою приходящимъ к нему и мо-
лящимся. Мѣсто же въ Муромскомъ уѣздѣ, в Унжен-
скомъ стану, на рѣкѣ на Унжѣ, на погостѣ.

ВТОРОЙ ВАРІАНТЪ.

(Имп. Публ. Библ. отд. XVII № 35.)

СКАЗАНИЕ О ЯВЛЕНІИ ЧЕСТНАГО И ЖИВОТВОРАЩАГО КРЕСТА ГДНЯ ИЖЕ В МУРОМЗСКОМЪ ПРѢДЕЛЕ НА РЕКѢ НА УНЖЕ У ЦРКВИ АРХАНГЕЛА МИХАИЛА.

Бѣша двѣ сестрѣ синклицки дщери, имя единой Марія, друзей же Мареа. И посягну Марія за нѣкоего мужа, именемъ Іоанна въ Муромстей области; Мареа же вдана бысть мужеви, именемъ Логина в Рязанскую область. Бѣже Іоаннъ синклицка роду, но имѣніемъ не богатъ; Логинъ же бѣ родомъ менши іоаннова отчества, а имѣніемъ богатъ зело; и случися имъ быти вкупѣ у родителей женъ своихъ на пиру и бысть промежь ими пря о первосѣданіи ихъ. Іоаннъ бо хотя выше сѣсти Логина по своему отчеству; Логинъ же недаше ему мѣста, богатства своего ради. И от того времени много лѣтъ между себя не знахуся и не схождахуся сами, и женъ не отпускаху, написаніемъ не ссылахуся до умертвія своего. И по мнозехъ лѣтехъ Іоаннъ и Логинъ, преждереченная мужа, умроста обо во единъ день и часъ, а жены ихъ, Марія и Мареа, ни едина о сихъ не вѣдяше, но каяждо о себѣ быста в скорби и в печали. И помысли Марія в себѣ, глаголя: поѣду к зятю своему Логину, и вижду сестру свою, и аще онѣ возмютъ мя, и азъ учну у нихъ пребывати; аще ли не возлюбятъ, и азъ у сестри прощеніе пріиму. Мареа же сестра ея сія же помысли, глагола в себѣ: поѣду к зятю своему Іоанну и к сестрѣ своей, и вижду, и аще они мя призрятъ, и азъ имѣніемъ своимъ наполню ихъ, и будутъ онѣ богаты и славны, якоже былъ мужъ мой по своему отчеству. Яже помыслиша, тако и сотвориша. И поѣдоша во единъ день из домовъ своихъ. И срѣтостася на пути, и сташа станы особь, а не вкупѣ, не вѣдяху бо ся кто есть; и послаша меншая сестра слугу своего прошати: кто есть стоитъ? Сама же помысли въ себѣ: егда будетъ сестра моя, то вкупѣ снидемся; аще мужеска полъ, то отидемъ подале. И пришедъ слуга, вопроси, и увѣдевъ, яко ѣдетъ вдова от Мурома к сестрѣ своей; слуга же, отшедъ, повѣда госпожѣ своей. Она же рече: снидимся вкупѣ. И снидошася, и поклонишася между себѣ и цѣловастася, но не познастася, яко сестры еста, дондеже увѣдевше от вопрошенія именъ и отчества, и от того познашася, и начаша лобызатися со слезами и радостію, и скорбѣти о мужехъ, и еже бяху не в любви, быста мужа ихъ и скончастася, и не точію о нихъ, но паче о себѣ, еже толико лѣтъ не видахуся, ни писаніемъ не возвѣщахуся, и о семъ радовахуся, еже даде имъ Богъ видѣтися на кончинѣ вѣка ихъ. И уготовиша ту трапезу, и ядоша и пиша в славу Божію, и веселяхуся, и опочити начаша на томъ мѣстѣ, и не спаху совершенне, ниже бдѣти можаху. И в мгновеніи очесе явися имъ во снѣ ангелъ Господень, и вдавъ имъ злато и сребро, Мареѣ злато, а Маріи сребро, и повелѣ имъ то злато и сребро вдати первому человѣку, иже по сему пути заутро пойдетъ, они же взяша во снѣ злато и сребро, и завертѣша себѣ за рукова, и возбудишася от сна, и повѣдати начаша сестра едина друзей, глаголя: явися мнѣ во снѣ ангелъ Господнь и вда мнѣ, глаголя: прислалъ к тебѣ злато по твоей вѣрѣ; сотвори в немъ животворящей крестъ! И посмотре у себе злата за руковомъ, и обрѣте за руковомъ на явѣ. И повелѣ ми, рече, то злато отдати первому человѣку, иже днесь пой-

ПОВѢСТЬ

ОБЪ УЛЬЯНІИ МУРОМСКОЙ.

ОБЪ УЛЬЯНІИ МУРОМСКОЙ.

(Импер. Публ. Библ. Русск. рукоп. in° отд. I № 35.)

Во дни благовѣрнаго царя и великаго князя Іоанна Василіевича всея Русіи, от его царьского двора, бѣ мужъ благовѣренъ и нищелюбивъ, именемъ Іустинъ, порекломъ Недюревъ, саномъ ключникъ, имѣя жену такову же боголюбиву и нищелюбиву, именемъ Стефаниду, Григорьеву дщерь Церлукина; отъ града Муромa; и живяста во всякомъ благовѣріи и чистотѣ, и имяста сыны и дщери, и много богатьства, и рабъ множество; от него же родися сія блаженная Улиянія. Бывши же ей 6 лѣтъ, оумре мати ея, и поятъ ю в предѣлы моуромъскіе баба ея, матери ея мать, вдова Анастасія Никифора Дубенскаго, во всякомъ благовѣріи и чистотѣ; 6 же лѣтъ и оумре баба ея, и по заповѣди ея, поятъ ю к себѣ тетка ея, Наталія Путилова жена Арапова. Сія же блаженная Уліянія отъ младыхъ ногтей Бога возлюби и Пречистую Матерь, помногу чтяше тетку свою и дщери ея, и имѣя во всемъ послушаніе и смиреніе, и молитвѣ и постоу прилѣжаше, и того ради от тетки много сварима бѣ, а от дщере ея посмѣхаема: и глаголаху ей: о безоумная! что в толицѣй младости плоть свою изнуряеши, и красотоу дѣвьственую погубиши? И ноуждаху ю рано ясти и пити; она же не вдаяшеся воли ихъ, но все со благодареніемъ пріимаше, и с молчаніемъ отхождаше; послушаніе имѣя ко всякому человѣку, бѣ бо из млада кротка и молчалива, не буява, не величава, и от смѣха и всякія игры отгребашеся; аще и многажды на игры и на пѣсни пустошные от сверьстницъ нудима бѣ, она же не приставаше к совѣту ихъ, недоумѣніе на ся возлагаша, и тѣмъ потаити хотя своя добродѣтели; точію в прядивномъ и в пяличномъ дѣлѣ прилѣжаніе веліе имяше, и не угасаше свѣща ея вся нощи; а иже сироты и вдовы немощныя в веси той бяху, и всѣхъ обѣшиваше, и всѣхъ ноужныхъ и больныхъ всяцѣмъ добромъ назираше, яко всѣмъ дивитися разуму ея и благовѣрію; и вселися в ню страхъ Божій. Не бѣ бо в веси той церкви близъ, но яко два поприща; и не лучися ей в дѣвичестѣмъ возрастѣ в церковь приходити, ни слышати словесъ Божіихъ почитаемыхъ, ни учителя учаща на спасеніе николиже, но смысломъ бо господнимъ наставляема нраву добродѣтелному. Егда же достиже 6-ю на 10 лѣта, вдана бысть моужу добродѣтельну и богату, именемъ Георгію, прорекломъ Осорьину, и вѣньчани быша от сущаго ту попа, именемъ Потапія, въ церкви праведнаго Лазаря, в селѣ мужа ея; сей поучивъ ихъ по правиломъ святымъ закону Божію; она же послуша ученія и наказанія внятно, и дѣломъ исполняше. Еще бо све-

кру и свекрови ея в животѣ соущимъ, иже видѣвъше ю возрастомъ и всею добротою исполнену и разумну, и повелѣста ей все домовное строеніе правити, она же со смиреніемъ послушаніе имяше к нимъ, ни в чемъ не ослушася, ни вопреки глагола, но почиташе я и вся повелѣнная ими непреткновенно соверьшааше, яко всѣмъ дивитися о ней; и многимъ искушающимъ ю в рѣчахъ и во отвѣтѣхъ, она же ко всякому вопросу благочиненъ и смысленъ отвѣтъ даяше; и вси дивляхуся разумоу ея и славяху Бога; по вся же вечеры довольно Богу моляшеся и колѣнопреклоненія по 100 и множае, и вставая рано по вся утра, такоже творяше и с моужемъ своимъ; егда же мужу ея на царьскихъ службахъ бывающу лѣто или два, иногда же по три лѣта во Асторохани, она же в та времена по вся нощи безъ (сна) пребывающи, в мольбахъ, и в рукодѣліи, в прядиве, и в пяличномъ дѣлѣ, и то продавъ, нищимъ цѣну даяше и на церковное строеніе, многу же милостыню отай творяше в нощи, в день же домовное строеніе правяше; вдовами и сироты, аки истовая мать, печашеся, своими руками омыя и корьмя и напаяа; рабы же и рабыни удовляше пищею и одеждею, и дѣло по силѣ полагаше, и никого простымъ имененъ назваше, ни не требоваше воды ей на омовеніе рукъ подающаго, ни сапогъ разрѣшающа, но все сама собою творяше, а неразоумныя рабы и рабыни смиреніемъ и кротостію наказуя, и исправляше, и на ся вину отлагаше, и никого не оклеветаше, но всю надежду на Бога и на Пречистую Богородицу возлагаше, и великаго чюдотворьца Николу на помощь призываше, отъ него же помощь пріимаше. Во едину же нощь, воставъ по обычаю на молитву, без мужа, бѣси же страхъ и ужасъ великъ напущаху ей, она же, млада еще и неискусна, тако убояся, и ляже на постели, усну крѣпко, увидѣ много бѣсы пришедша на ню со оружіемъ, хотяще ю убити, рекуще: аще не престанешъ таковаго начинанія, абіе погубимъ тя; она же помолися Богу и Пречистой Богородицѣ и святому Николѣ, и явися й святый Никола держа книгу велику, и разгна бѣсы, яко дымъ бо изчезоша, и воздвигъ десницу свою, благослови ю, глаголя: дщи моя, мужайся и крѣпися, и не бойся бѣсовъскаго прещенія! Христосъ бо мнѣ повелѣ тебе соблюдати отъ бѣсовъ и злыхъ человѣкъ! Она же абіе от сна возбноувъ, увидѣ явѣ моужа изъ храмины дверьми изшедъша скоро аки молнію; и воставъ скоро, иде во слѣдъ ея, и абіе невидимъ бысть, но и притворъ храмины тоя крѣпко запертъ бяше; она же оттолѣ извѣщеніе пріемши, возрадовася, славя Бога, и паче перваго добрыхъ дѣлъ прилѣжаше.

По малѣ же Божію гнѣву роускую землю постигъшу, за грѣхи нашы, гладу велику зѣло бывшу, и мнози отъ глада того помираахуу; она же многу милостыню отай творяше, взимаше пищу оу свекрови на оутренее и на полъденное яденіе, и все нищимъ гладнымъ даяше, свекры же глагола ей: какъ ты свой нравъ премени? егда бѣ (у) Христа Бога изобиліе, тогда не могохъ тя к раннему и полоуденному яденію принудити, а нынѣ егда оскудѣніе пищи, и ты ранне и полъдневное яденіе взимаешъ! Она же, хотя утаитися, отвѣща ей: егда не родихъ дѣтей, не хотящемися ясти, и егда начахъ дѣти родити, обезсилехъ, и не могоу не ясти не точію в день, но и нощію множицею хощетъмися ясти, но срамляюся у тебе просити. Свекры же се слышавъ, рада бысть, и посылаше ей пищу довольну не точію в день, но и в нощь; бѣ бо у нихъ в домоу всего обилно, хлѣба и всѣхъ потребъ. Она же отъ свекрови пищу пріимая сама, а не ядяше, гладнымъ все раздаяше; и егда кто умираяше, она же наймаше омывати, и погребальной даяше и на погребеніе сребреники даяше, а егда в селѣ ихъ погребахутъ мертвыхъ кого нибоуди, о всякомъ моляся о отпущеніи грѣхъ. По малѣ же моръ бысть на люди силенъ, и мнози умираяху пострѣломъ, и оттого мнози в домѣхъ запираахуся и уязвенныхъ пострѣломъ в домъ не пущаху, и ризамъ не прикасахуся; они же, отай свекра и свекрови, язвенныхъ многихъ своима рукама в бани омывая цѣляше, и о исцѣленіи Бога моляше, и аще кто умираяше, она же многи сироты своима руками омывъ и погре-

аймая, и сорокоустъ даяше. Свекру же и свее въ глубоцѣй старости во иноцѣхъ умерьшимъ, погребе ихъ честно: многу милостыню и соро- по нихъ разда служити по нихъ литоргію, и у своемъ покой мнихомъ и нищимъ поставляше 40-цу во вся дни, и в темницы милостыни по- е. Моужу бо ея в то время на слоужбѣ во Аста- три лѣта и болѣ бывшу, она же по нихъ много в милостыню истроши, не точію в ты дни, но ся лѣта творя память умерьшимъ. И тако по- с моужемъ лѣта довольна во мнозѣ добродѣтели отѣ по закону Божію, и роди сыны и дщери. дяй же добра врагъ тщашеся спону ей сотво- часты брани воздвизашася въ дѣтехъ и рабѣхъ; вся, смысленно и разоумно разсуждая, смиряше; же наусти раба ихъ: и уби сына ихъ старѣйша- омъ и другаго на службѣ убиша; она же вмалѣ о семъ) оскорбися, но о душяхъ ихъ, а не о смер- почти ихъ пѣніемъ, и молитвою, и милостынею; моли моужа отпустити ю в монастырь; и не и, но совѣщавшеся вкоупѣ жити, а плотнаго со- енія не имѣти. И оустрои емоу обычную посте- ма же с вечера по мнозѣ молитвѣ возлегаше на без постели, точію дрова острыми странами к подстилаше, и ключи желѣзны под ребра своя аше, и на тѣхъ мало сна пріимаше, дондеже ра- усыпааху, и потомъ вставаше на молитву, во щь и до свѣта, и потомъ въ церковь вхожаше грени и к литоргіи, и потомъ ручному дѣлу при- е, и домъ свой богоугодно строяше, рабы своя ю пищею и одѣяніемъ удовляше, и дѣло комоу- силѣ задавааше, вдовами и сироты печашеся, ымъ во всемъ помагааше.

оживъ с моужемъ 10 лѣтъ по разлученіи плотьнѣ, я преставльшуся, она же погребе и честно, и по- ніемъ и молитвами, и сорокоусты, и милостынею, мірская отверже, и печашеся о душѣ, какъ у го- Богу, ревноуя прежнимъ святымъ женамъ, моляся и постяся, и милостыню безмѣрну творя, яко мно- гажды не остати у нея ни единой сребреницы, и займая даяше нищимъ милостыню, и въ церковь во вся дни хож- дааше к пѣнію. Егда же прихождаше зима, взимаше у дѣтей своихъ сребреники, чим устроити одежду, и то раздая нищимъ, сама же без теплыя одежды в зиму хождааше, в сапоги же босыма ногама обуваше- ся, точію под нозѣ своѣ орѣховы скорлупы и чрепіе острое вмѣсто стелекъ подкладаше, и тѣло томяше. Во едино же время зима бѣ студена зѣло, яко земли разсѣдатися отъ мраза; она же нѣколико время к цер- кви не хождааше, но в домоу моляся Богу. Во едино же время зѣло рано попоу церкви тоя пришедшу еди- ному в церковь, и бысть емоу гласъ от иконы богоро- дичны: шедъ, рцы милостивой Ульянѣи, что в церковь не ходитъ на молитву? и домовная ея молитва бого- пріятна, но не яко церковная; вы же почитайте ю, уже бо она не меньши 60 лѣтъ, и Духъ Святый на ней почіетъ! Попъ же в велицѣмъ оужасѣ бывъ, абіе пріиде к ней, падъ при ногу ея, проса прощеніа, и сказа ей видѣніе. Она же тяжко внятъ, еже онъ по- вѣда предъ многими, и рече: соблазнился еси, егда о себѣ глаголеши; кто есмь азъ грѣшница, да боуду до- стойна сего нарицанія! И закая его не повѣдати ни- комоу, сама же иде въ церковь и с теплыми слезами молебная совершивъ, цѣлова икону Богородицыну, и оттолѣ болѣ подвизася к Богу, ходя к церкви, по вся вечеры моляшеся Богу во отходной храминѣ; бѣ же ту икона Владыцына и святаго Николы. Во единъ же вечеръ вниде в нію по обычаю на молитву, и абіе бысть храмина полна бѣсовъ со всякимъ ороужіемъ, хотяху оубити ю; она же помолися Богу со слезами; и явися ей святый Никола, имѣя палицу, и прогна ихъ от нея; яко дымъ исчезоша; единого же бѣса поймавъ моуча- ше; святою же благослови крестомъ, и абіе невидимъ бысть. Бѣсъ же плача, вопіяше: азъ ти многу спону творяхъ во вся дни: воздвизахъ брань в дѣтехъ и в рабѣхъ, к самой же не смѣяхъ приближитися ради ми- лостыни, и смиренія, и молитвы. Она бо безпреста- ни, в рукахъ имѣя четки, глаголя Іисусову молитву;

аще ядяше и піваше, ли что дѣляя, непрестанно молитву глаголаше; егда бо и почиваше, уста ея движастася и утреба подвиваста (ся) на славословіе божіе; многажды видѣхомъ ю спящу, а рука ея чотки отдвигаше. Бѣсъ же бѣжа от нея, вопіяше: многу бѣдоу нынѣ пріяхъ тебе ради, но сотворю ти спону на старость гладомъ измирати, не чюжихъ корьмити! Она же знаменася крестомъ; исчезе бѣсъ от нея; она же к намъ пріиде оужасна вельми и лицемъ премѣнися; мы же видѣхомъ ю смущену, вопрошахомъ, и не повѣда ничтоже. Не по мнози же сказа намъ тайно и заповѣда не рещи никомоу.

И поживъ во вдовъствѣ 9 лѣтъ, многу добродѣтель показа ко всѣмъ, и много имѣнія в милостыню разточи, точію ноужные потребы домовъные оставляше, и нищу точію годъ до года разчиташе, а избытокъ вся требующимъ растакаше: и продолжися животъ ея до царя Бориса. В тоже время бысть гладъ крѣпокъ во всей роусстѣй земли, яко многимъ от ноужды скверныхъ мясъ и человѣческихъ плотей вкушати, и множество человѣкъ неизчетно гладомъ изомроша. В домоу же ея велика скоудость пищи бысть и всѣхъ потребныхъ, яко отнюдъ не прорасте из земли всѣеное жита ея, кони же и скоты изомроша; она же моляше дѣти и рабы своя, еже отнюдь ничемоу и татьбѣ не коснуутися, но елико остовшися скоты, и ризы, и сосуды вся распрода на жито, и от того челядь корьмяше, и милостыню довольну даяаше, и в нищетѣ обычныя милостыни не розстася, и ни единого от просящихъ не отпусти тща, дойде же в послѣднюю нищетоу, яко ни единому зерну остатися в дому ея, и о томъ не смятеся, но все упованіе на Бога возложи. В то бо лѣто преселися во ино село в предѣлы нижеградъцкія, и не бѣ тоу церкви, но яко два поприща; она же старостію и нищетою одержима, не хождааше к церкви, но в дому молящися, и о томъ немалу печаль имяше, но поминная святаго Корнилія, яко не вреди его и домовная молитва и иныхъ святыхъ. Велицѣ же скудости умножьшися в домоу ея, она же распусти рабы на волю, да не измурятся гладомъ, от них же добровольнооудніи обѣщаяуся с нею терпѣти, а иніи отъидоша, она же со благословеніемъ и молитвою отпусти я, не держа гнѣва на мало, и повелѣ оставшимъ рабомъ собирати лебедоу и кору древяноую, и в томъ хлѣбѣ сотворитъ, и от того сама съ дѣтьми и рабы питашеся, и молитвою ея бысть хлѣбъ сладокъ; от того же нищимъ даваше, и никого нища не отпусти; в то бо время без числа нищихъ бѣ. Сосѣди же ея глаголаху нищимъ: что ради взялъ (?) нимъ (къ нимъ?) в домъ ходите? она бо и сама гладомъ измираетъ! Они же повѣдаша имъ: многи села обходимъ и чистъ хлѣбъ вземлемъ, а такъ в сладость не ядохомъ, яко сладокъ хлѣбъ вдовы сей. Много бо имѣніи ея не вѣдаху. Сосѣди же изобильный хлѣбъ (имѣющо?) посылааху в домъ ея просити хлѣба искупающа и такоже свидѣтельствующа, яко вельми хлѣбъ ея сладокъ, и дивися человѣку (?) к себѣ горазди рабы ея печь хлѣбовъ, и не разумѣюще яко молитвою ея хлѣбъ сладокъ. Потерпѣ же в той нищетѣ два лѣта, не опечалися, ни смутися, ни пороптa, и не согрѣши ни во устахъ своихъ, и не дастъ безоумія Богу, и не изнеможе нищетою, но паче первыхъ лѣтъ весела бѣ.

Егда же приближися честное ея преставленіе, и разболѣся декабря в 26-й день, и лежа 6 дней: въ день лежа моляшеся, а в нощи воставая моляшеся Богу особь стояше, никимъ подъдержима, глаголаше бо: и у больнаго Богъ истязоуетъ молитвы духовныя. Генваря въ 4-й день, свитающу дню, призва отца духовнаго, и причастися святыхъ таинъ, и сѣдъ призва дѣти и рабы своя, и поучая о любви, и о молитвѣ, и о милостыни, и о прочихъ добродѣтелехъ, приреченже и се: желаніемъ возжелахъ ангельскаго образа, иноческаго не сподобихся грѣхъ моихъ нищеты ради, понеже недостойна быхъ грѣшница сый убогая, Богу такъ изволшу, слава праведному судоу его. И тоутъ повелѣ уготовити кадило, и ѳиміамъ положити, и цѣлова вся соущая ту, и всѣмъ миръ и прощеніе дастъ, возлеже, и прекрестися трижды, обьвивъ

чотки около руки своея, посдѣднее слово рече: слава Богу всѣхъ ради! в роуцѣ твои, Господи, предаю духъ мой, аминь! И предаетъ доушу свою в роуцѣ Божіи, его же возлюби, и вси видѣвше около главы ея кругъ златъ, якоже на иконахъ околъ главъ святыхъ пишется; и омывше положыше ю в клѣтѣ; и в тоу нощь видѣша свѣтъ и свѣща горяща, и благоуханіе веліе повѣваше ис клѣти тоя; и вложыше ю во гробъ дубовый, везоша в предѣлы муромскія, и погребъше у церкви праведнаго Лазаря подлѣ моужа ея в селѣ Лазаревѣ за четыре версты отъ града, в лѣта 7112 генваря въ 10 день.

Потомъ над нею поставиша церковь теплую во имя архистратига Михаила, надъ гробомъ ея лучися пещи быти, земля же возрасташе надъ нею по вся лѣта. И бысть в лѣто 7122 го августа въ 8 день преставися сынъ ея Георгій, и начаша въ церкви копати емоу могилу, в притворѣ между церковію и пещію, бѣ бо притворъ той без моста, и обрѣтъше гробъ ея на верхоу земли цѣлъ, невреждѣнъ ничимъ, и недоумѣваху чій есть, яко от многихъ лѣтъ не бѣ тоу погребаемаго. Того же мѣсяца въ 10 день погребше сына ея Георгія подлѣ гроба ея, и поидоша в домъ его учредити погребателей. Жены же бывъшыя открыша гробъ и видѣша полнъ мѵра благовонна, и в той часъ от оужасти не повѣдаша ничтоже; по отшествіи же гостей сказаша бывъшая. Мы же, слышавъ, удивихомся, и открывши гробъ, видѣхомъ такъ яко жены рѣша от оужасти, начерпахомъ малъ сосоудецъ мѵра того, и отвезохомъ во градъ Муромъ в соборную церковь, и бѣ в день аки квасъ свекольный, в нощи же сгустѣвашеся аки масло багряновидно, тѣлеси же ея до коньца от оужасти не смѣяхомъ досмотрѣти, точію видѣхомъ нозѣ ея и бедры цѣлы соуща, главы же ея не видѣхомъ; того дѣля, понеже на коньцѣ гроба бревно пещьное налегаше, от гроба же под пещь скважня, ею же гробъ той ис под пещья идяше на востокъ с сажень, доньдеже пришедъ ста у стѣны церковныя. В тоу же нощь мнози слышаху у церкви тоя звонъ, и мнѣша пожаръ, и прибѣгше, не видѣша ничтоже, точію благоуханіе исхождаше, и мнози слышавше и прихождаху, и мазахуся мѵромъ тѣмъ, и облегченіе отъ различныхъ недугъ пріимаху. Егда же мѵро то раздано бысть, нача подлѣ гроба исходити перьсть, аки песокъ, и приходятъ болящіи различными недоуги и обътираются пескомъ, тѣмъ и облегченіе пріемлютъ и до сего дня. Мы же сего не смѣяхомъ писати, яко не бѣ свидѣтельство.

СКАЗАНІЕ

О ПЛѢННОМЪ ПОЛОВЧИНѢ.

О ПРИНЦИПЕ ПОЛОВАНИЯ

СРЕЗАНИЕ

СКАЗАНІЕ

О ПЛѢННОМЪ ПОЛОВЧИНѢ.

О ПОЛОВЧИНѢ, ЕГО ЖЕ ПРЕДА НА ПОРУКУ НЕКѢИ ХРИСТІАНИНЪ ИСКУПА ДѢЛА СВАТОМУ НИКОЛѢ.

(Импер. Публ. Библ. рукоп. in f° 293).

Бѣ нѣкій человѣкъ цѣломудренъ и смысленъ въ славнемъ градѣ въ Києвѣ, имѣя вѣроу вѣлику и любовь ко святому Николѣ, и не вѣмъ коею притчею сѣдяше оу него Половчинъ все лѣто желѣзы ѿковавъ; во единъ же отъ дней глагола ему крестіянинъ: доколѣ хощеши сидѣти оу мене? дай на себѣ искупъ и отпущю та въ землю твою. Онъ же рече ему: аще ия отпустиши, принесу ти искупъ; аще ли ма держиши, не имѣю что ти дати. Христіанинъ же рече ему: дай ко себѣ поруку; отпущю та. Половчинъ же рече ему: Ты самъ вѣси, яко нѣсть кто въ Руси поручаеся по мнѣ! И глагола ему христіанинъ: хощеши ли дамъ тя на порукоу святоуоу Николѣ? Онъ же рече: не знаю его, ни онъ мене; то какоо поручиться по мнѣ? Христіанинъ же веде его в церковь и показа ему икону святого Николы, глаголя: хощеши ли сему та дамъ на порукоу? Половчинъ же рече съ радостію: хощю; аще ия пожалуете и все привезу, имъже долженъ есмь тебѣ! Мнаше бо яко ничтоже въ Руси вѣра человѣка того, еже ко святому Николѣ. Дивно бо есть, Братіе, како не смятеся, пущая сего плѣнника; ни помысли въ сердцѣ своемъ: принесеть ли емоу искупъ или не принесеть! Но едино во оумѣ имѣ порученіе святому Николѣ и не имать погинноути. И си рекъ чюдный мужъ, отпусти плѣнника, давъ ему одѣніе и потребу на путь доволноу, и на конь свои всадивъ и обязъ давъ, рече ему: брате, не мози солгати, ему же си еси обѣщалъ принести искупъ или прислати; аще ли же солжеши, извѣсто ти буди: не имаши оубѣжати руки поручившагося по тебѣ. Онъ же рече: створю все, о немъ же глаголеши. И си рекъ, поклонивъся поѣде. Едоущи же путемъ, злу мысль во сердцѣ смысливъ, глаголаше: нѣсть смысла во истину въ Русинѣ семъ, еже ма предаеть образу на поруку, на дскѣ написаноу, Николѣ нарицаему, что ия можеть створити? имѣ бо не вижю его, ни онъ мене! како бо можеть доска ходити или ѣздити? аще бы и великоу человѣку далъ ма на поруку, и того въ своей земли не боюся, ни искупа дамъ! И ту мысль имѣя, пріѣхя въ землю свою; домашніи же его мнѣше такоже яко безъ ума отпущена; а не вѣдущи силы Божіа и чудеси святаго Николы; безумніи сютѣ гордящися суетнымъ богатствомъ, слышавши оу него, не боятися ему веляху своего поручника, мнящи яко игру суща бывши, самѣ безумии во игрѣ не радящи о семъ. Мало же дней мину, явися ему истинный и неложный и незамедленный помощникъ и поборникъ христьаномъ святый великій Никола, глагола: знаеши ли ма, друже? Половчинъ же

рече: не знаю. Кто ты еси? И глагола ему сватый Никола: не азъ ли поручихся по тебѣ, принести было ти искупъ хрѣстьянину ѡному, ты же что ради медлиши? се глаголю ти: повези на себѣ искупъ, да бѣды ти не сътворю! И си рекъ, не видимъ бысть. Половчинъ же дивися явленію, мнящи ничтоже суть и скоро забы. Единою же всѣдъ на конь поѣха на полѣ, явися ему сватый Никола, и исторже съ коня, и потрасе имъ, глагола: не рехъ ли ти, окаянне, повези на себѣ искупъ християнину оному, яко данъ ми еси имъ на поруку; и вскорѣ забылъ глаголанное мною, и се еще ти глаголю: пожалуй себѣ самъ: повези на себѣ искупъ; аще ли забудеши се, то оузрѣши что ти будеть отъ мене. И си рѣкъ сватый Никола къ нему, невидимъ бысть. Половчинъ же той всѣдъ на конь, поѣха въ домъ, на сердцѣ имѣя мысль повѣсти скоро искупъ, имѣ бо некаку болезнь отъ втораго явленія сватаго Николы; и бывшю ему во мнозѣ питіи и во скотскомъ житіи, забы и то, мня яко мимо шло и ничтожь ему будеть, якожѣ и нынѣ мнозихъ видимъ: аще и законъ Божій свѣдать, егда найдеть болѣзнь на нихъ или бѣда велика, молятся Богови со слезами и на помощь призывають попы, и мниси, и нищіи, глаголющи: господіе, помолитеся о насъ да помилуетъ ны Богъ васъ ради; тацѣ уже не будемъ ацѣ же нынѣ, но инъ обычай пріимемъ, иже Богоугодно; разумѣваемъ, яко всуе матемся въ житьи семъ; егда же дасть намъ Богъ тѣхъ молитвами, къ нимъ же вѣру приложиша, тогда забудоуть, внегда полегчить имъ, еже ркоша въ болѣзни или въ бѣдѣ молящеся: и здрави бывше, тѣхъ озлобляють, ихже призываша на молитвоу, незнающе ихъ творятся, а на нищихъ гнушаются и возрити, аки безсмертнѣ сотворшся. Такожь и сей поганій половчинъ, егда потрясе имъ явивъся сватый Никола, тогда оубоася его; егда же мину неколико дней не являяся ему, тогда онъ забы. Неколи же потомъ за мало дній приключися сонму быти княземъ ихъ и велможамъ, съѣхавшимся мнозѣмъ, и тому Половчину туже пріѣхавшю, и егда ставшю на кони въ сонмищи съ ними, сторже его съ коня сила Божія невидимая, всѣмъ зрящимъ и дивящимъся, нача терзати и порѣвати его, глагола: не рѣхъ ли ти, окаянне, повези на себѣ искупъ, да негорѣе ти сего будеть; онъ бо хрѣстьянинъ теплою вѣрою прибеже ко мнѣ, и возверже печаль свою на ма, то како могу зрѣти его въ печали той; ты же, безумный варваръ, гордый, не помяну моего порученія, ни убоася суда Божія, яже приде на та скоро, ни моего перваго и втораго явленія! И глаголаше: и се нынѣ оуже въ третьи явихъ ти ся, терпѣніе мукоу си (?) за преслушаніе! Страшно же баше, братіе, видити мученія его: ѡвогда бо бѣ главою потченъ ѡ землю, ѡвогда же отъ земля восхыщенъ и ѡ землю разъраженъ, иногда же бяше глава его междю ногъ его, и ктому невидимо аки батоги біяше его сила Божія, единако глаголющи: повези на собѣ искупъ христіанину ѡному. Ѡколо же его стоящіи всѣ разбѣгошася; ѡнъ же лежаше аки мертвъ. Знающіи же повѣдаша, ѣхавши, роду его бывшее мученіе то надъ нимъ, ѡнѣже, пріѣхавши, взяша его ель жива. Многи же дни лежа не могы глаголати, но яко отъ сна возбноувъ и брашна вкусивъ, оукрѣпися, и повѣда роду своему вся бывшая: первое явленіе и второе сватаго Николы, и казнь и глаголаніе; ѡнѣже, ничтоже вѣдущи бывшаго ему, нынѣ слышавши, начаша гнѣватись нань, сице глаголющи: кто тако безуменъ якоже ты? видивъ явленіе первое и второе поручника своего и неубоася, ни повѣда намъ; мнихомъ бо якоже прежъ глагола намъ: кому ма да на порукоу? безъ ума данъ есмь богови рускому! Ѡнъ же рече имъ: ей, не самому Богу, но сватцю его Николѣ! Ѡнѣ же рѣша ему: аще не богу ихъ, но слузи его; не вѣси ли яко великъ есть богъ русскій и дивна чюдеса творить; то великіи слуги его; не токмо самъ дѣеть преславная, но и тѣ слуги его, аще бо бѣда кая любо отъ насъ бываеть имъ, то глаголють: за грѣхи наша Богъ не помогаетъ намъ; аще бы имъ помоглъ, то ни единъ бы насъ осталъ отъ нихъ! Ты же, безъ ума не убояся Бога ихъ и сватця того, вижь, что еси пріобрѣлъ еси! Аще нынѣ не поѣдеши со искупомъ въ Русь, то отъиди отъ насъ, и

погини, да и мы съ тобою казни не пріимемъ. инъ же той убоавъса, то слышавъ от нѣхъ, ни юждавъ, повелѣ рабомъ своимъ нарядитиса и стаей отлучити, имже бяше дати искупъ, и малое къ тому прилучити, еже дати отъ порученію у Николѣ, дабы уже не мучилъ его; баше бо зѣло. И тако скоро поѣха на Русь съ конми тѣне токмо искупъ пригна господину своемоу, но и оаса поручника своего, нашего поборника велиомощника святаго Николы. Егда же пригнаса ко Киеву, не ѣха на дворъ, идѣже бѣ сѣдѣлъ у гоа оного, но ѣха преже ко церквѣ святаго Никодѣже бѣ данъ на порукоу ему, и слѣзъ съ коня, , пѣшъ приде, ведый за собою малое оно стадце и вшедъ въ притворъ, оузрѣ икону ѡноу святаго ы, сице со слезами падъ на землю рече: не моуе, Господи мой поручниче, святче Божій Николо, упъ весь пригнахъ христіяниноу твоему и тебѣ мало отъ порученіа, да не гнѣваешиса на ма; по котѣхъ солгати и не добро ми бысть. И си изі кони отдавъ іерѣю тоа церкви, поѣха ко гоу своему, и пригнавъ на дворъ его болшее стаей, поклонивъся рече емоу: се искупъ мой, господи, а оу пороучника быхъ уже! И сказа емоу все пораду бывшее. Христіянинъ же той, се слышавъ, и видивъ, оужасеса сердцемъ и оудивиса о преславнемъ семъ чудесе, и скоро вставъ, тече въ церковь святаго Николы, и падъ предъ ѡбразомъ его, многи слезы пролія, хвала милосердие его, глаголаше: что ти принесу, святче Божій, за вса, яже ми воздалъ недостойномоу рабу твоемоу; твоихъ бо даровъ весь есмь обиленъ, имѣай бо ты широту царства небеснаго, и намъ оттуди дарова дары; мы жъ точію сіа ти приносимъ, оудивляемса твоей милости, хвалимъ твоа щедроты, блажимъ твое заступление! И такоу оумножену створивъ молитву въ святѣй церкви его, иде въ домъ свой, и созва весь родъ свой, и плема, и други, и сусѣды своа, глагола: срадуйтемиса, яко оудиви милость свою на мнѣ убозѣмъ святитель христовъ Николае! И сказа имъ все поряду, еже створи половчинъ; ѡнѣ же вси слышавши се, яко едиными усты похваляша, глаголюще: дивенъ Богъ во святыхъ своихъ, творяй чюдеса святыми своими! Боголюбивый же той мужъ створи праздникъ честенъ святомоу Николѣ, якоже на память его творити чрезъ нощь стояніемъ и пѣніемъ, попы же и мнисѣ на обѣдъ созва и нищая милостынею учреди.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Эта сказаніе составляетъ одно изъ чудесъ, приписываемыхъ Св. Николаю Чудотворцу и находится во многихъ старыхъ спискахъ житій этого святаго, издавна чествуемаго русскимъ народомъ съ особеннымъ уваженіямъ.

Начало его относится къ древнимъ временамъ до-татарскаго періода удѣльно вѣчеваго уклада и сколько можно судить, оно дошло до насъ въ видѣ, не слишкомъ удалившемся отъ первообраза. Это показываетъ и складъ, и отчасти языкъ, удержавшій древнія формы, хотя послѣдующія переходныя эпохи и положили на немъ печать свою. При скудости памятниковъ отъ этихъ отдаленныхъ временъ, оно составляетъ драгоцѣнность для нашей исторіи.

Во время борьбы южно русскаго народа съ половцами, попадались въ плѣнъ непріятели съ обѣихъ сторонъ; наше сказаніе показываетъ, что русины держали плѣнниковъ у себя и отпускали за выкупы. Русинъ, поймавши половчина смотрѣлъ на него какъ на выгодный источникъ дохода. Выкупъ со стороны половцевъ, за неимѣніемъ еще у нихъ монетъ, состоялъ въ скотѣ и лошадяхъ. Безъ сомнѣнія стада и табуны составляли и предметъ торговли съ русскими, о которой встрѣчаются короткія извѣстія и въ нашихъ лѣтописяхъ.

Уже въ эти далекія времена поручительство, игравшее столь важную роль въ послѣдствіи, было однимъ изъ важнѣйшихъ юридическихъ обычаевъ. Поручившемуся давалось за то вознагражденіе отъ того, за кого онъ ручался, какъ это видно изъ того, что половчинъ счелъ нужнымъ, кромѣ табуна, пригнаннаго для того, кто его держалъ въ плѣну, доставить еще небольшее стадо и Св. Николаю.

Христіанинъ, отпуская плѣнника, не смотря на то, что онъ былъ его должникъ, счелъ нужнымъ надѣлить его на дорогу пищею и одеждою. Это древній коренной обычай отпустить изъ дома человѣка, въ какихъ бы отношеніяхъ онъ ни находился, накормивши и надѣливши всѣмъ нужнымъ, и вообще съ заботливостію, чтобъ отпущенный не потерпѣлъ по выходѣ отъ хозяина. На такомъ основаніи и Владиміръ, отпуская отъ себя проповѣдника Св. Бруно къ печенѣгамъ, оказывалъ ему такое заботливое попеченіе, какъ это видно изъ письма самого Бруно.

Сказаніе наше сообщаетъ тоже любопытныя черты половецкаго быта; видно, что у Половцевъ были вѣча; на нихъ съѣжались князья разныхъ вѣжь, на которыя дробилось половецкое племя. Вмѣстѣ съ князьями сходились знатные (вельможи), совѣщались въ чистомъ полѣ, сидя на коняхъ верхами. Нашъ половчинъ вѣроятно былъ одинъ изъ знатныхъ особъ половецкаго народа.

Нѣтъ нужды распространяться о томъ, что самое важное достоинство этого древняго сказанія то, что оно рисуетъ живо и наглядно дѣтскій простодушный взглядъ русскаго человѣка стараго времени.

СКАЗАНІЕ

О СТАРЦѢ, НИЗВЕДШЕМЪ ДОЖДЬ СЪ НЕБА.

СКАЗАНІЕ

О СТАРЦѢ, НИЗВЕДШЕМЪ ДОЖДЬ СЪ НЕБА.

(Импер. Публ Библ. Погод. древлехр. № 1606.)

СЛОВО Ѡ СТАРЦЫ, (Ѣ) ИЖЕ МОЛИТВОЮ ДОЖДЬ С НЕБЕСЕ СВЕДЕ.

Бысть нѣкогда въ Моурьстей области бездождіе великое, и молящимся имъ, епископъ и игуменове, и попови, а) и вси б) людіе со усердіемъ къ Богу да подастъ дождь; и не бысть по многи дни дождя. Бысть людемъ страны тоя велика скорбь, бездождія ради, яко отнюдь в) плодомъ нерости, и от многа солнца зноя земля изсыхаше. г) И молящимъся людемъ къ Богу, дабы помиловалъ ихъ, епископъ же прилежно молящеся Богу, да подастъ д) земли дождь, и бысть с небеси гласъ глаголющь: иди по утрени е) ж) к западнымъ вратамъ града: аще кого узриши перво з) ходяще и) во градъ, и того удержи, и рцы ему: да помолится. И будетъ вамъ дождь. Епископъ же шедъ съ заутрени со всѣмъ крилосомъ своемъ, и сѣде во вратѣхъ і) града, и се вхождаше к) единъ старецъ, л) нося на плещу своемъ бремя дровъ; епископъ же повелѣ удержати, м) и воставъ сложи с плещу его н) бремя дровъ епископъ, о) и поклонися п) до земли, глагола ему: Господа ради, авва отче, помолися да Господь пошлетъ намъ милость свою и пуститъ дождь на землю. Старецъ же недостойна себе глаголаше и грѣшьна. р) Епископъ ему прилѣжно молящеся, да помолится за люди и за градъ. с) Умоленъ же бывъ старець отъ епископа и преклонь колѣна молящеся Богу, и в тотъ т) часъ бысть туча, и сниде дождь великъ; видѣвъ же епископъ и у) люди бывшее, прославиша ф) Бога, епископъ же нача молити старца, глаголя: Господа ради, сотвори любовь, отче, повѣждь намъ ползы ради житіе свое, да и мы поревнуемъ твоимъ добродѣтелемъ и доброму житію твоему. И рече старець: прости мя, Господи отче, азъ бо отнюдь х) грѣшенъ и убогъ, ничтоже имы покоина, имже бы ми душа моя утѣшалася; но се яко видиши мя, вхожу во градъ, нося бремя дровъ; сеже творю по вся дни, се продая, куплю си хлѣбъ, иного же не имамъ ничтоже, и сплю во церкви по вся нощи, а утро исходя тоже творю; аще ли будетъ зима или слота, день или два, тогда алченъ пребываю, донеле же, тихо исходя, паки сѣку дрова, и на плещу моею ношу во градъ, и продаю: тѣмъ ядь ц) си ч) куплю, а лишнее неимущимъ раздаваю; от дому же чюжаго, ни от чюжая силы никогда не взяхъ хлѣба, ни ядохъ туне ни у кого же.

Еже слышавъ епископъ и почюдися [щ]) иже с нимъ прослави (ша) Бога, имущаго потаены рабы своя, тому единому свѣдоми. [щ]) И велѣ [ъ]) епископъ кормлю и одежю от церьковнаго притяжанія дати [ы]) ему. Онъ же не хотѣ, [ь]) едва былъ умоленъ от епископа, нужею одва пріимаше. И тако сконча жизнь свою в добродѣтели. [э]) Богу нашему слава и нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь. [ю])

Отмѣны варіанта по списку Имп. Публ. Библ. отд, I. № 209. (рук. XV вѣка.)

а) *вм.* священници. б) *нѣтъ.* в) *вм.* отиноудь. г) *со словъ* и от многа *вм.* и от многаго зноя солнечнаго земля исхла. д) Богъ. е) *вм.* по оутренім. ж) о епископе. з) *вм.* первое. и) *вм.* въсходяща. і) *вм.* оу врагъ. к) *вм.* въсхождаше. л) синець м) *вм.* удръжати. н) епископъ. о) *нѣтъ.* п) до земли. р) *со слова* глаголаша *вм.* мніть глаголаше: яко азъ грѣшникъ есмь. с) *со слова* за люди *вм.* зи градъ и за люди. т) *вм.* и в тои у) вси. ф) *вм.* и прославиша. х) *вм.* отиноудь. ц) *вм.* хлѣбъ. ч) *вм.* себѣ. ш) *вм.* много чюдися. щ) соуть. ъ) *вм.* повелѣ. ы) *вм.* давати. ь) *со слова* онъ же *вм.* старець же не хотѣ коръмли пріимати от нихъ. э) о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, емуже подобаеть всяка и честъ и поклоненіе Отцю и Сыну и святому (Духу). ю) *со слова* Богу *нѣтъ.*

ПОВѢСТЬ

О БЛАГОЧЕСТИВОМЪ РАБѢ.

ПОВѢСТЬ

О БЛАГОЧЕСТИВОМЪ РАБѢ.

(По списку Имп. Публ. Библ. Погод. древлехр. № 1350.)

ПЕРВЫЙ ВАРІАНТЪ.

Бысть нѣкій мужъ вѣренъ Господеви и житіемъ добръ, той же имяше у себя сына единородна суща. И во времяна нѣкая бысть гладъ крѣпокъ по странѣ той, и оскудѣ добрый той мужъ всякою тѣлесною пищею: и рече онъ рабъ Христовъ: чадо мое любимое! видиши ли, яко мы оскудѣхомъ, и не имѣемъ что ясти: уже къ смерти гладной приближаемся, промыслити же о себѣ не свѣмы, но токмо едино запродадимъ тя; и ты будеши живъ, и мы не умремъ гладомъ. И глагола ему сынъ его: отче мой, творп надо мною еже хощеши! Отецъ же его приведе ко единому от вельможъ и глагола ему: хощеши ли купити сына моего? Вельможа онъ воззрѣ нань, рече: хощу. И вземъ цѣну, дастъ отцу его. Божій же человѣкъ и Христовъ рабъ призва къ себѣ сына своего, и прослезися жалостно, і рече: чадо мое возлюбленное! утроба моя! послушай мене и сохрани заповѣдь мою до кончины живота своего спасенъ будеши; се же ти, чадо, заповѣдаю: егда начнутъ служити божественную литургію, и ты никакоже не отступай в то время отъ церкви до послѣднія молитвы; или лучиттися мимо ити, в то время какъ литургію Божію служатъ, не моги мимо проити, не дослушавъ конца. И аще, чадо, сіе мое наказаніе сохраниши, и владыко Христосъ помилуетъ тя отъ всякія бѣды, ради великія своея милости и для великія службы божественныя покрыетъ тя милостію своею. И сія рекъ, разыдошася кійждо в домы своя.

Доблій же онъ отрокъ, по наказанію отца своего, нача прилежати к церкви Божіей, паче же во время божественныя литургіи, и сіе творящу ему не мало время. По лѣтѣхъ же нѣкоихъ цѣломудренный онъ юноша видѣ госпожу свою со инымъ нѣкоимъ рабомъ не въ коемъ тайномъ блудъ творящу; узрѣвъ же онъ и ужасеся и умолча, никому же сего не повѣда, паче же Бога моляше, глаголя: Господи, отпусти госпожѣ моей беззаконіе сіе, яко соблазнь діявола есть и прелесть его! Госпожа его начатъ помышляти лукавое въ сердцы своемъ на предивнаго отрока сего, и глагола въ себѣ: егда видѣлъ то, нѣкогда скажетъ господину своему на нихъ. И тако окаянная она умысли на цѣломудреннаго да погубитъ его, исполнися гнѣва и злобы, и глаголя мужеви своему: се рабъ купленный нѣсть добръ, яко втайнѣ соглядываетъ, и главы твоея ищетъ, и мыслитъ како бы погубити тебя, и мнѣ госпожѣ своей много досажаетъ укорными словесы злыми и беззаконными, да лѣпо ти есть сего убить, неже онъ насъ погубитъ. И слыша се вельможа господинъ его, и вѣрова словесамъ лукавымъ, осуди кроткаго и молчаливаго сего от-

рока на смерть, и глагола епарху другу своему: друже мой! молю ти ся, учини по дружбѣ наю: имамъ раба, егоже пришлю к тебѣ съ убрусомъ, и ты отсѣки главу ему, и по егоже пришлю послѣ его, и тому отдаси главу, вложи въ убрусъ. И посла неповиннаго отрока, дастъ ему убрусъ, глаголя: иди к епарху другу моему с убрусомъ, и даждь ему. Онъ же не вѣдяще, яко на смерть посланъ бяше; идущу жъ ему мимо церкви и слышитъ поющу божественную литургію, и по заповѣди отца своего ста у церкви, моляся Богу, дожидая конца пѣнію, да исполнитъ службу свою камо посланъ. Госпожа же его гнѣва полна сущи, ускори послать виноватаго онаго раба к епарху по главу праведничу, и глагола к рабу своему: иди к епарху, и рцы ему, и еже дасть ти, принеси ко мнѣ вскорѣ, яко потребна ми вещь есть. Идущу же ему, видѣ друга своего въ церкви стоящa, и божественнаго пѣнія слушающа, и рече ему: камо идеши, друже? Онъ же рече: господинъ посла мя к епарху града сего со убрусомъ симъ. Онъ же рече: и азъ от госпожи своея къ нему жъ посланъ; молю ти ся, друже мой, азъ хощу послушать божественнаго пѣнія, ты же возми убрусъ сей и донеси его к епарху, да оба подъемлемъ орудіе едино. И взявъ убрусъ другъ его, отнесе к епарху. И в той часъ епархъ отсѣче ему главу и вложи во убрусъ. И егда совершися божественная литургія, доблій же отрокъ пріиде к епарху; и веемъ епархъ главу во убрусѣ, дастъ ему, рекъ: даждь ю господину своему. Отрокъ же веемъ главу, принесе ю, дастъ господину. Видѣвше же господинъ и госпожа вещь дивну, ужасошася и дивящеся въ себѣ, глаголюще: яко осужденный на смерть живъ пріиде, а посланный на животъ мертвъ обрѣтеся! И призва вельможа того вѣрнаго раба своего, и нача его вопрошати отвѣта: како гонзну смерти? И повѣда отрокъ пред всѣми: яко не хотя преступить заповѣди отца своего, стахъ у церкви на молитву, дондеже скончася божественная служба; видѣвъ же друга моего идуща, и вопросихъ, и дахъ ему убрусъ, сей да донесетъ его к епарху. Сей же злѣ скончася, азъ же по совершеніи пѣнія идохъ на свое орудіе, и дастъ мнѣ епархъ убрусъ сей. Слышавше воздивишася вси, прославиша Бога, яко соблюде Богъ отрока праведнаго от смерти, заповѣди ради отца его и многаго ради смиренія его и правды.

ВТОРОЙ ВАРІАНТЪ.

(Имп. Публ. Библ. отд. I. № 209 рукоп. XV в.)

Иже древле бысть се, повѣда намъ нѣкто от невѣрныхъ: бѣ моужь етеръ богобоязнивъ и тъ сына оу себѣ имѣ единородна; и бысть во странѣ той моужь, и рече сынови своемоу: о чадо! видиши ли, яко осиротехомъ и не имамъ что ясти, хощеши ли да тя продамъ, да и ты боудеши живъ, и мы, твои родителье, гладомъ не оумремъ? И глагола сынъ: твори, отче, еже хощеши. Отець поимъ его, и веде ко единомоу от вельможъ, и взятъ цѣноу на сыноу своемъ, и рече емоу: чадо мое! се заповедаю ти: егда ти боудеть слоужьба во святѣй церькви, и не мози отити, доколѣ кончають святоую слоужьбоу. То изрекъ, отиде от него в домъ свой. Отрокъ же послоушьливый, свершая отца своего повѣленіе, и миноувшоу лѣтоу, види госпожоу свою творящю блоудъ съ слоугою своимъ, и никомоу же сего не повѣдаше, но моляше Бога, дабы има грѣха оставилъ.

Госпоже же его исполнишася (исполнися) гнѣва, срама не мога терпѣти, глагола моужеви своемоу: сій новокупленый рабъ нѣсть добръ: о главѣ твоей мысліть; да лепѣ (?) есть его оубити, нежели онъ тебѣ, моего живота, оубьеть. Сіи блоудная жена и льстивая моужю своемоу глаголаше; онъ же лоукавая ея словеса слышавъ и ятъ вѣроу, и осоудить праведнаго оумрети, а онъ и не велише, и съвѣщашася с епархомъ: ею же ти с оуброусомъ пришлю, того оусеци главу и даси ю кто ти по нее пріидеть. А не нарече именемъ ни единого от слоугъ. И пришедъ в домъ свой, пославъ праведнаго, и давъ емоу уброусъ. Онъ же не вѣдане на смерть иде; бысть же идоущю емоу мимо церковь, слышавъ божественоую пѣснь поему, въспоминоу отца своего наказанье и ста оу церкви, жды съвершенія слоужбѣ. Госпоже же его, гнѣвомъ обдержима, оускори послати виноватаго по немъ к мечникоу; вежде виноватый идущий, и видѣ дроуга своего оу церкви стоящя; тожде рече емоу правыи той отрокъ: камо, дроуже, идеши? Посланъ же рече ему: ко мечнику повелено ми есть ити. И тъ глагола: и азъ ктомоу же есмь былъ посланъ с симъ оубрусомъ, да возми оу мене, дроуже, ты оуброусъ сей, и неси его ко мечникоу томоу, да не оба трудивися. Онъ же вземъ оуброусъ оу него, и несе его ко мечнику. И в томъ часѣ мечникъ оусекноу главоу виноватаго и в оубрусъ обвитъ. И съвершенѣи же бывши божественѣи слоужбѣ во церкви, пріиде правыи отрокъ к мечникоу; онъ же главоу вземъ, и дасть емоу, и рекъ: неси сию господиноу своему. Отрокъ же вземъ главу и несе ю господину своему. Госпоже его и осподинъ оудивистася, како посланый на смерть пріиде и ви (бѣ?) жѣвъ, а иже по главоу шедый а той оумре, и въпросиша его. И отрокъ же начатъ повѣдати предо всеми, глаголюще имъ: азъ, не ослоушаяся отца своего заповѣди, стахъ оу церкви до соверъшения слоужбы; пойде дроугъ мой скоро, и дахъ емоу уброусъ сей, и оумре злѣ; азъ же пріидохъ живъ. И вси прославиша Бога, како съблюденъ бысть отрокъ от смерти, сотворивъ заповѣдь отчю, виноватый злѣ оумре. Се же, братье и сестры, слышаще, не моліте исходити ис церкви прежде конца пѣнью, паче же в часъ литоргіи, да избавлени боудете бѣдъ и добрѣ поживете Богоу нашемоу.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Ткань этой легенды напоминаетъ извѣстную Шиллерову балладу der Gang nach Eisenhammer, взятую изъ средневѣковыхъ преданій. Заимствованъ ли предметъ ея содержанія извнѣ въ видѣ разсказа, или независимо сложилась она у насъ самобытно на основаніяхъ, сходныхъ съ тѣми, которыя произвели на западѣ подобную легенду — рѣшительно опредѣлить трудно. Едва ли разсказъ занесенъ съ запада, какъ это показываетъ греческое слово епархъ: или самый разсказъ могъ взятъ быть изъ византійскаго міра, или вѣроятнѣе, слово епархъ вошло въ составившуюся на Руси легенду потому, что это слово довольно обыкновенное и часто упоминаемое въ разныхъ житіяхъ греческихъ святыхъ, издавна у насъ ; реведенныхъ и распространеныхъ во всеобщемъ чтен Замѣчательно, что во второмъ варіантѣ болѣе старо слово епархъ употреблено только одинъ разъ, а прочихъ замѣнено словомъ мечникъ. Это побужда предполагать, что въ первоначальной редакціи сл епархъ вовсе не было, а внесено оно впослѣдствіи; такимъ образомъ ничто не обличаетъ иноземнаго п исхожденія нашей легенды. Слово епархъ означало чальника въ обширномъ смыслѣ. Продажа дѣтей ро телями во время голода — событіе частое въ древн Руси, какъ свидѣтельствуютъ лѣтописи.

ЛЕГЕНДА

О ДВУХЪ САПОЖНИКАХЪ.

ЛЕГЕНДА

О ДВУХЪ САПОЖНИКАХЪ. (¹)

(Импер. Публ. Библ. Отд. I. № 209, рукоп. XV в. также Погод. древлехр. № 1606.)

Ѡ нѣкою двою соусѣду шевцю.

Послушайте о семъ. Бѣста два соусѣда шевци вкупѣ живоуща; единъ же ею имяше отца, и матерь свою, и жену, и дѣти многыи; по вся дни хождаше въ церковь в годъ пѣнія и вся о Бозѣ кормяше, от ремьства своего изобиловаше и во милостыню подавая; а дроугій же, хитръ сый велми, но не ходяше ко церкви и дѣлаяй и в недѣлю, не опочиваше всегда, но не себе кормити не можаше. Завидя же соусѣдоу своему, и единою со гнѣвомъ рече емоу: откуду ты обогатѣлъ еси? азъ же болше тебе прилежа ремествѣ своемъ обнищахъ уже; онъ же глагола емоу мудростію, хотяй наоучити, дабы къ церкви ходилъ, рече емоу: обрѣтаю, брате, на пути злата, ходящи ко церкви, и оттуду есмь обогатѣлъ; аще и ты, дроуже, со мною хощеши всегда ходити ко церкви, да тя взываю, и еже обрящевѣ, ты половину взимай. Онъ же ятъ вѣроу соусѣду своемоу, начатъ с нимъ ходіти къ церкви. И благослови Богъ: обогатѣ и много хваляще совѣтника своего, славя Христа Бога. И рече единою к немоу: о брате! много ми еси ползовалъ души моей и имѣнью моему, но ими ми вѣроу: ничто на поути не обрѣтохъ николиже, якоже ты ми рече, но не ложно есть Господне слово, иже рече: первѣе ищете царьствія небеснаго, и си вся приложатся вамъ. Се ти повѣдаю: обрѣтохъ бо уже и пріобрѣтохъ. Се же увидѣвъ архіепископъ, сотвори добраго совѣтника пресвитеромъ; бѣ бо книгамъ хитръ велми.

Се же, братее и чада, слышаще, теците къ церкви дѣло оставльши, да Господь помилуетъ ны, аще бо и много ся труждаемъ дѣлающе или коуплю дѣюще; а от Бога не будетъ дано, но не успѣемъ то ничтоже; того дѣля, братіе, боудьте ко церкви востанливи на оутреннюю, и на литоргію и на вечерню. Да благословить вы Господь и лѣта ваша исполнить миромъ и обильно житіе вы подасть, а по исходѣ отсуду царьство небесное подастъ вы, по милости вашей помилоуеть вы Господь. Всякъ ко церкви потщися. Аще еси праведникъ, теци, да правды не погоубиши, аще ли еси грѣшникъ, теци ко церкви всегда, да оученья святыя слышиши, а не отчайся, брате, но всегда ко Богу со воздыханьемъ помолися и кайся от сердца грѣховъ своихъ,

(¹) Польск. szwec, малороссійск. швець = сапожникъ.

Бога моли ходячи к церкви, и церквь бо всѣмъ есть пристанище: всякъ в ню потщися, да спасетеся; аще по воли господни пойдете, вся бо вамъ Господь хотѣнія ваша исполнить, не ложно бо есть рекый: исщете прежде царьствия небеснаго и си вся приложатся вамъ; и паки Господь пророкомъ рече: аще хощете, послоушаете мене, благая земная снесте; аше ли не хощете, не послоушаете мене, оружье вы поясть. Уста бо Господня глаголаша сіе; аще послушаетъ кто, спасенъ будетъ, и кто не послушаетъ, осоужденъ будетъ въ моуку.

ЛЕГЕНДА

О ПОКАЯНІИ КНЯЗЯ.

ЛЕГЕНДА

О ПОКАЯНІИ КНЯЗЯ.

(По списку XVII вѣка.)

Бѣ нѣкій благонравный и святыхъ обычаевъ іерей, живый внѣ града, добродѣтели же его ради и чюднаго жителства и ко чадомъ духовнымъ наказанія и исправленія отвсюду человѣцы притекаху, хотяще его пастыря себѣ имѣти; и нѣкогда во святый и великій постъ текающимся к нему покаянія ради множество народа, тогда узрѣвъ се князь онаго града, вопроси ихъ: кто и чего ради грядутъ толико народа собраніе? Изъявиша ему, яко ко оному святому и чюдному іерею исповѣдати пред нимъ грѣхи своя. Князь же, слышавъ ія, нача в себѣ помышляти, глаголя: яко мнѣ, паче всѣхъ согрѣшшу, удобѣе бы себѣ такова искати іерея, и врачевство на грѣхи; понеже есмь грабитель, и губитель, и грѣшникъ пред Богомъ и ближними, братіею моею, всѣми человѣки. И от сего помышленія паки инѣ мысль пріиде, глаголя: можетъ ли мнѣ что, такову сущу грѣшну, покаяніе помощи? Обаче первая мысль его превзяся: поиде ко оному доброму отцу іерею грѣхи своя исповѣдати; пріиде же и припаде исповѣдати; и рече ему добродѣтельный отецъ: подобаетъ ти, чадо, воспріяти лѣкарство на струпы грѣховъ твоихъ, епитимію, и что хощеши: можеши ли, яко черновъ пріяв, пятьнадесять лѣтъ заповѣданное мною понести? Онъ же рече: аще милость твоя разсмотритъ о мнѣ, яко не могу! Іерей же рече: аще седмь лѣтъ? и потомъ: аще три лѣта? и посемъ: аще три мѣсяца? И князь рече: не могу, отче святый, обыкшій в слабостехъ моихъ ни сего понести. И рече отецъ: аще можеши покаятися чрез едину нощь, единъ во храмѣ, иже предъ градомъ, побдѣти в томъ за отпущеніе грѣховъ и пребыти в сокрушеніи сердечнѣмъ? И князь едину нощь во храмѣ томъ пребыти восхотѣ. Священникъ же наказавъ его и остави въ церкви оной, отъиде. Князь же, егда вниде въ церковь, нача в себѣ помышляти: лучше мнѣ покаятися нынѣ отъ сердца, нежели егда предвосходити начнетъ конечная немощь. И ста пред олтаремъ въ сокрушеніи сердца, прося отпущенія грѣховъ своихъ; егда же бысть вечеръ глубокій, видя нѣкто отъ святыхъ .....(1) демоновъ отъ всея страны тоя собрашася; и рече единъ старѣйшій: лишихомся друга нашего великаго, аще пребудетъ въ замѣренномъ покаяніи; а вѣсте ли яко нашъ бѣ; да потщится же кто изъ васъ сіе сотворити, да или разслабився, или устрашився, и оставя покаяніе, избѣжитъ, и аще тако сотворитъ, то вящи нашъ будетъ. И паки рече: есть ли между нами таковый, иже бы его смы-

(1) Здѣсь слово неразобрано.

шленіе изгнати возмоглъ? И отвѣща единъ: аще повелиши, азъ его изжену. И той рече: иди. И демонъ премѣнися въ признакъ сестры его, юже князь почитая и любя, и все повелѣніемъ и совѣтомъ ея творя, понеже бѣ зѣло добра и мудра. В таковой фантазіи пріиде же демонъ в чину и урядѣ княжскомъ ко церкви, нача глаголати: брате любезный! како сицевое безуміе сотворилъ еси? всяко бо и инѣмъ образомъ Бога милостива сотворити имаши. Здѣ же в таковомъ храмѣ и в пустѣ мѣстѣ, не имѣя слугъ, ни обороны, како смѣеши стояти? вѣси же елико ненавидящихъ тя имаши: пришедши бо, на части разсѣкутъ тя, но изыди; молю тя, изыди; аще ли же не послушаеши мене, то не имѣй мя отселѣ сестру себѣ. И отвѣща князь: даде ми ся за епитимію тое, пребдѣти во храмѣ семъ сію нощь; аще ли же не послушаю, то отпущенія великихъ моихъ грѣховъ не пріиму; отъиди, сестро, не стужай ми, никако убо отселѣ, аще и убитъ буду, не отъиду. И демонъ, много метався, возвратися посрамленъ, и сказа сія вся старѣйшему, глаголя: твердѣйшій камени человѣкъ оный сотворися, и вѣмъ, яко преодолѣти сему всѣми нашими силами не возможемъ. Слыша сія иный, уничижи подруга своего, и рече: азъ пойду и того часа низложу его! И претворися во образъ жены его, и на руку имѣя яко сына его, и издалече вопія, яко женамъ обычно, и пріиде в церковь, распростерши власы, плачющи горко, глаголя: како ты единъ от всѣхъ, не имѣя печали о насъ, мене и чадо остави здѣ, скрыся; придоша бо ненавидящіи на тя, градъ твой взяша, богатство разграбиша, людей плѣниша; азъ же едва возмогла безобразно с сыномъ утещи! Престани отъ начинанія твоего, и со оставшими пожени во слѣдъ враговъ твоихъ, и въ нечаяніи ихъ тебе одолѣеши имъ, и свое возвратиши; аще ли же не изыдеши, то камо ся дѣнемъ? Но сама ся убію, а сына твоего пред тобою о мостъ разшибу! И верже сына о мостъ. Но князь никакоже умышленіемъ врага склонися, но и мнимой женѣ, яко и сестрѣ, отвѣща, и отъиде демонъ съ горестію и со стыдомъ, посрамленъ, возвѣщая умыслъ лукавый, но не полученъ. И старый рече: побѣждени убо есми отселѣ; но дабы еще кто от насъ покусился одолѣти толикую крѣпость! умыслихъ азъ, премудрѣе всѣхъ умыслихъ! И старый повелѣ; той же злохитріе свое нача творити. Слышитъ князь: и се буря страшная воста, и громи, и молніи убивателніи с небеси, и начася храмъ от бури колебатися, и от молніи храмъ весь возгорѣся, и сквозѣ стѣны прогорѣ; окрестъ же храма демони вси, собрашася вопіюще: идите, помозите, помозите! И въ церковь текоша, глаголюще князю, якобы человѣцы изъ града на отъятіе притекоша: изыди, княже, господарю нашъ, изыди, да не туне сожженъ будеши и яко самоубійца осудишися! И князь рече: никако убо отсюду, аще изгорѣти имамъ, не изыду; за повелѣніемъ бо отца и пастыря моего, аще бо и умру, надежду имамъ яко отъ руку господню благая пріиму! Сіе слышавше демони, изчезоша посрамленни; князь же видѣ, яко ничтоже бысть, удивися. И паки начаша демони совѣтовати, дабы кто покусился от насъ еще, и коему взяти на ся подобіе попа, иного же яко пономаря. И вшедъ в церковь, повелѣ пономарю во звонъ ударити яко ко утрени; самъ же мнимый попъ возже свѣщи, и яко узрѣ князя прямъ окомъ, рече то: како убо ты, проклятый, во святѣмъ храмѣ стоиши, и кто тя сѣмо пусти, таковаго скверителя, и убійцу, и грабителя? но изыди скоро, аще ли же ослушаешися, то повелю тя силою изгнати; ибо не имамъ пѣти, дондеже здѣ будеши. Князь же никако не подвижеся; но паки укрѣпися тако, якоже и прежде, отвѣща; демонъ же и вси его друзи, бѣсове, со уничиженіемъ и срамомъ злобы и лукавствія своего разбѣгошася. И возсія заря, и просвѣтися день; и князь изыде из храма, очищенъ от всѣхъ грѣховъ своихъ. И видѣ, о немъ же и прежде помянуся отъ великихъ отецъ, яко оный князь, елико противеся діаволу, толико вѣнцевъ отъ вседержительныя руки господни пріяе; такоже и наставникъ его славу отъ Бога и просвѣщеніе воспріяе. Пріиде князь во градъ, обрѣте жену и вся в дому, якоже и вчера бысть, возда хвалу Богу. Видите

колікую мзду и славу за истинное покаяніе и за терпѣніе толикихъ отъ діавола противностей прія, колика же ждетъ мука тѣхъ, иже ни мало противятся діаволу, не худѣйшеми отъ діавола и искушеными преступниками себе показуютъ!

ТАЖЕ ЛЕГЕНДА МАЛОРОССІЙСКАЯ.

(По списку Импер. Публ. Библ. Погод. древлехр. № 1333.)

Еденъ рицеръ булъ въ панствѣ нѣкоторомъ, тай булъ барзо срокгый: нѣкому нѣгды не попустилъ любъ през пижинокъ. Той ехалъ конемъ мимо едну церковъ и спомнѣвъ собѣ о злостяхъ своихъ, тамъ коня привязавши, войшолъ до церкви, а поклякнувши сталъ сповѣдь чинити пред духовнымъ; сповѣдникъ за его грѣхи казалъ ему абы два роки покутовалъ. Онъ молвилъ: не могу. Тогдѣ крозь полроку ему казалъ покутовать; онъ отповѣдалъ: не могу; потомъ през три недѣлѣ, потомъ през три днѣ, а онъ не хотѣлъ. Мовилъ ему сповѣдникъ: поневажъ такъ есь .... (1) твердого, а тожъ тобѣ даю, абы през едину ночь тутъ на молитвѣ преночовалъ, чого Богъ тобѣ да поможетъ, тилко стале трвай, а нѣгды не бойся, кромѣ Господа Бога. Той жолнѣръ, поклякнувши пред образомъ Пресвятой Богородицы, сталъ на молитвѣ и коня не смотрилъ, а в першую годину ночи сталъ шумъ великій коло церкви. И мовилъ, ставши, сатана: о братія и слуги мои! що учнимъ: ото нашъ пріятель, котрый всегда нашу волю чинилъ, теперъ если его с той церкви през тую ночъ не выженемъ, и овъ нашъ не будетъ. Тогдѣ еденъ мовилъ діяволъ: пане! если мнѣ кажешь, я пойду, а его той часъ выбавлю! Теди ему позволилъ. Тогди дияволъ пустилъ страшный пожаръ огнистый коло церкви, же ажъ въ оболони поломя стало шибатись, а онъ почалъ с другими шатанами кричать: втѣкай, втѣкай, а то згоришъ тутъ марне, поки двери не занялися, бо погодя южъ не выхопишься. А онъ мовилъ: то не можная, абы я оттоль мѣлъ выти, бы и згорѣлъ, бо ми то дано за покуту. Той огонь горѣлъ мочно, а потомъ згаслъ. Тогди .....(1) сатаны радилися яко бы его могли вывести. Была зась в того рыцера сестра родная, барзо мудрая, от которой онъ раду всегда заживалъ. Діаволъ що учинивши, робиться в постать сестры его, и пришовши к нему, мовилъ: наймильшій мой брате! Якожъ тутъ на томъ мѣсту ночовать важилистеся. Хто васъ зле радилъ? а претожъ идѣть до дому що нарихлѣ, же бы и намъ що злого не перешкодило. А онъ мовилъ: бы ми найгоршая якая речъ трафилася, отсюль не пойду, бо то мнѣ дано за покуту. Тогди сестра мовила: а тожъ, если мя не слухаете, нѣгды вамъ в порадѣ жадной не буду! В томъ пошла пречъ. А пришовши до своихъ, побѣжалъ якъ его му силъ а не могъ отвестись. Тогди еще еденъ мовилъ: пане! мнѣ кажи, и я его оттоль выведу. А онъ ему позволилъ. Тогди той сатана нарадился того рыцера жоною, а пришовши до него з роспущенными волосами и дѣтей двое пред его принеслъ, мовячи: штожъ такъ робите тутъ не подбаве; онъ-то якіесь літри, напавши на нашъ замокъ, челядь розгнали, все побрали, мене, якъ видишъ, обнажили,

(1) Слово не разобрано.

(1) Слово не разобрано.

отожъ втекла з дѣтьми твоими двома сынами, для того жъ, змилуйся над собою и надо мною, поспѣвайся за ними, взявши люду остатокъ: можемъ ся помстити надъ ними своеи кривды; теды онъ отповѣдалъ: би ми тужъ пришло и до смерти, не пойду зъ сего мѣстца. Теди она рекла: знать же мя не любишъ, а нѣ дѣтей своихъ; о тожъ тобѣ дѣти твои! И моцно вдарила о землю, тіе дѣти плачучи лазили, а онъ на нихъ ни позрѣлъ. Тогди тое все погинуло. Тако жъ покуси знову радилися що з нимъ починать, потомъ еденъ сатана в постать священника премѣнися, а прійшолъ до церкви з лѣнтарнею (1), свѣчку на олтарѣ засвѣтилъ, рече же до жолнѣра: чесо тутъ бавишься? Иди нречъ, а то почну служить утреню. Пошовши позвонилъ и знову мовилъ: иди жъ отсюль, бо есь ты проклятый, не годенъ есь, же бимъ при тобѣ почалъ служить, бо я вѣдаю, же сь ты такъ и такъ грѣшилъ. Отповѣдалъ жолнѣръ: не пойду я ажъ до самаго свѣта, бо то мнѣ дано за покуту; тогди и той сатана згинулъ. А рицеръ на день завтрешній коня знайшолъ, здоровую жену, и дѣтей, и сестру и весь маетокъ цѣлый, а сповѣдникъ его развязалъ отъ всѣхъ грѣховъ. Такая его покута Богу стала пріемна на прикладъ и намъ грѣшнымъ. Если щирымъ сердцемъ покуту будемъ читити, то и насъ Богъ приметъ до своеи хвали. Ему же слава и честь и поклонъ въ Троици святой. Аминъ.

(1) Вм. з лѣхтарнею = съ фонаремъ.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Настоящая легенда должна быть древняго происхожденія и относится ко временамъ независимыхъ удѣльныхъ князей. Искушеніе кающагося въ образѣ жены, которая извѣщаетъ мужа о внезапномъ нападеніи враговъ, напоминаетъ тѣ времена, когда удѣльные князья безпрестанно нападали другъ на друга. Самое существованіе ея въ малороссійской формѣ подтверждаетъ ея древность, побуждая предполагать, что первоначальный образъ, въ какомъ она оставлена, отнесится ко временамъ, предшествовавшимъ расторженію федеративной связи между южной и сѣверной Русью. Здѣсь выражено народное представленіе о томъ, какъ человѣкъ, для достиженія цѣли, рѣшается устоять противъ страшныхъ видѣній, которыми бѣсы хотятъ его испугать и отвлечь отъ предположенной цѣли, представленіе, общее множеству народныхъ разсказовъ, между прочимъ и тому, который такъ прекрасно передалъ Гоголь въ своемъ *Віѣ*.

ПОВѢСТЬ

О ГРѢШНОЙ МАТЕРИ.

ПОВѢСТЬ

О ГРѢШНОЙ МАТЕРИ.

(Изъ рукописнаго Сѵнодика Имп. Публ. Библ.)

ПОВѢСТЬ ПОЛѢЗНА О НѢКОѢМЪ, ИЖЕ ЛѢВОЮ РУКОЮ ИДАШЕ.

Монахъ нѣкій повѣда намъ, глаголя: яко шедшу ми многда ко святому Ѳеодориту, патріарху антіохійскому, и понуждену ми на снѣдь, повѣдаше моему смиренію: яко предъ малыми денми пріиде странне здѣ не изновеніемъ, и многими власы, и одеждою власяною одѣянъ, и сего призвахъ ясти со мною. Пришедшу же ему и сѣдшу, зрахъ его ядуща лѣвою рукою, ибо десная его рука обвита платомъ, даже до перстъ. Глаголахъ убо ему: почто, брате, не яси десною рукою, но лѣвою? ибо великій Василій во обычныхъ своихъ ученіяхъ глаголетъ: десная убо рука служитъ отъ чреслъ до главы, лѣвая же отъ чреслъ подобнѣ до догу. Онъ же глагола ми: прости мя, святѣйшій владыко, жрасть бо ми нѣкая есть, и сего ради не могу! И много нудивъ его, не хотяща зрѣти. И яко обрадованна человѣка похитивъ портъ, еже на десницѣ руцѣ его, и на едину страну вергохъ, даде прочее рука не утѣшимъ сирадъ и лютъ, яко же всѣмъ держати своя ноздри и отбѣжати, дондеже паки о немъ чистымъ портомъ обви братъ сирадную свою руку, и тако преста отлученный и лютый сирадъ. Азъ же, рече, удивлься о сихъ, начахъ нудити мужа рещи ми: что убо есть се? Онъ же, воздохнухъ велми, начатъ повѣдати ми, глаголя: азъ, святѣйшій владыко, имѣяхъ матерь доброзрачну зело, и велми юна сущи овдовѣ, мене точію имущи младенца; скончавшужеся моему отцу, яко же речеся, вдастъ себе пищи и піанству, и блуду, якоже отъ блуда своего собрати ей многая стяжанія. Мнѣ же въ мѣру возраста пришедшу, оукоснѣвающи же мати моя въ сицевой скверне, случися ей умрети. Азъ же въ чювство пришедъ, и поразумѣхъ откуду селико богатство собра, вдахъ себѣ прочее отреченію земныхъ, многимъ сущымъ отеческимъ и матернимъ стяжаніемъ, положихъ въ сердцѣ моемъ, глаголя: невозможно ми, владыко, Господи Боже, отъ нечистаго сего богатства пріяти; но вся раздамъ церквамъ божіимъ и нищимъ, за душу матере моея. Сице сотворихъ, раздахъ и моя вся, не оставль себѣ ничтоже, кромѣ яже ношахъ одежду, и сія сотворь за душу своея, (ея?) со всякимъ изволеніемъ и вѣрою несумѣнною. И помышляхъ въ себѣ, глаголя: откуду оувѣмъ, и кто ми извѣститъ яко пріятъ Богъ данная нищымъ, и паче яко отъ скверныхъ бяху собрана вины! И яко аще получи отрады мати моя, или ползу оубо кую сицевыхъ ради милостынь же и приношеній! Идохъ убо, владыко, во Іерусалимъ къ патріарху; и вся случшаяся сказахъ ему. Онъ же сія слышавъ, глагола ми: добре сотворилъ еси, о чадо, понекся о матерни спасеніи. Сія бо

творя себѣ, благодѣйствуеши, и спасенія сподобляеши свою душу; но обаче никтоже опасно совершенное можетъ вещи увѣрити, но иди въ скитъ и въ Віфаиду, и тамо обрящеши богоносны мужи и прозорливы и могутъ ти о семъ молитвою откровенія извѣстити. Азъ же по словеси патріарха абіе идохъ въ скитъ и въ Віфаіду, и вся бывшая блаженнымъ онымъ отцемъ сказахъ. Преподобніи же и приснохвальніи сія слышавше, и отъ множества смиренія ихъ кождо глаголаху: яко нѣсть чадо такова въ насъ, якова ты ищеши, и разумъ твой; но аще хощеши послушати совѣта нашего, вниди во внутреннюю пустыню, и тамо обрящеши человѣка Божія совершенна, могуща ти о сихъ извѣстити. Да не убо труда ради облѣнишися, о чадо, но надѣяся иди, Господь съ тобою! Азъ же пріимъ хлѣбъ и воду, и молитву святыхъ старецъ, путешествовахъ дній 30; и обрѣтъ пещеру малу, и близъ ея мало воды, и при водѣ стопы человѣчи; и обрадованенъ быхъ, приближихся къ пещерѣ. И толкнувъ по обычаю, и отвѣща ми внутрь святый старецъ; и изыде; и бывшу обычному монашескому поклоненію, и молитвѣ, сѣдохомъ, и глагола ми рабъ божій: добрѣ пришелъ еси, чадо, что толикъ трудъ до насъ претерпѣлъ еси пріити, рцы ми: и како христіанское колѣно живетъ днесь! како царіе? како вѣра утверждена? Мнѣ же рекшу: яко молитвами вашими преподобными равно ангеломъ живущими, вся благочестно и мирно, идѣже есмы оутверждена суть; но о немъ же подвигохся, отче святый, о семъ мя просвѣти, молюся, припадая къ стопамъ ногу твоею. Тому же рекшу: и кая вина къ намъ твоего прихода? И исповѣдавшу ми вся, яко же речеся, и рекшу яже о извѣщеніи: отце честный, пріяти молюся ради къ Богу дерзновенныя ти и богопріятныя молитвы, аще получи кую пользу смиренная моя мати, или ни? Отвѣща рабъ божій истинный, глаголя: паче моея силы и достоинства такое прошеніе; обаче помолимся вкупѣ съ тобою Богу, о чадо, и еже хощетъ и волитъ открыетъ намъ; и сотворь найнымъ своимъ жезломъ писмо округло постави мя внутрь, и заповѣда ми дній седмь не сѣсти, и елико по силѣ ни ясти, ни пити, но молити Бога день и нощь, яко да явитъ намъ искомому откровеніе. И азъ, рече, внутрь пещеры тоже да сотворю. И силенъ есть иже мыслемъ судіа, и утробамъ и сердцамъ испытатель, иже безвѣстнымъ вѣдецъ, и объявитель невѣдомымъ, открыетъ намъ недостойнымъ по воли его. И сотворь молитву прилѣжну, остави мя внутрь писмене, и вниде въ пещеру свою. И сотворшу ми 6 нощей, и 6 дній, и яко пріиде седмая нощь, быхъ яко во иступленіи, и зрю на лѣвую страну, и се езеро тинно сирада исполнь, и главы нѣкихъ восходящихъ изъ глубины езера, и съ ними видѣхъ матерь мою восходящу и низходящу до выя. И познавши мя, возопи: чадо мое доброе, помилуй мя! И паки поникши во глубину тины. И паки возшедши до персей, и возопи зѣло: чадо мое, помози ми! И паки зашедши во глубину, и до третіе видѣхъ ту возшедшу, и еще множае вопіющу, со оумиленіемъ и многими слезами, и рыданіемъ, сице глаголющу: чадо мое, не остави мене въ бѣдѣ сей! Азъ же, бѣды яко забывъ, простеръ десную мою руку, и похвативъ за власы главы ея, той же въ долняя погрязши, омочися рука моя въ тинѣ сирада онаго до запястія, сице же исторгъ матерь свою, и на десно обозрѣвъ, оузрѣхъ купель воды чисты, и благовонны, и сладки, тамо убо ввергохъ ту, и омыхъ сирадныя оныя тины, и съ тамо сущими свѣтлыми людьми совокупихся, хваляще и славяще съ ними Христа Бога нашего. Дню же прочее бывшу и се рабъ божій пріиде, вопрошая мене, что убо еси видѣлъ; мнѣ же повѣдавшу, той знаменаше глаголемая, таковая бо бѣяша и самъ якоже глаголаша зрѣвый; мнѣ же руку износящу, и неизчетнаго сирада не терпя, глаголаше святый: о семъ не печалуй, се бо печать есть истиннымъ еже вѣровати намъ, и всѣмъ слышащымъ и видящымъ, яко истинно есть видѣніе, а не привидѣніе или мечтаніе, и яко силенъ есть Богъ и по смерти творити милость и щедроты, иже отъ всего сердца творящимъ приношенія и милостыни за отшедшыхъ, и тѣмъ подати милость, яко щедроты его на

всѣхъ дѣлахъ его, елика хощетъ и можетъ. О руцѣ же твоей азъ извѣщу: можаше бо Богъ всячески и ту таковаго премѣнити сирада, но да не якоже речеся, двоевѣрно мнится быти и невѣрно многимъ, сице ту благоволи нѣти. Сице рекъ ми рабъ божій, и малый платъ сей, иже зриши, отъ святыя его мантіи отрѣзавъ и обвитъ ми руку; и абіе преста весь сирадъ. Пріиде же паки его ради блаухоханіе, и еже пребываетъ плату належащу; аще ли кто возметъ его, яко же и ты нынѣ сотворилъ еси, никто же стерпитъ сирада неизчетнаго. По сихъ же глагола ми но истинѣ рабъ божій: се, чадо, толикъ путь шествовалъ еси, зѣло утрудився, и яже на потребу не имаши что подобаетъ ти сотворити, или кою отъидеши во страну свою не трудно, и яко сія глаголаше ми. Се дхну вѣтръ югъ, и облакъ градень уторжеся отъ запада; святый же старецъ рече: тебѣ повелѣваю, ангелу иже облаки водящему, и вся содержащему сильною дланію о имени Христовѣ, иже облаки составляющему, пріими брата сего облакомъ, и донеси его во своя ему, яко да всѣмъ скажетъ величія божія, яко силенъ, право и несумѣнно просящимъ подавати прошенія ихъ, приношенія ради милостынь о мертвыхъ и о живыхъ, и милость въ родъ и родъ до вѣка, и щедроты его на всѣхъ дѣлѣхъ его. Пріемля убо облакъ, и представи мя оу дому моего, яко Аввакума въ ровъ Даніиловъ; азъ же пребыхъ хваля и славя Христа Бога нашего, во всякомъ благовѣрія и чистотѣ, яко Тому подобаетъ слава и держава во вѣки вѣковъ, аминь.

ЛЕГЕНДА О ГРѢШНОЙ МАТЕРИ МАЛОРОССІЙСКАЯ.

(Импер. Публ. Библ. Погод. древлехр. № 1555.)

Былъ единъ человѣкъ священноинокъ, котрий завше за свою матку Богу ся молилъ и святую службу отправовалъ, а покуту великую за ню мѣвалъ. Тогді часу едного, яко съ плачемъ молился Богу, обачилъ еи предъ собою, а она на страшномъ змію сидитъ и зъ пазокъ его огонь страшный сѣрчистый выходилъ; два зась діяволи зъ ланцюгами огнистыми при неи стояли, котріе мозокъ еи висисали; въ очахъ сиділи два медвѣдки, въ ушахъ срокгія двѣ мыши видать було, люти зась шатанъ стоялъ противъ неи каменемъ бючи уста еи, и коло шиі еи барзо ужъ великий обвинулся а персей ссалъ, на палцахъ еі огнистие перстени були, ноги зась еи подъ зміевимъ брухомъ были звязани. Тое видячи онъ законникъ палъ на землю отъ страху не могъ и слова мовити, а она ему мовила: не бойся, наимилшій сину, бо ні я, ані тие, що зо мною, тобі зашкодить не могуть. Я то есть проклятая и несчасная матка твоя, котрая естемъ тимъ мукамъ на вѣки отдана. Въ томъ сынъ, будучи посиленъ Богомъ. всталъ, и мовилъ: чему сь тако сродзѣ мукамъ оддана, поневажъ часто есь святый сакраментъ примовала, исповѣдь чинила? Отповѣдала же: збытный есть гнѣвъ Божій, бомъ всю молодость мою въ роспустахъ и уборахъ марныхъ скончила. А любомъ ся сподівала того однако воли до покути не міламъ, и святий сакраментъ негодне пріймовала. Мовилъ ей синъ: что значатъ тие муки? отказала: змій, на которомъ сижу, данъ мі есть за любощи непристойние, котрихъ я прагнула до себе, тие зась дви шатани, що мя ланцугами бють, единъ есть данъ за тое, же къ отцу своему завше ся наприкрала, вимогючи розние уборы, другий зась ми данний жемъ иншихъ до той же своей воли приволила, страшний

ужъ за тое данъ ні есть, жемъ злотые ланцуги и монисто носила и перси показывала, за тое мя той страшный ужъ зъ великою болестію моею смокчеть; што мя беть у уста за тое, жемъ дивилася где злие учинки справують; въ ушахъ миши сродзе гризутъ, жемъ слухала пісней спросних; ноги ввязаній подъ змінним брухомъ, жемъ танцевала збитне, показуючи голені и висковов и бігання непристойнаго; а для того а ні твоя молитва, а ні тежъ чія иншая можетъ мя отъ той муки визволити. Се заразъ той змій и все товариство ей смрадомъ великимъ поднесшися въ висшавицю (?) обернулося и зникло.

ВИДѢНІЕ МУКЪ

ГРѢШНИЦЫ ВЪ АДѢ.

ВИДѢНІЕ МУКЪ ГРѢШНИЦЫ ВЪ АДѢ.

(Импер. Публ. Библ. Погод. № 1377.)

Два мниха добродѣтелни пріидоша слово Божіе пре-
ювѣдати в нѣкій градъ, в немъ же нѣкая жена со
родным своимъ и со инѣми чужеложство сотворила,
тягости ради грѣха, срама ради, 12 лѣтъ приходя
аятися и таяше. Едаже узрѣ сихъ иноковъ странныхъ,
ече въ себѣ: сіи суть незнаеміи и иностранніи, и ни-
ке когда паки к намъ возвратятся: исповѣмъ имъ грѣхъ
вой и беззаконіе мое. И по святѣй литургіи, присту-
и ко единому, нача исповѣдати грѣхи своя; и другій
нихъ видѣ, яко за комъждо изреченіемъ грѣха изъ
стъ ея жабы скверніи падаху и изъ церкви выска-
аху. И егда пріиде до сего великаго грѣха, еже со
родным сотвори, и не хотѣ стыда ради исповѣдати,
нихъ же, не вѣдый, еже грѣхъ велій имать и не испо-
ѣда, даде ей разрѣшеніе; и тако скончася исповѣдь;
ругій же мнихъ видѣ, яко вси купно во внутренняя
я внидоша паки. Отъидоша же мниси изъ града, и
дошa путемъ; видѣвый же сіе видѣніе все ко другу
своему исповѣда; и той во страсѣ и печали рече: во
истинну, брате, утаила нѣчто грѣховъ своихъ, но воз-
вратимся, брате, и направимъ ю къ покаянію. И по
многомъ отшествіи, паки возвратишася и обрѣтоша ю
мертву, возмутишася душами и восплакаша зѣло ино-
цы, и начаша с постомъ в сокрушеніи сердца мол-
ти Господа Бога, да извѣститъ по милости своей, что
се еже видѣти, и третіяго дня, вкупѣ имъ идущимъ,
показася имъ óна жена сѣдящи на страшномъ и лю-
томъ зміи, и два у́жа велика сокрушаху выю ея, и два
перси ссуще, два же нетопыря дерущe очи ея, и от
устъ ея исходитъ огнь жупелный, руцѣ же ея грызя-
ху два пса великіе, во ушахъ ея двѣ стрѣлы великія
огненніи, вонзени во главу ея, колико бѣша власовъ
толико ящерицъ. Сіе старцы они ясно узрѣша, падо-
ша яко мертви; тогда жена рече: не ужасайтеся, бла-
годѣтеля моя и боголюбезная; азъ убо óна жена про-
клятая, иже предъ тобою, Пантеніаре священній, ис
повѣдахся, и сицевый грѣхъ срама ради утаихъ, и
исповѣдатися устыдѣхся, и за сіе осуждена бысть тако
мучитися на вѣки. Тогда Пантеніаръ рече: заклинаю
тя именемъ великаго Бога нашего, да исповѣси намъ,
что таковое страшнѣйшее различество твое, и что есть
муки сія ихже, рече, видимъ? И ничто (?) жена́ (¹) извѣ-
щу убо ти, и не скрыю ничто же: иже вмѣсто власовъ
моихъ ящерицы даны ми суть за украшеніе главы, не-
топыреве на очахъ моихъ мученіе и казнь прелестна-
го воззрѣнія и возвожденія бровей, стрѣлы огненныя въ

(¹) Вѣроятно пропущено слово: рече.

ушахъ — казнь за слышаніе глаголъ лестныхъ и пѣсней сатанинскихъ, из устъ пламень жупелный исходящъ — за прелестныя моя словеса, и сквернословіе, и осуженіе, ужеве, иже ссутъ перси моя, — за нечестивое и скверное дотыканіе многихъ, выю тако же ужеве сокрушаютъ — за украшеніе выи, и обнимаютъ озлобленіе псовъ въ казнь дѣлъ моихъ гнусныхъ и пріятія руками и еже ими давахъ любовникомъ моимъ; сѣденіе же на семъ великомъ и страшномъ зміи за желающую мою похоть тѣлесныхъ и скверныхъ сластей, иже мя зѣлною нестерпимою мукою дручитъ и [illegible] и палитъ [illegible] неизчаеннымъ адскимъ и бедра тайная, и вся внутренняя моя, въ казнь скверныхъ и многихъ злыхъ дѣлъ моихъ. И Пантеніаръ рече: повѣждь ми, конхъ ради грѣховъ человѣка на осуженіе болѣе идутъ? И рече жена: вящщи осуждаются смертныхъ ради грѣховъ, жены же паче четырехъ ради способовъ грѣховныхъ: нечистоты ради отъ своихъ мужей, суетныхъ и непотребныхъ ради украшеній, и еже вражити людямъ, и стыда, его же ради не исповѣдаютъ грѣховъ своихъ. И Пантеніаръ рече, хотя ю еще вопросити: можетъ ли ей подати кая помощь; змій же страшный, [illegible] ей нестерпимую муку, двигнеся съ нею в [illegible] адская мѣста.

ЛЕГЕНДА

О ВРЕМЕННОМЪ ПОСѢЩЕНІИ АДА.

ЛЕГЕНДА

О ВРЕМЕННОМЪ НОСѢЩЕНІИ АДА.

(По списку XVII в.)

ЯКО ЗДѢ ЛУЧШЕ СКОРБИ ТЕРПѢТИ И ПРИНЯТИ БѢДЫ, НЕЖЕЛИ ТАМО.

Бѣ нѣкій человѣкъ благонравный и благочестивый, многоземъ оубо покаяніи иже здравъ будя творя, в ве-ю болѣзнь впаде, в ней же годищное время терпя. ча просити Господа Бога и молити, дабы толикимъ о скорбемъ конецъ сотворити Богъ исволилъ, и ерть по милости своей послати. Оуслыша благопо-ушный Богъ его молитву, явися ему ангелъ его и че: избери оубо себѣ что хощеши, или да еще въ орби сей пребудеши лѣто едино, или да будеши тер-ѣти муки три дни в навершеніе покаянія о грѣсѣхъ добродѣтелей недостатка, и азъ повелю, и смерть ріидетъ, яко же хощеши; аще ли же ни, лѣто еще скорби тѣлеснѣй пребудеши, без всякаго препинанія мѣсто оупокоенія пріидеши. Человѣкъ же той, невѣ-ія искусъ мукъ, мнѣйшее избра, рече ко ангелу: хо-у паче умрети, и не точію три дни, но доколѣ изво-итъ Богъ мучити мя в воздаяніе грѣхъ моихъ, точію і не терплю здѣшьнія болѣзни. И рече ангелъ: буди ко. И тако болящій оумре, и душа его отслася в му-у. По скончаніи оубо дня единаго, пріиде к нему той е ангелъ Божій и рече: что ти, душе, како терпиши, иже сама себѣ избра, еже в нихъ быти? И рече душа: о прелестниче, а не ангелъ, како ми тысящу лѣтъ сихъ страшныхъ и нестерпимыхъ мукъ в мѣсто трехъ дней пристроилъ терпѣти еси? И рече святый ангелъ: о душе, не долгостію в мукахъ сихъ пребытіемъ лѣтъ, но нестерпимою и премногою мукою искушена тако глаголеши, како же сія не покаявшимся вѣчне терпѣти? ты оубо, о душе, еще точію единъ день здѣ, но даю ти совѣтъ всяко аще хощеши, и Господь Богъ яко сый премилостивъ оумилосердится о тебѣ, дабы еси возвратилася, якоже еще в тѣлѣ ти сущей рекохъ, да постраждеши лѣто едино. И рече душа: о изволяю не точію едино лѣто, но аще бы и до скончанія міра в тѣлѣ терпѣти скорби, аще бы были и вящи, нихже терпѣла, нежели здѣ часъ единый! И за симъ словомъ нестяжательствомъ ангела святаго возвратися душа в тѣло. и воскресе оный человѣкъ. Пребысть же нареченное лѣто, возлюбленніе, скорби терпя, множеству человѣкомъ сіе извѣщая, оуспѣхъ к покаянію подая, и егда пріиде по лѣте скорби часа время, преставися, и вниде в вѣчное оупокоеніе.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Въ народѣ существуетъ вѣрованіе, что впадающіе въ летаргическій сонъ, похожій на смерть, и снова возвращающіеся къ признакамъ жизни, особеннымъ произволеніемъ Божіимъ отпускаются обратно въ земную юдоль изъ загробнаго міра, сохраняя воспоминаніе о томъ, что души ихъ видѣли въ этомъ мірѣ. Настоящая легенда относится къ этому вѣрованію. Благочестивые люди думаютъ, что кто предъ смертію долѣе болѣетъ, тотъ своими страданіями искупаетъ часть своихъ согрѣшеній; чѣмъ кто продолжительнѣе мучимъ болѣзнію, которая наконецъ низвела его въ могилу, тѣмъ болѣе прощается ему грѣховъ и облегчаются наказанія, ожидающія насъ въ адѣ.

ЛЕГЕНДА

О ПРЕЛЬЩЕННОМЪ ИНОКѢ.

ЛЕГЕНДА

О ПРЕЛЬЩЕННОМЪ ИНОКѢ.

ЛОВО ѿ ИНОЦѢ МОЛИВШЕМСѦ БОГУ, ДАБЫ БЫЛЪ, ИКО ІОВЪ, ИЛИ ИКО ИСААКЪ. БЛАГОСЛОВИ ОТЧЕ.

(По списку конца XVI в.)

Повѣда намъ нѣкіи от отецъ о иноцѣ нѣкоемъ, лящуся Богу, яко да сподобитъ его быти яко Іовъ, и яко Исаакъ, или иного прежде бывшихъ патріхъ, или яко единого от пророкъ. И по мноземъ о молеѣіи, пріиде емоу гласъ, от Бога глаголющъ: можеши быти якоже Исаакъ. Отвѣщавъ же мнихъ: це не боуду якоже Исаакъ, да поне хотя яко Іовъ. ики же к немоу божественныи гласъ: аще побѣдиши, че, якоже и онъ діявола, можеши быти. Мнихъ же обѣся тако быти, и слыша паки гласъ глаголющъ ему: и, рече, в келію свою, якоже просилъ еси; буди ти. По ехъ же нѣкихъ преобразися діяволъ в нѣкоего воина, шедъ ко мниху, рече: молюся твоему преподобію, от, помилуй мя гонима отъ нѣкоего царя, и вземъ сія ѣсти литръ злата, и отроковицу сію, и отрочища, и оуый оу себе, идѣже вѣси; азъ же, рече, идоу во ину рану, идѣже царь обрѣсти мене не можетъ. Мнихъ же разумѣ сѣти діяволя, рече к немоу: чадо, не могу сія ити, понеже смиренъ есмь человѣкъ, и не могу сія хранити. Онъ же нуждаше мниха не презрѣти моленія о. Мнихъ же отвѣща к нему: шедъ, рече, чадо, и положи сія под каменемъ. Онъ же моляще его прилѣжно: отче, прими сія самъ, и положи идѣже вѣси. Вѣовавъ же мнихъ глаголемымъ от бѣса, взятъ злато оно, и отроковицу, и отрочища, поругаемъ от бѣса. Поднехъ же нѣкихъ вълагаетъ мниху ратъ (?) на отроковицу и растлити сию. Раскаявъ же ся о прилучившемся ему, воставъ, оубивъ отроковицу. Глагола ему помыслъ: воставъ оуби и отрочища, яко да не повѣстъ отцу своему бывшую вещь. Воставѣ же абіе и оуби и отрочища. Рече же к нему помыслъ: вземъ врученное ти злато и бѣжи во ину страну, идѣже воинъ не возможетъ обрѣсти тя. Отшедъ же в нѣкоую страну, и созда себѣ от злата оного монастырь. По совершеніе же церкве, се воинъ пріиде, иже образомъ діяволъ, и начатъ вопити гласомъ веліемъ: о нужда! помозите! Народи же стекшеся, глаголаху ему: что сія зовеши, человѣче? Онъ же с плачемъ отвѣща: мнихъ сей отъ моего злата, преданнаго ему, созда церковъ сію. Воставше же человѣци мѣста того из безчестіемъ и ранами отгнаша его. Иже образомъ воинъ и естествомъ же діяволъ, тойже на мниха гнѣваяся, отыде, глаголя: азъ сія сотворю ти, яже ни в умѣ своемъ николиже помыслилъ еси! И сія рекъ, отыде. Мнихъ же бояся помыслы своими день и нощь непреста, дондеже отлучися отай мѣста оного, рекъ: яко се явленно бысть дѣло мое, но да вземъ оставше ему злато, и иду во градъ нѣгде далече, идѣже воинъ онъ пріити не возможетъ. Оубо (иде?) во градъ незнаемъ далече, и оузрѣ тамо отро-

ковицу нѣкую зѣло красну, дщерь сущу оу нѣкоего рядника, и глагола отцу ея: даймн сію в жену. И поя сію в жену себѣ. По лѣтѣ жѣ нѣкоемъ, оумре отецъ ея отроковицы; князь же града того искаше в него мѣсто поставити инаго рядника; рѣша же ему мужіе града того: обычей есть града сего, яко же поиметъ жену или дщерь оумершаго рядника, той приемлетъ сице его служеніе, аще и нехотя. Рече же к нимъ князь: есть ли оубо таковый человѣкъ оувасъ? Они же рѣша: есть, иже же мнится намъ, яко же иноческа чина быти его глаголютъ преже бывша. Князь же рече: шедше приведете его сѣмо. Они же шедъ приведоша его ко князю. Онъ же и не хотя обѣщася пріяти таковое служеніе. Впадающимъ же нѣкимъ аще и в мало согрѣшеніе, той же, иже нѣкогда бысть мнихъ и постникъ, нынѣ же рядникъ, повелеваше мучити немилостивно согрѣшшая; овыя же князю даваше затворити сія въ темницы, ноги ихъ забити в кладѣ, а другія же говяжими жилами бія оуморяще, иныя же смолою горящею опаляя, множайшая же творящю, повѣдати безъ слезъ не могу. В сихъ же оупражняющуся, иже нѣкогда мниху отшелнику сущу, нынѣ же ряднику, се діяволъ приде во образѣ воина и начатъ звати и гласы испущати, яко и народу многу стещися, на безчисленны его гласъ. Начатъ же князь вопрошати его, рекъ: престани, человѣче, от безчисленнаго кричанія немысленно; яже по тебѣ, скажи намъ. Отвѣщавъ же воинъ князю, рекъ: видиши ли рядника сего, его же имате во градѣ вашемъ: сей мнихъ бѣ нѣкогда; мнѣ же прилучися гониму быти от нѣкоего царя, вручихъ ему злата много, к сему же и дщерь мою дѣву сущу и отрочища единого; и просто рещи вся подробну сказавъ прилучшаяся ему, князю же прилѣжно о вещи слушающу, прибытка рада своего, и вопроси бывшаго нѣкогда мниха, нынѣ же рядника: аще истинна суть иже отъ воина глаголемая? Онъ же и не хотя исповѣдався поряду, и абіе на отроковицу и отрочища, и како и камо изстощенно бысть злато оно. Князь яко видѣ, яко нѣкій же прибытокъ иматъ пріяти от злата оного, пвелѣ смерти лютой предати его. Водиму же ему внѣ града смертному мѣсту, се діяволъ, иже во образѣ воинъ, срѣте его на пути ведома народомъ, и рече к нему: вѣси ли, авва, кто есмъ азъ? Онъ же к нему: си ты еси воинъ! Рече, его не познахъ. Воинъ же к нему рече: азъ есмь, его же слышалъ еси, сатана, иже первозданнаго прелстилъ Адама, ратую человѣки, и не оставляю никого же спастися или быти якоже Исаакъ или якоже Іовъ, но тщуся сотворити вся, яко Архитохеля оного или яко Іюда Скариотинъ, или яко же Каинъ, (и) иже в Вавалонѣ старцы, и подобніи тѣмъ; вѣруй же, яко и ты сице поруганъ бысть отъ мене, и не оувѣда ратовати сокровенную брань. Сія же рекшу бѣсу и ина множайшая, и абіе невидимъ бысть; окаянный же той мнихъ, паче же рядникъ, пострада смертное оудавленіе, поругаемъ от бѣса за тщеславное его высокомудріе. И мы оубо братія, соблюдемся, не высокомудріемъ просити от Бога выше мѣры нашея, и начинати дѣла, ихъ же невозможемъ совершити; добро же паче шествовати царьскимъ путемъ, имъ же идоща святіи отцы наши, неоуклоняющеся на десной или на шуей, спастися отъ прелестнаго вѣка сего, имуще во всемъ смиренномудріе.

ЛЕГЕНДА

ОБЪ УМЕРЩВЛЕННОМЪ МЛАДЕНЦѢ.

ЛЕГЕНДА

ОБЪ УМЕРЩВЛЕННОМЪ МЛАДЕНЦѢ.

СЛОВО ѿ ХРИСТОЛЮБИВОМЪ НУЩЦѢ, ЕМУЖЕ СОТВОРИ БѢСЪ НАПАСТЬ, МИЛОСТЫНИ ЕГО НЕ ТЕРПЯ, БЛАГЫЙ ЖЕ БОГЪ ДОБРОДѢТЕЛИ ЕГО РАДИ ОТЪ НЕДУГА ИСЦѢЛЕ, И ДѢТИЩА ЗАКОЛЕННАГО ЕГО РАДИ ЧЮДОДѢЛА ВЪСКРЕСИ.

(По списку XVI вѣка.)

Повѣдаше нѣкто отець вещь дивну и ползы исполненоу, яко нѣкто коупецъ благовѣренъ и милостивъ, елико оубо Богъ даяше ему, то все оубогымъ раздаваше. Единою же идущю емоу купити по обычаю, и обита в гостинници покоа ради; и нѣкто нищь моляше и прося милостыни; христолюбивый же купецъ рече нищему: брате! се якоже мя видиши на пути семъ, а товаръ мой напредъ поустихъ предъ собою, не имѣю оу себѣ ничтоже, еже бы ми что дати; но молися о мнѣ к Богу; егда же възвращуся, дамъ ти потребнаа. Глагола нищій: како оубо приходъ твой вѣдомъ боудеть мнѣ? Коупецъ же рече: в ты дни ожидай мене; аще ли тогда не обрящеши мене, и показа емоу дъску, лежащу ту, и рече к нищему: что ми Богъ повелитъ, подъ сею положю дскою, ты же възми яже обрящеши, и моли о мнѣ Бога. Оумедлившю же коупцоу, пріиде нищій в начерную годину и подемъ дъску, и обрѣте скровище злата, издавна скровенно; пождавъ нощи, и поимавъ все, и обогатися, и коупи себѣ полаты многоцѣнныи, рабы и рабыни, села же и винограды, волы же и велблоуды, кони же и мьскыи, и все елико богатымъ довлѣетъ, поятъ себѣ женоу от велможъ, и начатъ жити славно, в мнозѣ службѣ. По времени же пріиде онъ благовѣрный купецъ, и бывъ на мѣстѣ, въспомяноу нищаго, и вземъ злато в руку, въсхотѣ положити под ону дску, якоже обѣщася нищему, и порази его духъ лоукавый, и паде нань язва зла от ногу и до главы, якоже на блаженнаго Іова; и раздаа все имѣніе врачемъ, и нача самъ яко единъ от нищихъ ходя просити милостини, и пріиде в домъ сего богатаго, бывшаго преже нищаго, иже по сего съвѣту тоу подъ оною дъскою обрѣте скровище и обогатѣ. Пріимъ же сего, яко единого отъ нищихъ, въсхотѣ накормити, посемъ въспроси его: како и откоуду случися болезнь лютаго сего недуга? Онъ же сказа ему вся поряду. И разумѣ человѣкъ, яко сего ради дарова ему Богъ толико богатство, и рече: ты ли еси оный коупець? Рече богатый: сіи вся, яже видиши, тебе ради дарова ми Богъ подъ оною дскою обрѣсти богатьство. Сей же рече емоу: ты же разумей, яко тебе ради діяволъ болѣзнь сію наведе на мя! Рече же богатый: аще мене ради злаа болезнь случитися, живъ Богъ, яко не изыдеши от домоу моего ни от трапезы моея не отлучишися, но покою тя вся дни живота моего! И оставивъ его в дому, не худѣ печешеся имъ, имуща хитрость врачевскую. По мнозе же времени не възможе исцѣлити его отъ недуга; послѣди же всѣхъ, инъ врачь пріиде, глаголя: ничимъ же възможете страсти тоа исцѣлити, но аще кто зарѣжеть мла-

денць первенецъ, и тою кровію помажеть от главы и до ногу, и будеть здравъ болный. И положи си богатый на сердци; бяше бо оу него младенць первенецъ, помысли заклати младенца сдравіа ради недужна. Печаше бо ся велми о того спасеніи, за многую любовь. Искаше времени да без матере младенца заколеть; обрѣте же часъ, егда жена его в баню иде мытися, видѣ своего младенца на ложи сидяща покровенна, и отца ніемъ притече закла и, и источи кровь в лохань, и паки вложи мертваго младенца, и покры и, и поимъ болящаго на мѣсто скровно, и сволкъ его, и постави на мѣстѣ нага, и вземь кровь младенца, помаза его по всему тѣлу от главы и до ногу, и абіе здравъ бысть болный, якоже исперва. Се же чюдо створи Богъ вѣры ради человѣка того и любви, юже имѣ к Богу и к нищимъ. Пришедши же мати от бани, пріидъ к дѣтищю да его надоитъ, и егда откры лице младенца, и нача по обычаю дѣтя верещати. Слышавъ же отецъ, притече к дѣтищю оужасенъ, и видѣ своего дѣтища живо, его же бѣ заклалъ исцѣленіа ради болнаго, и прослави Бога, таковая створшю чюдеса, яко болнаго исцѣли, мертваго въскреси; се же бысть обою вѣры ради, и милостыня ради, и любви.

ЛЕГЕНДА О БРАТСТВѢ.

(Импер. Публ. Библ. Погод. древлехр. № 1606.)

ІЗЪ Ѡ БРАТОТВОРЕНІИ КАКО СОТВОРИ ГОСПОДЬ БРАТСТВО КРЕСТНОЕ, ЕЖЕ НАЗВАТИСА МЕЖЬ СОБОЮ БРАТИЕЮ ВСАКОМУ ПРАВОСЛАВНОМУ ХРИСТІАНИНУ.

Бысть царь, имя ему Семиклей; и любяше о Господи
е (рѣчи) слышати и желаше видѣти Христа велми.
единъ отъ дній Семиклей царь на одрѣ возлегъ в
атѣ своей и узрѣ пьтицу велику и чюдну, летающу
редѣ полаты своеа, і воздивися о ней; и возлетѣ
ца, и удари крилѣ своими, и от среды полаты взятся
хъ палатный, і вниде во очію его, и от слѣпоты по-
енъ бысть царю Семиклею. И жена его бяше Ку-
а, и бяше прокаженна, и сынъ Провъ: той имяше же-
и та имяше бѣса в себѣ. Якоже Семиклей царь ослѣ-
и призва сына своего Прова и глагола ему: иди,
, в земля далная, и не поими от града сего никого
да не повѣсть о мнѣ, и збери по людемъ дань, да
ки в сокровище, и послѣди о немъ вси поживемъ,
е иже и узнають вси людие, яко азъ от слепо-
пораженъ есмь, и інъ царь приметъ наше царь-
, а сокровенное наше то будетъ намъ на послѣ-
ь. Сынъ же его Провъ изшедъ из града и не
ъ с собою никого же, вели (велми) бяше жалостивъ
лачевное сердце имѣяше Провъ о болѣзни отца
го, и поя тако иныя слуги своя себѣ, и збираше
, с великою крамолою; и мало даяху ему, а онъ
начатъ спѣшно имати, имѣяше же сердце пла-
ю яко инъ никтоже. Видѣвъ же Господь вели-
кую жалость и сотвори Господь: и яко рабъ приде к
Прову, и рече: пріими мя, да буду с тобою. И рече
Провъ ко Христу: от кое страны еси? И рече ему
Христосъ: от горнихъ есмь. Провъ же рече: како есть
имя твое? Господь же рече ему: имя мое Емъмануилъ.
Провъ же рече: колика доброта твоя? Господь же ре-
че къ нему: князь есмь. Провъ же слышавъ, радостенъ
бысть. И рече Провъ: буди со мною. І вопроси Господь
Прова: о Прове! каково здѣлаеши дѣло? Онъ же отвѣ-
щавъ: единъ рабъ есмь Семиклея царя, посланъ есмь
собрати дань, а народъ мнѣ не даетъ, а повелѣно ми
есть борзо принести, собравъ; не вѣмъ что сотворити.
Рече ему Емъмануилъ: азъ спѣшно соберу ти. И ре-
че Господь Прову: стани подалече: азъ иду во градъ.
И пришедъ Емъмануилъ во градъ, и возгласи, глаго-
ля: дайте Божія Богови, а кесарево кесареви! И слы-
шавъ народъ таковыя рѣчи; и приношаху много злата
и сребра. Провъ же видѣ, и удивися: откуда ми се да
пріидетъ? Азъ бо во мнозехъ мѣстехъ и ничтоже со-
брахъ, се же во единомъ мѣсте и все ми предасть ели-
ко хощу! И рече Провъ Господу: Емъмануилъ! како
любовь сотворю с тобою? И рече Господь: какову
любовь хощемъ, такову сотворю с тобою! Яко брат-
ство! сотворити хощу, и возлюбиши мя, яко самъ себя

И рече Провъ: сотвори. И Господь вземъ харатія и рукою своею записавъ братство, и рече неложными усты своими: проклятъ есть человѣкъ той, иже сотвори брата и не вѣрова в него! Сіе убо братство болѣ брата рожденнаго! И рече Провъ: много злата с нами, поидемъ в землю нашу!

И придоста ко граду; и сташа (ста) при водѣ; и глагола Господь к Прову: о брате Прове! Провъ же рече: се азъ. И глагола ему Господь: внидемъ въ воду и омыемся скверны наша. Тогда дивишася ангели его, да рече Господь: о брате Прове! И вниде Господь въ воду и ухвати рыбу и рече: о Прове! И рече Провъ: се азъ, Господи! И рече к Прову: вѣси ли яко рыба, что есть? И рече Провъ: не знаю, брате. И рече к нему Господь: очи сеа рыбы от слѣпоты, стамехъ есть от проказы, а желчь ея есть за нечистость духа! Провъ же пріятъ рыбу, и разумѣ в сердцы своемъ яко отець его ослѣпѣ, а мати его прокаженна есть, жена же его имяше духъ нечистъ. И предастъ имѣнія своя вся Емъмануилу, и вземъ рыбу, к родителемъ. И бяше Семиклей затворенъ, да не і настъ инъ его никтоже о слѣпотѣ его; и прип сынъ его Провъ, растрои рыбѣ очи, и помаза очи с своему; той прозрѣ от слѣпоты; и симѣхиремъ по матерь свою, и исцелѣ; желчію помаза жену сво исцѣли ю. И видѣвъ же царь Семиклей и удивися и рече сыну своему: откуду, Прове, взялъ еси? (же исповѣда ему всю истину. Семиклей же рече: идемъ, сыну, той есть Христосъ, его же азъ вид восхотѣхъ! И воставъ с плачемъ поиде; и узрѣ і Семиклей Господа издалече; и бысть Господь невид от нихъ! Семиклей разстерза ризы своя, глагола Слава тебѣ, владыко, яко не оставилъ мя еси в п бели, взирающе на рукописаніе твое плачюще, и голюще, и славяще Бога: Слава тебѣ, владыко, яко волилъ еси счетатися с рабомъ Провомъ! Яко т подобаетъ всяка слава, честь, и поклоненіе, Отцу Сыну, и Святому Духу, во вѣки. Аминь.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Эта легенда вымышлена, какъ видно, въ оправданіе и освященіе обычая, существовавшаго у насъ, какъ и у другихъ народовъ, обычая побратимства или названнаго братства. Сущность его состояла въ томъ, что два лица заключали между собою союзъ на жизнь и на смерть и обязывались другъ друга защищать и выручать изъ бѣды, одинъ другому помогать и оказывать взаимную дружбу и любовь. Обычай этотъ, общій народамъ арійскаго племени существовалъ въ глубокой древности въ такъ называемый героическій или богатырскій вѣкъ. До сихъ поръ онъ наблюдается у восточныхъ Афгановъ. Въ древней Греціи являются названными братьями, побратимами, Тезей и Пиритой, Орестъ и Пиладъ, Ираклъ и Іоласъ, Ахиллъ и Патроклъ. На противоположномъ концѣ Европы, у Скандинавовъ, онъ сопровождался священными обрядами. Союзъ братства назывался fôstbroedralag; его заключали между собою люди, связанные общимъ дѣломъ. Нерѣдко побужденіемъ къ нему была равная для обоихъ вражда и ненависть къ однимъ и тѣмъ же врагамъ; нерѣдко двое враговъ, столкнувшись между собою непріязненно и оцѣнивъ другъ въ другѣ равное мужество и храбрость, прекращали бой и заключали братство. Обычай этотъ сопровождался такимъ обрядомъ: молодцы разсѣкали себѣ ладонь и спускали кровь въ одну ямочку, выкопанную въ землѣ, а потомъ давали другъ-другу окровавленныя руки и произносили обѣтъ братства.—Другой обрядъ, еще торжественнѣе, соблюдался такъ: вырывали изъ земли полосу дерна, иногда же три полосы, но такъ чтобы ихъ края были соединены между собою, и ставили ихъ на жерди, такъ высоко, какъ только человѣкъ можетъ достать остріемъ копья. Стоя на колѣняхъ подъ этою землею, витязи призывали боговъ въ свидѣтели своей клятвы и обѣщались навсегда жить между собою какъ родные братья. Если бы одинъ изъ этихъ названныхъ братьевъ былъ убитъ, другой долженъ былъ торжественно похоронить убитаго и отомстить за него. Названное братство считалось дѣйствительнѣе роднаго. Въ одной Сагѣ двое родныхъ братьевъ, сыновья Біорна Бôдфаръ (Bödfar) и Ельгфроди (Elgfrôdi) испытавши свою силу одинъ надъ другимъ, вступаютъ въ названное братство. Ельгфроди разрѣзываетъ руку и даетъ брату пить свою кровь, чтобъ послѣдній получилъ черезъ то силу. Сдѣлавши выемку въ скалѣ, онъ сказалъ брату: «теперь я буду всегда знать судьбу твою; если я здѣсь найду кровь, то это будетъ значить, что тебя нѣтъ на свѣтѣ, и я долженъ буду мстить за тебя, ибо я твой названный братъ и люблю тебя больше всего на свѣтѣ! Какъ святы по скандинавскимъ понятіямъ казались такіе союзы, показываетъ слѣдующее обстоятельство, случившееся уже послѣ водворенія христіанства; Ніорфи, упландскій король, заключилъ съ викингомъ Вафильсономъ братство и объявилъ ему, что союзъ ихъ долженъ быть крѣпокъ, хотя отецъ Вифильсона былъ только ярль и не происходилъ отъ королевской крови; несмотря на такое неравенство, союзъ оставался непоколебимымъ. Впослѣдствіи между ихъ сыновьями возникла ожесточенная вражда; тѣмъ не менѣе отцы не только не вмѣшивались въ ихъ дѣла, но даже и тогда, когда король въ этихъ распряхъ потерялъ своихъ сыновей и послѣдній, оставшійся въ живыхъ, его сынъ хотѣлъ, по долгу родоваго мщенія, мстить за убитыхъ братьевъ, отецъ объявилъ, что если онъ покусится на это, то самъ онъ, отецъ, убьетъ его, своего сына, ибо далъ клятву въ братствѣ и долженъ мстить за названнаго брата. По принятіи христіанства, когда проповѣдники вооружились противъ кроваваго мщенія, и самое названіе братства, тѣсно связанное съ потребностію мстить, стало упадать, хотя слѣды его существовали долго и впослѣдствіи переродились въ болѣе гражданственную институцію товари-

щества или артельщины (felagskap), когда нѣсколько друзей соединялись вмѣстѣ, преимущественно для торговли, но иногда и для разбоевъ.

Уже въ глубокой древности, какъ видно изъ нашихъ старинныхъ богатырскихъ пѣсней, гдѣ сказочныя событія вращаются около имени Владиміра, существовало названное братство богатырей, заключавшихъ между собою такіе союзы. Такъ Потокъ Ивановичъ, Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ были между собою названые братцы. Илья Муромецъ заключаетъ названное братство съ Василіемъ пьяницей. Какъ цѣнилось это названое братство, показываетъ пѣсня про Василису, гдѣ одинъ изъ богатырей, Данило Денисьевичъ, увидавши, что противъ него идетъ вмѣстѣ съ роднымъ братомъ названый братъ, Добрыня Никитичъ, самъ убилъ себя съ отчаянія:

Тутъ возговоритъ Данило Денисьевичъ:
Скажите гдѣ это слыхано, гдѣ видано,
Братъ на брата со боемъ идетъ,
Беретъ Данило свое востро копье,
Тупымъ концомъ втыкатъ во сыру землю,
А на вострый конецъ самъ упалъ!

Въ Новгородской жизни существовало названное братство и цѣнилось выше роднаго, какъ говоритъ Васька Буслаевъ Костѣ Новоторженину:

Гой еси ты Костя Новоторженинъ!
А и будь ты мнѣ названый братъ,
А паче мнѣ брата родимаго!

Впослѣдствіи этотъ обычай языческихъ временъ принялъ религіозный характеръ и освящался церковнымъ обрядомъ. Существовали для того въ старыхъ требникахъ особыя послѣдованія. Запорожскіе козаки заключали между собою побратимство и этотъ обычай способствовалъ образованію религіозныхъ церковныхъ братствъ, процвѣтавшихъ въ XVII вѣкѣ. Братались даже и съ невѣрными. Такъ Хмельницкій, разговаривая съ польскими послами, называетъ татарскаго мурзу Тугай-бея своимъ братомъ и говоритъ, что онъ все для него сдѣлаетъ, чего бы ни захотѣлъ Хмельницкій и свѣтъ не разорветъ ихъ козацкой пріязни. Черногорцы до послѣднихъ временъ заключали между собою въ церкви побратимство и священникъ читалъ имъ приличныя молитвы и давалъ цѣловать крестъ въ утвержденіе ихъ союза. Въ Сербіи и Болгаріи, по извѣстію Вука Стефановича, соблюдается не только между мужчинами, но между мужчинами и женщинами названное братство, утверждаемое религіознымъ обрядомъ. Если случится заболѣть женщинѣ или дѣвицѣ, она избираетъ себѣ юношу и идетъ съ нимъ въ церковь или монастырь; священникъ кладетъ ей на голову крестъ или священный покровъ, и если больная выздоровѣетъ, то называетъ того, кто проводилъ ее, братомъ, а онъ ее сестрою. Въ поминальный понедѣльникъ (наша радуница) послѣ пасхи, въ Сербіи есть обычай, называемый дружичало, когда мужчины съ мужчинами и женщины съ женщинами, а иногда и оба пола между собою, сплетаютъ вѣнки изъ вербовыхъ вѣтвей и цѣлуются сквозь нихъ, и мѣняются ими, бросая вѣнокъ на голову того, съ кѣмъ поцѣловались, и вмѣстѣ съ этимъ промѣниваются красными яицами. Такой же обычай существуетъ и у волоховъ. У насъ что-то подобное дѣлается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на Петровъ день, теперь исключительно только между женщинами: собираются на лугу, водятъ хороводы, цѣлуются и мѣняются крестами; это называется кумиться; кума съ кумою заключаютъ вѣчную дружбу. Независимо отъ этого существуетъ (хотя уже рѣдко) обычай промѣниваться грудными крестами, обычай, означающій установленіе взаимнаго братство между двумя особами.

Въ настоящей легендѣ царь Семиклей лицо выдуманное на греческой ладъ, Провъ Probus, имя взято изъ житій святыхъ, гдѣ часто упоминается о царѣ Провѣ. Купава — славянское имя. Стамехъ — стомахъ, желудокъ. Очевидно, составитель легенды находился нѣсколько подъ впечатлѣніемъ книги Товита.

ЛЕГЕНДА

О СВЯТОМЪ ГЕОРГІИ.

(Импер. Публ. Библ. Погод. древлехр. № 1310.)

Повѣдаша намъ авва Георгій: входящу ми в гору срете мя черноризецъ старъ, и рече ми: поиди, что влечешися. Вземъ крестъ, поиде от мене преди, и пошедъ мало, совратися с пути на стезю, и азъ во следъ его идохъ, и се стадо овецъ, пастухъ оуже лежаше на кончине, змиею оуязвенъ. Бяшетъ источникъ близь, и рече ми старецъ: почерпи ми воды и принеси сѣмо, и облей крестъ надъ чашею, юже носиши, и раздвигше оуста воліяхове. И рече старецъ: во имя Пресвятыя Троицы силою Христовою исцѣляетъ тя, рабе Божій, Христовъ мученикъ Георгій! востани и жени овцы на мѣсто свое. И восклонься отрокъ, нача блевати, таково зло якоже святому самому и великому старцу дивитися. І яко в еликъ часъ хотя гнати овца, и воспроси старецъ: повѣжь ми, како ся еси клялъ вчера оубозѣй оной вдовице, а отдавъ ея овечку, иже ти вдала бѣ пасти, то на трехъ сребреницехъ далъ ю еси, тоже глаголалъ еси: волкъ есть сьелъ. И рече ею пастухъ: отче, тако есть. И ты како оувѣде? И рече старецъ: чадо! сѣдящу ми оу кѣліи своея, приіде ко мнѣ мужъ на кони борзо, и рече ми: Софроние! востани, иди борзо ко источнику, сущему одесную тебе на оугь, и вишъ человѣка, от змия оуядена, и оттоуду возвратися на северьскій путь, и срящеши ту чернеца, носяща в руцѣ крестъ на древе, и вземъ крестъ, и облей водою, и дашь оуяденому пити, реки: во имя Отца и Сына и Святаго Духа силою Христовою исцѣляетъ тя, рабе Божій, Георгій! И рпы ему посемъ: не кленися именемъ Божіимъ, ни святыми его, ни солжи кривды, и вдаждь убозѣй женѣ овцы, да не горѣе ти что боудетъ. Яко слыша оуноша от старца, и паде на ногу его, глаголя: отдаждь ми, авва, яко тако есть; продахъ овцы тоя жены на трехъ сребреницехъ, и вчера ей солгахъ рекий: волкъ есть оуѣлъ. И рече ми: истина ли есть, ни лжѣши? И рѣхъ ей: тако ми Бога истиннаго! И рече же ми жена: вѣси мя оубогу сущу, да яко же хощеши, то и твориши, а поищи тебе Богъ и святый Георгій, ему же бѣхъ обѣщала во святый праздникъ его заклати! И азъ паки рѣхъ, прельщеный діяволомъ: тако ми святый Георгій, егоже молиша, а зьѣлъ есть волкъ! И оуне молю твое благолюбіе, помолися к Богу и святому Георгию, да ми отпуститъ грѣхъ, а женѣ дамъ три овны и на празникъ святаго Георгія до живота своего подаю оубогимъ от того, еже испасаю, десятое. И помолися старецъ, и отпусти, и рекъ ему: чадо, блюдися, да не в горьшее впадеши, и дажь оубозѣй якоже ся обѣщалъ! И егда слышахъ рекуща имя свое Софроніе, велми прослави (ся) Христосъ Богъ; и рѣхъ отай во оумѣ своемъ: се есть, к нему же мя посла святый Георгій!

ПРИМѢЧАНІЕ.

Хотя эта легенда, какъ должно думать, греческаго произхожденія, но по содержанію представляетъ непосредственную связь съ русскимъ повѣрьемъ о томъ, что св. Георгій управляетъ волками и зміями (1), покровительствуетъ пастуховъ и наказываетъ ихъ (2). Нельзя не обратить вниманія на способъ уваженія святаго; старуха даетъ обѣщаніе закласть св. Георгію овцу въ день его праздника: обычай языческаго жертвоприношенія примѣняется къ христіянскимъ понятіямъ. Эта черта тоже находится въ связи съ переводомъ на житіе св. Георгія древнихъ нашихъ миѳологическихъ сказаній.

(1) См. стихъ о Егоріи храбромъ въ Чтеніяхъ 1848. № 9, стр. 153.

(2) Во многихъ мѣстахъ Россіи въ обычаѣ выгонять скотъ въ поле въ первый разъ неиначе какъ 23 апрѣля. Существуетъ вѣрованіе, что волки не смѣютъ растерзать овцы безъ позволенія св. Георгія. Онъ назначаетъ каждому изъ этихъ звѣрей добычу, и если случается, что волки опустошаютъ стада, то это дозволяется имъ въ наказаніе людямъ за грѣхи; съ другой стороны надобно молиться св. Георгію, чтобъ предохранить стадо отъ волчьяго хищничества.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Плащь, вмѣсто плачь, особенность новгородскаго нарѣчья, въ которомъ щ замѣняется ч. Вмѣстѣ съ этимъ признаки характера торговаго быта этой легенды также заставляютъ предполагать, не сложилась ли она въ Великомъ Новѣградѣ? Особенности языка и склада показываетъ, что она стариннаго произхожденія. Слово гостьба значитъ мѣсто торговли; глаголъ гостити — торговать.

ЛЕГЕНДА

О ПРОИЗХОЖДЕНІИ ВИНОКУРЕНІЯ.

ЛЕГЕНДА

О ПРОИСХОЖДЕНІИ ВИНОКУРЕНІЯ.

ВЫПИСАНО ИЗ КНИГИ ИЗ СТОГЛАВЕНИКА Ѡ ПИТИІ, І ОТ ЧЕГО СУТЬ УСТАВИСЯ ВИННОЕ ПИТИЕ.

(*Рум. Муз. Сборн.. № 363 XVI в.*)

По вознесеніи Господни, ученицы Господа Бога и Спаса нашего Иісуса Христа ходиша по земли, и учаху людѣй Господни заповѣди, правой християнстей вѣрѣ, и закону Божию. И завидѣ сотона завистию своею, и начаша з бѣсы своими бѣседовати, како бы уловити родъ человѣческиі пьянствомъ? И выступивъ сильныі бѣсъ, и глагола сатанѣ своему: азъ вѣдаю, господине. И даша ему сатана власть пияную, и нача с нимъ бѣседовати, и глагола бѣсъ: еще я вѣдаю: осталось гое травы, что́ есть прельстилъ Ноеву жену на оравицкихъ горахъ; иду нынѣ по нее, и прелщу человѣка, его же обрящу. Посемъ воста сотана з бѣсы своими, и поклонися ему, и воздаша хвалу и честь велию, и посадиша его на престолѣ своемъ царьстемъ, и даша ему вѣнецъ царьскиі, и порпиру, и скепѣтръ, и нарѣче его сатана: пияныі еси бѣсъ, возлюбленныі мой.

И поиде бѣсъ »пияны мой«, и обрете человѣка нѣоего напути, в Палѣстину идуща из града вонъ во ныі градъ, потому что обнищавша зело. И глагола бѣсъ: поиди, человѣче, во градъ сей і выди заутра: зъ ти дамъ вещь, и будеши у царя пож (ал) ованъ, его ты и не вѣдаешь. И пристрочили себѣ мѣсто готованно при рѣце у источника, и побѣже бѣсъ на оравитския горы, і взя скоро траву, еже есть хмель, и приде на урѣченное мѣсто на источникъ, и уготова кубы, и налиша браги, и накинухъ (накину) горьшки, и потомъ замазаша тестомъ с трубами, и сквозь кадеи пропустиша, и налиша кади полно воды, и подложиша под кубы огня, и нача огнемъ варити; и поіде сквозь кадеи трубами аки хитрое зелие (недоумѣющу человѣку тому, и на умъ его не взыдоша); потомъ положиша в стклянницы, и посла его бѣсъ ко царю, и повелѣ поклонитися и отдати честно царю, аки дары честныи.

И созва царь во граде своемъ велможи свои, и нача дивитися подаренному от человѣка того хитрому зелию, каково есть. И налиша чашу царю, испиша ю, и понесоша велможамъ всѣмъ. И быша всѣ веселы во градѣ Царь и велможи нача (ша) человѣка того дарити, чего ему прежь сего и на сердце не взыдоша.

И глагола бѣсъ: поиди, человѣче, въ Палистину къ царю. И глагола в Палестинѣ царь человѣку тому: кто ти есть указа таковое зелие здѣлать? Зѣло есть предивно! Дай его сѣмо, и азъ дамъ ему до полуцарьствия моего.

А бѣсъ в ту пору поидѣ въ свое мѣсто, къ сатанѣ, и поклонися сатанѣ своему. Окаянны же сатана даша ему власть царьскую въ пиянъстве, по прежреченному

обѣщанию своему. И быше бысть свѣтлыи (?) сатана су угодшими своими бѣсы, и еще дастъ ему сатана лукавыі 300 бѣсовъ на помощь. И бысть великъ той бѣсъ у сатаны.

А человѣкъ тои поиде и по всей земли искати бѣса на мѣсте томъ, и не обрѣте его, и возвести царю о прежреченномъ хитромъ зелиі семъ: і не вѣмъ, гдѣ и куды человѣкъ прежереченный; а я то, царю, такое хитрое зелие умѣю сдѣлать и сотворити. Человѣкъ же той бысть пожалованъ от царя, и нареченъ будетъ у царя великиі велможа и другъ царевъ.

И оттолѣ разнеся то хитрое зелие, сирѣчь нынѣшнее вино, рѣкомая горѣлъка, по всемъ странамъ и градомъ, въ Цари, і в Литву, і въ Немъцы, и во вся грады, и к намъ в свято-рускую землю.

ЛЕГЕНДА

О ПЬЯНИЦѢ, ПРОДАВШЕМЪ ДУШУ БѢСУ.

ЛЕГЕНДА

О ньяницѣ, продавшемъ душу бѣсу.

(Импер. Публ. Библ Погод. древлехр. № 1344.)

Прикличися яко нѣцыи человѣцы честніи по мирскому въ корчемницѣ піяху, и глаголюще с собою о различныхъ вещехъ, бысть же бесѣда и о семъ, что будетъ послѣ сего житія? Тогда единъ рече: всуе намъ сіе іереи повѣдаютъ яко по смерти души живутъ. И сему словеси начаша вси смѣятися; и пріиде ту абіе нѣкій человѣкъ силный и великій, и сѣде с ними, повелѣ продавцу принести вина, и начаша пити, и вопрошетъ; и рече оный первый: о душахъ глаголемъ, аще бы кто хотѣлъ купити мою душу, то убо бы за всѣхъ заплатилъ, еже испити, и продамъ ю с радостію! Они же вси безумному глаголанію смѣяхуся. Онъ же пришлецъ рече: азъ сицевого продателя ищу; готовъ ю есмь купити; повѣждь ми, что хощеши за ню пріяти? Той отверзъ уста, рече: за злато и серебро хощу продати. И абіе согласистася о цѣнѣ, купецъ души абіе оточте сребро; едаже вси піяху радостно полными сосудами, ничто же печашеся, сей же предалъ есть душу; егда же пріиде вечеръ, рече оный купецъ: время уже всякому возвратитися во свояси, обаче нежели разыдемся, да разсудимъ си: егда кто купитъ конь, тоже будетъ со уздою или нѣсть того узды, иже купи? И твѣща ша вси согласно яко тако есть правда. И се абіе ный окаянный предатель начатъ от страха трепетати, а купецъ оный восхитивъ его с тѣломъ пред очима всѣхъ, вознесе горѣ, и несе душу и тѣло с собою во адъ, ибо діаволъ бысть во образѣ человѣка. Ктобь есть иный, иже душу купуетъ? Но такъ оный, о немъ же в гаданіяхъ еще и в сѣни ко Аврааму речено бысть: даждь ми душу, а богатство возьми себѣ.

ЛЕГЕНДА

ОБЪ ИГРОКѢ.

ЛЕГЕНДА ОБЪ ИГРОКѢ

ИЖЕ КТО НЕ ПОМЫШЛАШЕ ГРѢХЪ БЫТИ ВО ИГРАХЪ ШАХМОТНЫХЪ И ПРОЧИХЪ КОСТАРНЫХЪ ИГРАХЪ.

(Румянц. Муз. Сборн. № 363. XVI в.)

Нѣкій воинъ отдаде себе на всякую игру, и ни в нощи, ни во дни не даде себѣ покоя, но на всякъ часъ о семъ печашеся, и мѣшецъ нося сребра, потрясая имъ и ко игранію призывая; и во всякихъ играхъ зѣло полученъ: и никто бо отъ него тако отходя, но всѣхъ обыгрывая. Что́ же Богъ о немъ впредъ будущимъ родомъ показа? И тако Богъ таковыми забавы гнушается; и оставя память о Бозѣ, и в сихъ забавляются, в нихже рвеніе, роспря, гнѣвъ, зависть, свары.

Попущено бысть отъ Бога, дабы с тѣмъ воиномъ игралъ діяволъ. И пріиде к нему во образѣ человѣчи, предложи сребро, и воинъ свое, и начаша играти; и нимало поступи воину, но все демону сприсобляло, воину же и сребра недостало. И вскочи воинъ разгнѣвався, рече: или діяволъ еси? И рече демонъ: престанемъ о семъ, яко уже приближается день; нѣсть же мнѣ что́ у тебе, кромѣ самого поняти. И восхитивъ того сквозѣ кровъ храмины, повлече с таковою силою, иже вся внутренняя его обрѣтоша между крова изриновениа и осташася; что́ же тѣлу сотвори и нигдѣ не обрѣтеся, аще и много жена его и сынове о семъ покущеся; точію чрево и вся внутренняя его обрѣтошася.

ЛЕГЕНДА

О ЛЯХѢ И ПРЕСВИТЕРѢ.

ЛЕГЕНДА

О ЛЯХѢ И ПРЕСВИТЕРѢ.

(Импер. Публ. Библ. Погод. Сб. № 1344.)

Въ Новоторжсковскомъ уѣздѣ пустыня есть нареченная Каменка; в той пустынѣ церковь пресвятыя Богородицы. Во время же разоренія московскаго от безбожныхъ ляховъ нашествіе бысть и на сію пустыню. в ней же токмо живый инокъ и пресвитеръ. Ляхъ же нѣкій пріиде в церковь пресвятыя Богородицы, ведый съ собою жену нѣкую отъ плѣна русскаго; пресвитеръ же тоя церкви, видя сіе, убояся ляха, бѣжа во олтарь, крыся под святую трапезу, яко же послѣди о себѣ повѣствова. Той же окаянный и безбожный ляхъ вниде со дерзновеніемъ во святый алтарь и дерзнувъ сняти со престола образъ пресвятыя Богородицы, и изнесе из олтаря в церковь, поверже на землю и богомерзское свое проклятое безстудство з женою оною на образѣ томъ содѣя; пресвитеръ же зря сіе, сѣдя под святой трапезою, умильно слезы испусти, плачася глаголя: о пресвятая дѣво Богородице! почто попустила сему окаянному ту свою святую церковь осквернити и толикое безстудство на образѣ твоемъ содѣяти? како есть, о госпоже, не погубиши? Тогда гласъ бысть от образа: о пресвитере! сей безстудный песъ за своя дѣянія злѣ погибнетъ; тебѣ же глаголю: яко не толико мнѣ содѣя безстудство сей иноязычникъ, яко же ты; понеже безстрашіемъ приходиши в церковь мою и без боязни приступаеши ко святому жертвеннику: ввечеру упиваешися до піяна, а заутра служиши святую литургію и пред симъ моимъ образомъ отрыгаеши оный гнусный піянственный свой духъ, и лице мое симъ зѣло омерзилъ еси, паче сего блуднаго поганника; онъ бо невѣдѣніемъ сотвори и за сіе погибнетъ, ты же, вѣдая, согрѣшаеши; глаголю ти: престани отъ сего такова дѣла! И такъ гласъ той преста; ляхъ же гонимъ бысть силою Божіею отбѣже; пресвитеръ же, воста, во благихъ поживе вся дни живота своего.

ПОВѢСТЬ

О БѢСНОВАТОЙ ЖЕНѢ СОЛОМОНІИ.

Соломония, исхождаше ис храмины на предверие, они, же, окаяннiі, невидимо восхищаху и уношаху в воду; она же кричаше великимъ гласомъ; домашнимъ же на гласъ бѣжавшимъ и не видѣвшимъ никого же, живяше же у нихъ в водѣ три дни і три нощи. Такоже силно скверняху ея, і отнесше я, оставляху овогда на лесу, овогда на полѣ, і пометаху ю нагу, і нѣкими христолюбивыми людми направляема к дому отца своего.

Отецъ же і мати ея, видя таковую гибель дщери своея, плакахуся зѣло и недоумѣвахуся; и по малѣ времяни они окаяннiі демони пришедше, бывши ей единой в дому отца своего, і начаша ея бросати овъ демонъ во единъ уголъ храмины, інъ такоже во иный уголъ, овъ на палати, інъ же на печь, і тако мучаху ея многи часы, и взяша нѣкое у́же и привязавше за шию ея, і взяша камень жерновый, и воздѣвше на у́же и положиша на лицѣ, і на перси ея, і на столѣ прорѣзаша диру, и тутъ же воздѣвше, і повѣсивше ея совсѣмъ к стропу храмины. Слышавше же сосѣди над нею бывшее, і повѣдаша отцу ея; онъ же пришедъ, і не виде никого же во храминѣ, токмо ея едину лежащу, і у́же на выи ея, і камень, і столъ, і не вѣде она, како отрѣшися от верху храмины, бывши ей аки мертвѣ на многи часы от того мученія, і едва прочнуся. Отецъ же ея разрѣши; приідоша же і сосѣди, і видѣша тѣло ея все избито, посинѣ, а болѣзни она никако же чюяше. Отецъ же и мати ея к нощи запираху (ся) во храмину едину, бояхуся ея: егда они, окаяннiі демони, к ней прихождаху, і она бываетъ внѣ ума, і даютъ ей демони копие желѣзное, дабы заколола отца своего; і заутра показуетъ копие истинно, а не привидѣниемъ, всемъ страшно, і бысть ей таково мучение без престани; не обрѣташе от нихъ покоя; а иния ихъ вражия козни невозможно і описанию предати: мнози тому вражию козподѣйству в той волости свидѣтели.

По томъ же времени приідоша тиі же водяннiі демони многое множество, і начаху нудити ея, чтобы она жила у нихъ, і вѣровала бы яко же і они в сатану отца своего, тако же бы пила і ѣла с ними, і волю бы ихъ всю творила; преже ласканиемъ і честию хотяху ея превратити от християнския вѣры; глаголаху ей всячески: видиши ли, Соломоние, каково житие наше; все добро і богато, і в чести ты у насъ велицѣй будеши. І иная утѣшная увѣщания. Она же имъ ничтоже отвѣща. Видѣша же о́ни окаяннiі демони, что добротою і ласкотою не возмогоша прельстити і превратити от християнскія вѣры истинныя, і начаша ея мучити: растягоша ея по стенѣ, і руцѣ і нозѣ ея в смыки забиша, і начаша копиемъ ея колоти, і рожны збодати, і ножы рѣзати, і ногты все тѣло ея драти, і паки вопрошаше ея: вѣруеши ли в насъ і во отца нашего сатану? Она же ничтоже имъ отвѣща. І расковаша ея, і возведоша на высокое нѣкое мѣсто, і взяша за руки и за ноги, і бросиша ея на землю, еже падши смертно; і едва отдохну, паки взяша ю к себѣ, і даша ея нѣкоей дѣвѣ, а называютъ ея они ту дѣву Ярославкою; таже дѣва нача ея вопрошати: како ты приіде сѣмо, із коего града іли веси, і отца і матери, і сродичей? о всемъ подробну вопрошаше; она же все сказуя о себѣ сущее; таже дѣва Ярославка рече ей: аще ты, Соломония, жити здѣ не хощеши, і ты у нихъ не яждь, ни пій, і ничто же имъ не отвѣщай, и они помучатъ да и отпустятъ. І по малѣ времени демони приідоша і вопрошаху: вѣруеши ли в насъ? Она же имъ ничтоже отвѣща. І много прещаху ей, угрожающе, дабы вѣровала. Она же молчаше. І по мнозѣмъ прещеніі, взяша же о́ни лукавиі дуси і отнесоша на лѣсъ едва живу сущу от многаго мучения; і с великимъ трудомъ ко своему дому едва она дойде. І живши в дому отца своего шесть дній, паки о́ни демони, пришедше невидимо, взяша ея і унесоша к себѣ. И бысть у нихъ два дни і двѣ нощи, і зача у нихъ в утробѣ, і носила нихъ полтора года. Приіде же ей время родити, і бѣ она в дому отца своего, і выслала отца своего из дому вонъ со всѣми живущими, сказа ему, еже хотяше родити і еже бы ихъ темнозрачнихъ не убили. І в кое время нача она родити, і приіде к ней от тѣхъ темнозрачныхъ демоновъ жена, і нача с нею водитися; і

лукавні, страху дѣля бури, едва отъ нея отступивше, она же у нихъ убѣже, і дойде до дому отца своего с великою скорбію, понеже истомлена; узрѣвше же ея отецъ и мати, зѣло возрадовашася, понеже отчаявшеся, яко уже вѣчно ей не быти из воды от нихъ окаянныхъ демоновъ. Она же, Соломония, нача повѣдати отцу своему, како ея демони мучили, і како отдаша дѣвцѣ Ярославкѣ, и что ей Ярославка наказывала, какъ ей от демоновъ отбыти, і како ихъ іменами зовутъ, выучила і імена велѣла ихъ написать і проклинать. І то все подробну сказала отцу. Отецъ же и мати ея і вси сердоболи, слышавше глаголемая от нея, плакахуся зѣло, і едва престаша от слезъ; отецъ же ея написа імена ихъ, яже слыша от нея, і нача ихъ окаянныхъ проклинати во святомъ олтарѣ, идѣже тайная жертва совершается. Оттолѣ же Соломония оттого демонскаго мучения і от ранъ в болѣзнь впаде близь смерти, і во еднъ от дней мало усну от тоя болѣзни, і видѣ во снѣ нѣкую жену святолѣпну, пришедшу к ней, і глагола: Соломоние! поиди ты ко граду Устюгу, а здѣ не живи ни мало, і от волхвовъ себѣ не ищи исцѣления; не будетъ тебѣ от нихъ помощи. Соломония же вопрошаше імени ея. Она же рече: азъ есмь нарицаюся преподобная Ѳеодора! І абие невидима бысть. Она же убудися от сна, і повѣда видѣние отцу своему. Отецъ же ея нача посылати ко граду Устюгу; она же рече: не могу сего услышати. Возбраняше бо в ней демонская сила. Отецъ же ея и мати едва умолиста, дабы шла ко граду Устюгу; и едва повинуся; и бывши ей на Устюгѣ, і повелѣша ей жити у соборные церкви Пресвятыя Богородицы, на площадѣ у вдовы, именемъ Соломоніі же, і начаша водити ея ко церквамъ: в соборъ Пресвятыя Богородицы, і к чюдотворцамъ преподобнымъ к Прокопию і Иоанну; і начаша в ней демони утробу ея рвати і терзати; она же от того демонскаго терзания в скорби бысть; і сердоболи ея, призвавше священника Никиту соборные церкви; онъ же пришедъ исповѣдавъ ея, і причастивъ Христовыхъ таинъ. И по малѣ времени паки оздраве, і нападе на нея таковое желаніе, дабы паки ити в домъ отца своего. И бывши ей в дому у отца своего нѣколико время, і во единъ от дней по захожденіи солнца приідоша нечистиі дуси темниі демони, і начаша кликати ея іменемъ: Соломоние! гласомъ рекуще: полонянка! А гласъ ихъ слышаху отецъ ея і мати ея, і всѣ ту живущиі людіе на погосте; і бывши ей у отца своего осмь недѣль, і они окаянниі демони по многиі времена прихождаху, і кликаху какъ і преже, і глаголаху отцу ея в слухъ і всѣмъ слышащимъ: попе, отдай ты намъ нашу полонянку, а мы тебѣ дадимъ живота колько тебѣ годно; и паки блядуще они окаянниі: намъ ея, полонянку, отдалъ братъ нашъ; аще вы ея нынѣ і не отдадите намъ, у васъ унесемъ же, что намъ отдали братья наша водяніі демони, а насъ она оболгала і проманула; не можемъ ли унести ея в лѣсъ. І по вся нощи прихождаху они окаянниі, кричаще і ревуще, і храмину ломающе, идѣже она пребыше. В то же время бысть освященіе церкви Пресвятыя Богородицы ту на погосте, и приѣзжали с Устюга соборные церкви священники Никита, да протодіаконъ Димитрій на освящение, і иниі мнози люди, и то все слышавше они вражие козиодѣйство, какъ они кричаху и зваху ея, и прошаху у отца ея; і каковъ человѣкъ в какихъ рѣчахъ оспоритъ ихъ, или учнетъ бранить, і они, окаянниі враги, всякихъ людей браняще і обличающе всякими грѣховными виды, кто что сотворилъ каковъ грѣхъ, і обнажающе совѣсть всякаго человѣка, и много пряще-ся отхожаху. Отецъ же паки отвезе ея к Устюгу, чтобъ она Соломония ходила ко церквамъ божнімъ: в соборъ к Богородицѣ, и к праведнымъ к Прокопию и Иоанну чюдотворцамъ; пришедъ і стояше во церкви во время божественныя литургіі, і на святѣмъ евангелиі, і на великомъ сходе, і на приношениі, і на спрошениі; і они, окаянниі демони, в ней живуще, пометаху ея о помостъ церковный. Людемъ же зрящимъ, мнѣша ей от пометания мертвѣ быти; окаянниі же они демони яко свиниі вижаще, і стонуще, і иными многими гласы всѣмъ в слухъ слышати; утроба же ея в то время велми надымаяся и злѣ мучима; едва во умь прихождаше, но

неотступна от церкви Божіихъ бысть всегда; і паки вися во снѣ преподобная Ѳеодора, наказуя рече ей: Соломония! живи ты здѣ неотходно от града Устюга, і от церкви Пресвятыя Богородицы и святыхъ преподобныхъ Прокопия і Иоанна никогда не отступай, а к отцу своему на Ергу никогда не ходи, да не когда я паки унесутъ демони, і будетъ послѣдняя ти горши первыхъ; а се тебѣ вѣдомо буди, чего дѣля ты тяжко страдала от демоновъ: потому что тебя попъ пьянъ крестилъ, и половины святаго крещения не исполнилъ; а крестися ты рукою крестообразно і истово, якъ преже сего; і подобаетъ тебѣ имѣти триехъ отцевъ духовныхъ, а ко церкви всегда ходити ко всякому пѣнію; аще ли не можеши итти, и ты вели ся носити. Посемъ преподобная невидима бысть.

І в нынѣшнемъ въ 179 году, во святый великій постъ, принужена быть Соломония сердоболи своими исповѣдаися у отца духовнаго соборныя церкви у священника Никиты, і причастися святыхъ таинъ того же дни; по заходженіи солнца, сиятеся в ней окаянный демонъ, і начатъ утроба ея рвати; она же от тяжести нача велми кричати; і прогрызе у нея лѣвый бокъ на скрозь; і егда прогрызе, Соломония же очюти себе, а во умъ пришедъ, видѣ срачицу свою окровавлену, і показа сущимъ ту: то ей сотвори демонъ в нощи; они же, видѣвше гибель ея от демона, плакахуся зѣло. І начаша утреню благовѣстити; она же скорбна поіде ко утрени; і егда і девятой пѣсни возгласи іерей дияконъ: Богородицу матерь свѣта пѣсньми возвеличимъ! І нача демонъ во утробѣ ея паки мястися и терзати. По отпѣтіи же утрени иде в домъ, і клепанию бывшу к литургіи, Соломония же паки приіде во церковь, і егда нача іконы лобзовати, і в то время во утробѣ ея живущіи демони начаша рвати утробу ея, ей же вопіющу, (ей) і во время пѣнія святаго апостола нача блевати, і бывши ей во изступленіи ума, і егда приіде время святаго причастия, тогда живущіи в ней демони начаша ея бити і о полъ церковный метати; священникъ же служащій ея с великимъ страхомъ причасти ея Христовыхъ таинъ, людемъ тяжко держащимъ ея, і нача демонъ устами ея вопити великимъ гласомъ: сожже мя, сожже мя! І по малѣ паки во умъ приіде; приіде же в домъ, и с того времени ни мало даяше покоя живущій в ней демонъ: терзаше утробу ея и люте рваше, і велми мучаше ю паче перваго. Позна бо онъ окаянный свою гибель. І мѣсяца маія въ 27 день зѣло мучима бѣ от демона Соломония и тяжко велми утомися, і усну, і видитъ святыхъ і праведныхъ Прокопия і Иоанна, пришедшихъ к ней; и глаголаша святіі ей: Соломоние! молися Прокопию і Иоанну; они тебя по малѣ времени избавятъ от таковаго мучения, Исусову молитву твори без престани і крестися істово і разумно, крестообразно, яко же и прежде; и повелѣша ей молитву Іисусову творити; демонъ же, живущій в ней, не даяше ей молитвы творити; і с великимъ трудомъ одва молитву сотвори; і рекоша ей святіі: уже ты, Соломония, послѣдній годъ ходиши! І паки святіі рѣкоша: мѣеши ли у себе сердоболи? повели имъ псалтырь навсякъ день глаголати. І по семъ рекоша ей святіі: вѣруеши ли во Христа? Она же рече: вѣрую азъ во Христа. І третицею воспросиша: во истинну ли вѣруеши? Она же отвѣща: во истинну вѣрую во Христа! І паки рекоша святіі: слава тебѣ, владыко Христе Боже человѣколюбче, яко еще хощетъ Соломония твоя раба быти! І абие святіі невидими быста; убудижеся от сна, никому же повѣда видѣния, до времени, егда исцѣлѣ.

І в лѣта 7179 іюля в 8 день в самую в память святаго праведнаго Прокопия послѣ божественныя литургіі, приіде она Соломония в соборную церковь Пресвятыя Богородицы, і повѣда сама все о себѣ всему освященному собору Архангельскаго монастыря архимандриту Арсению, да соборныя церкви протопопу Владимиру з братиею і всѣмъ православнымъ прилучившимся: како она, Соломония, исцѣление получи милостию общие заступницы рода христіянскаго Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы і приснодѣвы Маріи і святыхъ праведныхъ Прокопия і Иоанна Устюжскихъ чюдотворцевъ.

В прошломъ во 167, грѣхъ ради моихъ, вселился в мене иже искони ненавидяй человѣки і всегда боряй сатана дияволъ і его демонская сила, і облада мною единонадесята лѣтъ і пять мѣсяцъ; і в ти лѣта мучима была азъ всякими неудобь сказуемыми муками, яко же преже явлено бысть; і не видѣвъ азъ грѣшная свѣта сего естественнаго истинно, і солнечныхъ лучь, но бя мнѣ і день яко же нощь, и ко церквамъ Божіимъ ходила аки нѣкоторый плѣнникъ связанъ, овогда во церкви святая, овогда в притворъ, ни поющаго ни чтущаго гласа слышахъ, очеса моя помрачи святая (?) і уши оглохнувше от демонскаго страшнаго его перваго мечтания; і егда в первый день коснуся вражій демонскій синій пламень, і бяше с того дни і до сего времени во ушахъ моихъ шумъ велій во время божественнаго пѣния. І мѣсяца іюлия противъ осмаго числа памяти святаго праведнаго Прокопия, приіде мнѣ таковое желаніе что ми итьти ко всенощному бдѣнию к праведному Прокопию чюдотворцу во церковь слышати бы его преславныя чудеса, а преже сего такова желания не бысть ми; і приідохъ и стахъ внѣ церкви, у сѣверныхъ дверей. В то же время во церкви чтутъ житие его праведнаго Прокопия, азъ же стояхъ тамо малъ часъ, і нача меня братъ мой посылати в церковь; ово же страха ради брата своего, ово зазрѣния ради ту стоящихъ людей, едва с великимъ трудомъ внидохъ в церковь, возброняше бо мнѣ демонская сила; і повелѣ мнѣ братъ мой сѣсти на лѣвой крылоси утѣснения ради всенароднаго; і рекохъ брату азъ: веди ты меня близь чтущаго. І постояхъ ту азъ малъ часъ, і внезапу видѣхъ гробъ святаго Прокопия аки потрясеся, і живущая во мнѣ демонская сила смутися, і нача вопити во утробѣ моей, аки малый младенецъ, і предстоящимъ ту слышати ужастное ея вражие кознодѣйство; азъ же не могохъ стояти во церкви, і побѣгохъ, і идохъ в притворъ святыхъ чудотворцовъ Козмы и Дамьяна, і быхъ во иступленіі ума; бѣхъ азъ з братомъ моимъ і инѣмъ нѣкиімъ человѣкомъ, егда же во умъ приідохъ, паки поведоша мя во церковь святаго Прокопия; азъ бо не могу быти от живущия во мнѣ демонския силы, начахъ вопити елико могій: не ведите мя во церковь святаго Прокопия! они же нуждею мя повлечаху; азъ же отторгнуся от нихъ, і идохъ во церковь святаго Іоанна чюдотворца, і сѣдохъ, і видѣхъ гробъ святаго Іоанна аки потрясеся, і вельми азъ убояхся страшного того видѣния, і руками своими грѣшными держахся о гробъ святаго Іоанна, и воздремахъ мало, і видѣхъ свѣтъ неизреченный, і во свѣтѣ дѣвицу святолѣпну і прекрасну зѣло, ея же красоты невозможно сказати; ідяше же она во церковь святаго Іоанна в полуденныя двери подле настоящия иконы, і приіде до мене, і взя мене за правое плече, і глагола: Господи Іисусе Христе сыне Божій, помилуй насъ! Азъ же не отвѣщахъ ничтоже. Она же рече ми: Соломония, глаголи: аминь. Азъ же ничтоже отвѣщахъ. Она же паки ту жъ молитву второе і третие, і рече ми пресвятая она дѣвица: Соломония! глаголи: аминь. Азъ же едва отвѣщахъ: аминь! Она же рече: отвѣщай еще дважды: аминь! Азъ же отвѣщахъ дважды: аминь, аминь! І рече ми: вѣси ли кто есмь азъ? Азъ же рекохъ ей: госпоже моя! ни мало тя вѣмъ; азъ бо есмь грѣшная в скорби велицѣй от живущия во мнѣ демонския силы. І рече ми пресвятая свѣтолѣпная дѣвица: како ты не вѣси мене? в домъ бо мой приходиши безпрестани пять лѣтъ! Азъ же грѣшная рекохъ: гдѣ есть, госпоже, домъ твой? Она же рече ми: домъ мой есть соборная і апостольская церковь; азъ же есмь нарицаюся пресвятая Марія, рождшая плотию Іисуса Христа, творца моего і Бога! днесь бо покажу тобою чюдо велико, ради предстателей і молебникъ ко мнѣ, праведныхъ Прокопия і Иоанна Устюжскихъ чюдотворцевъ; ты же молися имъ безпрестанно, яко да исцѣлѣеши. Есть нынѣ во утробѣ твоей седьмедесять бѣсовъ, і еще имутъ приіти на тя тысяща седмьсотъ бѣсовъ: и ты ихъ окаянныхъ не бойся; предстательствуютъ бо за тебе святіі чюдотворци Прокопий і Иоаннъ, і избавятъ тя отъ демонския силы немощныя; и крестися ты разумно і внятно крестнымъ знаменіемъ, яко же і прежъ сего. І паки рече ми пресвятая Богороди-

а: како у тебе учнутъ вопрошати святіі Прокопій і оаннъ какова обѣщания твоего, и ты имъ во всемъ бѣщайся сохранити заповѣди, елико ти они изрекутъ. слыша азъ грѣшная, не могу отвѣщати ей ничтоже. осемъ же рече пресвятая Богородица: миръ тебѣ Соомоние! І поиде от тѣмъ же путемъ от амо же ріиде. Азъ же возбнувъ от того преславнаго видѣ-ія и ужаснаго явления, і хотѣхъ бѣжати из церк-і, і видѣхъ брата моего близъ стояща, і убояхся, іки укрѣпихся, и сѣдохъ, і задримахъ, і видѣхъ свѣтъ лій во церкви, яко николи же тако видѣхъ, і свята-Прокопия идуща во церковь в западныя двери, і яко низь бысть гроба святаго Іоанна, воста же і святый аннъ из гроба; і пріидоша ко мнѣ грѣшней, і ставе предо мною святіі и глаголюще: отидите, прокля-і, от рабы Божия Соломониі. І глагола ми святый: Соомоние! молися от глубины сердца твоего заступцѣ христіанской пречистой Богородицы і святымъ аведнымъ Прокопию і Иоанну, и будеши на сій день цѣлена; дай же намъ обѣщаніе таково, чтобъ тебѣ к ежнему твоему мужу не итьти і за иного такоже не сягнути; і будетъ тебѣ люто мучение еще на три сы дневныхъ, і потомъ исцѣлѣеши; і на то время приви к себѣ дванадесятъ священниковъ, и чтобъ они дъ тобою глаголали двѣнадесятъ псалтырей в тѣ три сы; а буде тѣ псалтыри не исполнятся, і призови от-духовнаго, чтобъ тебя онъ исповѣдалъ і причастилъ ристовыхъ таинъ, временнаго ради лютаго мучения. ше же святый сей Прокопий видѣніемъ, русъ власы лицы, браду же имѣя просту і русу, не зѣло малу, ѣяніе же кратко, сапоги на ногахъ, кочерги в ру-хъ; Іоаннъ же святый таковъ бяше, яко же на иконѣ писанъ страннческимъ образомъ. І паки рекоша: ръ тебѣ, Соломоние! І поидоша от нея, і невидима ша. Азъ же грѣшная возбнувъ от того преславна-видѣния, і в себе пришедши, і поидохъ из церкви; атъ же мой поимъ мене і инъ нѣкто, поведоша мя ки во церковь ко святому Прокопию, азъ же нача во-ти елико могій: не водите меня ко святому Прокопию! Они же не послушаша, но с нуждею мя влекоша в церковь; азъ же быхъ во церкви малъ часъ, і не могохъ стояти от демонские во мнѣ силы, і паки нача (хъ) азъ молитися брату моему, дабы мя отпустилъ ис церкви; онъ же ослаби ми і отпусти мя; азъ же приідохъ в домъ, идѣже живяхъ; и быхъ азъ во иступленіи ума, і нача (хъ) повѣдати свое видѣние, еже видѣхъ во церкви святаго Іоанна чюдотворца; і не бѣ в той храминѣ никого живущаго, токмо братъ мой внѣ храминѣ стояй, і слушалъ словесъ моихъ, еже азъ глаголахъ. А азъ того не вѣмъ с кимъ глаголахъ, или кому повѣдахъ видѣние; і егда же изглаголахъ і умолчахъ, братъ же мой, шедъ ко церкви Собора пресвятыя Богородицы, і повѣда отцу моему духовному священнику Никитѣ, еже слыша от мене множество, невѣдущи. Онъ же повелѣ мя привести в соборную церковь. Братъ же мой і инъ нѣкто поимше і поведоша мя во церковь пресвятыя Богогородицы, и поставивша мя в предѣле во церкви святаго Предтечи; і нача отецъ мой духовный вопрошати мя о видѣниі, еже онъ слыша от брата моего; азъ же помня все видѣние, і не могохъ повѣдати ему от диявольскаго томления, братъ же мой повелѣ имъ псалтырь глаголати; отецъ же мой духовный да тоя же соборныя церкви священникъ Симионъ начаша надо мною псалтырь глаголати; і мнѣ наипаче учало быти болшее мученіе от живущихъ во мнѣ демоновъ; і не могохъ азъ грѣшная слышати от нихъ глаголемыхъ словесъ; і начахъ вопити имъ, чтобы они надо мною псалтыри не глаголали, и дали бы еще мнѣ сроку на три часа: і вамъ то видѣние все объявлено будетъ. Они же, священницы, повелѣша мя вести из церкви к брату моему; поимъ же мя братъ мой і инъ другіі, изведоша ис церкви, и бывшу ми во иступленіі ума, и видѣхъ паки видѣние преславно і страшно: на деснѣй странѣ священнический и дияконскій чинъ идуще, и поюще, і крестъ і евангиле несуще, с кандилы и ѳиміямомъ, а на шуей странѣ видѣхъ демоновъ многое множество, а видѣниемъ они окаяннії бяху черни, і сини, і изувѣры, і страшны, и бяше яко туча велика, і на лице мое они окаяннії

плеваху і сморкаху; азъ же прихода тѣхъ страшныхъ і изувѣрыхъ ничтоже пострадахъ, молитвами пресвятыя Богородицы і святыхъ праведныхъ Прокопия і Иоанна; и приведоша же мя в домъ, идѣже живяхъ; і начахъ азъ просити отца духовнаго; приіде же ми отецъ мой духовный, і исповѣда мя, і причасти святыхъ таинъ страшнаго ради мучения, і благослови мя, отиде от мене; і по семъ приідоша священницы і диякони глаголати псалтырь надо мною, і видѣша мя яки мертву, а чрево мое надмеся зѣло люто оными лукавыми; і зряща мя вси плакаху, видяще мое гибельство. І се внезапу свѣтъ возсия неизреченный, идѣже азъ лежахъ, і видѣхъ юношу, идуща во храмину тою і свѣщу несуща, і по немъ ідуще святиі Прокопій і Иоанъ, і ставше узъ главы моя, глаголаша святіи мужи собою; азъ же того не вѣмъ что они глаголютъ; і паки приступи ко мнѣ святый Прокопій, і прекрестилъ рукою своею утробу мою, а святый Іоанъ, держа копейцо в рукѣ малое, і той приступи ко мнѣ, і разрѣза утробу мою, і взя из меня демона, і подавъ его святому Прокопію; демонъ же нача вопити великимъ гласомъ і витися в руцѣ его; і святый Прокопий показа ми демона, і рече: Соломоние! видиши ли демона, иже бысть во утробѣ твоей! Азъ же зря его видѣниемъ чернъ и хвостъ бяше у него, уста же дебела и страшна; и положи его окаяннаго на помостъ і закла его кочергами. Святый же Іоаннъ паки нача изимати из утробы моея по единому и давати святому Прокопию; онъ же закалаша ихъ по единому. І рекоша святиі: Соломоние! нынѣ мы у тебе ізяли половину демонския силы вражия, а совершение исцѣление прінмеши в дому моемъ, у гроба святаго Прокопия. І паки глаголаша святиі чюдотворцы: до уреченныхъ трехъ часовъ не подобаетъ намъ быти. І отидоша от мене, і невидими быша; посемъ начаша у святаго Прокопия молебная совершати і воду святити архимандритъ, і игумени, і протопопъ, со всѣми освященными соборы; в то же время и меня грѣшную принесоша тутъ же во церковь ко гробу святаго Прокопия; ничимъ же азъ, грѣшная, могохъ двинутися, ни руками, ни ногами, ниже языкомъ проглаголати, но яко мертвѣ от демонския силы, живущей во мнѣ. І внезапу облиста мене свѣтъ велій, і явишася святиі Прокопий і Иоанъ, і ставше предо мною тѣмъ же образомъ, яко же і прежде; і рече святый Іоанъ святому Прокопию: чтобъ у мене грѣшной рѣжа срачицы не окровавить, і церкви Божіей не осквернить. І святый Прокопий отвѣща: не имать она, Соломония, окровавитися, і домъ мой не будетъ окровавленъ отъ вражия силы. І нача святый Іоанъ ізимати тою же раною демоновъ, яко же и прежде; святый же Прокопий приімаше, і меташе ихъ на помостъ церковный, і давляше ихъ ногою своею. І глагола святый Прокопий ко святому Іоанну: чиста ли утроба у Соломоніі от живущихъ в ней демоновъ? І отвѣща святый Іоаннъ: чиста есть, і нѣсть порока в ней! Посемъ святый Прокопий смотряше самъ в утробу мою, да бы чиста. И рече святый Прокопий: славно Богъ прославися! Также и святый Іоаннъ рече: славно Богъ прославися! І паки і мнѣ рекоша святиі: глаголи і ты, Соломоние, славно Богъ прославися! Языкъ же мой подвижеся, і рекохъ: славно Богъ прославися! И паки глагола мнѣ святый Прокопий: Соломоние! от сего дне буди ты исцѣлена от того великаго демонскаго мучения болѣзни; еще же тебѣ будетъ вражіе мечтаніе, і ты же не убойся. І паки рече ми святый Прокопий: здравствуй, Соломоние, до великаго Божія суда! І благослови мя рукою своею і глагола: буди наше благословение надъ тобою от нынѣ и до вѣка! І рече: Соломоние! иди к правому крилосу; сотворя молитву Іисусову, і глаголи: славно Богъ прославися! І по глаголаніі святиі невидими быша. Азъ же оттого преславнаго видѣния въ себѣ пришедъ, і увидѣхъ во церкви солнешный свѣтъ, і обозрѣхъ всю церковь і образы, і вопросихъ азъ у брата своего во церкви: і стою или видѣніе вижу? Отвѣща ми братъ и рече: во церкви стоиши святаго Прокопия на литургіі, і чтется святое евангелие. Посемъ же узрѣхъ і гробъ святаго Прокопия, і возрадовахся радостию великою, і поклонишися (поклонихся) у гроба святаго Прокопия, при-

Строки печатн. текста.

чися и труждаяся демонскою вражескою силою обидима лютѣ видевше мужъ ея насилствование жены своея.

47 *послѣ слова* окаяннні: — водяніи,

На страницѣ 154.

3 *послѣ слова* гласомъ *вм.* домашнинъ *до слова* живяше: — отецъ же ея и мати и вси домашнині исходяще ис храмины за нею, и не видѣвше ея нигдѣже, плачюще и рыдающе, возвращахуся в домъ свой унылы и сѣтованный

5 *послѣ слова* в водѣ *вм.* три *и пр. до слова* скверняху: — овогда день, овогда же два и три не исходящи от нихъ, но и тамо такоже мучаху ея скверниі они демони, ругающеся всячески,

17 *послѣ слова* перси ея *вм.* і на столѣ *до слова* і повѣсивше: — такожде и столъ придѣвши;

19 *послѣ слова* сосѣди: *вм. сл.* надъ нею бывшее: — бывающее над бѣснованною оною женою таковое необычное страхование, и великий стукъ и громъ и шумъ во храминѣ ея, ужасошася,

33 *послѣ слова* покоя: — овогда бо ея уношаху в воды, иногда же вознесши на горы и на холмы превысокіи, и на храмины, и всячески по ругавшеся ей и изрѣваху ея долу.

35 *вм. слова* волости: — веси

— *послѣ слова* свидѣтели: — неложни бяху яко тако страданіе от множества неприязненныя силы і якоже при самомъ Христѣ Спасѣ нашемъ срѣте его мужъ нѣкій от града, иже имяше бѣсы многия от многихъ лѣтъ и в ризы не облечашеся, и в храминѣ не живяше, но во гробѣхъ, тако и здѣ суть.

44 *послѣ слова* будеши: — и ничѣмъ будеши скудна.

45 *послѣ слова* видѣша *вм.* они окаяннні демони: — они нечистіи дуси не глаголетъ к нимъ ничтоже,

48 *вм.* растягоша *и пр. до слова* і начаша. — расковаше ея по стѣнѣ руками и ногами и между древомъ вбиша,

52 *вм.* и расковаше ея: — и откованна от стѣны ея,

55 *послѣ слова* взяша ю *вм.* і даша *до слова*: таже: — скверніи оттолѣ и приведоша к себѣ въ темная своя жилища и отдаша ея некоторой дѣвицѣ, юже называютъ окаяннні они Ярославкою, глаголюще ей: увещай сию жену, дабы она с нами жила здѣ, і пила, і ѣла и в нашу вѣру веровала, якоже и ты, а мы ея не могли превратити ласканиемъ, и нуждею, і мученнемъ, яко не глаголетъ с нами ничтоже; сами же отъидоша от нихъ;

63 *послѣ слова* отпустятъ: — Соломония же внятъ всѣ глаголы ея, яже глагола ей дѣвица, яко глаголемая Ярославка; і о себѣ дѣвица сказа ей, яко рожденіе мое есть града Ярославля і отдаде мя к симъ темнообразнымъ мати моя по рожденіи моемъ.

72 *послѣ слова* нощи *вм.* і зача и пр. *до слова* приіде: — Соломония же от скверная смѣшения ихъ имяше во утробѣ своей многи нечистіи духи, и пося ея время и полвремени, рекше полтора года.

74 *послѣ слова* в дому отца своего *вм.* і выслала *и проч. до слова* і приіде *въ строкѣ* 77: — и повелѣваетъ отцу своему и матери и всемъ домашнимъ, да изыдутъ вси из храмины вонъ, токмо ея едину да оставятъ, яко хощетъ родити неприязненную силу демонскую, дабы ихъ прескверніи ти пришедше не убили, егда начнетъ она родити ихъ; они же с неволею послуша ея і изыдоша, і вси сѣтующе і плачюще горко, токмо оставиша ю едину в храминѣ.

77 *нѣтъ*: от тѣхъ

На страницѣ 155.

1 *послѣ слова* сини: — і темниі

2 *послѣ слова* із храмины: — и положи ихъ

6 *послѣ слова* бросати: — в храмину.

12 *послѣ слова* крови: — гнушаешися,

— *послѣ слова* і ты: — вземъ копие или ножъ,

25 *послѣ слова* ни мало: — и со человѣки ничтоже бесѣдоваше, понеже тогда внѣ ума бываше;

28 *вм.* окаяннні: — чернородниі (тоже и въ другихъ мѣстахъ ниже).

31 *вм.* плакавшими *правильнѣе* плакавшимся

— *вм.* ея *правильн.* ю.

35 *послѣ слова* кождо *вм.* на своемъ *и пр. до слова* другъ *въ 36 строкѣ*: — по чину ихъ на своихъ мѣстахъ,

50 *послѣ слова* совѣтъ ихъ *вм.* і паки *и пр. до слова* Ярославка: — понеже диавольская часть темна и помышляху, в темныхъ жилищахъ своихъ живяху, а не во свѣтѣ; и яко хотяше премилостивый і всесильный Господь Богъ и Спасъ рода человѣческаго симъ чюдомъ прославити и возвеличити Пресвятую, Пречистую, Преблагословенную матерь свою, пренепорочную владичицу Богородицу и приснодѣву Марію, общую христианскую надежду, и угодниковъ своихъ неусыпныхъ стражей великаго града Устюга, праведныхъ и блаженныхъ Христа ради юродивыхъ Устюжскихъ чюдотворцевъ Прокопия и Иоанна, и сего ради продолжи и попусти Господь Богъ сей женѣ Соломониі от чернородныхъ поруганиѣ и мучиѣ быти, да болие прославится і возвеселится сие великое дѣло и в чюдодѣйствие и удивление произыдетъ. Аще же Господь Богъ сию жену и попусти чернороднымъ демономъ мучити и поругатися ей, но милость его Божия і милосердие не оставляше ея до конца погибнути. Посемъ диавили паки отдаша Соломонию же преждепомянутой дѣвицѣ Ярославкѣ, да научитъ ея по воли ихъ ходити. Дѣвица же вземъ ю у чернородныхъ, седѣ с нею особь. Соломония же все повѣда дѣвицѣ Ярославкѣ, яже видѣ у темныхъ і слыша у нихъ глаголанная.

56 *послѣ слова* выучитъ *вм.* да иной: — потомъ другой десятокъ, тоже третій и четвертый.

65 *вм.* темнозрачнымъ: — темнообразнымъ

70 *послѣ слова* і в то время: — Божнімъ промысломъ

74 *вм.* исполнено аки смолою: — исполнено ими, аки смолою покровенно;

На страницѣ 156.

1 *вм.* лукавиі: — чернороднні

7 *послѣ слова* ея: — черніі.

13 *вм.* имена: — темная і мрачная имена

39 *послѣ слова* оздраве *вм.* і нападе на нея таковое жела-

Строки печатн. текста.

гу і пречистѣй Богородицѣ и нама, еже сохранити и соблюсти крѣпко, сие по обещанию твоему соблюди і опасно сохрани.

72 *послѣ слова* свѣтъ — сладко і ясно,

74 *вм.* і стою или видѣніе вижу: — въ церкви ли азъ стою или видѣніе вижу?

— *послѣ слова* рече: *вм.* во церкви *и пр. до слова* посемъ: — во церкви святаго і блаженнаго Прокопия, сестро моя Соломоніе, стоиши при святѣй божественнѣй литургіи и при чтеніи святаго евангелія.

На страницѣ 161.

10 *вм.* святыхъ ради: — страха ради,

12 *послѣ слова* литургіи: — а на чревѣ моемъ, коимъ мѣстомъ вынимали святиі демонскую вражію силу, і то мѣсто знать, ради истиннаго свидѣтельства, дабы не помышляли людіе привидѣніе се быти, а не истинное чюдо святыхъ і праведныхъ чюдотворцевъ.

15 *вм.* і народъ: — і весь народъ, мужие, і жены, і всякъ возрастъ,

27 *послѣ слова* і Иоанна: — Тогда не бысть такова человѣка, иже видѣ и слыша о преславномъ семъ чюдеси, дабы воздержатися ему от слезъ, не вся купно мужие и жены пролияша радостныя источники слезъ, видяще и слышаще преславное великое чюдо пресвятыя владычицы нашея Богородицы и приснодѣвы Маріи, і угодниковъ Божіихъ, святыхъ і праведныхъ чюдотворцевъ Устюжскихъ Прокопия и Иоанна,

ПРИМѢЧАНІЕ.

Христіанское понятіе о злыхъ духахъ подчинилось у насъ, какъ и у другихъ народовъ, матеріальнымъ представленіямъ. Вѣрованіе, что злые духи являются съ разными отправленіями жизни тѣлесныхъ существъ, является въ глубокой древности; вездѣ оно поддерживалось остатками прежнихъ языческихъ воззрѣній, удержавшихся въ воображеніи народовъ послѣ крещенія. Такъ въ первые вѣки христіанства извѣстное мѣсто въ книгѣ Бытія о прихожденіи сыновъ Божіихъ къ дщерямъ человѣческимъ толковалось половымъ сообщеніемъ духовъ съ женщинами. Составлялись и ходили изъ рукъ въ руки апокрифическія сказанія, наполненныя подобными вымыслами. Къ такимъ, между прочимъ, принадлежитъ еврейская баснословная исторія о Лилутѣ, будто бы первой женѣ Адама, которая измѣнила ему, смѣшалась съ злымъ духомъ и сдѣлалась праматерью поколѣнія бѣсовъ, представляемыхъ не только съ матеріальными отправленіями, но даже подлежащихъ смерти, также точно, какъ и бѣсы въ нашей повѣсти, которыхъ убиваетъ молнія. Въ сектахъ манихейскаго склада, т. е. приписывавшихъ твореніе матеріи злому духу, (къ нимъ принадлежатъ Павликіане, Богумилы, Катарры, Альбигойцы) господствовала басня о смѣшеніи Евы съ сатаною и о происхожденіи половины рода человѣческаго, въ лицѣ Каина, отъ злого духа. Представленіе о матеріализмѣ демоновъ поддерживалось и тѣмъ, что древнихъ греческихъ и римскихъ боговъ и полубоговъ признавали злыми духами, и такимъ образомъ самые вымыслы миѳологіи не считали чуждыми исторической дѣйствительности; само собою — и похожденія Юпитера, Вакха, Аполлона, страсти, волокитства, пиры олимпійцевъ, не были уже сказками, но считались существовавшими фактами, только перенесенными на бѣсовъ. Мнѣніе о половомъ сообщеніи бѣсовъ съ женщинами долго было повсемѣстнымъ въ Европѣ; Іорнандъ приписываетъ происхожденіе цѣлаго поколѣнія Гунновъ связи волшебницъ съ злыми духами. Были люди, даже просвѣщенные по своему вѣку, которые, хотя видѣли нелѣпость этого вѣрованія, не рѣшались, однако, счесть всего за совершенный вымыселъ и толковали, что злые духи, не имѣя сами въ себѣ ничего матеріальнаго, обольщаютъ, однако, людей кажущимися явленіями, затмѣваютъ смыслъ человѣческій и представляются женщинамъ въ видѣ мужчинъ, а мужчинамъ въ видѣ женщинъ.

По вѣрованію, общему всѣмъ христіанскимъ народамъ, матеріальные бѣсы представляются чудовищами; образъ ихъ первоначально сложился на югѣ отъ сатировъ и фавновъ, ибо ихъ представляютъ съ рогами, въ шерсти и съ хвостомъ; образъ этотъ, переходя къ сѣвернымъ народамъ, встрѣтился съ старыми туземными языческими представленіями, и видоизмѣнялся, оставаясь все таки болѣе или менѣе сходнымъ въ главныхъ чертахъ. Нашъ бѣсъ въ своемъ образѣ имѣетъ человѣческую фигуру, кожу темносиняго цвѣта, иногда мохнатъ, нагъ, всегда съ рогами и съ хвостомъ, но можетъ принимать различные человѣческіе образы: такъ и Соломоніи являлись демоны въ видѣ красивыхъ молодцевъ. Во множествѣ западныхъ преданій о беременности женщинъ отъ бѣсовъ видны два представленія: или эти женщины раждаютъ чудовища, какъ наша Соломонія, или же дѣйствительныхъ людей, злыхъ волшебниковъ, какъ въ исторіи Мерлина, либо безобразныхъ и свирѣпыхъ какъ въ миѳѣ о происхожденіи Гунновъ. Въ средніе вѣка толковали однако, что собственно рожденіе отъ бѣса есть только мечтаніе, бѣсовская игрушка, и потому-то женщины производятъ на свѣтъ не людей, а чудовищъ, которые не имѣютъ человѣческой жизни и остаются въ бѣсовскомъ мірѣ; лица же человѣческаго существа, на которыхъ отпечатлѣлось бѣсовское происхожденіе, раждаются собственно отъ

мужчинъ, но съ содѣйствіемъ злыхъ духовъ; такъ и у насъ въ XI вѣкѣ тоже происхожденіе приписывалось князю полоцкому Всеславу, по словамъ лѣтописца, сказавшаго, что мать его родила отъ волхвованія. Беременность и роды нашей Соломоніи въ народномъ воображеніи, очевидно мечтанія, способъ мукъ которыя задавали ей бѣсы, проходя черезъ нее, и оставаясь въ ней по желанію, овладѣвая ея тѣломъ. Связь Соломоніи съ бѣсомъ есть только представленіе, которое напустили на нее бѣсы; замѣчательно что варіантъ по списку г. Буслаева, старается придать болѣе реальности тому, что выдѣлываютъ бѣсы съ Соломоніею, чѣмъ варіантъ Публичной Библіотеки. Но тѣмъ не менѣе бѣсы составляютъ свой отдѣльный матеріальный міръ, и какъ животные раздѣляются на два пола; къ Соломоніи приходитъ темнозрачная баба уже не человѣческой, а бѣсовской породы. Русскій народъ повсемѣстно воображаетъ бѣсовъ подъ образомъ двухъ половъ; существуетъ слово *чертовки*; существуютъ разсказы видѣвшихъ бѣсовскихъ самокъ. Одинъ мужикъ въ Новгородѣ мнѣ разсказывалъ, что онъ собственными глазами видѣлъ ночью на озерѣ Ильменѣ черную бабу, которая сидѣла на камнѣ, мылась и хохотала, потомъ исчезла. Это была, по его понятію, не русалка, но чертовка, бѣсъ женскаго пола. Обыкновенное мѣстопребываніе бѣсовъ — болото и озера; оттого и въ нашей повѣсти они называются *водяные*; это какіе-то земноводные люди, подверженные, какъ и мы, условіямъ матеріяльной жизни: они ѣдятъ, пьютъ, имѣютъ половое сообщеніе, родятся и умираютъ; они безобразны, и по наружности скорѣе похожи на звѣрей, какъ на людей; они, какъ люди, мыслятъ и говорятъ, имѣютъ общественныя связи, ибо сознаютъ между собою братство, имѣютъ религію, и покланяются божеству, называемому сатаною; отличаются отъ людей тѣмъ, что могутъ принимать различные образы, способность, которой однако не лишены безусловно, по народному вѣрованію, и люди — если они колдуны; бѣсы, кромѣ того что они звѣри по наружности и люди по жизни, еще всѣ какъ бы колдуны, т. е. всѣ, по природѣ своей, способны на то, что доступно между людьми только нѣкоторымъ, обладающимъ таинственною наукою. Такое понятіе о существѣ бѣсовъ истекаетъ изъ предлагаемой повѣсти.

Вѣрованіе во вселеніе бѣсовъ въ человѣка сильно утверждено было въ народѣ встарину и не истребилось до сихъ поръ. Рѣдкому изъ насъ, особенно посѣщавшему мѣста, ознаменованныя чудотворными исцѣленіями отъ мощей и иконъ, не удавалось видѣть и слышать такъ называемыхъ кликушъ или бѣсноватыхъ. Нѣкоторые изъ этихъ несчастныхъ дѣйствительно страдаютъ нервными припадками, поразительными и ужасными на взглядъ и не вполнѣ объясненными физіологически; другіе подчиняются силѣ воображенія и такихъ болѣе всего; третьи притворяются. Хаживи разносятъ о нихъ разсказы, изображая ихъ припадки въ искаженномъ и преувеличенномъ видѣ. Повѣсть о Соломоніи есть полнѣйшее изображеніе бѣсноватой, какъ она только могла представляться самому разгульному воображенію въ XVII вѣкѣ. Не смотря на тривіальность нѣкоторыхъ мѣстъ, она не лишена и поэтическихъ образовъ. Списанная, какъ говорится въ предисловіи, (которое, какъ приписка, не составляетъ существенной части разсказа и потому приводится въ приложеніи) со словъ страдалицы, она, вѣроятно, имѣетъ историческое основаніе; должно быть существовала описываемая здѣсь Соломонія, подверженная нервнымъ страданіямъ и сумасшествію, и впослѣдствіи получившая исцѣленіе. Образы ея болѣзненнаго воображенія, сложившіеся подъ вліяніемъ воспитанія и общихъ вѣрованій, принимались за истину и составили предметъ для литературнаго развлеченія современниковъ.

ПОВѢСТЬ О САВВѢ ГРУДЦЫНѢ.

ВАРІАНТЪ ПЕРВЫЙ.

(По списку Импер. Публ. Библ. in 8, № 75.)

то сїа страха и оужаса исполнена и неизреченнаго оудивленїа достойна, како человѣколюбивый Богъ долготерпѣ-
ожидаяи нашего обращенїа и неизреченными своими судбами всякаго человѣка приводитъ ко спасенїю, еже бысть
во дни сїа, и наславетъ человѣколюбїе свое надъ родомъ христїанскимъ.

убо в лѣто 7114, егда за умноженіе грѣхъ
ихъ, попусти Богъ на Московское государ-
мерзкаго отступника еретика Гришку Растри-
ева, иже похити престолъ россійскаго госу-
разбойнически, а не царски. Тогда по всему
му Государству умножися злочестивая литва
пакости и разоренія народомъ россійскимъ
и по градомъ творяху, и от того литов-
оренія многія домы свои оставляху, и из
градъ бѣгаху.
е время, во градѣ Велицѣмъ Устюзѣ, бысть
тель града того Ѳома, прослытіемъ же нари-
рудцынъ Усовыхъ, ихъ же родъ во градѣ томъ
Той убо Ѳома Грудцынъ, видя в Россіи та-
оеніе и нестерпимыя пакости от нечести-
овъ, и не восхотѣ жити, оставляетъ великій
югъ и домъ свой и преселяется в понизо-
венный градъ Казань. Зане не бысть в по-
градѣхъ злочестивыя литвы, и живяше той
еною своею во градѣ Казани, даже до лѣтъ
иваго великаго государя царя и великаго
князя Михаила Ѳеодоровича всея Россіи. И имѣя же у себе сына единородна, именемъ Савву, двоенадесятолѣтна возрастомъ; обычай же имѣяше той Ѳома куплю дѣяти, отъѣзжая внизъ Волгою рекою, овогда к Соли Камской, овогда в Астрахань, а иногда за Хвалынское море въ шахову область, отъѣзжая куплю творяше, тому же и сына своего Савву поучаше и нелѣностно таковому дѣлу прилежати повелѣваше, дабы по смерти его наслѣдникъ былъ имѣнія его.

—

О отъѣздѣ Ѳомы Грудцына на куплю в шахову область.

По нѣкоемъ же времени восхотѣ той Ѳома отплыти на куплю в шахову область, и обычныя струги к плаванію с товары устроившу, сыну же своему, такожде устроивъ обычныя суды с товары, повелѣваетъ ему по себѣ плыти к Соли Камской; и тамо купеческому дѣлу со всякимъ опасеніемъ прилежати повелѣваше. И абіе подаде обычное цѣлованіе женѣ и сыну своему, пути касается. Малы же дни помедля, и

сынъ его на устроенныхъ судѣхъ по повелѣнію отца своего к Соли Камской плаваніе творити начинаетъ, достигшу же ему Усолскаго града Орла, абіе приставаетъ ко брегу, и по повелѣнію отца своего у нѣкоего нарочита человѣка в гостинницѣ обитати приставаетъ. Гостинникъ же той и жена его, памятуя любовь и милость отца его, немало прилежаніе имѣюще, и всякое благодѣяніе творяще ему, и яко о сынѣ своемъ всяко попеченіе имѣюще о немъ; онъ же пребысть в гостинницѣ оной немало время. В томъ же градѣ Орлѣ нѣкто бысть мещанинъ града того именемъ и прослытіемъ Боженъ Второй, уже престарѣвся въ лѣтѣхъ, и знаемъ бяше во многихъ градѣхъ благонравнаго житія его ради, понеже и богатъ бѣ зѣло, и по премногу знаемъ и друженъ бѣ саввину отцу Ѳомѣ Грудцыну. Увѣдавъ же Боженъ Второй, яко из Казани Ѳомы Грудцына сынъ его во градѣ ихъ обрѣтается, и помыслилъ в себѣ, яко отецъ его со мною многу любовь и дружбу имѣяше, азъ же нынѣ презрѣхъ его, но убо возму его в домъ мой, и да обитаетъ у мене, и питается со мною от трапезы моея. И сій помысливъ, усмотря нѣкогда того Савву путемъ идуща, призвавъ его, начатъ глаголати: друже Савво! или не вѣси яко отецъ твой со мною многу любовь имать, ты же почто презрѣлъ еси мене и не присталъ еси в дому моемъ обитати? Нынѣ убо не преслушай мене: прійди и обитай в дому моемъ, да питаемся от общія трапезы моея: азъ убо за любовь отца твоего вселюбезно яко сына пріемлю тя. Савва же, слышавъ таковые от мужа глаголы, велми радъ бысть, яко от такова славна мужа пріятъ хощетъ быти, и низко поклоненіе твори предъ нимъ. И немедленно от гостинника онаго отходитъ в домъ мужа того Божена Втораго, и живяше во всякомъ благоденствіи, радуяся. Той же Боженъ Второй старъ сый, и имѣя у себя жену третьимъ бракомъ новоприведенну сущу пояту дѣвою; ненавидя же добра роду человѣчу сопостатъ діаволъ, видѣ мужа того добродѣтельное житіе, и хотя возмутити домъ его, абіе уязвляетъ жену его на юношу онаго к скверному смѣшенію блуда; и непрестанно уловляше юношу онаго лстивыми словесы к паденію блудному. Вѣсть бо женское естество уловляти умы младыхъ к любодѣянію. И тако той Савва лестію жены тоя, паче же рещи от зависти діаволи, запятъ бысть, падеся в сѣть любодѣянія с женою оною, и непрестанно во ономъ скверномъ дѣлѣ пребывая с нею, и ниже бо воскресенія день, ниже праздники помняше, но забывши страхъ божій и часъ смертный, но всегда в калѣ блуда яко свиния валяшеся; и в таковомъ ненасытномъ блуженіи много время яко скотъ пребываше.

Нѣкогда же приспѣвшу празднику Вознесенія Господа Бога нашего Іисуса Христа, в навечеріи же праздника онаго Боженъ Второй поимъ с собою юношу онаго Савву и поидоша до святыя церкви к вечернему пѣнію, и по отпущеніи вечерни паки пріидоша в домъ свой, и по обычаю вечери возлѣгоша кійждо на ложи своемъ, благодаряще Бога. Внегда же боголюбивый онъ мужъ Боженъ Второй заспа крѣпко, жена же его, діаволомъ подстрекаема, воставъ тайно с ложа своего, и пришедъ к постели юноши онаго, и возбуди его, понуждаше его к скверному смѣшенію блуда. Онъ же, аще и младъ сый, но яко нѣкою стрѣлою страха божія уязвленъ бысть, и боясь суда Божія, помышляше в себѣ: како в таковый господственный праздникъ таковое скаредное дѣло сотворити имамъ! И сія помысливъ, начатъ с клятвою отрицатися от нея, глаголя: яко не хощу всеконечно погубити душу мою, в таковый праздникъ превеликій осквернити тѣло мое. Она же, ненасытно распаляема похотію блуда, неослабно мудяше его, ово ласканіемъ, овоже и прещеніемъ нѣкіимъ, угрожая ему, дабы исполнилъ желаніе ея, и много труждьшися, увѣщевая его, но никикоже возможе его преклонити к воли своей; божественная бо нѣкая сила помогаше ему. Видѣвъ же то лукавая жена, яко не возможе привлещи юношу онаго к волѣ своей, абіе зѣлною яростію на юношу распалися, и яко лютая змія возстенавъ, отъиде от ложа его, помышляше, како бы волшебными зеліи опоити его и неотложно

идяше единъ по полю, и никого же пред собою или за собою видяше, и ничто ино помышляше, но токмо сѣтуя и скорбя о разлученіи своемъ от жены оныя, и помысля такову мысль злую во умѣ своемъ, глаголя: и егда бы кто от человѣкъ, или самъ діаволъ сотворилъ ми сіе, еже бы паки совокупитися мнѣ с женою оною, азъ бы послужилъ діаволу! И такову мысль помысливъ, аки бы ума иступивъ, и идяше единъ по полю, и мало пошедъ, слышитъ за собою гласъ зовущъ, на имя; онъ же, обращся, зритъ за собою юношу, борзо текуща, в нарочитѣ одѣяніи, помавающа рукою ему, пождати себе повелѣваше; онъ же, стоя, ожидая юношу онаго к себѣ, и егда же пришедъ к Саввѣ юноша той, паче же рещи супостатъ діаволъ, иже непрестанно рыщетъ, ищя погибели человѣческія, пришедъ же, и по обычаю поклоншеся между собою, рече же пришедый отрокъ к Саввѣ глаголя: брате! что убо яко чуждь бѣгаеши от мене? азъ бо давно ожидахъ тя, да како бы пришелъ еси ко мнѣ и сродственную любовь имѣлъ со мною; азъ убо вѣмъ тя давно, яко ты отъ рода Грудцыныхъ Усовыхъ из града Казани, и о мнѣ аще хощеши увѣдати, азъ того же рода от града Великаго Устюга; здѣ давно обитаю ради конскія покупки, и убо по плотскому рожденію братія мы с тобою, а нынѣ убо буди братъ и другъ и не отлучайся от мене; азъ бо вспоможеніе во всемъ радъ чинити тебѣ. Савва же, слышавъ от мнимаго онаго брата, паче же рещи от бѣса, таковые глаголы, велми возрадовася, яко в таковой далекой незнаемой странѣ сродника себѣ обрѣтѣ; и любезно цѣловастася, поидоша оба вкупѣ по пустынѣ оной. И пошедъ мало, рече бѣсъ к Саввѣ: брате Савво! Какую скорбь имаши в себѣ, яко изчезе велми юношеская красота твоя? Онъ же, всяко лукавнуя, сказоваше ему нѣкую быти великую скорбь в себѣ. Бѣсъ же осклабився, и рече: что убо скрываеши от мене? азъ бо вѣмъ скорбь твою; но что ми даси, азъ помогу в скорби твоей? Савва же рече: аще убо вѣдаеши истинно мою скорбь, юже имамъ в себѣ, то поиму вѣру тебѣ, яко можеши ми помощи! Бѣсъ же рече ему: ты убо, скорбя, сокрушаешися сердцемъ своимъ по женѣ Божена втораго, зане отлученъ еси от любве ея. Но что ми даси, азъ учиню тя с нею по прежнему въ любви ея? Савва же рече: азъ убо, елико имамъ здѣ товаровъ и богатство отца моего, и с прибытками все отдаю тебѣ, токмо сотвори по прежнему любовь имѣти с женою оною! Бѣсъ же и ту усмѣяся, рече ему: что убо искушаеши мя? азъ бо вѣмъ, яко отецъ твой много богатство имать; ты же не вѣси ли, яко отецъ мой седмерицею богатѣе отца твоего, и что мнѣ будетъ в товарѣхъ твоихъ? Но даждь ми на ся рукописаніе мало нѣкое, и азъ исполню желаніе твое. Юноша же радъ бысть, помышляя к себѣ: яко богатство отца моего все цѣло будетъ; азъ же дамъ ему писаніе что ми повелитъ написати; а невѣдый в какову пагубу впасти хощетъ, еще же и писати совершенно ниже слагати что умѣя. Оле безумія юнощи онаго! Како уловленъ бысть лестію женскою, и тоя ради в какову погибель снисходитъ! Егда же изрече бѣсъ к Саввѣ словеса сия, онъ же с радостію обѣщаше дати ему. Мнимый же братъ, паче же рещи бѣсъ, вскорѣ изъемъ из опчага чернило и хартію, даетъ юноши, и повелѣваетъ ему немедленно написати писаніе. Той же юноша Савва, еще несовершенно умѣяше писати, елико бѣсъ сказоваше, той же и писаше, не слагая, и таковымъ писаніемъ отречеся Христа, истиннаго Бога, написавъ же богоотметное оно писаніе, отдаетъ діаволу, и предадеся в служеніе діаволу, мнимому своему брату, и тако поидоша оба во градъ Орелъ. Вопроси же Савва бѣса, глаголя: повѣждь ми, брате мой, гдѣ обитаеши, да увѣмъ домъ твой? Бѣсъ же возсмѣяся, рече ему: азъ убо особаго дому не имамъ, но гдѣ прилучится, тамо и ночую; аще ли же хощеши видѣтися часто, то ищи мя всегда на конной площади, якоже рѣхъ ти: здѣ живу ради конныхъ покупокъ; но азъ и самъ не облѣнюся посѣщати тя; нынѣ же иди к лавкѣ Божена Втораго, вѣмъ бо, яко с радостію призоветъ тя паки в домъ свой жити. Савва же, по глаголу брата свого діавола,

Той же, сѣдя на престолѣ высоцѣ, каменіемъ драгимъ и златомъ преукрашенномъ, самъ же той славою велиею и одѣяніемъ блистаяся, окрестъ же престола его зритъ Савва множество юношъ крилатыхъ стоящихъ, лица же ихъ овыхъ сини, овыхъ багряны, инымъ же яко смола черны, пришедъ же Савва пред царя оного, падъ на землю, поклонися ему; вопроси же его царь, глаголя: откуду пришелъ еси сѣмо, и что есть дѣло твое? Безумный же онъ юноша подноситъ ему богоотметное свое писаніе и вѣщаетъ: яко пришедъ, великій царю, послужити тебѣ. Древній же змій сатана пріемъ писаніе, и прочетъ его, обозрѣвся к скверноообразнымъ своимъ воиномъ, рече: аще ли и пріиму отрока сего, но не вѣмъ, крѣпокъ ли будетъ мнѣ, или ни. И призвавъ сына своего, саввина мнимаго брата, глаголя ему: иди протчее, и обѣдуй с братомъ своимъ. И тако оба поклонишася царю, и изыдоша в преднюю полату, начеше обѣдати, и неизреченныя яди приношаху имъ, такожде и питіе, яко дивитися Саввѣ, и глагола: яко никогда же в дому отца моего таковыхъ ядей вкушахъ, или питія испихъ!

По яденіи же поемлетъ бѣсъ Савву, и поидоша изъ двора царева, и изшедшимъ же им из града, вопрошаетъ Савва брата своего бѣса, глаголя: что убо брате; яко видѣхъ у отца твоего, окрестъ престола его, юношъ много крилатыхъ стоящихъ? Бѣсъ же, улыбаяся, рече ему: или не вѣси, яко мнозіи языцы служатъ отцу моему, индѣи, персы и иніи мнозіи? ты же не дивися сему, и не сумнѣвайся братомъ звати ия себѣ; азъ бо да буду тебѣ меншій братъ; токмо елико реку ти, во всемъ буди послушенъ мнѣ; азъ же всякаго добродѣйства радъ чинити тебѣ. Савва же во всемъ обѣщася послушенъ быти ему; и тако увѣрившися, пріидоша паки во градъ Орелъ, и оставль бѣсъ Савву, отходитъ.

Савва же паки приходитъ въ домъ Боженовъ, и пребываше в прежнемъ скаредномъ своемъ дѣлѣ. В то же время пріиде во градъ Казань из Персиды со многими прибытками отецъ саввинъ Ѳома Грудцынъ, и яко же лѣпо, обычное цѣлованіе подавъ женѣ своей, вопрошаетъ ея о сынѣ своемъ: живъ ли есть? Она же повѣдаетъ ему, глаголя: яко от многихъ слышу о немъ: по отшествіи твоемъ в Персиду, отъиде онъ к Соли Камской, тамо и до нынѣ живетъ неудобное житіе; все бо богатство наше, яко же глаголютъ, изнурилъ в пиянстве и блудѣ; азъ же много писахъ к нему о семъ, дабы оттуду возвратился в домъ нашъ; онъ же ни единыя отповѣди подаде мнѣ, но и нынѣ тамо пребываетъ; живъ ли или ни, о семъ не вѣмъ. Ѳома же, таковыя глаголы слышавъ от жены своея, зѣло смутися умомъ; и скоро сѣдъ, написавъ епистолію къ Саввѣ со многимъ моленіемъ, дабы безо всякаго замедленія ѣхалъ оттуду во градъ Казань: да вижду, рече, чадо, красоту лица твоего; понеже давно не видѣлъ бѣхъ! Савва же таковое писаніе пріимъ, и прочетъ е, нивочтоже вмѣнивъ, ниже помысли ѣхати к отцу своему, но токмо упражняшеся в ненасытномъ блуженіи. Видѣвъ же Ѳома, ничто же успѣваетъ писаніе его, абіе повелѣваетъ готовити подобныя струги с товаромъ, пути касается к Соли Камской, до Камы: самъ, рече, сыскавъ, поиму сына своего в домъ мой. Бѣсъ же егда увидѣвъ, яко отецъ саввинъ путешествіе творитъ к Соли Камской, хотя пояти Савву в Казань, и абіе глаголетъ Саввѣ: брате Савво! доколѣ здѣ во единомъ маломъ градѣ жити будемъ? но идемъ убо во иные грады, и погуляемъ тамо; паки сѣмо возвратимся. Савва же ни мало отречеся, но глагола: добре, брате, глаголеши, идемъ, но пожди мало; азъ бо возму от богатства моего нѣколико пенязей. Но и ту бѣсъ возбраняетъ ему о семъ, глаголя: или не видѣлъ еси славы отца моего, и не вѣси ли яко вездѣ села его суть? да идѣже пріидемъ, тамо и денги у насъ будутъ, елико потребно. И тако поидоша от града Орла, никимъ же вѣдомы, ниже той самъ Боженъ Второй, ни жена его, увѣдавше о отшествіи Саввиномъ. Бѣсъ же и Савва об едину нощъ от Соли Камскій объявишася на рѣкѣ Волзѣ во градѣ, парицаемомъ Кузмодемьянску, разстояніе имѣюще от Соли Камскія бо-

пріиде видѣти новобранныхъ солдатъ на ученіи, и абіе видитъ юношу млада суща, в ученіи воинскомъ зѣло благочинно и урядно поступающа, и ни малаго порока во всемъ артикулѣ имѣюща, и многихъ старыхъ воиновъ и начальниковъ во ученіи превосходяща, и велми удивися остроумію его, и призвавъ его к себѣ, вопрошаетъ рода его. Онъ же сказуетъ ему всю истинну. Полковникъ же, велми возлюби Савву, и назва его сыномъ себѣ, даде же ему с главы своея шляпу, драгоцѣннымъ бисеромъ утворенну сущу. И вручаетъ ему три роты новобранныхъ солдатъ, да вмѣсто его устрояетъ и учитъ той Савва. Бѣсъ же тайно припаде к Саввѣ, и рече ему: брате Савво! егда ти недостатокъ будетъ денегъ, чимъ ратныхъ людей пожалывати, повѣждь ми, азъ ти принесу, елико ти потребно будетъ, дабы в командѣ твоей роптанія и жалобы на тебя не было. И тако у того Саввы вси солдаты во всякой тишинѣ и покои пребываху; в протчіихъ же бо ротахъ молва и мятежъ непрестанный, яко от глада и наготы, непожалованны, помираху; у Саввы же во всякой тишинѣ и благополучномъ устроеніи солдаты пребываху, и вси дивляхуся остроумію его. По нѣкоему же случаю явственно учинися о немъ и самому царю. В то же время на Москвѣ не малу область имѣя шуринъ царевъ, бояринъ Семенъ Лукъяновичъ Стрешневъ, увѣдавъ про онаго Савву, повелѣваетъ его пред себя привести; и егда же пріиде, рече ему: хощеши ли, юноше, да пріиму тя в домъ мой, и чести немалыя сподоблю тя? Онъ же поклонився, рече ему: есть, рече, господине, мой братъ у мене; вопрошу его: да аще ли повелитъ ми, то с радостію послужу ти! Бояринъ же ни мало возбранивъ ему о семъ, и отпустивъ его; да вопроситъ, рече, брата своего. Савва же пришедъ, повѣда сіе мнимому брату своему бѣсу. Онъ же с яростію рече ему: почто убо хощеши презрѣти царскую милость и служити рабу его? ты убо и самъ нынѣ в томъ же порядкѣ устроенъ; уже бо и самому царю знатенъ учинился еси, ни убо, не буди тако; да послужимъ царю; егда убо царь увѣсть вѣрную службу твою, тогда и чиномъ возвышенъ будеши. От днесь по повелѣнію же цареву вси новобранныя солдаты розданы по стрѣлецкимъ полкамъ в дополненіе. Той же Савва поставленъ бѣ на Устрѣтенскѣ в земляномъ городе, в зиминѣ приказѣ, в домѣ стрѣлецкаго сотника именемъ Іакова Шилова. Сотникъ же той и жена его, благочестиви и благонравни суще, видяще саввино остроуміе, зѣло почитаху его. Полки же на Москвѣ во всякой готовности к шествію бяху.

Во единъ же от дній пріиде бѣсъ к Саввѣ, и рече ему: брате Савво! поидемъ прежде полковъ в Смоленскъ, и видимъ что творятъ поляки, и како градъ укрѣпляютъ, и бранные сосуды устрояютъ. И об едину нощь в Смоленску с Москвы ставше, и пребывше в немъ три дня и три нощи, и никимже видимы. Они же все видѣвши и созирающе, како поляки градъ укрѣпляху, и на приступныхъ мѣстахъ всякія громады поставляху, в четвертый же день объяви бѣсъ себя и Савву в Смоленску полякомъ. Они же егда узрѣвше ихъ, велми возмятошася, начаша гнати но нихъ, хотяще уловити; бѣсъ же и Савва скоро избѣгше из града, и прибѣгоша к рекѣ Днепру абіе разступися имъ вода; они же преидоша рѣку оную, яко по суху; поляки же много стрѣляюще по нихъ, но никакоже вредиша ихъ. Удивляхуся глаголюще: яко бѣсове суть во образѣ человѣческомъ пріидоша и бывше во градѣ нашемъ! Савва же и бѣсъ паки пріидоша к Москвѣ, и ставше у того же сотника Іакова Шилова. Егда же по указу цареву полки с Москвы под Смоленскъ поидоша, тогда и той Савва с братомъ своимъ в полкахъ поидоша, надо всѣми же полками тогда бояринъ бысть Ѳеодоръ Іоановичъ Шеинъ. На пути же бѣсъ рече к Саввѣ: брате Савво! егда убо будемъ под Смоленскимъ, тогда от поляковъ из полковъ из града выѣдетъ единъ исполинъ на поединокъ, и станетъ звати себѣ противника; ты же не убойся ничего, изыди противу его, азъ убо, вѣдая, глаголю ти, яко ты поразиши его;

и прилѣжаніе о Саввѣ имущи, и глаголаше ему многожды, дабы повелѣлъ призвати іерея, и исповѣдати грѣхи своя, и пріобщился бы святыхъ тайнъ, да некако, рече: в таковой тяжкой скорби внезапу без покаянія умретъ. Савва же о семъ отрицаяся, яко аще, рече, и тяжко болю, но нѣсть сія болѣзнь моя к смерти; и день от дне болѣзнь его тяжчае бяше; жена же ѻна неотступно притужаше его, да покается убо; оттого, рече, не имаши умрети; и едва принужденъ бѣ Савва боголюбивою оною женою, повелѣваетъ призвати к себѣ іереа; жена же она вскорѣ посылаетъ ко храму святаго Николая, нарицаемаго в Грачахъ и повелѣваетъ призвати іереа тоя церкви. Іерей же ни мало замедли, притече к болящему; бѣ бо іерей той лѣты совершенъ сый, мужъ искусенъ, и богобоязливъ зѣло; пришедъ же к болящему, начатъ молитвы покаянныя глаголати, яко же бѣ обычно. Егда же всѣмъ людемъ из храма изшедшимъ, іерей же начатъ болнаго исповѣдывати, и се внезапу зритъ болный во храмъ той вшедшу толпу велію бѣсовъ. Мнимый же его братъ, паче же рещи бѣсъ, пріиде с ними же, уже не человѣческимъ образомъ, но в существенномъ своемъ звѣровидномъ образѣ, и ставъ созади бѣсовскія оныя толпы, велми на Савву яряся и зубы скрежеташе, показуя ему богоотметное оное писаніе, еже даде ему Савва у Соли Камскія; и глаголя бѣсъ к болящему: зриши ли, клятвопреступниче, что есть сіе? не ты ли писалъ еси? или мниши яко покаяніемъ симъ избудеши от насъ? Ни, убо; не мни того; азъ убо всею силою моею подвинуся на тя! Сия же и иная многая неподобная бѣсомъ глаголющимъ, болный же зря очевидно ихъ, и ово ужасаяся, ово же надѣяся на силу Божію, и до конца все подробну исповѣда іерею оному; іерей, аще и мужъ святъ бѣ, обаче убояся страха онаго, зане людей никого же в храмѣ кромѣ болнаго видѣ, толпу же велику слыша от бѣсовскія оныя силы, и с великою нуждею исповѣда болнаго, отъиде в домъ свой, никому же сія повѣдавъ. По исповѣди же оной нападе на Савву духъ нечистый, и начатъ немилостиво мучити его, ово о стѣну бія, ово о помостъ с одра его пометая, ово же храплѣніемъ и пѣною давляше, и всякими различными томленіи мучаше его; боголюбивый же той мужъ, вышеименованный сотникъ, с благонравною женою своею, видяще на юноши таковое от діавола внезапное нападеніе и несносное мученіе, велми сожалѣюще, и стеняху сердцы своими по немъ, но никакоже могуще ему помощи. Бѣсъ же день от дне на болнаго лютѣ нападая, мучаще его; и всѣмъ предстоящимъ ту от мученія его не малъ ужасъ творяше. Господинъ же дому яко видѣвъ на юноши такову необычную вещь, паче же и вѣдый, яко юноша той вѣдомъ бѣ и самому царю храбрости ради своея, и помышляше с женою своею како бы обвѣстити царю о семъ; бѣ же сродница нѣкая у нихъ в домѣ царстѣмъ; и сія помысливши, посылаетъ немедленно жену свою к сродницѣ своей, повелѣвая ей, да вся подробну извѣститъ ей, и дабы немедленно о семъ возвѣстити цареви; да не како, рече, юноша оный в таковомъ зломъ случаѣ внезапу умретъ, а они истязани от царя будутъ за неизвѣщеніе о немъ. Жена же его, ни мало помедливъ, скоро тече к сродницѣ своей, и вся повелѣнная ей от мужа своего по ряду сказа; сродница же оная, яко слыша таковыя глаголы, умилися душею, ово поболѣвъ о юноши, паче же скорбяще по сродницѣхъ своихъ, да не како и вправду от таковаго случая бѣду пріимутъ себѣ, и ни мало помедливъ, скоро тече от дому своего до палатъ царевыхъ, и возвѣщаетъ о семъ ближнимъ сигклитомъ царевымъ, и не в долзѣ часѣ внушается царю о семъ. Царь же, яко слыша о юноши таковая, милосердіе свое изливаетъ нань, глаголя предстоящимъ ту сигклитомъ, да егда бываетъ повседневное измѣненіе карауловъ, повелѣваетъ посылати в домъ сотника онаго, идѣже болный той юноша лежитъ, по два караулщика, да надзираютъ, рече, опасно юношу оного, да не како от онаго бѣсовскаго мученія обезумѣвъ, во огнь или въ воду вверженся; самъ же онъ, благочестивый царь, посылаше к болящему

дневную пищу, и елико здравѣе болный той явит-
овелѣваетъ возвѣстити себѣ. И сему тако бывшу,
лй же не мало время в таковомъ бѣсовскомъ то-
и пребысть.

ість же мѣсяца Іюля в третій день юноша оный
ычно от бѣса умученъ бысть, абіе заспавъ мало,
снѣ яко бы на явѣ начатъ глаголати, изливая
з из омженныхъ очей своихъ, сице рече: Пой
й о всемилостивая Госпоже царице Богородице,
луй, владычице, не солжу, всецарице, не солжу, но
лию елико обѣщахся ти! Домашніи же вси и спа-
ающіи его воини, таковыя от болнаго глаголы
лавше, и удивишася глаголюще: яко нѣкое видѣ-
ыдитъ!

да же болный от сна возбнувъ, приступивъ к
сотникъ, и рече: повѣждь ми, господине Савво,
таковыя глаголы во снѣ, и к кому реклъ еси?
же паки начатъ омывати лице свое слезами, гла-
: видѣхъ, рече, ко одру моему пришедшу жену свѣ-
пну зѣло, и неизреченною свѣтлостію сіяющу,
щи бо ризу багряну; с нею же и два мужа нѣ-
сѣдинами преукрашенны, единъ убо во одеждѣ
ерейстѣй, другій же апостольское нося одѣяніе, и
ню иныхъ быти, токмо помышляю жену оную
святую Богородицу, мужей же: единаго неусыпнаго
жа града нашего Москвы, преславнаго в іерар-
, архіереа Божія Петра митрополита, втораго же
ерсника Господня апостола Іоанна Богослова, ихъ
подобія образъ добрѣ знаю; и рече ми свѣтолѣп-
оная жена: что ти есть Савво, и что тако скор-
и? Азъ же рѣхъ к ней: скорблю, владычице, яко
гнѣваху Сына твоего и Бога, и тебе, заступницу ро-
христіанскаго, и за се лютѣ мучитъ мя бѣсъ! Она
осклабився, рече ми: что убо нынѣ мыслиши, яко
избыти отъ скорби сея; и како ти выручити ру-
исаніе свое изъ ада? Азъ же рѣхъ к ней: не могу,
ычице, аще не помощію Сына твоего, и твоею все-
ною милостію! Она же рече ми: азъ убо умолю о
в Сына своего и Бога, токмо единъ глаголъ мой
исполни, и аще избавлю ти от бѣды сея, хощеши
ли инокъ быти? Азъ же тыя молебныя глаголы со
слезами рѣхъ к ней воснѣ, яже и вы слышасте
от мене! Она же паки рече ми: слыши, Савво, егда
убо приспѣетъ праздникъ явленіе образа моего, яже
в Казани, ты же пріиди во храмъ мой, яже на пло-
щади у Ветошнаго ряду; аз же пред всѣмъ наро-
домъ чюдо явлю над тобою! И сія рече ми, невидима
бысть. Сія же слышавъ сотникъ и приставленные во-
ини от Саввы изглаголанная видѣнія, велми почуди-
шася. Сотникъ же и жена его начаша помышляти, да
како бы о семъ видѣніи возвѣстити цареви, и умы-
слиша послати по сродницу свою, дабы она возвѣсти-
ла царевы полаты сигклитомъ, и дабы внушено было
о семъ царю. Егда же пріиде в домъ сотника онаго
помянутая сродница ихъ, они же повѣдаша ей видѣ-
ніе юноши онаго Саввы, она же уразумѣвъ и немед-
ленно отходитъ до царевы полаты, абіе возвѣщаетъ о
семъ ближнимъ сигклитомъ царевы полаты, и немед-
ленно внушаютъ царю о видѣніи саввиномъ. Царь же,
егда услышавъ о семъ, велми почудися.

Егда же бысть праздникъ Казанскія Богородицы
іюля осмаго дня, тогда бо бысть крестное хожденіе до
церкви тоя Казанския Богородицы со святыми иконами
и честными кресты, из соборныя и апостольскія
церкви честнаго Успенія пресвятыя Богородицы, в
томъ же крестномъ хожденіи бысть великій Государь
царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ, и свя-
тѣйшій патріархъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ и
множество велможъ. И абіе повелѣваетъ царь принес-
ти болящаго Савву до церкви тоя, тогда же, по пове-
лѣнію цареву принесоша болящаго онаго до церкви ка-
занскія Богородицы, скоро на коврѣ, и положиша его
внѣ церкви в преддверіи. И егда же начаша литор-
гисати, тогда нападе на болнаго Савву духъ нечистый,
и нача злѣ мучити его діаволъ. Онъ же велінмъ гла-
сомъ вопія: Помози ми, Госпоже Дѣво, помози ми, все-
царице Богородице! И егда же начаша херувимскую
пѣснь воспѣвати, тогда возгремѣ яко громъ и бысть

гласъ глаголющъ: Савво! востани и гряди сѣмо во храмъ мой, Онъ же воспрянувъ с принесеннаго ковра, якобы никогда скорбѣлъ, и скоро притече во храмъ той, паде ницъ пред образомъ пресвятыя Богородицы казанскія, моляся со слезами, тогда же низпаде от верху округа церковнаго богоотменное оное писаніе, яже даде Савва у Соли Камския діаволу, все бо заглаждено, яко же бы никогда писано. Еще же повторяя гласъ бысть: Савво! се твое рукописаніе яже ты писалъ еси, и исполни заповѣди моя и к тому не согрѣшай! Онъ же воспрянувъ и пріемъ хартію оную и начатъ велегласно глаголати со слезами пред образомъ: О преблагословенная Мати господня, заступнице рода христіанскаго и молебница к Сыну своему и Богу нашему! Прости ми содѣянная, и избави мя от адскія пропасти; азъ бо исполню обѣщанное мною! Тогда же слышавъ царь и патріархъ, и вси предстоящіи велможи, и видѣвше таковое преславно чюдо, благодариша Бога и пречистую его Матерь, и велми подивишася таковому Божію милосердію, яко избави его от адскія пропасти; по совершеніи же божественныя литургіи, начаша хвалу Господеви воздавати, и молебствовати всѣмъ освященнымъ соборомъ, о явшемся чудеси пред всѣми, потомъ проводиша святыя иконы и честные кресты до соборныя церкви; поиде царь во своя царскія полаты, радуяся о неизреченнѣмъ чудеси, и благодаряще Бога; такожде и той Савва поиде в домъ свой помянутаго сотника Іакова Шилова здравъ, яко же бы никогда скорбѣлъ; и се видѣвъ сотникъ и жена его, велми подивишася, и благодариша Бога за таковое его милосердіе над родомъ христіанскимъ. Савва же, мало поживъ ту у сотника онаго, и елико имѣя сокровища, вся раздаде по церквамъ и нищимъ, абіе отходитъ в монастырь Чюда Архистратига Михаила, яже зовется Чюдовъ монастырь, близъ соборныя и апостольскія церкви честнаго и славна Успенія пресвятыя Богородицы, и постриженся тамо во иноческій чинъ, и нача жити в томъ монастырѣ, в трудѣхъ пребывая, в постѣ и молитвахъ неусыпныхъ, угождая Господеви; и тако поживе лѣта доволна, ко Господу отъиде с миромъ; и погребенъ бысть в томъ монастырѣ.

ВАРІАНТЪ ВТОРОЙ.

(По списку конца XVII или нач. XVIII в. сообщен. В. М. Бѣлозерскимъ.)

Повѣсть зѣло предивна бысть к древнія времена і лѣта, града Великаго Устюга купца Фомы Грѹцына, о сынѣ его Сакѣ, како онъ даде на себа діаколѹ Рѹкописаніе, і како избавленъ бысть милосердиемъ Пресвятыя Богородицы Казанскія.

Бысть убо во дни оны, в лѣто 7114 году, егда за умноженіе грѣховъ нашихъ попусти Богъ московскому государству, богомерзкому отступнику, еретику Гришкѣ ростригѣ Отрепьеву престолъ россійскаго государства разбойнически плѣнить, тогда по всему россійскому государству умножишася злочестивая Литва, многія пакости и раззоренія начаша чинити над народомъ россійскимъ; тогда в Москвѣ, того литовскаго раззоренія ради, многія люди домы своя оставляху, из градовъ вонъ бѣжаху. В то же время во градѣ Устю-

Великомъ бысть нѣкто житель града того, именемъ
а, прозваніемъ Груцынъ. Той убо Ѳома видѣ в
сіи велико нестроеніе и мятежъ, не терпя пакости
нечестивыхъ Ляховъ, оставляетъ Великій градъ
югъ и домъ свой, и преселяется с женою своею
низовый славный градъ царствующій Казань, по-
е не бысть в низовыхъ градехъ злочестія, даже
лѣтъ благочестиваго великаго государа царя и ве-
аго князя Михаила Ѳеодоровича, всея Россіи само-
кца. Иже имѣя Ѳома у себя единороднаго сына,
немъ Савву, двѣнадцати лѣтъ возрастомъ. Обычай
имѣяше той Ѳома куплю дѣяти, отъѣжжая внизъ
Волгѣ рѣкою, овогда к Соли Камской и во градъ
рахань, а иногда за Хвалынское море, въ Шахову
асть; и сыну своему повелѣваетъ со обычными то-
ами плыти к Соли Камской, хъ купеческому дѣлу
всякимъ опасеніемъ прилежати повелѣваше, и абіе
а обычное цѣлованіе подаде женѣ своей и сыну
ему, а самъ в путь касается за Хвалынское море,
Іахову область. Мало же дней помѣшкавъ, и сынъ
Савва на устроенные суда работныхъ людей на-
ь по повелѣнію отца своего, приплывъ к Соли
ской и приставъ ко брегу, и по повелѣнію жъ от-
своего приставъ у нѣкоего гостинника, нарочита
овѣка. Гостинникъ же той и жена его, помня лю-
ь отца его, немалое прилежаніе творя Саввѣ, яко
инѣ своемъ попеченіе имѣя; Савва же пребысть у
инника того немалое время.

томъ же градѣ нѣкто бысть мѣщанинъ града то-
прозваніемъ Боженъ Вторый, престарѣлый во мно-
ъ лѣтехъ; и знаемъ бяше во многихъ градехъ за
онравіе житія его, понеже и богатъ бѣ зѣло, и
емногу знаемъ и друженъ отцу Саввину, Ѳомѣ
цыну. Увѣдавъ же Боженъ, яко из Казани гра-
Ѳомы Груцына сынъ его Савва во градѣ ихъ об-
ется, и помысливъ в себѣ, яко отецъ его со
о многую любовъ имѣяше, азъ же сына его пре-
ъ, нынѣ убо возму его въ домъ свой, да обитаетъ
ня и питается со мною от трапезы моея. И сія
помысливъ, нѣкогда усмотрѣвъ Савву путемъ идуща, и призва его к себѣ, начатъ глаголати: «Друже Савво, или ты не вѣси, яко отецъ твой со мною любовъ имѣетъ? ты же почто не присталъ еси в дому моемъ? Нынѣ убо прошу тебя, пріиди и обитай в дому моемъ, да питаемся обще от трапезы моея: азъ за любовь отца твоего любезности (любезно тя?) пріемлю, аки сына своего. Савва же, слышавъ таковыя отъ Божена глаголы, велми радъ бысть, яко от таковаго славнаго мужа пріятъ хощетъ быти, и ниское поклоненіе сотвори ему, и немедленно от гостинника того отходитъ в домъ мужа того Божена; и живяше во всякомъ благодѣяніи, радуяся. Той же мужъ Боженъ Вторый старъ бѣ, имѣя у себе жену новоприведенную, поятъ сущу дѣвицу, сочетавшеся ему третіимъ бракомъ, и живе с нею по заповѣди Господни.

Ненавидяй же діяволъ добродѣтели человѣческой, видя мужа того добродѣтельное житіе, и хотя возмутити домъ его и осквернити ложе его, абіе уязвляетъ жену его на юношу онаго Савву скверному блуду, и непрестанно уловляше юношу онаго лстивыми словесы к блудному дѣлу (лесть бо женская уловляетъ естество младыхъ юношей к любодѣянію). И тако Савва лестію жены тоя, паче же от зависти діавола, запятъ бысть, паде в сѣтъ любодѣянія, и с женою оною несытно творяще блудъ, безвременно в ономъ скверномъ дѣлѣ пребываше съ нею, ниже воскресныя, ниже праздники помняше, но забываше страхъ Божій и часъ смертный, всегда в калѣ яко свинія валяяся; и в томъ несытномъ блуженіи время много пребываше. Нѣкогда же приспѣвшу празднику Воскресенію Христова, и в навечери праздника Боженъ поимъ с собою онаго Савву, и поидоша до святыя церкви к вечернему пѣнію; и по отпущеніи вечерни возляже на ложи своемъ, благодари Бога.

Егда же боголюбивый оный мужъ Боженъ заснувъ крѣпко, жена же его, діяволомъ подстрекаема, воста яко отъ ложа своего, и пришедъ к постели юноши того, и возбуди его, и понуждаше скверному блудному

смѣшенію. Онъ же младъ сый, но яко нѣкоею стрѣлою страха Божія уязвленъ бывъ, убояся суда Божія, помышляше в себѣ: како в таковый Господень праздникъ Воскресеніе Христово таковое скверное дѣло сотворити? И сія помысливъ, с клятвою отрицатися нача от ней, глаголя: яко не хощу всеконечно погубити душу свою, в таковый великій праздникъ осквернити тѣло свое. Жена же, распаляема похотію блуда, неослабно нудяще его и прельщеніемъ нѣкимъ утѣшая его, дабы исполнилъ ся желаніе; и много труждашеся, увѣщевая его, никако возможе приклонити к воли своей: божественная сила помогаше. Видѣвъ та лукавая жена, яко невозможно привлещи к воли своей юношу онаго, абіе зѣло и зло яростію распалися на юношу, яко лвица возрыкавъ отиде отъ него, и помышляше волшебными зельями опоити его; и не отложи злаго намѣренія своего, хотя совершити. Вскорѣ звонити начаша к утреннему пѣнію; благолюбезный же той мужъ Боженъ Вторый, скоро воставъ от ложи своего, возбудивъ же юношу онаго Савву; и поидоша на славословіе Божіе к заутрени; и отслушавъ со вниманіемъ и страхомъ Божіимъ, пріидоша в домъ свой. Егда же приспѣ время божественныя литургіи, придоша паки с радостію до святыя церкви, слушати святую литоргію; проклятая жъ оная жена тщателна устроила на юношу онаго волшебное зеліе, яко змія хощетъ ядъ свой изблевати на него; по отпущеніи же божественныя литоргіи, Боженъ Вторый и Савва изыдоша из церкви, и хотѣша идти в домъ свой. Воевода жъ града того приглася онаго Божена, да обѣдуетъ с нимъ; вопроси же и о юношѣ ономъ: чей есть сынъ и откуду? Боженъ же повѣдавъ ему, яко из Казани сынъ Ѳомы Груцына. Воевода же приглашаетъ и юношу онаго в домъ свой, понеже знаяше отца его. Боженъ же Вторый с Саввою бывши в дому воевоцкомъ, и обще от трапезы вкусиша, с радостію возвратишася в домъ свой. И повелѣ Боженъ принести в дому своемъ, чести ради господьственнаго праздника, ничто бо вѣдуще злаго умышленія жены своея; а оная лукавая жена скоро скрываетъ в сердцы своемъ, и подпадая лестію к юноши онему, принесеннаго жъ вина наливаетъ чашу мужу своему и подноситъ; Боженъ же испивъ, и благодари Бога; и потомъ наливаетъ отравнаго зелія уготованнаго, подноситъ юношѣ Саввѣ. Савва же ни мало помысливъ, ниже убояся лукавства жены оныя, чаяше, яко никакаго зла на него не мыслитъ; выпивъ оное лютое зеліе, и от того часа нача яко огнь горѣти в сердцѣ его Онъ же помышляше в себѣ, глаголя: яко многоразличныхъ питей въ дому отца моего пихъ, и никогда же такого питія не пивахъ, якоже нынѣ. И начатъ сердцемъ болѣти и скорбѣти по женѣ оной; жена же оная, яко лютая лвица, с яростію возглядаше на него, овогдаже пришествіе являше к нему. Савва же сокрушаяся по ней и тужаше. Оная жена нача мужу своему на юношу клеветати нелѣпыми словами, и повелѣша его из дому своего изгнати, ненавидяй бо его, понеже діяволомъ научаема. Боголюбивый же той мужъ, аще и сожалѣлъ по немъ сердцемъ своимъ, обаче уловленъ бысть лестію жены своей, повелѣваетъ юношѣ изыти из дому своего, сказа ему тако вину нѣкую; юноша же с великою жалостію отходитъ от его, тужа и сѣтуя о лукавой оной женѣ, и паки пріиде в домъ гостинника того, идѣже первее обрѣташеся.

Савва же, отшедъ от Божена Втораго, и пріиде к гостиннику; гостинникъ же вопроси его: коея ради вины изыде из дома боженова? Савва же сказалъ, яко самъ не восхотѣлъ жити у него. И нача Савва скорбѣти и неутѣшно тужити по женѣ оной, и от великія печали нача красота лица его измѣнятися, и плоть его истощеватися; видѣвъ же гостинникъ юношу сѣтующа и скорбяща, зѣло недоумѣвающеся, что убо есть юношѣ.

В томъ же градѣ бысть волхвъ нѣкій, черованіемъ своимъ сказуя, кому каковая скорбь приключися, живетъ или умретъ познаваетъ. Гостинникъ же и жена его, благоразумны суще, немалое попеченіе о юношѣ

мѣяху, и призвавше онаго волхва тайно, хотяще увѣдати, какова приключися юношѣ Савва скорбь. Волхвъ же оный, присмотрѣвъ в волшебныя свои книги, и сказа имъ всю истинну, яко нѣкоторая скорбь есть, и тукитъ по женѣ боженовой; яко в блудное дѣло падеся с нею, и понынѣ же отлученъ бысть от ней, и по ней онъ тужитъ и сокрушается. Гостинникъ же и жена его, слышавши от волхва таковые словеса, не имуща вѣры, понеше Боженъ мужъ благочестивъ бяше и боящися Бога, и ни во что вмѣниша дѣло сіе.

Савва же непрестанно тужа и скорбя о проклятой той женѣ, день от дне истощи всю плоть свою от тоя скорби. Нѣкогда же той Савва изыде единъ за градъ в поле, от великаго унынія и скорби прогулятися, идяше единъ по полю, и никого же за собою и пред собою видяще, и ничтоже ино помышляюще, токмо сѣтуя о скорби и разлученіи своемъ от жены оныя; и помысливъ такую мысль во умѣ своемъ о женѣ оной, и глаголя: Егда бы кто от человѣкъ или самъ діаволъ сотворилъ мнѣ сіе, и азъ бы ему послужилъ, хотя самому діаволу! И таковую мысль помысливъ, яко бы из ума выступилъ, и идяше единъ; и мало попедъ, слышавъ за собою гласъ зовущь, яко имя; Савва же обратився, узрѣвъ за собою юношу, борзо текуще въ нарочитомъ одѣяніи, машуще рукою ему. И пришедъ юноша той к Саввѣ, нача рещи, иже есть юноша той супостатъ діаволъ непрестанно рыщетъ яко левъ, и ища погибели человѣческія; пришедшу же ему к Саввѣ, и по обычаю поклонишася между собою; и рече мнимый юноша к Саввѣ: брате Савво, что́ яко чюждъ и бѣгаеши отъ мене? Азъ бо давно ожидахъ тя, како бо пришелъ еси ко мнѣ, да родственную любовь имемъ со мною; азъ бо вѣмъ тя сродника себѣ давно, яко ты от рода Грудцыныхъ; і азъ из града Казани; а о мнѣ хощеши увѣдати, і я от того же рода, от града Великаго Устюга; здѣ давно обитаю, ради конскія покупли. Но убо буди братъ и другъ мой, и не отлучайся от мене: азъ убо всякое попеченіе и вспоможеніе во всемъ тебѣ радъ чинить. Савва же, слышавъ от онаго брата бѣса таковыя глаголы, велми возрадовася, яко в таковой далной и незнаемой сторонѣ сродника себѣ обрѣте; любезно цѣловатися начаша, і поидоша оба вкупѣ по пустыни оной. Рече бѣсъ Саввѣ: брате Савво, какую скорбь имѣеши, что велми исчезе яко юношеская красота твоя?« Савва же сказа ему неправду нѣкую; бѣсъ же рече ему: Что́ убо скрываеши от мене? азъ бо вѣмъ скорбь твою. Что́ ми даси, азъ помогу ти скорби твоей? Савва же рече ему: »аще бо вѣдаеши истинную скорбь, которую азъ имѣю въ себѣ, то иму вѣру, яко поможешь. Бѣсъ же рече ему: Ты убо скорбиши и сокрушаешися сердцемъ своимъ по женѣ боженовой, отлученъ еси от жены его любви ея. Слышавъ же Савва, рече: азъ убо елико имамъ товаровъ и богатства отца моего, и с прибытками, все отдаю тебѣ, токмо сотвори любовъ по прежнему з женою оною. Бѣсъ же тутъ разсмѣявся, рече ему: Что́ убо искушаеши мя? азъ убо вѣмъ, яко отецъ твой многа богатства имѣетъ, ты же не вѣси ли, яко отецъ мой седмерицею богатѣе отца твоего? И что́ ми въ твоихъ товарахъ? Но даждь ми рукописаніе малое, и азъ исполню желаніе твое. Юноша же Савво радъ бысть, помышляя в себѣ, яко богатство отца моего цѣло будетъ; азъ же дамъ ему писаніе, что́ ми велитъ писать; а того не вѣдаетъ, в какую пагубу хощетъ впасти; да аще онъ Савво совершенно писать не умѣетъ, но радостію обѣщася дати писаніе бѣсу.

Бѣсъ же скоро вынимаетъ чернила и хартію, даетъ юношѣ, и перо, повелѣвая ему немедлено писати; той же юноша Савво несовершенно писать умѣетъ, и елико можно, бѣсъ ему сказоваше, то Савво и пишетъ. Нѣсть благаго, иже таковое писаніе пишетъ:

(*) Отрекаюся отъ Христа истиннаго Бога и предаюся во услуженіе діяволу.

Написавъ же таковое богоотметное писаніе, отдаетъ Савва діяволу брату своему; и тако поидоша оба во

(*) Въ подлинникѣ противъ этого мѣста на поляхъ приписано красными чернилами: »Зри, како даетъ на себя писаніе.«

градъ. Вопросивъ же Савва бѣса, глаголя: Повѣждь ми, брате мой, гдѣ ты обрѣтаешися, да увѣмъ домъ твой. Бѣсъ же посмѣявся, рече ему: ибо (азъ бо?) особаго дому не имѣю, но гдѣ прилучится, тамо и ночюю; ищи мя всегда на конной площади: азъ убо рѣхъ ти, здѣсь живу ради конскихъ покупокъ. Но и самъ азъ не полѣнюся, посѣщати тя всегда буду; и ты, брате Савво, иди к лавкѣ боженовой. Егда же увидѣ Боженъ Савву, усердно приглашаетъ к себѣ, глаголя: господине Савво, кую злобу сотворихъ я тебѣ, и почто изшелъ еси из дому моего? Нынѣ убо молю тя, приди паки в домъ мой обитати со мною: азъ убо за любовъ отца твоего, яко родному сыну своему радъ тебѣ всеусердно.

Савва же егда слышавъ от Божена Втораго такія рѣчи, неизреченною радостію возрадовася, и скоро потече; егда же приіде в домъ боженовъ, жена же боженова егда увидѣвъ юношу и діяволомъ подстрекаема, с радостію встрѣчаетъ его, всякимъ ласканіемъ привѣтствоваше его, и ласкаше ему. Савва же уловленъ бысть женскою лестію, паче діяволомъ научаемъ бѣ, впадаетъ паки всемъ (в сѣть?) блуда с проклятою оною женою; и не имѣяше бо ни праздника, ниже страха Божія бояшеся, но беспрестанно с нею в блудѣ пребываше, аки свинія в калѣ тинномъ валяшеся. По многомъ же времяни абіе входитъ в слухъ в славный градъ Казань, к матери саввиной, яко сынъ ея живетъ непорядочнымъ житіемъ жизнь свою, и елико с нимъ было, вся отеческія товары изнурилъ в блудѣ и піянствѣ.

Мати же саввина, слышавъ таковое о сынѣ своемъ, зѣло огорчися, и пишетъ к нему писаніе, дабы онъ оттуду возвратился ко граду Казани, в домъ отца своего. Егда же пріиде къ Саввѣ писаніе, прочте его, и посмѣяся, и ни во чтоже вмѣни писаніе ея; мати же ея (его?) вторично посылаетъ, и третицею, овогда с моленіемъ, овогда же и с клятвами, заклинаетъ его, дабы немедлено ѣхалъ оттуду во градъ Казань. Савва же нимало внятъ матернее моленіе, и клятву ни во чтоже вмѣни, но в блудѣ упраздняшеся непрестанно, забывъ страхъ Божій.

По нѣкоемъ же времяни поемлетъ бѣсъ Савву, брата своего, и поидоша оба за градъ в поле; и шедше из града, глаголя бѣсъ: Брате Савво, вѣси ли кто есть азъ? Ты бо мниши мя совершенно быти от рода Грацыныхъ? Нынѣ убо за любовъ отца твоего повѣмъ ти истинную всю; ты же не убойся, ниже устыдися зватися братомъ со мною; азъ убо повѣмъ: совершенно возлюбихъ тя и в братство себѣ пріяхъ. Но аще хощеши вѣдати о мнѣ, азъ убо сынъ царевъ: пріидемъ, да покажу ти славу отца моего. И сія глаголя, приведе его в пустое мѣсто на нѣкій холмъ, и показа ему в нѣкоемъ раздоліи градъ велми славенъ: стѣны, кровли, и мосты, все от злата чистаго сотворены. И рече Саввѣ: Сей есть градъ отца моего; поидемъ убо вкупѣ, и поклонимся отцу моему; а еже далъ ми еси писаніе, нынѣ возми его, самъ вручи отцу моему, и великою честію почтенъ будеши от него. И сія изглаголавъ, бѣсъ отдаетъ Саввѣ богоотметное писаніе. Оный же отрокъ безумный вѣдаетъ, яко никакаго государьства в близости, еже прилежати к московскому царству, не имѣется, но все обладаемо московскимъ царемъ: аще бы тотъ тогда отрокъ вообразилъ себя животворящимъ крестомъ Господнимъ вся бъ сія мечтанія діяволскимъ, (діявольская) яко прахъ пред лицемъ вѣтра, изчезнула! Егда же поидоша привидѣнному граду, и пришедъ ко вратомъ, и встрѣчаютъ ихъ юноши темнообразни, ризами и поясами украшены, и со тщаніемъ поклонишася и честь воздаша сыну цареву, бѣсу; такожде и Саввѣ поклоняющеся. Вшедшимъ же имъ на дворъ царевъ, паки встрѣчаютъ иныя юноши, ризами блистающися, паче бо первыхъ, такожде поклоняющися имъ. Егда же внидоша в полаты царскія, абіе другія юноши встрѣчаютъ и воздаютъ ему честь, яко сыну цареву такожде и Саввѣ. И вшедшу бѣсу в полату, и глаголя бѣсъ Саввѣ: брате Савво, пожди ми мало; азъ убо шедъ, возвѣщу о тебѣ отцу моему, и приведу тя к нему; егда же будеши пред лицемъ его, ничтоже размышляя или бояся, подаждь ему писаніе свое. И сія реклъ, тотъ

часъ пошедъ во внутреннія полаты, оставя Савву единаго; и медливъ тамо мало, пришедъ к Саввѣ, и поемъ его за руку, и вводитъ пред лице князя тмы. Онъ же сидя на престолѣ, каменіемъ драгимъ и златомъ преукрашенъ, и славою великою блистаяся; окрестъ же престола его зритъ Савво множество юношей крылатыхъ стоящихъ; лица же ихъ у овыхъ сипи, а у овыхъ же багряны, а иныя яко смола черныя. Егда же пришедъ Савва пред царя онаго, и падъ на землю, поклонися ему; вопроси же его царь, и глаголя: откуду пришелъ еси сѣмо, и что́ ти есть дѣло твое? Безумный же юноша Савва подноситъ ему богоотметное свое писаніе, и глаголя: пріидохъ, великій царю, послужити тебѣ! Древній же змій сатана пріятъ писаніе и прочте его, и обратися к темнообразнымъ своимъ слугамъ, и рече имъ: аще ли пріиму отрока сего писаніе, но не крѣпокъ будетъ мнѣ? И призва сына своего, а Саввина брата, и глаголя ему: Иди в протчія полаты, и обѣдуй с братомъ своимъ. Они же низко поклонишася царю, изыде (изыдоша) в переднюю полату, и нача (ша) обѣдати; и разныхъ имъ питей и ядей приношаху, яко дивитися можно. И рече Савва брату своему; яко николиже в дому отца моего таковыхъ брашенъ не вкушалъ и питей не пивалъ! И по отъяденіи же поятъ бѣсъ Савву, и поидоша з двора царева. И глаголя Савва брату своему бѣсу: Что́ убо, брате, яко видѣхъ у отца твоего, окрестъ престола его, много юношей крылатыхъ стоящихъ? Бѣсъ же разсмѣявся, рече: ему: или не вѣси, яко многія языцы служатъ отцу моему: индейцы, персидяне, арапы и иныя многія языцы? Ты же не удивляйся сему, и не сумнѣвайся братомъ звати мя; азъ буду тебѣ меншій братъ; токмо елико реку ти, во всемъ буди послушенъ мнѣ; азъ же всякое благодѣяніе радъ чинить тебѣ, благопоспѣшенство и добродѣтель. Савва же обѣщася во всемъ послушну ему быти; и тако пріидоша в домъ Боженовъ, и пребываше в скверномъ своемъ прежнемъ дѣлѣ.

В то же время пріиде во градъ Казань из Персиды со многими прибытками отецъ саввинъ, Ѳома Груцынъ, якоже лѣто едино бывъ; и обычное цѣлованіе подавъ женѣ своей, и вопрошаетъ ея об сынѣ своемъ, живъ ли есть онъ, или нѣтъ? Она же повѣда ему, глаголя, яко от многихъ людей слышахъ об немъ: по отшествіи твоемъ, вскорѣ онъ отъиде к Соли Камской; тамо и донынѣ живетъ; а богатство наше, сказываютъ, что все изнурилъ в піянствѣ и в блудѣ; азъ же много к нему писахъ, дабы оттуду возвратился в домъ свой, онъ же ни единыя грамотки ко мнѣ не писалъ, и недостоитъ ему тамо быти; и нынѣ живъ ли, или нѣтъ, о томъ не вѣдаю. Ѳома же таковыя глаголы слышахъ (въ) от жены своей, зѣло смутися, и написавъ епистолію к Саввѣ со многимъ моленіемъ, дабы оттуду ѣхалъ во градъ Казань, в домъ свой, без всякаго замедленія. Савва же таковое писаніе получивъ, и прочетъ, ни во что́ вмѣни, токмо упраз(д)няяся в несытномъ своемъ скверномъ блудодѣяніи.

Увѣдавъ же о семъ Ѳома Груцынъ, яко ни во что́ вмѣняетъ писаніе его, повелѣваетъ готовить подобныя суда с товаромъ, и к пути касается; и рече женѣ своей: покаместъ сыщу сына своего, тогда и в домъ свой возвращуся!

Бѣсъ же егда увѣдавъ, что отецъ саввинъ путешествуетъ к Соли Камской, хотя пояти Савву в Казань, и абіе глаголетъ бѣсъ Саввѣ: брате, доколѣ здѣ намъ во единомъ маломъ градѣ жити? Поидемъ убо во иной городъ и погуляемъ, и паки сѣмо возвратимся? Савва же ни мало отрицаяся, глаголя ему: Добре брате, глаголеши: пойдемъ! Но пожди мало, да возму нѣчто от богатствъ моихъ. Бѣсъ же возбраняетъ ему о семъ глаголати: не видалъ ли славу отца моего, не вѣси ли, яко вездѣ села его есть? Но поидемъ, много у насъ денегъ будетъ, елико потребно. И тако поидоша из града, никому же видимы, ниже самъ Боженъ, ни жена его, не видѣли отшествія саввина. Бѣсъ же и Савва во едину нощь от Соли Камской объявишася на рѣкѣ Волгѣ, в Козмодемьянскомъ, а

по исчисленію верстъ от Соли Камской 2,000. И глаголетъ бѣсъ: Савво, аще кто тя узритъ здѣ и вопроситъ, откуду пришелъ еси, ты же глаголи от Соли Камской в 4 дни пріѣхалъ сюды. Савва же, елико повѣда ему бѣсъ, тако онъ и сказываетъ людемъ.

Пребысть же тамо нѣсколко дней, бѣсъ поемлетъ Савву и во едину нощь из Козмодемьянскаго преидоша на рѣку Оку, в село, называемое Павловъ-перевозъ. И бывшимъ имъ тамо в день четвертка, в той бо день в томъ мѣстѣ торгъ бываетъ, и ходящимъ имъ по торгу, узрѣ Савва нѣкотораго престарѣлаго мужа стояща, рубищами худыми одѣяна суща, и зряще на Савву прилежно, велми горко плачюща. Савва же отлучися от бѣса, и пришедъ к старому мужу, и рече ему: кая тебѣ, отче, печаль есть, яко неутѣшно плачеши? Святый же мужъ глаголя ему: плачю, чадо, о погибели души твоей: не вѣси ли ты, яко погубилъ еси душу твою, дался еси ты в волю діяволю? Вѣдаеши ли ты чадо, с кѣмъ ходишь, и его братомъ своимъ нарицаешь себе? Сей бо не человѣкъ, но діяволъ ходитъ с тобою, и ведетъ тя до пропасти адскія. Егда же изрече святый мужъ к юношѣ глаголы сія, обозрѣвшеся Савва, увидѣ брата своего бѣса; бѣсъ же издалеча стоя, и грозитъ рукою ему, и зубы скрежуще на него. Савва же скоро от святаго мужа отъиде, и пріиде паки к бѣсу; діяволъ же нача его велми поносити, и глаголя ему: чесо ради с таковымъ злымъ душегубцомъ сообщился еси? Не вѣси ли ты лукаваго таковаго старика, яко многихъ погубляетъ? Видѣвъ на тебѣ одѣяніе нарочито, и глаголетъ лстивыя словеса, хотя тебя отлучити от людей, и удивити тя, и обрать с тебя одѣяніе твое. И нынѣ убо аще оставлю тя единаго, то вскорѣ погибнешь без меня. И сія діяволъ рече со гнѣвомъ, и поемлетъ Савву с собою, и приходитъ с нимъ во градъ Шую, и тамо пребысть многія дни.

По малѣ же времени Ѳома Груцынъ прибылъ к Соли Камской, и вопрошаетъ о сынѣ своемъ; но никтоже не можаше о немъ повѣдати: вси бо видяху, яко пред пріѣздомъ его былъ во градѣ у Соли Камской, и всѣмъ былъ видимъ. Они (ови?) же глаголаху, яко убояся пришествія его, зная за собою, что изнурилъ богатство твое, и сего ради скрывался от тебя. Паче же всѣхъ Боженъ и жена его дивляхуся, и глаголаху, яко в нощи сей спящи с нами, поутру же пошелъ не вѣмъ куды, и ожидающи его обѣдати; онъ же от того часа нигдѣ не явися во градѣ нашемъ, ни азъ, ни жена моя о семъ не вѣдомы. Ѳома же многими слезами обливашеся, и живяше, ожидая сына своего; и немало пожда, возвратися в домъ свой, и возвѣщаетъ нерадостный случай женѣ своей; и оба вкупѣ сѣтоваху и скорбяху о лишеніи сына своего единороднаго, и в таковомъ сѣтованіи Ѳома Груцынъ нѣсколко время поживе, отъиде ко Господу; жена же его остася вдовою сущею ей.

Бѣсъ же и Савва живутъ во градѣ Шуѣ. Во время же то благочестивый государь царь и великій князь Маханла Ѳеодоровичь, всея Россіи самодержецъ, изволилъ послать войско свое противъ короля полскаго, под градъ Смоленскъ; и по его государеву указу набираху новобранныхъ салдатъ; и в то же время и в городъ Шую ради салдатцкаго набора присланъ былъ из Москвы столникъ Тимоѳей Воронцовъ, и выбранныхъ салдатъ по вся дни воинской ексерцыцыи учаше. Бѣсъ же рече Саввѣ: брате Савво, запишемся и мы в салдатцкую службу! Савва же рече ему: добре, брате, глаголеши: послужимъ! И тако записавшеся оба в салдаты, и начаша купно ходити на ученіе; бѣсъ же к воинскому ученію такову мудрость Саввѣ дарова, яко и старыхъ воинъ и начальниковъ провосходяше; а самъ бѣсъ яко слуга за Саввою хождаше, нося за нимъ оружіе. Егда же новобранныхъ салдатъ приведоша к Москвѣ, и отдаша в наученіе нѣкоему иноземцу полковнику, полковникъ же, егда пріиде видѣти новобранныхъ салдатъ во ученіе воинской эксерциціи, и видя Савву зѣло искусна и порядочна поступаетъ, и ни мала порока во всемъ артикулѣ не имѣюще, и много старыхъ воиновъ и начал-

никовъ во ученіи превосходитъ, и велми полковникъ удивися остроумію его; и призвавъ его к себѣ, и вопрошаетъ о родѣ его. Савва же сказуетъ ему всю истинную. Полковникъ же той велми возлюби Савву, и назвавъ его сыномъ себѣ, и даде ему с главы своей шляпу с драгоцѣннымъ каменіемъ украшенну сущу, и вручаетъ ему новобранныхъ салдатъ третью роту, да вмѣсто себя учить салдатъ повелѣ. Бѣсъ же рече: брате Савво, егда тебѣ недостанетъ денегъ, чѣмъ ратныхъ людей жаловать, повѣждь ми: азъ тебѣ принесу елико угодно будетъ, дабы в командѣ твоей роптанія и жалобы на тебя не было. И тако у Саввы всѣ салдаты были в тишинѣ и покоѣ пребывали, в протчихъ же ротахъ молва и мятежъ непрестанно, яко от глада и наготы померзающе; и вси дивляхуся остроумію саввину.

В то же время в Москвѣ немалую власть имѣя шуринъ царевъ, бояринъ Семенъ Лукіяновичь Стрешневъ. Увѣдавъ про оного Савву, повелѣваетъ его привести пред себя; егда же пріиде Савва пред боярина Семена Стрешнева, и рече ему бояринъ: хощеши ли, юноша, да пріиму тя в домъ свой, и чести немалой сподоблю тя? Савва же поклонися ему, и рече: есть у меня, господине, братъ; азъ спрошу его: аще повелитъ мнѣ, то с радостію готовъ служить вамъ. Бояринъ же нимало возбрани оному о семъ, и отпустивъ его, да спроситъ у брата своего; бѣсъ же, пришедъ, с яростію рече ему: почто убо хощеши презрѣть царскую милость, и служити хощеши холопу его? Ты убо и самъ нынѣ царю знаемъ учинился! Но убо; не буди тако, но послужи самому царю: егда убо царь увѣдаетъ вѣрную твою службу, тогда и чиномъ пожалованъ от его будеши!

По повелѣнію цареву, вси новобранныя салдаты розданы по стрѣлцамъ в полки в добавокъ; той же Савва поставленъ бысть в земляномъ городѣ, на Устретенкѣ, Зимина приказу у сотника стрѣлецкаго Якова Шилова. Сотникъ же той и жена его, благочестивы суще, видѣвша Савву остроумнаго зѣло, почитаху его. Полки же в Москвѣ были во всякой готовности к походу. Во единъ же день пріиде бѣсъ к Саввѣ, и рече ему: брате Савво, поидемъ прежде полковъ в Смоленскъ, и посмотримъ тамо, что́ творятъ поляки и како градъ укрѣпляютъ. Савва же рече: поидемъ, брате! И поидоша, и во едину нощь сташа из Москвы в Смоленскомъ; и пребывшу три дни и три нощи, никѣмъ же видими бысть, они же все видяще, како поляки градъ укрѣпляютъ и на приступныхъ боѣхъ всякія громады поставляютъ; в четвертый же день бѣсъ объяви себя и Савву в Смоленскомъ полякомъ; поляки же, егда узрѣша ихъ, велми возмутишася и начаша гнатися за ними, хотяще изловити ихъ; бѣсъ же и Савва скоро бѣжаша из града, и прибѣгше к рѣкѣ Днѣпру, и абіе раступися имъ вода: они же преидоша рѣку аки по суху, ничѣмъ же вредими. Поляки же много стрѣляюще по нихъ, и не могоша повредити ихъ, и дивляхуся, сами между собою глаголюще, яко сіи людіе бѣ убо во образѣ человѣческомъ бѣсове, и пріидоша, и бывше во градѣ нашемъ. Савва же и бѣсъ паки возвратишася, и сташа у того жъ сотника Якова Шилова.

Егда же по указу государеву поидоша полки из Москвы под Смоленскъ, тогда и Савва поиде с братомъ своимъ бѣсомъ в войскѣ; и над всѣми полками тогда былъ бояринъ Ѳедоръ Ивановичь Шеинъ. И рече бѣсъ Саввѣ: брате Савво, егда убо будешь под Смоленскомъ, тогда от поляковъ выѣдетъ поединщикъ, и станетъ звати противника себѣ; ты же не убойся ничего, изыди противу его: азъ вѣдаю, ты поразишь его. На другой день паки от поляковъ выѣдетъ на поединокъ; ты же изыди и противу того, и того поразишь. В третій бо день еще выѣдетъ из Смоленска третій, и станетъ звать на поединокъ; ты же ничего не убойся, и противу того поединщика изыди: и того поразишь, но и самъ уязвленъ будеши от него; азъ же язву твою скоро излечю. И тако увѣщавъ, поидоша под градъ Смоленскъ. И сташа войско все в удобномъ мѣстѣ; по глаголу же бѣсовскому, высланъ из града воинъ на конѣ, страшенъ

зѣло, прошаше из московскихъ полковъ противника себѣ; но никтоже не смѣяше выѣхать противу его. Савва же объявляя себя в полкахъ, глаголюща (ще): Аще бы мнѣ былъ вои(н)ской доброй конь и оружіе, азъ бы шелъ на брань противу сего непріятеля царьскаго. Другія же слышавше сіе, скоро возвѣстиша о немъ боярину Ѳедору Шеину; бояринъ же повелѣ привести пред себя, и повелѣ коня добраго привести жъ, такожъ и оружіе; однакожъ унимаетъ того юношу от таковаго страшнаго воина, чтобъ не вступалъ в таковое великое дѣло. Савва же, по глаголу брата своего бѣса, ничтоже размышляя или боясь, выѣзжаетъ противу того страшнаго воина, и порази его с коня, и приведе его в полки своя. Савва же от всѣхъ похваленъ бысть; бѣсъ же за нимъ нося оружіе его. Во второй же день другій выѣжжаетъ славный воинъ, и проситъ из войска московскаго противника себѣ. Савва же паки выѣзжаетъ противу того, такожъ и того поразилъ; людіе же зряще на него, вси удивляхуся храбрости его. В третій же день выѣзжаетъ из Смоленска славный воинъ паче первыхъ, и прося из войска московскаго поединщика себѣ; Савва же убояся ѣхати противу того страшнаго воина, обаче по словеси брата своего бѣса немедленно выѣзжаетъ противу того воина. И абіе той воинъ с яростію напустивъ с копіемъ на Савву, и уязви его в лѣвое стегно; Савва же исправяся, нагоняетъ воина того и убиваетъ его. Егда же убивъ его, и с коня сверже, и привезе его в таборъ свой, в російское войско; и всѣмъ во удивленіе привезе. Потомъ начаша из града Смоленска вылоски выходить, и с войскомъ московскимъ сразишася, свалнымъ боемъ битися начаша; Савва же с братомъ своимъ бѣсомъ с одного крыла воеваху, и толь бесчисленно Поляковъ побивающе, сами же ничѣмъ невредимы.

Слышавъ же бояринъ о храбрости юноши того, и не возможе злобы своей скрыти в сердцѣ своемъ, повелѣ Савву к шатру своему призвати, и глагола ему: повѣждь ми, юноша, коего ты роду и чей сынъ? Савва же повѣда ему, яко из Казани купца Ѳомы Груцына сынъ; бояринъ же нача глаголати ему, и всякими нелѣпыми словами поносити его: кая тя нужда в таковой смертной случай привлече сюда? азъ убо знаю отца (и) сродниковъ твоихъ, яко бесчисленное богатство имѣютъ у себе: ты же от кого гонимъ, или скудости ради оставя родителей своихъ, сѣмо пришелъ еси? Азъ тебѣ глаголю: не буди здѣ, иди в домъ родителей своихъ, и тамо во всякомъ благополучіи пребывай; аще не послушаеши мене, яко здѣсь будеши, то без всякаго милосердія велю голову твою отъяти.

Савва же слышавъ от боярина, отъиде со многою печалію; бѣсъ же Саввѣ рече: Что́ убо печалишися, брате, о семъ? Аще неугодна твоя служба явися здѣсь, поидемъ к Москвѣ и тамо пребываемъ. Отъидоша вскорѣ от Смоленска в Москву, и приставша в дому того жъ сотника Шилова. Бѣсъ же в день пребываше с Савою, к нощи же отходитъ во свои адскія жилища, идѣже обычай окаянный имѣя пребывати. Немало же время минувшу, абіе разболѣвся Савва, и болѣзнь его тяжка бѣ зѣло, яко быти ему близ смерти. Жена же сотника онаго, благоразумна сущи и бояся Бога, всякое попеченіе и прилежаніе имѣя о немъ, глаголаше ему многожды, дабы велѣлъ призвати к себѣ іерея исповѣдати грѣхи своя и причаститися святыхъ таинъ, глаголя ему: видиши ли ты, Савво, яко тяжко скорбиши, и внезапу в той лютой скорби и без покаянія умрети имаши? Савва же отрицаяся: яко и тяжка ми есть скорбь, но нѣсть сія болѣзнь к смерти. И день от дне болѣзнь его тяжчайше бысть. Жена же оная неотступно принуждая Савву да покается; Савва же много отрицаяся, глаголя: яко не имамъ умрети. Егда принужденъ Савва от боголюбивыя тоя жены, и повелѣ призвати к себѣ іерея; жена же оная скоро посылаетъ ко храму святаго Николая, что нарицаемаго Во рвахъ, повелѣваетъ привести священника. Священникъ же нимало замѣшкавъ, притече к болящему. Бѣ бо свя-

икъ той престарѣлъ многи лѣты, и мужъ иску-
и богобоязливъ зѣло; начатъ молитвы покаянные
ати, якоже обычай, и повелѣ людемъ своимъ из
. изыти, и начатъ исповѣдати Савву; и се вне-
зритъ Савво входящихъ в храмину толпу великую
ъ; любезный же братъ его бѣсъ пріиде с ни-
, уже не человѣческимъ образомъ, но существен-
своимъ звѣринымъ образомъ, и ставъ позади
толпы бѣсовскія, и велми на̀ Савву ярящеся, и
скрежуще, показуя ему у Соли Камской, и гла-
ему: Зриши ли, клятвоприступниче, что̀ есть
Ты бо писалъ; яко покаяніемъ симъ отбыти хо-
отъ насъ? но убо не мни того: азъ убо всею
подвигнуся на тя. Такожъ и протчія бѣси
неподобная глаголаху. Савва же видя ихъ, ово
ся, ово надѣющеся на волю Божію, и вся доб-
подробну исповѣда грѣхи своя; священникъ же,
бо мужъ праведенъ бѣ, обаче убояся страха она-
онеже во храминѣ той, кромѣ болнаго, никого
ше; помысливъ оный великій шумъ от бѣсов-
ныя силы, и с нуждою великою исповѣда бол-
отъиде в домъ свой, никомуже сіе повѣдавъ.
повѣдѣ той, нападе на Савву духъ нечистый, и
ь немилостивно мучить его: ово об стѣну бія-
во о полъ с одра его метая, ово же храпле-
и пѣною давляше его. Боголюбивый же той
сотникъ Яковъ Шиловъ, со благонравною же-
воею, видяще на юношѣ таковое діяволское на-
е, велми тужаше по немъ и стонаху сердцы
, но никакоже помощи ему дати возмогоша. Бѣ-
день от дне на болнаго нападающе, люто му-
его, и всѣмъ предстоящимъ тутъ от мученія
немалъ ужасъ имѣли.

юдинъ же дому того, видѣвъ на юноши таковую
ную скорбь, и вѣдая, яко юноша той знаемъ и
царю храбрости ради его, и помышляше с
своею, како бы возвѣстити о немъ царю? Бяше
дница ихъ в домѣ царевомъ; и сія помышля-
посылаетъ немедленно жену свою ко оной сро-
дницѣ своей, и повелѣваетъ ей немедленно возвѣсти-
ти о немъ царю, и рече: Когда юноша в таковомъ
случаѣ умретъ, а мы за невозвѣщéніе от царя истя-
заны будемъ. Жена же его нимало мѣшкавъ, скоро
потече к сродницѣ своей, и вся повелѣнная ей от
мужа подробну сказа; сродница же оная, слышавъ та-
ковыя глаголы, умилися душею по юношѣ, паче (же?)
скорбяше о сродникахъ своихъ, да вправду за невоз-
вѣщеніе от царя наказани будутъ; скоро поиде из
дому своего до полаты царевой, и возвѣщаетъ всѣмъ
ближнымъ, сигклиту цареву, и не по мнозѣ времяни
внушается и саму царю о семъ. Царь же, слышавъ о
юношѣ ономъ таковое зломученіе, милосердова о немъ
и повелѣваетъ посылати к болному юноши караулъ
по два человѣка, да надзираютъ опасно юношу того, и
хранити, дабы от онаго бѣсовскаго мученія во огнь
или в воду не ввергнулся. Благочестивый же царь
посылаетъ к болящему пищу по вся дни и повелѣ-
ваетъ, ежели болный здравъ будетъ, возвѣстити себѣ.
И тако бывшу болному в таковомъ бѣсовскомъ том-
леніи немало время, мѣсяца іюлія въ 30 день юноша
той необычно от бѣсовъ утомленъ бысть, абіе за-
снувъ мало, начатъ глаголати, яко на явѣ, излія свои
слезы, сице рече: О всемилостивая госпоже царице
Богородице! помилуй, владычице! не солгу, царице:
вся исполню, елико обѣщахся тебѣ! Домашніи же и
караулщики, слышаху от болнаго таковыя глаголы,
всѣ удивишася и глаголюще, яко нѣкое видѣніе ви-
дѣхъ (видѣ) болный. Егда же Савва от сна возбудив-
ся, приступи к нему сотникъ со всѣми домашни-
ми своими, и рече: Повѣждь ми, господине, слово,
что̀ таковыя глаголы со слезами во снѣ реклъ еси!
Савва же паки нача плакати, лице свое слезами омы-
вати, и глаголя: Видѣхъ бо к одру моему пришед-
шу жену нѣкую, свѣтолѣпну сущу, носящу ризу ба-
гряну, и два мужа с нею пришедша, сѣдинами укра-
шенна: единъ убо во одеждѣ архіерейской, другій же
во апостолскомъ одѣяніи; и мню быти убо жену пре-
святую Богородицу, мужей тѣхъ — единаго паперстника

Іоанна Богослова, втораго же неусыпаемаго стража нашего града Москвы, преславнаго архіерея Божія Петра митрополита: они же (понеже?) подобныя образы ихъ добре знаю. И рече ми свѣтолѣпная оная жена: что́ ты (ти) есть, Савво, тако скорбити? Азъ же рече ей: скорблю, владычице, яко прогнѣвахъ Сына твоего и Бога моего, и тебя, всемилостивѣйшую заступницу роду Христіянскому. Она же озлобися (осклабися), рече ми: что́ убо нынѣ можеши ли, како тебѣ избыти скорби сея, и како тя выручити тебѣ писаніе твое от ада? Азъ же рече ей: не могу, аще ли помощію Сына твоего, и твоею помощію и молитвою! Оная жъ жена рече ми: Азъ убо умолю Сына своего и Бога; токмо единъ глаголъ мой исполни; аще ли тако сотвориши, азъ избавлю тя от бѣды сія: хощеши ли инокъ быти? Азъ же молебными глаголы глаголахъ ей во снѣ, еже и вы слышасте. Она же паки рече ми: слыши, Савво, егда приспѣетъ праздникъ явленія образа моего, еже в Казани явися, ты же пріиди во храмъ мой, яже на площади у Ветошнаго ряду: и азъ пред образомъ моимъ и пред всѣмъ народомъ чюдо явлю на тебя. И сія изрече, невидима бысть.

Сія рѣчи сотникъ слышитъ от Саввы, и абіе паки посылаетъ жену свою к вышеписанной сродницѣ, дабы она возвѣстила царю бывшее чюдо о юношѣ. Егда царь услышавъ, паче перваго сожалѣя о немъ, и повелѣваетъ смотрѣти над нимъ крѣпко. Егда же приспѣвшу празднику, мѣсяца іюлія в 8 день, явленія чюдотворныя иконы Пресвятыя Богородицы Казанскія, и тогда по обычаю поиде самъ царь в воскресный ходъ до святой церкви Казанскія Богородицы, что́ на площади у Ветошнаго Ряду; а болнаго Савву повелѣ принести на коврѣ в тое церковь, и повелѣ положити пред образомъ Пресвятыя Богородицы. Посланныя же от царя скоро принесоша болнаго и положиша его в той церкви. Егда же начаша пѣти херувимскую пѣснь, и тогда бысть гласъ в слышаніе всѣмъ: Савво, что́ медлиши? Востани и пріими свое богоотметное писаніе, что́ далъ еси на себя сатанѣ! Тогда Савва воспрянувъ скоро с одра того, и от болѣзни своей яко от сна возбудился, ничѣмъ же вредимъ; и скоро пріиде ко святому образу Пресвятыя Богородицы, и паде на землю, нача молитися со слезами и глаголя: О всемилостивая госпоже Пресвятая Богородице Дѣво! ты мнѣ помози, грѣшному и окаянному и недостойному рабу твоему, яко прогнѣвахъ Господа моего, и Сына твоего, и тебе, всемилостивѣйшую Пречистую Богородицу Дѣву! И сія изрече, Савво видитъ своими очесами свое рукописаніе падше сверхъ той церкви пред образомъ Пресвятыя Богородицы, и все на немъ заглажено, яко никогда же писано бысть. И вземъ сіе Савва с радостію, еще же ему по вторія гласъ бысть: Савво, исполни обѣщаніе свое, и к тому не согрѣшай! Тогда видѣвъ благочестивый царь Михаила Ѳедоровичь всея Россіи, прослави Бога и Пресвятую его Богоматерь; и начаша молебствовать всѣмъ соборомъ Пресвятѣй Дѣвѣ владычицѣ Богородицѣ Казанской. Потомъ же Савва вопрошенъ бысть царемъ о явльшемся чудеси; Савва же сказа царю всю истинную, и постриженъ бысть в иноческій чинъ Филаретомъ патріархомъ, и пребысть в Чюдовомъ монастырѣ до скончанія живота своего, в постѣ и в молитвахъ, угождая Господу Богу и препровождая житіе свое о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ ему же слава, честь и держава со безначалнымъ его Отцемъ и святымъ и благимъ и животворящимъ его Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

ПРИМѢЧАНІЕ.

ѣсть эта чревычайно драгоцѣнная по сохранен-
въ ней чертамъ вѣрованій, нравовъ, домашняго
XVII столѣтія, по самой основѣ содержанія есть
ъ съ повѣсти о Евладіи, спасенномъ Василіемъ
імъ. Приводимъ ее здѣсь для сравненія по списку
в. сдѣланному въ Малороссіи, какъ показываютъ
и языка.

ıе мужъ в кесарійской странѣ: имя ему Сиклити-
мѣяше имѣнія много, имже не бѣ числа: людей
конѣ, и каменія дорогоцѣннаго; имѣяше дщерь
имя ей Керасія; — обрѣлъ еи Богу, Божія бо бѣ
ıница, да прiиметъ из млада мнишество; да послу-
Богу до старости, в нощи сна не имѣюще, не-
нно Господу Богу служаще, да того ради спа-
отецъ и мати ея; веселяхуся ангели Божіи о
владій бяше бо мудръ и книженъ, егда же ви-
оспожу свою Керасію, желаше бо душа его и
ıше в себѣ: како бы взялъ госпожу свою Кера-
бѣ за жену? помыслилъ себѣ: для мене не мо-
никтоже совокупити с нею, тилко діяволъ! Азъ
ь себе предамъ діяволу, и діяволъ ми поможетъ,
возму Керасію себѣ за жену. Еднаго часу пой-
Евладій на распутія, прiиде къ нему діяволъ, и
ıу: Евладіе, що тутъ робишъ? Рече ему Евладій:
ıне, поможи мнѣ Керасію совокупити во жену!
му діяволъ: азъ помогу ти ко твоей дѣвици при-
ı, но пойди ко господину нашему, Фармагею,
ю діяволъскому. И написа ему словеса діяволъ-
научи его: провѣй словеса своя на вѣтри. И
ıши тамо глагола на вѣтеръ, и услышалъ вели-
ıволъ Фармагей, и посла своя слуги чотири,
ıа ко Евладію, поемше его со радостію вели-
приведоша его ко Фармагею; и видѣ его Евладій
столѣ висоцѣ сидящаго, и множество діяволовъ
ıимъ стояху; вопроси его Фармагей, рече: что́
требуеши, Евладіе, от мене, или что́ у мене хоще-
ши? Евладій умиленнимъ гласомъ отвѣща рече: господи-
не! аще ми сотвориши, еже азъ тобою бихъ взялъ
госпожу мою Керасію себѣ женою, и буду азъ господи-
нъ в дому господина моего, азъ твой буду во вѣки!
Фармагей рече ему: ви, христіяне, много лжете; егда
вамъ нуждно, тогда ви мене ищете; егда вамъ отрад-
но, тогда ви Христу послѣдуете, зане Христосъ мило-
стивъ есть и пріемлетъ васъ до себе знову, а ви мно-
го лжете; но запишися мнѣ рукописаніемъ своимъ, аби
еси мой былъ на вѣки, а я тобѣ сотвору ежели хо-
щешъ взяти во жену; напиши рукописаніе свое и дай
ми! Евладій написа свое рукописаніе и дастъ в ру-
цѣ Фармагею. Посла же Фармагей слуги своя, рече:
идѣте, пришедши же, обійдѣте ю и ставте ю Евладі-
еви на любовъ. Они же шедше и обійдоша Керасію
красою: во единъ день, видѣ Керасія своего играюще
велелѣпо и в радость пріятъ его; и в тую же нощъ
востужи велми и возмутися; тогда учувши тое отецъ
и мати ея, изми ея с полати и рѣша ей тако: почто́
плачеши и тужиши, чадо мое? Подай ми руку свою,
повѣжъ намъ, чого хощеши и чого такъ зѣло скорби-
ши и стенеши? Она же отвѣщаше рече: отче, отче
и мати моя! Мужа требую! Егда слышавши Сиклитіянъ
и мати ея сия словеса, усумнишася; молящеся и бію-
щеся в лице свое, глаголюще со женою своею; кто-
то угаси свѣтлую свѣщу во дому нашемъ! кто обори
церковь на земли, о ней же ангели веселилися Божіи!
кто угаси лампаду церковную! Опамятайся, чадо мое
милое! въ темній путь грядеши! Керасія ко отцу рече:
отче, отче, помилуй мя, послушай, отче, мене: в ту-
гахъ великихъ есмь днесь: дай ми мужа Евладія! Си-
клитіанъ же рече: я и мати твоя надѣяхомся тебе
ради спасенія и обратитися к Богу! Керасія рече:
отче, аще не даси ми мужа Евладія, то горкою

смертію умру, и предамъ себе! Сиклитіанъ рече: о чадо, аще любитъ сердце твое мужа, да объберемъ тебѣ человѣка прилична; а понеже естъ Евладій слуга нашъ! Егда услишавши тое Керасія и ятъ себе за горло, и крикнула: помилуй мя, отче, Евладія хощу взяти! Сиклитіянъ же собра бояре и дасть ей мужа Евладія, и предастъ имъ все имѣніе свое; сами же Сиклитіанъ и жена его поидоша во манастиръ.

Евладій же живяше со женою, не прихождаше никогда же во церковъ; она же чудящеся, почто не ходитъ во церковъ никогда же, глагола же ему: почто не ходитъ во церковъ; онъ же проводъ лжими. Во единъ же день укориша болящихъ, (?) тако пріиде Керасія ко Евладію рече ему: аще не внійдемъ в церковъ на утреннее и возмешъ честнія дари, то азъ себе смерти предамъ. Евладій рече: яко на исповѣди ей сказа все пораду. Якоже слышавши Керасія и крикнула з великимъ воздиханіемъ, глаголя: о горе мнѣ, Боже мой! не чухъ родителей своихъ и не слухала отца и матере; сама себе врагу предахъ! И стала кричащи и кривящеся и біющися в лице свое, плачуще; и внійде во Кападодокію, ко Великому Василію, глаголя: помилуй мя, владыко! азъ себе сама врагу предахъ, и врагъ тѣло мое одержитъ уже бо третое лѣто; помилуй мя, владыко, не послушахъ родителей своихъ, въ темній путь пойдохъ. И исповѣсть ему всю истину. Василій же посла по Евладія и вопроси его ко Василію: право кажетъ жена твоя? Глагола приклони главу, рече: о владыко, право глаголетъ! Василій же прослезился, рече ему: како соблазнился еси, о человѣче! но еще упрашиваю тя: хощеши возвратитися ко Христу Богу нашему? Евладій рече: владыко, аще бимъ хотѣлъ, но записалъся ему рукописаніемъ своимъ и предахъ въ руцѣ діяволу. Василій рече: сице глаголю тебѣ: любитъ ли сердце да возвратишися ко Христу? Евладій же рече: много люблю, владыко, и молютися, егда како можеши мя от діявола выняти? Поятъ его Василій за десную руку и воведе его в келію, и затвори его в келіи, и пребысть три дни! Василій же непрестанно у престола во церквѣ стояше и молящеся Господу Богу за Евладія и Керасію: живъ Богъ мой, не изіиду от цекрви, дондеже не узру мужа своего Евладія камо ся обратитъ, не вкушаючи хлѣба ни воды! По трехъ днехъ прійде Василій и отворитъ дверъ, и вопроситъ, рече: что творишъ, Евладіе? Онъ же отвѣщавъ, рече: злѣ естъ, владыко: прихожаютъ бѣсове, біютъ мя и стрѣляютъ мя! Василій же ясти и пити воды мало дасть ему, и паки затвори его в келіи; пребысть знову три днѣ; и паки по трехъ днехъ прийде и вопроси его глаголя; како еси, Евладіе? Онъ же рече: владыко! обоюду мя стоятъ и караютъ мя и приближаются ко мнѣ! И дастъ ему мало ясти и пити; и паки затвори его, и знову пребысть три днѣ. Василій же непрестанно у престола молящеся Господеви с Керасіею женою его; и паки по трехъ днехъ прійде до келіи, вопроси его глаголя; како еси, Евладіе? Онъ же отвѣщавъ и рече: слишахъ, о владыко, гласъ ихъ, а не вижу! Тогда Василій возрадовася; и призвавши вся люди тисящъ ѕ (6); святій же Василій рече ко людемъ: о друзи и братія! единое овча заблудило от стада Христова; помозѣте мнѣ, братія, где како отъіймѣмъ от волка! И сказа имъ всю истинну, и даде его имъ; они же, вземше Евладія за руку и ведоша его во церковъ; и вси людіе нояху единогласно: Господи помилуй! творяще, и руки своя зносяще; позрѣвъ же Евладій ко горѣ и видѣ діяволовъ много; и рече: о владыко, держи мя моцно: возмутъ мя діяволи! Василій възять его под руку, и рече: о проклятіи діяволи! како вы смѣете образъ Божій и крещеніе Божіе из руки моей исхитити? Діяволе силній! не чини мнѣ пакости; насилу не озмеши! Зане того дне вси великимъ страхомъ одержими бяху, овіи кривящеся лица своя, біющися о землю, а другіи главою біющеся о камень, ко Богу вопіяху вси: Господи помилуй тварь, еже рукою своею, не презри моленіе рабъ твоихъ! Тогда разрушися і спадетъ рукописаніе Евладіево, и знайшолъ листъ той святый Василій, и взятъ рукописаніе, и дастъ Евладіеви. Знаешъ ли ти, что сіе есть? Евладій же рече: то естъ, владыко, мое рукописаніе, щомъ ему записался діяволу? И уведетъ его святій Василій во церковъ, и освятилъ водою священною, и предастъ его женѣ его Керасіи; и благослови ихъ, и з благословеніемъ отпусти святій. Богу нашему слава во вѣки вѣкомъ, аминь.

ПОВѢСТЬ

О ПРЕСВИТЕРѢ ТИМОФЕѢ.

ПОВѢСТЬ

О ПРЕСВИТЕРѢ ТИМОФЕѢ.

СЛОВО Ѡ ПРЕСВИТЕРѢ ТИМОФЕѢ ВПАВШЕМЪ В ТАЖЕКЪ ГРѢХЪ.

(По списку XVII в. доставлена А. М. Лазаревскимъ.)

Бысть в великомъ княженіи Россійскія земли при великомъ князе Іоаннѣ Васильевиче і при святѣйшемъ Филиппе митрополите во градѣ Владимере презвитеръ нѣкій, именемъ Тимоѳей. Случися ему быти по Божію попущенію сицевый грѣхъ на пагубу души его. В первую оубо недѣлю великаго поста обычай имутъ православніи христіане боголюбивіи мужие и жены и младыя дѣти поститися во всю недѣлю и ко отцу духовному на покаяніе приходити, и пріимати тѣло и кровь Господа нашего Іисуса Христа. Такожде и к сему попу пріиде нѣкая дѣвица на исповѣданіе грѣховъ своихъ, тѣло прекрасна, дщи нѣкоего богата мужа и славна града того, и бывшимъ имъ наединѣ во церкви святѣй, и начатъ презвитера діаволъ разжигати на ню неоутолимою похотию. Попъ же Тимоѳей не могіи терпѣти злаго сего разгорѣнія плоти своея и падеся с нею в церкви святѣй, не убояся суда Божія, и сотворивъ с нею той грѣхъ, и оубояся изыманія себе, и побѣже из церкви в домъ свой. Девица же поиде вонъ из церкви, плачася и рыдая своего грѣха, что пался с нею іерей во церкви Божіи. Попъ же оутаяся всѣхъ людей, ту сущихъ, и осѣдла коня своего, и премѣни образъ свой поповскій, и облечеся в воиньскую одежду, и не явяся женѣ своей, ни дѣтямъ своимъ, и всѣде на коня своего, и скоро погна вонъ из града своего, бѣжа на чюжю страну поганую, землю татарскую, в Казань. И тамо во орду прибѣжавъ, и дадеся царю казанскому Маною служити, и отвержеся вѣры христіянскія, и священническій чинъ поправъ, и бусорманскую вѣру пріятъ, поня за себя двѣ женѣ. Охъ оувы, первіе былъ чиститель и говѣинъ священникъ и предстатель престолу владычню и споручникъ грѣшнымъ душамъ; а потомъ бысть золъ губитель и лютъ кровопивица христіаномъ, и воевода в Казани храбръ бысть, и часто посылая его царь с татары своими рускія земли воевати. И живяше тамо тридесять лѣтъ в Казани царю служа и обогатися велми. Богъ же не хотяй смерти грѣшнику, но обратитися и живу быти ему, восхотѣ же и сего в первое благочестіе привести. По времени же посла его царь на то же дѣло, якоже и прежде беззаконное, во еже пролияти кровь русскія земли; онъ же, иде по словеси царя и повоева страну русскую и оулусы, и возвратися в Казань с великимъ полономъ. Идущу же ему чистымъ полемъ от Казани, и пустивъ полки свои на предся, а самъ же единъ остася, орудия ради нѣкоего. Ѣдущу же ему на конѣ своемъ в полудни, после полка своего далече, и воспомянувъ грѣхъ согрѣшенія своего, і нача пѣти оумилно красный стихъ

любимыи пречистой Богородице: о тебѣ радуется, благодатная, всякая тварь! Тогда же послыша бѣжащій из Казани отрокъ плѣнникъ нѣкій: лежаще в дубровѣ три дни не ядши, по сторону пути того ждущу (ще) доколѣ минетъ весь полкъ татарскій, да воставъ от мѣста своего, паки побѣжитъ путемъ на Русь, не блюдяся; и воставъ от лежанія своего, и мнитъ поющаго стихъ быти русскимъ человѣкомъ, и радостенъ бысть, не устрашився изыде, и потече из дубравы на путь, и явися ему, окаянному варвару, бывшему прежде попу. Онъ же отрока видѣвъ ярыма очима, похвативъ мечь свой нагъ, и хотѣ отроку отсѣщи главу, плѣнникъ же паде на землю горкими слезами милости проса, да не убіенъ будетъ от него. Сказа ему о себѣ яко же плѣнникъ есть русскія земли, бѣжа из Казани на Русь, и слышавъ тебе поющаго стихъ русскій пресвятыя Богородицы, еже любимый всѣхъ, оу насъ же его поютъ честно на Руси, славятъ же пресвятую Богородицу нашу и молитвенницу и заступницу о душахъ нашихъ, чая же тебе быти русянина, и явихся лицу твоему, не убояся тебе. Преступникъ же той оуслышавъ и жестокое свое окаянное сердце во умиленіе преложи, и нача великимъ гласомъ жалостно и радостно плакати, и сшедъ с коня своего, и нача землю мочити слезами своими па многъ часъ; яко же устрашитися отроку тому, и вмалѣ отбѣже от него, и дивитися в себѣ что сіе таково бысть; бѣ убо и отрокъ сей грамотенъ же, и плакася от полудни до вечера, дондеже премолче гортань его. И обвечеря со отрокомъ, и спа до оутра на травѣ, и давъ отроку нѣчто мало снѣсти; сам же ничто же вкуси. Плѣнникъ нача вопрошати его: повѣждь ми, что се, господине, есть, и что печаль твоя, прочто тако горко плачешися? повѣждь ми своему рабу! Онъ же, оутѣшився мало от плача своего и в себѣ пришедъ, и вся отроку вышереченная повѣда: яко попъ бѣ на Руси былъ есми. Плѣнникъ же обѣщеваше его на покаяніе обратитися, яко Господь Богъ нашъ милостивъ и кающихся от грѣхъ своихъ пріимаетъ; молю тя, не отчаявай своего спасенія. Онъ же рече отроку: заклинаю тя Богомъ вышнимъ Іисусомъ Христомъ Сыномъ Божіимъ, пришедшему (дшимъ) в миръ грѣшныя спасти, да сотворищи ми любовь Христову; иди отсюду без боязни к Москве, и пришедъ возвѣсти о мнѣ грѣшнѣмъ святѣйшему митрополиту Филиппу, яже сказахъ ти: есть ли такову грѣшнику прощеніе? Онъ же да печалуется о мнѣ великому князю, дабы мя простилъ во всемъ злѣ моемъ, еже сотворихъ, многа лѣта землю его христіанскую пустошилъ; да рукописаніемъ бы прощеніе написавъ, и за двема печатма запечатавъ великаго князя печатью да своею митрополичью, да тако вѣру иму, и по двою мѣсяцу прислалъ бы ми с тобою на сіе мѣсто; то с радостию и без сомнѣнія к Москве из Казани пріиду и отиду в монастырь плакатися грѣховъ своихъ. Ты же, мой милый брате, потрудися о мнѣ всѣмъ сердцемъ, Бога ради и безлестно, да подастъ тебѣ Господь Богъ мною, труда твоего ради, аще за мя потрудишися, мзду во царствіи небеснѣмъ. И одари отрока сребромъ, поне мало; и обѣщася ему отрокъ истинно и неложно послушаніе сотворити. Воставъ же заутра, такожде много плакався бусорманъ, и цѣловастася во оуста, и разѣхашася оба. Отпустивъ же отрока к Руси, а самъ к Казани за полкомъ борзо погна. Отрокъ же к Москве пришедъ и скоро возвѣсти святѣйшему митрополиту Филиппу, яже о бусорманѣ бывшемъ попѣ; истинный же пастырь Христовъ неложный в той же часъ шедъ в полату, и возвѣсти сыну своему духовному великому князю Іоанну Васильевичю; князь же и митрополитъ оудивися о семъ, и в размышленіи надолзѣ бысть, и призваста отрока пред ся и вопрошающа его: аще тако есть? Отрокъ же такожде имъ сказа. И помянуша евангелское слово реченное: аще изведеши достойнаго от недостоинства, яко оуста моя будеши. Совѣтовав же князь и митрополитъ, и написавше грамоту, и запечатавше двема печатма, и послаша со отрокомъ к бусорману тому, показавше звати его, дабы шелъ и Москве без боязни, и да будетъ служа великому князю. Наставшу же третнему мѣсяцу, плѣнник же тщашеся без лести любовь Христову сотворити и тамо

нити; то оубо есть истинная любовь Христова, да кто положитъ душу свою за друга своего. І иде полемъ многія дни до оуреченнаго мѣста, и поспѣ на срокъ свой; и ждаше его два дни ту, и пришедъ, и мнѣвъ яко не будетъ ту, онъ же в третій день такожде прилѣжно смотряше его прямо к Казани на горѣ высоцѣ, на древо возлѣзе; и се гнаше полемъ единъ человѣкъ от Казани на дву скорыхъ конѣхъ, к мѣсту спѣша велми. Отрокъ же позна, яко той есть другъ его бусорманъ, и вмалѣ искушая его, и скрывся от него: онъ же прискочивъ на мѣсто, невидя отрока, чая его оболговкшася. Во оутрій же день свержеся с коней своихъ на землю и плакашеся горко, яко и каменіе на плачъ с нимъ подвижеся, и не можаше утѣшитися, в пятдесятъ бо лѣтъ верстою сый вѣка своего; и абіе явися ему отрокъ же, з горы идя, онъ же видѣвъ его издалеча грядуща к себѣ, и такожде позна его, и побѣже скоро противу его, и начатъ отрока целовати, глагола ему: о милый мой и любимый друже истинный! что ти воздамъ, вѣрный мой посланниче, за великія труды твоя, еже к поганому мнѣ бусорману сотворилъ еси любовь Христову? Отрокъ же вземъ грамоту и даде ему за двема печатми. Бусорманъ же прочетъ грамоту со слезами многими, вопіяше мытаревымъ гласомъ: Боже милостивъ, буди мнѣ грѣшному преступнику! Боже, очисти грѣхи моя и помилуй мя! И простеръ руцѣ и рече: Боже всещедрый и благосердый! благодарю тя, человѣколюбче, грѣшныхъ милостиве, яко сподобилъ мя еси окаяннаго и многогрѣшнаго от началнаго пастыря прощеніе пріяти и абіе внезапу паде на землю! И бысть мертвъ и нозѣ свои простеръ яко живъ. Отрокъ же во ужасѣ бысть на долзѣ, и разумѣвъ истинно, яко умеръ есть, и ископавъ землю, и погребе его ту со слезами, снятъ с него драгия ризы, воинскую одежду, и облече его, во смиренныя ризы, и нощъ ту преспавъ оу гроба тимоѳѣева. Онъ же явися ему во снѣ, благодареніе воздая ему: яко тебе ради пріяхъ от Бога прощеніе грѣховъ своихъ и царствію небесному причастникъ бывъ. И глагола ему: возми коня моя со всѣмъ, еже на нихъ, за труды своя, и иди отсюду, помнивай мене до живота своего милостынею и приношеніемъ еже к церквамъ Божіимъ. Отрокъ же на утрій день воста и простився оу гроба его, и взя драгия кони тимоѳѣевы со всею драгою збруею, и обрѣте на нихъ полны басмаги великія злата, и сребра, и каменія драгаго, и всѣдѣ на нихъ, и поѣде радуяся и веселяся, и приѣхавъ к Москве, и вся подробну исповѣдавъ яже о Тимоѳеѣ случившее великому князю и митрополиту: яко умре и погребенъ бысть от мене. И оставшаяся тимоѳѣева вся показа имъ. Князь же и митрополитъ удивишася о семъ и прославиша Бога, и о томъ разсудиша в правду, яко пріятъ Богъ со слезами покаяніе его, и очистися от грѣха, и душа его спасеся; отроку же тому все отдаша взятое у Тимоѳѣя богатство, еще же и земли ему оудѣломъ удѣлиша. Сіе же написася на ползу слышащимъ и прочитающимъ, да не отлучатся своего спасенія Богу нашему.

ЛЕГЕНДЫ

О БѢСОВСКИХЪ ИСКУШЕНІЯХЪ.

I.

О БѢСОВСКОМЪ ПИСАНІИ.

ПОВѢСТЬ Ѿ СТАРЧЕСТВА Ѡ ДВОИ БРАТИАХЪ ѾРЕВШИХСѦ МИРА ХРИСТА РАДИ.

(Импер. Публ. Библ. Погод. древлехр. № 1310.)

Два мниха совѣщашася во имя Христово оудалитися от мятежа мирскаго; имяше же единъ отроча мало, иже по плоти сынъ ему. І егда изидоша в пустыню и сотвориша себѣ хижицы, посѣщенія ради духовнаго, бесѣдоваху чрез недѣлю, і егда отроча в разумѣ бѣ, отцу же по обычаю с братомъ о духовнѣ бесѣдующемъ, и по малѣ совратишася на житейския вещи: како в мірѣ жиша, и оуже житейской повѣсти продолжатися, и абіе в забвеніи бѣста, и житейскою повѣстію впадоша в празнословіе, и доволно о сихъ неподобныхъ бесѣдующимъ имъ, единъ от нихъ в чювство пріиде, другому глагола: о брате, согрѣшихомъ пред сотворшимъ насъ, яко обѣщахомся ему; что нынѣ говоримъ о непотребныхъ, отрекохомся. И абіе прослезистася оба и начашя другъ ко другу прощеніе творити по отеческому преданію. Тогда юноша, иже бѣ единому сынъ, безстудно возсмѣяся; отецъ же его зѣло возлютися нань, хотя его сокрушити; отрокъ же оужасеся гнѣва, опуснѣ лицемъ; другій же мнихъ разсуждая ему, да не сокрушитъ отрока, и по мале оувѣща; отецъ же нача испытати и с любовію вопрашивати, да повѣсть имъ: чесо ради в безчинство вдася вскорѣ и чему безстудно оуединенъ возсмѣяся? Отрокъ же от страха отца своего едва возможе сказати имъ, бѣ бо видѣніе видѣ: егда рече, глаголаста мниси о законѣ Господни, и о апостольской проповѣди, и о подвизѣхъ отеческихъ, тогда видѣ отрокъ дву ангеловъ божіихъ свѣтлыхъ зѣло, бесѣдующихъ тайно со мнихи во оуши правыя; егда остависта мниси повѣствованія духовная и начаста бесѣдовати о житейскихъ, тогда ангели божіи изыдоша от нихъ из келіи ихъ и внидоста два бѣса ко мнихомъ тѣмъ, а иже о житейскихъ они вѣщаху, бѣси на харатіяхъ реченія ихъ писаху, и единъ бѣсъ ко единому мниху, а другій ко другому в лѣвыя оуши тайно шепчюще, и егда исписаху бѣси харатіи, тогда на себе начашя писати, еже глаголаша мнихи, и оуже писаніемъ исписашася бѣси, еже не остатися просту мѣсту на нихъ; и егда мниси в разумъ приідоша и к Богу каевшеся, еже согрѣшиша в празднословіи, и сотворше другъ ко другу прощеніе, тогда харатіи оу бѣсовъ загорѣшася и писаніе, еже бѣси на составѣхъ своихъ писаша, загорѣся, и нача пламень бѣсовъ от прощенія старча палити, бѣси же от пламени вострепеташа, не могуще терпѣти зьженія, скачюще по келіи, вопіяху с плачемъ горкимъ: охъ намъ оувы! сами себе погубихомъ! Отрокъ же скаканію ихъ, и трепетанію, и горкому стонанію возсмѣяся. Сия слышавше мниси, зѣло во умиленіе внидоша, и оттолѣ во страсѣ божіи пожиша, не смѣюще празнословія творити, но точію на духовное бесѣдованіе схождахуся, і о семъ опасно глаголаху: нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ, аминь.

II.

О ПЛЯШУЩЕМЪ БѢСѢ.

(Импер. Публ. Библ. in 8, № 15 рук. XVI в.)

Слышахъ от нѣкоего старца: яко нѣкогда сѣдящу ми в келіи своей и дѣлающу ми рукодѣлія, и пояхъ псалтырь из устъ, и видѣвъ отрока, влѣзша дверцами моими, срачинина в скомрашь одежи; и ставъ предо мною, нача плясати. Понеже поя псалтирь дремахъ. И рече ми: старче! добро ли я пляшу? и паки рече: гораздъ ли ти есмь и како пляшю? И не отвѣщавшу ми ничтоже к нему, глагола ми мнимый: калугере! велико дѣло твориши твоего житія; но понеже с лѣностію почитаеши псалтырь и блазнишися в ѿ псалмѣ, того ради дерзнухъ к ти внити. Азъ, рече, воставъ, поклонихся Богу и начахъ глаголати: да воскреснетъ Богъ; и ту абіе изчезе. Да се вѣдуще, братіе, со вниманіемъ почитайте псалтырь.

III.

О БѢСѢ ЗЕРЕФЕРѢ.

(Импер. Публ. Библ. Погод. древлехр. № 1300 рук. конца XV или XVI в.)

Нѣкій от святыхъ старець. великъ и прозорливъ, резвшедъ бѣсовская искушенія, к тому ни во что же варства ихъ вмѣняше, но бѣ зря чювственѣ и анге- ы и бѣсы: како пекутъ о человѣчестѣй жизни, кож-) ихъ подвизающе обращати ихъ к своей части; си-) же великъ бѣ в добродѣтелехъ, яко досаждати и ру- тися нечистымъ духомъ, множицею и оскорбляя ихъ, споминая тѣмъ иже от небесе низверженіе и будущее ıъ во огни мученіе; тѣмже и бѣси другъ другу хва- ıаху старца онаго великаго; яко никтоже от насъ смѣя нынѣ приближитися к нему, зане пріити ему в ликое и свершенное безстрастіе, обожився духомъ свя- ıмъ. Яко оубо имъ сице бывшимъ, единъ от бѣсовъ агола к другому; брате Зерефере! — се бѣ имя бѣсу му — оубо аще кто от насъ покается, пріиметъ ли его покаяніе Богъ или ни? Онъ же к нему отвѣща: то о сіе вѣсть. Зереферь же: хощеши ли, рече, се иду к ве- кому оному старцу и искушу его о семъ? Онъ же: и, рече, но блюди, понеже старецъ прозорливъ есть разумѣетъ твое лукавство и не восхощетъ вопроси- Бога о семъ; обаче иди, еда како желаеши получи- ı. Тогда шедъ Зереферь к старцу и преобразивъ бе яко человѣка, и начатъ плакати пред нимъ и ры- ти. Богъ же хотя показати, яко ни единаго ни от- вращается хотящаго покаятися, но всѣхъ пріемлетъ при- текающихъ к нему, не показа старцу совѣтъ бѣсовскій; но яко человѣка сего зряще, а не яко бѣса; глагола к не- му старець: что тако рыдаа плачеши, человѣче, сокру- шаяй душу мою слезами своими? Бѣсъ же: азъ, о свя- тый, нѣсмь человѣкъ, но бѣсъ, яко же мню, множества ради беззаконій моихъ! И старецъ: что хощеши да сотворю ти, брате? Мнѣвъ бо старецъ, яко от много- го смиренія себе бѣса нарицаетъ, Богу не объявившу ему бываемое. Глагола бѣсъ: не о иномъ молю тя, о святый, развѣ да помолиши Бога прилѣжно, яко да объявитъ: аще пріиметъ діавола в покаяніе? да аще оного пріиметъ, то и мене пріиметъ, подобна тому дѣла сотворшу! Старецъ же: якоже хощеши, сотворю; обаче иди днесь в домъ свой и заутра пріиди, и рку ти: что о семъ повелитъ Богъ. И сему бывшу, вечеръ той воздѣвъ старець преподобнѣи руцѣ свои к человѣколюбцу Богу показати ему: аще пріемлетъ діавола, обращающяся к покаянію, и абіе ангелъ Господнь предста ему яко мол- нія, и рече к нему: сице глаголетъ Господь Богъ твой: что яко молиши мою държаву о бѣсѣ? тъ лука- ствомъ искушаяй тебе пріиде. И старець же: и како, рече, мнѣ Господь не откры бывшаго, но скры от ме- не еже не разумѣти? И ангелъ: да не смутишися, ре-

че, от вещи сей: смотрѣніе бо бываетъ нѣкое дивно к ползѣ согрѣшающимъ, яко да не отчаются согрѣшающеи, яко ни от единаго отвращается преблагій Богъ приходящаго к нему; аще и самый тъ діаволъ пріидеть, подобнѣ же яко да явится симъ образомъ и бѣсовское жесточество и отчаяніе; егда же пріидеть к тебѣ искушаяй, да не соблазниши его исперва, но рци ему сице: да вѣси, яко человѣколюбець Богъ николи же кого отвращается приходящаго к нему, аще и діаволъ будетъ; и се обѣщалъ и тебе пріяти, но аще сохраниши повелѣнная от него. Егда пріидетъ все и речетъ: и что есть повелѣнная от него? рци к нему: сице глаголетъ Господь Богъ, вѣди тя кто еси и откуду пріиде искушаай: ты бо еси древняя злоба, и древняя злоба нова добродѣтель быти не можетъ; навыкнувъ гордости своея; и како возможеши смиритися в покаяніе и обрѣсти милость? Но не имаши сей извѣтъ отвѣщати в день судный: яко хотѣхъ покаатися и не пріятъ мене Богъ. Смотри же глаголемыхъ: како хощеши покааніе начати. Сице глаголетъ Господь: сверши три лѣта на единомъ мѣстѣ стоа обращся к востокомъ, нощію и днію взываа велнімъ гласомъ: Боже, помилуй мя древнюю злобу! глаголя сіе сто и паки другое сто такоже глаголя: Боже, помилуй мя мерзость запустѣнія! и паки такоже: Боже, спаси мя помраченную прелесть! Сіа взываа к Господу непрестанно, ибо не имаши тѣлесный сосудъ и трудно будетъ тебѣ, или изнеможеши. Егда же совершиши сіа со смиренномудріемъ, тогда пріятъ будеши в первый твой чинъ и спричтешися со ангелы святыми Божіими. Аще бо обѣщается сія сотворити, пріими его в покаяніе; но вѣмъ, яко древнее зло ново добро быти не можетъ. Напиши же сіа послѣднимъ родомъ яко не отчаются хотящеи покаятися; зѣло бо оувѣряти от сея главизны человѣци оудобь не отчаятися своего спасеніа. Сіа рекъ ангелъ ко старцу, взыде на небо абіе. Оутру же бывшу пріиде и начатъ издалеча рыдаа плакати и к старцу пришедъ поклонися; старець же исперва не обличи его, но во оумѣ своемъ глаголаше: злѣ пріиде, лжя, діаволе, древнее зло, ядовитый змію вселукавый; таче глагола к нему: да вѣси, молихъ Господа Бога моего, якоже обѣщахъ ти ся, и пріемлетъ тебе в покаяніе, аще пріимеши яже мною заповѣдаетъ тебѣ державный и всесилный Богъ. Бѣсъ же: и что суть, рече, яже повелѣ Богъ сотворити ми? Старець же отвѣща: заповѣдати тебѣ повелѣ Богъ сице: яко да стоиши на единомъ мѣстѣ 3 лѣта к востокомъ, взывая во дни и в нощи: Боже помилуй мя древнее зло! глаголя сіе числомъ сто, и паки другое сто глаголя: Боже помилуй мя мерзости запустѣнія! и паки тоже число: Боже помилуй мя помраченную прелесть! И егда сія сотвориши, тогда спричтешися со ангелы Божіими, якоже преже. Зереферь же лестный онъ покаяніа образъ отвергъ, восмѣяся велми и глагола старцу: о калугере! азъ аще быхъ хотѣлъ нарещи себе древнюю злобу и мерзость запустѣніа и помраченную прелесть, преже и от начала се хотѣлъ сотворити и спастися; нынѣ же древнее зло не буди то азъ, и кто се глаголетъ? Азъ бо даже и до нынѣ дивенъ и славенъ бѣхъ, и вси бо аще повинуются мнѣ, и азъ самъ себе нареку мерзость запустѣнія и помраченную прелесть! Никако, калугере! не буди то, яко да азъ в таковое безчестіе себе всажу! Сія рекъ діаволъ, невидимъ бысть. Старецъ воставъ, благодаряше Бога, глаголя: во истинну глаголалъ еси, Господи, яко древнее зло ново добро быти не можетъ!

IV.

ОБЪ ИСКУШЕНІИ БѢСОМЪ СТАРЦА-СТРАННОЛЮБЦА.

(Импер. Публ. Библ. Погод. древлехр. № 1300 рукоп. конца XV или XVI в.)

Бѣ нѣкій старецъ, имѣа страннопріимство и прочимъ добродѣтелемъ прилежа со тщаніемъ; ненавидяй же добра діаволъ сего искусивъ треми великими искушеними, сирѣчь в чревообъяденіе, сребролюбія желаніа, в ложное заклинаніе. Единою же преобразивъ себе діаволъ яко единаго нища и болна, пріиде ко старцу и толкну в двери его. Исшедъ старець по обычаю страннолюбіа, и видѣвъ его старець во оубозѣй ризѣ и от недуга изнемогша, и емь его за руку, и введе и в келію и постелю и покоа, елико мощно, ему сотвори. И по внегда оупокоити его, вопроси его, и аще хощетъ вкусити снѣдь. Онъ же исперва не восхотѣ болести ради, по малѣ же часѣ паки проси у старца ясти и глагола: хощу, отче, да сотвориши о мнѣ милость: от мяса, егоже принесохъ, испекъ на огнѣ, принеси ми ясти; но не хощу, да иному даси испещи е, но самъ своима рукама сіе сотвори, яко да твоимъ благословеніемъ от недуга свобожуся! Бѣ бо діаволъ принеслъ мясо на прелщеніе старца. Вземъ же старець мясо и на части ссѣкъ, и прилѣжно мывъ, посоли, и начатъ пещи, и в похотѣніе великое впаде старець, яко нѣкую часть вземъ снѣсти, еже и сотвори, прочее же принесе недужному, глаголя: востани, чадо, и снѣждь; еда како возможеши! Онъ же воставъ и видѣ, яко нѣсть все мясо, но нѣкіа части от него снѣдены, начатъ прорековати старцу: се елико частіи бѣ мяса, нынѣ же не всѣ суть, но снѣлъ еси от нихъ! Старець же нача отрицати с клятвою, глаголя: яко ничтоже свѣмъ. Яко оубо видѣ діаволъ, яко клятвою лжу сотвори, и хотя его во иныхъ уловити, смири вся, глаголя: прости мя, отче, яко тако есть, якоже реклъ еси, и разпрелстихся. Сотворивъ оубо у старца мало дніи, и единою умолився к старцу, глаголя: вѣси, отче, яко велику и богату родителю сынъ есмь азъ, и богатаго онаго сродникъ есмь. Имя рече ему. Той же, по смерти отца моего, разграби имѣніе мое, и не имѣ (не имамъ) что сотворити ему; сице стражу, якоже мя видиши; но аще послушаеши мене, и тебе богата сотворю, и себе толикои нищеты свобожу; и аще себе обогатиши, множайше страннолюбіе стяжеши. Онъ же страннолюбіа стрѣлою уязвися, обѣща: иже аще что хощеши, сотворю. Онъ же рече: послѣдуй ми, сію бо нощь дарую ти злата много. Старець же вѣровавъ реченному, и послѣдова ему. И приведе его в домъ нѣкоего богача, и отверзъ двери, и введе, и взшедъ оубо на горницу бѣсъ, идѣже бѣ злата много, и пометаше старцу на землю, послѣди верже блюдо велико, звецаніемъ возбудиша всѣхъ, иже в дому, еже воставше и яша старца и многи раны возложиша нань, в темницу

всадиша, яко да оутру бывшу предадятъ его князю. Старець же многою скорбію одръжимъ бяше в темници, промысломъ же человѣколюбца Бога, хотящаго всѣмъ спастися, пріиде бѣсъ паки ко старцу, глагола ему: не скорби, авва, понеже многи богатства исполню тя за се. Заутра бо аще тя ко князю приведутъ, рци сице: яко потворяетъ мя человѣкъ сей; азъ бо зодчій есмь и своими наемники зидахомъ у него, и ничтоже от него вземъ, нынѣ же пріидохъ взяти мзду мою, той же емь и всади мя в темницу, и аще истину оувѣдати хощеши, посли в домъ его, и обрящеши орудіа моя: теслы же и сѣкиры и прочаа, и от сего познаеши, яко истину глаголю. Еже и бысть. Князь же слыша, абіе отпусти его. Вземъ же старець множество злата много и идяше радуяся. Паки же на пути явися ему діаволъ, глаголя: аще и мало поскорбѣ, отче, но имаши много злата. Идущимъ же имъ вкупѣ, пріидоша до нѣкоего распутіа, глагола діаволъ ко старцу: ты, оубо, человѣче, симъ путемъ хощеши ити, азъ же другимъ; сѣдъ оубо, и раздѣлимъ злато. И сѣде діаволъ, сотвори три части; и глагола ему старець: како оубо, мы два суще, три части сотворилъ еси? Онъ же рече: двѣ оубо части нама обѣма, третіа же изъѣдшему мясо. Старець же абіе с клятвою нача глаголати, яко азъ его снѣдохъ; поругаемъ бывъ старець от бѣса. Рекъ же к нему: иди, старче, в келію свою и молися Богови; понеже во убійство вложихъ тя! Старець же оставль злато, и устыдѣвся бѣже в келію свою, паки вложи начало свое и ..... (1) в первый свой чинъ.

(1) Здѣсь одно слово не разобрано.

дну, глаголя: рци, шедъ, отцю нашему дьяволу связаному тамо Іисусомъ Назарянином; се ти жертву пусти іединъ ѿ князь нарѣцаіемый Лазионъ, жива боуди жертва твоя, отче нашъ, мы бо твои іесмы чада, и створихомъ подьвигъ на супротивныя намъ крестьяны. И ино много рекше, даша іему сребро и мѣдь, юже имъ даваху багатии и оубозии играныя дѣля, и се лоукавии бѣси аки жертву приношаху и тѣмь величахуся, и дошедъ же солъ бѣсовьскый къ дьяволу и влѣзъ в жилища адова, прінесе оканьныя и пагубныя приносы, яже пріимъ дьяволъ обрадовася, и рече: то всегда оубо жертву ѿ кумиръ приемлю, но тако ся обеселити не могу, якоже ѿ сихъ крестьянъ приносимыхъ бываіеть ми радость и веселыіе. Си рекъ дьяволъ, пакы възврати сребро и мѣдь сопущему, осквернивъ своимъ омраченіемь, и рекъ к бѣсу: идите и пооучайте на игры грѣшныя назаряны. Не могуть бо инако нарещи Господа нашего Іисусъ Христа, но токмо Іисусъ Назарянинъ. Скоро же приде бѣсъ к пославшему іего донесъ сотонино запрещеныя, и пакы вложи во чпагъ оптиолу сопѣлнику, и такъ бѣси разыдошася иныхъ прельщати человѣкъ. Блаженый же Нифонтъ зря сия слезяше, и бѣ одержимъ великою печалью, о таковѣй погибели и прельсти крестьянстѣи, и моляшеся остати всѣмъ игръ бѣсовьскыхъ и ѿ льсти дьяволя, наипаче же своя имѣныіе дають бѣсу лукавому, иже суть русалья, и ини же скоморохомъ; да аще сихъ не остануть, с кумирослужители имуть быти и въ скрежтѣ зубнемь. Аще речемъ: имамъ цату іединy, дай же ю взаіемь Богу, и возмеши сторица и жизнь вѣчную. За кую вину даіеши сребро своіе дьяволу в жертву, велику пагубь души своіей творя, а дьяволу же радость; велика бо радость свершаіется дьяволу плясаныя и плесканья съ свѣрилми.

VII.

О женщинѣ, вошедшей въ церковь въ нечистомъ видѣ.

(Импер. Пуб. Библ. О. 1. № 209 рукоп. XV в.)

Бѣ нѣкая жена именемъ Матрена, иже недавно бѣ невѣстоу сынъ ея поялъ, яже коупно с своею свекровью на священіе церькви звана бѣ, и на тоу нощь иже на оутрия бысть священія, плотною похотью съ своимъ моужемъ смѣсися, на оутрия же съ свекровью, на обновленіе церкви пріиде и оустыдившася человѣкъ въ церковь вниде, Божья соуда не оубояся, и пристоупи к мощемъ святаго мученика Савостьяна, и се внезапу духъ порази ю предо всѣми людьми, и сътвори ю бѣситися, церкви же тоя пресвитеръ от олтаря плащаницю вземъ покры ю; в томъ часѣ нань бѣсъ нападе, да навыкнеть своимъ стоуженьемъ и оуразоумѣють людіе же тоу соущіи. Ведоша в домъ женоу тоу и велми дьяволъ стоужаше ей, ближикы же ея многыи обавники приведоша, творяше (ще) волшьбами помощь сътвори(ти) ей, несена бо на рѣкоу и в водоу вложена бысть, многими волшьбами ликоваху ея, и не могоша помощи ей. Дивно бо о семъ Божья судбы надѣющеся чарами единого бѣса прогнати от нея, боле же легиона бѣсовъ вниде в ню, и злѣ нача трясеньемъ лютымъ плоть ея съкрушатися и тольми бѣситися ей, яко же всему яко всѣмъ бысть познано яви от множества бѣсовъ ей моучими быти. Тогда сея оужики съвѣтъ благъизвольше, видяще неоуспѣхъ чаровникъ, вину своего невѣрствия написавше, и сию бѣсноую ко благочестивому Фотронотоу приведоша, молящe его помощи страждоущей, оу него же сию оставлше і отидоша. Блаженный же во многи дни и нощи пребываше во молитвахъ о ней ко Богоу. Мнозіи же бѣсове соупротивляхоуся еому и едва преподобный отгна ихъ, цѣлоу и здравоу сию родителемъ ея предасть. Да се слышаше, моужіе и жены, не мозите въ церковь внити окалявше плоть свою, и никтоже васъ не лекоуйте болезни волъхвованіемъ, да не паче Бога разгневавше, лютѣишая пріимете. Богу нашему слава (*).

(*) Легенда эта, какъ видно, византійскаго происхожденія, замѣчательна потому, что освящаетъ обычай уваженія къ церковной святынѣ, наблюдавшійся изстари русскими и замѣченный многими иностранцами, которыхъ поражало, когда они видѣли многихъ замужныхъ женщинъ, во время литургіи стоявшихъ у дверей храма, и подвергавшихся насмѣшкамъ молодыхъ людей, знавшихъ причины, по которымъ онѣ считали себя недостойными входить въ церковную трапезу. Кромѣ того, здѣсь замѣчателенъ способъ леченія водою, употребляемый знахарями и волхвами въ старину, въ которомъ видны остатки древняго языческаго водопоклоненія.

ПОВѢСТЬ

О ЦѢЛОМУДРЕННОЙ ВДОВѢ.

(Импер. Публ. Библ. Погод. древлехр. № 1300 рукоп. конца XV или XVI в.)

Два купца от единоа веси бѣста имуща любовь себѣ, единъ же ею бѣ богатъ зѣло, другій же не потолику, жену же имѣяше зѣло краснѣйшу и цѣломудрену, яко же вещь последи показати хощетъ; оумершу бо мужу ея, оста вдовствующи. Купець же онъ другый, вѣдый добродѣтель еа и цѣломудріе, восхотѣ пояти ю себѣ в жену, срамляше же ся рещи ей, еда ввко не восхощетъ; имяше же всегда помыслъ на ню. Она же, разумна сущи, разумѣ что хощеть сотворити, и единою глагола ему: брате и господине Семіоне! вижу тя от помышленіа смущаема, но рци ми без всякаго сумнѣніа яже хощеши, и аще мощно будетъ извѣщу ти. Онъ же первѣе стыдяшеся извѣщати вещь, послѣди же исповѣда и моляше сію пояти себѣ жену; она же обѣща ему, аще сотвориши. яже ти заповѣдь дамъ, и азъ сотворю волю твою. Глагола ей: иже аще заповѣдаеши ми, сотворю вскорѣ. Рече же ему: иди в домъ свой, и ничтоже вкуси, дондеже призову тя. Онъ же с радостію обѣщася сотворити. Не дасть же ему дніи оуречены, когда призоветъ его. Минувшу же первому и второму и третьему дню, и не призва его; онъ же любве ради еа терпяше крѣпко, Богу сіа по смотрѣнію сотворшу, вѣдущему гдѣ хощетъ призвати его. В четвертый же день посла к нему. Онъ же вмалѣ не и счезе гладомъ и не возмогъ ногами своими пріити от изнеможеніа, обаче носимъ нѣкіимъ пріиде. Она же уготовавше трапезу и постелю такоже, и глагола ему: се трапеза и одръ; что повелѣваеши преже сотворити? И рече ей: помилуй мя, даждь ми преже вкусити, понеже исчезаю, ниже помысла имамъ что есть жена от одержащаго мя глада. Тогда глагола ему она: се егда взалка, и мене и всяки похоти забы, точію да хлѣба насытишися; егда же пріидутъ ти сицевые помыслы, такову лечбу поста воспріими, и избавишися всякаго помысла лукава. Вѣру же ими ми, брате, яко по смерти мужа моего ничтоже тебѣ или иному совокуплюся николиже, но покровомъ Христа моего сице пребуду в чистотѣ. Тогда умилився мужъ и почюдився разуму ея и цѣломудрію, и глагола ей: понеже благоизволи Богъ спасти мя твоего ради разума, что совѣщаеши ми сотворити? Она же боящися оуности ради и сущу ей красоты бояшеся, да не како и сама времени зовущу сицево постражетъ, и глагола ему: мню, яко не любиши никогоже Бога ради, якоже мене; азъ же во истину Бога ради люблю тя; но понеже заповѣдь имамы владыки нашего Бога, глаголюща: аще кто хощетъ по мнѣ ити, и не возненавидитъ отца, и матерь свою, и жену свою, и чада, и братію свою, и сестры, и сродникы

своя, и еще же и душу свою, не можетъ быти мой оученикъ, и аще хощеши да совѣщаю ти: оудалимъ себе другъ от друга яко да вмѣнитъ и тебѣ Господь яко отречеся жены своса его ради; мнѣ же такоже да вмѣнится яко отрекохся мужа моего, и се оуже монастырь есть в странѣ нашей, и аще всяко желаеши отврещися міра, тамо шедше отрещися и оугодиши во истину Богу. Онъ же абіе расточивъ богатство свое нищимъ, иде в монастырь онъ, и пребысть до смерти своея, и бысть искусенъ инокъ. Подобно же блаженная и цѣломудренная она, шедъ в монастырь женскый, и оугоди Богу. Сія же вся самый онъ отецъ Семионъ исповѣда намъ, и прославихомъ Бога.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Легенда эта повсемѣстно сохранилась въ народѣ и въ Червонной Руси составила предметъ одной колядки. Въ ней описывается, что когда Христосъ воскресъ, увидала его жидовка дѣвица и побѣжала сказать своему отцу. Отецъ говоритъ:

Ой дівчя, дівчя, дівчя жидівчя!
Ой кобысь то такъ не моя дитина,
Я казавъ бы тя въ Дунай вкинути;
Втоды руській Бого изъ мертвыхъ уставъ,
Коли тотъ каплунъ передъ мя злетить,
Передъ мя злетить, красно запіе!
Есть передъ жидомъ торіль точеный,
Теріль точеный, каплунъ печеный;
А каплунъ злетівъ, тай на облокъ сівъ,
Та й на облокъ сівъ, краснейко запівъ,
Краснейко запівъ — а жидъ остовпівъ.

О ВОДВОРЕНІИ ХРИСТІАНСТВА ВЪ РОСТОВѢ.

(Рукоп. XVII в. Рум. Муз. № 434.)

ЖИТІЕ ПРАВЕДНАГО ОТЦА НАШЕГО АВРАМІА АРХИМАНДРИТА БОГОЯВЛЕНСКАГО РОСТОВСКАГО. ГОСПОДИ БЛАГОСЛОВИ ОТЧЕ.

Преподобный отець нашь Аврамій бѣ родителю благочестивому сынъ (1). И остави родителя своя, и мірьский мятежь, и вьземъ крестъ Христовъ послѣдова Христу, и от младыхъ ноготъ Богу себе предъстави. Бысть мнихъ, и чисто приятелище бывъ Святаго Духа, покоривъ плоть духови, и обладая страстьми плотьскыми, и жестокому пребыванію и нужному себе вдавъ, трудомъ себе источивъ, и бысть мнихомъ начальникъ, и житіе аггельское поживъ, и чюдесъ обогатѣвъ благодатію исцѣлити страсти неисцѣлныя, истеченіемъ слезнымъ душю свою омывъ (2). Видѣвъ же преподобный прелесть идольскую соущу, (въ Ростовѣ) не оубо бѣ еще пріяша святое крещеніе, но чюдеский конецъ поклоняшеся идолу камену (3); омрачени бо суть сердца ихъ, бѣсу злу живущу, яко близъ его никому же смѣяти ходити путемъ тѣмъ, и мечьты творяще, мечеть бо христіаньскы творяше страшилища злымъ омраченіемъ (4). Преподобный же Аврамій помолися Богу, глаголя: Господи Боже вышный! призри с высоты своея на раба твоего и даждь ми силу и благодать Святаго твоего Духа разорити сего многокозненаго идола (5). И невъзможе. Не дадяше бо ни близъ себе оканьный прити злымъ влъшествомъ своимъ. И недоумѣяшеся о семъ, и бысть скорбя сѣдяше, и видѣ старца к себѣ грядуща благоговѣйна образомъ соуща; преподобный же срѣте его; и оба поклонистася межю собою, и взяста другъ от друга благословеніе, и сѣдоста.

Начатъ же (6) блаженый Аврамій к старцу глаголати: откуду, человѣче, грядеши, и коея страны еси, святче Божій? И глагола ему старець: азъ есмь, отче, Царяграда родомъ, пришлець есмь на земли вашей странный; рци же ми, отче, что ради скорбя сѣдиши близъ страстнаго сего идола Велеса? (7). Глагола блаженый Аврамій к старцу: тщуся и молюся Господу Богу разорити многострастнаго сего идола Велеса, и невозможно ми: презрѣ Богъ моленіе мое; и се скорбя сѣдохъ! Глаголаше же старецъ к Аврамію: аще хощеши, отче, желаніе мое (свое) получити; иди Цариграду и пытай въ градѣ Іоаньнова дому Богослова, и вниди въ домъ его, и помолися образу его, и не изыдеши из него тощь, и желаемое получиши (8). Печалуя же блаженый Авраамій о долъготѣ путнѣй; и рече старець: Господь Богъ прекратить ти (9) малымъ временемъ.

Блаженый же Авраамій наполънися Духа Святаго, вьземъ благословеніе оу старца, нача путемъ тещи, забывъ длъготу пути, и преиде Ишьню рѣку, и срѣ-

те человѣка страшна, благоговѣйна образомъ, плѣшива, възлыса, брадою круглою великою, и красна соуща зѣло (10), имуща в руцѣ трость. Паде под (11) ногама его блаженый и поклонися ему. Глагола ему страшный мужь: гдѣ, старче, грядеши? И рече Авраамій: на взысканіе дому Ивана Богослова. И глагола ему страшный моужь: възьми, старче, сію мою трость, и възьвратися, и приступи къ идолу Велесу, избоди его тростію сею въ имя Іоаньна Богослова, и будеть ти в прахъ оканьный. И абіе невидимъ бысть (12).

И разумѣ блаженый Іоанна Богослова, и страхомъ и радостію одръжимъ възвратися въспять, пріиде къ идолу без возбраненіа, и избоде его тростію в имя Іоанна Богослова. Абіе на томъ мѣстѣ, идѣже срѣте Іоаньна Богослова, постави блаженный церковь въ имя Іоаньна Богослова (13), иже суть и до сего дне, и въземъ благословеніе от епископа, и въдрузи церковь малу на томъ мѣстѣ, идеже бѣ прежде идолъ Велесъ, въ имя святое Богоявленіе Господа нашего Іисуса Христа, и келіи постави, и мнихи призва, и печашеся ими, и общину сътвори (14), и множество зла подятъ от невѣрныхъ, овогда же хотяще разорити святыню, и съжещи хотяще; но Богу не попустившу ихъ молитвами и трьпѣніемъ преподобнаго; не по мнозѣ же времени всѣхъ приведе к Христу богоразуміемъ, и крестишася от мала и до велика, и начаша ходити на славословіе Божіе и на всенощное и жены и отроци. Преподобный же почитаніемъ книжнымъ и поученіемъ духовнымъ наслаждаше сердца ихъ яко медвена сладчайши сота; мнози же отроци оставиша родителя своя и тайно прихождаху к нему, и быша мниси. Преподобный же безъ възбраненіа вся приходящая к нему постризаше, яко виноградъ садяше при водахъ древеса, и напояше ихъ водами, поученіемъ божественныхъ словесъ; и оумножи мнихи, и церковь велию създа и оукраси ю, яко невѣсту Христову, чюдными иконами и святыми книгами, в ней же паче множашеся пѣніе святое. Князи ростовъстіи начаша вѣру велику имѣти к монастырю и къ отцю своему Авраамію и къ всѣмъ мнихомъ, и имѣніа многа даяху на строеніе монастыреви, и села даяху на потребу мнихомъ (15) Видѣвъ же преподобный епископъ множащуся монастыреви и всѣми потребными изъобилну соущу, съвѣтъ же створи епископъ съ князи да сътворилъ архимандритію ту обитель (16). И святивьше преподобнаго Авраамія, постави арьхиманьдритомъ. И начя болми подьвизатися и труды к трудомъ прилагати, и молитвѣ и посту себе въдавъ, и образъ бывъ всѣмъ, и смиреніе веліе стяжавъ, и любовь нелицемѣрну вся — кому приходящему равно к великому и к малу (17).

Старый же ненавистникъ добру діаволъ въоружашеся на преподобнаго, и пакости ему творяше в дни и в нощи, но никако же оустраши преподобнаго мечты своими; огражденъ бо бѣ Христовою благодатію и крестнымъ знаменіемъ. Бысть нѣкогда святому хотящу по обычаю литурьгисати в святѣй Божіи церкви, обычныя молитвы пѣвшу къ святому причащенію и хотящу ему оумыти роуцѣ, и дяволъ вниде въ умывальницю, хотящу(е) преподобному спону сътворити водою. Разумѣвъ же преподобный лукаваго доуха в сосудѣ, вземь же преподобный честный крестъ, и положи на врьхъ съсуда, и около съсуда огради крестнымъ знаменіемъ, и не врежая съсуда многы дни. Бѣсъ же, крестною силою жьгомъ в сосудѣ, не могый изыти. Бысть же обычай княземъ на поле ѣздити, ловъ дѣюще по вся дни, и пакы възвращаяся въ градъ, вхождаху в манастырь покланятися церкви, и от святаго благословеніе приимаху. Пакы же пріидоша князи по обычаю в келію, благословенія ради къ преподобному. По случаю же преподобный в то время в пекольницѣ мыяше власяници на братію. Обычай бо имяше преподобный по вся дни на братію тружатися, овогда в поварню дрова сѣкуще, иногда власяници на братію мыяше, иногда воду носяще в поварню и в пеколницю. Слышавъ же преподобный о князѣхъ, и идяше в келію свою благословити ихъ; еще же преподобному не дошедъшу келіа своея, князи же суть в кельи преподобнаго ждоуще, видѣша

ъ крестомъ накрытъ, и недоумѣяхуся о семъ. ь же от нихъ дръзнувъ восхыти крестъ с со- знаменатися имъ, и абіе бѣсъ изыде изъ сосу- кы дымъ чернъ и злосмраденъ, яко устраши , тоу сущихъ (18). И оусрѣте лукавый доухъ пре- наго, в келію идущаго, и начятъ на преподоб- злая словеса износити, глаголюще: яко же ты ъстворн оканьнѣ мучитися силою невидимаго Бо- изжену быти ми силою крестною (19), тако же тебѣ спону сътворю (20), в малѣ вьремени одо- я и поострю на тя ковъ (21), и сътворю ти раны оръ всѣмъ видящимъ тя, и мукы злы наведу на на пѣзѣ ослятици всаженъ будеши безъ сѣда- , и в саньдаліа женьскыа червълена обувенъ бу- , и ина зла многа сътворю ти, противу моимъ , яже пріатъ (хъ) от тебе. Преподобному же оградн- крестнымъ знаменіемъ, и абіе исчезе (22). Кня- же въпрашающимъ преподобнаго о бывшемъ, дымъ изыде злосмраденъ изъ сосуда, оному же же о томъ повѣдавшю, вьземши же князи благо- віе от преподобнаго; и поучивъ я, отпусти ихъ ромъ (23). Не помнозѣ же времени преобразися въ образъ воина, и пріиде к великому князю в имеръ, и нача на преподобнаго тяжькая словеса ити; господине царю, хощу ти тайну велику по- и, твоему дръжавьству достойна (у). В твоей івѣ, царю, въ градѣ Ростовѣ мнихъ нѣкій Ав- вълъхвъ образомъ, творяшеся яко святъ, прель- же люди (24), смиренъ ся творя. Сей налѣзе лище веліе въ земли мѣдянъ съсудъ польнъ, инъ твоему господьству; имьже бо съсудомъ зла- и поясомъ златымъ и чепемъ немощьно цѣнѣ ти, сребру же и инымъ нѣкымъ драгымъ немо- повѣдати; тѣмъ бо съкровищемъ монастырь соз- церковь велію постави, а твоему господьству не а. Князь же великый разъжегься веліемъ гнѣвомъ еподобнаго, и посла воина люта зѣло но препо- го, глаголюще тако: гдѣ обрящеши старьца, то аголи к нему не единаго слова, но въ чемъ пакы обрящеши его, тако и постави предо мною. По наоученіемъ (енію) злаго того воина иже суть бѣса (25), в то же время преподобному на келейной молитвѣ, послѣ съборнаго пѣніа, стоящу въ единой власяници, и не обувенъ в саньдаліа, пріиде же в то время злый свѣрѣпый въинъ, не имый милости о преподобнемъ, не дадяше ни глаголати к себѣ преподобному, ни ризами облачитися, ни обуваніа ногамъ: тако бо сатана обуя ему сердце. Видя же преподобный вражду вра- жію, бывшую нань, и не убояся, но паче благодаря- ше Бога о приключьшейся нань бѣдѣ. Вьземь же его воинъ всаді и на свой конь, женяше к Володимерю, и обрѣтъ на оной странѣ езера селянина, яздяща на пѣзѣ ослятицѣ и в руку имый саньдаліа женьская, черьвьлены суть. И всади преподобнаго на ослятицю и саньдаліа възложи на ногу его, и абіе постави его пред дръжа- вою (26) великымъ княземъ, въ единой власяници, яже на тѣлѣ ношаше. Повелѣ князь воина соуперь- ника его поставити предъ собою. Въинъ же тѣже злы словеса износя на преподобнаго о обрѣтеніи вла- галища веліа; яко же преже рекохомъ; преподобный же, въздѣвъ руцѣ на небо, и запрѣти духу лукавому, глаголя: запрещаю ти именемъ Господа нашего Іису- са Христа: повѣжь ми, кьто еси ты, иже таковыми глаголы обольсти мя? Бѣсъ же нача трепетати, гла- голя: азъ есмъ бѣсъ Зеѳеоусъ, искони ненавидя доб- роу человѣчьскому (27), паче же мнихомъ, боящимся Бога. Се оувѣждь, калугере: еже ти сказахъ, то ти и сътворихъ о пръвомъ твоемъ неистовьствѣ, яже мя еси мучилъ в убозѣмъ твоемъ съсоудѣ! Се рекъ, и абіе невидимъ бысть. Князь же видѣвъ прелесть діаволю и преподобнаго, стояща поругана, и страньно очима зрѣти, и страхъ обьятъ всѣхъ соущихъ, иже суть съ княземъ; нача князь молити старьца, прощеніа прося о немъ же съгрѣши къ старьцю, съ слезами глаго- лаше: азъ, отче, повиненъ есмъ приходу твоему ноужь- ному, и люто оскорьбихъ тя зѣло; отдай же ми, отче, о немъ же тя прогнѣвахъ! Се бо, отче, врагъ омрачи ми сердце и разъяри мя на тя, и въверже мя въ

сій грѣхъ! Старець же глагола: Господь простить тя, самодръжавный царю, сіе бо дѣло старого врага діавола суть; понеже, царю, не дивися тому: искони бояся (28) с человѣкы, паче же боящимся Бога и спону сътворити. (29) Князь видѣвъ смиреніе преподобнаго и тихыми словесы и смиреными глаголюща къ нему, яко ничто же зла въспріимьша, паче же оублажаше преподобнаго, и честь велію възда ему (30) на създаніе монастырю, и домы и села многы даде к монастырю, и оустрои его своимъ монастыремъ, и оучини его вышьша всѣхъ обителей, иже соуть в Ростовѣ, и многы рабы подаде в домъ святому Богоявленію, и грамоты подаде многы жаловалные, иже соуть и до сего дне; отпоусти преподобнаго с великою честію въ свой ему монастырь, (31) И поживе преподобный въ своемъ монастырѣ в велицѣ смиреніи, и труды къ трудомъ прилагая, и в велицѣ смиреніи к Господу отъиде́, его же из млада възлюби.

ВАЖНѢЙШІЯ ОТМѢНЫ.

(По варіанту Румянц. Муз. № 156.)

(1) Преподобный отецъ нашъ Авраамій от предѣлъ Галическихъ, града нарицаемаго Чюхлома, бѣ родителю благочестивоу сынъ, и от нихъ книжному оученію наказанъ бысть, и благочестію паоученъ.

(2) Изыде взыскати в честныхъ и чюдотворныхъ обителехъ жилища святыхъ, помянувъ рекшаго: добро опечалити родителя, а не Господа; овъ бо созда и спасе, овиже множицею ихъ же возлюбиша погоубиша и моуцѣ предаша. И тако обшедъ и съглядавъ мѣста доволна, пріиде в пресловущій великій Новъградъ и тамо съглядавъ вся спасеная и чюдотворная мѣста многонароднаꙗ соущя и по Бозѣ живущя, обаче восхотѣ, по пророку рекшему, и глаголъ онъ помянувъ к великому оному, еже бѣгати от человѣкъ и спастися, тако и си преподобны, и оудалитися от человѣкъ, и водворитися в пустыню, (*) пріиде к великому езеру Ладоскому, и тамо обрѣте обитель реченую Валамъ, вниде и обита, и видѣ мѣсто от града оудалено и не зѣло народно, восхотѣ пребывати ту, и пріиятъ бысть. Видѣвъ же о братіи благое оустроеніе, нача молитися пастыря обители тоя, да сподобитъ его ангельскому образу. Игуменъ же, того искоусивъ духовне, обрѣте сосоудъ чистъ Богови, повелѣ постригщи его и дасть ему ангельскый образъ и причте его к прочей братіи. Преподобный же порадовася, яко и бысть мнихъ, и чистотѣ приятелище бывъ Святаго Духа, покори оубо плотьская духови и обладая страстьми душевными и телесными, жестокому пребыванію себе вдавъ, труды к трудомъ прилагая, и бысть искусенъ інокъ и во всѣхъ тяжкихъ службахъ. И пребысть тоу лѣта доволна и трудомъ многимъ себе и братия преподобнаго Авраамія трудившася доволно и искусна и всежъ, начяша почитати его и честь велію воздаяти ему, инѣмъ же яко и пастыря того нарицати. Преподобный же сего никако же восхотѣ слышати, ниже чести нѣкыя изскати, но абие отъиде в незнаемыя страны. И по благоволенію Божію пріиде близ града Ростова, и ту обита при езерѣ, малу колибицу себѣ поткнувъ. Видѣвше же благоразумніи богобоязниви человѣцы, начаша приходити к нему, иніи же и сожителствовати с нимъ произволяюще. Преподобный же пріимаше и оучяше когождо ихъ от божественнаго писанія, и совѣтоваше комуждо полезная и печяшеся ими отселе и нехотя бысть инокомъ началникъ. И большимъ трудомъ касаашеся, житіе паче аггельское подражая, и чюдесъ обогати вся благодатію, яко всѣмъ приходящимъ исцѣляти страсти неисцѣлныя. Преподобный же о семъ паче оумилився, и теченіемъ слезнымъ непрестанно душу омывая, видѣвъ же—*и прочеевъ строкѣ 11.*

(3) Но чюдскый конецъ единаче покланяшеся идолу камену.

(4) *Вм. со слова* бѣса *до слова* преподобный: Бѣ же во идолѣ бѣсу злу живущоу и мечты творящу христіаномъ и страшилиця злымъ своимъ омраченіемъ.

(5) *Прибавлено*: и наставити человѣкы прельщеныя.

(6) *Вм.* начатъ: И по молитвѣ начатъ

(7) *Вм.* близь *и проч. до слова* глагола: Близь многострастнаго сего идола окаяннаго Велеса

(8) *Прибавлено*: аще же не идеши в домъ Іоанна Богослова, не можешихъ желаемое получити.

(9) Путь твой.

(10) Зѣло благолепна суща

(11) *Вм.* под: Пред

(12) Будеть.

(*) Вѣроятно, здѣсь перемѣшаны фразы; надобно читать *вм.* еже *и проч.* такъ: еже бѣгати от человѣкъ и спастися, и оудалитися от человѣкъ и водворитися в пустыню тако и си преподобный.

ПРИМѢЧАНІЕ.

О критической оцѣнкѣ этой повѣсти см. Преосв. Макарія Истор. Русск. Церкви Т. I, стр. 157.

ПОВѢСТЬ

О ВОДВОРЕНІИ ХРИСТІАНСТВА ВЪ МУРОМѢ.

ПОВѢСТЬ

О ВОДВОРЕНІИ ХРИСТІАНСТВА ВЪ МУРОМѢ.

(по рукоп. Румянц. Муз. № 364.)

ѧца маїа къ ка день сказаніе ѡ жїтїи и ѡ преѣыканїи ї ѡ чюдесѣхъ скѧтыхъ чюдотворцокъ мѹромскихъ благовѣрнаго
кнѧзѧ константина ї чадъ его кнѧзѧ михаила ї кнѧзѧ феодора.

прїиде к мѹромѣ изъ града кїева и проскѣти градъ мѹромъ скѧтымъ крещенїемъ. И ѡ обрѣтенїи честныхъ мощей ихъ.
И сказаніе ѡ градѣ Мѹромѣ.

ей градъ прославенъ бысть в россійстѣй земли во | наго слугу от того же благочестиваго корене блажен-
древняя созданіе града имѣя стѣны каменны и | наго князя Коньстантина Свѣтославича внука Ярослава
орныя, и оттого нарицается Муромъ. И многимъ | Владимировича, крестившаго русскую землю, с чады
мъ прешедшимъ пренесенъ бысть градъ нынѣ во | его с князи Михаиломъ и Ѳеодоромъ, иже от юности
ъ мѣстѣ, идѣже и нынѣ стоитъ, а той каменный | Христа возлюбиша и Пречистую его Матерь всею ду-
ъ развалився, токмо подошва его знати и до ны- | шею, и поревноваша святымъ апостоломъ и прежнимъ
І егда по крещеніи земли російскія от святаго вели- | благочестивымъ царемъ и княземъ, и не точію сами, но
князя Владиміра Кіевскаго и всеа Росіи раздѣли | и безчисленно душъ града Мурома научиша и наста-
овомъ своимъ грады во одержаніе, и сей градъ Му- | виша въ познаніе истинны, еже вѣровати въ Троицы
ь предаде сыну своему благовѣрному князю Глѣбу, | единому Богу. а идолы попраша, и сокрушиша, и без
плоти брата святаго Бориса. І егда прїиде святый | вѣсти сотвориша. А егда святому князю Глѣбу Влади-
ъ ко граду Мурому, і еще тогда невѣрни быша | мировичю княжащу в немъ, но невозможе той от-
іе и жестоцы, и не прїяша его к себѣ на кня- | вратити поганыя люди от идольскаго поклонапія и по-
іе, и не крестишася, но и сопротивляхуся ему. Онъ | мраченія: не много бо лѣтъ пребывшу ему і убіенъ
отеѣха от града 12 поприщъ на рѣку Ишню и та- | бысть. А во градѣ Муромѣ живяху человѣцы прежде
пребываше до преставленія святаго си отца. І ис | поганыя различныя языцы зли суще. И градъ сей
града бысть ему страданіе по Христѣ от брата | Муромъ славенъ бяше, и кровопролитія безчисленна с
го Свѣтополка под Смоленьскомъ на Смядыни рѣцѣ: | вѣрными содѣвающе и обиду творяще велію. І тяжко
ыхъ убійцъ кончину прія. По страданіи же свя- | си вмѣни и воззопи къ праведному судіи царю и Го-
князя Глѣба прейде двѣсти и седмь лѣтъ. А | споду святый аггелъ хранитель от великаго и славна-
созданія мира 6731 году посла Богъ своего вѣр- | го града Мурома: прожени, Господи, от него духи не-

чистыя, бѣсы лукавыя, и расточи ихъ, и прожени ихъ в бездну преисподнюю, да не оскверняютъ скверными бѣсовъскими жертвами воздухъ и рѣки и землю! И тако невѣрныя грады имѣютъ единаго аггела хранителя. А христіаномъ единому человѣку всякому дается от крещенія анггелъ хранитель святый. И тако Муромскому анггелу хранителю молящуся: обрати, Господи, люди сія въ познаніе твое, и да не помянеши людемъ симъ беззаконія ихъ! и воспали Господь Богъ духомъ святымъ сердце благовѣрному князю Константину Свѣтославичю и чадомъ его Михаилу и Ѳеодору, и вселися в нихъ благодать Святаго Духа. Слышавъ бо благовѣрный князь Константинъ о граде Муроме велицемъ и преславнѣмъ, и множество людей живущихъ в немъ, и богатствомъ всякимъ кипящимъ, реками и рыбою, и медомъ, и хлѣбомъ, і овощіемъ, и начатъ прошатися у отца своего Свѣтослава, чтобы во граде Муроме господьствовати. Боляше же о немъ отецъ его Свѣтославъ, да не убіенъ или прогнанъ будетъ от невѣрныхъ. Онъ же сподвиже на молбу митрополита Киевскаго, и тако умилившуся отцу его Свѣтославу, даруетъ ему прошеніе, востаетъ с престола своего, воздаетъ благодареніе всесильному Богу, вдохнувшу в онь благодать Святаго Духа и возбыстривша его на толикое божественное благослугованіе, еже просвѣтити невѣрныя святымъ крещеніемъ, и воздвизаетъ валяющагося на земли лобызающаго нозе его сына своего князя Конъстантина от земли, и цѣлуетъ его во уста и восаждаетъ сопрестолна себѣ, и молитъ преосвященнаго митрополита сотворити молебное пѣніе въ соборной церкви ко Господу Богу и пречистѣй его Богоматери, со всемъ освященнымъ соборомъ и помазати благовѣрнаго князя Конъстантина въ самодержавство славному граду Мурому, вдаетъ ему благословеніе: образъ пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и приснодѣвы Маріи с превѣчнымъ младенцемъ Господемъ нашимъ Іисусъ Христомъ, и протчія иныя иконы, и святыя сосуды, и книги, и все церковное строеніе, и боляръ и воеводъ и воинъ доволно, и стѣнобитное оружіе на пріятіе града Мурома. Благословляетъ и посылаетъ митрополитъ с нимъ от своего собора епископа, і архимарита, і игумена, и протопопа, и попы, и діяконы, и протчія причетники на просвѣщеніе града Мурома. И тако с великою честію получивъ прощеніе и отпущеніе от отца своего Свѣтослава, и благословеніе от преосвященнаго митрополита, и подъемлетъ с собою княгиню свою Ирину и два сына своя, благовѣрныхъ князей Михаила и Феодора, и бояръ, и воеводъ, и войско все, и вся люди отдѣлены з женами ихъ, и з дѣтми, и и со всѣмъ ихъ имѣніемъ, и с великою радостію касается путному шествію, во всемъ надѣяся на Господа Бога, и прося от него помощи свыше і одоленія, глаголя сице: не предаждь, владыко, царю человѣколюбче, беззаконнымъ людемъ вѣрнаго своего раба: но даждь, Господи, крѣпость, и побѣду, і одолѣніе разорити и прогнати безбожное ихъ шатаніе. І посла пред собою первороднаго своего агньца незлобиваго і кроткаго, и послушиваго, и любимаго отцемъ и матерію, сына своего, благовѣрнаго князя Михаила с немногими людми еже увѣщати невѣрныя въ покореніе отцу своему князю Константину: обѣщаваетъ имъ дары, и честь, и вотчины, и достояніе, і оброки легкія, и протчая словеса мирная глаголетъ имъ, хотя ихъ привлещи къ себѣ миромъ без кровопролитія. Но бозбожніи людіе совѣщашася лестію, и призваша благовѣрнаго князя Михаила во градъ Муромъ, мирнаго ради совѣта, і убиша его во градѣ, и тѣло его вонъ извергоша из града звѣремъ, и псомъ, и птицамъ на растерзаніе; но Господь Богъ сохрани тѣло вѣрнаго раба своего, новаго страстотерпца, и ничтоже прикоснуся тѣлеси его, но свѣтяшеся надъ нимъ свѣтъ аки солнце, и веліе благоуханіе испущаше из себе, и слышаша невѣрніи надъ тѣломъ святаго анггельское пѣніе безпрестани поюще. І пріиде на нихъ страхъ і ужасъ неисповѣдимъ, никѣмъ же гоними и бѣжаша во градъ Муромъ, и затворишася, и готовляху оружіе браньное, и тѣхъ с нимъ пришедшихъ побиша же слугъ его. И вскорѣ приспѣ благовѣрный князь Константинъ со многимъ воиньствомъ и взяша

тѣло сына своего князя Михаила в лѣсе поверженное, и воззопи ко Господу Богу со слезами, горко глаголя великимъ гласомъ: суди, Господи, обидящія мя и возбрани борющія мя, виждь агньца моего незлобиваго и птенца заколеннаго, тебе ради, Господи, и ради крове сея отрока моего устави кровь войска моего, и гражанъ устраши, и предаждь ихъ мнѣ, Господи, в руцѣ мои безъ кровопролитныя брани. Невѣрніи же граждане изыдоша спѣшно противу ему братися, хотяше (ще) его прогнати, и бездѣлна сотворити, и в посмѣхъ и в поношеніе въвести. Итако осія сердце свѣтомъ і охрабри вѣрнаго слугу своего, князя Константина, изганяетъ страхъ из сердца его, и в весело забвеніе въводитъ смерть, и наставляетъ его на брань. Яко на шипчаны цвѣтъ извлекаетъ мечь свой прежде всѣхъ, и тщится к невѣрной рати итти; они же не пускаютъ его. Онъ же глаголетъ к нимъ: азъ яко на пиръ или на вечерю или на бракъ иду питія многоцѣннаго испивати: послабите ми, пустите мя тако прежде всѣхъ васъ; побѣду сотворю или самъ побѣжденъ буду! Невѣрніи же граждане видѣвше храбрость и мужество его, Господу устрашившу ихъ, нападе на нихъ страхъ и трепетъ; и въбѣгше во градъ затворишася, и вскорѣ послаша с повиновеніемъ, и клятвами себѣ утвердиша, оброки и дань даяти ему обѣщавахуся, точію не хотяще креститися. І пріяша его во градъ с великою честію. Онъ же пришедъ во градъ Муромъ со княгинею Ириною, и съ сыномъ своимъ княземъ Феодоромъ, и со епоскопомъ, и з бояры, и съ воины, и со всѣми людми своими, и сѣде во граде Муроме государствовать, укрѣпився вѣрою Христовою, препоясавъ чресла своя истинною, і оболкъся во броня правды, и воспріимъ щитъ вѣры, и мечь спасенія воспріимъ, еже есть слово Божіе, и воздвиже въ старомъ городцѣ первоначалную церковь превелику Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, а по гречески нарицается евангелистъ маронагія Ѳеотока, и потомъ вторый храмъ святыхъ страстотерпецъ Бориса и Глѣба, и ту устрой епископа, и потомъ иныя церкви. И по совершеніи церкви Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, в той церкви погребе тѣло сына своего многострадалнаго агньца, князя Михаила, предтечю Муромскаго къ Богу, и воспѣша память. Невѣрніи же людіе, видяще сія, дивляхуся, еже не по ихъ обычаю творимо бѣ погребеніе, яко погребаему бѣ князю Михаилу во знакъ на востокъ лицемъ, а могилы верхъ холъмомъ не сыпаху, но равно со землею ни тризнища, ни дымы (¹) ни битвы, ни кожи кроянія, ни лицедранія, ни плача безмѣрнаго не творяху. І о томъ безумніи ругающеся и смѣющеся, вопрошаху христіанъ: что не по ихъ невѣрныхъ обычаю погребеніе? Они же имъ повѣдаху, яко се уставъ святыхъ апостолъ изложенъ повелѣніемъ Святаго Духа, а еже со свѣщами провожденіе яко отъ темнаго сего житія ко истинному свѣту отходятъ, а на востокъ образомъ положеніе образующе будущее воскресеніе, и протчая тайны Христовы открываху имъ по малу, влекуще ихъ в разумъ истинны. Они же, велми жестоки, нимало не вниманиу ученія и къ моленію вѣрныхъ не прекланяхуся. І о семъ святый князь Константинъ въ велицѣй скоби и печали бѣ, и глаголаше в себѣ: что мой животъ, что пребываніе, что злато, и все во тщету въмѣняю, аще не обращу людей сихъ подручныхъ ко Господу Богу и не крещеныхъ, како явлюся лицу его! какій принесу даръ, како хощу рещи: се азъ и дѣти, яже ми далъ Богъ! І о семъ безпрестани размышляше и моляшеся, да обратитъ ихъ Господь на истинную вѣру, и постъ жестокъ воспрія, и во вся нощи слезныя источники въ молитве своей яко струя испущаяше. І глаголаше имъ ласкою и любовію, и дары многими, і оброки легкія обѣща и лготы, дабы ихъ привлещи во крещеніе. А иногда муками и ранами претяше имъ. Они же втайнѣ совѣтъ творяху, еже убити святаго благовѣрнаго князя, или выгнать из града, но совѣтъ ихъ разоряше Господь: егда прихождаху пред лице невѣрніи людіе князя Конъстантина, руцѣ ихъ задержеваxуся, и не можаху отвѣщати противнаго словесе. Гос-

(¹) Сверху написано *ни*, въ варіантѣ Румянц. Муз. № 163: ни дыни.

подь бо Богъ соблюдаше вѣрнаго слугу своего невидимою силою. И во единъ убо от дней собрашася невѣрніи от мала и до велика во граде Муромѣ, і единомысленно совѣщаша совѣтъ лукавъ и безбожными своими клятвами закляшася, еже по бесерменьски шерть глаголема, еже убити святаго князя или выгнать из града. І во единъ убо от дней пріидоша вси невѣрніи Муромстіи народи ко двору благовѣрнаго князя Константина со оружіемъ и дреколми, и сташа вси у вратъ его, хотяще его убити или выгнати из града. Видѣвше же вѣрніи людіе, вельми убояшася и затвердишася во храмѣхъ своихъ, готовляху оружія браньная к боренію сопротивныхъ. Благовѣрный же князь Константинъ никако же убояся, и оградися крестнымъ знаменіемъ, і укрѣпльсь силою крестною и помощію пресвятыя Богородицы, и ста на молитву съ сыномъ со княземъ Феодоромъ, и с княгинею Ириною, и со епископомъ, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и з боляры, и съ воины, и со всѣми христіаны православными, и возъдѣвъ свои праведныя руцѣ на небо, и падъ на землю пред образомъ владычицы нашея Богородицы и приснодѣвы Маріи с превѣчнымъ ея младенцемъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, со слезами моляшеся сице глаголюще; Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ вѣрныхъ рабъ своихъ! Боже, сотворивый небо и землю, сѣдяй на херувимѣхъ и призирая на новую тварь, призри, Господи, с небѣсе днесь, и виждь, Господи, скорбь сердецъ нашихъ, і изнеможеніе плоти нашея, и дряхлость лицъ нашихъ, призри, Господи, днесь, и помози намъ рабомъ своимъ, и покори под нозѣ наши вся враги наша, видимая и невидимая, и прожени ихъ, Господи, силою своею, и увѣдятъ славу твою, и прославятъ с нами имя твое пресвятое! И потомъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ падъ предъ образомъ Пречистыя Богородицы, глаголя: О всесвятая госпоже, владычице Богородице, вышьши всѣхъ ангелъ і архаггелъ, и всея твари честнѣйшіи і избави насъ, рабъ своихъ, от нашествія сихъ иноплеменныхъ, і избави насъ, госпоже, своими богопріятными молитвами отъ нашедшаго сего зла! Умоли, госпоже, Сына своего и Бога нашего о насъ, нищихъ, скорбящихъ и плачющихся, на тя надѣющихся, да не погибнемъ рабы твои, но да избавимся тобою от бѣдъ и от врагъ нашихъ видимыхъ и невидимымъ, и совѣты ихъ разори и сокруши; ты бо едина радость и всему міру покровъ и заступленіе; тѣмъ же вопіемъ ти, припадая: пріими молебное пѣніе наше от недостойныхъ нашихъ и скверныхъ устенъ, от мерзскаго сердца, от ума помраченнаго, от нечистаго языка, от скверныя мысли; паче же научи насъ, что намъ подобаетъ творити и глаголати, и вопіемъ ти сице: не презри насъ, всегосподованная царице, ибо никто же притекая къ тебѣ и призывая посрамленъ бывъ, и вси противніи дуси страхомъ одержими трепещутъ и боятся имени твоего святаго, вѣдущи тя Божію матерь, и кто, на тя надежду возложивъ, погибе, точію отметающиеся и непоклоняющіяся образу твоему написанному, мы же, поклоняющеся пречистому твоему образу, благоговѣйно почитаемъ; не имамы бо инаго Бога, развѣ Сына твоего и Бога нашего, и тебе по Господе госпожю царицу, исповѣдуемъ истиннаго Бога нашего Матерь, и любезно всем чтемъ, и молимтися: милостива намъ сотвори Сына своего и Бога нашего, паче же покажи на насъ обычное свое милосердіе; можеши бо, елико хощеши, умолити о насъ Сына своего, Христа Бога нашего, да помиловани будемъ, и да не погибнемъ за множество злыхъ нашихъ согрѣшеній, яко удалихся (хомся) от него за безчисленная беззаконія наша; сего ради прибѣгаемъ къ тебѣ, теплой помощнице и скорой заступнице: не имамы бо иного упованія развѣ тебе, и нѣсть намъ иного высочайша на небеси и на земли, яко же ты по Господе Бозе, и на твой пречистый образъ взирающе, яко истинную самую Тебе зримъ, и вѣрою сердечною и любовію еже от души поклоняемся пречистому твоему образу, с превѣчнымъ ти младенцемъ, Господемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, и молебная наша пѣнія и молитвы приносимъ ти, ужасающеся и трепещуще за недостоиньство наше, и вопіемъ ти: помилуй насъ, мати Божія,

юкажи на насъ, убогихъ, древнія милости твоя всесильнымъ ти воеводствомъ, яко же спасла еси царствующій градъ от скиѳскаго кагана, лукаваго вепря, предстателя бѣсомъ, тако и нынѣ побѣди вся видимыя и невидимыя враги наша, и со слезами зовемъ ти: предстани в помощь нашу, да не погибнемъ до конца, изми насъ из руки злыхъ бусурманъ агарянскаго языка; юзстави насъ, падшихъ, и неприступны и страшны юкажи врагомъ нашимъ, да увѣдятъ, яко тобою содержими есми и спасаеми! Спаси, владычице, спаси души наши, яко же твой градъ на тя уповающіи спасла еси во славу и заступленіе вѣрнымъ, на посрамленіе злымъ бусурманомъ, і яко да твоимъ предстательствомъ и мы тмочисленное воинъство бусурманъ агарянскаго языка побѣдимъ, да от нынѣшнихъ бѣдъ тобою избавльшеся, благодарно вопіемъ ти: радуйся заступница наша теплая и непостыдная и предстателница необоримая! О велія Божія милость и неизреченны и неизслѣдованны судбы его, и кто исповѣсть на насъ милость его, молитвами пресвятыя Богородицы! І абіе бысть гласъ с небеси глаголя: Константине, вѣрный мой рабе! в малѣ бысть ми вѣренъ, над многими тя поставлю: вниди в радость Господа своего! Услышана бысть молитва твоя; дерзай; не бойся: азъ есмь с тобою!

Благовѣрный же князь Конъстантинъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ и со всѣми людми, слышавъ Божію помощъ, и споможеніе пресвятыя Богородицы, падаша на землю пред образомъ Божія Матери от радости сердечныя, со слезами многими. І пріятъ образъ Богородицынъ и пойде единъ уединенъ к безчисленному народу Муромскому невѣрному благовѣрный князь Коньстантинъ, имый на рукахъ икону Божія Матере с превѣчнымъ ея младенцемъ, Господемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ. Видѣвше же невѣрніи людіе икону пресвятыя Богородицы аки солнце сіяющее и лице святаго Конъстантина аки ангельское, убоявшеся велми и падше ницы, быша яко мертви. Святый же князь Конъстантинъ возгласи имъ велімъ гласомъ, глаголя: Отцы и братія моя драгая! востаните; не бойтеся. о братія мои; повѣдите ми: чесо ради сѣмо пріидосте ко мнѣ? Они же, яко древніи Валаамъ, и не по своему хотѣнію едва возмогоша отвѣщати, и вси яко единѣми усты рѣша еди ногласно: О милостивый господине нашъ, благовѣрный княже Конъстантине! Пріидохомъ молити тя, яко да повелиши насъ крестити во имя Отца и Сына и Святаго Духа въ Троицы славимаго Бога, и пріяти вѣру христіаньскую, вѣру православную, сіяющую паче солничныхъ лучь, вѣру, преданную от святыхъ апостолъ и богоносныхъ отецъ і от седми вселеньскихъ соборовъ утверженную, Святый же князь Константинъ, слышавъ от многочисленнаго народа невѣрныхъ людей града Мурома, возрадовася радостію великою зѣло и пойде со своею благовѣрною княгинею Ириною и съ сыномъ своимъ княземъ Феодоромъ и со всѣмъ освященнымъ соборомъ в первоначальную церковь Благовѣщенія пресвятыя Богородицы, и повелѣ звонити в тяжкая колокола, и вшедъ въ церковь, ста на востокъ лицемъ, поклонився пред образомъ господнимъ до земли, и возьдѣвъ руцѣ свои на небо, и рече: Господи Іисусе Христе Сыне Божій! славлю имя твое святое, яко призрѣлъ еси на насъ грѣшныхъ, і избавилъ еси насъ отъ страсти ельлиньскія, и не предалъ еси насъ в руки врагъ нашихъ! Посемъ святый велімъ гласомъ благодарствуя Бога и многи слезы от радости излія, яко и помостъ ему омочити слезами; тако же и вси, иже с нимъ, похвалиша Господа Бога и Пречистую его Богоматерь, и подяша самодержца от земли, под руце держаще, яко от зелнаго пощенія велми ему изнемогшу, і очи ему от слезныхъ источникъ опухли бѣ; и многи дни преже сего ни ядый, ни пия, такоже и вси людіе, иже с нимъ, плачущеся со слезами, и нѣсть такова человѣка не плачющася, но вси с молитвою, и плачемъ, и воздыханіемъ немолчьнымъ руцѣ свои на небо воздѣюще, моляхуся Пресвятѣй Богородицѣ: О всесвятая госпоже, владычице Богородице, ты, госпоже, избавила еси насъ от нахожденія иноплеменныхъ; избави от огня и меча и напрасныя смерти, от нынѣшнія одержащія ны скорби и печали, нашедшія на насъ, і от настоя-

щаго гнѣва, и бѣды, и нужды, і от всѣхъ искушеній избави, Богородице, своими богопріятными молитвами, и заступи, госпоже, къ Сыну своему и Богу нашему, и въ предидущія лѣта да не погибнемъ, но да избавимся тобою от бѣдъ и от врагъ нашихъ, видимыхъ и невидимыхъ, и злыхъ человѣкъ. І умилосердися, госпоже, на насъ, нищихъ і убогихъ, на тя надѣющихся; изми от сопротивныхъ и во время скорби нашея помози намъ; буди теплая предстателница и помощница; да яко от нынѣшнихъ бѣдъ избавльшеся, благодарно вопіемъ тебѣ: радуйся, заступница наша непостыдная, радуйся о обрадованная, Господь с тобою! И по совершеніи молебнаго пѣнія рече благовѣрный князь Констанътинъ ко освященному собору: отцы святіи, что рече Господь во евангеліи, никто же можетъ пріити ко мнѣ, аще не Отецъ, пославый мя, привлечетъ его! И похвали Господа Бога предо всѣми, яко же рече писаніе. Первое начиная всякое дѣло благопрослави Господа Бога усты своими и потомъ да твориши начало дѣлу; душа бо освящается вѣрою, а тѣло освящается исповѣданіемъ и похваленіемъ Господнимъ. И посемъ заповѣда всѣмъ людемъ поститися от мяса, и млека, и питія, і от женъ своихъ воздержатися, и потомъ пріяти святое крещеніе. По совершеніи же пощенія, повелѣ всѣмъ людемъ итьти на реку, глаголемую Оку. И тако вси людіе с великою радостію идяху на рѣку з женами и з дѣтми, и всякъ возрастъ града Мурома мужескій полъ и женьскій бродяху в рецѣ, овіи до пояса, а иніи до персей, друзіи же до выи, презвитери же, по брегу стояще, молитвы глаголаху. А жены и дѣвицы крестиша на особомъ мѣсте, а младенцы на рукахъ матерьми держими И тако крестиша вся люди града Мурома во имя Отца и Сына и Святаго Духа радующеся и славяще Бога. Сему же бывшу возгремѣ громъ с небеси страшно яко поколебатися всему граду Мурому. І явишася лучи огненныя страшны, над ними пришестіе Параклитово осѣни ихъ, епископъ же и священницы мазаху гризмою чело, очи, усты, поздри, уши, и надѣша вѣнцы красныя на главы ихъ, обязаша на нихъ же кресты шиты и бѣлы ризы, и нагавицы и сапоги даша всѣмъ, и свѣщи горящія в руцѣ, и повелѣша имъ итти в первоначалную церковь Благовѣщенія пресвятыя Богородицы, вамъ же князь з боляры после вниде въ церковь, и видѣ народы в церкви стояще бѣло образующася, иніи же около церкви стояще, множества ради не вмѣстишася. И взыде на высоко мѣсто, иже на то устроено, повелѣ всѣмъ молчати. Бывшу же молчанію, помолися святый князь к Богу сице глаголя: Боже, сотворивый небо и землю! призри на новокрещенныя сія люди града Мурома, и даждь имъ, Господи, увѣдѣти тя, истиннаго Бога і Спаса нашего Іисуса Христа, и утверди ихъ въ правой вѣре, и мнѣ, Господи, помози на противныя враги, надѣюся на твою державу, покорю козни вражія. І обращься к народу, рече велімъ гласомъ осклабленнымъ лицемъ: Се израиль новый, языкъ святъ, очищенъ водою и Святымъ Духомъ; се полкъ ангельскій свѣтится; красуйся и веселися, избраньное стадо Христово, сынове царствія Божія! Блажени есте днесь порождени истиннымъ свѣтомъ Пресвятыя Троицы! днесь взасте нетлѣнную одежду, молю вы, братіе, именемъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и Пречистою его Богоматерію Пресвятою Богородицею, мужайтеся и крѣпитеся в вѣре нашей, и да ни коими скверными не оскверните чистоты вашея. І устрои в дому своемъ три трапезы на всякъ день: первую епископу и священникомъ и черноризцемъ, вторую нищимъ і убогимъ и странным, неимущимъ покоя, третію себѣ и бояромъ и велможамъ своимъ. Подобяся святый князь Константинъ царю Давиду и пророку Іезекіилю, иже изъбраша Божій законъ паче всего. Видя же благовѣрный князь вѣру людей своихъ, яко вси единодушно приступиша ко истинному въ Троицы славимому Богу и сотвори в той день пиръ великъ, яко всѣмъ людемъ от мала и до велика быти у него, доволно учреди и по три дни ядми и питіемъ, паче же духовнымъ поученіемъ, и многи дары дая: первымъ и сановнымъ села и вотчины, инымъ куны, инымъ свиты і обувенія,

и объявляя всенародному множеству града Мурома из храмины во оконце святительское, будто держитъ у себе святитель Василій на ложи дѣвицу, иногда же из храмины хождаше от епископа. Видѣвше же сіе народъ града Мурома, такоже и велможи и боляре. Во единъ же убо день собравшеся вси и пріидоша ко святителю Василію въ вечернюю годину, и видѣша вси людіе дѣвицу бѣжащу по степенемъ ко святителю в келію, имуще сапоги в рукахъ своихъ; видѣвъ же народъ сіе излиха вопиюще: о епископе! не достоитъ тебѣ дѣвицу имѣти во храминѣ своей на ложи своемъ у себе! Святый же Василій епископъ рече: отцы и братія! неповиненъ есмь дѣлу блудному сему, еже вы речете ми! Слышавъ же се народъ от епископа наипаче же излиха вопіюще: о епископе! лжю твориши: видѣхомъ бо вси дѣвицу, бѣжащу к тебѣ. Видѣвъ же святый Василій мятежъ и кличь в людехъ велій; пніи же излиха вопіяху: за сіе дѣло убіемъ его! Святый же епископъ Василій, слышавъ от нихъ, уклонися на моленіе к народу: отцы и братіе, дадите ми мало время до утрія до третіяго часа дни. Слышавъ же се народъ, разыдошася по домохъ своихъ; и по отшествіи народа святый Василій епископъ со слезами всю нощь моляшеся Богу, и всенощное пѣніе сотворивъ въ храмѣ святыхъ страстотерпецъ Бориса и Глѣба, и отпѣвъ литоргію, пойде молитися в первоначалную церковь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, и нача молитися пред образомъ Пресвятыя Богородицы, иже пріиде из Кіева з благовѣрнымъ княземъ Констонтиномъ; и по отпѣтіи молебнаго пѣнія, святый Василій, пріемъ икону Пресвятыя Богородицы с превѣчнымъ младенцемъ Господемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, на ню же возложи надежду святый Василій епископъ о своемъ спасеніи, и пойде из церкви Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы і из епископіи своея до рѣки, нарицаемыя Оки; провождающе же его велможи града Мурома и весь народъ, хотяще ему судно дати ко плаванію. Святый же стоя со образомъ Богородичнымъ на брезѣ, снемъ с себя мантію, и простре ю на воду, и вступи на ню, нося образъ Пресвятыя Богородицы. І абіе святый Василій несенъ бысть духомъ бурнымъ и со образомъ Богородичнымъ противу быстринъ рѣчныхъ струй, отнюду же она рѣка течетъ. Видѣвше же сіе чюдо муромстіи граждане вопіяху вси от стара и до мала, со слезами глаголюще сице: О святый владыко Василій! прости насъ грѣшныхъ рабъ своихъ: согрѣшихомъ пред тобою! О владыко святый Василій! кому насъ оставляеши сирыхъ! О отче святый владыко Василій! не забуди насъ рабъ своихъ! І абіе святый Василіе епископъ взятся от очію муромскаго народа по мгновеніи ока вьверхъ по Окѣ рекѣ. Бысто же чюдо сіе в третій часъ дне, и того же дни въ девятый часъ принесенъ бысть в мѣсто, еже нынѣ зовомо Старая Рязань. Ту бо тогда пребываху князи рязаньстіи. И великій князь Рязаньскій, именемъ Олегъ, срѣте его со кресты и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и пріятъ святаго праведнаго епископа Василія, радующеся со всѣми православными христіяны. И тако пребысть Муромская епископія в Резани. Нарицаетъ же ся и до днесь Борисоглѣбская, одержанія ради града Мурома святому князю Глѣбу. По семъ же Муромъ от рязаньскихъ епископовъ благословляется, сами же к тому епископи в Муромъ не возвращахуся и нарицахуся прежде Рязаньстіи и Муромстіи, а егда бѣяху посѣщенія ради епископи во градѣ Муромѣ, тогда нарицахуся прежде епископи Муромстіи и потомъ Рязаньстіи. Чюдотворная же та икона пресвятыя Богородицы, иже епископа Василія принесе из Мурома на Рязань боготворною своею силою, и донынѣ в Резани есть. Той бо святый Василій епископъ вѣру і упованіе возложи на образъ Пресвятыя Богородицы и Приснодѣвы Маріи. Удивити хотя милостію своею пречистая Богородица, і явити хотя без порока своего вѣрнаго раба от губителя врага душъ христіянскихъ; во едину убо шесть часовъ святый Василій епископъ принесенъ бысть вьверхъ по рѣкѣ по Окѣ множае двусотъ поприщъ! О пресвятая дѣво владычице Богородице мати Божія! кій языкъ исповѣсть твоя чюдеса или кая мысль по достоянію по-

хвалити возможетъ твоя благодѣянія: како молящися с вами Отцу и Сыну и Святому Духу о нашихъ согрѣшеніяхъ! Се бо слышахъ не самаго зрака твоего, но от образа твоего написаннаго ужасаетъ ми умъ і удивляетъ помыслъ. Хотѣхъ бо распространити и не вѣмъ, како написати, понеже оттуду много лѣтъ преидоша, і азъ о семъ недобрѣ свѣмъ, и боюся, да не явлюся глаголя ложь. Якоже слышахъ, тако и написахъ. Імѣя въ помощь исправляющую Владычицу нашу всѣхъ Богоматерь, еже до стоитъ всему христіяньству безпрестанно ей молитися, да избавитъ насъ от навѣтъ вражіихъ своими матерними, еже къ Богу, молитвами.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Разсматривая критически происхожденіе и складъ повѣсти о Константинѣ, преосвященный Макарій (Истор. Рус. ц. 11. 19) находитъ, что житіе, въ которомъ она заключается, составлено въ XVI вѣкѣ, по открытіи мощей благовѣрнаго князя Константина; самъ же этотъ Константинъ долженъ быть называемый въ лѣтописяхъ княжескимъ именемъ Ярославъ Святославичъ, сынъ Святослава Черниговскаго, внукъ Ярослава великаго, Время прибытія его въ Муромъ слѣдуетъ отнести ранѣе 1088 г. когда по лѣтописнымъ извѣстіямъ онъ уже находили въ Муромѣ. Не смотря на позднее составленіе житія, что видно и по слогу, самая ткань повѣсти принадлежитъ болѣе отдаленной древности; повѣсть эту слѣдуетъ разсматривать, какъ благочестивое преданіе, сохранявшееся у мѣстныхъ жителей о величайшемъ событіи ихъ исторіи. Извѣстіе о почитаніи Могаммеда въ Муромѣ не противорѣчитъ вѣроятности и показываетъ, что до распространенія христіанства заходило туда могамеданство, какъ кажется, отъ Волжскихъ Болгаръ. Подробности о языческомъ богопочитаніи также имѣютъ историческую достовѣрность, тѣмъ болѣе, что народы чудскаго племени, населявшіе восточную Россію, послѣ распространенія христіанства, долѣе Словянъ сохраняли языческіе обычаи. Этому способствовало различіе языка, ставившее преграду ревности славяно-русскихъ проповѣдниковъ. Народы эти утрачивали язычество вмѣстѣ съ своею старою народностію. Епископъ Василій, о которомъ сказаніе составляетъ какъ бы дополненіе повѣсти о водвореніи Христіанства, жилъ въ концѣ XIII вѣка.

тель посла по протодіакона с клиросомъ принести честную икону на соборъ. Протодіаконъ же пришедъ в церковь, поклонися чюдотворному образу пресвятыя Богородицы, и хотя взяти, и абіе не подвижеся с мѣста своего. Онъ же шедъ, повѣда святителю; святитель же иде со тщаніемъ соборомъ, и пришедъ в церковь, падъ на колѣни свои пред образомъ Владычицы Богородицы, моляшеся со слезами, глаголя: О премилостивая Госпоже, Дѣво Богородице! Ты еси упованіе, и надежа, и заступница граду нашему! И прочая молебная благовѣрно святѣй Богородицѣ. И абіе видимъ честную ону икону о себѣ подвигшуся; народъ же видѣвще сіе неизреченное чюдо и взываху: господи помилуй! Святитель же Іоанъ, вземъ честную икону любезно и съ прочимъ народомъ облобызавъ ю, и даде съ (ю?) двѣма діяконома; самъ же с народомъ послѣдоваша молебная совѣщающи, и посемъ вознесоша честную икону противу ратныхъ на забрала града; и бысть яко часъ шестый, се начаша больми ратовати, и испустивше стрѣлы яко дождь на градъ, и абіе честная она икона обратися лицемъ, а не токмо образомъ, но и милосердіемъ. Увидѣвъ же святитель слезы от иконы яко нѣкіи едесскій источникъ, и пріятъ я (на) ѳелонь свой. И разгнѣвася Господь на сопротивныхъ; и в той часъ покры ихъ тма; и начаша другъ друга сѣщи и на смерть предавати. Гражане же, видѣвше таковую побѣду на сопротивыхъ, и вышедше из града, овыхъ избиша, а иныхъ живыхъ емьше, богатствомъ (же) и плѣномъ доволно исполнишася, помощію святыя Богородицы. Богу нашему слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣкомъ, аминь.

щи и паникадила въ церкви оу гроба Господня возгъжщася. Святый же благодарьствие Бога, и пролия слезы, и поклонися гробоу Господню и облобыза, и тако же и животворящемоу древоу, и всѣмъ святымъ мѣстомъ, образомъ, иже соуть в церкви. Святый же изыде из церкви, совершивъ желаніе свое; и паки двери церковны о собѣ затворишася. И обрѣше святый бѣса стояща на томъ мѣстѣ, идѣже повелѣ емоу, яко коня оуготована, и всѣде нань святый, и обрѣтеся тое жъ нощи в Великомъ Новѣградѣ в келіи своей, и отходя бѣсъ из келіи святаго, и рече: о Иванне! ты мя потроудивъ единой нощи донести себе из Великаго Новаграда во Иеросалимъ градъ, се бо тое же нощи в Великій Новъградъ изъ Еросалима града; се бо запрещеніемъ твоимъ яко оузами нераздрешеньно держимъ быхъ и бѣдыни сия претерпѣхъ; ты же не повѣси никомоу же збывшаяся о мнѣ; аще ли повѣси, азъ яже на тя имамъ искоушеніе навести: имаши бо яко блоудникъ осоуженъ быти, и много пороуганъ, и на плотъ положенъ нарѣцаемой рѣки Волховѣ. Сия же блоудящоу лоукавомоу, святый же сотвори крестное знаменіе, изчезе бѣсъ. Никогда же бы святомоу, яко же имѣяше и обычай, оупражняющоуся въ духовной бесѣдѣ со честными игоумены и со искоуснѣйшими переи и з богобоязнивыми моужи, оученіе свое простирающоу, еже на пользоу, людемъ же послоушающимъ в сладость оученія святаго, не лѣнивъ бо бяше еже пооучити люди, тогда же о иномъ нѣкоторомъ сказоуя, еже збыться на немъ. Азъ, рече, свѣмъ таковаго человѣка бывша во единой нощи из Великаго Новаграда во Иеросалимѣ градѣ, и поклонився гробоу Господню, и паки тое же нощи возвратившася в Великій Новъградъ. Игоуменомъ же и всѣмъ людемъ оудивлышимся о семъ; и оттого времени попоущеніемъ Божиимъ нача бѣсъ искоушеніе на святаго наводити. Народи же оубо града того многажды видяхоу яко женоу блоудницоу текоущи из кельи святаго; народи же соблажняхоуся отселе и много же начальницы града того, приходяще в келию святаго, благословенія ради, видятъ монисто дѣвичье лежаще, и сандалия женьская, и рубища, и о семъ оскорбляхоуся, недооумѣяхоуся что рещи. Вся сия бѣсъ мечтоуя показовашеся имъ, да востаноуть на святаго, и возглаголятъ неправедная, изджeноутъ. Народи же с начальники своими совѣтовавше рекоша къ себѣ: неправедное же таковомоу святителю быти на апостольскомъ престолѣ блоудникоу соущоу; идемъ и изджeнемъ! И о таковыхъ людехъ Давидъ рече: нѣмы да возглаголютъ оустны лстивыя, глаголющая на праведнаго беззаконіе гордынею и оуничиженіемъ; понеже онѣ мечтанію бѣсовскомоу вѣры имъше, имуще же яко и жидовъскоую сонъмицоу. На предлежащее же возвратимся. Пришедши народъ къ келии святаго, бѣсъ же потече народомъ зрящимъ во образѣ отроковицы, яко из келии святаго. Народи же восклицаша да изымоуть еи. И не можахоу гнавше во дольно (¹). Святый же слышавъ молвоу народа оу келіи своей и изыде к нимъ и рече: что есть, чада? Они же изглашався яже видиша, святого же глаголомъ не внимахоу, и осоудиша его яко блоудника, имие его ноудима, пороугашася емоу, и недооумѣяхоуся, чтобы сотворили емоу, и оумыслиша тако: посаднмъ его на плотъ на рѣцы на Волховъ, и да выпловетъ из града нашего внизъ по рецы. И выведоша святаго и цѣломудреннаго і великаго святителя Божия Иванна на великій мостъ, еже есть на рецѣ на Волъховѣ, и низвысивше святаго, на плотъ посадиша. И збысть лоукаваго діавола мечтаніе. Діаволъ же нача радоватися, но Божия благодать преможе, и святаго вѣра к Богоу молитва. Егда же посаженъ бысть святитель Божій Иванъ на плотъ, на рецы на Волховѣ, и поплове плотъ въ верхъ рѣки, никимъ же пореваемъ, на немъ же святый сѣдяше противоу великия быстрины, еже есть оу великаго мостоу, ко святого Георгию монастырю. Святый же моляшеся о нихъ, глаголя: Господи! не постави имъ грѣха сего; не видятъ бо что творятъ! Діаволъ же видивъ, посрамися, возрыдася. Народѣ же, видѣвше таковое чюдо, разтерзахоу ризы своя и возвращахоуся рекоуще: согрѣшихомъ; неправедное со-

(¹) Въ текстѣ *долино*, на поляхъ приписано *въ дальноу*.

ихъ святый, глаголя: чада! со испытаніемъ всяко дѣло творите; да не прельщени будете діаволомъ; да некогда с добродѣтелію и злобу приплетеноу обрящете, и соудоу Божию повинъни боудете: страшно бо есть впасти в роуцѣ Бога жива! И о семъ мало да премолчимъ. Князь же и началъницы града того, совѣтовавше со множествомъ народа, поставиша крестъ каменъ на томъ мѣстѣ на брегоу, идѣже пріплове святый, иже и до нынѣ стоитъ во свидѣтельство преславномоу чюдеси святаго, в наквзаніе соньмицы Великаго Новаграда, да паки тако не дерзаютъ скоро без испытанія святителя осоужати и изженоути. О святыхъ бо своихъ Христосъ рече: блаженни изгнани правды ради; яко тѣхъ есть царство небесное! А иже святыя изгоняти без правды кнй отвѣтъ имоуть?

ЛЕГЕНДА

О ПОСТРОЕНІИ ВАРЯЖСКОЙ БОЖНИЦЫ

ВЪ ПОВѢГРАДѢ.

номарь тоя церкви предтечевы гласъ глаголющь ему: заутра на третьемъ часу дневномъ иди на великій мостъ и повели новгородцемъ смотрити добрынина посадничья чюда. И пономарь заутра возвѣсти новгородцемъ якоже слыша, и абіе стекошась множество народа на великій мостъ видѣти, что хощетъ быти. И како жъ поѣха посадникъ Добрыня съ вѣча къ своей улицѣ чрезъ Волховъ въ насадѣ съ людьми своими, и внезапу пріиде вихрь, и вземъ насадъ, възнесе на высоту, яко болѣ дву саженей, и удари о воду, и ту потопе посадникъ Добрыня ко дну, а прочихъ всѣхъ переимаша въ судѣхъ въ малыхъ перевозники, и тако неводы, мрежами и ужи едва възмогоша вывлещи тѣло его изъ рѣки; за свое же лукавство, не получи и погребенія, яже есь обычай православнымъ. Сіи ми повѣда игуменъ Сергій Островскаго монастыря отъ святаго Николы, отецъ Заикхіевъ, нынѣшняго игумена Хутынскаго,

---

Ѡ той жѥ ропатѣ.

И яко же съвръшиша нѣмцы ропату свою, и наяша иконниковъ новгородскихъ, и повелѣша имъ написати образъ Спасовъ на ропатнемъ углу, на полуденнѣй странѣ въ верху, на прелесть христіяномъ и на соблазнъ; и якожъ написаша иконописцы образъ Спасовъ на ропатѣ, а архіепископа не доложа, и открыша покровъ, и абіе вскорѣ томъ часѣ пріиде туча съ дождемъ и съ градомъ, и выбило градомъ и мѣсто то, идѣже былъ написанъ образъ Спасовъ, и левкасъ смыло дождемъ, якоже не явитись ни знаменію. Писанія сія же до здѣ.

ПОВѢСТЬ

О ПОСТРОЕНІИ БЛАГОВѢЩЕНСКАГО МОНАСТЫРЯ

ВЪ НОВГОРОДѢ.

ПОВѢСТЬ

О НОСТРОЕНІИ БЛАГОВѢЩЕНСКАГО МОНАСТЫРЯ

ВЪ НОВГОРОДѢ.

(Рукоп. Румянц. Муз. № 39.)

Той же чудный мужъ Сергіе повѣда о Благовѣщенской церкви монастыря Благовѣщенскаго, яже създаша ва брата по плоти, потомъ же оба бывша архіепископа Великому Новугороду, именемъ Григорій и Иванъ. ія убо бѣста братія себѣ по плоти, бѣста же благоодну и благочестиву и богату родителю чада, имѣа жъ оба жены собою любовь, яко истинная братія лотію и духомъ, яко же видѣста родителя своя преставльшась, имѣніа же много имъ много оставльша, мѣста вѣру велию къ Пречистой Богоматери и влаычицѣ нашей Богородицѣ приснодѣвѣ Маріи, помылиста създать монастырь во имя Пречистые честнаго и Благовѣщенія, и якожъ поставиша церковь в наалѣ древянну, и монастырь соградиша, и вся, яже на отребу, устроиша, и келія и трапезу тожъ. Не по нози времени совѣщастася поставити церковъ; яко ачаша созидаши, и доспѣша до раменъ, не доста срера на свръшеніе; они же начаша тужити, невѣдуще го сотворить, и отъ многия печали и срама помолиася Пречистой Богоматери, глаголюще: ты убо, Влаычице, вѣси вѣру нашу и любовь, еже къ Сыну твоу и Богу нашему, и къ Тебѣ, яко со всѣмъ усердіъ и вѣрою на дѣло сіе пречестнаго твоего храма поигохомся, и намъ на свръшеніе храма твоего пречестнаго сего, посли намъ помощь свою, Владычице, и не посрами насъ, рабъ своихъ; яко начахомъ здати и не можемъ свръшити безъ твоея помощи, недоставшу сребру, яже къ совръшенію. Сѣтующима же има о сребрѣ, вкупѣ жъ и молящимася милостивому Спасу и Пречистѣй его Богоматери, является имъ Пречистая Царица Богомати во снѣ, глаголя имъ: что убо въ толику печаль и сѣтованіе вдастась о созданіи церькви моея, любимая мною раба Божія? Не презрю моленія вашего, и вѣры, и любве; вскорѣ убо пошлю вамъ, яже къ совръшенію, яко и на ину потребу преизбудетъ, токмо потщитесь къ дѣлу и не оскудѣиша вѣрою. Тожъ видѣніе оба брата видѣста и слышаста; воставша отъ сна, радостна и надеждею укрѣплястася; въ той же день, по отпѣтіи убо пѣнья утренняго, изыдоста оба брата предъ врата монастырская, по обычью напредъ всѣхъ; къ Божію же устроенію и его Пречистыя Богоматере, видятъ оба брата не въ мечтаніи, но явѣ, конь велми дивенъ, предстоящь предъ враты монастырскими, обузданъ позлащенною уздою, и сѣдло на немъ оковано златомъ, яздящаго жъ на немъ не бѣ; стояше жъ кротцѣ недвижимо, яко ожидая мужа она къ себѣ. Она жъ дивящеся велми, зряще красоты и величества коня онаго; и абіе страхомъ и радостью обьята быста,

приступиста къ коню; и видятъ два чемоданца не мала, по обѣ странѣ сѣдла висяща, полна суща, и дивистася коня онаго стоянію и кротости, и помыслиста отъ Бога послану ему сущу, тажъ смѣя и не смѣя, помянувше Пречистые [illegible]я, взяста мѣшца она съ сѣдла оба; конь же не обрѣтеся, и начаша радующеся разрѣшати мѣшца; и обрѣтоша въ единыхъ злато, а въ другихъ сребро, полна суща оба; милостію же Божіею и Пречистые Богоматере совръшиста церковь, и украсиста всякою лѣпотою, иконами, и подписми, и книгами, тажъ и селъ довольно куписта, и предаста монастырю; прочее жъ даша игумену и братіи, тажъ и сами взяста на ся иноческій образъ, и пожиста въ томъ монастыри въ постѣ и молитвахъ и въ прочихъ добродѣтелехъ просіяста, и Богу угодиста. И Богъ ихъ прослави, добрыхъ ради дѣлъ ихъ: взята быста единъ по единому по времени на архіепископскій столъ Великаго Навагорода и Пскова, и добрѣ упасше порученное имъ стадо, и положена быста оба въ соборной церкви святыя Софіа. А у Благовѣщенья церкви положенъ бысть архіепископъ Ѳеоктистъ; бѣ бо изъ того монастыря взятъ на престолъ.

ПОВѢСТЬ

ОБЪ АНТОНІИ РИМЛЯНИНѢ.

(Рукоп. Румянц. Муз. № 154.)

Сказаніе о житіи преподобнаго и богоноснаго отца нашего Антонія римлянина і ѡ прихожденіи ѿ града Рима к великій Новгрдъ.

Сей преподобный и богоносный отецъ нашъ Антоніи родися во градѣ велицемъ Римѣ, иже от западныя части и от италийския земля, от латынска языка, от християну родителю, и навыче вѣре християнстей, ея же держаста родителя его в тайнѣ, крыющеся в домѣхъ своихъ; понеже Римъ отпаде вѣры християнъския и преложися в латыни, конечно отпаде, от папы Формоса даже и до днесь; и ина многа о отпаденіи Римъскомъ повѣда ми и о богомерской ереси ихъ, но оубо о семъ да премолчимъ. Отецъ же его и мати преподобнаго Антонія въ добрѣ исповѣданіи отъидоша къ Богу. Преподобный же навыче грамоте, изучи вся писанія греческа языка, и прилѣжно начатъ чести книги ветхаго и новаго завѣта, и преданіе святыхъ отецъ седьми соборовъ, еже изложиша и изъясниша вѣру християнскую, и вожделѣ восприяти иноческій образъ, и помолися Богу, и раздая имѣніе родителей своихъ нищимъ, а прочая от имѣнія своего вложи в сосудъ в дельву, рекше в бочку, и закопавъ и всякою крѣпостию оутвердивъ, скры и предасть морю; самъ же поиде от. града в дальныя пустыни взыскати мниховъ, живущихъ и тружающихся Бога ради, крыяся от еретикъ в пещерахъ и в разсилинахъ земныхъ, и Божіимъ промысломъ въскорѣ изообрѣте мнихи въ пустыни живущихъ, в нихъ же бѣ единъ имѣяше презвитерскіи чинъ. Преподобный же Антоніи много моляшеся имъ со слезами, дабы его причкли къ своему Богомъ избранному стаду. Они же много его вопрошаху с прещеніемъ о християнъствѣ и о ереси римъстей, боящеся искушенія от еретикъ; онъ же имъ христіяна себе вповѣдавъ; они же ему рекоша: чадо Андрѣе! понеже юнъ еси, не можеши терпѣти посътническаго жития и трудовъ чернеческихъ. Понеже ему бывшу в то время 18 лѣтъ; и ина многа емоу прещаху. Онъ же неослабно кланяяся имъ и моляся о воспріятіи мнишескаго образа, и едва получи желаніе свое: постригоша его во иноческій образъ. И пребысть же преподобный с ними въ пустыни той двадесять лѣтъ, тружаяся и постяся, и моляся Богу день и нощъ. Бысть же, рече, вдалие насъ яко тридесять поприщъ въ пустыни возграждена от ту живущихъ мниховъ церкви мала во имя Преображенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа. Обыча иже бяше всѣмъ мнихомъ ис пустыни сходящимся къ неліцеи соботѣ; презвитеры же і дияконы литоргисавъ божественную службу и всѣхъ причастивъ божественныхъ тайнъ, весь же день той и нощъ поюще, и молящеся. Во оутріи же на самый день свѣтлаго Христова тридневнаго его Въскресенія на Святоую Пасху, пѣвъ заоутренюю и святую божественную литоргию;

такоже причащався святыхъ и пречистыхъ божественыхъ и животворящихъ христовѣхъ тайнъ, и отхождаше кожьдо во свою пустыню. Ненавидяй же добра діаволъ воздвиже гоненіе конечное на християны. Послаша князи града того и папа по пустынямъ и начаша имати мнихи, предаяху на мученіе. Преподобнымъ же онѣмъ отцемъ богоизбраннаго христова стада от страха того разшедшимся по пустыни, и не возвѣдаше другъ друга, и начатъ же преподобны Антоніи жити при мори не въ проходныхъ мѣстехъ, толико на камени нощи и дни беспрестани стоя, и моляся Богу, и никако же покрова ни хижа не имѣяше, точию мало пища въкушая от недѣля и до недѣля, еже принесе ис поустыни своея. И пребысть ту на томъ камени преподобный Антоній годищное время и мѣсяца два, и толико трудися къ Богу, моляся в постѣ и во бдѣніи и въ молитвахъ, елико ангеломъ подобенъ бысть. Но понеже оубо тайну царьскую подобаетъ хранити, похвально безбѣдно есть и вельми полезно хранящимъ ю, да нѣкимъ же невѣдома будетъ, да не инако будетъ царьское повелѣніе; дѣла же Божия и чюдеса преславная, творима святыми его, подобаетъ вездѣ и повсюду и всяко с высокимъ преповѣданіемъ и ізвещаніемъ сия проповѣдати и ничто же от нихъ скрыти или забвенію предати, во объщую пользу и спасеніе всѣмъ христоименитымъ людемъ. Бысть в лѣто 6614 мѣсяца сентября въ пятый день на память святаго пророка Захарія отца предтечева, восташа вѣтри велицѣ злѣ и море восколебася, яко же николи же быша, тако и волнамъ морскимъ до камени восходящимъ, на немъ же преподобный Антоній пребывше стоя, и безпрестанныя молитвы возсылааше Богоу; абие внезапу едина волна напрягшися и подъятъ камень, на немъ же преподобный стояше, и несе его на камени яко бы на карабли легцѣ, никако же ничимъ ни повреди ни оустраши; преподобный же стоя и безпрестани моляся Богу. Возлюби оубо Бога всею душею своею; сладость бо и просвѣщеніе и радость присно есть любящимъ его, и яко же възлюбі и присно, тако же в немъ живетъ Богъ: ревнитель есть пречистый святый; и живетъ въ души боящагося его, и творитъ волю возлюбившаго его. Преподобный же имѣя образъ его въ сердцѣ своемъ присно икону Божию преславьну не шаромъ на досцѣ образованъну или на иномъ чесомъ, но тоу, глаголю, икону Божию бываемую добрыми дѣлы, постомъ, въздержаніемъ, исправленіи добрыми, бдѣніемъ и молитвами, списуя себѣ сокровеньно въ сердцы выну шаромъ иконнымъ образомъ небеснаго Владыкы, и зряще оумныма очима из облака Пречистую Богородицу держащи пречистыма своима рукама превѣчнаго младенца Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа. И не свѣмъ, рече, когда день когда ли нощъ, но свѣтомъ неприкосновеннымъ обьятъ бысть. Камени же текущоу по водамъ, ни кормилца имущи, ни кормчия, ни разумъ человѣчь можетъ изрещи: ниже скорьбъ, ни страхъ, ни туга ни иная которая печаль, ни алчба, ни жажда не пріиде къ преподобномоу, но токмо пребысть моляся Богу во оумѣ своемъ и веселяся душею; и от римския страны по теплому морю, из него же и в рѣку Неву, из Невы в Нево езеро, и із Нева же езера в верхъ по рѣцѣ Волхову противо быстринъ неизреченныхъ, да иже и до мѣста сего камень не приста нѣгдѣже. И приста камень, на немъ же преподобный стоя и моляшеся, при брегѣ великия рѣкы, нарицаемей Волхова, на мѣстѣ семъ, въ третью стражу нощи, в сельцы, еже именуемо Волховско, и во время заутренняго пѣнія начаша во градѣ звонити къ заоутреннему пѣнію. И оуслыша преподобный звонъ великій по граду и стояше во страсѣ мнозѣ и в недоумѣніи, и от страха же начатъ быти в размышленіи и во оужасѣ велицемъ, и чаяше яко ко граду к Риму принесенъ бысть на камени. Нощи же мимошедъши, дневному оуже свѣту наставшу, солнцу же восиявшу, стекошася ко преподобному людие, иже ту живущé, и зряще на преподобнаго, дивящеся; и пріидоша к нему, и начаша его вопрошати о имени и отчествѣ, и от коея страны пріиде? Преподобному же нимало руску языку оумѣющу, и никотораго отвѣта недоумѣяше имъ отдати; но токмо имъ поклоненіе твори-

ние, Самъ же с камени не смѣяше поступити. И пребысть ту три дни и три нощи на камени стоя и моляся Богоу; в четвертый же день преподобный, помолився Богу на многъ часъ о оувиденіи града и о людехъ, и дабы ему Богъ такова... бы повѣдалъ о градѣ семъ и людехъ. И сниде преподобный с камени, и поиде въ градъ в великій Новъградъ, и обрѣте человѣка греческия земли, гость будѣющий купецъкій чинъ имуща, иже оумѣяше римъскимъ и греческимъ и рускимъ языкомъ, и оузривъ же преподобнаго, вопроси его о имени и о вѣрѣ. Преподобный же ему повѣдаше имя свое, християна себе нарече, и грѣшна инока и недостойна ангельскаго образа. Купецъ же онъ, падъ к ногама святаго, прошаше благословенія от него. Преподобным же благословеніе ему дарова и о Христѣ цѣлованіе. Воспросивъшоу же его преподобному о градѣ семъ, и о людехъ, и о вѣрѣ, и о святыхъ Божіихъ церквахъ, готъфинъ же преподобному повѣдаше вся по ряду, глаголя: градъ сій есть Великій Новъградъ; людие же в немъ православну християнскоую вѣру имуще; соборная церкви святая Софѣя Премудрость Божия; святитель же во граде семъ епископъ Никита; владѣющю же градомъ симъ благочестивому великому князю Мстиславоу Володимеровичю Манамаху, внуку Всеволодову. Преподобный же слыша от гречанина сего повѣсти сия, возрадовася душею, и всесильному Богу велие благодареніе воздааше во оумѣ своемъ. Воспроси же преподобный гречанина готъфина еще глаголя: мнѣ повѣждь, друже, коликое растояніе от града Рима до града сего, и в колико время преходятъ людие путь сей? Онъ же ему повѣда и рече: далная страна есть и нуженъ путь есть по морю и по суху; едва преходятъ гость будѣюще и в полъгодищное время, аще кому Богъ поспѣшитъ. Преподобному же размышляюще и дивящеся в себѣ о величіи Божии: како в два дни и в двѣ нощи толику долготу пути прейде, и едва от слезъ оудержася в то время, и поклонися ему до земля; миръ и прощеніе ему даровавъ. И вниде преподобный во градъ помолитися святѣй Софѣи Премудрости Божіи и великаго святителя Никиту видѣти. И видѣвъ церковное благолѣпие, и чинъ, и святительскій санъ, вельми возрадовася душею, и помолився и обхождаше всюду, и паки отъиде на мѣсто свое, святителю же Никитѣ в то время никако же явися преподобный, понеже еще не навыкъ словенъску и руску языку и обычаю. И начатъ же преподобный молитися на камени своемъ, стоя день и нощъ, дабы ему Богъ открылъ рускій языкъ. И видѣвъ Господь Богъ преподобнаго подвиги и труды. И начаша приходити к нему иже ту живуще близъ людие и гражане, молитвъ ради и благословеніа, и Божиимъ промысломъ преподобный вскорѣ от нихъ начатъ разумѣти и глаголати рускимъ языкомъ. Людемъ же вопрошающимъ его о отчествѣ и коея земля рожденіе и воспитаніе, и о пришествіи его, преподобный же никако же имъ повѣдаше о себѣ, токмо себе грѣшна именуя. По малѣже времени дойде слухъ о немъ до святителя Никиты того Великаго Новаграда. Святитель же Никита посла по него и повелѣ его привести пред себя; преподобный же въ страхѣ в велицѣ бывъ, еще же и радостию одержимъ бысть, иде ко святителю в велицѣ смиреніи; святитель же въведе его въ келию свою. Сотворивъ молитву, преподобный рече: аминь. И приемлетъ преподобный благословеніе от святителя со страхомъ и любовию, яко от Божия руки. Святитель же Никита провидѣвъ Духомъ Святымъ еже о преподобнемъ, и начатъ вопрошати его о отчествѣ, и о пришествіи его в Великій Новъградъ; откуду и како прійде. Преподобный же святителю не хотя повѣдати таины, ради человѣческия славы, но токмо себе грѣшна именуя. Святитель же Никита с великимъ прещеніемъ, еще же и со заклинаніемъ, вопрошая преподобнаго, и рече: мнѣ ли, брате, не повѣси таины своея? а вѣси яко Богъ иматъ открыти нашему смиренію, яже о тебѣ; ты же преслушанія судъ пріймеши от Бога. Преподобный же падъ предъ святителемъ на лицы своемъ и плакася горько, и моля святителя, да не повѣсть таины сея никому же, дондеже преподобный в жизни сей. И повѣда о себѣ таину на единѣ святителю Никитѣ, все по ря-

у о отчествіи своемъ, и о воспитаніи, и о прихожденіи своемъ из Рима в Великій Новъградъ, яже исперва писана. Святитель же Никита сия слышавъ от преподобнаго, не мняше его яко человѣка, но яко ангела Божия, и воставъ от мѣста своего и отлагаетъ жезлъ пастырьскій, и на многъ часъ ста и моляся, и дивяся бывшему, яко же прославляетъ Богъ рабъ своихъ. По молитвѣ же рече преподобный: аминь. Святитель же Никита падъ предъ преподобнымъ на землю, прося благословенія и молитвы от него; преподобный же падъ предъ святителемъ на землю, моляся и прося благословенія, себе же недостоина и грѣшна именуя. И оба лежаста на земли и плакастася, помачая землю слезами на многъ часъ, другъ оу друга просяще благословенія и молитвы. Святитель же Никита рече къ преподобному: ты велика дара сподобленъ еси от Бога и древнимъ чюдесемъ, оуподоблъся еси Ильи Фезвитянину или апостоломъ, иже на оуспеніе Пречистеи Богородици принесени быша на облацехъ. Тако и градъ нашъ Господь тобою пресети, своимъ оугодникомъ новопросвѣщенныхъ людей благослови и пресети. Преподобный же рече къ святителю; ты еси иерѣй Бога вышнаго! ты помазанникъ Божій; тебѣ довлѣетъ о насъ молитися! Святитель же воставъ от земля и не можаше оутѣшитися от слезъ, вездвизаетъ преподобнаго от земля, давъ ему благословеніе, и о Христе цѣлованіе, и много бесѣдовавъ съ преподобнымъ, и никако же можаше насытитися сладкихъ и медоточныхъ словесъ от преподобнаго, и хотѣ прославити чюдо, но не хотяше преподобнаго моленія презрети. Святитель же Никита много моляше преподобнаго, дабы избралъ себѣ мѣсто потребно оу него, и пребывалъ с нимъ до исхода души своея. Преподобный же никако восхотѣ сего сотворити, и отвѣщавъ, рече: Господа ради, святче Божій, не нуди мене; довлиетъ бо на томъ мѣстѣ терпѣти, идѣже ми Богъ повелѣ! Святитель же Божій Никита давъ благословеніе, и отпусти преподобнаго с миромъ на благоизбранное мѣсто. Не по мнозѣ же времени поѣха Никита епископъ ко преподобному Антонію видѣти камень сій и мѣсто. Преподобный же стояше на камени, аки на столъпѣ, и никако же схожаше, моляся Богу день и нощъ; яко оузрѣ святителя грядуща к нему, сшедъ с камени, и поиде во срѣтеніе емоу, пріимъ благословеніе и молитву от святителя. Начатъ же святитель дивитяся в себѣ о чюдеси, и обхожаше мѣсто села того сюду и сюду; и рекъ преподобному святитель Никита: изволилъ Богъ и Пречистая Богородица, и избра мѣсто сие, хощетъ да воздвигнется твоимъ преподобствомъ храмъ Пречистей Богородици честнаго и славнаго ея рождества, и будетъ обитель велия во спасеніе мнихомъ; понеже на предпразднество того праздника на се поставилъ тя Богъ на мѣстѣ семъ. Преподобный же рече: воля Господа да буди! Святитель же хотѣ поставити ему хижицу близъ камени. Преподобный же сего не восхотѣ никако же, но всяку скорбъ терпяше, Бога ради. Святитель же Никита хотя истие оувидети о чюдеси, бояся искушенія, начатъ, разводя наединѣ, селянъ тѣхъ вопрошати о явленіи преподобнаго; онѣ же единодушно рѣша емоу: во истинну, святче Божій, человѣкъ сій Божій по водомъ принесенъ бысть на камени; вся ему по ряду извѣстно и достовѣрно изрекоша о преподобнемъ. Святитель же наипаче возгорися духовною любовию къ преподобному, и дасть благословеніе преподобному, и отъѣха же ко Святей Премудрости Божии Софѣи во дворъ свой.

О зачале Пресвятыя Богородицы Антониева монастыря иже в Великомъ Новѣградѣ.

И святитель Никита посылаетъ по посадниковъ по Иоанна и по Прокофия по ивановыхъ дѣтей посадничихъ, и рече имъ: чада моя, послоушайте мене: есть во отчествіи вашемъ селцо близъ граду, рекомое Волховско. Богъ изволи и Пречистая Богородица воздвигнутися на мѣсте семъ храму Пречистыя Богородицы честнаго и славнаго ея Рождества и оустроити ея обитель страннымъ симъ преподобнымъ Антоніемъ, и возшлется молитва къ Богоу о спасеніи душъ вашихъ и

споминовеніе будетъ родителемъ вашимъ. Посадницы же послушаша святителя с любовию и отмѣриша под церковъ и подъ монастырь земли на всѣ страны по пятидесятъ саженъ. И повелѣ епископъ Никита възградити церквицу малу древяноу, и освяти ею и едину келецу поставити мнихомъ на прибѣжище.

Чюдо преподобнаго и богоноснаго Ѿца нашего Антониѧ римлѧнина о обрѣтеніи сосѹда делвы, сїрѣчѣ бочки, со имѣніемъ преподобнаго.

По лѣто же единомъ пришествія преподобнаго, близъ камени преподобнаго, рыболовъцы ловитву дѣюще и чрезъ всю нощъ тружавшеся, не яша ничесоже, и от труда изнемогоша, извлекоша мрежа своя на брегъ и в велице скорби быша. Преподобный же, скончавъ молитву, иде къ ловцемъ и глагола имъ: чадца моя! токмо имамъ гривны слитокъ сребра. Понеже в то время оу новгородъцкихъ людей не бысть денегъ, но лияша слитъки сребряныя, ово гривну, ово полтиноу, ово рубль, и тѣмъ куплю дѣяхоу. И сию гривну слитокъ вдаю вамъ; послушанте нашей худости: вверзите мрежа своя в великую сию рѣку в Волховъ, и аще что имете, то в домъ Пречистая Богородица. Они же не восхотѣша сего сотворити и отвѣщавше рѣша: от всю нощъ тружавшися и ничтоже яхомъ, толико изнемогохомъ. Преподобный же с прилежаніемъ моляше ихъ, дабы го послушали. Они же, по повелѣнію преподобнаго, въвергоша мрежа в рѣку в Волховъ и извлекоша на брегъ множество много великихъ рыбъ, молитвами святаго; едва не проторжеся мрежа, яко николи же тако яша; еще же извлекоша сосудъ древянъ, делву, сїрѣчъ бочкоу оковану всюду обручьми желѣзными. Преподобный же благословяше ловцовъ глаголя: чадца моя! виждьте милость Божию: како Богъ промышляетъ рабы своими; азъ же васъ благословляю и вдаю вамъ рыбу; себѣ же вземлю сосудъ, сїрѣчъ бочку; понеже вручи Богъ на созданіе манастыря. Ненавидяй же добра діяволъ, хотя пакость сотворити преподобному, порази и ожести сердце лукавствомъ ловцовъ тѣхъ; и начаша рыбу давати преподобному, бочкоу же хотяху себѣ взяти, и рекоша ко преподобному: се мы наяхомся оу тебе рыбы ловити, а бочка наша есть. Еще же и жестокими словесы досаждающе и оукаряюще преподобнаго. Преподобный же отвѣщавъ рече: господие мои! азъ с вами пря не имамъ никоея же о семъ, поидемъ во градъ и повѣдаемъ градъцкимъ судиямъ; судия бо есть оучиненъ от Бога еже разсуждати люди Божія. Ловцемъ же оугоденъ совѣтъ преподобнаго, и вложиша бочкоу в лодъѣцу, и вземъше преподобнаго, и вшедъшимъ имъ во градъ, и пришедшимъ предъ судоу, и начаша стязатися съ преподобнымъ. Преподобный же рече: сия ловъцы от всю нощъ тружавшеся, ничто же яша, и от труда изнемогоша; азъ много молихъ ихъ, да быша взяли наемъ оу мене, еже имѣяхъ оу себе гривну слитокъ сребрянъ; опѣ же не хотѣша послушати мене і едва повинуювщися нашей худости, і вземинаемъ, ввергоша мрежа своя, извлекоша множество рыбъ, еще же и сосудъ, сїрѣчъ бочку сию; азъ же имъ отступався рыбы, глаголя: бочку сию вручи ми Богъ на созданіе монастыря Пречистая Владычица наша Богородица и присподѣвы Маріи; они же мнѣ даяше рыбу, а бочку емлюще себѣ. Судия же вопросиша ловъцовъ: рцыте намъ, тако ли, яко же рече старецъ сіи? Они же рекоша: мы наяхомся рыбы ловити; рыбу вдаемъ ему, а бочка наша есть; понеже мы ввергохомъ в воду сию на соблюденіе себѣ. Старецъ же рече: господие мои! вопрошайте ловцовъ сихъ: что они имутъ вложенно еже в бочки сей? Ловцы же недоумѣюще что отвѣчати к тому. Преподобный же рече: сия бочка нашей худости, вдана морстей водѣ в Римѣ сущимъ от нашихъ бо грѣшныхъ рукъ, влаженне же в бочку: сосуди церковніи златы и сребряны и хрустальныи, потиры и блюда, и иная многая от освященныихъ вещехъ церковныихъ, и злато и сребро от имѣнія родителей моихъ, вверженое же в море сокровище сия тоя ради вины, еже бы не осквернилися священныи сосуди от богомерьзскихъ еретикъ, и от приспочныхъ бѣсовскихъ жертвъ, подписи же на сосу-

дехъ римскимъ языкомъ написаныя. Судия же повелѣ разбити бочку, и обрѣтошася вся по словеси преподобнаго. И даша преподобному бочку. и отпустиша преподобнаго с миромъ, и ктому никто же смѣяше вопросити его. Ловцы же отъидоша посрамлени. Преподобный же Антоній иде ко святителю Никитѣ, радуяся и благодаря Бога о обрѣтеніи бочки, и повѣда святителю. Святитель же о семъ многу хвалу воздавъ Богу и разсудивъ благорасъсуднымъ своимъ разсужденіемъ, и рече: преподобне Антоніе! на се бо тя Богъ предъпостави по водамъ на камени из Рима спасителя в Великомъ Новѣградѣ, еще же и бочку вверженную в Римѣ вручи тебе, да воздвигнеши церковъ каменну Пречистей Богородицы и оустроиши обитель Преподобный же Антоній полагаетъ сокровище свое во святительстей ризницѣ на соблюденіе, а самъ, вземъ благословеніе оу святителя и начатъ строити обитель, и купи землю около монастыря оу посадниковъ градъцкихъ, и со живущими ту иже на той земли с людьми прилучившимися, и до скончанія вѣка, доколѣ Божіимъ строеніемъ миръ вселенныя стоитъ. И при велицей реки Волхове рыбную ловитву купи на потребу монастырю, и межами отмеживъ, писму вдавъ, и в духовную свою грамоту написавъ, и начатъ тружатися безпрестани чрезъ весь день, и труды къ трудомъ прилагая, нощи же без сна пребывая на камени стоя и моляся. И видѣ его богоподобное ангельское житие князь великій Мстиславъ, и святитель Никита, и всѣ старейшины града того и людие, начаша блажити и велию вѣру имѣти, таины же о пришествіи его не вѣдаше никтоже, развѣ епископъ Никита. И начаша прибиратися братия къ преподобному. Онъ же с любивию приимаше. Мнѣ же священноиноку Андрею Богъ сподобилъ восприяти ангельскій образъ во обители сей; быхъ въ послушаніи и поучении преподобнаго.

О созданіи церкви каменной во второе лѣто по пришествіи преподобнаго. Благослови Отче.

Потомъ начатъ святитель Никита совѣтъ совѣщевати съ преподобнымъ о церкви каменной, дабы заложити церковь каменну; на се бо Богъ сокровище вручи тебѣ. И начатъ преподобный разчитати обрѣтенное в бочки сребро и злато на строеніе храмоу, и рече преподобный: надѣюся на Бога и на Пречистую Богородицу, и на твоя святыя молитвы, токмо ты благословеніе намъ даруй. Святитель же Никита, размѣривъ мѣсто церковное и сотворивъ молитву, и начатъ потиву церковную своима честныма рукама копати: и заложиша церковъ каменну, и соверши Богъ, и подписа чюдно и всякимъ оукрашеніемъ оукрасивъ ея, образы и сосуды церковными златыми и сребряными, и ризами, и книгами божествеными, въ славу Христа Бога нашего и Пречистей его матери, яко же подобаше церкви Божіи; и потомъ обложиша трапезницу каменьну во имя Стрѣтеніе Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, и келіи возгради и ограду оустроивъ, и всѣмъ обилиемъ добре оустроивъ, яко же годѣ, имѣнія же преподобный ни от кого же не восприятъ, ни от князь ни от епископа, ни от велможъ градъцкихъ, но токмо благословеніе от чюдотворца Никиты епископа, но все строяше изъ бочки сея, еже из Рима Богъ постави по водамъ в Великомъ Новѣградѣ, и поты и труды своими; и аще кто что принесетъ Бога ради потребная от имѣнія своего или пищу, преподобный же тѣмъ братию питая, еще же сиротъ, и вдовицъ оубогыхъ, и нищихъ питая; и потомъ преподобный а братиею и сиротами своими начатъ прилагати труды къ трудомъ. Не по мнозѣ же святитель Христовъ Никита епископъ начатъ изнемогати, и призва преподобнаго, и повѣдая ему отшествие свое от жизни сея, и много наказавъ его, и отъиде къ Богу. Преподобный же в велицей скорби и въ слезахъ бысть о преставленіи святителя Никиты; понеже великъ духовный совѣтъ имѣяше межю собою.

О постаклении преподобнаго Антонія во игумены.

Божию помощию и Пречистые Богородицы и молитвами преподобнаго, начатъ обитель распространятися;

и начатъ преподобный и с братиею совѣтъ совѣщевати, дабы избрати игумена себѣ во обитель. Многу же избранію бывшу и не обретоша такова человѣка; начаша братия молити преподобнаго Антонія: отче преподобие Антоніе, молимъ тя, послушай насъ нищихъ, да пріимеши чинъ священнический, еще же совершенный намъ отецъ буди игуменъ, да принесеши жертву Богу честну безкровену о нашемъ согрѣшеніи, да приятна будетъ жертва твоя къ Богоу въ пренебесный жертвеникъ; вѣдѣхомъ бо толики твоя труды и подвиги в мѣстѣ семъ, яко никако же мощи во плоти человѣку толикихъ трудовъ понести, аще не Господь поможетъ. И рече преподобный: добре совѣтъ вашъ, братие, но азъ недостоинъ есмъ толикаго великаго сана, но изберемъ себѣ от братіи мужа добрадѣтелна и достойна на толикое дѣло. Братія же со слезами вопияху: отче святый, не преслушай насъ нищихъ, но спаси ны! Преподобный же рече. буди воля Божия; аще что восхощетъ Богъ, то и сотворитъ. Шедше же братия ко архиепископу Нифонту с преподобнымъ Антониемъ; бѣ бо в то время ему святительскій престолъ держащу; и возвѣщаетъ ему о вещи, святитель же Нифонтъ вельми радъ бысть благому совѣту ихъ; бѣ бо любяше преподобнаго за премногую его добродѣтель. И поставляетъ преподобнаго в дияконы, потомъ во священицы, та же и игуменомъ. И поживе же преподобный во игуменствѣ лѣтъ шестнадцать въ добрѣ исправъленіи, и оупасъ стадо Христово; и оувидѣвъ преподобный свое отшествіе къ Богу, призвавъ мя и нарече мене себѣ отца духовнаго, и добрѣ исповѣдавъ со слезами; и повѣда моему окаянству преподобный свое пришествіе из Рима, и о камени, и о сосудѣ древяномъ, о делви сіирѣчь о бочки, еже исперва писана, и повелѣ ми вся сия по преставленіи своемъ написати и церкви Божии предати, чтущимъ и послущающимъ на ползу души, и на исправленіе добрыхъ дѣлъ, въ славу і в честь Святей и Живоначалней и Нераздѣлимей Троицы, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, и Пречистей Богородицы. Мнѣ же о семъ в велицемъ оудивленіи бывшу, преподобный же Антоніе призва братию, и рече имъ: братия моя и спостницы! молю оубо васъ: се ныне отхожу жизни сея къ Господу Богу моему Іисусу Христу; да молите за мя Бога и Пречистую Богородицу; въ преставленіи моемъ да измутъ милостивіи ангели душю мою; да избѣгну сѣтей вражиихъ и от воздушныхъ мытарьствъ вашими святыми молитвами; понеже грѣшенъ есмь; вы же изберите себѣ на игуменство от братіи на мое мѣсто отца и оучителя; и пребудите оу него въ постѣ, и въ молитвѣ, и въ трудехъ, въ пощеніихъ, и во бдѣніихъ, и въ слезахъ, еще и в любвѣ межи собя, и в послушаніи ко игумену и къ отцемъ своимъ духовнымъ и ко старѣйшимъ братиямъ; писано бо есть: блажени нищии духомъ, яко тѣхъ есть царство небесное; блажени плачющеи, яко тѣй оутѣшатся; блажени кротцѣ, яко тѣ наследятъ землю; блажени алчущеи и жаждущеи правды ради, яко тѣ насытятся; блажени милостиви, яко тѣ помиловани будутъ; блажени чистии сердцемъ, яко тѣ Бога оузрятъ; блажени миротворцы, яко тѣ сынове Божіи нарекутся; блажени изгнани правды ради, яко тѣхъ есть царство небесное; блажени есте, егда поносятъ вамъ, иждепутъ вы, и рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы, лжуще, имени моего ради; радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ! И ина многая преподобный наказавъ братіи, пооучивъ яже ко спасенію. Братія же видѣвше преподобнаго въ послѣднемъ издыханіи, быша в велицей (цемъ) оумиленіи и в сѣтованіи, и въ слезахъ многихъ, и рекоша: о добрый нашъ пастырю и оучителю! се нынѣ оуже зримъ тя въ послѣднемъ издыханіи на кончинѣ вѣка; и нынѣ к кому прибѣгнемъ, и от кого насладимся медоточныхъ словесъ оученія; и кто попечется о нашихъ душахъ грѣшныхъ? Но молимъ тя, оугодниче Спасовъ, аще обрящеши предъ Богомъ милость по отшествіи своемъ от жизни сея, моли о насъ неослабне Бога и Пречистую Богородицу. И здѣся, господине, избери намъ игумена от братия нашея, яко же годѣ твоеи святыни; понеже тебѣ вся наша духовная тайна извѣстна. Преподобный же Ан-

тоніе избираетъ на игуменство и благословляетъ нашу худость, понеже быхъ ему исперва оученикъ и потомъ отецъ духовный. И пооучивъ мя о паствѣ духовней и како пасти христоименитое стадо, и въпредъ полагаетъ преподобный заповѣдь братіи: аще лучитца избрати игумена, но избирайте от братіи иже кто па мѣсте семъ терпѣтъ; и аще князь нашлетъ игумена или епископъ по насилию, или по мздѣ, и тѣхъ преподобный проклятию предаетъ. Та же и о земли оутвержаетъ и глаголеть: о братия моя, егда сѣдохъ на мѣсте семъ, купилъ есмъ село сие и землю, и на рѣцѣ сей рыбноую ловитву на строеніе монастыря цѣною изъ пречистыя сосуда, сіирѣчь из бочки; и аще кто начнетъ обидити васъ или наступати на сию землю, ино имъ судитъ мати Божия. И давъ братіи прощеніе о Христѣ послѣднее цѣлованіе, и ставъ на молитве, и помолився на многъ часъ, аще оубо и радостно тому бяше еже разрѣшитися от плоти съ Христомъ быти, но показуя, яко всѣмъ страшна чаша смертьная, и многие по воздухомъ изтезателя имамы, паче же смиреніемъ ведыися, помолися къ Богу, сице глаголя.

Молитва.

Явися, Господи, помози ми и избави мя от руку князя и власти и миродержателя тмы, да не покрыетъ мене темнымъ тѣмъ воздухомъ, ниже дымъ ихъ помрачитъ душу мою. Укрѣпи мя, Господи мой! Господи, да преиду огненыя волны и глубины бездонныя, яко да не потопленъ буду въ нихъ, да не обрящетъ врагъ оклеветати мя, но да преиду миродержителя и лукаваго вожда ихъ, и от темныхъ князь и тартаръ избавленъ да буду; и тако да явлюся предъ тобою чистъ и непороченъ, и восприиму тобою обѣщенная благая святымъ твоимъ!

Оле неизглаголаннаго смиренномудрия! Богопроповѣдника и апостоломъ подобна, како можаху тому прикоснутися темнии князи, его же Господь не къ тому нарече раба, но друга, и обѣща идѣже той тому вселитися, еже зрѣти славу его! Сия вся вѣдый смиренная, паче изволи иже не повреждаютъ, но паче оукрѣпляютъ таковая; сего ради таковы молитвы источи глаголы; и повелѣ священноиноку Андрѣю себѣ кадити и отходная пѣти, и возлегъ отъиде къ Богу въ вѣчный покой, и погребенъ бысть честно архиепископомъ Нифонтомъ со множествомъ народа града того, со свѣщами, и с кандилы, со псальмы, и пѣньми, и и пѣсньми духовными, в лѣто 6655, мѣсяца августа въ 3 день, на память преподобныхъ отецъ нашихъ Исакия Далматскаго и Фаоуста. И положено бысть честное тѣло его въ церкви Пречистые Богородицы, юже самъ созда; поживе же лѣтъ съ пришествия своего до игуменства 14 лѣтъ, в игуменствѣ же бысть 16 лѣтъ, и всѣхъ лѣтъ поживе во обители 30. И по благословенію преподобнаго, архиепископъ Нифонтъ поставляетъ в игумены оученика преподобнаго священноинока Андрѣя. Сіи же Андрѣй повѣда архиепископу Нифонту и княземъ града того и всемъ людемъ, еже слыша от преподобнаго и о чюдесехъ сихъ. Архиепископъ и вси людие почюдившеся и воздаша хвалу Богоу и Пречистые Богородицы и великому чюдотворцу Антонію. И оттоле начатъ зватися Антоніи Римлянинъ. И повелѣ архиепископъ Нифонтъ сие житие преподобнаго изложити, и написати, и церкви Божіи предати на оутверженіе вѣры християнстей и спасеніе душамъ нашимъ, а римляномъ, еже отступиша от православныя греческия вѣры и преложишася въ латыньскую вѣру, на посрамленіе, и на оукоризну, и проклятие, въ славу же и в честь Святей Живоначалней Троицы, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, и нынѣ, и присно, и въ вѣки вѣкомъ, аминь.

НОВГОРОДСКІЙ СУДЪ

и

СВ. ВАРЛААМЪ.

ніа ихъ; скажи намъ, Бога ради, отче! Онъ же, отверзъ священныя своя уста, глагола имъ: яко вѣмъ азъ, вы убо внѣшними очима зряще внѣщняя и судите; азъ сердечными очима смотряхъ, яко онъ первый осужениикъ, егоже испросихъ оу народа, человѣкъ во мнозѣхъ грѣсѣхъ бяше, и осуженъ в правду; и яко осудиша его судія, пріиде раскаяніе въ сердцы его и не бѣ помогающаго ему, и мнозѣмъ супостатомъ сущимъ; и не оу пріиде часъ его. Азъ видѣвъ яко иматъ вѣру спастися, и просихъ его, и устроихъ, якоже Господеви годѣ. Другій же по немъ осуженный человѣкъ без правды осуженъ бѣ понапраству устава, и видѣхъ яко мученическою смертію оумираетъ, и вѣнецъ ему от Христа предлежитъ; не бѣ потребно моленіе мое о немъ Христа; бо иматъ помощника і избавителя; вы же о семъ не соблазняйтеся. Братія поклонишася ему, вземше прощеніе, прославиша Бога, прославляющаго святыя своя, и творящаго дивная и преславная.

НОВГОРОДСКІЙ СУДЪ

И СВЯТЫЙ ВАРЛААМЪ.

(Импер. Публ. Библ. in 8° № 72.

Нѣкогда убо архіепископу Антонію по обычаю призвавшу преподобнаго Варлама к себѣ о церковномъ исправленіи, чюдотворцу же ко архіепископу идущу, яко бысть на великомъ мосту, прилучися новогородцѣмъ по градскому! обычаю осужденнаго человѣка вметати в рѣку Волховъ. Преподобный же Варлаамъ повелѣ слугамъ стати на томъ мѣстѣ, гдѣ вмещутъ человѣка. Сродникомъ же не оуспѣвшимъ молити старца, абіе самъ ста, никимъ же молимъ, и нача народъ благословляти и просить осужденнаго себѣ, да поработаетъ в дому Святаго Спаса на монастырскую потребу братіи; і народъ весь единогласно кликнуша: преподобнаго ради Варлаама, отца нашего, отпустите осужденнаго, и дадие его преподобному чюдотворцу! отселѣ не имать на себѣ и въ томъ дѣлѣ никакова истязанія! Онъ же испроси повиннаго, и посла въ монастырь, и повелѣ ему работать братіи. И сотвори оугодна на всякую службу, таже и во мнишескій образъ оболкъ его, и совокупи братіи, и спасе душу его.

Паки же во ино время по обычаю прилучися преподобному ко архіепископу шествовати по тому же великому мосту, и новгородцемъ иного осужденнаго приведшимъ скинуть в рѣку с великаго моста. Такій же бѣ обычай градской. Сродницы же его со множествомъ народа падоша пред нимъ со многими слезами, плачуще и молящеся преподобному, чтобъ благословилъ народъ, и отпросилъ бы осужденнаго сродникама ихъ от лютыя смерти. Онъ же, ни позрѣся на нихъ, повелѣ слугамъ вборзѣ мимо ѣхати ихъ. Сродницы же рѣша: грѣхъ ради нашихъ преподобный не послуша моленіа нашего; пред малыми деньми никимъ же молимъ, самъ же ставъ нача благословляти народъ, и отпроси осужденнаго оу народа і оу супостатъ, а нынѣ сами многа молимъ, но презрѣ моленіе наше; что се есть, невѣдимъ? И приведоша священноіерея ко осужденному, молиша поновити его, и причастіе дати: и священникъ понови его и причастіе давъ, и отиде от осужденнаго. Приставши же супостаты его, сринуша его с мосту; сродницы же его, вземше мощи его, и погребоша, яко же и прочихъ осужденниковъ.

Въ обитель же пришедшу преподобному, вопросиша же его старцы, бывшыя с нимъ: что убо, господине, отче, яко перваго осужденника, никимъ же молимъ, избави его от горкія смерти прошеніемъ своимъ и великое попеченіе показа о немъ, и во мнишескій образъ повелѣ постриши и к братіи причести его; сего же презрѣлъ еси, народу же и сродникомъ его молящимся тебѣ о избавленіи его; ты же никакоже послуша моле-

ніа ихъ; скажи намъ, Бога ради, отче! Онъ же, отверзъ священныя своя уста, глагола имъ: яко вѣмъ азъ, вы убо внѣшними очима зряще внѣщняя и судите; азъ сердечными очима смотряхъ, яко онъ первый осужениикъ, егоже испросихъ оу народа, человѣкъ во мнозѣхъ грѣсѣхъ бяше, и осуженъ в правду; и яко осудиша его судія, пріиде раскаяніе въ сердцы его и не бѣ помогающаго ему, и мнозѣмъ супостатомъ сущимъ; и не оу пріиде часъ его. Азъ видѣвъ яко иматъ вѣру спастися, и просихъ его, и устроихъ, якоже Господеви годѣ. Другій же по немъ осуженный человѣкъ без правды осуженъ бѣ понапраству устава, и видѣхъ яко мученическою смертію оумираетъ, и вѣнецъ ему от Христа предлежитъ; не бѣ потребно моленіе мое о немъ Христа; бо иматъ помощника і избавителя; вы же о семъ не соблазняйтеся. Братія поклонишася ему, вземіше прощеніе, прославиша Бога, прославляющаго святыя своя, и творящаго дивная и преславная.

ПРОРОЧЕСТВО СВ. ВАРЛААМА

Ѡ СНѢГОУ И МРАЗѢ ѢЗ ПЕТРОВѢ ПОСТѢ.

(Рукоп. XVI в. Румянц. Муз. № 156.)

Егда бяше в животѣ преподобный Варлаамъ, и приѣде святый Варлаамъ в великій Новъградъ ко архиепископоу Антонію благословитися. Архиепископъ же заповѣда преподобному Варлаамоу паки с недѣлю помедливъ приѣхать к себѣ нѣ о какихъ духовныхъ дѣлехъ побесѣдовати. Святый же Варлаамъ рече ко архиепископоу: аще Господь повелитъ, господине святый владыко Антоніе, боуду оу твоеи святыни благословитися на перъвой недѣлѣ петрова постоу в пятокъ на санехъ. Святитель же слышавъ от оустъ святаго Варлаама в сумнѣніи бысть, что хощетъ святый в пятокъ перъвыя недѣлѣ петрова посту приѣхати на санѣхъ. Стыдяше же (ся) вопросити святаго о вещи. Бысть же по пророчествоу святаго Варлаама в петровъ постъ на перъвои недѣлѣ к пятку на нощь паде снѣгъ великъ въ поясъ человѣка, или болши, и мразъ великъ. Того дни на оутріи приѣде святый Варлаамъ в Великій Новъградъ ко архиепископу Антонію на санѣхъ. Архиепископъ же нача тужити о хлѣбѣ, яко рожъ в цвѣтѣ прибило. Святый же Варлаамъ нача оутѣшати святителя душеполезными словесы: не скорьбѣ(ти), но паче благодарити Господа нашего Іисуса Христа и Пречистую его Матере Богородицу и всѣхъ святыхъ великихъ чюдотворцевъ, яко призрѣлъ Господь Богъ на насъ милость свою; аще, святый владыко Антоніе, не послалъ бы Господь Богъ снѣгу и мразу, погыбнути было людемъ от глада: хотяще Господь Богъ за умноженіе грѣхъ нашихъ попустити гладъ, и молитвъ ради пречистыя Богородица и всѣхъ святыхъ великихъ чюдотворцовъ дарова Господь Богъ снѣгъ и мразъ, да в коренѣ ржаномъ во всякомъ обиліи черви изомроша, и единъ день пребуде снѣгъ на земли, и Божиимъ промысломъ и повелѣніемъ будетъ теплота, и той снѣгъ за дождевную тучю оупоитъ землю и плоды всякия земныя. Еже и бысть по пророчеству святаго Варлаама. Святитель же архиепископъ Антоній, сия слышавъ глаголы от святаго Варлаама, велми оужасеся о предивномъ Божии милосердии и о неизреченныхъ Божіихъ судбахъ, начатъ славити Бога. И посла святитель святый владыка Антоній на поле слугъ своихъ от предстоящихъ ту въ келии его, да исторгноуть класы ржаные и с коренемъ. Шедъше посланніи на ржаное поле, исторгнуша класы ржаные и с коренемъ, принесоша тоу въ келию предъ архиепископа Антонія. И видѣ архиепископъ Антоній в корени ржаномъ много множество червей и измершихъ от снѣга и от мраза, прославиша Бога о бывшей Божіи милости. По пророчеству же святаго Варлаама, на оутре, еже в соуботу, и въ недѣлю, теплота велика бысть, и

растая снѣгъ, и оупои землю, и оувлажи яко же дождевноую тучю. Божиимъ промысломъ и повелѣніемъ, рожъ тогда цвѣла, а цвѣтоу не прибило мразомъ, молитвами пречистыя Богородица и великыхъ чюдотворцевъ, и молитвами святаго Варлаама чюдотворца. Святитель же видѣвъ збывшееся пророчество святаго Варлаама, того же лѣта оугобзеніе велико бысть всѣмъ плодомъ земнымъ, молитвами пречистыя Бобородица и всѣхъ святыхъ ради великыхъ чюдотворцовъ, и молитвами святаго Варлаама чюдотворца.

По преставленіи же святаго Варлаама чюдотворца, оустави архиепископъ Антоній Великаго Новограда ѣздити со кресты самому архиепископоу со архимандритомъ, и со игоумены, и со священноинокы, и з дияконы, и клирикы, и з дияки пѣвчими и поддияки, и всѣмъ причтомъ церковнымъ, и с тысяцкими, и с посадницы, и з боляры, и з гостьми, и со всенароднымъ множествомъ мужей и женъ, и дѣтей, во вѣкы вѣчныя, в пятокъ первыя недѣли петрова посту, во обитель Святаго Спаса и пѣти молебенъ боголѣпному Преображенію Господа нашего Инсуса Христа и чюдотворцу Варлааму, и служити самомоу архиепископу и со всѣмъ соборомъ софѣйскимъ и съ архимаритомъ и съ честными игумены, и со священноиноки, и священнодияконы, божественая литургія. Сие же торжество оуставися в пятокъ первыя недѣли петрова поста и во вѣки вѣчныя ѣздити архиепископомъ Нооугородцкымъ во обитель Святаго Спаса и чюдотворца Варлаама пѣти молебенъ Спасоу и чюдотворцу Варлаамоу, и служити соборомъ божественная литургія, и множеству безчисленномоу всего Великаго Новаграда, всенародному собороу, мужемъ и женамъ, на той день приходити, и ѣздити в судехъ, молитися Святому Спасоу и чюдотворцу Варлааму: и множество болящихъ всякими недугы и болѣзньми одержимыхъ и с вѣрою приходящихъ, исцѣленіе приемлющи от всякыхъ недугъ и болѣзней от чюдотворцева гроба и от мощей святыхъ чюдотворца Варлаама; и всѣмъ с вѣрою приходящимъ, исцѣленіе приемлющимъ, прославляти Бога и оугодника его преподобнаго Варлаама чюдотворца, и за воспоминаніе збывшагося пророчества святаго о снѣгѣ и о мразѣ, еже молитвами святаго Варлаама во ржи и во всякомъ обилии черви изомроша, и еже избави Господь Богъ от глада люди своя, молитвъ ради Пречистыя Богородица и святаго Варлаама чюдотворца. Многожды же бываетъ и в нынѣшняя времена: туча снѣжъная на нивы падетъ и мразъ, и того бываетъ день или два дни, въ цвѣтѣ егда рожъ цвететъ, и молитвами преподобнаго отца нашего Варлаама и ржанаго цвѣтоу мразомъ не познобитъ, а в коренѣ ржаномъ во всякомъ обилии черви изомроша: от снѣга и от мраза озобаютъ и примираютъ; а снѣгъ егда растаетъ от теплоты, и егда начнетъ грѣти теплотою солнечною, то землю тѣмъ снѣгомъ оупоитъ и совлажитъ, яко дождевною тучею; и на которые полосы и на нивахъ гдѣ на кое мѣсто падетъ туча и снѣгъ и мразъ, то Господь Богъ оумножитъ тую землю, и тые нивы и полосы множество ржы и всякаго обилия возрастаетъ, молитвами святаго Варлаама чюдотворца, за вѣру держащимъ крестьянъ ко святому Варлааму; а кого хощетъ Господь Богъ показнити, в то время и на коего християнина на нивы и на полосы снѣгъ и мразъ не падетъ, то на тѣхъ нивахъ и на полосахъ черви и во всякомъ обиліи кореніе подъядятъ, то уже рожъ и всякое обиліе привянетъ, и исхнетъ, и хлѣба на тѣхъ нивахъ не будетъ, за согрѣшеніе тѣхъ крестьянъ. Преподобный же отецъ нашъ Варлаамъ, святаго ради житія, беззлобие (бива) душа даромъ пророчествия сподобися, по реченному пророкомъ: излию от духа моего на всяку плоть, и дамъ чюдеса на небесѣ горѣ, и на земли знаменія низу и во благодати сугубъ даръ подамъ! Пречестный же божественыи Варлаамъ презрѣ маловременъная и мимо текущая житія сего, обоихъ сподобися; глаголю же, се даму рече, чюдеса на небеси горѣ, и знаменія на земли низу; хощещи ли дати, от обоихъ разрѣшу, о нихъ же и самъ речеши; истинъну быти не ложъно мною глаголемое, многажды бо рече не токмо бо в животѣ, но и по смерти сего преподобнаго Варлаама быша и быва-

отъ, да иже и до сего дни. Есть оубо обычаи в томъ Великомъ Новѣградѣ: егда попущенію Божию бываетъ бездождие, и абие весь народъ со архиепископомъ града с вѣрою пришедши в монастырь, идѣже лежитъ пречестное его тѣло; нѣсть бо далече, но яко седмъ поприщъ от Великаго Новаграда, яко же преди сказахомъ; всему народу предстоящу, архиепископу же во священней одежди стояше с лики священными, молебная совершающимъ, абие солничныи воздухъ в водоточное естество преложися, и тако дождь доволенъ молитвами святаго исходитъ, яко же дивитися иже ту предъстоящему народу скорому святаго оуслышанію. Егда же ни паки бываетъ оумноженіе дождемъ, и абие такожде народъ со архиепископомъ предъреченънаго Великаго Новаграда обычныя молбы сотворяющимъ, и абие в той часъ молитвами святаго облачное и темное небо съ своими стихиями благодарственно раствореть и свѣтла бываютъ, и ясно солничныя луча являетъ заря. Народи же благодарная хваления воздавше чюдотворящему Богоу и святымъ его оугодникомъ и преподобнымъ и богоноснымъ отцемъ нашимъ великими Варлаамомъ чюдотворцемъ, и тако во своясн возвращаются. Оустави же ся в Великомъ Новѣградѣ чинъ церковный в велицей церкви святѣй Софѣи премудрости Божіи: ѣздити архиепископоу со кресты и пѣти молебны и слоужити божественная литургия во обитель Святаго Спаса на Хоутыни со священнымъ множествомъ в пятокъ первыя недѣли петрова посту, и во вѣки вѣчныя, потомъ от святыя Софѣя премудрости Божия священный соборъ великия церкви начнутъ ходити со кресты на Ильину оулицу ко Пречистеи Богородицы к честному и славному ея Оуспенію, во вся пятки молебное пѣніе совершающе, и до Воздвиженія Честнаго Креста, молящеся Господу Богу и Пречистей Богородицы и всѣмъ святымъ великимъ чюдотворцемъ, и святому великому чюдотворцу, преподобному и богоносному отцу нашему Варлааму, о оустроеніи земъскомъ, и о тишинѣ и о мирѣ всего мира, и о благостояніи святымъ Божиимъ перквамъ, и о благовѣрномъ и христолюбивомъ цари и великомъ князи имя рекъ (1), и о его благовѣрной царици, і великой княгынѣ, имя рекъ (2) и о благородномъ царевичи (3), чтобы Господь Богъ даровалъ имъ многолѣтство и здравие и спасеніе, и скипетры царствия оутвердилъ во вѣки вѣкомъ, и даровалъ бы Господь Богъ сродникомъ благочестиваго царя нашего правовѣрнаго благолюбивымъ княземъ, рускою землею пекущимся, за вѣру Христову и за царя православнаго и за вся святыя Божия церкви, и за все православное христіанство, и благочестивымъ боляромъ, христолюбиваго православнаго царя нашего воеводамъ, и всемоу христолюбивому его воинству помощь, и крѣпость, и побѣду, и одолѣніе, даровалъ бы Господь Богъ на вся врагы наша и сопостаты, на вся невѣрныя, на бусорманство, и на латынъство; посемъ великаго дару оу Господа Бога просятъ, чтобы даровалъ Господь Богъ царю нашему православному и благовѣрному и христолюбивому, великому князю имя рекъ всея Росіи и благовѣрной и христолюбивои царицы имя рекъ (4) плодъ чрева, благочестива и христолюбива поборника по благочестнѣй нашей християнстеи вѣрѣ, и сына имъ благородна и крѣпка на врагы, и цѣломудрена, и мудролюбна, и милостива и кротка, християномъ заступника; тако же и во всѣхъ шести соборахъ Великаго Новаграда священницы ходятъ коиждо соборъ ко святымъ церквамъ во вся Воскресенія с народомъ до Воздвиженія Честнаго Креста; паче же великий архиерей и архиепископъ Великаго Новаграда ходитъ в петровъ постъ, и по петровѣ дни, со кресты около града по обѣ страны со священнымъ соборомъ, и со всенароднымъ множествомъ молебное пѣніе совершающимъ, и всѣмъ святымъ великимъ чюдотворцемъ и великому чюдотворцу Варлааму о оустроеніи земъскомъ просяще милости Божия и посѣщенія, и помощи, и оукрѣпленія всему православному християнству, и о сподобленіи еже на вра-

(1) За тѣмъ написано и зачеркнуто: Борисѣ Ѳеодоровичѣ всея Россіи.
(2) Написано и зачеркнуто: Маріи.
(3) Написано и зачеркнуто: Ѳеодорѣ и царевнѣ Ксеніи.
(4) Опять тѣже имена царя и царицы, написаны и зачеркнуты.

гы побѣда христолюбивому воинъству благовѣрнаго царя нашего великаго князя имя рекъ всея Росіи самодержца, и о всѣхъ полезныхъ православному христіянству, и о оумноженіи плодовъ земныхъ, избавилъ бы Господь Богъ всѣхъ православныхъ христіянъ от глада и губительства, труса, и потопа, от огня, и меча, и мора, и нашествия иноплеменникъ, и межуоусобныя брани и напрасныя смерти, и от всякаго зла, за молитвъ Пречистыя Богородица и всѣхъ святыхъ, великихъ чюдотворцовъ, и за молитвъ теплаго заступника и скораго помощника преподобнаго Варлаама, чюдотворца. Богу нашему слава, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣкомъ, аминь.

ВИДѢНІЕ ПОНОМАРЯ ТАРАСІЯ.

ВИДѢНІЕ НОНОМАРЯ ТАРАСІЯ.

(Рукоп. XVI в. Румянц. Муз. № 154.)

Бысть чюдо преславно и видѣніе оужаса исполнено въ пречестнѣй обители боголѣпнаго Преображенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и преподобнаго отца нашего Варлаама. Бывъшю понамарю в церкви Святаго Спаса в полунощи, нѣкия ради потребы церковныя, именемъ Тарасию, видѣтъ на паникадилехъ и во свѣтильникехъ свѣща вся въжегъшеся, и кадила возгорѣвъшася, и от благооуханія благовонънаго фимиама и ливана церьковъ исполнену, и зритъ понамарь зрящима очима, не во снѣ, но явѣ, из гроба своего исходяща преподобнаго чюдотворъца Варлаама, и бывша въ церкви Святаго Спаса. И нача преподобный молитися Господу Богу нашему Іисусу Христу и Пречистѣи его Матерѣ Пресвятеи Богородицы и всѣмъ святымъ, со слезами и с великимъ оумиленіемъ, яко же онъ на три часы. Понамарь же бысть во ужасѣ великцѣ. И прійде к понамарю Тарасию самъ Варлаамъ чюдотворецъ и глагола ему чюдотворецъ; о брате Тарасие, хощетъ Господь Богъ погубити Великий Новъградъ! Взыди, брате, понамарю Тарасие, на самый верхъ церковный, оузриши погубу Великому Новуграду, что хощетъ Господь Богъ сотворити ему! Понамарь же Тарасие, по глаголу преподобнаго чюдотворца Варлаама, взыде на церковъный верхъ, и видитъ чюдо страшной грозы исполнено; над самымъ Великимъ Новымъградомъ езеро Ирменъ воздвигшеся на высоту, хотя потопити Великій Новградъ. Понамарь же Тарасие видѣвъ страшно видѣніе, вельми оужасеся и бѣжа из церкви Святаго Спаса страхомъ велиемъ одержимъ, вниде въ церковь Святаго Спаса. И прійде к нему святый Варлаамъ, и воспроси его: что видѣ надъ градомъ? Понамарь же повѣда святому Варлааму чюдотворцу: езеро Ирьменъ воздвигъшеся надъ Великимъ Новымъградомъ. И рече понамарю святый Варлаамъ: Господь Богъ хощетъ Ирьменемъ езеромъ потопити Великий Новъградъ за умноженіе грѣхъ людьскихъ всенароднаго множества и за беззаконія и неправды ихъ. Посемъ паки начатъ со оумиленіемъ и со слезами молитися Господу Богу и Пречистѣй Богородицы на три часы, и посла понамаря Тарасия ити на церковь Святаго Спаса і видѣти что сотворитъ надъ Великимъ Новымъградомъ. По глаголу же чюдотворца Варлаама, взыде второе понамарь Тарасие на церковъ Святаго Спаса в верьхъ: видитъ множество ангелъ стрѣляющихъ огнеными стрѣлами яко дождь силный ис тучи на множество народа людьскаго, на мужи и жены, и на дѣти ихъ, колико бяше мужеи и женъ и дѣтей, пред всякимъ моужемъ и женою или отрочятемъ, и пред дѣвою, и пред всякимъ человѣкомъ стоящя

ангела хранителя, держаща книгы, и зряща в нихъ повелѣнія Божия. Акій человѣкъ обрѣташеся написанъ въ живыхъ, того ангелъ хранитель помазоваше кистию из сосуда, приемля мню мѣра небеснаго, и абие той человѣкъ исцѣленіе приимаше, и здравъ бываше от съмертностныя язвы ангелемъ немилостивыхъ язвы. Егда же видяше ангелъ человѣка, ему же написано оумрети въ книгахъ судебъ Божиихъ повелѣніемъ владыки Христа Бога нашего, і абие не помазалъ его миромъ ангелъ хранитель, оунылъ отхождаше от человѣка, бояся преслушати своего владыки повелѣнія. Ангели же хранители предъстоящихъ предъ всякимъ человѣкомъ от зрящихъ в книгы овѣхъ помазахоу из сосуда кистию, а инѣхъ не мажуще, отхождахоу. Онъ же оужасеся страхомъ велінмъ одержимъ, и бѣжа с верху церковнаго Святаго Спаса; и вопроси его святый Варлаамъ чюдотворецъ: каково видѣ видѣніе надъ великимъ Новымъ градомъ? Понамарь же нача повѣдати святому Варлааму еже видѣ множество ангелъ Божихъ безчисленно с небесе стрѣлы огнены испущающихъ на всенародное множество людей. Начатъ же преподобный Варлаамъ молитися Господу Богу и Пречистѣй Богородицы, и всѣмъ святымъ, со слезами и с великимъ оумиленіемъ, и глагола чюдотворецъ Варлаамъ къ понамарю Тарасию; брате! за молитвъ пречистыа Богородица и всѣхъ святыхъ ради молитвъ, пощадилъ Господь Богъ людей своихъ, еже не погубилъ потопомъ града, но посылаетъ Господь Богъ на люди моръ казнь; но с милостию, рекъше с покаяніемъ. Самъ бо рече Господь во святѣмъ евангеліи: в чемъ тя застану, в томъ тя и сужду! И боудетъ моръ три лѣта. Еже и бысть в тые три лѣта Божие посѣщеніе моръ. И паки помолися святый на многъ часъ, и посла третье понамаря на церковъ что оувидитъ надъ градомъ. По словеси же чюдотворца Варлаама и изыде на церковъ понамарь, видѣ тучю огнену над градомъ; и паки бысть в оужасѣ велицѣ понамарь, сніде с церкви, и въшедъ в церковъ Святаго Спаса видѣтъ понамарь чюдотворца Варлаама молящася Богоу, и вопроси святый Варлаамъ понамаря! что видѣлъ над градомъ? Понамарь же нача повѣдати святому Варлааму еже видѣ надъ Великымъ Новымъ градомъ тоучю огнену. И чюдотворецъ Варлаамъ рече понамарю: по трехъ лѣтъ посли мороу будетъ пожаръ силенъ в Велнюмъ Новѣградѣ. Торговая страна вся погоритъ, і множество много людей изгоритъ; понеже, брате понамарю Тарасие, Пречистая Богородица со всѣми святыми оумолила сына своего и Бога нашего Іисуса Христа, и избавила градъ свой от потопа. И помолився преподобный Варлаамъ къ Господу Богу и Пречистѣй Богородицы и всѣмъ святымъ, вниде в гробъ свой, и свѣщи и канъдила сами о себѣ погасошася.

ПОВѢСТЬ

О НОВГОРОДСКОМЪ БѢЛОМЪ КЛОБУКѢ.

ПОВѢСТЬ

О НОВГОРОДСКОМЪ БѢЛОМЪ КЛОБУКѢ.

(Рукоп. Импер. Публ. Библ. in. 4° Отд. 1. № 262.)

ПОСЛАНІЕ ДИМИТРІЯ ГРЕКА ТОЛМАЧА НОВГОРОДЦАМЪ АРХІЕПИСКОПА ГЕНАДІЯ.

Пречестныя і великия святыя соборныя і апостольыя церкви Софѣи премудрости Божиі первопрестолку государю преосвященному архиепископу Велико-Новагорода и Пъскова владыцѣ Генадию слуга твоего ятительства Митя много челомъ бьетъ. Твоимъ святиьскимъ благословеніемъ і молитвами азъ великого ма града доидохъ во здравиі, по твоему святительому приказу о бѣломъ клобукѣ в лѣтописныхъ в римихъ книгахъ едва можахъ обрѣсти написание о семъ; неже срама ради таять велми. Се тебѣ повѣмъ како рѣтохъ писание о семъ. Первие плакахся азъ ко игохранителю церкви римския іменемъ Іакову і многими даръми одарихъ его. Книгохранитель же онъ, видъ мя любезно припадающа к себѣ, і велію любовь и ко мнѣ многими брашны и питиі, і по многи дни ихождахъ к нему і в дому его вечеряхъ с нимъ; і когда пришедшу ми к нему по обычаю вечеряти, ъ же с любовию срѣте мя, і емля за руку введе в мъ свой, і в то время вечеряхъ с нимъ, похваляя у нашу греческую вѣру і о россѣйстей земли, такожі о вѣрѣ, о благостоянiи, і о чюдотворцехъ, іже в руйстей земли просиявшихъ многими знамениі і чюде, і потомъ сказахъ ему повѣсть чюдну зѣло о бѣмъ клобукѣ, еже ты, святитель Великаго Новаграда, на главѣ своей носиши. Книгохранитель же онъ, яко услышавъ от мене сия, воздохнувъ о семъ велми і рече: от древнихъ і достовѣрныхъ мужъ у насъ сицева повѣсть обношашеся о семъ прежде, яко клобукъ сий бѣлый честный, о немъ же глаголеши, сотворенъ бысть въ превелицемъ граде Римѣ царемъ Костянтиномъ і данъ бысть на почесть римскому папѣ Селивестру на главѣ носити, і ради согрѣшенiи нашихъ, еже содѣяся в Римѣ, сиі клобукъ посланъ бысть в Костянтинъ градъ къ патріарху; патріархъ же посла его в рускую землю Великаго Новъграда. Азь рѣхъ: естьли о семъ написание здѣ? А древняго нѣсть. Азъ же подробну и с тихостію начахъ вопрошати его: да скажемъ ми подлиньно і о семъ о бѣломъ клобукѣ написание. Книгохранитель же онъ вечеря много со мною великою любовию, і видѣвъ мя тщателне вопрошающа о семъ, и сказа ми повѣсть сицеву: О семъ многу речению из насъ прежде сего во градѣ і взысканию бывшу о семъ, онъ глаголетъ се, інъ же іно, а истинны не вѣдая никто же; понеже зависти ради православныхъ древнихъ началницы града сего о семъ писание истребиша. От того же времени по мнозѣхъ лѣтѣхъ, егда турки обладающе царствующимъ градомъ, нѣцыи благочестивиі мужие Царяграда взяша множество греческихъ книгъ,

хотяще соблюсти греческия вѣры от безбожныхъ турокъ, і отплыша моремъ в Римъ. Латинстиі же людие нашедше славниі зѣло и тщателны философскому учению, от многихъ бо лѣтъ восточныхъ учителей желаху видѣти писания і о гречестѣй, царие же не изволиша тако быти, ради отступления ихъ от православия; егда же улучиша время, принесеньныя убо от грекъ книги во свой римский языкъ преложиша, а греческия книги вси огнемъ сожгоша, о бѣломъ же клобукѣ, о немъ вопрошаеши, такоже написание з греческихъ книгъ в римския книги вновѣ написаньна бѣ, а преже того в римскихъ книгахъ написания не бѣ о бѣломъ клобукѣ, срама ради; і нынѣ се таятъ же велми. Азъ же яко услышавъ от книгохранителя онаго сицевая повѣствующа, і болми разпаляхся желаниемъ, і со многимъ молениемъ припадохъ колѣнома его, дабы ми далъ написание се, і с великимъ заклинаниемъ едва упросихъ, і в тайнѣ написахъ подлинньно; такожъ і осмочастную книгу і миротворный кругъ, і вся сия послалъ есми к тебѣ с московскимъ гостемъ с Фомою с Саревымъ, і буди, государь, спасаяся и здравъствуя о Христѣ, і насъ во святыхъ своихъ молитвахъ не забуди, яко же и прежде.

ОТ ИСТОРІІ РИМСКИЯ ПОВЕЛѢНИЯ И ЧИНА СВЯТИТЕЛЬСКАГО НАПИСАНИЯ ВЪКРАТЦѢ, ЧЮДНО ЗЕЛО.

ОТ ЧАСТИ ЖИТИЯ БЛАГОВѢРНАГО ЦАРЯ КОНСТЯНТИНА РИМСКАГО, І О СОТВОРЕНІІ СВЯТИТЕЛЬСКАГО БѢЛАГО КЛОБУКА, ОТКУДУ И КАКО НАЧАЛО ПРИЯША АРХИЕПИСКОПИ ВЕЛИКАГО НОВАГРАДА ЕЖЕ НОСИТИ ЕГО НА ГЛАВАХЪ СВОИХЪ, А НЕ ЯКОЖЕ ПРОЧІІ МИТРОПОЛИТИ; ЗДѢ ЖЕ О СЕМЪ ИЗВѢСТНО СКАЗАНИЕ ИМАТЬ.

По смерти нечестиваго царя Максентия, на християны гоненіе преста, і бысть тишина велия. Человѣки же живуще в Римѣ окрестниі, аще и невѣриемъ бяху одержими, но веселиемъ и радостию великою веньчавше градъ свой, восприяша же с похвалами на царство великого и славънаго Константина, спаса и благодателя нарицающа его. Благопоспѣшный же царь Констянвътинъ приемъ царство с скипетромъ римъское, і велѣниемъ его вся по чину бываху царьскіи властелинскии; во християнстей вѣрѣ пребывающимъ во ослабѣ жити повелѣ; християне же, благодателство сие дивяще, і онъ паче радовахуся і веселящася, творяху подобныя праздники всесилнаго Бога безъпрестани, славяще і царя Константина немолчно величаху. Православную же вѣру Господа нашего Іисуса Христа в Римѣ содержащу і укрѣпляющи тогда блаженному Селивестру, епископу християнскому в малѣ дружинѣ, во утѣснениі пребывающу, і сие творя втай, а не явѣ, страха ради жидовъскаго і еллинскаго, понеже царь Коньстянтинъ еллинстѣи вѣре прилежаще, тогда оидломъ кланяешися. Въ третие же лѣто царства его блаженный Селивестръ папа римский крести нѣкоего царева мужа, Изумъфера именемъ, і добрѣ устрои его вѣровати въ Господа нашего Іисуса Христа. Замбрия же нѣкто бѣ в Римѣ жидовинъ і волхвуя, і всѣми любимъ бѣ, с нимъ же блаженный Селивестръ последи чюдо велие сотвори о семъ убо і(н)де скажемъ. Сеже убо Замъбрия не можаше зрѣти вѣры Христовы, собра вопрошая еллины и жидовиі, приідоша же во царю, і рекоша: Господи великодержавный царю! Града сего епископъ християньскиі Селивестръ поношая ны і укаряя нелѣпыми словесы, і добрѣ проповѣдаетъ распятаго нѣкоего, наша же честныя і великия боги поношая, і безчестныі творити я, и твоего честнаго і великаго Изумфера своими словесы прелсти и сотвори его вѣровати въ распятаго, і намъ о семъ сиюние и печаль велию сотвори, такоже і твоему величеству: вещаетъ, хотя и тебе прелстити і в распятаго вѣроваті яко же Изумъфера сотворити. І сего убо злотворца і слышати не можемъ; і молимъ тя, великий царю, повелі убо намъ, да истребимъ его. Царь же сия слышавъ, разгнѣвася зѣло на епископа, Изумъфера (ради) і хотяше его яти і в темницы затворити, а прочая християны разгнати. Селивестръ же яко услышавъ

на ся гнѣвъ царевъ, убояся, і бежа, и скрыпся в горѣ нѣкоей в с клирики своими; много же искаху его и не обрѣтоша. Богу же сохраняющу его на полезная, і пребысть крыяся время доволно. Но творецъ всея твари, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, не нужею приводя человѣческий родъ ко спасенію, но волею, і комуждо вещьми разумъ даетъ, такоже і здѣ хотя прославити угодника.

Въ 7-е убо лѣто царства своего (царь Константинъ) в лоновую проказу впаде, уязвленъ бысть по всему тѣлу, оструплвъ лежаша (ше) едва дыша. Мнози же чаровъницы і волсви приходяще, не точию от римлянъ, но и от персъ приходяще, приведени, искусныи врачевстѣй хитрости, и ничто же успѣша, но и паче на горшее пришедше, мало не прелстиша царя лукавні, рекоша сице: подобаетъ купѣли быти въ Капеталиі римъстей, існолнитися чистыхъ перворожденныхъ младенецъ кровию мужеска полу, і горячею кровию измытися тебѣ, и животъ получиши; а телеса младенческая дати на жертву богомъ. Царь же въскорѣ всему быти повелѣ, и по всей римъстей области принесоша дѣтей 3,000 мужеска полу. В потребныі же день ідущу царю с волхвы онѣми в Капиталию, въ младеньчестей крови измытися, жерцемъ же готовымъ сущемъ на заколение дѣтей, і бысть стенание і кричание велие безпрестанно. Сия же слышавъ царь, ужасеся, и ста на единомъ мѣсте, і узрѣ множество женъ стоящихъ простовласы, кричаще, і плачющеся, і воздыхающе великими гласы. Вопроси же царь грядущихъ с нимъ: кто сеі есть, і что́ вина плача ихъ? Рѣша же ему, яко убиения ради дѣтей онѣхъ плачютъ матери ихъ. І побѣжденъ бывъ царь жалостию і воздохнувъ из глубины сердца, и начатъ плакати велимъ гласомъ: лучше ми есть самому умрети за спасение дѣтеі, нескверіі еже (неже?) тѣмъ убиеномъ быти! І се рекъ, возвратися в полаты своя, і не точию дѣти матеремъ отдати повелѣ, но і имѣнием одаривъ і отпусти; жены же оны вопріяша чада своя во мнозѣ радости.

Тому же убо дневи мимошедшу і нощному безмолвию пришедшу, явистася царю святиі апостоли Петръ і Павелъ, глаголюще: Понеже грѣхомъ не восхотѣлъ еси исполнитися, і пролияти кровь неповинныхъ возгнушася (шался еси), от Христа Бога нашегопосланиі есмы дати тебѣ спасения образъ, іже здравие получиши. Послушай убо нашего заповѣдания, и сотвори, еже ти заповѣдаемъ. Іже града сего епископъ Селивестръ, твоего гонения бѣгая, въ пропастехъ каменныхъ крыется в горѣ Сорѣптей, і сего призвавъ честию, повелѣ приіти к себѣ: сей убо имать показати тебѣ купѣль спасения, в неі бо измывся, всю скверну струпъ своихъ очистиши, и здравъ будеши, і живота вѣчнаго сподобишися, живота раді, даннаго с тобою нескверным младенцемъ. І егда от святителя сию благодать приімеши, воздаждь ему воздарение честное, да во всей вселенстѣй церкви православныхъ обновятся твоими велѣньми священнолѣпотою, і да прославится в нихъ імя великого Господа Бога і Спаса нашего Іисуса Христа, і святымъ пѣнием да украшаются.

По явленіі святыхъ апостолъ, от царя Констянтина взысканию бывшу о епископѣ, і обрѣтоста его, со всякою честию приведоста пред царя. І яко внидетъ епископъ в полату, царь же воста, первие целова епископа, і рече: здрава тя приемши радуемся, честныі отче! Селивестръ же рече: миръ тебѣ с небесе дастъся і побѣда! Царь же сказа ему о видѣніі нѣкоемъ, і рече: два мужа нощию во снѣ явльшимися, Петръ і Павелъ нарицаста имя себѣ, і возвѣстиста ми яже о тебѣ; і се пришелъ еси, сотвори о мнѣ еже имаши от Бога даръ, очисти мя от болѣзни моея сея. Но и еще молю тя, святыі епископе: кто суть боги, Петръ и Павелъ іменуеми? имаши у себе образъ явльшихся мнѣ, и да покажешими ихъ, і сотвори ми ею явлены, і разумно ми будетъ. аще воистинну от Бога посланнымъ имъ быти. Селивестръ же рече: не истинна суть еже тѣхъ боги іменовати: апостоли суть Господа нашего Іисуса Христа, і потомъ всякоя чести достоины. Отецъ Селивестръ божественныхъ апостолъ образы своему дия-

кону повелѣ принести. Узрѣвъ же ихъ царь на иконахъ, і позна, пред своими князи і велможами ісповѣдався, і глагола: во истинну сихъ в видѣніі узрѣхъ! Тиі мнѣ глаголаста: посли ко епископу Селивестру; той ти покажетъ купѣль спасения. І паде пред ногами епископу. Блаженный же Селивестръ воздвигъ его, і поучивъ его от божественныхъ писаний, і заповѣда поста приняти седмь дней, і во единомъ вретищи одѣяньву быти, і милостыню творити повелѣ; і благословивъ, сотвори его оглашенна, і отъидетъ. Бысть же в день недѣлный службѣ (у)готовленѣ сущи, Селивестръ же царю рече: вода сия, царю, еже видиши, призыванномъ святыя и животворящия Троица божественую силу приемлющи, якоже телеса извнутъ от всякия скверны очищаетъ, тако і душа от всякаго грѣха і от всякия скверны очищается, і солнца свѣтлѣишиі творится. Вниди убо въ честную і священную сию баню, і очистися от всѣхъ сотворенныхъ ти грѣховъ. Симъ же пнѣмъ реченнымъ бывшимъ, і благословивъ святыя воды; помазану же бывшу царю святымъ масломъ, і влѣзшу ему во святую воду, о великаго таинства Божія тогда бывшаго! Внегда ему крещьшуся во імя святыя Троица, внезапу сияние нѣкако безчисленнаго свѣта с небесе возсия, і гласъ бысть яко мѣди звѣнящи; і изыде от воды добронравныі великий царь Конъстянтинъ весь здравъ, струпа же от тѣла его отпадоша яко чешуя, і чистъ бывъ всюду, рече к Селивестру: о пречестный отче! велика Божія благодѣяния повѣмъ тебѣ: внегда убо в нѣдрахъ купѣльныхъ поставленъ быхъ, рукою ко снувшуюся ми с небесе, своима очима видѣхъ, от гноя же чистъ востахъ, і от всякаго еже от проказа одержания познахъ (себе) очищенна. Блаженный же Селивестръ слышавъ, одеждами бѣлыми одѣя его, і седмоличне от Святаго Духа подастъ помазаннемъ масть, и знамениемъ честнаго креста знамена, рекъ: знаменаетъ тя Богъ вѣры своея печатию, во имя Отца і Сына и святаго Духа! І весь соборъ отвѣща: аминь. Святитель: миръ ти! Благодатию же Божиею царь Конъстянтинъ здравъ бысть (и нареченъ) во святомъ крещеніі Ѳлавий, радости многия наполнися, велию славу воздая Христу Богу і святителю Селивестру, і не вмѣняше его человѣка суща, но чтяше его яко Бога, і отца его себѣ і папою іменова. Вся же людие, елицы под римъскою державою, возрадовашася зѣло, не точию царева раді исцѣления, но і чадъ своихъ раді, еже собрани бѣша на заклание, здравия ради царева; сихъ всѣхъ живыхъ приемши матери ихъ, і тогда радость велия бысть во всей римстей державѣ. По исцѣлении же своемъ царь Конъстянтинъ, і по велѣнию святыхъ апостолъ, і поучениемъ блаженнаго папы Селивестра, преже всего повелѣ собрати мощи святыхъ мученикъ, умершихъ от нечестивыхъ царей за вѣру Христову, і благочиннѣ гробомъ предати повелѣ; і во изгнаніі сущихъ приведе, і в темницахъ, і во юзахъ седящихъ свободи, і отъятая имѣния отдати повелѣ; церкви же Божия поновляти успѣхомъ многимъ, еллинския же храмы разоряти і огнемъ сожещи повелѣ, а имѣния ихъ святымъ церквамъ отдати. І со словомъ въскоре дѣла быша: і вся по чину бываху, яко же лѣпо християнскимъ царемъ владѣтелство. Папе же Селивестру царь Констянтинъ многая благодарения воздаде, на церковныя чины, і самому святѣйшему папе на послушание, своихъ царскихъ чиновъ і величеству, і многия чины устрои, і вѣнецъ царьский хотяше положити на главу его. Папа же рече: царю великий! не лѣпо есть намъ твоего царскаго вѣнца носити на главѣ; аще епископъскаго сана сподобленъ быхъ, но мнихъ есмь по обѣщанию, і сего ради молимся всемогущему Богу, да в будущемъ вѣцѣ вѣчная благая приімемъ от него. Царь же любовию побѣждаемъ, оскорбися вѣнца раді. Папа же рече: не скорби, царю! твое есть еже носити златый вѣнецъ і вся красная мира сего, наше же должно есть о твоемъ царствиі Бога молити, і сиреная і плачевная носити на тѣле своемъ, і за царскую красоту; такоже должно есть намъ і о всемъ мірѣ молитвы воздаваті Богу, не точию о вѣрующихъ въ Господа нашего Іисуса Христа, но і о невѣрующихъ: о вѣрующихъ спасения раді, о невѣрующихъ

же крещения раді, да и тві спасение улучатъ, еже о Христѣ Іисусѣ, якоже рече блаженный апостолъ Павелъ. Сия же царь слышавъ, умилися і с великимъ моленіемъ зовяше святителя да ястъ у него. Егда же приіде папа въ царьский дворъ, царь же самъ срѣте его, і своими руками поддержа его, такоже і прочему священническому чину, і клирокомъ, і мнихомъ честь велию воздаде. Во время же яденія боголюбивый онъ царь своима рукама поставляя брашна святѣишему папѣ і прочимъ, і вельми чтяше его, і в радости велицѣй предстоя ему яко Богу; і безпрестани зря на лице і мысляще неослабно, да кацѣмъ образомъ сотворитъ ему одѣяние на главѣ носити вмѣсто царьского вѣнца; і недоумѣяся. Прочая же священники і мнихи такоже доволно питая, і учрежая же ихъ всѣми царьскими брашны, і во всѣмъ угожая имъ предстояния раді церковнаго. По скончанні же оного преславнаго пированія, святѣиший папа хотяще отити во своя; благочестия любитель, благовѣрный онъ царь повелѣ вновь привести предсѣдания с конми своего царскаго сана і величества, і со многимъ благочиниемъ своими руками поддержа блаженнаго папу, і посаді его на мѣстѣ честно, і поклонився, отпусти его с миромъ; і потомъ вниде в ложницу свою почити. Спящу же ему на одрѣ нощию, і явистася ему святиі апостоли Петръ и Павелъ в видѣніі, во славѣ велицей, і рекоша: царю! о здравиі твоемъ радуяся, яко от епископа Селивестра сподобися святаго крещения, і вѣруя же въ Господа нашего Іисуса Христа, распятаго от іюдѣй і воскресшаго въ третиі день, і вся яже научи тя святый епископъ; вѣнца же царствия твоего епископъ не взя, і на главѣ своеі не восхотѣ носити, понеже мнихъ: от златаго украшения, еже носити на тѣле своемъ, во обѣщаніі своемъ отрекошася. Ты же аще хощеши Божия святителя честнѣиша імѣти і вышша паче всѣхъ, сотвори ему одѣяние носити лицемъ бѣлѣишимъ, по подобию святительскаго і мнишескаго чина, сицевымъ образомъ. І показаша ему еже имяху в рукахъ своихъ одѣяние бѣло, достойно бяше святителемъ носити на главѣ. Царь же рече имъ: господие моі! вся повелѣния вами да сотворю; повѣдаите ми, кто еста вы? і в пришествіі бо вашемъ зѣло возрадовася сердце мое і свѣтъ сладокъ осия мя. Они же рекоша: Мы есвѣ апостоли Петръ и Павелъ, іже прежде бѣхомъ у тебе, егда ты несущему Богу вѣрова; нынѣ же істиннаго Бога позна (лъ), наипаче же познанъ еси от Бога; і се второе послание к тебѣ от Спасителя Христа Бога, дати тебѣ разумъ благочестия вѣру Господа нашего Іисуса Христа, понеже послушалъ еси велѣния, і живота вѣчнаго сподобися рукою святѣйшаго епископа. Царь же рече: господие моі! нынѣ разумно вижу і познахъ ваша святая лица, і аще не бы вы предсталі вь явленіі вашемъ, въ малѣ не подвижася нога моя; яко возревновахъ беззаконныя зря; і аще не Господь помоглъ бы ми, вмалѣ вселилася бы во аде душа моя, і мало не скончаша мене на земли злиі они врази і отступницы, бѣсовьстиі служителие. Апостоли же рѣша: нынѣ вся, яже повелитъ ти епископъ, твори, і сынъ свѣта будеши, і небеснаго града гражданинъ. І сия глаголавше, невидими быша. Царь же от сна воспрянувъ, и скоро притече к папе радостенъ, і повѣда ему вся реченная от апостолъ; папа же благодаривъ Бога о семъ, яко незабвенно дѣло его вѣмъ (?) пред Богомъ. І абие поіде царь во своя, от многия радости любовию побѣждаемъ, і от Святаго Духа вразумляемъ, повелѣ (привести) пред ся въскоре ризношвецъ мудрѣишихъ, іже искусни суще утвари всякия плателлная творити, і вмѣсто царскаго вѣнца повелѣша имъ сотворити клобукъ бѣлъ на главу блаженному папѣ, по повелѣнию святыхъ апостоловъ, по образу еже показа(ста) ему святиі блаженниі апостоли; і своею рукою назнаменавъ, імѣя якоже видѣ в рукахъ святыхъ апостолъ. Господу же поспѣшествующу, не по мнозехъ днехъ сотвориша его жиждущиі по повелѣнию цареву, і устроиша его чюдно, і принесоша его ко царю; і абие изыде от него благоухание велие; царь же удивися сотворению сего, такоже і благочинию. В нарочитый же день праздника Божия, зѣло рано еще сущи, папа Селивестръ іднше ко

утренному пѣнию, і абие на путі осия свѣтъ велий от небесе, і гласъ бысть глаголющъ сице: епископе, внимай себѣ: царь Констянтинъ сотвори одѣяние бѣлое носити тебѣ на главѣ; ты же приемъ, постави его в церкви Божпі, ідѣ(же) служиши, дондеже востанетъ дому владыка, емуже уготовася свѣтилникъ сей. І абие по гласѣ томъ подъяся свѣтъ онъ к небеси, і разступися небо приняти. Папа же, стоя па единомъ мѣсте, і видѣнию дивяся, і свѣтъ осия сердце его; і грядущихъ с нимъ: сиі такоже свѣтъ видѣша і гласъ Божий слышаша; по свѣте же ономъ нощь паки бысть; і вси устрашишася. Селивестръ же дивяся видѣнию і недоумѣяся о глаголе семъ, і вшедъ въ церковь, и все нѣние утреньне стоя, измышляя себѣ, глаголаше: кто разумитъ мя, что́ преславное се видѣние, і что́ хощетъ быти? Во уреченный же часъ дни того, егда творяху божественную службу, папѣ же пришедшу в церковь, благовѣрный же царь Конъстянтинъ облечеся въ царьскую порфиру, і вѣнецъ царьский возложи на главу свою, і со множествомъ синьклита своего, сего святаго клобука принесе в церковь, і со всякою христоподобною честию своими руками положи сего на главу блаженному папѣ, і рече: такову ти достоитъ быти свѣтлу, якоже солнцу. посредѣ всѣхъ человѣкъ, о пресвятый отче і учителю! Папа же рукою своею сотвори на царѣ крестное знамение, царь же папа целова в руку, і в клобукъ, і поклонися ему благочиньно. Селивестръ же въ клобукѣ ономъ со своего мѣста соступивъ, і мало отшедъ, со многимъ благочинствомъ поклонися в немъ царю, і ста на мѣсте своемъ. В то же время въ церкви бѣ нѣкто царевъ болярин, Симеонъ іменемъ, царю предстоя і держа блюдо златое, ухищренно же бѣ жемчюгомъ і каменнемъ драгимъ, на немъ же царь вѣнецъ главы своея полагаше; папа же испроси у царя блюдо оно, і сня си клобукъ з главы своея, і положи его на немъ, і любезно целовавъ со всѣми святители, і постави въ церкви в нарочите мѣсте, по гласу явльшуся ему во свѣте Господни; і на Господьския праздники точию возлагаше и на главу свою, і честно творяще, і паки поставляше его на томъ же мѣсте; такожде заповѣда і по преставленіі своемъ творити. Въ 13 лѣто царства своего благовѣрный царь Констянтинъ совѣтъ благъ приемъ, і рече: яко ідѣже святительска власть і християнскаго благочестия глава небеснымъ царемъ уставлена бысть, не у достоіно есть тамо власть імѣти земному царю; і написания благочиннѣ предавъ, і благословение от папы вземъ, і великиі Римъ получи (поручи?) ему; самъ же приіде в Византию, і созда градъ великъ і славенъ, і нарече его во имя свое Констянътинъ-градъ. і живяше ту.

По преставленіі же святѣйшаго папы Селивестра, вси православниі папы і епископы творяху велию честь святому бѣлому клобуку, якоже заповѣда блаженный Селивестръ; і тако преидоша лѣта многа во благочиніі ономъ. Супротивникъ же і человѣческому роду супостатъ врагъ дияволъ сотвори рать велию на святую церковь, воздвиже нѣкоего царя, Карула именемъ, і папу Ѳармуса, і научи ихъ прелстити християнскиі родъ своими ложными словесы і ученіі; і отступити повелѣша от православныя христовы вѣры, і раздрати соединение благочестия святыя апостольския церкви. І бѣсовъскимъ умышлениемъ тиі скверниі учителие православную христову вѣру і апостольских и святыхъ отецъ предания отвергошася, во аполинариеву ересь превратишася, і опресночная вмѣниша истину правду; а истинная Христова предания, і святыхъ апостолъ, и отческая поставишася і опресночная (?) во лжу; і святую апостольскую церковь осквернишa неправыми учении і служеніі; і святаго бѣлаго клобука не любяху, і чести ему не творяху, якоже заповѣдано бѣ исперва, но вземже его і положиша на томъ же блюде, въ придѣле нѣкоемъ церковныя стѣны заключиша, і на дверцахъ написаниемъ написавше латыньскою рѣчию сице: здѣ сокровенъ есть бѣлый клабукъ папы Селивестра. Пребысть же тамо Богомъ хранимъ. По мнозѣхъ временехъ воста инъ папа, того же латыньского служения, іже отнюдь не любя Христовы

вѣры, і святыхъ апостолъ предания і учения, гордостию превознесеся, і святыхъ иконъ поклонение конечно отвергъ. І нѣкогда вшедшу ему в олтарь, узрѣ на дверцехъ онѣхъ написано о бѣломъ клобукѣ; і прочетъ, восхотѣ видѣти его, і повелѣ отверзъти двери онѣ. Егдаже отверзоша ихъ, ізыде воня благовония многа, неизреченна і чюдна зѣло. Папа же взя блюдо с клобукомъ, і дивяся сотворению его, і от бѣса пострѣкаемъ, возненавидѣ его, і положи его паки в томъ же предѣлѣ, і заключи его твердо. Потомъ же во многи нощи і дни папы онъ во снѣ многажды слыша гласъ, еуангельскою рѣчию глаголющь сице: Не можетъ градъ укрытися, верху горы стоя; ни вжигаютъ свѣтильника і поставляютъ его под спудомъ, но на свѣщники возлагаютъ, да свѣтятъ всѣмъ. Папа же дивяся гласу тому, і возвѣсти в сонъмищи сущи (мъ) совѣтникомъ его і докторомъ, і мысль положше, яко гласъ сий бываетъ клобука раді оного. І от бѣса пострѣкаеми хотяще его сожещи посредѣ града Рима. Богу же не попустившу сотворити имъ сего, и страхъ нападе на нихъ, і убоявшася народа, і на иную мысль преидоша, отослати его в далняя страны заморня своего скверного учения, і тамо его опоругати и изтребити, на устрашение оставльшимъ християномъ. І вземше клобукъ онъ святый, вложиша его во вретище безчестно, а златое блюдо себѣ удержаша; і посланники суровы і безчестны отрядивше, і написание даша повелѣнная сотворити имъ, і отпустиша ихъ в корабли з гостьми, пришедшими купля дѣяти.

І пловущимъ имъ по морю, и нѣкто посланникъ Индрикъ іменемъ, суровъ і житиемъ поганъ, упився пияньствомъ, і усты своими глаголаша скверная, і хотяше сѣсти верху святаго клобука; і абие мракъ теменъ нападе нань, і невидимая Божия сила не даде ему сѣсти, отрину его от мѣста того і удари о кораблепный мостъ, і паки подья его выше, і удари его о краі корабля. І бысть разслабленъ, немогій двигнутися ни руками и ногама, і лице назадъ его обрати(ся), очи же развращенные имѣя, і кричаше безпрестани: охъ, помилуіте мя! І тако злѣ изчезе. Прочиі же клевретнего, видяще сия, ужасошася і боящеся держати мертва в корабли, да не что зло постражутъ от морьскаго волнения. І вергоша его в море, і погрязе.

С тѣми же бѣ нѣкто посланникъ інъ, іменемъ Іеремѣя, втай держаще вѣру христову, і милостыня много творяще нищимъ, і святый сей клобукъ втай (чтяше). І видѣ клеврета своего пострадавша злѣ, і страхъ объятъ его. І пловущимъ имъ по морю пять дний, і яко в полунощи, всѣхъ сонъ объятъ, і приіде гласъ глаголющъ сице: Іеремѣе! Утвержайся о Господѣ Бозѣ, и почитай святая честнѣ, і храни еже носиши спасенъ будеши от моря. Іеремѣя же услышавъ гласъ, і воспрянувъ от сна, і страхъ объя его, и недоумѣяся о гласѣ семъ. І внезапу тма нападе на нихъ, і громи велицы восташа, и с небесе молниямъ блистания многая явишася, и зажже корабль, и смолу корабленую развари, і вся сущая в немъ люди и рухляди корабленыя пожже і потопи, і корабль разлама, і вся сущая в немъ погибоша; точию Іеремѣя онъ преждереченъ на единои цкѣ сохраненъ бысть. І вретище с клобукомъ взя, і крѣпцѣ держа его, і безпрестани зовя великимъ гласомъ; Благовѣрныі царю Конъстянтине (с) своимъ учителемъ святымъ папою Селивестромъ! святаго ради клобука сего, сотвореннаго вами, избавите мя в часъ сей от належащия сея бѣды! І абие вскорѣ тишина бысть, і свѣтъ возсия; і явишася два мужа свѣтлостию сияющи, от нихже воздухъ освятися, по морю ходяще яко по суху: единъ в воинская одѣянъ, і венецъ царскій наглавѣ его, другій же святительския ризы на себѣ нося. І вземше уже корабля оного, і привязаша за конецъ дъцки, і превлекоша ко брегу нѣкоему, знаему сущу; і клобукъ святый из вретища взяша, і цѣловавши его паки в то же вретище положиша и даша Іеремию, і рекоша: внимай себѣ, Іеремѣе, и блюди со опасениемъ еже носиши, і повѣдай, слика ти сотвори Богъ сего ради. И невидими быша. Іеремѣя жевретище оно с клобукомъ взя, на рамѣ свои носяше, і по трнехъ днехъ (пріиде) в Римъ, і вся бывшая папѣ повѣ-

да. Папа же таковая слышахъ (въ) ужасеся страхомъ велиимъ, і нача браду свою терзати і кусати; і повелѣ онъ клобукъ положити на предреченнемъ златомъ блюде, і постави его в церкви, і потомъ не смѣяше ему никоего зла сотворити, а почести ему не воздаше никоея же: омраченъ бо бѣ дияволимъ ухищреннемъ, въ еретическая сведенъ со отступники его. І мысляще всегда: что́ сотворити клобуку оному злая? Человѣколюбецъ же Богъ, вся строя на ползу, і соблюдая святыню свою на пречестную похвалу, въ нѣкую нощь спящу папе оному на ложи своемъ, і приіде к нему ангелъ Господень, страшенъ образомъ, в руцѣ имѣя мечь пламенъ, і пусти ю ізо устъ своихъ гласъ яко громъ: от гласа же сего потрясошася полаты папины, і рече ему: О злый скверный учителю! Не довлѣли (ло) ти осквернити святую Христову вѣру, церковь; і многи душа человѣческия погубисте своими неподобными ученіі, і отступисте от праваго пути Божия, і поидосте в путь сатанинъ; нынѣ же конечнѣ хощеши противенъ стати Богу своимъ гнилымъ буйствомъ, і святый бѣлыи клобукъ умыслисте послати в нечистыя мѣста, і хотѣсте его опоругати, истребити. По владыко всея твари соблюдетъ его своимъ смотреннемъ; ты же, скверный, нынѣ с великою честию въскоре помысли сего святаго клобука въ Конъстянтинъ-градъ устроити къ патриарху і сему повелѣ(ша) будетъ устроити яже о немъ; і аще сего не сотвориша, то пожгу домъ твой, і смерть злу наведу на тя, і предамъ тя безвременно вѣчному огню. І сия глаголавъ, невидимъ бысть. Папа же въ скочи от сна, весь трясыіся, и страхомъ одержимъ велімъ бысть, и не смѣя ослушатися повелѣннаго ангеломъ. Во утрий же день созвавъ единомысленыя своя, і повѣда имъ страшное ангельское явъление; і приіде въ церковь, хотя взяти святый клобукъ онъ, і абие узрѣ страшное видѣние: прежде взяти, блюдо оно златое с клобукомъ подняся выше человѣка, і паки ста на мѣстѣ своемъ. Папа же с великимъ страхомъ обоя взя своими руками, і положи ихъ в сосудъ честенъ, і печатавъ своими печатми, і отряди честныи мужи, і написание давъ имъ: і посла ихъ в Конъстянтинъ градъ к патриарху.

В Констянътинѣ же граде бѣ тогда патриархъ Ѳилофиі, украшенъ постомъ і всякою добродѣтелию. І сему нощнемъ видѣніи явися юноша свѣтилъ, і рече: Учителю благиі! Въ древниі лѣта римскиі царь Констянтинъ, по явленію святыхъ апостолъ Петра и Павла і от Бога вразумляемъ, на похвалу святѣи апостольстей церкви, і на почесть блаженному папѣ Селивестру, сотвори клобукъ бѣлъ на главѣ носити; і нечистыі папа латинскиі того святаго клобука нынѣ хотѣ опоругати (и) істребити; і повелѣнием страшнаго явления моего, злый онъ папа нынѣ послалъ сего к тебѣ. І егда же приідутъ к тебѣ посланниі с клобукомъ онѣмъ, ты же приіми сего честию, і написание со благословеннемъ вдавъ, посли сего святого клобука в рускую землю в великиі Новъградъ; і да будетъ тамо носимъ на главѣ Василия архиепископа, на почесть святѣи і апостольстеі соборнеи церкви Софѣи премудрости Божиі, і на похвалу православнымъ; тамо бо нынѣ воистинну славима есть Христова вѣра; папе же оному, безстудия его ради, сотворитъ Господь отъмщение. Сия глаголавъ, невидимъ бысть.

Патриархъ же воста от сна, страха і радостию наполнився, і всю нощь без сна пребысть, размышляя о видѣниі ономъ. І повелѣ клепати (на) утреню; і яко приспѣ день, созва соборъ церковныі, и повѣда имъ явление оно. І вси воздаша хвалу Богу, і разумѣша, яко святыі ангелъ есть явлейся патриарху, а о сказаниі его не можаху разума приложити. І бысть сѣдящимъ имъ в соборѣ ономъ, і от радости чюдящимъся, і абие приідоша слузѣ патриарховы, и сказаша ему о пришествиі посланныхъ от римского папы. Патриархъ же ею повелѣ въвести к себѣ. Посланники же, вшедше, поклонишася ему, і от папы написание даше ему; патриархъ же написание прочетъ, удивися, і хвалу Богу воздавъ, і возвести о семцарю Івану тогда сущему; нарицаемому Кандакузин-

і со освященными срѣтоша божественное сокровище, і ковчежецъ приемъ с честию, і печати отъятъ, і взя оттуду святыі бѣлыі клобукъ, і целовавъ его любезно, і зря нань дивишася сотворению его, і благоуханию чюдному изходящо (му) от него такоже дивяся. Бѣ же патриархъ в то время боленъ очима і яко очесе главою, і клобукъ онъ святыі положи на главу свою, приложи; і в томъ часѣ глава его і очи здравѣ быста. І возрадовася зѣло великою радостию, і славу воздая Христу Богу і приснопоминаемому царю Конъстянтину, сотворшему таковое пречюдное дѣло, і блаженнаго папу Селивестра такоже похваляя. І положи клобукъ онъ святыі на златомъ блюде, егоже посла папа с клобукомъ, і постави его в велицѣі церкви, въ честнѣ мѣсте, доньдеже о немъ со царемъ совѣтъ положитъ.

(По)отпущении из Рима святаго клобука, злый онъ папа от еретикъ на(у)чаемъ, злѣ ралиливаяся на Христову вѣру, і возбесися, и разскаяся зѣло о отпущении клобука і сприва (исперва) і лукаво написа к патриарху, возвратити повелѣвая к себѣ клобукъ онъ і златое блюдо. Патриархъ же прочетъ написание, і разумѣ злохитріе і лукавъство папино, і написание посла к нему от святыхъ писаний, нарекъ его сурова, і безбожнаго, і отступника вѣры Христовы, і предотечю антихристова, і прокля его іменемъ Господа нашего Іисуса Христа, і святыми апостолы, і божественными отцы. Сия же написания к папе доідоша. Папа же прочетъ, і увѣдавъ, яко патриархъ клобукъ бѣлыи имать в велице чести і хощетъ его послати в рускую землю в великий Новъградъ; і рыкнувъ болѣзнено, і опустнѣ лицемъ, і в болѣзнь впаде: толико бо онъ поганыи паче не любяше руския земли, вѣры ради Христовы, но и слышати не терпяше; разпалився плоть его, і сѣдоша на колѣне его двѣ болячки на обѣихъ частехъ, і от тѣхъ разыдошася болячки по всему тѣлу его от главы і до ногу, і смрадъ велий изхождаше от него, и черви многи искипѣша іс тѣла его, і хребетъ его сляче въдвое. Мнози же врачеве приходяще, не могоша изцѣлити его; очи же развращеннѣ імѣя, и кричаше безпрестани великимъ гласомъ, і нелѣпая глаголаше, і псомъ і волкомъ вояше, і изходящу из него мотылу, рукама своима хваташе, і во уста своя влагаше і ядяше. І тако творя многи дни, і злѣ стража; і страхъ обя всѣхъ ту сущихъ. Предстоя же нѣкто у одра его, вземъ платно, хотяше утерти уста его; онъ же яко песъ платно хотяще ухватити зубы своими, і вотче собѣ въ горло; і абие отече плоть его, і разсѣдеся весь: бѣ бо дебелъ плотию поганый. І тако злѣ скончa окаянный животъ свой. Римляне же слышавше таково скончание злаго оного папы, не ідоша на погребение его, не опловаше, прокляша его. Властели же тогда градстиі, срамнаго ради сконьчания папы оного, погребоша его тай, а імя его в писаниі утаиша, і промениша во іно імя: овиі глаголютъ Гервасъ імя ему, і иниі же Евгѣний, а истиньны никтоже не повѣсть. Патриархъ же Филофие, видя святаго клобука добротою сияюща, і мыслити нача, хоти удержати его в Константинъграде, і на своей главѣ носити; і о семъ часто преклоняяся къ царю, і хотя писати къ прочимъ патриархомъ и митрополитомъ, еже приіти имъ на соборъ. Бысть же въ день недѣлный, по пѣниі утреннемъ, вниде патриархъ въ своя, і по обычномъ правилѣ сѣде почити, і в сонъ тонокъ сведеся. І видѣ в видѣниі сего вшедша к нему дворцами два мужа незнаемы, свѣтлы зѣло: единъ аки воинъ вооруженъ, і венецъ царский на главѣ імѣя, другий же святительския ризы нося на себѣ, честными сѣдинами украшенъ, і рече: патриархъ Филофие! предстани от мышления твоего носити тебѣ на главѣ твоей бѣлый клобукъ: аще бы Господь нашъ Іисусъ Христосъ изволи сему быти, то от начала бы в созданиі града сего сотворено было; но древъле по явлению свѣта Господня сшедшаго с небесе, і Божия гласа бывшаго ко мнѣ, вра[illegible]аемъ азъ хотящую латынскую прелесть і от Бога отступление в Римъ быти; і сего ради не восхотѣхъ святаго оного клобука на главѣ своей носити, і прочимъ тако заповѣда. Въ царствующемъ же семъ Кон-

стянтинъградѣ, по неколицехъ временахъ, обладати имутъ агаряне за умноженне грѣхъ человѣческихъ, і вся святая оскверпятъ і истреблятъ, якоже в созданні града сего явлено бысть о семъ: ветхні бо Римъ отпаде славы і от вѣры Христовы гордостию і своею волею; в новемъ же Риме, еже есть в Коньстянтинѣграде, насилиемъ агарянскимъ такоже християнская вѣра погибнетъ; на третнемъ же Риме, еже есть на руской земли, благодать святаго духа возсия. І да вѣси, Филофие, яко вся християньская пріидутъ в конецъ, і снидутся во едино царство руское, провославния ради. В древняя бо лѣта, изволениемъ земнаго царя Констянътина, отъ царствующаго сего града царьский вѣнецъ данъ бысть рускому царю; бѣлыі же сей клобукъ изволениемъ небеснаго царя Христа нынѣ данъ будетъ архиепископу великаго Новаграда і кольми сиі честнѣе оного, понеже архангельского чина есть царьский вѣнецъ есть, і духовнаго суть. Ты же не умедли Святаго Духа сего клобука послати в рускую землю, в великні Новградъ, по первому тебѣ явлению святаго ангела, і моимъ гласомъ вѣруй; да просвѣтятся і похвалятся о семъ провославнні, і да не обладаютъ агаряне внуцы поганні, ни да поругаютъ его, якоже латыньскні папа хотяше сотворити. Яко же бо от Рима благодать, і слава, і честь отъята бысть, такоже і от царствующаго града благодать Святаго Духа отъимется, въ пленение агарянского, і вся святая предана будетъ от Бога велицей рустей земли во времена своя, і царя руского возвеличитъ Господь на многиями (надъ многими) языки, і подо властию ихъ мнози цареі будутъ от иноязычныхъ, под властию ихъ і патриаршеский чинъ от царствующаго сего града такожде данъ будетъ рустей земли во времена своя, і страна наречется свѣтлая Росия, Богу тако изволившу прославити тацѣми благодаренні рускую землю, іспольнити провославия величеству, і честнѣйшу сотворити паче первыхъ сихъ. І сия глаголавше, хотяху отъити; патриархъ же в велице страсе бывъ, паде пред ногами ихъ, і рече: кто еста вы, господине мои, іже видъ ваю зѣло ужаси мя, і от словесъ ваю устрашися сердце мое, і виде трепетъ в кости моя? Святительская же нося, (й) рече, ли не вѣси? Азъ есмь папа Селивестръ, і повелѣниемъ Божиімъ приідохъ к тебѣ повѣдати тебѣ сию тайну Божию великую, яже збудется во времена своя. Таже рукою указуя своею на другаго, пришедшаго с нимъ, рече: А сей благовѣрный царь Констянтинъ римскні, иже (егоже) породихъ во святѣй купѣли, і сотвори (хъ) его вѣровати въ Господа нашего Іисуса Христа; і сеі бысть первыи християнский царь, чадо мое о Христѣ, іже сотвори ми бѣлый клобукъ вмѣсто царьскаго вѣньца. І сия глаголавъ, і благословение давъ патриарху; і невидими быша. Патриархъ же от сна воспрянувъ, і страхъ великъ нападе нань, поминая глаголы явльшихся ему о бѣломъ клобукѣ, і еже о обладанні Конъстянътина-града от поганыхъ агарянъ, і плакася на многъ часъ. Времени приспѣвшу божественной литургиі, пришедъ в церковь, паде пред образомъ пресвятыя Богородицы, на многъ часъ; і вставъ, святаго бѣлого клобука вземъ с великимъ страхомъ, і целова его любезно, і на главу свою пологаше, і прикладывавъ ко очима и къ сердцу таже прилагая, і любовь к нему приложи боле перваго; і сия творя со многимъ плачемъ. Клирицемъ же сущимъ близ его стоящимъ, і видѣша его неутѣшно плачющася, і не смѣяху вопросити его. Патриархъ же мало от плача предста, і сказа всѣмъ явственно явление папы Селивестра і царя Констянтина, глаголы ихъ. Таковая же словеса от патриарха слышавше, жалостне восплакаша, і рекоша: Воля Господня да будетъ! Патриархъ же хотящую быти бѣду Константина града оплакавъ, і повелѣния Божия преступити боясь, і рече, яко ідѣже ся изволитъ Господеви, тамо і устроитъ святыню свою. І совѣтомъ благочестиваго царя Івана, святый клобукъ взя, златое блюдо, і в прежереченный ковчежецъ положи благочинно, і печатавъ своими печатьми, і по повелѣнию святаго ангела і блаженнаго папы Селивестра написание со благословениемъ вдавъ, і клобукъ онъ бѣлый архиепископу Василию на главѣ носити повелѣ, і прочимъ по немъ ар-

хиепископомъ великаго Новаграда; такоже і иныя многія честныя дары чюдны зѣло от своихъ церковныхъ чиновъ дарова, благочиния ради святительского, і ризы крестъчаты, на похвалу святыя і апостольския церкви; і сия въ другиі ковчежецъ положи. І вся (вся сія) даде епископу нѣкоему, іменемъ Еумѣнию, і с радостию же і жалостию отпусти ихъ. В то же время в великомъ Новѣграде бѣ архиепископъ Василие, постничествомъ і всѣми добродѣтелми украшенъ. І в нѣкую нощь молящуся ему Богу, і сѣде почити; і мало воздрема, і видѣ ангела Господня, умиленнымъ образомъ і свѣтла лицемъ, предстояща пред нимъ, на главѣ імѣя клобукъ бѣлъ, по образу мнишескаго чина; і перстомъ руки своея указуя на главу свою, і тихимъ гласомъ рече: Василие! клобукъ бѣлый, еже видиши на главѣ своей, от Рима есть. Въ древняя лѣта християнский царь Константинъ сотвори его на почесть римскому папе Селивестру носити на главѣ; і Господь вседержитель не изволи сему быти тамо, прелести раді скверныхъ латынъ. Ты же во утрий день іди внѣ града сего со благоприятельствомъ, і срѣти посланныхъ от патриарха и епископомъ носимый ковчежецъ, в немъ же клобукъ бѣлъ симъ образомъ, на блюде на златѣ; приіми честию; сий бѣлый клобукъ прообразуетъ свѣтлое тридневное воскресение; і нынѣ да будетъ на главѣ твоей носимъ, і на прочихъ тебѣ архиепископѣхъ града сего утвердится на главахъ носити; і сего ради показахъ ти прежде, да вѣрно ти будетъ, і не сумнишися. І сия глаголавъ, невидимъ бысть. Архиепископъ же Василей от сна воспрянувъ, і от страха і радостию дивяся видѣнию. Во утрий же день от предстоящихъ ему посла на распутия увѣдати: істиньна ли есть явльшееся. Посланниі же отъидоша недалече от града, і узрѣша епископа грядуща, незнаема суща; і поклонивъшеся, возвратиша (ся) во градъ ко архиепископу и сказаша ему вся. Архиепископъ же посла проповѣдника во весь градъ на собрание священнаго чина, і людскаго всенароднаго множества, і повелѣ звонити; самъ же облечеся во святительския ризы со всѣми причты. І отшедше ему недалече от церкви святыя Соѳеи; і се приіде преждереченный епископъ от патриарха, нося ковчежецъ за патриаршескими печатьми і (съ) честными дары. І пришедъ ко архиепископу, поклонися благочинно, і посланыя к нему патриарховы грамоты даде, і другъ от друга благословение приемше, і о Христѣ целовавшеся. Василие же архиепископъ патриархова написания і ковчежецъ вземъ честнѣ своими руками, і другий ковчежецъ (съ) патриарховыми честными даровы такоже взя, і поидоша въ церковь святыя Соѳеи премудрости Божиі, поставиша посреди церкви на мѣсте честнѣ, і посланныя патриарховы грамоты повелѣ чести въ слухъ всѣмъ. Сущиі же въ церкви православниі же егда услышаша сицевая написания, воздаша славу Богу і возрадовашася велиею радостию. Архиепископъ же Василие ковчежецъ онъ разпечатавъ і покровъ снявъ, отвори, і абие изыде от него благоухание неизреченное, і свѣтъ пречюденъ в церкви возсия. Архиепископъ же Василие і вси предстоящеі народі видяще сия, удивишася; от патриарха же пришедый епископъ Еумѣние в той часъ сия вся благодѣяния Божия видѣвъ, удивися велми; і вси воздаша хвалу Богу і пѣвше молебная. Архиепископъ же Василие взя ис ковчега бѣлый клобукъ, і узрѣ тацѣмъ же образомъ суща, якоже видѣ на главѣ своей ангела, и целова его любезно. І в тотъ часъ из церковныя главы от Господня образа ізыде велиі гласъ: Святая святымъ! І мало помолчавъ, третицею гласъ приіде: Іспола іти деспота! І яко услышавъ архиепископъ, і вси сущиі гласы сия слышавше, страха и радости наполнишася, і рекоша: Господи помилуй! І повелѣ молчати всѣмъ, сущимъ въ церкви. І сказа имъ ангельское явление, і глаголы о святѣмъ клобукѣ, і вся по ряду, яже рече ему святый ангелъ нощию в видѣниі. І возблагодаривъ Бога въ клобукѣ ономъ, поідетъ от церкви своея, предъидущимъ ему подьякомъ во священныхъ одеждахъ, со свѣщами і с пѣниемъ; і бѣ видѣти благочиньно і честно. Народи же другъ друга оттѣсняху і скачюще, зряще на святительский верхъ і дивляхуся. І сицевою дѣте-

лию і благодатию Господа нашего Іисуса Христа, і по благословению святѣйшаго Филоѳея, патриарха Царяграда, утвердися бѣлый клобукъ на главахъ святыхъ архиепископъ Великаго Новаграда. Архиепископъ же радостию велиею исполнися, седмь дней питая священники, і дияконы, і вся церковники всего Великаго Новограда, многими брашны учреждая ихъ; такоже и нищая, і мнихи, і с тѣмничники, добре напитавъ, і прочихъ свободити моляшеся; патриарховы же святыя і честныя дары устрои въ соборной церкви въ божественнѣй службѣ, по благословению святительскаго чина. Блюдо же златое, на немже бѣ святый бѣлый клобукъ, такоже на божественную службу въ церкви святыя Софѣі устрои. Посланныхъ же от патриарха со святымъ клобукомъ зѣло чтяше, і даровы многими одаривъ; такоже къ царю і патриарху с великимъ поклаяниемъ посла, и отпусти ихъ во своя с великою честию, потомъ же от многихъ градъ і царствъ приходяше людие в великиі Новъградъ, аки на нѣкое чюдо дивное зряще, видяще архиепископа в бѣломъ клобукѣ ходяща, і дивляхуся, і во всѣхъ царствахъ і странахъ о семъ повѣдающе. Сотвори же убо сеі святыі клобукъ благочестивыі первыі християнскиі царь Конъстянтинъ блаженному папе Селивестру в лѣто 5805-е. І сия убо написания о святомъ бѣломъ клобукѣ до здѣ.

ВАЖНѢЙШІЯ ОТМѢНЫ

(По варіанту Импер. Публ. Библ. Погод. древлехран. № 1350.)

Страница 287, строка 36.

Вм. а древняго нѣстъ: – Онъ же рече: ново напиние о семъ здѣ есть, а древняго нѣсть.

Страница 288, строка 21.

Вм. с Саревымъ: – с Силаревымъ.

Страница 289, строка 10.

Вм. в лоновую: – в великую

Тойже страницы, строка 48.

Вм. в горѣ Сорѣптей: – в горѣ Корпѣтѣ.

Страница 290, строка 9.

Послѣ словъ: одѣянну быти: – і внутръ латеранскихъ полатъ пребывати повелѣ

Страница 290, строка 21.

Послѣ словъ: взлѣзшу ему во святую: – купѣль, и абие царь отрекися всего сатанинскаго студа и дѣлъ его, и всѣхъ рукотворныхъ болвановъ, вѣровати же обѣщася во единаго Бога Отца Вседержителя, творца небу и земли. Своею волею пред всѣми людми се іисповѣдавъ, и благословившися в купѣли, і тамо третицею погруженнемъ вода очисти. Оле чюдо!

Страница 292, строка 25.

Послѣ словъ: о пречестный отче и учителю! *вм.* папа же *и проч. до словъ* по преставленіи *тойже страницы въ строкѣ 52.* – и всѣмъ, иже по тебѣ святителемъ, всегда творити в подвизѣхъ своихъ и во всемъ по подобию царьства нашего; тѣмже сего ради постриженнаго знамения верховнаго свѣтилника главы, да не мнитъ кто се, яко пострижение худо быти и безчестно; паче земнаго царьства саномъ и славою и силою ея украшение подобаетъ, понеже всего честнѣйши же на земли; такожде достоитъ почитати весь священнический чинъ, ради чести и славы Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, велицеі сеі соборнеі и апостольстеі церкви; сего иже множайше сего нашего царьскаго повелѣния писание своима рукама укрѣпивше, честному тѣлеси началнаго апостоломъ блаженнаго Петра своима рукама в руку его паложихомъ; симъ Божию апостолу обѣщавшуся непорушима нами быти, и сия вся соблюдатися и нашими по на насъ приемники царьскими здѣ, и повелѣниемъ блаженному отцу нашему Селивестру соборному папѣ, і сего ради всѣмъ его приемникомъ святителемъ Господа нашего Іисуса Христа благанравно повѣдавше вѣчно і благополучно сихъ воздаяние предаде, такожде і инѣмъ патриаршескому престолѣ коемуждо предѣлу, честныхъ ради апостолъ и ученикъ Христовыхъ: византискому, егоже во свое имя преименовавъ Андрѣя ради апостола, яко много потрудившихся к благоразумию тѣхъ привести и к церкви воздрузити православныхъ, такожде и Александрѣйскому маркову приемнику, и антиохиоскому, лукину, настолнику іеросалимскому Иякова брата Господня, иже самѣмъ Господѣмъ поставленъ бысть, коемуждо во своемъ предѣлѣ подобно, паче же и велию честь воздаемъ; и наши по насъ приемницы такожде и всѣмъ церквамъ Христовымъ митрополямъ и архиепископіамъ и епископіамъ, иже по нихъ настолникомъ честь сами даемъ, и наши по насъ настолницы велицы, якоже служителемъ Божнімъ и приемникомъ честныхъ апостолъ Христовыхъ. Сице творите и блюдитеся, яко да не в великую і лютую і горкую крамолу тягость впадете и славы Божна лишени будете, но держитеся предания, якоже приясте; Господа бойтеся и священную его церьковъ и настоятеля велми чтите; такоже и всѣхъ церковныхъ служителеі, предстоящихъ престолу Божию

во дни и в нощи; да милость Божию получите в семъ вѣцѣ і в будущемъ, и сынове свѣта будете, и наслѣдницы царьства небеснаго. И много глаголаше от Божия милосердія и смотрения богодухновенная словеса, изрече и написахъ, и впредъ укрѣпивъ быти на многую честь соборнеі и апостольстѣі церкви, и на славу Божию, о нихже нынѣ послѣди скажемъ; нынѣ же малую нѣкую часть явихомъ от словесъ его, паки же на предлежание возвратимся.

Писание же се благочестно предавъ соборнѣі и апостольстѣі церкви, благовѣрныі царь Констянтинъ благословение приемъ от блаженнаго папы Селивестра, и поручи ему Богъ великій Римъ; самъ же приіде в Византию, и созда градъ великъ и славенъ зѣло, иже нарече его во свое имя Констянтинъ градъ, и живяше ту.

Страница 294, строка 28.

Послѣ словъ: вѣчному огню: — не вѣси ли, окаянне, яко святыі сиі бѣлыі клобукъ царьскиі вѣнецъ есть архангельскаго чина, іже сотворенъ бысть по чину святыя Троицы, и преобразуетъ святое Христово воскресение, егоже ты недостоинъ еси і на сѣнь его зрѣти?

Тойже страницы, строка 43.

Вм. Ѳилофиі: — Увеналіи.

Тойже страницы, строка 60.

Послѣ словъ: тако бо нынѣ во истину *вм. со слова:* славима *и проч. до словъ:* і сия глаголавше; — разпространися и утвердися вѣра Христова, и воистину славима есть во всемъ; изволениемъ вседержителя истиннаго Бога, вмѣсто римския церкви дана бысть благодать Божия, сего клобука послати в рускую землю в великиі Новградъ по первому явлению святаго ангела Божия, и моимъ гласомъ вѣруй, і да просвѣтятся і похвалятся о семъ тамо православниі християне, и не обладаютъ ими в семъ градѣ агарянстиі внуцы, і погани да не опоругаютъ его, якоже латынскій папа хотяше сотворити: якоже бо суть от Рима благодать, и слава, і честь православия отъяся, тако и от царьствующаго сего града благодать Святаго Духа отъимется в плѣнение агарянское, і вся святая предана будутъ от Бога велицѣй земли, и царя рускаго возвыситъ і возвеличитъ Господь над многими языки, и под властию ихъ мнози царие будутъ, и от Рима языцѣхъ и патриаршескихъ, и великиі чинъ от царьствующаго града сего такоже данъ будетъ велицеі рустеі земли во времена своя, и страна наречется свѣтлая Росия: Богу убо тако изволшу, и таковымъ благодарениемъ прославити всю рускую землю исполнить православия величество, и честнѣйшу сотворити паче первыхъ сихъ.

Страница 298, строка 9.

Вм. и протчихъ свободи моляшеся: — а прочихъ же, свободи молящеся, ихъ же и свободи.

ПРИМѢЧАНІЕ.

емый здѣсь Геннадій новгородскій архіе-
сть тотъ самый, который прославился въ
сторіи энергическимъ преслѣдованіемъ нов-
еретиковъ схаріевой жидовствующей ереси,
сказать броженія умовъ, которое породило
кество толковъ, въ понятіяхъ большинства
ихъ будто бы что-то единое подъ именемъ
щей ереси. Геннадій былъ одинъ изъ уче-
юдей своего времени: имя его тѣсно соедине-
одомъ св. писанія, важнѣйшимъ памятникомъ
труда въ XV вѣкѣ. Когда приближалась
яча восточнаго лѣтосчисленія отъ сотворенія
остранился суевѣрный страхъ о кончинѣ мі-
ствовавшей наступить съ окончаніемъ седьмой
образно предсказаніямъ, записаннымъ въ на-
ыхъ сборникахъ, составлявшихъ тогда пред-
ія для грамотѣевъ. Послѣ наступленія съ
мъ ожидаемаго всѣми роковаго года, обману-
ніе у многихъ перешло въ невѣріе, и это
вало еретическому настроенію умовъ. Тогда-
й посылалъ въ Римъ какого-то Димитрія для
разсчета пасхаліи на осьмую тысячу лѣтъ,
съ тѣмъ поручилъ ему привезти нѣкоторыя
для разъясненія возникавшихъ и волновав-
лонную къ религіознымъ преніямъ мысль
и трегубомъ аллилуйа, а равнымъ образомъ
льно правильности переводовъ нѣкоторыхъ
духовной нашей письменности. Привозъ
Бѣломъ Клобукѣ приписывается этому Ди-
митрій этотъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, могъ
трій Толмачь, извѣстный посольствомъ въ
в. князѣ Василіи Ивановичѣ и сообщав-
іовію свѣдѣнія о Россіи. Онъ могъ ѣз-
ить и прежде; преосв. Филаретъ въ своей исторіи
церкви принимаетъ автора посланія о Бѣломъ Клобукѣ
за этого Димитрія. Но онъ могъ быть также и Димитрій
Мануиловичъ Траханіотъ, грекъ, прибывшій съ Софіею,
уѣзжавшій въ Римъ и снова возвращавшійся въ Рос-
сію и наконецъ здѣсь основавшій свое постоянное жи-
тельство. Наконецъ онъ могъ быть и Димитрій Ива-
новичъ Ларевъ или Ралевъ, который прибылъ въ
Москву изъ Константинополя въ 1485 году и потомъ
нѣсколько разъ ѣздилъ, по порученію московскаго ве-
ликаго князя, за границу, для пріисканія полезныхъ
иностранцевъ (1488, 1490 1493 – 1494, 1499 – 1504).
Но это не важно, ибо не нужно имѣть большой про-
ницательности, чтобъ рѣшить, что повѣсть о новгород-
скомъ бѣломъ клобукѣ никогда не привозилась изъ
Рима, а есть самодѣльное новгородское сочиненіе, со-
ставленное съ цѣлію найти историческое оправданіе
домогательствамъ на независимость отъ митрополита.
Это стремленіе древней новгородской церкви, связан-
ное нѣкогда съ поддержкою политической и граж-
данской самостоятельности Великаго Новгорода, бо-
лѣе всего проявившееся тогда, когда митрополиты,
утвердившіе свой духовный престолъ въ Москвѣ, ви-
димо осѣняли благословеніемъ церкви единодержавныя
стремленія московскихъ государей, пережило новгород-
скую свободу. . . . . .
. . . . . .
. . . Геннадій навлекъ наконецъ на себя нерасположеніе Москвы и оклеветанный во мздоимствѣ, умеръ въ заточеніи въ Чудовомъ монастырѣ, откуда нѣкогда вступилъ на каѳедру новгородскихъ святителей. Владыка Василій, о которомъ говорится въ повѣсти о Бѣломъ Клобукѣ, былъ архіепископомъ новгородскимъ

съ 1330 г. по 1352 г. Въ третьей новгородской лѣтописи приписывается его времени принесеніе бѣлаго клобука въ Новгородъ. «При семъ архіепископѣ Василіи принесенъ бысть бѣлый клобукъ отъ царя Константина и папы Селивестра въ Великій Новгородъ, иже и до нынѣ новгородскіе митрополиты на главахъ своихъ тѣмъ подобіемъ носятъ.» (П. С. л. III. 225). Это очевидно позднѣйшая вставка, что доказывается и титуломъ митрополита, который новгородскіе владыки стали носить уже въ XVII вѣкѣ. Въ первой новгородской лѣтопити не говорится о бѣломъ клобукѣ, но разсказывается, что Василію архиепископу новгородскому, когда онъ поѣхалъ въ Москву призывать въ Новгородъ великаго князя, далъ ризы кресчатыя не патріархъ, а митрополитъ московскій Ѳеогностъ: «И да ему ризы кресцчаы» П. С. л. III. 83. Но въ новгородской четвертой лѣтописи даръ кресчатыми ризами приписывается не митрополиту Ѳеогносту, а патріарху Филоѳею, о которомъ говорится и въ повѣсти, и притомъ при царѣ Иванѣ Кантакузинѣ, также упоминаемомъ въ той же повѣсти. «Владыко Моѵсей посла послы свои въ Цареградъ, Саву, къ царю Ивану Кантакузену и патриарху Филоѳею, прося отъ нихъ благословенія и исправленія о неподобныхъ вещехъ, приходящихъ отъ митрополита... а посолъ владичень Сава приѣха изъ Царяграда отъ патриарха Филоѳея и отъ царя греческаго Ивана Кантакузена, привезе грамоты съ златою печатью и ризы кресьчаты владыцѣ Моисею всему Новугороду благословеніе (П. С. л. IV. 62). Это было уже въ 1357—1359 г.г. когда Моисей въ другой разъ занималъ владычный столъ. Быть можетъ къ этому времени надлежитъ отнести и дарованіе бѣлаго клобука. Карамзинъ принимаетъ, что бѣлый клобукъ данъ Василію и предполагаетъ, что это сдѣлано было потому, что Василій былъ избранъ изъ бѣлаго духовенства, а на востокѣ патріархи немонашескаго сана носили въ отличіе бѣлые клобуки. (Т. IV. примѣч 360). Противъ этого, однако, можно возразить, что Василій хотя и былъ избранъ изъ бѣлыхъ священниковъ, но прежде своего поставленія принялъ монашество и перемѣнилъ прежнее свое мірское имя Григорія на имя Василія. Какъ бы то ни было, ни Василію ни Моѵсею нельзя было дать бѣлаго клобука по принадлежности къ монашескому званію лица, которому давалось это отличіе; ибо и тотъ и другой были монахами.

На соборѣ 1564 года, когда за митрополитомъ утверждено право носить, для отличія, бѣлый клобукъ, существовало мнѣніе, что въ древности бѣлый клобукъ не былъ исключительною принадлежностію достоинства новгородскихъ владыкъ, что его носили иногда первопрестольники русской церкви, митрополиты и архіепископы другихъ старыхъ епархій. «Отецъ нашъ митрополитъ носитъ черный клобукъ, а прежніе русскіе первопрестольницы, митрополиты и чюдотворцы Петръ, и Алексій, и Иванъ архіепископъ новгородскій, и Леонтій и Игнатій и Исаія ростовскіе чюдотворцы, носили бѣлые клобуки.... а которые митрополиты были послѣ, также и ростовстіи архіепископы и епископы, тѣ всѣ носили черные клобуки, а того въ писаніи не обрѣли есмя, чего для бѣлые клобуки отставлены.... Въ 1563 году одинъ только новгородскій владыка носилъ бѣлый клобукъ, преемственно отъ своихъ предшественниковъ: «а богомолецъ Пиминъ, архіепископъ великаго Новаграда и Пскова, носитъ бѣлый клобукъ, и прежніе носили бѣлые же, а писанія тому нѣтъ же, котораго для случая архіепископы новгородскіе бѣлые клобуки носятъ» (Соборная грамотао бѣломъ клобукѣ. А. И. I. 331 Ист. Госуд. Рос. т. IX прим. 94.) Послѣднія слова очень замѣчательны. Онѣ показываютъ, что повѣсть о бѣломъ клобукѣ въ то время была еще неизвѣстна. Напротивъ она была хорошо извѣстна на соборѣ 1667 г. Основываясь на посланіи Дмитрія, служащемъ предисловіемъ къ повѣсти, соборъ 1667 г., вопреки собору 1564 года, не признаетъ, чтобы кто нибудь изъ русскихъ іерарховъ, кромѣ новгородскихъ, носилъ бѣлый клобукъ. «Чего ради иконописцы пишутъ святаго Петра, Алексія, Іону, московскихъ чудотворцевъ въ бѣлыхъ клобукахъ неправедно, зане они клобуки бѣлыя не носиша, и ниже бысть еще въ россійскихъ странахъ при нихъ сей обычай, и ниже Кипріанъ и Фотій митрополиты и прочіи, которіи поставлены быша во Царѣградѣ во архіерейство, носиша бѣлыя клобуки, зане яко писано есть въ писаніи, еже отъ Димитрія толмача ко Генадію новгородскому епископу о бѣломъ клобукѣ, яко посланъ той бѣлый клобукъ ко Василію епископу новгородскому отъ Филоѳея патріарха константинопольскаго.... и отъ того времене началъ новгородскій архіепископъ точію единъ носити бѣлый клобукъ до Генадія архіепископа, а послѣ Генадія пріяша и начаша и московстіи митрополиты и прочіи носити бѣлыя клобуки, яко же видится въ томъ Димитріевомъ писаніи». Но ссылаясь на эти посланія, какъ на историческій авторитетъ, соборъ 1667 года

3783.

въ другомъ мѣстѣ своихъ дѣяній не признаетъ справедливости ни посланія, ни повѣсти: повелѣваемъ еще и писаніе, еже писали есть изъ Рима къ Генадію новгородскому архіепископу отъ Димитрія толмача о бѣломъ клобукѣ и о прочихъ, да никто сему писанію вѣру иметъ; зане лживо и неправо есть, якоже яснѣйше возобличатся прочая его блядословія во иномъ писаніи; обаче мы благословихомъ всѣхъ митрополитовъ великороссійскаго государства, да носятъ бѣлыя клобуки, по греческому образу ради древняго обычая, а не ради лживаго писанія Димитрія толмача, еже писа отъ вѣтра главы своея (Ист. Госуд. Росс. т. IV прим. 360).

ОПЕЧАТКИ.

СТРАН.	СТР.	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО ЧИТАТЬ:
12	16	имѣніе	инѣніе
63	3	№ 35	№ 350
74	39	отношеніяхъ онъ	отношеніяхъ къ хозяину онъ
84	18	въ прочихъ	въ прочихъ лѣтахъ.
95	10	отнесится	относится
99	4	ИДАШЄ	ИДАНІЄ
120	7	женъ	жемъ
109	7	терня.	терпя,
114	48	в Вавалонѣ	в Вавилонѣ.
130	3	по содержанія	по содержанію
135	2	о произхожденія	о происхожденіи

Отд. I. № 88.

ПАМЯТНИКИ

СТАРИННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,

ИЗДАВАЕМЫЕ

Графомъ Григоріемъ Кушелевымъ-Безбородко,

подъ редакціею Н. Костомарова.

СКАЗАНІЯ, ЛЕГЕНДЫ, ПОВѢСТИ, СКАЗКИ И ПРИТЧИ.

ВЫПУСКЪ ВТОРЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1860.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ, узаконенное число экземпляровъ, С. Петербургъ. Декабря 12-го дня 1860 года.

Цензоръ *А. Ярославцовъ.*

От С. Петербургскаго Комитета Духовной цензуры печатать позволяется. Декабря 12-го 1860 года.

Цензоръ Архимандритъ *Сергій.*

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША.

На углу Сѣнной площади и Обуховскаго проспекта, въ домѣ Котомина, № 2.

ПАМЯТНИКИ

СТАРИННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

БЕСѢДА ІЕРУСАЛИМСКАЯ.

БЕСѢДА ІЕРУСАЛИМСКАЯ.

ПОВѢСТЬ ГРАДА ІЕУСАЛИМА.

(Изъ сборника, принадлежащаго профессору Ѳ. И. Буслаеву.)

Бесѣда царя Давида Иессеевича с царемъ Волотомъ Волотовичемъ на синайстей горѣ, посторонь града Иерусалима, у дуба маврейскаго, у креста лифанидова, у главы адамовы. В великую было субботу: сьеждялися к церкви к литоргиі 42 царя; болшой у нихъ былъ царь Волотъ Волотовичь, второй у нихъ царь Моисей Моисеовичь, трети у нихъ былъ царь Елисей Елисектичь, четверты у нихъ былъ царь Давидъ пророкъ Иессеовичь. І онѣ тѣ всѣ цари к литоргиі приѣхали, і отслушали литоргию. Рече імъ царь болшой Волотъ Волотовичь: ой вы цари і князи благовѣрныя! скажите вы мнѣ не утайте: ночесь вамъ кому что и каковъ сонъ видѣлся? Не могите вы утаить от меня: мнѣ повѣдайте. І всѣ цари молчятъ; и рече царь Волотъ: а мнѣ начесь много видѣлось, і вы про тотъ сонъ скажите, і добромъ ево осудите. С тое страны восточныя восходитъ лучя солнца краснаго, освѣтила всю землю свѣторусскую, а в другую сторону полуденную выростало древо кипарисъ, серебреное кореніе і вѣтви у древа все золото бумажное; поверхъ того древа сидитъ птица кречетъ бѣлой, на ногахъ у нево колокольчикъ: кто мнѣ про сей сонъ можетъ сказать и его отгадать? І тутъ цари умолчяли всѣ, единъ от нихъ выступалъ царь Давыдъ пророкъ Иессеовичь и зговоритъ таково слово: государь ты нашъ первы царь Волотъ Волотовичь! далече намъ грѣшнымъ до Рима и до Иякова брата Господня; тотъ бы сонъ твой отгадалъ; і азъ тебѣ про нево съкажу: и тотъ твой сонъ сбудетца во второмъ на десять году. У меня царя Давыда родитца сынъ Соломонъ, а у тебя родитца дшерь Соломонида Волотовна, а еще нынѣ во утробѣ нѣтъ; а что с тое страны восточныя восходитъ лучь солнца краснаго, освѣтитъ всю землю свѣторускую, то будетъ на Руси градъ Иерусалимъ начальныі, і в томъ градѣ будетъ соборная и апостольская церковь Софиі премудрости Божия о седмидесяти верхахъ, сирѣчь святая святыхъ; а что у древа вѣтвие золотое, то будутъ паникадилы поставлены; а вѣтвие бумажное, то свѣщы на паникадилахъ поставлены будутъ пред чюднымъ образомъ; а что с тое страны полуденныя выросъстало древо кипарисъ, коренне сребреное, то у меня будетъ сынъ царь Соломонъ премудры; і онъ сожиждетъ святая святыхъ, то есть кречетъ бѣлы; а что у кречета колокольчикъ золотой, у твоей царицы родитца дочь Соломонида, а моему сыну Соломону у тебя на твоей дочери женитца, і твоимъ царствомъ ему владѣть будетъ. И отвѣща ему царь Волотъ Волотовичь: іполать тебѣ царь Давыдъ, что ты гораздъ сны

загадки отгадывать, и досужъ доброе слово молвить. І рече ему царь Давыдъ: а ты мнѣ, болшой царь Волотъ Волотовичь, про то скажи: отчего у насъ свѣтъ свѣтитца? і отчево сонце сияетъ? и отчево заря занимаетца? на чемъ у насъ небо ходитъ? на чемъ земля стоитъ? Отвѣща болши царь Волотъ Волотовичь царю Давыду: я тебѣ про то скажу: свѣтъ у насъ свѣтитца от Господнихъ очей, а сонце сияетъ от святые рызы ево, а заря занимаетца от сонца краснаго, а небо ходитъ на воздусѣхъ, а земля стоитъ на осмидесятъ китахъ рыбахъ меншихъ, да на трехъ рыбахъ болшихъ; а ты мнѣ, царь Давыдъ, про то скажи: кой градъ градомъ мать? и коя церковь церквамъ мать? і коя глава главамъ мать? кое дерево древомъ мать? коя трава травамъ мать? кой камнемъ камень мать? коя птица птицамъ мать? кой звѣрь звѣрямъ мать? кое езеро езеромъ мать? коя гора горамъ мать? кое море морямъ мать? И рече царь Давыдъ: я тебѣ про то скажу. Первы градомъ мать градъ Іерусалимъ; ево пасхалия азбучная во всю землю свѣторускую; а церковь церквамъ мать соборная София премудрости Божия, да в той же церкви стоитъ гробъ Господенъ: потомъ церковь церквамъ мать; а рѣка рѣкамъ мать Иорданъ, потомъ что она течетъ из рая Едемскаго, а в ней крестился Господь нашъ Іисусъ Христосъ: потому рѣкамъ мать; а глава главамъ мать адамова глава: коли сотворилъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ небо и землю, і вся, яже на земли, и начерта на земли по образу своему человѣка, и нарече імя ему Адамъ, і вынялъ у у нево ребро, і сотворилъ ему жену Евву, и от нихъ поидоша цари і князи, потому глава главамъ мать; а древо древомъ мать древо кипарисъ пѣвга, кедръ, потому что от нихъ ідетъ благоухание, от нихъ же родитца ладонъ, идетъ во всю землю свѣторускую: потомъ древамъ мать; а трава травамъ мать плакунъ трава; какъ жидове Христа распинали, і Богородица на ту траву уканула слезу: потому травамъ мать; а птица птицамъ мать таврукъ птица, невелика с рускую галку, а живетъ она у гремячева кладезя у теплаго моря; а звѣрь звѣрямъ мать единьрохъ; коли на земли была засуха і в тѣ поры дождя на землю не было, тогда в рѣкахъ і в озерахъ воды не было, толко во единомъ езерѣ вода была, і лежалъ великой змиі, и не давалъ людемъ воды пить, и никакому потекучему звѣрю, ни птицѣ полетучей; а коли побѣжитъ единорогъ воды пить, и змиі люты заслышитъ и побѣжитъ от зъвѣря того за три дни, і в ту пору запасаютца водою люди; а озеро озерамъ мать Ілѣмень озеро, что под Кіевомъ градомъ, потому что взяла в себя триста рѣкъ; а море морямъ мать акиянъ море великое, потому что в немъ стоитъ церковь Клемента папы римскаго; а рыба рыбамъ мать акиянъ рыба великая; какъ та рыба китъ взыграетца, и пойдетъ во глубину морскую, тогда будетъ свѣту преставленія; а гора горамъ мать фаворская да сионская. И глагола ему царь Давыдъ: а ты мнѣ, царь Волотъ Волотовичь, про то скажи: кому на второмъ пришесътви не быть и лица Божия невидать и суда Божия імъ небудетъ? І отвѣща ему царь Волотъ Волотовичь, азъ тебѣ про то скажу: всякому человѣку на второмъ пришествии быть и судъ имъ будетъ по дѣломъ ихъ, а еретикамъ і чародѣемъ тѣмъ суда Божия не видать; без суда Божия посланы будутъ въ муку вѣчную, нынѣ и присно і во вѣки вѣковъ, аминь.

ПОВѢСТЬ

О СЕМИ БОГАТЫРЯХЪ.

какъ случится намъ в чистомъ полѣ смерть недобрая.
Поѣдемъ мы прямо к Царюгороду.
И какъ будутъ богатыри отъ Царяграда за двѣнадцать верстъ,
переѣждаютъ богатыри Смугру рѣку,
ажно ѣдутъ встрѣчи двѣнадцать человѣкъ,
все каличи перехожия.
И пріѣхалъ къ нимъ молодъ Алеша Поповичъ
и самъ говоритъ имъ таково слово:
Братцы вы, каличи перехожія,
давайте вы намъ съ себя платье калическое,
а у насъ берите платье скорлятное,
скорляту бѣлаго!
И зговорятъ каличи таково слово:
Ой еси младъ Алеша Поповичъ,
не дадимъ тебѣ мы своего платья калическаго.
А у каликъ атаманъ и зовутъ его Никитою,
а родамъ Карачевецъ.
И пріѣждаетъ къ нимъ другой богатырь Илья Муромецъ,
а самъ говоритъ таково слово:
За то намъ браниться не за што;
возмите вы у насъ платье свѣтлое,
а намъ давайте платье калическое.
И зговорятъ каличи таково слово:
Съ тобою говорить, Илья, нечего и спору нѣтъ!
Даютъ же каличи свое платье съ себя,
калическое рускимъ богатырямъ,
а богатыри даютъ съ себя свое платье свѣтлое.
І спрашиваетъ ихъ Илья Муромецъ перехожихъ каликъ:
Почто Никита ходилъ во Царьградъ?
Никита ему сказалъ таково слово:
Ходили мы провѣдывать прямыхъ вѣстей:
есть ли отпускъ изъ Царяграда богатырямъ ко граду Кіеву;
і тѣ вѣсти намъ прямо неизмѣнныя:
ѣздятъ богатыри во Царѣгородѣ,
а хвалятся при царѣ, что хотятъ ѣхать къ Кіеву,
и въ Кіевѣ учинить сѣча великая,
а князя Владимира и его княгиню и съ его богатыр въ полонъ взять.
И заслышили русскіе богатыри тако слово:
И зговоритъ сильный богатырь Илья Муромецъ своимъ товарищамъ:
Слышите ли, братцы, таково слово:
за совѣтъ слуги и голавы складываютъ!
и оставляютъ тотъ богатыри своихъ у Смугры рѣки
и всѣ свои наряды богатырския:
сжлютъ же по одной по булатной палицѣ,
и тѣ несутъ подъ полами,
и пошли прямо ко Царюграду,
идучи говоритъ таково слово:
Кто у насъ, братцы, говоритъ гораздъ языкомъ татарскимъ?
И зговоритъ дворянинъ Залѣшенинъ:
Всѣхъ у насъ лучче говоритъ младъ Алеша Поповичъ
каковъ онъ трезвъ, таковъ и пьянъ,
и всѣхъ насъ лучче бранится.
И какъ пришли богатыри въ Царьградъ,
и въ тѣ поры идетъ у царя столъ новосельной,
а в столѣ подаютъ третюю яству,
и учали калики просить у царя на новоселье милостыни,
стояли противъ окна царскаго,
и воскричатъ громкимъ голосомъ,
и услышалъ тутъ царь Константинъ самъ калик прошенія
изъ своея палаты царскія;
и зговоритъ царь Константинъ своему богатырю Тугарину Зміевичу:
вели позвать каликъ въ палату ко мнѣ,
и услышу по рѣчамъ о кіевскихъ вѣстяхъ,
либо что они вѣдаютъ.
И позвали в палату каликъ тѣхъ ко царю,
и царь учалъ ихъ спрашивать:
Скажите намъ, каличи перехожіе!
із котораго града ходите?

что оставили мы своихъ коней богатырскихъ у Смугры рѣки,
а хотимъ мы с тобою и с твоими богатыри перевѣдаться.
И ударя челомъ царю і поѣхалъ прочь
до своихъ товарищовъ и к своимъ добрымъ конемъ.
И учали богатыри рускіе наряжаться,
і класть на себя доспѣхи крѣпкія
и емлютъ свою сбрую ратную;
ажно скачютъ богатыри отъ Царяграда погонею великою!
И зговоритъ младъ Алеша Поповичъ своимъ товарищемъ:
Постойте, братцы, малешенько:
дайте мнѣ съ ними перевѣдаться и поперетися!
А Илья Муромецъ встрѣчаетъ ихъ от своего стана во полу верстѣ,
и всѣ богатыри за нимъ же.
И скоро богатыри съѣхались,
и ударились копьями вострыми концами,
і пробили на себѣ всѣ доспѣхи крѣпкія копьями вострыми,
і подприсатки поламались.
И зговоритъ Илья Муромецъ:
Ужели збили богатырей з добрыхъ коней?
І побили туто всѣ богатырей сорокъ человѣкъ,
а двухъ человѣкъ живьемъ взяли:
Идола Скоропита а Тугарина Зміевича,
и поѣхали ко Царюграду ко царю Констянтину.
И зговоритъ Илья Муромецъ:
Вѣдомо ли тебѣ, царю,
мы твоихъ богатырей побили,
а двухъ живыхъ взяли;
а тебя мы, царь, ничемъ не двигнемъ ни чернымъ волосомъ;
потому что мы поѣхали изъ Кіева безъ государева вѣдома,
на похвалу твоихъ богатырей.
И мы тебѣ не отдадимъ твоего богатыря Тугарина Зміевича;
отдадимъ тебѣ твоего богатыря Идола Скоропита;
а с собой емлемъ въ Кіевъ градъ ко князю Владимиру на показъ
Тугарина Зміевича богатыря удалаго!
Не бѣлая лебедь восклыкала,
восплачится тугаринова мать,
бьетъ челомъ рускимъ богатырямъ
и благовѣрной царицѣ Еленѣ:
Благовѣрная царица Елена! упроси ты у рускихъ богатырей!
И зговоритъ благовѣрная царица Елена:
Ой еси ты Илья Муромецъ съ товарищи!
Отпустите вы Тугарина Зміевича;
утрите вы слезы кровавыя;
не навесите на себя клятвы вѣчныя.
И зговорятъ рускіе богатыри таково слово:
Государыня благовѣрная царица Елена!
не двигнемъ мы Тугарина ни чернымъ волосомъ
для твоего государынина попрошенья;
а Тугаринъ будетъ в Кіевѣ градѣ,
у князя Владимира кіевскаго,
и потомъ будетъ в Царѣградѣ у тебя, государыня;
а теперьво оставить во Царѣградѣ нельзя;
потому что намъ государю великому князю Владимиру ударить челомъ нѣчемъ.
И рускіе богатыри ударили челомъ царю Константину.
и поѣхали прочь к Кіеву граду.
И ведутъ богатыри Тугарина Зміевича,
и ѣдутъ богатыри по полю по чистому;
и какъ будутъ богатыри близь града Кіева,
выбираютъ себѣ богатыря Залѣшанина,
і посылаетъ его ко граду Кіеву,
ко князю Владимиру кіевскому со здоровьемъ.
І пріѣхалъ дворянинъ Залѣшанинъ въ Кіевъ градъ
ко князю Владимиру кіевскому,
и говоритъ таково слово:

СКАЗКА

ОБЪ ИВАНѢ ПОНОМАРЕВИЧѢ.

СКАЗКА

ОБЪ ИВАНѢ ПОНОМАРЕВИЧѢ.

(Изъ сборн. принадлеж. профессору Ѳ. И. Буслаеву.)

ПОВѢСТЬ Ѡ ІВАНѢ ПОНОМАРЕВИЧѢ, КАКО ІМѢЛЪ БРАНЬ С ТУРСКИМЪ САЛТАНОМЪ.

Бысть в дренихъ лѣтехъ, близь турецкой земли, живяше при церкви нѣкій пономарь имянемъ Германъ; гой имѣя у себе единаго сына, имянемъ Івана, зѣло прекрасна и разумна, и силна, и премудра, и изучена всякому премудрому художеству. Во едино время случися мимо той страны итти турецкому послу, имянемъ Куарту, который посыланъ от турецкаго салтана к персидскому шаху, и стояше в дому того пономаря Германа. Сынъ же ево Иванъ нача в гусли играть преславны ігры, і удивися турской посолъ игранию тому, и красотѣ, і разуму, и премудрости, і умыслилъ Куартъ, дабы ево у тово пономаря взять и отвесть в подарки государю своему турецкому салтану. И отправя посолство персидскому шаху, возвратился в землю свою, и послалъ к тому пономарю на взятіе сына ево двѣсти человѣкъ, а самъ посолъ сталъ от тоя церкви в семи поприщахъ; і какъ узрѣвъ тако приездъ турскихъ людей Германъ пономарь, скоро повѣда сыну своему Івану; рече к нему сынъ его Іванъ: не страшися, государь батюшка, приходу тѣхъ поганыхъ турокъ. Дай мнѣ благословеніе свое. И взялъ отца своего благословение. Не успѣлъ коня своего осѣдлать и палицы желѣзныя взять, турки же оступиша дворъ его. Іванъ же уватив забориу і выскочилъ борзостию, побилъ у двора своего вся двѣсти человѣкъ до смерти, толко оставилъ живыхъ дву человѣкъ. И рече к нимъ: шедъ возвѣстите о мнѣ Куарту послу своему, чтобъ онъ отсуда уѣхалъ здравъ в землю свою. Они же шедъ сказаша послу своему, что Иванъ Понамаревичъ побилъ всю двѣсти человѣкъ и хощетъ, доѣхавъ, тобя до смерти убить. Куартъ же, слышавъ то, скоро побѣжалъ в землю свою, и приѣхавъ, возвѣсти все подробно салтану государю своему. Салтанъ же слыша от Куарта такая словеса, послалъ с нимъ по Ивана десять тысящь. И какъ послышалъ Іванъ Пономаревичъ велики приѣздъ по себя турскихъ людей, шедъ на конюшню, осѣдлалъ своего добраго коня, и взялъ палицу желѣзную, и рече отцу своему: государь мой батюшка! Иду я на битвенное дѣло противу поганыхъ турокъ на семъ добромъ моемъ конѣ, а другой богатырской конь на конюшнѣ будетъ стоять. И какъ я буду убитъ, то конь станетъ в крови по колѣно стоять; и ты осѣдлавъ, поеждай ко мнѣ; тотъ конь до моего мертваго тѣла тебя самъ довезетъ. Потомъ, простясь со отцемъ своимъ и матерью, сѣлъ на своего добраго коня, поѣхалъ противъ турскихъ людей, и нача ихъ крѣпко побивати на обѣ стороны сколько бысть палицею, вдвое того конемъ топчетъ. И побилъ вся и не оставилъ ни единаго человѣка жива

у турскаго салтана. В то время была война с королемъ аринарской земли именемъ Алиострогомъ. Слышавъ то Иванъ, что аринарской король имѣетъ брань с турецкимъ салтаномъ, и поѣхалъ до него, потомъ наѣхалъ великую силу: побита лежитъ. Иванъ Понамаревичъ закричалъ богатырскомъ голосомъ: есть ли в сей рати живъ человѣкъ, и онъ бы повѣдалъ мнѣ: чья сия сила побита лежитъ? И рече к нему из той рати живъ человѣкъ: Сія, государь, рать: побили Лиострога короля аринарскаго; побивалъ сію силу турскій салтанъ, а доступалъ дочери ево прекрасной кралевны Клеопатры. Потомъ рече ему: под симъ кустомъ ракитовымъ лежитъ мечь кладенецъ, и ты возми ево себѣ. Онъ же взявъ мечь и рече: сей мечь легокъ; вѣдаю что несилнаго богатыря! И положилъ ево под той же кустъ, и поѣхалъ в путь свой. Потомъ наѣхалъ другую силу: побита лежитъ. Онъ же второе закричалъ громкимъ голосомъ: есть ли в сей рати живъ человѣкъ? Рече к нему из рати живъ человѣкъ: сія рать короля Лиострога, а побилъ ее турскій салтанъ, доступалъ дочери его кралевны Клеопатры. И рече ему: под симъ кустомъ лежитъ мечь кладенецъ. Иванъ же взялъ мечь и рече: несилнаго богатыря! И положилъ его под тотъ же кустъ. И отѣхалъ от того мѣста, и наѣхавъ в близости кралевства аринарскаго зѣло велику силу побиту воинскихъ людей. И онъ кричалъ богатырскимъ голосомъ: есть ли в сей рати живъ человѣкъ? Из той рати рече ему живъ человѣкъ: сія рать аринарскаго короля побита от турскаго салтана. Потомъ рече ему: под симъ кустомъ ракитовымъ лежитъ мечь кладенецъ. Иванъ Понамаревичъ вынявъ мечь и бысть радошенъ, и рече: сей мечь моего плеча богатырскова! И поѣхалъ до кралевства аринарскаго И какъ пріѣхалъ, принялся в знакомцы служить к некоему тоя земли великому кназю. Князь же той велми ево любилъ, такъ какъ сына своего. И не во многѣ времени приде под кралевство аринарское турской салтанъ, а с нимъ войска пришло 80,000. Алиострогъ король повелѣ войско свое сбирать; и собра войска 30.000, и пойде со всею ратію противъ турскаго салтана. Иванъ же Понамаревичъ видѣ собраніе кралево на турецкаго салтана, начя князя своего молить, дабы ему поволилъ ѣхать на то битвенное поле и посмотрѣть сходство обоихъ войскъ. Князь же о немъ имяше велико желаніе, не поволилъ ему ѣхать на то битвенное дѣло. Онъ же видѣвъ, что князь не отпускаетъ ево на то битвенное дѣло, измѣшкавъ малы часъ, шедъ на конюшню, осѣдлавъ добраго коня, и взявъ мечь свой тайнымъ обычаемъ, поѣхалъ на то битвенное дѣло. И пріѣхавъ в полки, кликнулъ своимъ богатырскимъ голосомъ, что всѣ полки от того ево гласу возмутилися, и напустилъ на полки турскіе; началъ ихъ жестоко рубить, что всѣ турки в бѣгство себя претвориша. И побивъ турскую силу, в той часъ пріѣхавъ к князю тому, и разсѣдлавъ своего добраго коня, шедъ в полату свою; пріѣхавъ и король со всею ратію в кралевство свое, и начя благодарствовать всесильнаго Бога, что Богъ избавилъ ево от турскаго салтана. И спустя послѣ того три года, в четвертое лѣто собралъ турскій салтанъ войска своего 100,000, и пріиде на разореніе кралевства аринарскаго. Алиострогъ же король, видѣвъ собраніе веляко турскаго войска, и бысть в велицей печали, и поиде со всею силою своею противу турецкаго салтана. Иванъ же Понамаревичъ, видѣвъ похоть на турскаго салтана, сталъ прошаться у князя своего посмотрѣть того битвеннаго дѣла. Князь же той, видѣвъ ево крѣпкое хотѣніе, поволилъ ему ѣхать. Иванъ же, шедъ на конюшню, осѣдлалъ своего добраго коня и поѣхалъ с великою борзостію, и какъ доѣхалъ до полковъ, и видѣ сходъ обоихъ войскъ, и напустилъ на полки турецкие всею прытостью своею, и начя ихъ жестоко рубить, и турецкие полки едва могли убѣжать с небольшими людми. Иванъ же, отбивъ силу турецкую всю, и поѣхалъ в домъ свой к князю тому. Князь же, видѣвъ пріѣздъ Ивановъ, и коня ево утомлена в крови человѣческой, разумѣвъ, что онъ силный и премудрый богатырь. И пріѣхалъ король Алиострогъ со всею силою своею невредимъ и начя всемогущему Богу хвалу воздавать, и повелѣ с прилѣжаніемъ во всемъ

кралевствѣ искать того богатыря. Князь же той рече ему: государь король Алиострогъ! при мнѣ пребываетъ не вѣмъ какой человѣкъ. Онъ дважды от меня тайно ѣздилъ на бой и пріѣзжалъ в домъ мой, коня своего имѣетъ измучима и в великой крови человѣческой. Король же повелѣ ево привести пред себя. Князь же в той часъ поставилъ Ивана пред короля. И видѣвъ ево король лицемъ прекрасна і родна ростомъ, выдаде за него дщерь свою Клеопатру. И потомъ поживе Алиострогъ не велико время, преставися, и погребенъ бысть Иваномъ.

Иванъ же нача правити кралевствомъ, и послѣ того спустя не мало время, приде под кралевство турской салтанъ, и ста от града за восимъ поприщъ, и взя салтанъ мочнаго своего пашу именемъ Беграря, і идоша во градъ нищенскимъ образомъ. И в то время Иванъ имѣлъ гуляніе за охотою, и войде салтанъ во градъ, приде на кралевскій дворъ прошать милостини. Клеопатра же стала милостиню давать. Видѣвъ же салтанъ прекрасную Клеопатру, рече ей: покажи, госпоже, мечь кладенецъ, которымъ Иванъ Пономаревичъ воюетъ. Она же повелѣ вынести. И вынесли 12 человѣкъ, и салтанъ велѣлъ взять мочному пашѣ, и унесли со двора кралевскаго, и скоростію приступиша под градъ. Иванъ же Пономаревичъ скоро пріѣхалъ и велѣлъ коня сѣдлать, вооружися пойде в полату и не обрѣте меча того, вопросивъ жены своей. Она же рече: не вѣмъ какой нищій приходилъ и несе мечь той. Онъ же взявъ палицу желѣзную и выѣхалъ в чистое поле и начя ихъ жестоко бить палицею, и пробился в средину силы тоя; и видѣ мочны паша и убилъ Ивана до смерти. Салтанъ же турецкой, пріѣхалъ во кралевство. Клеопатра же принимаетъ салтана любезно. И по обычаю Ивана Пономаревича отецъ Германъ войде в конюшню, ажно конь в крови по колѣна стоитъ. Онъ же начя плакати и осѣдлавъ добраго коня, поѣхалъ, и тотъ конь довезъ ево до мертваго тѣла сына его. Германъ же видя сына своего изрублена и не вѣдаетъ что об немъ сотворити. Провѣщавъ же конь ево человѣческимъ гласомъ: господинъ мой Германъ! аще хощеши сына своего здрава видѣть, разрѣжь чрево мое, и вынь всю внутренность мою и вымажь кровію его, а меня станутъ враны младыя клевати, и ты поими врана и проси живой воды и мертвой. Германъ же сдѣлалъ все подробно. И прилетѣли враны млады и стали конево мясо клевать. Германъ же поималъ врана я хощетъ растерзати. Провѣщавъ же вранъ человѣческимъ гласомъ: господине Германе! не терзай меня; я тебѣ принесу живой и мертвой воды на исцѣленіе сына и коня твоего. И налетѣ вранъ за Воклонскія рѣки к королю Редозубу. І в то время мыли дѣвицы кралевское платье. Онъ же вранъ восхитивъ луччую срачицу и рече вранъ человѣческимъ гласомъ: дадите мнѣ два сосуда живой и мертвой воды. Они же даша ему живой и мертвой воды. И полетѣ вранъ к Герману. Германъ же взялъ и отпустилъ жива врана; потомъ Германъ взялъ воды и спрыснулъ сына своего живой водою, и бысть сынъ ево здравъ; и спрыснулъ тою же водою и коня своего, и конь ево бысть здравъ. Иванъ же рече отцу своему: Государь батюшка! изволь ѣхать в домъ свой, а я управлюся с недругомъ своимъ. Онъ же Иванъ узрѣ на пути крестьянина идуща и рече ему: аще хощеши добро тебѣ, азъ стану продивнымъ конемъ, шерсть имуще златую, и ты поведи мимо салтанскаго двора. И сталъ продивнымъ конемъ; крестьянинъ же повелъ мимо салтанскаго двора. Узрѣвъ же салтанъ коня того, и нача торговати, и даде за нево 200 рублевъ, и велѣлъ поставити на конюшню. И с того числа сталъ на конюшню ходить. И рече Клеопатрѣ: како ты государь, непрестанно ходишь на конюшню? Онъ же рече ей: купилъ есть продивнаго коня, шерсть имуща златую. Она же рече: это не конь, это Иванъ Пономаревичъ; прикажи ево срубить. Онъ же велѣ ево убить. И дѣвка чернавка сбѣжала к коню тому и сказала Ивану все подробно. Иванъ же рече ей: какъ срубятъ меня, и ты возми от главы моея крови, и брось к салтанскимъ быкамъ. И пришли от салтана, отсѣкоша коневи главу. Она же взявъ крови, і бросила к

быкамъ, і тутъ сталъ быкъ златошерстый. И сказаша салтану. Онъ же видя быка и сталъ непрестанно ходить к нему. Клеопатра же рече ему: како ты, государь, непрестанно ходишь на скотный дворъ? Онъ же рече ей: есть у меня быкъ златошерстый. Она же рече: Это не быкъ, это Иванъ Пономаревичъ; прикажи ево срубить. Салтанъ велѣлъ быка срубить. И дѣвка чернавка прибѣжавъ сказала Ивану. Иванъ же рече ей: какъ срубятъ меня, и ты возьми главу мою и закопай главу мою в саду салтанскомъ. И пришли от салтана отсѣкоша главу. Дѣвка же закопала в саду. На утро выросла преславная яблонь, яблоки имущи златыя; и сказаша салтану. Салтанъ же видѣ яблонь, начя в саду непрестанно гулять. И рече Клеопатра салтану: како ты, государь, непрестанно в саду гуляешъ? И рече ей салтанъ: выросла преславная яблонь, яблоки имуща златыя. И рече Клеопатра: то государь, Иванъ Пономаревичъ; прикажи ее срубить. И салтанъ велѣлъ срубить. И дѣвка, прибѣжавъ, сказала Ивану Пономаревичу. И рече ей Иванъ: какъ меня срубятъ, и ты возми перваго иверня (?) щепу и брось в салтанской прудъ. Пришли от салтана и начаша сѣщи. Она же взявъ первую щепу и бросила в салтанской прудъ. И начя плавати преславный селезень; и сказаша салтану. Салтанъ же велѣлъ ево слугамъ своимъ ловить, и самъ раздѣлся, поплылъ за нимъ. И такъ селезень отведе на другую сторону салтана, самый селезень выпорхнулъ на брегъ. І сталъ Иванъ Пономаревичъ живъ, и одѣяся въ салтанское платье. Увидѣли стражи салтанскіе пруда того и сказаша салтану, что живъ Иванъ Пономаревичъ за салтаномъ. І поимаша салтана и приведоша на королевскій дворъ, і по совѣту князей і бояръ, Клеопатру с турскимъ салтаномъ сожгоша в струбѣ. Іванъ же привезе отца своего і матерь, и начаша добрѣ жити. Не по мнозѣ времени преставися отецъ ево Германъ, а Иванъ Пономаревичъ взялъ у князя великаго дочь за себя, и начя с нею жити, и приживе дѣти. І тако скончася повѣсть сія.

СКАЗКА

О ЕРУСЛОНѢ ЛАЗАРЕВИЧѢ.

СКАЗКА

О ЕРУСЛОНѢ ЛАЗАРЕВИЧѢ.

(По списку XVII вѣка Импер. Публ. Библ. рукоп. Погод. древлехран. № 1773.)

СКАЗАНІЕ И ПОХОЖДЕНІЕ ѿ ХРАБРОСТИ, ѿ МЛАДОСТИ, И ДО СТАРОСТИ ЕГО БЫТІА, МЛАДАГО ЮНОШИ И ПРЕКРАСНАГО РУСКОГО БОГАТЫРА, ЗѢЛО ПОСЛУШАТИ ДИВНО, ЕРУСЛОНА ЛАЗАРЕВИЧА.

Бысть во царствѣ царя Картауса Картаусовича дядюшка его, князь Лазарь Лазаревичь, а жена у него Епистимія, а сына родила Еруслона Лазаревича; и какъ будетъ Еруслонъ Лазаревичь четырехъ лѣтъ по пятому году, и сталъ ходить на царевъ дворъ и шутить шутки не гораздо добры: кого хватитъ за руку — у того рука прочь, кого хватитъ за голову — у того голова прочь, кого хватитъ за ногу — у того нога прочь. И тутъ промежь себя князи и боляре и силные гости учали совѣтъ сотворяти: пойдемъ мы бити челомъ къ царю Картаусу Картаусовичю, и речемъ ему: »есть у тебя, царю, дядюшка князь Лазарь Лазаревичь, а у него сынъ Еруслонъ Лазаревичь, и ходитъ онъ ко царю на дворъ, и шутитъ шутки съ нашими дѣтми не гораздо добры: кого хватитъ за голову — у того голова прочь, кого хватитъ за ногу — у того и нога прочь.« И что зговоритъ царь Картаусъ къ своему дядюшкѣ: »Гой еси дядюшка Лазарь Лазаревичь! Есть у тебя сынъ Еруслонъ Лазаревичь, и онъ ходитъ ко царю на дворъ, и шутитъ шутки не гораздо добры; и сынъ твой во царствѣ ненадобенъ, — лутчи его вонъ выслать изъ царства.« И тутъ стоя, князь Лазарь Лазаревичь услышалъ отъ царя Картауса Картаусовича себѣ слово кручинное, поѣхалъ отъ царя невеселъ, повѣсилъ свою буйну главу ниже плечь своихъ, ажно встрѣчаетъ сынъ его Еруслонъ Лазаревичь: не доѣждаючи отца своего, слазитъ съ добра коня богатырского, бьетъ челомъ о сыру землю: »Многолѣтное здравіе государю моему батюшку, князю Лазарю Лазаревичю! Какъ тебя государя моего Богъ милуетъ? что ты отъ царя невеселъ ѣдешь? или тебѣ у царя мѣсто было не по обычаю, или тебѣ отъ царя было слово кручинное?« И говоритъ ему князь Лазарь Лазаревичь; »Мѣсто мнѣ у царя было по обычаю: столники и чашники доходили до меня; одно мнѣ отъ царя было слово кручинное. Когда бываютъ дѣти отцу и матери на потѣху, а подъ старость на перемѣну и по смерти поминокъ; а ты мнѣ, дитятко, смолода не на потѣху, а подъ старость не перемѣна, а по смерти не поминокъ! Да ходишь ты, дитятко, ко царю на дворъ, и шутишь шутки не гораздо добры: кого хватишь за руку — у того рука прочь, кого хватишь за голову — у того голова прочь, кого хватишь за ногу — у того нога прочь; и на тебя князія и боляра били челомъ; царь тебя изъ царства велѣлъ вонъ выслати.« И Еруслонъ Лазаревичь стоячи усмѣхнулся, а самъ говоритъ таково слово: »То мнѣ, государь батюшко, за обычай, что... (хотятъ?) меня изъ царства вонъ выслать; од..на меня кручина, батюшко, великая: ходилъ я по твоимъ стол-

ламъ и по конюшнямъ, во аграмакахъ, и въ коняхъ, и въ жеребцахъ не могъ себѣ лошадки выбрати, коя бы мнѣ по обычаю и могла бы мнѣ послужить.« И тутъ сѣдши Еруслонъ Лазаревичь на свой доброй конь, и поѣхалъ ко двору своему: и пріѣхалъ въ домъ отца своего, учалъ прошатца у отца своего и у матери въ чистое поле гулять. И отецъ князь Лазарь Лазаревичь и мати его Епистимія отпущаетъ его, и даютъ ему 20 отроковъ, 50 мудрыхъ мастеровъ, и велѣли дѣлать близъ моря каменную полату; и тутъ мастеры при мори каменную полату здѣлали въ 3 дни, и гонца послали; и гонецъ посланныя рѣчи сказалъ, что де та полата здѣлана на брегѣ моря. И тутъ Еруслонъ Лазаревичь учалъ у отца своего и у матери просить благословенія, и они его благословили; и поѣхалъ Еруслонъ Лазаревичь въ каменную полату, и отецъ его отпущаетъ за нимъ наряду, и имѣнія многое множество, и злата, и сребра, и скатного жемчюга, и каменія драгаго самоцвѣтнаго, и всякого обилія много; отпустилъ ему коней добрыхъ доволно, на службу ему далъ сто отроковъ избранныхъ и вооружонныхъ. И Еруслонъ Лазаревичь не смѣетъ себѣ отцовы казны ни единаго пѣнязя, ни скатного жемчюгу, ни драгаго каменія, ни добрыхъ коней, и ни единаго себѣ отрока, и все отпустилъ назадъ; только себѣ взялъ сѣдло черкаское, да узду тасмяную, да войлочки косящаты. И пріѣхалъ Еруслонъ Лазаревичь къ морю, и вшелъ въ бѣлокоменную полату, и послалъ подъ себя войлочки косящатые, а въ головы положилъ сѣдло черкаское, да узду тасмяную, и легъ опочевать; и поутру вставъ Еруслонъ Лазаревичь рано, учалъ ходить по дикимъ заводямъ и по губамъ морскимъ, и учалъ гусей и лебедей стрѣляти, и сѣрыхъ птицъ, и тѣмъ себя кормилъ. И ходилъ Еруслонъ Лазаревичь мѣсяцъ, и другой, и третій, ажно нашелъ сокму: въ шыритину та сокма пробита какъ доброму стрѣлцу стрѣлить, а въ глубину та сокма пробита какъ доброму коню скочить. И стоячи на той сокмѣ, Еруслонъ удивился и говоритъ таково слово: »кто де по сей сокмѣ ѣздитъ? Ажно де по той сокмѣ ѣздитъ богатырь, старъ человѣкъ, конь подъ нимъ сивъ — Алокти-Гирей. И увидѣвъ старъ человѣкъ младаго юношу, и слазилъ съ своего съ добра коня, бьетъ челомъ о сыру землю: »Многолѣтное здравіе государю моему Еруслону Лазаревичю! Какъ тебя, государя моего, Богъ милуетъ? почто ты, государь, въ сіе мѣсто, въ таковую пустыню заѣхалъ, и кои тебя вѣтри завѣели?« И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичь: »Брате старъ человѣкъ! почему ты меня знаешь и именемъ называешь?« И говоритъ ему старъ человѣкъ: »Государь мой Еруслонъ Лазаревичь! Какъ мнѣ тебя не знать и именемъ не называть? Я старый слуга отца твоего: стерегу въ полѣ лошадиное стадо тритцать три лѣта и ѣжжу ко отцу твоему по одинова на годъ поклонитися, и жалованье беру; и язъ тебя знаю.« И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичь: »Брате старъ человѣкъ! Какъ тебя по имени зовутъ, и мнѣ бы тебя добромъ пожаловать?« И говоритъ ему старъ человѣкъ: »По имяни зовутъ меня, государь, Ивашко сивой конь Алогти-Гирей, горазной стрѣлецъ, силной борецъ, въ полку багатырь.« И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичь: »Я сюды зашелъ волею: похотѣлъ въ полѣ казаковать, и горести прикрыть, и желаніе получить. Язъ топере робенокъ младъ, учалъ съ неразумія играть во дворѣ съ боярскими дѣтми и съ княжевецкими, и шутки шутить учалъ не горазно добры; и царь того не залюбилъ — велѣлъ меня изъ царства вонъ выслать. Да то мнѣ не кручина, что велѣлъ меня царь изъ царства вонъ выслать: толко одна кручина великая, что ходилъ я у отца своего по стоиламъ, и по конюшнямъ, во аграмакахъ и въ жеребцахъ не могъ себѣ выбрать лошади, коя бъ мнѣ могла послужить.« И говоритъ ему Ивашка сивой конь Алогти Гирей, горазной стрѣлецъ, силной борецъ, въ полку богатырь: »Государь Еруслонъ Лазаревичь! Есть у меня конь сивъ подласъ, и буде ты его поимаешь, и онъ тебѣ будетъ служить; а буде ты его не поимаешь, и тебѣ его во вѣки не видать.« И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичь: »Брате Ивашко! какъ мнѣ того видѣти коня?« И говоритъ ему Ивашко: »Государь Еруслонъ Лазаревичь!

Видѣти того жеребца по утру рано на зорѣ, какъ погоню на море пои.ь лошадей.» И Еруслонъ Лазаревичь легъ почивать въ каменной полатѣ, и, поутру рано вставъ, Еруслонъ Лазаревичь пошелъ на сокму, и взялъ съ собою узду тасмяную, и ста въ сокровенномъ мѣстѣ подъ дубомъ, ажно Ивашко лошади къ морю пригналъ, и Еруслонъ Лазаревичь посмотрилъ на море: де ажно жеребецъ пьетъ, и на морѣ волны встаютъ, подъ дубомъ орлы крекчутъ, по горамъ змѣи свищутъ, и никакой человѣкъ на сырой землѣ стояти не можетъ. И Еруслонъ Лазаревичь удивился. Какъ будетъ жеребецъ противъ Еруслона Лазаревича, и Еруслонъ Лазаревичь ударилъ на отмахшь, и конь доброй палъ на окарачки, и хватаетъ его Еруслонъ Лазаревичь, добра коня, за гриву, и наложилъ на добра коня узду тасмяную, и повелъ его къ полатѣ бѣлокаменной; а Ивашко за нимъ поѣхалъ. И пріѣхалъ Еруслонъ Лазаревичь къ полатѣ бѣлокаменной, и учалъ сѣдлать того жеребца, и обсѣдлалъ, и учалъ поѣждивать; и радъ бысть велми, что ему служить можетъ. И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичь: »Брате Ивашко, сивой конь Алогти-Гирей, силной борецъ, горазной стрѣлецъ, въ полку богатырь! Какъ жеребцу имя дать и какъ его назвать?« И говоритъ ему Ивашко сивой конь: »Государь Еруслонъ Лазаревичь! Когда можетъ холопъ прежде государя такову животу имя дать, или какъ его назвать?« И назвалъ его Еруслонъ Лазаревичь, добра коня, Арашемъ вѣщимъ. И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичь: »брате Ивашко, поѣдь ты ко отцу моему и къ матери, и исправь имъ отъ меня челобитье, и скажи имъ, что поѣхалъ въ чистое поле гулять и изъѣжжать князя Ивана руского богатыря, и добраго коня себѣ добылъ, что можетъ ему послужити.» И говоритъ Ивашко: »Государь мой Еруслонъ Лазаревичь! поѣдь зъ Богомъ.« И Еруслонъ Лазаревичь поѣхалъ ступью бредучею, а Ивашко провожалъ его, и поѣхалъ за нимъ во всю пору лошадиную, и Еруслонъ Лазаревичь выпередилъ Ивашка и изъ очей у него выѣхалъ. А Ивашко воротился отъ Еруслона прочь, и поѣхалъ ко царству царя Картауса Картаусовича и ко князю Лазарю Лазаревичю, и сказалъ ему отъ Еруслона посланныя рѣчи, и куды онъ поѣхалъ, и добра коня себѣ добылъ, что тотъ конь можетъ ему послужить. И отецъ его князь Лазарь Лазаревичь и мати его Епистимія о сынѣ своемъ возрадовалися, о томъ Ивашка честно дарили великими дарми, и отпустили его въ чистое поле къ своей службѣ, гдѣ ему прежь дано приказано, у коней: а Еруслонъ Лазаревичь поѣхалъ въ чистое поле. И ѣхалъ мѣсяцъ, и другой, и третій, ажно наѣхалъ Еруслонъ Лазаревичь въ чистѣ полѣ рать силу побитую, и ѣхалъ Еруслонъ Лазаревичь въ тое ратное побоище, и крикнулъ громко голосомъ: »Есть ли въ сей рати живъ человѣкъ?« И говоритъ ему живъ человѣкъ: »Государь Еруслонъ Лазаревичь! кого ты спрашиваешь, или кто тебѣ надобенъ?« И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичь: »Брате, живъ человѣкъ! Чья рать сила побитая, и кто ее побивалъ?« И говоритъ ему живъ человѣкъ: »Государь Еруслонъ Лазаревичъ! Та рать сила побитая лежитъ Ѳеодула царя змія, а побивалъ ее князь Иванъ руской богатырь, а доступаетъ у него прекрасной царевны Кондуріи Ѳеодуловны, а и ищетъ ее за себя взять неволею.» И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичь: »Брате, живъ человѣкъ! Далече ли его сустигать?« И говоритъ ему живъ человѣкъ: »Государь Еруслонъ Лазаревичь! Недалече его съѣжжать, князя Ивана, рускаго богатыря: объѣдь ты сію рать силу побитую, и увѣдаешь коней слѣдъ.« И Еруслонъ Лазаревичь объѣхалъ рать силу побитую, и нашелъ ступь коневью и копытъ — скакано зъ горы на гору, долы и подолки вонъ выметываны. И Еруслонъ Лазаревичь поѣхалъ тѣмъ же путемъ, и сталъ скакать съ горы на гору, долы и подолки вонъ выметывалъ; и говоритъ самъ себѣ: »конь коня лутче, а молодецъ молодца и давно удалѣя!« И ѣдетъ мѣсяцъ, и другой, и третей, и наѣхалъ въ чистѣ полѣ шатеръ стоитъ, а у шатра доброй конь стреноженъ, на бѣлой полстѣ зоблетъ бѣлоярую пшеницу. И Еруслонъ Лазаревичь припустилъ добра коня Араша вѣщаго къ тому коню, а

самъ пошелъ въ бѣлъ шатеръ, ажно въ бѣлѣ шатрѣ опочиваетъ младъ молодецъ замертво. И Еруслонъ Лазаревичь вынялъ у себе саблю булатную, и хощеть его скоро смерти предать; а самъ себѣ подумалъ: »не честь мнѣ будетъ, не хвала, что сонного убить: сонной человѣкъ, аки мертвой. И Еруслонъ Лазаревичь легъ опочивать въ шатрѣ, на другой сторонѣ, и уснулъ крѣпко. И князь Иванъ, руской богатырь, пробудился и вышелъ изъ шатра вонъ, и посмотрилъ на свой доброй конь: ажно его доброй конь далече отбитъ, и щиплетъ траву въ чистомъ полѣ, а на бѣлой полстѣ чюжь конь незнаемой зобласть бѣлуярую пшеницу. И князь Иванъ руской богатырь вшедъ въ шатеръ, и посмотрилъ, ажно въ бѣлѣ шатрѣ, на другой сторонѣ, спитъ младъ молодецъ; и князь Иванъ, руской богатырь, выня саблю булатную, хощетъ его смерти предати, а самъ себѣ подумалъ: »не честь мнѣ будетъ, не хвала молодецкая, сонного человѣка убити: сонной человѣкъ аки мертвой. Учалъ будити: »Стань, человѣче, убудись — не для ради моего буженья, для ради своего спасенья! Не вѣдаеши, что не по себѣ товарища избираешь: За то рано напрасною смертію умрешь! За что лошадь свою къ чюжему корму припущаешь, а самъ не спросясь въ чужей шатеръ ходишь? за то люди напрасно много крови проливаютъ. И какъ еси тебя зовутъ по имени, и откуды ѣздишь, и какова отца сынъ?« И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичь: Господине, князь Иванъ руской богатырь! Язъ ѣду отъ Картаусова царства, отецъ у меня князь Лазарь Лазаревичь, и мати у меня Епистимія, а меня зовутъ Еруслономъ; а добра коня къ чюжему корму припустилъ, что ему стоять безъ корму неудобно, а твоего коня прочь не отбивалъ; что ты говоришь, не гораздо ладно: когда бываютъ люди добрые. и они прежь худыхъ рѣчей пьютъ и ѣдятъ, и потѣшаются, въ чистѣ полѣ разъѣзжаются. Есть ли у тебя, князь Иванъ руской богатырь, чѣмъ вода черпати?« И говоритъ ему князь Иванъ руской богатырь: »Есть у меня чара, чѣмъ вода черпати.« И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичь: »Князь Иванъ руской богатырь! Когда тебѣ есть чѣмъ вода черпати и ты почерпни воды и умойся, да мнѣ подай.« И говоритъ князь Иванъ руской богатырь: »Еруслонъ Лазаревичь! тебѣ вода черпати да и мнѣ подавать: и ты дитя молодое. »А въ тѣ поры Еруслонъ Лазаревичь шти лѣтъ по седьмому году пошелъ. И говоритъ Еруслонъ Лазаревичь: »Князь Иванъ руской богатырь! тебѣ вода черпати да и мнѣ подавать: не имавъ птицу, да теребишь, а добра молодца, не отвѣдавъ, да хулишь и хулу возлагаешь.« И говоритъ Иванъ руской богатырь: »Я во князѣхъ князь, а въ боярехъ бояринъ, а ты казакъ: тебѣ вода черпати да и мнѣ подавать.« И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичь: »Язъ въ чистѣ полѣ богатырь, и у царей во дворѣ богатырь; а ты когда у царей во дворѣ, и тогда ты князь, а когда ты въ чистѣ полѣ, и тогда ты песъ, а не князь: тебѣ вода черпать да и мнѣ подавать.» И видитъ князь неминучую бѣду, и вземъ чару, и почерпаетъ воду, и самъ умылся, да и ему подалъ. И Еруслонъ Лазаревичь умылся и садился на своего добраго коня, и князь Иванъ руской богатырь поѣхалъ во всю пору лошадиную, и Еруслонъ поѣхалъ ступью бредучею; и понадогналъ Еруслонъ Лазаревичь, и ударилъ своего добраго коня Араша вѣщаго по окорокамъ, и выпередилъ князя Ивана рускаго богатыря, и помолился: Боже, Боже, Спасъ милостивъ! Дай мнѣ, Господи, всякаго человѣка убить копьемъ, тупымъ концомъ! И оборотилъ Еруслонъ свое долгомѣрное копье тупымъ концемъ, и ударилъ князя Ивана рускаго богатыря долгомѣрнымъ своимъ концемъ, и вышибъ его изъ сѣдла вонъ; и Арашь, его вѣщей конь, наступилъ на долгоспѣшное ожерельеце. И обратилъ Еруслонъ Лазаревичь свое копье долгомѣрное острымъ концемъ, и хощетъ его смерти предать; и говоритъ ему князь Иванъ руской богатырь: »Государь Еруслонъ Лазаревичь! Не дай смерти, дай животъ: прежь сего у насъ брани не бывало, а и впредь не будетъ.» И Еруслонъ Лазаревичь слазилъ зъ добра коня, бьетъ челомъ о сыру землю, и принимаетъ его за правую руку, и цѣлуетъ его во уста сахарныя, и

называетъ его братомъ. И поѣхалъ Еруслонъ Лазаревичь ко бѣлу шатру, ажно и братъ его за нимъ; и припустили своихъ добрыхъ коней къ одному корму, а сами пошли въ бѣлъ шатеръ, и учали пити, и ясти, и веселитися; и какъ будутъ оба на веселіе, и говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичь: »Брате, князь Иванъ, руской богатырь! Ѣхалъ я въ чистое поле, и наѣхалъ я двѣ рати побитыя лежатъ: и кто ихъ побивалъ?« И говоритъ князь Иванъ руской богатырь: »Та рать сила побитая Ѳеодула царя змія, и побивалъ язъ, а доступалъ у него язъ прекрасныя царевны Кондуріи Ѳеодуловны, и хощу ея за себя взять: а сказываютъ, что ея краше на свѣтѣ нѣтъ; и въ завтра у меня будетъ останошной бой. И ты, Еруслонъ Лазаревичь, стань въ сокровенномъ мѣстѣ, и посмотри моей храбрости, и потѣшайся.« Легли спать; и поутру, вставъ рано, князь Иванъ руской богатырь осѣдлалъ своего добраго коня и поѣхалъ въ чистое поле; а Еруслонъ Лазаревичь пошелъ пѣшь и сталъ въ сокровенномъ мѣстѣ, и учалъ смотрить: и какъ пріѣдетъ на князя Ивана руского богатыря Ѳеодулъ царь змія конныхъ и вооруженныхъ отроковъ 30,000 по морю и по брегу. И не ясенъ соколъ напущается на гуси и на лебеди, напущаетъ Иванъ руской богатырь на рать Ѳеодула царя змія, и побилъ, и присѣкъ, и конемъ притопталъ 20,000 и самого Ѳеодула царя змія убилъ, и которые остались — люди малые и старые, и некому противъ Ивана рускаго богатыря вытти. И взялъ князь Иванъ руской богатырь прекрасную царевну Кондурію Ѳеодуловну, и повелъ ее къ своему шатру, а досталная сила Ѳеодула царя змія воротилась къ своему царству. И привелъ князь Иванъ руской богатырь въ бѣлъ шатеръ Кондурію Ѳеодуловну; Еруслонъ Лазаревичь за нимъ тутъ же пришелъ въ шатеръ, и учали пити, и ясти, и веселитися. И легъ опочивать съ нею Иванъ руской богатырь, а Еруслонъ изъ шатра вонъ вышелъ. И говоритъ князь Иванъ руской богатырь: »Милая моя, прекрасная царевна Кондурія Ѳеодуловна! Для тебя язъ съ отцемъ твоимъ великую брань сотворилъ, и отца твоего убилъ, а силы прибилъ и присѣкъ, и конемъ притопталъ больше, а все для тебя. Есть ли тебя на свѣтѣ краше, а моего брата Еруслона храбрѣе и сильнѣе?« И говоритъ ему царевна Кондурія: »Государь Иванъ руской богатырь! Кровь отца моего и воинскихъ людей не по красотѣ моей пролита, но по грѣхамъ; я, государь, что за красна! А есть, государь, въ чистомъ полѣ, въ бѣлѣ шатрѣ, три дѣвицы царя Богрія, а по имени зовутъ ихъ — старшая Прондора, а средняя Мендора, а меншая Легія; и которая, государь, предъ нимъ предстоящая послѣдняя, стоитъ день и нощь, та вдесятеро меня краше; а язъ что за красна и хороша! Когда я была у отца своего и у матери; а тепере полоняничное тѣло: воленъ Богъ да и ты со мною. А есть, государь, подъ индѣйскимъ царствомъ, служитъ у царя Далмата человѣкъ, а зовутъ его Ивашкомъ Бѣлая-Епанча: а слыхала язъ у отца своего, уже онъ стережетъ въ чистѣ полѣ на дорогѣ 33 лѣта, а во царство мимо его никаковъ богатырь не проѣжживалъ, не звѣрь не прорыскивалъ, ни птица не пролетывала; а язъ, государь, брата твоего Еруслона Лазаречича храбрости не видала и не слыхала, кой у нихъ храбрѣе.« И Еруслонъ Лазаревичь все то слышалъ, и богатырское серце не утерпчиво: входитъ въ бѣлъ шатеръ, образу Божію молится, брату своему покланяется и съ нимъ прощается; садится на свой доброй конь, и поѣхалъ въ чистое поле гулять, ко индѣйскому царству, поклониться царю Далмату да свидѣться съ Иваномъ Бѣлой Епанчей. И ѣдетъ Еруслонъ Лазаревичь мѣсяцъ, и другой, и третей, а самъ себѣ подумалъ: »поѣхалъ я де въ дальнюю сторону, а не простился я ни со отцемъ, ни съ матерью, и не видали онѣ меня, какъ ѣждю на добромъ конѣ.« И воротился Еруслонъ Лазаревичь во царство царя Картауса Картаусовича, и къ отцу своему, и къ матери; и ѣдетъ мѣсяцъ, и другой, и третей, и доѣхалъ до царства царя Картауса Картаусовича, ажно подъ царствомъ царя Картауса стоитъ Данило Бѣлый-Князь, а съ нимъ войска 90,000, и похваляется царство защитомъ взять, и царя Картауса

взять живое, и князя Лазаря Лазаревича, и двѣнадцать богатырей. И увидѣвши Еруслонъ Лазаревичь подъ царствомъ рать силу великую, и поступить къ бою нечѣмъ: нѣтъ у Еруслона ни щита крѣпкаго, ни копья долгомѣрнаго, ни меча остраго. И поѣхалъ Еруслонъ Лазаревичь ко двору и ко градной стѣнѣ, и видѣли его, что будетъ Еруслонъ, и отворили ему ворота градныя, ажно отецъ его ѣздитъ во обьѣждихъ головахъ; и Еруслонъ Лазаревичь, не доѣзжаючи отца своего, слазитъ зъ добра коня, бьетъ челомъ о сыру землю: »Многолѣтное здравіе государю моему батюшку, Лазарю Лазаревичю! Какъ тебя государя моего Богъ милуетъ, и что ты государь ѣздишь невеселъ и кручиноватъ?« И говоритъ князь Лазарь Лазаревичь: »Дитятко мое милое, Еруслонъ Лазаревичь! Какъ быть мнѣ веселу? Пріѣхалъ подъ наше царство князь Данило Бѣлый, а съ нимъ войска 90,000 конныхъ и вооруженныхъ; и похваляется царство наше защитомъ взять, а царя Картауса и 12 богатырей хощетъ къ себѣ взять.« И говоритъ Еруслонъ Лазаревичь: »Государь мой батюшко, князь Лазарь Лазаревичь! Пожалуй ты мнѣ свой крѣпкой щитъ и копіе долгомѣрное, и язъ учну съ татары дѣло дѣлать.« И говоритъ ему князь Лазарь Лазаревичь: »Дитятко мое милое, Еруслонъ Лазаревичь! Ты дитятко молодое, не бывалъ на дѣлѣ ратномъ, и услышишь свистъ татарской, и ты устрашишься ихъ, и они тебя убьютъ.« И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичь: »Не учи, батюшко, гоголя на водѣ плавать, а богатырскаго сына съ татары дѣло дѣлать.« И даетъ ему князь Лазарь Лазаревичь свой крѣпкой щитъ и копье свое долгомѣрное, и Еруслонъ Лазаревичь емлетъ щитъ подъ пазуху, а копье въ руку; и выѣхалъ Еруслонъ Лазаревичь въ чистое поле гулять, и учалъ побивать рать силу князя Данила Бѣлаго, и прибилъ рать силу татарскую, и поималъ самого князя Данила Бѣлаго, и взялъ на него клятву, что ему, князю Данилу Бѣлому, ни дѣтямъ его, ни внучатамъ подъ царство царя Картауса не приходить; и какъ пріидетъ опять подъ царство царя Картауса, и какъ выдастъ Богъ въ руки, и ему живому не быть. И отпустилъ его въ свою землю, ко граду его; а войска только осталось 2.000. Какъ ѣдетъ Еруслонъ Лазаревичь ко царству Картаусову, и встрѣчаетъ его самъ царь Картаусъ за градомъ, и Лазарь Лазаревичь, и 12 богатырей; и Еруслонъ Лазаревичь не доѣзжаючи отца своего и царя Картауса, слазитъ съ своего зъ добра коня, бьетъ челомъ о сыру землю: »Многолѣтное здравіе царю Картаусу, и государю моему батюшку, князю Лазарю Лазаревичю! Какъ васъ государей моихъ Богъ милуетъ?« И говоритъ царь Картаусъ: »Виноватъ я, Еруслонъ Лазаревичь, предъ тобою, что велѣлъ тебя изъ царства вонъ выслать; и нынѣ ты живи у меня въ царствѣ, и емли городы съ пригородками и съ красными селами; казна тебѣ у меня не затворена, и мѣсто тебѣ подлѣ меня, а другое противъ меня, а третье гдѣ тебѣ любо.« И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичь: »Государь царь Картаусъ! Не надобѣ мнѣ твоей ничего, и не повадился я у тебя въ царствѣ жить: повадился я въ чистѣ полѣ казаковать.« И прикушалъ Еруслонъ Лазаревичь хлѣбца маленко у царя, и простился съ царемъ и со отцемъ своимъ, и съ матерью, со всѣмъ царствомъ, и поѣхалъ въ чистое полѣ, и ѣхалъ полгодищное время, ажно наѣхалъ въ чистѣ поле шатеръ, и въ бѣлѣ шатрѣ три дѣвицы сидятъ, Прондора, да Мондора, да Легія — царевы дочери, царя Богрія; таковыхъ прекрасныхъ на свѣтѣ нѣтъ, дѣлаютъ ручное дѣло (¹). изъ шатра вонъ вытти, а самъ съ нею легъ спати на постель, и говоритъ ей: »Милая моя, прекрасная, царевна Богріевна! Есть ли на семъ свѣтѣ тебя краше, а меня храбрѣе?« И говоритъ ему прекрасная царевна Прондора: »Государь Еруслонъ Лазаревичь, что́ я за красна! Когда я была у отца своего у матери, тогда я была и красна, и хороша, а нонеча язъ полоняное тѣло. А есть, государь, подъ индѣйскимъ царствомъ, у

(¹) Въ рукописи это мѣсто вырвано. Въ лубочномъ изданіи оно читается такъ: »И тутъ Еруслонъ Лазаревичь входитъ въ бѣлъ шатеръ, забылъ образу Божію молиться, сердце его разгорѣлось, юность его заиграла: и беретъ себѣ большую сестру, прекрасную царевну Прондору за руку, а тѣмъ сестрамъ велѣлъ....«

поклонитися царю Далмату. И Еруслонъ Лазаревичь какъ пріѣхалъ ко царству, и въѣхалъ на царевъ дворъ, и слѣзъ своего добраго коня, а самъ пошелъ ко царю въ полату: образу Божію молится, царю Далмату покланяетца: »Многолѣтное здравіе царю Далмату со своими 12 богатырями! А меня, государь, холопа своего пріими въ службу.» И говоритъ ему индѣйскій царь Далматъ: »Откуду еси, человѣче, пришелъ, отъ которого царства, и какого отца сынъ, и какъ тебя зовутъ по имени?« И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичь: »Государь царь Далматъ! ѣжжу я отъ Картаусова царства, а рожденія сынъ князя Лазаря Лазаревича, а матери Епистиміи, а меня зовутъ Еруслонкомъ.« — »Какимъ же ты путемъ ѣхалъ: коннымъ или пѣшимъ, или водянымъ?« И говоритъ Еруслонъ Лазаревичь: »Государь царь Далматъ, язъ ѣхалъ сухимъ путемъ.« И говоритъ царь Далматъ: »Еруслонъ Лазаревичь! Есть у меня человѣкъ на дорогѣ стоитъ, въ чистѣ полѣ, а зовутъ его Ивашкомъ, прозвище Бѣлая Япанча: мимо его никаковъ богатырь не проѣждивалъ, ни звѣрь не прорыскивалъ, ни птица не пролетывала, и никаковъ человѣкъ не прохаживалъ; а ты какъ проѣхалъ?« И говоритъ ему Еруслонъ: »Язъ, государь, не вѣдалъ, что твой человѣкъ, и я его убилъ.« И тутъ царь Далматъ убоялся: »когда де онъ такого богатыря убилъ, и онъ де царствомъ моимъ завладѣетъ.« И сталъ царь Далматъ кручиновать: »а не на то де онъ пріѣхалъ ко мнѣ во царство, что ему служить; но на то онъ пріѣхалъ, что ему царствомъ завладѣть моимъ.« И велѣлъ Еруслона чтити честію великою, и кормить, и поить своимъ царскимъ питіемъ доволно. И узналъ Еруслонъ Лазаревичь, что его царь убоялся; и осѣдла коня своего, и вшедъ въ каменную полату, образу Божію молитца, и съ царемъ Далматомъ прощаетца, и поѣхалъ Еруслонъ изъ града вонъ; и царь возрадовался радостію великою, что Богъ избавилъ Еруслона, и повелѣ градныя врата затворити и утвердити, чтобы Еруслонъ назадъ не воротился и царства бы нашего не поплѣнилъ. И поѣхалъ Еруслонъ Лазаревичь ко граду Дербию, къ царю Варѳоломѣю поклонитися, а хощетъ видѣти прекрасную царевну Настасію Варѳоломѣевну, что онъ слышалъ про ея красоту; а въ тѣ поры Еруслонъ Лазаревичь осми лѣтъ на девятомъ году. Поѣдетъ мѣсяцъ, и другой, и третей, а самъ себѣ подумалъ: »поѣхалъ де я въ дальную страну, не простясь ни со отцемъ, ни съ матерью; а естьли мнѣ слюбитца прекрасная царевна, и я на ней женюся: а у отца своего и у матери не благословился!« И поѣхалъ Еруслонъ Лазаревичь въ Картаусову царству, ажно Картаусово царство пусто: поплѣнено, и огнемъ пожьжено, и мхомъ поросло; лишь только одна хижинка стоитъ, а въ хижинкѣ старъ человѣкъ объ одномъ глазѣ. И Еруслонъ Лазаревичь вшелъ въ хижину, образу Божію молитца, старику поклоняетца; и говоритъ Еруслонъ Лазаревичь: »Брате старъ человѣкъ! Гдѣ сіе царство дѣвалось, и кто плѣнилъ?« И говоритъ ему старъ человѣкъ: »Господине воинъ! откуда ѣдешь и ка́къ тебя по имени зовутъ?« И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичь. »Ка́къ вы, старикъ, меня не знаешь? Язъ здѣшнаго царства, сынъ князя Лазаря Лазаревича, а мати у меня Епистимія, а меня зовутъ Еруслономъ.« И тутъ старикъ со слезами палъ на землю, и говоритъ ему: »Государь Еруслонъ Лазаревичь! Послѣ твоего отъѣзду немного времяни минуло, пришедъ подъ наше царство князь Данило-Бѣлой, собралъ войска 120,000, и пришелъ, наше царство поплѣнилъ, и огнемъ пожегъ, и ратныхъ людей побилъ, храбрыхъ витязей 80,000, а честныхъ людей 300,800, а поповъ и черницовъ собралъ на полѣ и огнемъ пожегъ 472, а младенцовъ прибилъ 11,000, а женъ 14,000, а царя Картауса и отца твоего князя Лазаря Лазаревича и 12 богатырей въ полонъ взялъ, и звезъ во свою землю; а язъ единъ пролежалъ въ трупу человѣческомъ, а лежалъ 9 дней и 9 нощей.« И встаетъ Еруслонъ Лазаревичь образу Божію молитца, и съ старикомъ прощаетца; и поѣхалъ къ царству князя Данила Бѣлаго; а въ тѣ поры Еруслонъ Лазаревичь десяти лѣтъ и трехъ мѣсяцей. И поѣхалъ до царства въ полудное время, никто не слыхалъ и не видалъ, толко видѣли

а по имени меня зовутъ Рослонеемъ; а приходилъ я подъ сіе царство 12 лѣтъ, по единожды на годъ; а брань у меня за то съ царемъ была: отецъ мой, Прохоръ царь, сосваталъ за меня невѣсту изъ того царства въ пеленахъ, а отъ рожденія мнѣ двадцать лѣтъ; а ты, Еруслонъ Лазаревичь, далече ли ты ѣдешь?« — »Язъ ѣду въ задонскую орду, въ то же царство, къ тому же царю, и хощу его предъ собою мертва видѣти.« И говоритъ ему богатырская голова: »Не видить его предъ собою мертва, хощешь отъ него самъ умрети.« И язъ былъ человѣкъ, да и богатыри многіе меня, цари и князи восточные и западные знали, не только меня боялись, но и имени моего страшились; а какъ мати меня породила, и я былъ полторы сажени человѣческія, а толстота моя была въ объемъ человѣку; и какъ я былъ лѣтъ 3, и у меня въ чистѣ полѣ ни звѣрь не прорыскивалъ, и никаковъ человѣкъ не прохаживалъ, и никаковъ богатырь противъ меня не ставалъ; а нынѣ мнѣ 20 лѣтъ. Ты самъ видишь, возрастъ мой каковъ: (1) стояти. И тотъ царь силенъ велми: и войска у него много, и мечь его не сѣчетъ, и сабля его неиметъ, на водѣ онъ не тонетъ, а на огнѣ не горитъ.« И поѣхалъ Еруслонъ Лазаревичь въ задонскую орду, въ Штютенъ градъ, къ волному царю, къ Огненному-щиту, къ пламенному копью. И какъ пріѣхалъ въ задонскую орду ко царю, и пришелъ въ полату, образу Божію молитца, царю покланяетца, и говоритъ ему царь: »Откуды ѣздишь, человѣче, и какова отца сынъ?« И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичь: »Язъ ѣду отъ Картаусова царства, отца князя Лазаря Лазаревича, ищу себѣ ласковаго государя, гдѣ бы мнѣ послужить.... (2) износить и добра коня изъѣздить, сладкаго медку испить и молодость свою потѣшить.... (3) пожаловалъ свыше.... (1) всѣхъ 12 богатырей. И служитъ ему Еруслонъ Лазаревичь полгодичное время. И поѣхалъ Еруслонъ Лазаревичь на потѣху; и какъ будутъ оба на веселіе, и близко трупу человѣческа, и Еруслонъ Лазаревичь зговоритъ волному царю, Огненному-щиту, пламенному копью: »Государь царь и великій князь! Ѣхалъ я къ тебѣ и видялъ я рать силу побитую, много трупу человѣческаго; а въ той ратѣ лежитъ живъ человѣкъ: тѣло его аки великая гора, а глава у него аки великая бугра.« И тутъ царь отъ печали воздохнувъ, и палъ на землю, и говоритъ царь: »Та глава лежитъ на плечѣ моемъ, а подъ тою главою есть мечь, и всяко его язъ добывалъ, и не могъ добыти, а опричь того мѣча никаковъ мечь не сѣчетъ меня и не иметъ: на огнѣ я не горю, на водѣ не тону, а того меча велми боюся, какъ бы я того богатыря не убилъ, и мнѣ бы самому убиту отъ него быти.« И говоритъ Еруслонъ Лазаревичь: »Государь волной царь пламенное копье! Пожалуй меня, холопа своего: язъ тебѣ тотъ мечь добуду.« И говоритъ ему волной царь: »Еруслонъ Лазаревичь! Какъ ты мнѣ ту службу сослужишь, и я тебя пожалую паче всѣхъ ближнихъ своихъ пріятелей; а толко ты похвалился такимъ словомъ, да не сослужишь, и ты у меня не уйдешь никуды, ни водою, ни землею.« И поклонился ему Еруслонъ Лазаревичь, и сѣлъ на свой доброй конь, и поѣхалъ къ богатырской головѣ; и какъ будетъ у нея, и говоритъ ей Еруслонъ Лазаревичь: »О государыни богатырская голова! Надѣючись на твое великое жалованье и милосердіе: хотѣла ты изъ подъ себя мечь свободить мнѣ, и язъ предъ царемъ похвалился, и царь мнѣ такъ сказалъ: толко де Еруслонъ не добудешь того меча, и ты де у меня не можешь нигдѣ укрытися и утьти, ни водою, ни землею.« И слѣзши Еруслонъ Лазаревичь своего добра коня, и

(1) Здѣсь въ рукописи вырвано; въ лубочномъ изданіи это мѣсто читается такъ: »и тѣло мое 10 сажень, промежь плечъ 2 сажени, да между очей моихъ калена стрѣла умѣщается, а голова у меня какъ пивной котелъ, руки у меня 3 сажени, да и тутъ я не могъ биться и противъ его...«

(2) Въ рукописи здѣсь вырвано; въ лубочномъ изданіи слѣдуетъ »красныя порты.«

(3) Въ рукописи вырвано; въ лубочномъ изданіи слѣдуетъ: »Тогда молвилъ ему царь: »Еруслонъ Лазаревичь, поѣзжай ко мнѣ въ градъ, въ царствѣ моемъ люди надобны.« Тогда поѣхалъ Еруслонъ во градъ за царемъ, и пріѣхалъ туда.«

(1) Въ рукописи вырвано; въ лубочномъ изданіи: пожаловалъ его ніже своихъ 12 богатырей.

ударился о сыру землю, и говоритъ: »О государыни богатырская голова! Не дай напрасной смерти, дай животъ!« И богатырская голова съ мѣста содвигнулась, и Еруслонъ Лазаревичь вземъ мечь и поѣхалъ; а самъ себѣ подумалъ: »Господи Боже, Спасъ милостивы! Доселѣ азъ царей устрашалъ, богатырей побивалъ, а нынѣ язъ со слезами богатырской головѣ поклонился!« И богатырская глава крикнула громкимъ голосомъ, и Еруслонъ Лазаревичь узналъ свою вину и воротился, и слѣзъ съ добра коня, и палъ на сыру землю, и говоритъ: »Богатырская голова! виноватъ я предъ тобою, что посмѣшилъ таковое слово!« И зговоритъ ему богатырская голова: »Богъ тя проститъ, Еруслонъ Лазаревичь, въ томъ словѣ, что дерзнулъ со млада ума! Не всѣмъ ты завладѣешь, что мечь взялъ: можешь и съ мечемъ быти мертвъ; тако добра хощу. Како ты, Еруслонъ Лазаревичь, пріѣдешь въ Штютенъ градъ къ волному царю, къ Огненному-щиту, къ пламенному копью, и какъ увидитъ тя, и не усидитъ на престолѣ своемъ, кинетъ жезлъ свой, и стрѣтитъ тя, учнетъ тебѣ говорить, и много добра сулить; и ты, Еруслонъ Лазаревичь, послушай меня: и ударь его по главѣ однажды; и какъ ты его ударишь, и буде онъ тебѣ велитъ себя и вдругорядь ударить, и ты его не бей: и аще онъ съ того удару оживетъ, и онъ тебя убьетъ.« И Еруслонъ Лазаревичь поклонился ей, и поѣхалъ ко граду; и какъ въѣхалъ на царевъ дворъ, а мечь несетъ на плечѣ. И увидялъ его царь, скочилъ съ престола своего, и кинулъ жезлъ свой, и побѣжалъ встрѣчать Еруслона; и говоритъ ему царь: »Исполать тебѣ, Еруслонъ Лазаревичь! Какова тебя сказывали, таковъ ты и есть. За ту тебѣ службу мѣсто у меня тебѣ первое подлѣ меня, а другое противъ меня, а третіе гдѣ тебѣ любо; казна у меня тебѣ не затворена, а послѣ смерти царствомъ моимъ владѣй.« И протянулъ царь руку, и хотѣлъ приняти; и Еруслонъ Лазаревичь ударилъ царя по главѣ, и разсѣкъ его надвое; и говоритъ ему царь: »Ударь меня, Еруслонъ, и вдругорядь.« И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичь: »Ударилъ я тебя по главѣ, и разсѣкъ пополамъ, и ты не горазно говоришь: богатырь единожды сѣчетъ.« И кинулись къ нему, и хотѣли его поимать, и взять, и посадить въ темницу; и Еруслонъ взялъ въ руку мечь, а въ другую полцаря, и поворотился кругомъ, и убилъ князей, и бояръ, и богатырей сорокъ человѣкъ. И зговорятъ ему князя и бояра и градцкіе люди: »Государь Еруслонъ Лазаревичь! Смирися, престани битися! Не для ради мы того къ тебѣ кинулись, что дратися: чтобы ты былъ у насъ царь.« И говоритъ имъ Еруслонъ: »Выбирайте вы царя промежь собою иного, а язъ вамъ не царь.« И учалъ Еруслонъ изъ царя желчь вынимать, и въ саеьянныя сумки класть; и сѣлъ Еруслонъ на свой доброй конь, и поѣхалъ изъ града вонъ; и въ тѣ поры Еруслону минуло 11 лѣтъ. И пріѣхалъ Еруслонъ къ богатырской главѣ, и вынялъ изъ сумокъ царьской желчь, и помаза богатыря Рохлея: (¹) и тутъ Рохлей живъ сталъ, и съ Еруслононъ поцѣловались, и назвались другъ друга братомъ, и Рохлей богатырь поѣхалъ въ задонской градъ, по благословенію отца своего женитца волного царя на дщери Понаріи царевны, царствовати въ Штютенъ градъ; и Еруслонъ поѣхалъ ко князю Данилу Бѣлому въ царство. И ѣхалъ Еруслонъ годъ времяни, и въѣхалъ во градъ ночью; никто его не слыхалъ и не видалъ; и пріѣхалъ къ темницѣ, ажно у темницы стражей всѣхъ прибилъ, и ударилъ въ темничныя двери, и вышибъ вонъ. И вшедъ темницу, и говоритъ Еруслонъ Лазаревичь: »Многолѣтное здравіе царю Картаусу, и государю моему батюшку, князю Лазаревичю съ двумя надесяти богатырями!« И говоритъ ему царь Картаусъ: »Человѣче, отъиди прочь отъ насъ, не пролыгайся!« И говоритъ имъ Еруслонъ Лазаревичь: »Язъ, государь, не пролыгаюся; куды вы меня послали, и я вамъ ту службу сослужилъ, и желчь изъ него вынялъ.« И зговоритъ ему царь Картаусъ: »Человѣче! коли ты Еруслонъ называешися, и службу нашу сослужилъ, волнаго ца-

(¹) Выше: Росланея.

ря убилъ, и изъ него желчь вынялъ, — и ты тою желчію помажь намъ очи, и мы свѣтъ Божій увидимъ, и тебя Еруслона увидимъ, и вѣру тебѣ поимемъ.« И Еруслонъ царю очи помазалъ, и отцу своему князю Лазарю Лазаревичу, и двоюнадесяти богатырями очи помазалъ: и они свѣтъ Божій узрѣли, и Еруслона увидѣли, и возрадовались радостію великою. И какъ утренняя заря займетца, и Еруслонъ вышелъ изъ темницы вонъ, и садился на своего добраго коня, и поѣхалъ по граду. И не ясенъ соколъ напущаетца на гуси и на лебяди, напущаетъ Еруслонъ Лазаревичь на мурзы и на татары: прибилъ, и присѣкъ, и конемъ притопталъ мурзъ и татаръ 170,000, а черныхъ людей и младенцовъ въ девять лѣтъ въ крещеную вѣру привелъ, и крестъ цѣловати (велѣлъ?) за царя Картауса, а свою имъ татарскую велѣлъ проклинать; и велѣлъ бити челомъ царю Картаусу, а князь Лазарь Лазаревичь княземъ былъ, а двакадесять багатырми быть; а князя Данила Бѣлого поимавъ, сослалъ въ монастырь, и велѣлъ пострищи, и далъ ему наказаніе; а за тое его убилъ, что онъ мать его убилъ, княгиню Епистимію. И покушалъ Еруслонъ хлѣбца у царя маленко Картоуса, и простился съ царемъ, и со отцемъ своимъ, и съ богатырми, и со всѣми людми, и всѣлъ на свой доброй конь, и поѣхалъ изъ царства вонъ; выслалъ царь Картаусъ и отецъ его князь Лазарь, много слезами унимали: живи ты у насъ — прочь не отъѣжжай. И Еруслонъ поклонился царю Картаусу, и со отцемъ своимъ простился, и поѣх(ал)ъ ко граду Дербию, ко царю Варѳоломѣю: а хощетъ видѣти прекрасную царевну Настасію Варѳоломѣевну; а въ тѣ поры Еруслону минуло двѣнатцать лѣтъ. И ѣдетъ мѣсяцъ, и другой, и третей, и доѣхалъ Еруслонъ до царства Варѳоломѣева; ажно подъ тѣмъ царствомъ езеро велико, а въ томъ езерѣ лютое чюдо о трехъ головахъ, на всякъ день выходитъ на берегъ, и поѣдаетъ многія люди; а царь Варѳоломѣй велитъ на всякъ день кличь кликать, чтобы Богъ послалъ такого человѣка, кой бы въ езерѣ чюдо извелъ, а язъ бы ему много далъ городовъ, и казны доволно ему, и коней добрыхъ, и людей ему на службу, сколко ему надобно. И въѣхалъ Еруслонъ во градъ, и сталъ на дворѣ у вдовы; и услышалъ Еруслонъ кличь царь (царевъ?) что много чюдо людей поѣдаетъ. И сѣлъ Еруслонъ на свой доброй конь, и поѣхалъ къ езеру; и услышало чюдо, что пріѣхалъ Еруслонъ, и выскочило вонъ; конь испугался, палъ на окарачки, и Еруслонъ свалился своего добра коня на землю; и хватило его чюдо, и поволокло во езеро. Еруслонъ ухватилъ мечь свой, а доброй конь его остался на брегу; и влѣзъ Еруслонъ чюду на спину, и отсѣкъ Еруслонъ у чюда двѣ головы, и хощетъ третьюю голову отсѣчь; и возмолилось чюдо: »Государь Еруслонъ Лазаревичь! не дай смерти, дай животъ! По сей день изъ езера не выйду, и людей ѣсть не стану, а стану ѣсть рыбу, и тину, и траву болотную, а тебѣ дамъ подарокъ велій: есть у меня камень самоцвѣтной, и язъ тебѣ отдамъ.« И говоритъ Еруслонъ: »Чюдо, аще ты мнѣ камень отдашь, язъ тебя спущу жива.« И пошло чюдо во езеро, а Еруслонъ же на немъ сѣдѣлъ; и взялъ у чюда камень самоцвѣтной, и велѣлъ вынести изъ езера на брегъ; и Еруслонъ снялъ съ чюда третію голову, и сѣлъ на свой доброй конь, и поѣхалъ во градъ Дербию, ажно встрѣчаетъ его царь Варѳоломѣй въ воротахъ градныхъ; и Еруслонъ Лазаревичь не доѣзжаючи царя, слазитъ своего добра коня, бьетъ челомъ о сыру землю: »Многолѣтное здравіе государю царю Варѳоломѣю! Многолѣтствуй, государь, во своемъ царствѣ, съ князи, и съ боляры, и со всѣми христіаны на многія лѣта! Избылъ еси своего града губителя.« И зговоритъ ему царь Варѳоломѣй, и всѣ возрадовались радостію великою, и емлетъ Еруслона за рука за правую, и цѣлуетъ его во уста сахарныя, а самъ зговоритъ таково слово: »Вѣдаю язъ, Божій человѣкъ, не хотя Господь смерти грѣшникомъ, хотя нашъ градъ отъ таковаго губителя спасти, посланно по губителя тобою храбрымъ воиномъ; и какъ тебя зовутъ по имени, и откуда тебя сюды Богъ занесъ, и какого отца сынъ и матери?« И зговоритъ Еруслонъ: »Государь

царь Варѳоломѣй! Язъ, государь, ѣжду отъ Картоусова царства, а отъ отца сынъ князя Лазаря Лазаревича, а мати у меня Епистимія, а меня зовутъ Еруслономъ; а гулялъ язъ, государь, въ чистомъ полѣ.« И царь о немъ наипаче возрадовался, что Богъ ему подалъ такого человѣка храбраго; и архіепископъ того града со всѣмъ соборомъ, и со кресты, и со иконами стречали съ князи, и съ боляры, и со всѣми своими православными христіаны, поклоняетца весь міръ, и малыя младенцы возыграли, и стари возтрепсталисъ; и бысть во градѣ радость великая. И царь Варѳоломѣй на радости и пиры сотворилъ многія и великія, и созвалъ князей, и бояръ, и всякихъ чиновъ людей, съ женами и съ дѣтми, а Еруслона взялъ за руку, и повелъ къ себѣ въ полаты, и посадилъ у жреца мѣсто ему подлѣ себя, и сталъ ему говорить: »Государь Еруслонъ Лазаревичь! Буди воля твоя, живи ты у меня во царствѣ, и ешли ты городы, и съ пригородками, и съ красными селами; мѣсто тебѣ подлѣ меня, а другое противъ меня, а третіе мѣсто, гдѣ тебѣ любо; казна тебѣ у меня не затворена: ешли себѣ злата и сребра, и скатнаго жемчюга, и каменія драгаго, сколко тебѣ надобно; и поизволишь жинитися, и язъ дамъ за тебя дочь свою Пастасью прекрасную, а приданого дамъ половину царства.« И какъ Еруслонъ будетъ сѣдячи за столомъ на веселіе, и зговоритъ ему Еруслонъ Лазаревичь: »Государь царь Варѳоломѣй, покажи ми дочь свою.« И царь Варѳоломей велѣлъ итьти въ полату къ дочери своей, прекрасной Настасіѣ Варѳоломѣевнѣ; и Еруслонъ всталъ изъ-за стола, и вшедъ въ полату, образу Божію поклоняетца, и царевна поднесла ему разныя питья царскія; Еруслонъ испивъ у царевны, и пошелъ вонъ изъ полаты, и учалъ говорить: »Государь царь Варѳоломѣй! хощу женитися, и понялъ за себя дочь твою Настасію.« И о томъ царь Варѳоломѣй возвеселился, и далъ за него дщерь свою Настасію Варѳоломѣевну, и легъ съ нею опочевать, и учалъ себѣ любить ея, спрашивать: »Милая моя царевна Настасія Варѳоломѣевна! Есть ли на семъ свѣтѣ тебя краше, а меня храбрѣе?« Что зговоритъ ему царевна Настасія: »Государь Еруслонъ Лазаревичь! Нѣтъ тебя храбрѣе: ты, государь, князя Ивана руского-багатыря побилъ; ты, государь, князя Данила-Бѣлаго побилъ, и царьство его поплѣнилъ; ты, государь, Ивашка Бѣлую-япанчу убилъ; ты индѣйскаго царя устрашилъ; ты, государь, волнаго царя Огненнаго-щита, поломяного копья, убилъ; ты, государь, оживилъ Рохлѣя багатыря, ты, государь, отца своего воскресилъ, и змія убилъ. Язъ, государь, что́ за красна! Какъ есть, государь, въ дѣвичьѣ царствѣ, въ солнышномъ градѣ, царевна Понарія, сама царствомъ владѣетъ: иная, государь, коя предъ нею стоитъ день и нощь, и та государь меня вдесятеро краше.« И поутру вставъ Еруслонъ Лазаревичь рано, и даетъ женѣ своей царевнѣ Настасіѣ Варѳоломѣевнѣ камень самоцвѣтной, и зговоритъ ей: »Милая моя царевна Настасія! И толко ты родишь сына, и ты ему вдѣлай въ перстень; а толко родишь дочерь, дай въ приданое.» А самъ пошелъ ко царю въ палату, и учалъ съ нимъ питія пити, и веселитися; и какъ будутъ оба на веселіе, и Еруслонъ вставъ изъ-за стола, образу Божію поклоняетца, и царю бьетъ челомъ, и съ женою простился; и сѣлъ на свой добрый конь, и поѣхалъ къ дѣвичью царству, къ солнышному граду, видѣти прекрасную царевну Панарію. И ѣхалъ Еруслонъ полгода времяни, и доѣхалъ до дѣвичья царства, до солнышнаго града, и въѣхалъ во градъ, слѣзъ своего добраго коня, и пошелъ къ царевнѣ въ полату. И узрѣла царевна такова воина, и возрадовалась, и учала ему бити челомъ: »Государь Еруслонъ Лазаревичь! Владѣй ты моимъ царствомъ и людми; и вся казна, и добрые люди, и кони, и я сама предъ тобою; а воинскихъ людей у меня 7(000), и черныхъ людей 300,000: владѣй.« Еруслонъ Лазаревичь смотрячи на красоту ея, съ умомъ смѣшался, и забылъ свой первой бракъ; и взялъ ея за руку за правую, и цѣловалъ ея во уста сахарныя, и прижималъ ея къ сердцу ретивому, и назвалъ ея женою, а она его мужемъ назвала; и учали себѣ жить, а царь-

ствомъ владѣти. А Настасія Варѳоломѣевна безъ него родила сына, и нарече во святомъ крещеніи имя ему Иванъ, а прозвище Еруслонъ Еруслоновичь: глаза у него какъ питы чаши, а лицемъ румянъ, а собою ростъ. И живетъ Настасія Варѳоломѣевна безъ Еруслона пять лѣтъ, по вся дни лице свое умываетъ слезами, ждучи своего мужа Еруслона Лазаревича; и какъ будетъ Еруслонъ Еруслоновичь пяти лѣтъ на шестомъ, и учалъ ходить во дворъ къ дѣдушку своему царю Варѳоломѣю, и учалъ шутить шутки съ княженецкими дѣтми и боярскими, и съ гостиными: кого хватитъ за руку — у того рука прочь, кого хватитъ за голову — и голова прочь; и ту граждана не залюбили. Еруслонъ Еруслоновичь узналъ, что его граждане не возлюбили, и пришелъ къ матери своей Настасіѣ Варѳоломѣевнѣ и учалъ говорить: »Государыни, матушка Настасѣя Варѳоломѣевна! Куды поѣхалъ государь мой батюшко?« И зговоритъ Настасѣя: »Дитятко мое милое, Еруслонъ Еруслоновичь! поѣхалъ твой батюшко къ дѣвичью царьству, къ солнышному граду.« Еруслонъ сѣдлалъ своего добраго коня и поѣхалъ отца своего искать. И какъ будетъ Еруслонъ Еруслоновичь подъ царствомъ дѣвичьимъ, и скрычитъ громко голосомъ; и отецъ его Еру(слонъ) съ постели спрянулъ, и зговоритъ: »Милая моя Понарія царевна! Не бывали ли кто прежь сего подъ симъ царствомъ, и не сватывался ли кто къ тебѣ?» И говорить ему Панарія царевна: »Государь Еруслонъ Лазаревичь! Не бывалъ нихто прежь тебя.« И сговоритъ Еруслонъ: »Слышу язъ, что есть подъ моимъ царствомъ богатырь; и я поѣду, убью его.« И выѣхалъ Еруслонъ въ чистое поле. Какъ съѣзжаютца два силныя богатыри — Еруслонъ Лазаревичь ударилъ сына своего противъ сердца ретиваго, и мало его изъ сѣдла вонъ не вышыбъ; и Еруслонъ Еруслоновичь ударилъ отца своего противъ сердца ретиваго и ухватилъ Еруслонъ Еруслоновичь копье рукою правою у отца своего, и возсіялъ на рукѣ перстенъ, а въ перстни камень самоцвѣтной. И увидалъ Еруслонъ Лазаревичь у сына своего златъ перстень, а въ перстни (камень) самоцвѣтной, и учалъ спрашивать сына своего: »Чье дѣтище молодое, и откуду ѣздишь, и какова отца сынъ, и какъ тебя зовутъ по имени?« И зговоритъ сынъ его: »Государь храбрый воинъ! Язъ ѣду отъ града Дербіи, отъ царя Варѳоломѣя, а отецъ у меня былъ Еруслонъ Лазаревичь, а мати Настасія Варѳоломѣевна, а отца своего въ лице не знаю; а поѣхалъ отъ матери своей гулять къ дѣвичью царству.« И Еруслонъ Лазаревичь бралъ его за руку за правую, и цѣловалъ его во уста сахарныя, а называлъ его сыномъ; и садились онѣ на своѣ добрыя кони, и поѣхали ко Дербію граду, къ Варѳоломѣеву царству, и (у)чалъ Еруслонъ сына своего спрашивать о отцѣ своемъ царѣ Варѳоломѣѣ о здравіи, и о матери его, а объ своей женѣ, и о царствѣ, и о людѣхъ: не прихаживалъ ли хто безъ меня подъ наше царство, и не побивалъ ли кто людей въ царствѣ нашемъ? Я бы ему влилъ кровь поротиво (?) крови. И говоритъ ему сынъ его Еруслонъ Еруслоновичь: »Государь мой батюшко, Еруслонъ Лазаревичь! Дѣдушко при старостѣ не можетъ, а мати моя въ печалѣхъ велико, что тебя къ себѣ дождатися не можетъ; а подъ царствомъ нашимъ не бывалъ нихто.« И ѣхалъ, ѣхалъ Еруслонъ полгода времяни, и пріѣхалъ подъ царство Дербію-градъ, ажно во градѣ плачь и сѣтованіе великое: преставися у нихъ царь Варѳоломѣй. И въѣхали они во градъ Дербію; граждане того града ихъ опознали, что ѣдетъ Еруслонъ и (съ) сыномъ своимъ Еруслономъ Еруслоновичемъ, и людіе Дербія града поклонились: »Многолѣтное здравіе государю Еруслону Лазаревичю и (съ) сыномъ своимъ Еруслономъ Еруслоновичемъ! Здравствуй, Государь на Дербі(ѣ) принялъ (прими?) вѣнецъ царскій, и порфиру царскую, и градъ Дербіи, и орду сію, и мы о тебѣ станемъ радоватись, а царя Варѳо(ломѣя) поминати.« И въѣхалъ Еруслонъ на дворъ свой, и выскочила противо его стрѣчати прекрасная царевна Настасія Варѳоломѣевна, и низко мужу своему поклоняетца Еруслону Лазаревичю, и говоритъ таково слово: »Солнце мое равитцкое! Откуду

взошло и меня обогрѣло? Отколѣ мя свѣтъ освѣтилъ, и отколя зоря возсіяла?« И обняла его, и взяла за руку, и цѣловала его во уста сахарныя, и прижимала его къ своему сердцу ретивому, и повела его въ хоромы царскія, и всѣ князи, и боляра, и гости торговые, и черные люди Еруслону возрадовались. Еруслону слава не минуетца отнынѣ и до вѣка. Аминь.

СКАЗКА

О ЦАРѢ ДАРІАНѢ.

О ЦАРѢ ДАРІАНѢ.

(Изъ сборн. принадл. Ѳ. П. Буслаеву.)

ПОВѢСТЬ ДАВНЯ Ѡ ЦАРѢ ДАРИАНѢ. ЗѢЛО ПОЛЕЗНО.

Во времена нѣкая бѣ нѣки царь Дариянъ древъни, і нѣкогда же приіде ему во умъ отшествия разума гордости ради, по дъяволю дѣйству, назватися Богомъ. Сущимъ под нимъ всему сигклиту своему і повелѣ проповѣдати всѣмъ, да прозовутъ ево Богомъ. Гражане же рѣша ему: »аще возмеши горніі Іерусалимъ, идѣже істинны Богъ, сотворивы небо і землю і вся яже на нихъ, тогда прозоветъ тя Богомъ весь миръ; аще ли ни, то не подобаетъ ти зватися Богомъ; понеже бо еси царь земны і создание Божие; единъ Богъ сотворивы небо и землю, ты же яко і протчи человѣкъ....« Царь же простре свое безумие; превзыде на горшая, собрався в силе тяжцей и шедъ поплѣни Іерусалимъ, и многихъ плѣнниковъ приведе в землю свою; потомъ паки рече гражаномъ своимъ, с великимъ прещеніемъ и яростию, да зовутъ ево Богомъ: понеже плѣнилъ есть Іерусалимъ, і вся подъ рукою моею; аще не зовете мя Богомъ, да смерть предлежитъ вамъ. Царева же ради прещения, гражане убояшася і прозваша ево Богомъ. Імѣяше царь той у себя трехъ философовъ, вельми премудрыхъ, і учители всѣмъ сущимъ в земли той. Призва же іхъ царь і рече імъ поединому; первому рече: »о, мудры философе! зови мя Богомъ! Буди ты повинуяся мнѣ, яко Богу.« Рече ему философъ: »азъ бо, царю, во Аѳинѣхъ не бывалъ и мудрости не навыкохъ, но видѣлъ есть ѿ Божественнаго писания, яко бози не сотвориша небеси і земли, погибнуть; Давидъ же рече в тридесятъ третьемъ псалмѣ: »очи Господни на праведныя, і уши ево в молитву іхъ; лице же Господне на творящая злое, еже потребитъ от земли память ихъ.« Тако же і ты, царю, не точию царство, но и живущихъ в немъ; а вознесеши імя свое до небесъ, потребится і память твоя с шумомъ і до ада снидетъ.« Слышавъ же царь то, і поруганъ бысть от него, и рече другому философу: »премудры философе! буди ты мнѣ присны друкъ(гъ), зови мя Богомъ, а не таковъ яко же друкъ(гъ) твой поругася мнѣ. І рече философъ: азъ бо не вопреки тебѣ, царю, глаголю; аще зовешися Богомъ – отъиди далече от своего царства на мѣсто пусто, яко никому тя видящу, и зри же вся во царствіи своемъ благое же и злое, і воздавай комуждо по дѣломъ его; яко Богъ на небеси никимъ же видимъ есть, а яко же (вѣсть) дѣла, і словеса, и помышления, и никто же можетъ укрытися десницы ево; ты же, царю, разумѣй, яко же Давидъ рече: небо небеса Господеви, землю же дастъ сыновомъ человѣческимъ; ты же сынъ человѣчь, а не Богъ; единъ бо есть Богъ на небеси и на земли.« Видѣвъ же царь яко

поруганъ бысть і от другова философа, паче перваго, рече же царь третьему философу: »о премудры философе і звѣздоблюстителю! вѣмъ бо тя таковаго інаго нѣсть премудра, яко же ты; они бо суть, друзи твои, злѣ малоумни і досадители; ты же не буди таковъ: прозови мя Богомъ; вѣмъ бо яко послушаетъ тя вся земля! »Философъ же той на многъ часъ преклонивъ главу свою долу і слезы точяше от очию своею, яко быстрина, о погибели царевѣ. І рече ему царь: »что убо горце плачеши и что ти есть бѣда? о мудры философе! азъ ти помогу, яко азъ есть Богъ!« Рече ему философъ: »право ти глаголю, царю! имамъ корабль полонъ со имѣниемъ разбиваетъ (емъ) волнами при край моря і не имамъ помагающаго ми.« Рече же ему царь: »пошлю множесътво народа, і спасенъ будетъ корабль твой, і не будетъ тебѣ печали, токмо зови мя Богомъ.« Философъ же рече ему: »аще ли еси ты Богъ, почто людемъ труды дѣеши, но пошли вѣтръ тихъ — да послушаетъ тя море, і спасенъ будетъ корабль мой. »Видѣвъ же царь, яко поруганъ бысть от послѣдняго, паче первыхъ, і отъиде плачеся и рыдая ѡ неразуми своемъ. Видѣвши же ево царица в велицей печали і глагола ему ласкателными словесы, яко же лѣпо есть женамъ, і рече ему: »Господине мой царю! Что ти есть бѣда, да тако рыдаеши?« Онъ же рече еі все бывшее поряду, яко же поругашася ему философи. Она же рече ему: »не поругашася тебѣ, но истину глаголаша; аще ли хощеши назватися Богомъ, отдай чюжее; Богъ бо чюжего не требуетъ; Господня бо земля и концы ея.« Царь же рече ей: »азъ не имѣю ничто же чюжаго; все бо мое есть во царстви моемъ.« Царица же рече ему: »отдай душу свою Господу Богу, еже ти далъ небесны царь і тогда зовися Богомъ.« Онъ же рече еі: »да како могу зватися Богомъ, уже ми мертву сущу?« она же рече ему: »Богъ бо есть безсмертенъ; ты же аще не владѣеши своею душею, да како чюжими душами владѣти іматши? Но царь еси, а не Богъ, і всуе мятешися!« Слышавъ же царь от царицы такая словеса і приде в чювъство, яко же і первѣе былъ. Богу нашему слава нынѣ и присно, і во вѣки вѣковъ аминь.

ПОВѢСТЬ

О ДМИТРІИ КІЕВСКОМЪ КУПЦѢ

И ЕГО СЫНѢ.

ПОВѢСТЬ

О ДМИТРІѢ КІЕВСКОМЪ КУПЦѢ И ЕГО СЫНѢ.

Слово о Димитрие купцѣ, зовомомъ по ремлу Басарьгѣ, киевлянинѣ, и о мудромъ и о благоразумномъ сынѣ его отрочати добромудромъ смысле. Благослови отче.

(Румянц. Музей № 378.)

Бысть нѣкто купецъ богатъ зѣло въ руской земли во градѣ Кіевѣ, именемъ зовомъ Димитри Басарга. Ему же нѣкогда прилучися отплыти отъ славнаго Царяграда, и бысть съ нимъ рабовъ тридесять, и взя съ собою единочадаго сына своего, возрастомъ седми лѣтъ. Плоущу же ему по морю, и внезапу восташа вѣтри велицы и донесоша корабль по морю, и отбиша вся правленія корабелная, и ношашеся корабль на мори 30 дней и 30 нощей. Купецъ же Димитрей, воздѣвъ руцѣ на небо и нача молитися Богу, испусти слезныя потоки немалы и съ дѣтищемъ своимъ, и со отроки своими, и внезапу узрѣша издалеча градъ великъ. И возрадовася купецъ радостію великою, и обратиша корабль ко граду тому, и приставша ко брегу пристанища градскаго, и видѣша у пристанища того триста и тридесять кораблей стояще, и удивишася. Димитрій же купецъ рече: »Что сія корабли, безчисленно много стояще? Мню, яко земля богата стояща (?) есть и купцы въ немъ торгуютъ.« И сниде съ корабля купецъ Димитрей, и поиде во градъ, и стрѣтоша его граждане, и рекоша ему: »Откуда еси, купче, приде? коея еси вѣры?« И купецъ тако рече: »Азъ есми, господине, изъ рускія страны, вѣрую во единаго Бога Отца и Сына, и Святаго Духа«. И рекоша ему граждане: »брате купче! единоя еси вѣры съ нами рускія: толко за наше согрѣшеніе послалъ намъ Богъ царя законопреступника еллинскія вѣры, и томитъ насъ: хощетъ прилещи къ своей вѣрѣ. Видиши ли, купче, приходятъ купцы со всѣхъ странъ, хотяще торговати на семъ царствѣ, и царь имъ велитъ три загадки отгадать, и не могущимъ тѣмъ загадокъ никому отгадати, а се ихъ приводячи къ своей вѣрѣ, и сихъ ради словесъ 300 и 30 кораблей; и тѣ купцы сидятъ въ темницѣ, и заповѣдываетъ царь: не велитъ хлѣба печи на торгъ, дабы гладомъ измерли.« Купецъ же Димитри, слышавъ тако отъ гражданъ, и возвратися скоро на корабль свой, хотяше отплыти отъ града; и приде на корабль свой, ано стоятъ на кораблѣ стражи царевы, занеже законъ таковъ царевъ: каковъ придетъ корабль, и царь повелитъ стражемъ своимъ стрещи корабль, дабы не ушелъ прочь. Купецъ же Димитри взя дары великія и поиде ко царю; а царю тому имя Несмеянъ Гордяевичь. И приде купецъ Димитри, и ста предъ царемъ; и рече купецъ ко царю: »государь царь Несмеянъ Гордяевичь! купчишко пришло изъ рускія страны, чтобы ты государь дары принялъ, а торговати велѣлъ во своемъ царствѣ всякимъ товаромъ.« И рече царь купцу: »Буди, купче, обѣдати ко мнѣ, а дары у тебя пріиму.« И по време-

ни жъ купецъ пріиде обѣдати ко царю, и якоже пообѣде у царя, и рече царь купцу: »Купче, коея еси вѣры?« И купецъ рече ко царю: »азъ есмь, царю, вѣры рускія, вѣрую во единаго Бога Отца, и Сына, и Святаго Духа.« И рече царь купцу: »азъ чаялъ, купче, единоя еси со мною вѣры и единого Бога Аполона, и язъ тебѣ, купче, хотѣлъ область дати, и торговати велѣлъ во своемъ царствѣ всякимъ товаромъ, и съ проводники отпустити тя хотѣлъ во твою землю; а нынечи сказываешь про себя — не моей еси вѣры, но рускія; нынѣ жъ вѣдомо ти буди, купче: отгадай ми, купче, загадку, что́ язъ тебѣ загону; аще ли ту отгадаешь, и язъ тебѣ другую загону; аще ли другую отгадаешь, и язъ тебѣ третьюю загону; еще ли третьюю отгадаешь, и азъ тебѣ велю торговати во своемъ царстви всякимъ товаромъ, и съ дары, и съ проводники отпустити тя имамъ во твою землю. Аще ли не отгадаешь ни единыя загадки, и ты паки пребывай въ моей вѣрѣ, и язъ тебѣ воздамъ великую честь, и торговати велю всякимъ товаромъ, и съ дары и съ проводники отпустити тя имамъ въ твою землю. Аще ли загадокъ моихъ не отгадаешь, и въ вѣрѣ моей не пребываешь, вѣдомо жъ ти буди, купче, то повелю главу твою мечемъ усѣкнути, а товаръ твой велю въ казну къ себѣ взяти.« Купецъ же Димитрей ставъ на долгъ часъ, пониче лицемъ на землю, не имѣя что́ царю отвѣщати; и рече купецъ: »яко годе, царю, твоей державѣ, тако и будетъ. Дай ми, царю, сроку на три дни помыслити: въ четвертый день пріиду къ тебѣ да отгадаю загадку твою.« И царь ему даде сроку на три дни. И приде купецъ Димитрей на корабль свой плачющи и рыдающи, чая отъ царя смерти; а сынъ его играетъ на корабли, на древцѣ ѣздяще, рукою за конецъ держитъ, а другою плеткою побиваетъ, творящеся яко на конѣ скакаше, якожъ дѣтемъ подобаетъ тако игры творити. И видѣ отца своего плачюща велми и изнемогающа, и абіе дѣтище отложи игру свою, и скоро притекъ ко отцу своему; и рече дѣтище отцу своему: »Что тя вижу, отче, печална велми и изнемогающа? кое зло прилучися на семъ царстви на тя?« И рече отецъ къ сыну своему: »Чадо мое поломянное! играеши подѣтски, а отцовы печали не вѣдаешь! Не вѣси ли, чадо мое, что ми царь отвѣща смертный часъ, а отвѣту не имамъ, не вѣмъ какъ пособити.« И рече дѣтище отцу своему: »Отче! скажи ми, что́ ти царь извѣщалъ и какую рѣчь, и язъ помогу ти.« И рече отецъ къ сыну своему, воздохнувъ изъ глубины сердца своего: »Тебѣ ли помочи мнѣ, отцу своему, а ты младо отроча? Азъ и свершенъ мужъ, смысла не знаю, что́ царю отвѣщати; а ты ли хощеши что́ смыслити?« И рече дѣтище отцу своему: »Отче, скажи ми, что́ тебѣ царь извечалъ, какую рѣчь повѣдалъ тебѣ, и азъ помогу ти. Вѣдомо жъ ти буди, отче: конь на рати познавается, а милый другъ у бѣды. Отче! скажи ми, что́ тебѣ царь извѣщалъ? И рече скажи ми, младому отрочати; аще ли не скажешь мнѣ, то самъ отъ царя смерть примешь, а меня погубиши. Слышавъ же отецъ отъ сына своего такую мудрую рѣчь: се, сыну, то печаль и рыданіе имамъ: царь мнѣ велѣлъ у себя три загадки отгадати и сихъ ради трехъ загадокъ 300 и 30 купцевъ въ темцахъ терпятъ наготу и скорбь, и жажду, имени ради Христова, и заповѣдываетъ царь: не велитъ хлѣба печи на торгъ, дабы гладомъ измерли; азъ же страха ради царева взялъ на три дни строку, а въ четвертый день хощетъ царь главу мою мечемъ усѣкнути, а товаръ мой на себя взяти.« И рече сынъ отцу своему: »прости мя, отче, предъ собою глаголати, безумныхъ людей рыданіе твое, хощеши одинъ печаль свою утаити, а мнѣ, младому своему отрочати и возлюбленному сыну своему, не повѣдаешь! Азъ, отче мой, помогу ти, возверзи на Господа печаль свою, и той тя препитаетъ; молися Богу; азъ загадки отгадаю за тя«. И взявъ игру свою, и начатъ играти; отецъ же отъ сына своего малу утѣху пріимъ, и рече въ себѣ: »сынъ меня тѣшитъ, а что ему сверти младому отрочати?« И плакася всю ту три дни, и уже сматающу четвертому дню, и призвавъ купецъ сына своего, и рече къ нему: »Се, сыне, тотъ день пришелъ, коего есми просилъ у царя; что́ мнѣ велишь предъ ца-

ремъ глаголати?« И рече сынъ отцу своему: »Поидемъ, отче, предъ царя и возмемъ съ собою единого раба; воля Господня да будетъ, якожъ ему годе бысть, тако и будетъ! Буди имя Господне благословено отнынѣ и до вѣка!« Отецъ же дивися разумному отвѣту сына своего и помышляше себѣ: »Господи! что́ се будетъ?« И поиде купецъ Димитрій ко царю съ сыномъ своимъ и съ рабомъ, и ста предъ царемъ. И рече царь купцу: »се, купче, тотъ день, коего еси просилъ; отгадывай загадки мои!« И рече сынъ купцовъ: »Дай ми, царю, испить; азъ загадку отгадаю.« И рече царь дѣтищу: »Не подобаетъ тебѣ отгадывати; азъ купцу тому загадываю.« И рече дѣтище: »Азъ сего купца сынъ есми превозлюбленный, азъ за отца своего загадки отгадываю.« Царь же нальявъ чашу злату меду и дасть дѣтищу, дѣтище жъ дасть отцу своему; отецъ же, испивъ, хотя чашу отдати царю. И рече дѣтище отцу своему: »не отдавай, отче, чаши, но скрый ю въ нѣдра своя, занежъ царево даяніе не отходитъ вспять.« Отецъ же послуша сына своего, скрывъ чашу въ нѣдра своя. Царь же нальа другую чашу златую и дасть дѣтищу. Дѣтище жъ, испивъ чашу такожъ и скрывъ въ нѣдра своя, такожъ и рабу повелѣ скрыти. И рече царь: »тебѣ глаголю, дѣтище, загадку мою: много ли тово или мало отъ востоку и до западу, скажи ми?« И глагола дѣтище: »загадку твою отгадаю: тово, царю, ни мало, ни много — день съ нощію: сонце проидетъ въ кругъ небесный и отъ востоку и до западу единымъ днемъ, а нощію единою сонце проидетъ отъ сѣвера до юга; то тебѣ, царю, моя отгадка.« Удивижеся царь разумному отвѣту его, что ему добре отвѣчалъ, разумъ отвѣчалъ; и царь, нальявъ чашу злату меду, и дасть купцу и сыну его, такожъ и рабу. Дѣтище жъ повелѣ и тѣ чаши скрыти въ нѣдра своя, и рече: »царево даяніе не ходитъ вспять.« И рече царь дѣтищу: »другую ми загадку во утрешній день отгадай, а нынѣ повеселимся.« Почестивъ же царь купца и сына его, и раба́, и отпусти ихъ. На утрій день повелѣ царь собрати ипаты, и тироны, и князи, и бояре, и граждане на предивное чудо, что седми лѣтъ дѣтище царевы загадки отгадываетъ. Царь же, сѣдя за столомъ среди двора своего не престолѣ царскомъ, и пріиде купецъ съ сыномъ и съ рабомъ, и ставше предъ царемъ, и поклонистася всѣ три равно до земли. И рече имъ царь: »младый отрокъ, а разумомъ старъ и смысленъ! отгони ми сего дни другую загадку: что днемъ десятая часть въ міру убываетъ, а нощію десятая часть въ міръ прибываетъ?« И рече дѣтище ко царю: »государь царь! младыхъ отроковъ твои загадки, а сихъ ради словесъ твоихъ 300 и 30 купцовъ сѣдятъ въ темницѣ у тебя! То царю днемъ десятая часть сонцемъ воды усыхаетъ изъ моря, изъ рѣкъ, изъ озеръ, а нощію десятая часть въ міръ прибываетъ, ино та часть воды исполняется, занеже сонцу зашедшу и не сіяющу; то тебѣ царю моя другая отгадка. »Дивижеся царь тому разумному отвѣту, что ему разумно отгадалъ. И рече царь: »млады отрокъ, а разумомъ смысленъ! отгадай ми сего дни и третьюю загадку, чтобы ся язъ, поганой, не смѣялся вамъ, христіяномъ.« И рече дѣтище ко царю: »не отгадаю, царю, потому что мало у тебя людей, не передъ кѣмъ мнѣ сказати; дай мнѣ, царю, сроку на пять дней, а въ шестый день повели проповѣдникомъ кликати по всѣмъ торгомъ, дабы шли на царевъ дворъ: ипаты, и тироны, и князи, и бояря, и всякіе люди мужи, и жены, и дѣвицы, а вамъ гражаномъ добро будетъ.« И царь ему далъ сроку на пять дней и въ шестый день повелѣ проповѣдникомъ кликати по всѣмъ торгомъ, и снидеся весь градъ на царевъ дворъ. Царь же, сѣдя на престолѣ своемъ среди двора своего, держа въ рукѣ своей жезлъ, а въ другой мечь, хотя главу отсѣщи купцу, и сыну его, и рабу. И приде купецъ съ сыномъ своимъ и рабомъ на царевъ дворъ и сташа у престола царскаго, и поклонистася царю всѣ три равно до земли. И рече царь: »младый отрокъ, а разумомъ смысленъ! отгадай ми сего дни третьюю загадку, чтобы ся, поганый, не смѣялся вамъ христіяномъ.« И рече дѣтище ко царю: »ты, царю, великъ еси, сѣдиши на престолѣ своемъ высоцѣ, а язъ есми отрокъ младъ, стою у престола твоего,

и язъ тебѣ скажю, и ты молышъ не дослышалъ, и ты, царю, сьсяди со престола своего, да пусти мя, и язъ стану на престолѣ твоемъ, и дай ми одѣяніе свое и жезлъ, и мечь своима рукама, и язъ тебѣ отгадаю.« Царь же, слышавъ отъ отрюка, и ста во изступленіи ума своего, и оцѣпенѣша кости его, и соступи со престола своего, и пусти дѣтище на престолъ, и дасть ему одѣяніе свое царское сь себя, и дасть ему жезлъ и мечъ своима рукама; а рече въ себѣ царь: язъ его тѣшу, а что ему свѣсти, младому отрочати? А не вѣдаетъ, яко Богъ даетъ власть комуждо хощетъ. И дѣтище проглагола и бысть голка велика на дворѣ томъ, хотяще чюдо видѣти, что будетъ. И рече дѣтище ко царю: »повели молчати во дворѣ томъ народомъ?« И повелѣ царь молчати, и бысть тишина велія. И возопивъ отрокъ великимъ гласомъ: »ипаты, и тироны, и князи, и бояре, и вси людіе гражане, мужіе, и жены, и дѣвицы! въ котораго Бога хощете вѣровати?« И возопиша вси людіе единымъ гласомъ: »хотимъ вѣровати во святую Троицу: Отца и Сына, и святаго Духа; помози намъ!« Дѣтище жь извлекъ мечъ свой и отсѣче главу царю, и рече ему: »се ти моя третьяя отгадка, не смѣйся, поганой, намъ христіяномъ.« И бысть голка велика во дворѣ томъ. И рече дѣтище: »повелите молчати народомъ.« И бысть тишина велія и молъчаніе велико во дворѣ томъ. И рече дѣтище: »ипаты, и тироны, и князи, и боляре, и вси людіе, мужіе, и жены, и дѣвицы! кого хощете, того себѣ и царемъ поставите.« И возопиша вси людіе единымъ гласомъ, глаголюще: »ты насъ избавилъ отъ лукаваго сего мучителя, ты у насъ и царемъ буди.« И рече дѣтище: »коли есте произволили мнѣ надъ собою царемъ быти, не вашимъ произволеніемъ, но Божіимъ промысломъ строеніемъ все збысться; аще Богъ по насъ, кто на ны? и десница твоя, Господи, прославися въ крѣпости, десная ти рука сокруши, Господи, враги; аще сего гонителя не сему младому отрочати сьгонити, то како мочно зрѣти на таковое величество и горъдость, аще бы сего Господь не предалъ мнѣ? – Царь бо именуемъ есть и все царство покорено ему есть. Нынѣ жъ Господь предалъ его въ руцѣ наши, возвеличимъ Господа и прославимъ милосердіе его, давшаго намъ побѣду на враги наша, избавилъ есть Господь отца моего и мене, единочадаго сына и возлюбленнаго отцу моему, и рабъ нашихъ отъ лютаго сего мучителя и горкія смерти, и васъ милостію своею Господь посѣти, не отторгъ сущія вѣры христіянскія, но всѣмъ намъ подобаетъ славити святую Троицу, Отца, и Сына, и Святаго Духа«. И возкликнуща вси единымъ гласомъ, и съ великою радостію; а иніи отъ радости слезы испустиша великія: »о милосердіе владычне! много лѣтъ государь нашъ новый, царю Борзомыслу!« И дивишася вси великой его мудрости и младости. И рече новый царь Борзосмыслъ: »взыщите патріарха«. Они жъ ему рѣша: »государь нашъ, новый царю! патріархъ нашъ и учитель гонимъ бысть злымъ нашимъ мучителемъ, богоотступникомъ царемъ, въ заточеніи.« И повелѣ царь вскорѣ изъ заточенія патріарха выпустити, да благословится отъ него царство и пріиметъ свой престолъ, якожъ и первіе, и начнетъ люди учити закону Божію и по заповѣдемъ Божіимъ ходити. И бысть радость велія во царствѣ томъ, и дивишася вси разуму и словеси его. Они же съ радостію, князи, и бояре, и воеводы, послаша множество посланниковъ, и взысташа патріарха въ заключеніи, и сказаша все по ряду патріарху, иже содѣяшася во царствіи томъ, и какъ по него послалъ новый царь Борзосмыслъ. Патріархъ же, слышавъ то, прослезися, и руцѣ воздѣвъ на небо, и рече: »владыко, что воздамъ милосердію твоему, иже намъ даровалъ еси, въ послѣдняя лѣта наша? не предалъ еси насъ въ руцѣ беззаконному царю, и избавилъ еси царство и люди отъ горкаго сего мучителя!« И поиде патріархъ съ радостію великою съ посланными по царству, и возвѣстиша цареви приходъ патріаршій. Царь же повелѣ всему царству стрѣтити патріарха съ великою честію, со кресты и со иконами, и со священники, и клиросы, и со ипаты, и съ тироны, и съ князи, и съ бояры, мужи и жены, стари и велицы, и

вси стрѣтоша патріарха, и не обрѣсти такова человѣка, еже не плачющася, но вси плачющеся отъ радости великія. Патріархъ же поклонися новому царю Борзосмыслу: »тебѣ повелѣ Господь царствовати.« И поклонися предъ нимъ, и весь градъ слезами исполнися отъ великія радости: »много лѣтъ государю нашему новому царю Борзосмыслу! Тебя послалъ Господь избавити насъ и градъ нашъ отъ горкаго сего мучителя!« И дивися патріархъ возрасту и смыслу его, и вниде патріархъ въ церковь, и сотвори молитву, якоже подобаетъ патріархомъ, и постави на немъ рогъ масла древянного, и возлилѣ на немъ рогъ, и благослови его патріархъ на царство. И людіе вси возкликнуша, отъ мала и до велика: »много лѣтъ государю нашему, новому царю, Богомъ вѣнчанному, Борзосмыслу Димитріевичю!« Царь же сотвори въ тотъ день пиршество веліе, и возва патріарха, и все множество людей, ипаты, и тироны, и князи, и боляре. И повелѣ царь привести царицу прежняго царя, и рече ей царь: »есть ли у тебя сынъ или дочь?« И рече царица: »нѣсть у меня сына, лише, о царю, дочь осми лѣтъ, красна и мудра велми.« И рече ей царь: »въ котораго Бога хощете вѣровати?« И рече ему царица: »дай ми, царю, на седмь дней сроку, во осмый же день пріиду къ тебѣ и скажю тебѣ.« Царь же даде ей на седмь дней сроку. И пріиде во осмый день царица и со дщерію своею. И рече царица: »хощу вѣровати Богу твоему.« Царь же повелѣ патріарху крестити царицу и со дщерію ея. И вскорѣ вѣнчася царь съ тою дѣвицею, и бысть радость паче во царствіи томъ велія; и повелѣ царь привести купцовъ тѣхъ изъ темницъ. И приведенымъ же имъ бывшимъ предъ царя, и зря на нихъ царь, и удивися: быша убо лица ихъ аки земля, тѣло же ихъ прилпе къ костемъ ихъ, власы ихъ обростоша, до раму брады ихъ, яко стрѣлы по персемъ лежаща, отъ гладу и отъ наготы, и ризы ихъ распадошася. И восплакася царь, на нихъ смотрячи, и учреди ихъ царь у себя по 3 дни, и раздавъ имъ имѣнія ихъ, и отпусти ихъ кождо во свою страну съ миромъ Купцы же поидоша кождо во свои страны, славяще Бога и его пречистую Богоматерь и моляще Бога за царя Добросмысла Дмитреевича. Повелѣ же царь отъ темницъ замки снять отъ всѣхъ, а сѣдящая въ темницахъ и въ заточеніяхъ, и во узахъ желѣзныхъ, повелѣ царь всѣхъ свободити и милостину имъ далъ доволну, и свободи всѣхъ. И рече царь отцу своему Димитрію: »отче мой милый! избавилъ насъ Богъ и пречистая его Богоматерь отъ напрасныя смерти; возпріимемъ, отче мой, умиленіе и слезы о избавленіи душъ нашихъ въ день страшнаго судища Христова, яко да избавитъ насъ Господь геоны огненыя, и возпріими во царствіи моемъ боярство, и поболи доволно о мирѣ всего міра, и о благосостояніи святыхъ Божіихъ церквей, чтобы намъ Господь подалъ свыше побѣду на вся видимыя и невидимыя враги наша супротивныя, и возвысилъ бы Господь десницу нашу надъ бусорманы.« И разославъ царь гонцы во всѣ окрестныя царства съ листы, чтобы въ его царство со всѣхъ странъ и изо всѣхъ государствъ ѣхали купцы на караблехъ со всякими товары да торгуютъ въ его царствѣ безо всякія пакости и прекословія всякими своими товары. И отпусти отца своего во свою землю, и розсказавъ женѣ своей и сродникомъ о избавленіи смерти своей и сына своего, и вся бывшая по ряду, и какъ сынъ ихъ Добросмыслъ Дмитріевичъ царство правитъ. Мати жъ его, слышавъ сія, наполнися радостію великою, и собра весь родъ свой, и поиде во царство сына своего Добросмысла Димитріевича, славящи Бога и пречистую его Богоматерь. И приде отецъ царевъ Добросмысловъ Димитрій Басарга въ царство сына своего, и ста на пристанищѣ морстемъ; и гражане сказаша царю Добросмыслу, что приде отецъ его, и мати, и сродники ко граду, и ста на пристанищѣ морстемъ. Царь же обрадовася отцову приходу, и матери своей, и сродникомъ, и учини имъ стрѣчю съ великою честію; самъ же царь Добросмыслъ встрѣте отца своего и матерь, и сродникъ, у полатъ своихъ во дворѣ царскомъ, и бысть радость велія и бракъ честенъ. И начаша же купцы многія во царство

его приходити на кораблехъ со многими товары, и вся суть учинишася во царстви его доволно, и обогатѣ царство его велми многими узорочьи и дорогими, и златомъ, и сребромъ, и жемъчюгомъ, и каменіемъ многоцѣннымъ доволно. И нача царь Добросмыслъ царство свое правити во благоденствіи, и въ тишинѣ, и во всякомъ исправленіи, безо всякаго мятежа; бысть же царства его 67 лѣтъ и 5 мѣсяцъ. И по преставлении своемъ приказа царство свое правити брату своему Кирьяку Димитріевичю, а старѣйшинство приказа дядѣ своему Василью Кудрявому. Слава свершителю Богу. Аминь.

ВАРІАНТЪ ВТОРОЙ.

СЛОВО О ДИМИТРІИ КУПЦѢ ГРАДА КИЕВА, ПРОЗВАННЕМЪ БАСАРГА И О МУДРЫХЪ СЛОВЕСЕХЪ СЫНА ЕГО.

(Императ. Публич. Библіот. № 1172.)

Бысть нѣкіи купецъ именемъ Димитреі богатъ живя в рускоі земли в градѣ Киевѣ. Нѣкогда прилучися ему отплыти от славнаго града Киева и взявъ с собою единого чада, сына своего, возрастомъ седми лѣтъ; и плывущу ему по морю, и воста буря велия, і вѣтеръ великъ, и волнения, і абие ношашеся корабль по морю на волнахъ тридесятъ днеі. Купецъ же Дмитреі узрѣ издалѣча градъ и возрадовася радостию великою, обративше корабль ко граду тому, пристахомъ и видѣхомъ у града того 300 кораблеі плавающе в пристаницѣ. Удивися Дмитреі купецъ и рече: »что сиі корабли безчисленно много стояща? мню, яко земля богата есть и купцы в немъ много торгуютъ здѣ.« Сниде с корабля купецъ Дмитреі и поіде под градъ, и срѣтоша его гражанѣ и вопрошаху его: »от коея еси страны и коеі земли?« Онъ же сказася имъ: »азъ есми от руския земли і вѣрую во Отца и Сына, и Святаго Духа.« И рекоша ему гражанѣ: »Брате купецъ! Единые еси вѣры с нами руския земли; толко за наше согрѣшение послалъ намъ Богъ царя законопреступника и отступника от Бога еллинския вѣры; і томитъ насъ, хотя привести к своеі вѣре; мы жъ, не могуще терпѣти бѣдъ тѣхъ, неволею пожрохомъ идоломъ, видехомъ себе в великихъ нуждахъ всегда боярами мучаще насъ: овогда силою привожаше насъ ко своимъ идоломъ, овогда заповѣдаше намъ не веляше намъ хлѣбовъ на торгъ пещи и гладомъ моритъ насъ для своея вѣры. Се видиши, купче, в пристанищи семъ триста кораблеі стояще, купцы же со всехъ странъ прихождаху к сему граду и приходяще к царю 3 дары, хотяще торговати въ ево царствѣ; царь же дары от нихъ приемлетъ и повелеваетъ имъ три загадки отгадывати свои; а все то приводяще к своеі вѣре. Они же не могуще отгадати загадки; царь же глаголаше к нимъ: »уже вы загадокъ моихъ не отганете и вы пребываіте в моеі вѣре — пожрите идоломъ.« Купцы же не хотяще того сотворити, и того ради в темницы посажены быше, терпяще всякую нужду и гладъ, и наготу, и скорбь, имени ради Христова, и заповедываетъ царь не велитъ хлѣба пещи на 3 года, дабы они гладомъ померли.« Се слышавъ купецъ Дмитреі от гражанъ тѣхъ, недоумѣваше-ся, что творити. Вскоре возвратися на своі корабль и хотя отплыти, и приіде на корабль, ажно стоятъ у корабля 3 стража царевы, дабы не отшелъ. И купецъ Дмитреі взялъ дары великия, приіде ко царю и падъ пред царемъ и рече: царю государю Несмеянъ Гордневичъ! купчишко, государю, пришолъ из руские земли пс страны бьетъ тобѣ челомъ, чтобъ ты, государь

пити и язъ тебѣ отгадаю загадки за того купца.« Глаголаше царь: »кому язъ повелелъ, тотъ и отгадываі.« Глаголаше сынъ купцовъ: »язъ сего купца сынъ есть, и язъ за отца своего отгадаю загадки.« Царь же наливъ чашу златую меду и дастъ пити детищу отрокъ же дастъ отцу испити. Отецъ же выпивъ, хотя чашу отдати царю; дѣтище же глагола отцу своему: отче не отдаваі чаши сея, заложи ея в нѣдра своя.« Царь же вторую чашу наливъ меду и дастъ дѣтищу. Отрокъ же и рабу дастъ пити; онъ же вземъ обѣ чаши и в нѣдра своя вложи, Глаголаше царь: »отдаі ми чаши моі.« И глагола дѣтище· »Даное царево вспять не возвращается.« И глагола царь: »Тебѣ ли, чадо, загадки отгадывати?« И рече отрокъ: »царю! азъ стану твоі загадки отгадывати.« И рече царь отроку: »много лно того или мало от востока и до запада? скажи ми.« И глаголаше дѣтище: »Государь царь! то, что от востока и до запада день и нощь, весь кругъ небесныі единымъ днемъ и единою нощію едино сонце преідетъ от сѣвера до юга: тотъ твоеі загадкѣ моі отвѣтъ.« Дивижеся царь разумному его отвѣту того отрока млада, что ево загадкѣ разумно отвѣтъ далъ. Царь же наливъ чашу третьюю, купецъ же испивъ с сыномъ и положи чашу в нѣдра своя. Царь же отроку рече: »отгадаі ми другую загадку во утрині день, а нынѣ повеселимся.« И тако почествовавше ихъ царь купца і сына его і раба, и отпусти ихъ. Во утрині же день собрашася еупаты и тироны, и стратилаты, і воеводы, и князи, и боляря, і вси людиі малиі і велицыі, і вси граждане, на предивное чюдо отрока сего видѣти: седми лѣтъ суща загадки отгадываетъ царевы, якоже всѣмъ гражданомъ не вмѣститися на царевѣ дворе. Приіде же благоразумныі отрокъ со отцемъ своимъ и с рабомъ. Царь же сѣде съреди своего двора царскаго на царскомъ своемъ престолѣ; купецъ же с сыномъ своимъ и с рабомъ стаста пред царемъ и покланистася вси равно до земли. И рече царь отроку: отгадай ми другую загадку: »что десятая часть из моря днемъ убываетъ, а нощию десятая часть по морю прибываетъ.« І дѣтище глагола царю: »Государь царь! младыхъ отрокъ загадка твоя: то есть, царю, что десятая часть по морю днемъ убываетъ из моря, і из рѣкъ, і озеръ, на всякъ день десятая часть воды солнцемъ высыхаетъ, десятая часть нощію воды изо дна моря прибываетъ, занеже солнцу заходящу і не сущащу. То тебѣ, государь, моя отгадка.« Дивижеся царь тому премудрому отвѣту, что ему разумно отгадалъ отрокъ. І глагола ему царь: »отгадаі ми третьюю загадку.« И рече детище ко царю: »не отгадаю, царю, сегодни, потому что мнѣ у тебя не перед кемъ сказати, даі ми царю на 3 дни сроку, а в четвертыі день ту твою загадку отгадаю, токмо в тѣ 3 дни повели проповѣдникомъ вопити по всему граду, чтобы всѣ гражане, ипаты, и тироны, и князи, и боляры и велможи, и всякия люди, мужи и жены, и малиі и велицыі, шли на царевъ дворъ, а всѣмъ вамъ, гражане, добро будетъ во вѣки.« И царь повелѣ тако сотворити, проповѣдникомъ по всему граду повелѣ вопити, и сидеся весь градъ на царевъ дворъ, мужескиі полъ и женскиі, малиі и велицыі, младенцы свои на рукахъ носяще, хотяще видети, что сие чюдо будетъ. Приіде же ко царю благоразумныі отрокъ премудрыі со отцемъ своимъ и с рабомъ. Царь же сѣде на престолѣ своемъ в царскоі одежди, і вѣнецъ на главу свою положихъ(лъ) і жезлъ і скипертъ і мечь в руцѣ своеі держа, і глагола царь отроку: »тебѣ, дитя, глаголю, отгани ми сию загадку при всѣхъ гражданехъ.« І глагола же отрокъ царю: »государь царь! язъ тебѣ отгану сию загадку, токмо ты, царю, великъ силенъ сидишъ на престолѣ царскомъ высоцѣ, азъ же, отрокъ младъ, стою у твоего престола ниско; азъ тебѣ скажю, и ты молвишъ: не дослышалъ; и ты, царю, сступи с престола своего, да пусти мя; азъ стану на престолѣ твоемъ, и даі мнѣ одеяние свое, и жезлъ, і мечь своіми руками; азъ тебѣ отгадаю загадку.« Царь же, слышавъ от отрока мудрую речь, и ста во изступленні ума своего, сотвори тако, і сступи с престола своего, і пусти дѣтища на престолъ своі, і дастъ ему одеяние свое с себя, и вѣнецъ з главы своея, и жезлъ и мечь своими руками, и рекъ в

себѣ: »азъ его тешу, что ему свѣсти, мудрому отрочати?« А не ведаетъ, яко Богъ даетъ власть, кому-ждо хощетъ. И бысть голка велия от утеснения людеі, и дѣтище повелѣ всѣмъ гражданомъ молщати, и бысть тишина велия, і возопи отрокъ гласомъ великимъ: »ипаты, и тироны, и князи и вси людие градстиі, і жены и дѣти? хотите ли вѣровати во святую Троицу, Отца, и Сына, и святаго Духа, в Господа Бога?« І гражане жъ возопиша единымъ голосомъ: »Ради есми вѣровати во святую Троицу, Отца, і Сына, і Святаго Духа; помози намъ, государь, Господа ради.« І дѣтище извлече мечъ, і отсече царю главу. И рече дѣтіще: »вотъ тебѣ, царю, моя третьяя загадка! Не смеіся ты намъ, поганоі, православнымъ християномъ.« І гражане жъ, видѣвше чюдо велие, прославиша Бога. И рече дѣтище ко народу.« велите молчати. И замолша вси людие. И рече дѣтище: »князи, и боляря, и тироны, і ипаты, і вси людие градстиі, ково вы себѣ государемъ похощете ставити?« И возопиша вси людие единогласно глаголюще к нему: »ты насъ избавилъ сего мучения лютаго и злаго; ты намъ і царь буди.« И рече детище: »коли есте произволили мнѣ царемъ быти, Божіімъ то изволениемъ, а не вашимъ стояниемъ; аще не Господь бы предалъ такова гонителя злаго, то како мнѣ, мъладому отроку, и зрѣти противъ таковаго гонителя немочно и такимъ государьствомъ владети. Вазвеличимъ Господа і прославимъ его милосердие, давшему намъ таковую благодать і побѣду на врага нашего, ізбавилъ Богъ отца моего и меня от неповинныя смерти, і васъ своею милостию Господь посетилъ; не отбыйте вѣры християнския!« Людие же возопиша великимъ гласомъ: »многа лѣтъ государю нашему Борзосмыслу Дмитреевичю!« И рече отрокъ: »взыщите патриарха вашего, где гонимъ бысть от поганаго сего мучения злаго.« Они же ему рекоша; »государь Борзосмыслъ Дмитреевичь! патриархъ нашъ гонимъ бысть злымъ гонителемъ и богоотступникомъ царемъ, сидитъ в заточениі.« Царь же повелѣ его борзо из заточения взять; и князи и бояря, ипаты, и тироны взыскаша патриарха в заточениі, і сказаша ему вся бывшая патриарху, что содеяся в царствѣ томъ, какъ ихъ Богъ помиловалъ от поганые вѣры и от законопреступника царя, и какъ на него послалъ Богъ побѣду. Патриархъ же прослезися і удивися о великомъ томъ чюдеси: »О владыко царю человѣколюбче Господи! вѣлико имя твое, что не предалъ еси ты насъ в руки беззаконному, избавилъ еси наше царство от лютаго и злаго сего мучителя и гордаго гонителя!« И поіде патриархъ с радостию в царствующиі градъ; гражане же возвестиша царю о патриарсѣ приходѣ. Царь же повелѣ встретить патриарха чѣстно со кресты и со иконы и со всемъ вселенскимъ соборомъ; і приіде патриархъ в царство, и виде царя, и поклонишася царю до земли, прослезися и рече: »здравствуі, государь, на царствѣ много лѣтъ! ты насъ избавилъ и градъ нашъ от гордого сего и злаго мучителя, от поганаго царя и законопреступнаго.« И удивись патриархъ возрасту его, і великому его смыслу и разуму его, і вниде патриархъ в соборную церковь; и помолишася мѣстымъ образомъ и тако нача патриархъ божественную литургию служить. И по отпускѣ литургиі, постави патриархъ над главою отрока рогъ златъ масла древяного, и абие воскипе рогъ с масломъ над нимъ, и благослови его патриархъ на царство. Людие же вси кликнуша от мала и до велика единогласно: »много лѣтъ тебѣ, государю нашему Борзосмыслу Дмитреевичю, на царствѣ!« И возрадовашася ему вси людие великою радостию. Царь же сотвори в тоі день пировище великое, посла патриархъ по всеі вселенниі соборъ, и повелѣ царь привести пред себя царицу прежнего царя. И рече царь: »есть ли, госпожа, сынъ или дщерь?« И отвѣща царица: »нѣтъ у меня сына ни едина, толко дщерь осми лѣтъ, мрадъ (млада?) и красна.« Царь же повелѣ еѣ пред себя поставити. И рече царица: »даі мнѣ, царю, сроку на восмь дней, въ восмыі день пред тобою царемъ поставлю дщерь свою.« Въ восмыі жъ день увиде еѣ царь, повелѣ крѣстити во святомъ крещениі, вскорѣ, и венчатися с от-

роковицею. И бысть радость велика в царствѣ томъ. И повелѣ царь привести всехъ купцовъ техъ, которые были в заточенні в темницахъ. И приведоша ихъ пред царя, и удивися царь ни нихъ смотря, бысть лица ихъ аки земля, а власы ихъ отросли до пояся и ризы ихъ изодрашася, лежаша от гаду и тесноты, а голосы ихъ яко пчелиные, и заплакавъ царь, на нихъ смотря, и' чрѐди іхъ у себя по три дни, и разда имение іхъ, и отпусти ихъ когождо во своя ихъ; и купцы жъ поидоша на корабли своя славяще Бога, за царя Бога моля, Борзосмысла Дмитреевича. По семъ же рече царь отцу своему: »Отче, поіди ты въ свою землю привези мать мою и родителеі моихъ.« Дмитреі же послуша сына своего, иде вскоре к женѣ своеі, и пришедъ сказа еі все по ряду случись имъ, и какъ ихъ Богъ избавилъ от злые смерти, и какъ сынъ ихъ царствуетъ. Мать же, слышавъ, исполнишеся радостию великою. Дмитреі же собра весь родъ и поіде на корабль с великою радостию, и поіде с родомъ своимъ к сыну своему к царю Борзосмыслу Дмитреевичю. Царь же ихъ стретѣ с великою честию и радостию, и нача царствовати со отцемъ своимъ. Отецъ же его Дмитреі сына своего Борзосмысла въ ярехъ (?) скончашися, и погребѣ его сынъ своими руками. Богу нашему слава, нынѣ и присно, во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПОВѢСТЬ

О ПРЕМУДРОМЪ АКИРѢ.

ПОВѢСТЬ

О ПРЕМУДРОМЪ АКИРѢ.

(Рукопись Румянц. Муз. № 505.)

СКАЗАНІЕ О АКИРѢ ПРЕМУДРОМЪ ЦАРА СИНОГРАФА АЛЕВИЦКАГО И АНЗОРСКАГО.

Бысть нѣкій человѣкъ Акирь премудрый въ землѣ Алевицкой и Анзорской, у великаго царя Синограеа, и многая множества подъ нимъ царствъ держаша землю Аливитцкую и Анзорскую, и многая множества злата, и сребра, и коней быстрыхъ, и отроковъ прекрасныхъ, а нѣ было ни единаго дѣтища. И нача Акирь молитися Богу, глаголаша: »Господи Боже мой, творецъ небу и земли, даждь ми дѣтища! Аще родится у жены моей отрокъ, и язъ ево научу Господу Богу молитися, и работати царю Синограеу, и вѣрно служить: да будетъ при животе моемъ честь и слава, и душе моей утѣха; а внезапу похитить мя смерть, и будетъ наслѣдникъ дому моему.« И призре Господь на смиреннаго Акиря премудраго, и услышалъ молитву его: и послалъ Господь къ нему ангела мирна, и глагола къ нему ангелъ: »Акирь, совѣтниче и угодниче вѣликаго царя Синограеа! И многая множества у тебя злата и сребра, и ризъ светлыхъ, и коней быстрыхъ, и отроковъ прекрасныхъ, нетъ у тебя ни единаго дѣтища: самъ ты безсеменѣнъ, а жена твоя Ѳеодула безплодна бысть; возьми себѣ сестрича своего Анадама вмѣсто сына; и будетъ тебѣ великое утѣшеніе.« Акирь же воставъ отъ сна свого, и трѣпетенъ бысть по глаголу ангелову; и взявъ себѣ сестрича своего Анадама въ сына мѣсто, и воспита его скоро, яко орѣлъ птѣница. Дѣтище же бысть возрастомъ доброзраченъ, премудры же Акирь нача учити сына своего Анадама грамотѣ руской, алевитской, анзорской, и египѣтской, и потомъ его научи дванадесять языковъ, и потомъ его научи звездочету небесному, и научи его всякой премудрости земному и небесному, и всю ѳилосоѳію, научи его вся разумна, и нача его словомъ сына своего Анадама: »Чадо мое Анадамѣ, буди послушливъ на добрая дѣла, и меня отца чти и матерь, аки Бога. Чадо мое Анадамѣ, буди послушливъ на добрая дѣла, аки елѣнь на позорище, а не ленивъ буди, аки ястребъ не отъ ласково соколника. Чадо мо(е) Анадаме, зъ другомъ живи три годы, а говори съ нимъ устны, а не серцемъ. Чадо мое Анадамѣ, льстива человѣка бѣгай, а съ нечестивыми на дорогу не ходи. Чадо, на женскую красоту не зри: та бо красота сладитъ, аки медвѣная сыта, а послѣ горчае желчи и полони травы будетъ. Чадо Анадамѣ, подле горъ не ходи, и ты сапога не скривишь. Чадо, пьянъ на конѣ не гоняй: тѣмъ храбръ не будешь. Чадо, учнешь по цареву двору ходить, и ты менши зри на небо, болши зри на землю; аще ли чего не найдешь, и ты ноги не зашибѣшь. Чадо, аще пошлютъ въ посолство безумнаго, и

ты не лѣнись, самъ поедь; а пошлѣшь умнаго въ посолство, и ты не много наказывай ему: и самъ догодается. Чадо, лутче съ умнымъ великій камень поднять, нежели зъ безумнымъ вино пить; съ умнымъ бѣзумія не говори, къ бѣзумну ума своего не являй. Чадо, своего участія дай дѣтямъ своимъ, а чюжаго не возми. Чадо, аще тя позовутъ на пиръ, и ты по первому зову не ходи, а по второму поди, а третьяго не моги ослушаться: и ты чести нѣ испадешь; а прищедъ въ пиръ, и ты не садись въ болшемъ мѣсте: и придутъ иные мѣньши тѣбя, и оне подвинутъ тебя въ болшое мѣсто, и ты будешь честенъ. Чадо, до дна чаши нѣ пей, долго вѣчера не сиди, въ пьянстве обиды своей не мсти. Чадо, на друга нѣ клевещи, и лжи послухъ не буди; аще же отъ тѣбя другъ отпадетъ, и ты не радуйся; а вознесется другъ, и ты не завидуй ему; и пріидетъ на него зло, тожъ не радуйся. Чадо, сына своего отъ младости кроти, да онъ же на старость твою покоитъ тя. Чадо, нѣ купи величества и злонравія раба, да не расточитъ имѣнія. Сыну, аще кто тя ненавидитъ недругъ, не опослушествуй его: твоей вины не понесетъ ко инымъ. Сыну, человѣкъ лживъ исперва возлюбитъ его, а наконецъ посмеются ему. Сыну, отца своего почти его, да имѣніе свое оставитъ тебѣ. Чадо, нощію безъ оружія не ходи. Чадо, отца и матерь клятве не подавай, и ты самъ не примешь отъ чадъ своихъ. Чадо, отъ церкви не отлучайся николи. Чадо, коня на коня нѣ меняй, и на чюжемъ не ѣзди конѣ: аще пешь идешь, то они посмеются тебѣ. Чадо, божіимъ милосердіемъ не клѣнись, да не умалится число дней твоихъ. Чадо, что обѣщаеши Богу, и ты того не забывай. Чадо, старейшаго возлюби, а меншаго не отрини. Чадо, къ печалнымъ приходи и утехай словесы своими. Чадо, безъ вины крови не проливай. Чадо, отдалися отъ блудницъ, да не придетъ на тебя скорбь, и болезнь, и печаль. Чадо, аще умнаго человѣка послушаеши, и то аки сахару насладишися. Чадо, аще придетъ на тебя скорбь отъ Бога, не укоряй. Чадо, сына своего воздержанію учи его. Чадо, лутчи есть послушати пьяна человѣка умнаго, нежели трезва безумнаго. Чадо, лутче есть слѣпъ очима, нѣжели серцемъ. Сыну, лутчи есть другъ ближни, нежели братъ далной. Чадо, лутче есть смерть, нѣжели золъ животъ. Чадо, призовешь друга на честь, и ты стой предъ нимъ вѣселы серцемъ. Чадо, аще хощешь слово изрещи, и то не напрасно лги: лутче есть ногою пнухти, нежели словомъ солгати. Чадо, егда бой бываетъ, и ты нѣ ходи; а придешь, и ты не смѣйся: а въ смѣху безуміе исходитъ, а въ бѣзуміи сваръ, а въ сварѣ тяжба, а въ тяжбѣ бой, а въ бою смерть, а въ смерти грехъ рождается. Чадо, аще пьянъ будешь, не много говори: умѣнъ нарѣчешися. Чадо, аще хощеши умнаго послушати, то нѣ приложи безумнаго. Чадо, перваго друга нѣ лишишися, да иной не отбѣжитъ отъ тебя; аще хощеши любитися зъ другомъ, и ты преже искуси его, нѣ яви ему тайную свою. Чадо, внидеши въ чюжую храмину, и ты немного гляди: то есть безчестіе. Чадо, къ другу часто не ходи: то есть въ бе(з)чѣстіе не внидешь. Чадо, лутче есть молчати, нежѣли зло глаголати. Чадо, нелзя жита во утломъ мѣшке нести; тожъ зъ бѣзумнымъ тайная словеса глаголати есть. Чадо, яко мертвы нѣ можетъ на коне сидѣть, тако и клѣветникъ нѣ можетъ удержати зла слова во устехъ своихъ. Чадо, не моги облѣнитися на добро, и не буди срокъ на зло. Чадо, не оскорби человѣка безъ вины, не вложи пѣчали во умѣ его. Чадо, лучше есть рабъ добро(й), нѣжели чадо злое. Сыну, лучше есть безъ души, нѣжели безъ ума. Чадо, птица царь орѣлъ и зло затворилъ. Помни, чадо: нелзе слѣпу храбру быти, ниже грѣшному по смерть спастися. Чадо, волкъ со агнцемъ не живетъ, ниже праведникъ со грешникомъ. Чадо, добро сытому у великаго князя обѣда ждать: такоже и праведному смертнаго часа ждать. Чадо, не слышавъ не лги, и не вѣдевъ не кажи: аще не видѣвъ скажешь, то подобенъ псу на вѣтеръ лающа. Чадо Анадамѣ, ужь я тѣбя научилъ.« Акирь премудры сына своего Анадама всякой премудрости, небесному и земному, аки злата сосудъ

посадникомъ своимъ: »Некій мужъ былъ, имѣнемъ Акирь прѣмудры, въ землѣ Аливитстей, у царя Синограеа: а нынѣ Акирь погубленъ бысть; ужъ наше врѣмя дань своя многая лѣтная врѣмя имать у царя Синограеа.« Тогда же и посадники рѣкоша: »Воистину; государь царь, врѣмя врѣмя, твое дань свою имать.« И посылаетъ царь египецкой Ѳараонъ грознаго посла своего Елтегу, а съ нимъ посылаетъ многое множество рабъ своихъ въ свѣтлыхъ ризахъ и въ златокованныхъ доспехахъ; и тогда поидѣ грозный посолъ Елтѣга ко граду Онлѣвиту, и не дошедъ до града Аливита, и нача станомъ становиться; и нача ясти и пити саморучно, и нача къ себѣ силою имати на ложище отечѣскіе дщѣри, и пришедъ къ царю Синограеу, нача ему посольство править: »Восточный царь египецкій Ѳараонъ тебѣ повествуетъ, чтобъ еси волю мою сотворилъ, и загадки мои отгадалъ; аще ли воли моей не сотворишь, и загадки не отгадаешь, велю землю твою плѣнить, и самово тѣбя злой смерти предамъ, и весь градъ твой Аливитъ подъ Египетъ взять.« Царь же Синограеъ вниде въ великое недоумѣніе, и созва вся свои велможи ближніе, и нача имъ глаголати: »Мужіе Алевитсти и Алезорсти! Кто можетъ послу словесамъ его отвѣтъ дать?« И они ему ничего не отвѣщаютъ. Царь же Синограеъ вторицею имъ глаголя: »Мужіе Алевитсти и Алезорсти! Кто у васъ можетъ грозному послу Елтѣгу отвѣтъ дать и загадки его отгадаетъ, и язъ дамъ ему половину царства своего.« Нѣкій князь, имѣнемъ Сутиръ, рѣче царю: »Великій государь царь Синограеъ! намъ тѣ слова не надобны; были бъ вѣдомы совѣтнику твоему и угоднику, Акирю премудрому; а нынѣ Акирь погубленъ бысть. А се есть, государь, златая отросль златаго крѣни — сынъ Акиревъ, Анадамъ, наполнѣнъ премудрости, аки злата и бисеру изнасыпанъ.« Царь же Синаграеъ призва Анадама, и рѣче ему царь: »Анадамъ, можешь ли послу противъ его посолства отвѣтъ дати, и язъ тебѣ дамъ половину царства своего.« Анадамъ же отвѣща царю: »Что́ глаголеши, царю? Того и боги наши нѣ ведаютъ, что́ тотъ посолъ Елтѣга посольствуетъ!« Царь же Синограеъ впаде въ великое недоумѣніе, снѣмъ вѣнецъ царскій и поверже на смѣтище, и нача горко плакать, и пребываетъ единъ въ полатѣ, глаголаше: »Увы мнѣ окоянному, что вскорѣ, безъ расужденія урѣзавъ лозу плода нѣсотворенную, поломихъ замокъ Аливитцкаго царствія и Алезорскаго, Акиря премудраго! Погубихъ ти вскорѣ, безъ расужденія! Вверждетъ убо безумны человѣкъ единъ камень въ морѣ, и тысящи ми умныхъ...« И конюшей Анбугилъ слыша плачь царевъ въ полатѣ, и посолствомъ грознаго посла Елтѣгу повѣда, и шедъ ко Акирю въ темницу. Анбугилъ же рѣче: »Врѣмя про тѣбя сказать!« Акирь же рѣче Анбугилу: »Пѣмію время и молитвѣ часъ глаголати.« Анбугилъ же шедъ къ царю скоро, и нача глаголати, и торгати за златые кольца у царевы полаты; царь же спроси: »Кто есть предъ (д)верми?« Анбугилъ же рѣче: Азъ есмь, царю, конюшей твой Анбугилъ. Подножію ногамъ твоимъ достойна глава моя: слово твое сотворихъ, а заповѣдь твою преступихъ: Акиря отъ смерти соблюдохъ.« Царь же отъ великія радости скоро скочи съ престола своего и притѣче ко дверемъ, и спроси его второе: »Анбугилѣ, что́ ми глаголеши?« Анбугилъ же рѣче ему: »Азъ есмь, царю, смерти повиненъ предъ тобою, Акиря отъ смерти соблюдохъ!« Царь же Синограеъ отъ радости великія вземъ склянницу съ виномъ и чару, и скоротече къ темницѣ, и обрѣте Акиря, и радъ бысть царь. Акирь же по колѣни окопанъ и желѣзы окованъ, а власы главы его до земли, а брада его до пояса; царь же Синограеъ падъ предъ нимъ Акиремъ и глагола ему: »Акире, угодниче Божій! повиненъ азъ, Акирь, предъ тобою аки рабъ, а нынѣ мнѣ царю печаль и скорбь горце отъ великаго царя Ѳараона египец(к)аго и отъ грознаго посла Елтѣги. Можешь ли, Акирѣ, грозному послу Елтѣгѣ словѣсомъ отвѣтъ дать и загадки его отгадать?« Акирь же рѣче царю: »Возверзи на Бога печаль твою, и той тя пренитаетъ.« И повѣлѣ Акирь грознаго посла Елтѣгу жезліемъ проводить отъ града своего, а самъ Акирь поиде разрѣшенъ въ домъ свой, взыскати же-

ны своей Ѳеодулы. Жена же бѣ его порабощенна, бысть у сына его Анадама приставлена у стада верблюжья. Акирь же нашедъ жену свою Ѳеодулію у сына своего въ работѣ, и прослезися горко; и глагола ему Ѳеодулія: »Грѣди ко мнѣ!« И позна его Ѳеодулія по гласу, а по образу не позна его; и пришедши на ногу его, пролія слезы своя, глаголаше ему: »Алѣвитцкое мое царство и Алезорское мое солнце! откуды ми еси, свѣтъ, явися?« Одеяніе же бысть на Ѳеодулѣ кожа верблюжья; Акирь же взя жену свою за руку, и поиде съ нею въ домъ свой, въ полаты, и наиде въ дому своемъ 6 отроковъ своихъ, и нача Акирь въ баняхъ наритися, и мазью мазатися, и еству сахарную, и разные питья и еству нача пити и ести, и веселитися; и пребысть въ дому своемъ 6 мѣсяцовъ, и готовъ былъ на царскую службу; и повѣле отрокомъ своимъ седлати партусы борзые и варижи бѣлые, и велѣлъ на себя класти свѣтлыя ризы и златокованныя доспѣхи. И поиде Акирь къ Египту, аки орѣлъ на ловлю, къ великому царю египетскому, противъ ево посольствовать. И пришедъ Акирь премудры ко граду Египту, и станомъ сталъ, и нача ясти и пити, и силно имати дѣвицы красные къ себѣ на ложище, и великому царю Ѳараону нача посолство править, глагола ему: »Велики царю Ѳараонъ! Западны царь Синограѳъ тебѣ повѣствуетъ, что еси присылалъ посла своего Елгѣгу и рекъ посольствомъ таково слово, чтобы еси волю мою сотворилъ и загадки его отгадалъ: се язъ къ тебѣ пріидохъ, царю Фараону, да что́ суть словеса твоя?« Царь же Фараонъ рѣче ему: »Ты ли еси Акирь премудры?« Акирь же рѣче ему: »Великій царю! Акиря нынѣ несть: погубленъ бысть; азъ есми конюшей царевъ меншѣй Синогрофъ, а зовутъ меня Анбугиломъ.« Царь же рѣче ему: »Анбугилъ, свѣй ужище въ песку.« Акирь же повѣле отрокомъ своимъ сверлы булатными стѣну градовою вертѣть и морски песокъ посыпать, и вѣтромъ помочь творити; и ихъ песокъ поиде по земли аки гужъ. Акирь же приде къ царю Ѳараону и рѣче ему: »Великій царю, вѣли имати песковые ужища.« И рѣче ему царь: »Анбугилѣ, такова пакость отъ вашего Бога, такіе не бывали: у васъ въ стадѣ жеребцы ржутъ, а у меня кобылицы вергутца.« Акирь же повѣле отрокомъ своимъ поимати бога ихъ Виктора (они бо тогда безверни быша); слуги же Акирѣвы изымаша бога ихъ, повѣдоша по торгу, ругающеся ему и біяху его кнутомъ. Египтѣня же пріидоша къ царю съ плачемъ великимъ, глаголюще: »Великій царю Фараонѣ! почто посолъ ругается Богу нашему?« Царь же велѣлъ прислать къ себѣ Акиря; и пришедъ къ царю Акирь, и рѣче ему царь: »Анбугилѣ, старъ ли еси ты, или уменъ, нѣсмысленъ, почему ругаешися нашему Богу?« Акирь же рѣче ему: »Великій царю Фараоне! Такова ли пакость отъ вашего Бога? Былъ у нашего царя куръ златъ, пелъ рано, а будилъ нашэго царя къ завтренѣ: и тотъ богъ вашъ тому куру голову скусилъ.« Царь же Фараонъ рѣче ему: »Неправду есми говоришь!« И рѣче ему царь: »Анбугилѣ, устрой мнѣ градъ межь нѣбомъ и землѣю, не подпертъ ничѣмъ.« Акирь же повелѣ отрокомъ своимъ двѣ птицы ноги пустить, и повелѣ межь ими ковчегъ построить, и повелѣ всадити отрока и дати отроку въ руки топоръ, и птицамъ на тычинахъ мяса, чѣмъ кормить птицъ. И начаша птицы превозвышатися равно со облаки, отрокъ же нача вопити великимъ гласомъ: »Египтяне, понесите каменье и известь: азъ еэмя хощу, и градарь нарицаюся, вашему царю градъ сотворить межъ небомъ и землею, не подпертъ ничѣмъ.« Акирь же повѣле отрокомъ своимъ по всему граду Египту брусіемъ бити Египтянъ, и глаголюще: »Подавайте камѣніе, и известь, и древа градарю нашему! Градарь нашъ хощетъ царю вашему градъ сотворить межь небомъ и землею, не подперти ничѣмъ!« Они же станутъ подавать — и не достанутъ, и слуги же Акиревы бьютъ ихъ: »подивайтѣ!« Они же пріидоша къ царю съ плачемъ и глагола: »Мы не умѣемъ подавать, а они же бьютъ насъ!« Тогда же царь Ѳараонъ рѣче послу: »Ты не конюшей, самъ еси прѣмудры Акирь.« Тогда же царь Фараонъ Акирю премудрому отвѣту не сотво-

рилъ, Акирь же нача дань свою имать многолѣтную; и собравъ дань, и поиде ко граду Алевиту, къ великому царю Синограеу. И пришедъ къ царю Синограеу, и нача ему отмѣривати злато и сребро, и камѣніе драгое; царь же Синограеъ не прикоснулся ничему, ни злату, ни сребру, толко взялъ единъ драгой камень, емуже нѣсть цѣны: свѣтитъ во дни и въ нощи аки светъ. Царь же Синограеъ нача Акиря дарить велми за ево великую честь и трудъ и за выслугу; Акирь же рѣче царю: »Великій государь царь Синограеъ! Многое множество имѣю язъ отъ тебя злата и сребра, но выдай мнѣ сына своего Анадама, которой меня съ тобою помутилъ, за что меня къ тебѣ недѣломъ оговорилъ; а то царь злато и сребро дай Анбугилу, что мнѣ животъ далъ.« Царь же рѣче Акирю: А онъ у меня и давно пожалованъ!« Царь же Синограеъ по правому суду истинно испытавъ, выдалъ Акирю сына Анадама, но не яко сына, яко кормоника. И обратися болѣзнь его на главу его: и прикова Анадама сына своего близъ царевы полаты, и положи возлѣ его трость, оловомъ налита, и заповѣда заповѣдь царскую: кто поидетъ въ полату цареву, и тому ударить Анадама по главѣ тою тростью трижды; или кто пойдетъ изъ полаты, такожь по главѣ ударитъ, и говорм таково слово: »Не роженъ, нѣ сынъ, нѣ окупленъ, не холопъ! Не вскормя, себѣ ворога не видать!« И поиде Акирь въ царевы полаты, Анадамъ же рѣче: »Господине отче Акирь, пусти мя: начну пасти скоты твои, и начну угодная тебѣ творити.« И Акирь рѣче: Сыне Анадамѣ! Нѣкій человѣкъ въ чести полатѣ обрѣте древо стояще, и хочетъ онъ древо ссещи; и рѣче ему древо: господине человѣче, не сѣки ты меня, язъ тебѣ рожу на лѣто ягоду вишневу. И рѣче человѣкъ: худое ты древо! какъ ты хочешь чюжую ягоду родити? Такоже и ты, Анадамъ, хощешь мнѣ угодное творити.« И поиде Акирь въ цареву полату, и изыде изъ полаты; Анад(а)мъ же рѣче: »Господине отче Акирю, пусти мя, а язъ буду въ пустыни, и буду мнихъ, и начну Богу работати за свой грехъ, и за тебя учну Бога молить.« И речѣ Акирь сыну: »Анадамѣ! Нѣкоторый человѣкъ отдалъ волченца грамотѣ учиться, и учитель рѣче, и авва волчецъ речѣ: тылцѣ бѣльцы егнятка. да тако и ты Анадамѣ: како мнѣ хощешь гродная творити? Акирю премудрому слава, а прочитателю на вѣчьную памѣть, и тому дѣлу во вѣки аминь.

ВАРІАНТЪ ВТОРОЙ.

(Импер. Публ. Библ. Погод. древлехран. № 1772.)

СКАЗАНИЕ О АКИРѢ ПРЕМУДРОМЪ И О ЦАРСТВИ ЦАРЯ СИНОГРАѲА ЗЕМЛЯ АЛЕВИЦКОЙ И АНІЗОРСКОЙ.

Бысть некиі человѣкъ Акирь премудрыі в земли Алевитскоі и Анизорскоі, у великаго царя Синограеа Алевитскаго и Анизорскаго. Бысть у него много множество злата, и сребра, и конеі быстрыхъ, и рабъ прекрасныхъ, и слугъ верныхъ; толко несть ниединаго чада. И нача Акирь премудрыі Богу молитися со слезами, и глаголя: »Господи Боже, вечныі царю, сотворивыі небо и землю, царю вечныі, творецъ небеси и земли! Даі же ми, Господи, детище! Аще ли будетъ отроча мужескъ полъ, научю его тебѣ Богу молитися, творцу вышнему, а служити великому царю Синограеу: аще старъ буду, или смерть восхититъ мя, и тоі будетъ дому моему наслѣдникъ и душе моеі поминокъ, а жене моеі при бѣдности печалникъ, а при животѣ моемъ честь.« И нача Акирь премудрыі милостыню давати нищимъ, такоже и жена его Ѳеодулия молящеся

Богу. И не призре Господь Акирево смирения, но услыша Господь молитву ихъ, и посла к нiмъ Господь ангела с небѣси; и явися имъ ангелъ во сне, и рѣчѣ: »Акирь, совѣтниче, и угодниче великаго царя Синограѳа! Самъ еси безчаденъ, а жена твоя Ѳеодулия безплодна; и нынѣ услыша Господь молитву твою: возми себѣ сетрина сына Анадона в сына мѣсто, но послѣ будетъ в радости сердце твое.« Акирь же, воставше от сна своего, трепетенъ бысть; и по глаголу ангела Господня, повелѣ Акирь призвати к себѣ сестрина сына Анадона, и взя его в сына место себѣ, и воспита его Акирь аки орелъ дети своя. Отроча же бысть и взрачно и красно велми.

Акирь же премудрыi нача учити сына своего Анадона. Первое научи его грамоте рускоi, и алевицкоi, и анизорскоi; и научи его всемъ грамотамъ и всемъ разнымъ языкомъ, и научи его звездочетию небесному, и научи его всемъ ѳилосоѳьствомъ риторскимъ. И вача Акирь глаголати к сыну своему Анадону: »Чадо мое, Богомъ данное, Анадоне! Буди, чадо, послушивъ словесемъ моимъ. Имеi, чадо, отца своего аки Бога, матерь же свою аки самъ себя. Буди, чадо, скоры на добрые дѣла, аки елень на ловле. Чадо мое милое, Анадоне! три годы живи з другомъ, а говори с нимъ усты, не всемъ сердцемъ. Чадо мое Анадоне, на женскую красоту не утекаiся: то бо сладко яко медвяное насыщение, а после горчаiши полыни. Чадо мое, Анадоне! з блудницами не беседуi, и ты, чадо, не погуби наслѣдия своего. Чадо мое Анадоне, не имеi с младымъ детищемъ дружбы, да не впадеши с нимъ в сети дияволския. Чадо мое Анадоне, пиянъ на конехъ негоняi, i самъ темъ храбръ не чинись: мнози бо, чадо, от того бѣз Божия суда умираютъ, хмелѣмъ. Да еще, чадо мое Анадоне, учнешъ судить царевъ судъ, и ты, чадо, суди аки златыi сосудъ, бисеру многоцѣннаго насыщенъ.« I того же часа шедъ Акирь i приказа его великому царю Синограѳу верно служити; царь же Синограѳъ нача Анадона Акиревича пред всеми лю-

По мале же времени ненавидя окаянныi дияволъ добра роду человѣча i молитвы Акиря, подстрекая окаянныi дияволъ сiна его Акирева, Анадона, царю оговорити отца своего, Акиря премудраго смертию i бѣдою. Сынъ же Акиревъ Анадонъ наполнися ярости i завiсти дияволския, i нача на отца своего Акиря злую мысль мыслити, i клеветати, i вадити смертию i бѣдою великому царю Синограѳу, i речѣ Анадонъ: »Господине царю Синограѳъ! Не вѣдаешъ ты того, что отецъ моi на тебя злую мысль мыслитъ.« Царь же речѣ: »Чтó, Анадоне? повѣждь!« Анадонъ же речѣ: »Господине царю! Советникъ твоi и угодникъ нынѣ на тебя iдетъ со всеми силами алевицкими и анизорскими, хощетъ тебя злоi смерти предать, а самъ хощетъ на алевицкомъ престоле царемъ быти, и землю твою пленити. Iно азъ, господине царю, хощу тебѣ верно служити, угодная тебѣ творити: и в томъ часе поставлю отца своего пред тобою, и ты, господине царю, не моги Акиря жива пустиги, но предаi злоi смерти.« Царь же речѣ ему: »Анадоне! аще сотвориши тако, дамъ ти много злата и сребра, и будеши ты у меня первоi во слугахъ.«

Анадонъ же дияволскимъ научѣнiемъ нача вскорѣ писати от царя грамоты с царскими печатьми по Акиря. А в грамотахъ писано: »От великаго царя Синограѳа алевицького i анизорскаго советнику и угоднику моему, Акирю премудрому. Котораго часа грамота придетъ к тебѣ, и ты бы ко мнѣ того же часа былъ со всеми силами алевицкими и анизорскими: хощу язъ итти на восточнаго царя Ѳараона египецкаго, а ты со мною же буди готовъ.« Ко Акирю же грамоты прiшли, Акирь же премудрыi позна царевы печати, и прочетъ вскоре, повелѣ отрокомъ своимъ седлати ѳережи бѣлые и рысы борзые, и повелѣ имъ класти златокованными доспехи. Взявъ с собою Акирь премудрыi избранныхъ своихъ воинъ 6,000 во светлыхъ ризахъ и в златокованныхъ доспехахъ ко граду Алевиту, i розставиша шатры свои близко града со всею силою своею. Во

великому царю Синограеу на отца своего Акиря: »Господине царю Синограее! Взоіди на градъ и посмотри на отца моего, на Акиря премудраго: советникъ твоі и угодникъ со всеми силами своими алевицкими и анизорскими ідѣтъ на тѣбя, хощѣтъ злоі смерти предаті, а самъ хощетъ на Алевите граде царемъ быти. Ино язъ; господине царю Синограее, хощу тебѣ вѣрно служити, а отца своего живо поставлю предъ тобою, и ты, господине царю Синограее, не моги Акиря жива пустити, но предаі его смерти.« Царь же Синограеъ видя Акиря в шатрехъ стояща со всею силою своею. Анадонъ же диявольскимъ навожденіемъ нощию изыде из града вонъ, и поіде ко отцу своему, Акирю премудрому, яко тать хищникъ, и речѣ ему: »Отче, господине Акирю премудрыі! Царь Синограеъ зоветъ тя, да будеши у него утре на первомъ часе.« Акирь же речѣ ему: »Да почто, чадо Анадоне?« Анадонъ же речѣ ему: »Не вѣмъ, отче господине.« Акирь же премудрыі воставше от сна своего, трепетенъ бысть, и поіде ко царю Синограеу. Государь же Акиря узре на сени ідуща, і не повеле его на очи пустити, но повелѣ Акиря премудраго взяті конюшему своему слуге, именемъ Анбугилу, и повелѣ Акирю главу отсѣщи; а тѣло его повелѣ псомъ и птицамъ поврещи на снедение. И бысть яко написано е(сть) слово во святомъ евангеліи: »востанутъ убо чада на родители своя і убиютъ ихъ.« Анбугилъ же взявъ Акиря за руку, і веде его от сенеі царевыхъ; Акирь же премудрыі нача горче плакатися, и рече ему: »Анбугиле! Деі же ми животъ! Помнишь ли, Анбугиле, коли было такое время: Синоеокосъ, отецъ великого царя Синограеа, повелелъ отцу моему твоего отца смерти предати, і онъ его жива соблюлъ, а после і оба были в чести велицеі у великого царя Синоеокоса?« Анбугилъ же речѣ: »Да что, Акире, сотворити?« Акирь же речѣ ему: »Анбугиле! Есть у царя 12 мужеі 6 темнице, і тутъ единъ мужъ именемъ Сутиръ, подобенъ моему зраку і повиненъ моеі смерти, і самъ онъ уже хощетъ умрети, что пьяноі спати; и ты, господине Анбугиле, изведи Сутира из темницы і предаі смерти, а меня посади в темницу в Сутирово место, а послѣ оба будемъ в чести велицеі у царя.« Анбугилъ же по прошению Акиреву вскоре Акиря премудраго посади в темницу в Сутирово мѣсто, и окова его по колени в желѣза; Акирь же премудрыі воздохнувъ горче, и прослезися, и похвали Бога, вседержителя-творца, спаса-избавителя от горкия смерти. Анбугилъ же утрее взявъ Сутира из темницы, і изведе вонъ из града на позорище, і отсече ему главу пред всеми людми, и поверже тѣло его псомъ і птицамъ на разтерзание. И нача Анбугилъ вопити великимъ гласомъ: »О мужие алевитстиі і анизорстиі! Зрите: уже Акирь усеченъ бысть.« Мужіе же алевитстиі і анизорстиі вси начаша плакатися и вопити великимъ гласомъ, узреша Акиря премудраго смертию погублена бысть, глаголаху вси мужие: »Преломленъ замокъ алевицкаго царства!« Вси князи и бояры восплакашася по Акирѣ премудромъ, но единъ сынъ Акиревъ Анадонъ того дни былъ вѣселъ, возрадовася о погибели отца своего и о смерти Акиря премудраго. Великиі же царь Синограеъ Анадона, сына Акирева, нача в чести велицеі держаті и жаловати и в любви водити, и отца его, Акиря премудраго, села, и царева имения, и все полаты, и казну Акиреву, и жену Ѳеодулию, и все люди его отдалъ Анадону, не вѣдая того часа, что́ напоследи будѣтъ, не воспомянулъ убо Анадонъ Давыдова пророчества: »се убо человѣкъ в чисти сыі неразумивъ, і приложися скотомъ несмысленнымъ і уподобися имъ.«

Акирь же премудрыі 3 лѣта седяше в темнице в тяжкихъ желѣзахъ. По времени же томъ услыша смерть Акиря премудраго восточныі царь Ѳараонъ, нача глаголати княземъ своимъ, і велможамъ, и всадникомъ: »Некиі былъ мужъ мудрыі в земли алевитскоі и анизорскоі у великаго царя Синографа, имѣнемъ Акирь премудрыі; а нынѣ де онъ погубленъ бысть, и нѣсть нынѣ в томъ царьствѣ такова человѣки мудра. Уже на немъ царе Синограее время дани своя имать многолѣтные.« Рекоша же ему князи і боляря: »Нынѣ, царю.

часъ намъ приспылъ имать дани свои.« Тогда же царь Ѳараонъ слышавъ от своихъ князеі и боляръ таковыя словеса, того жъ часа послалъ грознаго своего посла, именемъ Елдегу, а с нимъ послалъ избранныхъ своихъ витязеі 300 во златыхъ поясехъ и в златокованныхъ доспѣхахъ ко Алевиту граду; не воспомянувъ же царь Ѳараонъ Давыдова же пророчества: »возвратится болѣзнь его на главу его, и на верхъ его неправда его снидетъ.«

Елдега же грозный посолъ приіде ко граду Алевиту от царя Ѳараона с мудрыми загадками, розставиша шатры своя близко града, и повелѣ у гражданъ саморучно ясти, а жены и вдовицы повелѣ імати і приводити на постели своя, а самъ поіде ко царю Синограѳу, и нача ему посолство правити от царя Ѳараона египецкого: »Царю западному Синограѳу великиі восточныі царь Ѳараонъ тебѣ, царю, повежествуетъ, чтобы волю мою сотворилъ, а загадки бы моі сиі отгадалъ, а словесемъ моимъ отвѣтъ далъ. Аще ли загадокъ моихъ не отгадаешь, и словесемъ моимъ отвѣту не дашь, и язъ приеду на тебя со всеми своими силами, і велю землю твою пленити, а самаго тебя велю злоі смерти предати, а царьство твое велю разорити алевитское і анизорское, под ногама моима порабощенъ будеши.« Слышавъ же царь алевітъскоі и анизорскоі таковые словеса от грознаго посла Елдети, царь же Синограѳъ убояся велми, и впаде в великое недоумение; и созва к себѣ бояръ, і велможъ, и всадниковъ, и воеводы алевитстиі і анизорстиі, и рѣче имъ: »Кто можетъ грозному послу Елдеге словесемъ его отвѣтъ дати, а загадки его отгадати?« Ниединъ же от нихъ отвѣту не могли дати. Царь же Синограѳъ вторицею нача глаголати имъ: »о мужие алевитстиі и анизорстиі, князи, и велможи, и воеводы! Кто можетъ словесемъ его отвѣтъ дати, а загадки его отгадати, и азъ бы далъ половину царства своего.« Никтоже ему отвѣту не далъ; но единъ князь, іменемъ Титъ, стоя пред церемъ, и нача глаголати: »Великиі царю Синограѳе! Намъ те словеса недоведомыі; а были словеса те ведомы угоднику твоему Акирю премудрому, а нынѣ несть его в животѣ, но погубленъ злою смертию. Но есть, господине, у тебя златая отрость от златаго корени — сынъ Акиревъ, Анадонъ: вели его призвати к себѣ.« Анадонъ же прешедъ ко царю, і повелѣ ему сести, і речѣ ему царь умилнымъ гласомъ: »Возлюбленныі моі Анадоне! повѣждь ми, можешь ли ты грозному послу Елдѣге словѣсемъ его отвѣтъ дати, а загадки его отгадати? і язъ дамъ тебѣ половину царства своего.« Анадонъ же рѣче: »Великиі царю Синограѳе! азъ не вѣмъ что́ глаголати великому послу Елдеге:«

Слышавъ царь такие словеса от Анадона, и воста с престола своего, трепетенъ бысть и ужасенъ, снемъ с себя венецъ своі златоі и съ жемчюгомъ и з драгимъ камениемъ, и поверже на землю, и нача плакатися и браду свою терзати; князеі же и бояръ всехъ выгна ис полаты, а самъ единъ остася, и нача тужити о погибѣли Акиря премудраго, и рече: »Увыі мнѣ, Акирю! охъ мнѣ грѣшному! Како сотворихъ азъ окаяныі, урѣзахъ лозу плода, не сотворшую зла, и преломи замокъ без разсуждения, а неплодную смоковницу оставихъ! Нынѣ же любимыі моі Акирь усѣченъ бысть... о, Акире! уже мнѣ тебя невидать! увы, Акирю, не могу воскресити тя, якоже Христосъ Богъ Лазаря четверодневнаго воскресихъ(лъ)!«

Анбугилъ же конюшеі от него слышавъ по вся дни плачъ и вопль царевъ і великое рыдание в дому его по Акире премудромъ, Анбугилъ же шедъ ко Акирю в темницу, і поведа ему плачь царевъ и рыдание, і великую печаль цареву, яко слышати невозможно: тако устрашъшася грознова посла Ѳараонова Елдеги! Акирь же премудрыі рече: »Анбугиле господине, повѣдаі меня царю Синограѳу.« Анбугилъ же поіде ко царю Синограѳу и приіде к полате цареве, и ста у двереі полатныхъ, и сотворилъ молитву; царь же рече: »кто есть стоя пред дверми моими?« Анбугилъ же рече: »господине царю Синограѳе! слова твоего не соблюдохъ, а заповедеі твоихъ не сохранихъ, достоіна глава моя твоеі царскоі сабле: язъ Акиря угодника твоего со-

блюлъ от смерти.« Царь же рече: »да гдѣ Акирь?« Анбугилъ же рече: »в темнице, господине царю, уже тому 3 лѣта.« Царь же слышавъ, вскочи с престола своего радостенъ зело, и вземъ стклянницу вина полну, и потече самъ вскоре к темнице, ідѣже Акирь сидитъ, и обрѣте Акиря едва жива в темнице: Царь же Синограѳъ поклонися Акирю до земли; Акирь же премудрыі сидитъ по колени окованъ в желѣзахъ, власы его до земли, а брада его до пояса; а очи его какъ пчелы бѣз крылъ. Царь же Синограѳъ прослезися, и рече ему: »Акиро, господине Акиро, угодниче моі! повиненъ есми азъ пред тобою аки рабъ пред господиномъ; а нынѣ азъ в велицеі скорби от великаго царя Ѳараона... Можешь ли, господине Акиро, грозному послу Елдеге словесемъ его отвѣтъ дати, а загатки его отгадать? і азъ дамъ тебѣ половину царства своего.« Акирь же премудрыі прослезися и рече ему: »Господине царю Синограѳе! Возверзи на Господа печаль свою, и тоі тя препитаетъ, не дастъ во вѣкъ молвы праведнику. А того, господине царю, грозного посла Елдегу вели пробити жезлиемъ ис твоего царства.» А самъ Акирь поіде в домъ своі, хвалу воздавая Богу, избавльшему от горкия смерти.

И нача Акирь премудрыі искати жену свою Ѳеодулию. Жена жъ его Ѳеодулия порабощена бысть в дому сына своего Анадона, стадо велбужье пасуще. Акирь же премудрыі нашедъ жену свою Ѳеодулию, жена же его Ѳеодулия по гласу позна его, а по лицу его не позна Акиря премудраго, и пролия слезы своя, и возопи Ѳеодулия умильнымъ гласомъ, глаголюще: »Алевицкое мое солнышко! откуду еси возсияло ми? Уже мнѣ 3 годы не возсияло. Откуду, моі свѣтъ, взялся?« Одежда жъ была на Ѳеодулие велбужья кожа, а нозе ея в лыченицѣхъ, а лицѣ ея было аки котѣльное дно, от слезъ и от солнечного вара почернѣло, і от горкия работы і печали, і изпаде тѣло ея. Акирь же премудрыі на жену свою Ѳеодулию зряще, и прослезися горче, и вземъ жену свою Ѳеодулию за руку, и поіде в домъ своі радуяся. И пришедше в домъ своі, и обрѣте в дому своемъ толко 6 полатъ красныхъ. И нача Акирь премудрыі в баняхъ паритися по-часту, и сталъ имати мази и мазатися, и еству сахарную ясти, и пити питья заморския, и меды сладкия, и еству сахарныя. И пребысть Акирь в дому своемъ 5 мѣсяцъ, и готовъ бысть на царскую службу, аки трехъ мытеі ясенъ соколъ у ласкова сокольника. И повеле отрокомъ своимъ въ томъ часе седлати ѳережи бѣлые и рысы борзые, и вздѣвати доспѣхи и портища драгоцѣнные; и поіде Акирь премудрыі от царя Синограѳа посолъ ко граду Египту и к великому царю Ѳараону — словесемъ его отвѣтъ дати, а загатки его отгадати. Царь же Синограѳъ радостенъ бысть, і отпусти Акиря премудраго.

И пришедъ Акирь премудрыі ко граду Египту, и ростави шатры своя близко града Египта. И повеле отрокомъ своимъ саморучно ясти і пити, а женъ и девицъ повеле приводити на ложи своя, а никакоже не оскверниша; а самъ Акирь со всадники своими поіде ко царю Ѳараону, словесемъ его отвѣтъ дати. І пришедше Акирь премудрыі ко царю Ѳараону, и рече ему: »великиі царю Ѳараоне! западноі царь Синограѳъ алевитскиі и анизорскиі велѣлъ тебѣ посолство правити.« И глаголаше Акирь премудрыі царю: »да что еси ты, царю Ѳараоне, прислалъ посла своего Елдегу, а реклъ еси тако: царь Синограѳъ волю бы мою сотворилъ, а загадки бы мое отгадалъ, а словесемъ бы моимъ отгадалъ, а словесемъ бы моимъ отвѣтъ далъ. И что суть твоі словеса?« Царь же Ѳараонъ рече ему: »ты ли еси Акирь премудрыі?« Акирь же рече: »не язъ, господине, Акирь: Акиря несть, но погубленъ злою смертию; достоіна глава его царскоі сабли.« Царь же Ѳараонъ рече ему: »а ты кто еси?« Акирь же премудрыі рече ему: »язъ есми конюшеі, именемъ Анбугилъ, царя Синограѳа.« Царь же Ѳараонъ рече ему: »Анбугиле, свеі ми в песку ужище.« Акирь премудрыі рече: »господине царю Ѳараоне! здери мнѣ с камени лыко, чемъ ужище повивать.« Царь же Ѳараонъ отвѣту ему не даде. Акирь же премудрыі повеле отро-

комъ своимъ свирлы булатными у царевы полаты каменную стену вертети, и емлючи морскі песокъ, и повелѣ сыпати ю свирлянымъ окнамъ; песокъ же витися нача. Акирь же рече царю: »повели збирати песочное ужище.« Царь же Ѳараонъ рече ему: »Анбугиле! такова ми есть пакость от вашего царя Синограеа: у васъ кони ржутъ, а в моемъ царствѣ кобылы жеребятъ вывергиваютъ. Скажи ми, что есть сие?« Акирь же премудрыі повелѣ изыскати бога ихъ нощию: Египтяне же тогда неверни быша и не вероваша во святую Троицу, Отца и Сына и святаго Духа. И рабы Акировы изымаху бога ихъ, и водя по торгу, и нача бити палицами и ругатися; Египтяне же приідоша ко царю Ѳараону на Акиря бити челомъ, глаголаша великимъ гласомъ: »господине царю Ѳараоне! про что алевитстіи и анизорстиі посолъ Богу нашему наругаетъся?« Царь же Ѳараонъ повеле призвати Акиря премудраго. Акирь же пришедъ ко царю Ѳараону, царь же Ѳаронъ рече ему: »Анбугиле! старъ ли еси ты, или несмысленъ? про что богу нашему наругаешися?« Акирь же премудрыі рече: »господине царю Ѳараоне! тако учинилося пакость в нашемъ царьстве от вашего бога: у нашего царя былъ куръ златоперъ, розно красные песни пелъ, а будилъ нашего царя ко святеі заутрени; и тому куру вашъ богъ главу скусилъ.« Царь же Ѳараонъ рече: »неправда есть! въ вашемъ царе Синограее дани моя многолѣтныя взять.« Акирь же премудрыі рече: »царю! то ми суть твоя зазадка правая? 12 недѣль бѣжати караблемъ во Египетъ, а ты глаголешь: въ нашемъ царстве кони ржутъ, а в твоемъ царстве кобылы жеребятъ вывергиваютъ!« Царь же Ѳараонъ рече: »Анбугиле! сотвори ми градъ межъ небомъ и землею на воздусе, ничѣмъ не потпертъ.« Акирь же премудрыі рече отрокомъ своимъ, повеле изымати два птенца нагуевичи в лукоморе, и повеле отрока своего посадити на нагуевичи и привязати крепко; и повеле заіцы живые натыкати на тычкахъ, чемъ нагуевичи кормити, и повеле мясо давати нагуевичамъ. Нагуевичи жъ нача(ша) возвышатися к небеси блиско, царь же Ѳараонъ зряще на него с князи и боляры; отрокъ же нача на нагуевичахъ вопіті великимъ гласомъ: »о мужие египтяне! понесите лесъ, и камение, і известь.« Акирь же премудрыі повеле отрокомъ своимъ ездити по торгу и бити гражданъ, чтобъ несли каменые, и лесъ, і известь; слуги жъ Акировы ездя по торгу. нача(ша) бити египтянъ, глаголаху: »понесите лѣсъ и камение і известь! хощетъ Акирь премудрыі вашему царю Ѳараону построити градъ межъ небомъ и землею.« Египтяне жъ во градъ пріидоша со слезами ко царю Ѳараону, на Акиря бити челомъ, глаголаша: »великиі царю Ѳараоне египетскиі! немощно нашъ сего града устроити, а се хощетъ градъ сотворити Акирь премудрыі межъ небомъ и землею, на воздусехъ.« И рекоша царю Ѳараону: »ащо посла сего Анбугила не отпустишь в землю свою алевитскую и анизорскую, то запустѣетъ все царство твое.« Царь же слышавъ от князеі и боляръ своихъ тако, покорися Акирю царь Ѳараонъ, і нача со всеми людми своими дань давати; Акирь же премудрыі на Ѳараоне царе нача имати дани своя многолетныя; царь же Ѳараонъ нача Акиря и слугъ его дарами дарити многими. І собра царь Ѳараонъ с своего царства Египта много злата и сребра, и камения драгоценнаго, и отпусти его с честию великою. Акирь же премудрыі радуяся поіде во свое алевитское царство, к великому царю Синограеу.

И приеха Акирь, и нача посолство нравити от восточнаго царя Ѳараона египетскаго, и нача ему злато и сребро мерами отмеривати; царь же Синограеъ не прикоснуся ни к злату, ни к сребру, но единъ камень взя, и тому камню нетъ цены. И в томъ злате и сребре Акирь премудрыі у града Алевита заборы великие учинилъ изрядно добре и вельми хорошо. Великиі же царь Синограеъ алевитстиі и анизорстиі нача Акиря премудраго своими дары дарити за ево великую службу и за ево великие труды, і муку, і терьпение; Акирь же премудрыі поклонися до земли царю Синограеу, и горше прослезися, и нача глаголати: »великиі царю Синограее! много от тебя злата и сребра и бо-

гатества; а нынѣ, господине, выдаі мнѣ сына моего Анадона, почто́ онъ меня тебе государю не поделомъ оговорилъ? А то злато и сребра даі, господине, Анбугилу, конюшему своему, что онъ меня от смерти соблюлъ.«

Царь же Синограеъ отдалъ Акирю премудрому сына его Анадона. Акирь же премудрыі взя сына своего за руку, не яко сына, но яко врага вскормленика, и веде его с сенеі царевыхъ. И збыстся Давыдово пророчество: »обратится болезнь его на главу его, и на верьхъ его неправда его снидетъ.« Акирь же премудрыі повеле сковати кузнецамъ три чепи железные и тридцать прутовъ железныхъ, и прикова сына своего Анадона близко царевыхъ палатъ, и повеле пустити заповодь по всему царству: »о мужие алевитстиі а анизорстиі! аще кто поідетъ в царскую полату или ис полаты, тому ударити трижды Анадона, и глаголати: не рожденъ не сынъ, не окупленъ не колопъ! не вскормя, на себя ворога не видать.« Избиша об него тридцать прутовъ, і изпадоша чрево его и трупъ, і взвалися; и тако оканныі зле скончася, і исчезе прахомъ. Великиі жъ царь Синограеъ возврати села его, и церкви, и казну, і людеі его, і имение все; Акирь же от того часа нача служити верно царю Синограеу верою всею, царь же Синограеъ свое царство алевитское и анизорское советнику своему отказалъ Акирю премудрому. Акирь же царствовалъ после царя Синограеа много и с царицею своею Ѳеодулиею. Богу нашему слава во веки. Аминь.

ПОВѢСТЬ

ОБЪ ИВЕРСКОЙ ЦАРЕВНѢ ДИНАРѢ.

съ тобою предъ собою поставити велю.« Динара же (9) отписавъ къ перскому царю, сице глаголя: »Аще ты съ таковымъ ополченіемъ воинства своего вооружаешися на мя, противъ немощныя чади дѣвицы, аще и побѣдиши, безчестіе (10) ти будетъ, яко немощную чадь побѣдилъ еси: аще ли азъ воспріиму отъ Бога моего помощь, и пречистыя его Богоматере побѣду, и женскою ногою возступлю на царское твое тѣло, и отъиму главу твою, и каковой славѣ и чести оподобюся, яко царя перскаго побѣжду (11) женскою храбростію, а иверскимъ женамъ велію честь и похвалу принесу, а перскимъ людемъ наведу срамъ и студъ.« И (12) поиде со множествомъ вой (13) на страну ея. Динара же нача посылати велможи противъ перскихъ вой (14); они же рекоша къ ней: »како можемъ стати противу таковаго великого воинства и ополченія перскаго царя?« Динара же (15) отвѣщавъ къ нимъ отъ древнихъ писаній, рече: »воспомяните, братіе, Девору и Гедеона, со многими людми (16) Мадіамлянъ побѣди: не Господь (17) же ли Богъ нашъ и заступница пречистая Богомати поможетъ намъ? Но не отягчайтеся: аще ли не вооружимся противу иновѣрныхъ и за свою вѣру не умремъ, умремъ же всяко, и себе предадимъ въ работу (18), и которую (19) славу сотворимъ (20) своему благочестію, но посрамлени и безпамятни погибнемъ отъ иновѣрныхъ насилія. Нынѣ воспріимите мужество и одерзите отъ себе женочревство. Егда убо наполнившимся долинамъ отъ дождевныя тучи воды, и превалишную имущи мокроту, и помалу отъ велика солнечнаго вару изсушитъ мокроту, и много время пребудетъ земля суха и безплодна, и нужно собраніе плодовъ ея: такоже и въ нашей державѣ, умножившимся родомъ (21) и распространившимся, егда же ли стенятъ (22) ны персы и расплѣнятъ, како можемъ собрани быти, и которой чести и славѣ достойни будемъ, аще не воспріимемъ храбрства и дадимъ себе въ страхованіе, и повержемъ свое благочестіе, и отженемъ отъ себе мужество, и воспріимемъ жалѣніе о своихъ сокровищахъ? Егда бо жена зачатъ во чревѣ и начнетъ тяготнѣе быти, такоже и вамъ, богатство (23) воспріимшимъ и гордости наполнившимся, поверзите нарокъ единовѣрныхъ своихъ и оставляете любовь со единовѣрными своими, послѣди же и сами возрыдаете, и повержени будете, яко худыя рубы на земли, и попираеми ногами, никѣмъже брегоми. Отложите гордость и отдерзите отъ себе страхованія, и облецытеся въ храбрость! (24) Аще ли плѣнятъ вы персы, и расточатъ и расхитятъ богатство ваше, чего дѣля тако медлимъ? (25) Не ускорите (26) противу имъ. (27) Якоже и азъ, дѣвица, иду и воспріиму мужескую храбрость, и отложу женскую немощь, и облекуся въ мужескую крѣпость, и препояшу чресла своя мѣчемъ, и возложу на ся броня желѣзная, и шеломъ возложу на женскую свою главу, и воспріиму копіе въ дѣвичіи свои руцѣ: (28) и возступлю въ стремя воинского ополченія: не могу (29) бо слышати враговъ своихъ похвалы хулныя, плѣнующихъ жребій Богоматере Пречистыя Богородицы данныя (30) помощь и храбрость о своемъ (31) достояніи. Персамъ убо зрящимъ и безъ сна пребывающимъ. (32) якоже женѣ приближающися часу родити (33) чада своего, въ великомъ разстояніи тѣла своего пребываетъ, такоже и персы во многомъ истомленіи; нынѣ мы же ускоримъ (34) противу имъ, и не дадимъ вступити на страну свою, (35) придемъ на нихъ съ помощію пречистыя Богоматери; (36) аще восхощетъ владычица Богородица, и подастъ намъ побѣду на враги: вся убо ей возможна суть. Не отягчайтеся своего ради благородія, (37) и идемъ на нихъ, и начнемъ; а пречистая Богомати совершитъ ны: азъ бо на предъ васъ начну братися со враги.« Велможамъ же слышащимъ таковая (38) отъ устъ ея, и охрабришася (39) велми, и собравше вся воя, и рекоша къ ней: »дерзай, госпоже, дерзай!« И повелѣ Динара дѣвица царица уготовати вся воя своя, а сама самодержательница царица поиде (40) въ Шабренской монастырь, помолитися Пречистѣй Богородицѣ о дарованіи помощи на враги; а поиде бо сама пѣшима ногама босыма (41) по торнію и по острому каменію и жесто-

кому пути, и пришедъ въ монастырь, и вниде въ церковь пречистыя Богоматере, и припаде ко образу (42) ея на колѣну свою, и рече молитву: »Владычице Дѣво, госпоже Богородице! Въ твоемъ жребіи азъ державствую по твоему преданію, еже еси мнѣ предала своимъ милосердіемъ, отца моего власть воспріяла есмя, ты же, госпоже владычице Богородице, мнѣ немощной чади вручила еси надъ своимъ достояніемъ державствовати; но виждь, госпоже, гордого сего персянина, надѣющагося на себе и уповающаго на множество воинства своего. Азъ же, царице госпоже Богородице, надѣюся на тя и уповаю на милосердіе твое, и помощи отъ тебе прошу; не дай же, госпоже, своего достоянія на попраніе врагомъ нашимъ, и востани (43) въ помощь нашу, (44) не остави уповающихъ (45) на тя! Но, о владычице! потщися на враги и ускори на помощь нашу, и даруй храбрость немощной чади, и сокруши враги своя и покори подъ ноги наша. (46) Аще, госпоже, твоимъ посѣщеніемъ (47) и непобѣдимымъ воеводствомъ, Богомати, побѣжду враги твоя, и вся намъ предаси (48) еже отъ перскихъ сокровищъ да не воспріиму на расхищеніе, но вся отдамъ, госпоже, въ домы твоя, на украшеніе церквамъ дамъ (49) и на воспоминаніе твоея помощи и заступленія, еже показала еси милость во своемъ жребіи.

И по молитвѣ изыде изъ церкви, и сѣде на конь свой, и рече ко всѣмъ воемъ (50) своимъ: »Друзи и братія! азъ главу свою напредь васъ хощу сложити за достояніе пречистыя Богоматере и за свое благочестіе, и за все православіе нашея державы; аще ли же вы тако сотворите, Богъ да поспѣшитъ вамъ, и пречистая его Богомати да дастъ намъ помощь; аще ли же того не сотворите, Богъ да сокрушитъ, (51) и пречистая его Богомати да предастъ васъ въ работу и въ расхищеніе, якоже и Еврее.

И сія изрече Динара, и поиде изъ своея державы въ срѣтеніе перскаго царя (53) Адрамелеха, и приближися къ полкомъ перскимъ, и вземши копіе свое, и ударись скоро на перскія полки, и возопи гласомъ велінмъ, во услышаніе обоимъ полкомъ: »Господа нашего Інсуса Христа силою и пречистыя его Богоматере помощію!« И отъ гласа того устрашишася персяне, и начаша бѣжати; Динара же, и вся воя ея съ нею, погнаша ихъ и сѣчаху ихъ безъ милости; и удари персянина копіемъ, и пронзе, и ятъ перскаго царя Адрамелеха, и отъятъ главу ему Динара, и вонзе на копіе свое и несе во градъ Тевризъ перскій, и пріятъ градъ, и плѣни, и взятъ вся сокровища прежнихъ царей, и каменіе многоцѣнное, и блюдо ланное, (54) на немъ же ядяше Навуходоносоръ царь, и жемчюгу (55) драгаго, злата же многое множество, и нѣсть числа. И возложи дань на персы (56) на свою потребу, и на масти драгія, ашамагіи (57) повелѣ на свои конскіе подковы имати, (58) и возвратися Динара во свою страну, показавши славную побѣду, помощію пречистыя Богоматере Богородицы побѣди враги гордыя. (59)

ОТМѢНЫ ВАРІАНТА

Румянц. Муз. № 378.

1 *см.* во всю и *проч.* властодержство свое
2 и праведнымъ судомъ.
3 *см.* Ивѣріи.
4 царица.
5 *см.* посланники перскіе съ таковыми глаголы пришедшіе.
6 *см.* персянинъ.
7 *см.* посланіе.
8 пришедша.
9 *см.* отписавъ *до слова* сице—царица, слышавъ таковые глаголы отъ перскаго царя посланниковъ, отсла посланные его.

10 *см.* безчестіе *до слова* яко: — но чести тебѣ не будетъ.
11 *см.* погублю.
12 слышавъ Персанинъ, возьярися люте, и
13 *см.* со многимъ ополченіемъ.
14 *см.* перскихъ вой: — перскаго царя и его воинства;
15 царица.
16 *см.* воп.
17 *см.* Господь *до слова* но неотягчайтеся — Богъ ли дарова имъ побѣду? И нынѣ той же поможетъ намъ!
18 *см.* работство.
19 *см.* кую.
20 *см.* воздадимъ.
21 *см.* народомъ.
22 *см.* возмутъ.
23 и честь.
24 *см.* храбрьство.
25 *см.* закосняемъ.
26 *см.* но ускоримъ.
27 *см.* варваръ.
28 *см.* длани.
29 *см.* не хощу.
30 намъ отъ нея державы; та бо царица подастъ намъ.
31 спасеніи и
32 *см. со слова*: Персамъ: — о немже убо Персомъ борзящимъ, и безъ сна пребывающимъ, и конемъ ихъ томяшеся день и нощь, и въ великомъ трудѣ пребывающимъ.
33 *см.* рожденія.
34 имъ.
35 *см.* вступить *до слова* придемъ — влити во страну.
36 *см.* съ помощію *до слова* аще — Богоматеріею помощію.
37 *см.* благочестія.
38 *см.* глаголы.
39 *см.* охраброваcтеся.
40 къ Тевризу.
41 *см.* пѣшими ногама босыма: — пѣша, необувенныма ногама.
42 *см.* паде предъ образомъ.
43 *см.* но стани.
44 *см.* своимъ.
45 *см.* неоставн *до слова* но о владычице: — и возвыси надѣющихся на тя, и не уничижи уповающихъ на тя.
46 *см.* подъ нозѣ вѣрующимъ въ тя.
47 *см.* посѣщеніемъ.
48 *см.* преданная тобою.
49 *см.* твоимъ.
50 *см.* воеводамъ.
51 васъ.
52 *см.* якожъ Израилте(и)скихъ іереовъ.
53 *см.* персянина.
54 *см.* лальное.
55 *см.* бисеру.
56 *см.* Тевриза.
57 *см.* ашамахѣю.
58 а протчія грады раздаде велможамъ своимъ.
59 въ рукоп. № 457 здѣсь оканчивается повѣсть. Въ рукоп. же Румянц. Муз. № 378 повѣсть разсказывается дальше: ».... Таковую Пречистая дарова помощь немощной чади, и тако храбрство показа женскимъ ополченіемъ; и отъ таковаго гласа дѣвицы толико множество перскихъ вой устрашися, и таковымъ произеніемъ дѣвица копьями взя (!), и таковою скоростію дѣвича гласъ отъ страха персы омертвѣша, и таковое дерзновеніе дѣвицы дарова въ чюжую страну, и такову державу немощной чади вручи, и таковъ разумъ дарова Богоматерію сокровища царская обѣщаніе свое исполни: блюдо лальное, и каменіе драгое, и бисеръ, злато; и вся царьскія потребы, еже взятъ отъ персъ, роздаде въ домы Божія во своей области, и не прикоснуся ни ко единому отъ царскихъ сокровищъ, на воспоминаніе Богоматери, еже дарова ей таковую помощь. И нача дерьжати властьдерьжавство свое тихо и немятежно и съ перьсъ дань имаше, и до преставленія своего никтоже смѣяше отъ того времени дерьзнути или прикоснутися отъ окрестныхъ ея странъ, и повсегда Пречистыя заступленіемъ пребываютъ, никимьже обладаеми. И правяще власть свою тридесять и осмь лѣтъ и шесть мѣсяцъ, и предасть власть сродникомъ своимъ по преставленіи своемъ, и погребена бысть въ Шарбеньскомъ монастырѣ. Даже доднесь нераздѣлно державство иверское пребываетъ, а нарицаются отъ рода Давида царя, еврейскаго колѣна. Богу нашему слава, и Пречистой его Богоматери, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминъ.«

Внизу этой послѣдней страницы сдѣлана помѣтка другой рукой, другими чернилами, иным шрифтомъ:

»Лѣта 7101-го декабря въ 24 день былъ у государя царя и великого князя Ѳеодора Ивановича посолъ Иверского царя Александра, Арамъ князь, да архимандритъ Кирилъ.«

ПОВѢСТЬ

О ПРЕКРАСНОМЪ ДЕВГЕНІИ.

ПОВѢСТЬ

О ПРЕКРАСПОМЪ ДЕВГЕНІИ.

(Импер. Публ. Библ. Погод. древлехран. № 1773.)

ДѢАНІЄ ПРѢЖНИХЪ ВРЄМЄНЪ И ХРАБРЫХЪ ЧЛВЪ, Ѡ ДЕРЗОСТИ И Ѡ ХРАБРОСТИ І Ѡ БОДРОСТИ ПРЄКРАСНАГО ДЕВГЄНІА.

Бѣ нѣкая вдова царска роду и предала себя ко спасенію — отъ церкви николи же отхождаше, — и бысть у нея три сыны велелѣпны и велеозарны, молитвою же матери своея дѣюще храбрость о дѣлехъ своихъ. У тойже вдовы бысть дщерь велелѣпна и велеозарна красотою лица своего, и услыша о красотѣ ея дѣвицы тоя Амиръ царь Аравитскіе земли и собра войска своего множество много и поиде пакости творити греческой землѣ, для ради красоты дѣвицы тоя. И пріиде въ домъ вдовы тоя и восхитивъ прекрасную дѣвицу Амиръ царь мудростію своею и невидимъ бысть никимъ же въ греческой землѣ, но токмо видѣ единая жена стара дому того; а мати ея въ то время бысть у церкви Божіи, а сынове во иной странѣ на ловлѣ. И пріиде же вдова та отъ церкви Божіи, и не обрѣте прекрасной своей дщери и нача вопрошати въ дому своемъ рабъ своихъ и рабынь о прекрасной своей дщери, и рекоша ей вси рабы дому ея: »не вѣдаемъ, госпожа, дщери твоей прекрасной«, — но токмо едина жена стара дому того видѣла и сказала госпожѣ своей вдовѣ: »пріиде, госпожа, аравитцкіе земли Амиръ царь, и исхитивъ дщерь твою, а нашу госпожу, мудростію своею, и невидимъ бысть въ земли нашей.« И слышавъ же то вдова отъ рабы своея и нача терзати власы главы своея и лице, и нача плакати о прекрасной своей дщери, и рече: »увы мнѣ, окаянной вдовицѣ, аще бы были чада моя дома, да шедъ бы угонили Амира царя и отняли бы сестру свою.« По малѣ же времяни пріидоша въ домъ чада ея и видѣвше плачь матери своея, и начаша вопрошати матери своея: »скажи намъ мати наша, кто тя обидилъ, царь ли или князь града сего; токмо насъ не будетъ въ животѣ, то жь ты обидима будешь.« Рече жь имъ мати ихъ: »чада моя милая, никимъ же необижена града сего, развѣе имѣли есте у себя вы едину сестру и та нынѣ исхищенна руками Амира царя аравитцкіе земли; и урва ми сердечное кореніэ, и унзе мя яко бездушную трость; а нынѣ заклинаю вы, чада моя возлюбленная, да не преслушати вамъ заповѣди моея: идите вы, угоните Амира царя и отоймите сестрицу свою прекрасную; аще сестры своея не возмете, и вы и сами тамо главы своя положте за сестрицу свою, и я оплачу и объ васъ, яко безчадна суть.« И рекоша же сынове ея: »мати наша милая, не скорби ты о томъ, дай намъ благословеніе свое и молитву; вскорѣ скрыемъ путь свой.« — И препоясаша на себя оружія своя, и всѣдоша на кони своя, и поѣхаша, яко златокрылатые ястребы, кони же подъ ними яко ле-

таху, и доѣха сумежья срацынскія земли, и срѣтоша нѣкоего срацынина, стражи бдуша, и начаша братаничи вопрошати его: »повѣждь намъ, братіе, колко до жилища вашего Амира царя?« Срацынениньъ же изовлече мечь свой и течаше на нихъ дерзостно, а чающе яко бѣглецы суть, а не вѣдая ихъ дерзости. Скочивъ же ихъ меншей братъ и ухвативъ же срацынина за горло, и примча его ко братіи своей и хотяше его убити; рече жь болшый братъ: »братія моя милая, чѣмъ намъ о срацыненица мечь свой сквернить, и мы осквернимъ о самого Амира царя, той бо есть намъ виненъ.« А сего срацыненина привезаша на горѣ у древа, а сами поѣхаша путемъ тѣмъ, и срѣтоша иныхъ многихъ стражей Амира царя; отъ великія рекомыя рѣки Багряницы; бяше же ихъ числомъ 3,000. Видѣша же братія великую стражу Амира царя; и рече жь имъ болшый братъ: »братія моя милая, во единомъ ли мѣстѣ намъ ѣхать на стражу Амира царя?« И рече середній братъ: »братія моя милая! то есть стража великая Амира царя, и мы раздѣлимъся на трое.« Болшый братъ поѣде съ правыя руки, середній въ болшый полкъ, а меншый съ лѣвую руку, и поскочиша на амировыхъ стражей, и начаша ихъ бити, яко добрые косцы траву косити, овіихъ изсѣкоша, а овіихъ связаша и приведоша на гору высоку, и гнаша ихъ передъ собою, яко добрый пастухъ овца, и пригнаша ихъ на гору и побиша, токмо тремъ мужемъ животъ даша провожения ради по Амиру царю. И начаша ихъ вопрошати: »повѣждьте намъ, срацыняне: во градѣ ли вашъ Амиръ царь пребываетъ или внѣ града?« Отвѣщавъ же имъ срацыняне: »господіе три братіе, Амиръ царь нашъ внѣ града пребываетъ, за семь воприщь отъ града, и подъ тѣмъ градомъ многіе шатры у него стоятъ, а въ шатеръ во единъ многія тысячи вмѣщаются силныхъ и храбрыхъ кметей: единъ на сто напустить.« И рекоша же братаничи: »братія срацыняне, аще ли бы мы не боялися Бога, давно бы васъ смерти предали; но вопрошаемъ васъ: повѣждьте намъ, каковъ шатеръ Амира царя вашего?« Рекоша же имъ срацыня: »Амира царя шатеръ черьленъ, а по подолу зеленъ, а по шатру златомъ и сребромъ и жемчюгомъ укаченъ и драгимъ каменіемъ украшенъ; а у брата его шатеръ синь, а по подолу зеленъ, а по шатру тако жь златомъ и сребромъ украшенъ, а иныя многія шатры стоятъ, а въ нихъ пребываютъ многія кметъ, а емлютъ у царя прибытку на годъ по 1,000 и по 2,000, силніи и храбріи суть: единъ на сто человѣкъ наѣдятъ.« Братаничь отпустиша тѣхъ срацынъ трехъ ко Амиру царю своему словомъ вѣсть.... да не рекъ бы онъ такъ Амиръ царь, что мы пріидоша къ нему татемъ. И рече срацыняномъ братаничи: »поидете вы во своясе«. Срацыняне жь ради бысть отпущенію ихъ, сказаша царю своему; слышавъ же то Амиръ царь и ужастенъ бысть, и призвавъ кметевъ своихъ и рече имъ: »братія моя, силніи кмети! видѣхъ а ночесь сонъ, яко ястребы три біюще мя крилы своими и едва не предложиша на тѣлѣ моемъ ранъ; занеже братаничи сіи пріидутъ, а начнутъ прю творити.« Въ то жь время пріѣхаша братаничи къ шатру Амира царя и начаша кликати Амира царя: »царю, пеиди вонъ изъ шатра, повѣждь намъ; Амиръ царь, что еси неумѣешь на пути стражей ставити? мы жь къ шатру твоему пріѣхаша безо всякія оборони, а нынѣ повѣждь намъ... пришедъ и исхитилъ еси сестру нашу татьбою; аще бы мы втѣнеры были дома, то не могъ бы ты убѣжати съ сестрою нашею, но злою бы ты смертію умеръ, но и вся бы земля твоя отъ насъ въ работѣ была! А нынѣ повѣждь намъ, гдѣ сестрица наша?« Отвѣщавъ же Амиръ царь: »братія моя милая! видите гору оную велику и прекрасну: тамо бо посѣчены многія жены и прекрасныя дѣвицы, тамо же и сестра ваша посѣчена, занеже она не сотворила воли моея.« И рекоша же царю братаничи: »зло ти отъ насъ будетъ!« И поидоша они на тое гору искати сестры своея, мертвого тѣла ея, и видѣша на горѣ многія жены и прекрасныя дѣвицы посѣчены, и начаша сестры своея тѣла искати, и обрѣтше едину дѣвицу прекрасную зѣло, и начаша по ней сле-

зы испущати, чающе, яко сестра ихъ. Рече же имъ меншый братъ: »братіе! нѣсть сестры нашей! то есть не наша!« И сѣдше братаничи на кони своя, и вопіяше пѣснь ангелскую велегласно ко Господу: »благословенъ Господь Богъ нашъ, научая руцѣ мои на ополченіе и на брань!« И рече они между собою: »попомнимъ, братіе, слово и приказъ матери своея: днемъ ся родили, днемъ ся мы и скончаемъся по повелѣнію матери своея, и главы своя положимъ за сестрицу свою.« И прискочиша къ шатру Амира царя, и шатеръ его на копья своя подняша. И рече же имъ Амиръ царь: »братія моя милая! отъѣдите вы прочь отъ шатра сего и измечите вы межь собою жребій, кому отъ васъ со мною выметца жребій битись; аще мя преодолѣете, то и сестру свою возмете; аще азъ васъ преодолѣю, и мнѣ годно васъ всѣхъ посѣщы.« Братаничи жь отъѣхаша отъ шатра его и начаша метати жребія, и вергоша жребія впервыя и выняся жребій меншему брату на брань ѣхать. Братія жь въвергоша въ другой рядъ жребія, што не меншему ѣхать битися противъ Амира царя, понеже силенъ есть; и въ другой рядъ выняся жребій меншему жь брату битися. Они же вергоша жребій и въ третей рядъ: выняся меншему жь брату на брань ѣхать битися со царемъ Амиромъ, занежь они съ сестрою изъ единыя матерни утробы вмѣстѣ шли и во единъ день роженія ихъ. И начаша братаничи меншово брата крутить; а гдѣ стоятъ братаничи, и на томъ мѣстѣ аки солнце сіяетъ; а гдѣ Амира царя крутятъ, и тамъ нѣсть свѣта, аки тма темно. Братія же ангелскую пѣснь ко Богу возсылающе: »Владыко, не поддай созданія своего въ поруганіе поганымъ, да не возрадуютца поганіи, оскверня крестьянскую дѣвицу.« — И сѣдшы жь они на кони своя и сѣхася они вмѣстѣ со Амиромъ царемъ, и начаша ся сѣщы саблями и ударишася межь собою копьями. Видѣша жь то срацыняне и многія меншый братъ ихъ крѣпость твою побѣждаетъ; аще совокупятца вси три во едино мѣсто, то вся земля наша отъ нихъ въ работѣ будетъ. Меншый ихъ заѣде созади Амира царя и удари его межь плечь и долу его съ коня сверже, и ухвативъ же его за власы и примча его ко братіи своей. И рекоша имъ вси срацыняне велегласно Амиру царю: «отдаи, Амире царю, сестру ихъ имъ, да тя не погубятъ до остатку.« Рече имъ Амиръ царь: »помилуйте мя, братіе милая, днесь крещуся во святое крещеніе, любве ради дѣвицы тоя, да буду азъ вамъ зять.« Рекоша же братаничи: »брате, Амире царю, власть имамъ посѣщы тя и власть имамъ пустити тя, — какъ намъ за холопа выдать сестру свою, а нынѣ повѣждь намъ, гдѣ сестра наша?« Рече же имъ Амиръ царь слезно: »братія! видите оно въ полѣ прекрасно: тамо стоятъ многія шатры, а въ нихъ сѣдитъ сестра ваша; а гдѣ сестра ваша ходитъ, и тутъ изослано поволоками златыми, а лице ея покрыто драгимъ магнитомъ; а стражіе ея стрежаху далече отъ шатровъ.« Слышавъ же то братія радостьни быша и поскочиша стражіе (?) къ шатру ея и прискочиша; стражіе же не рекоша имъ ничегожь, а чающе; яко приходцы суть, а не чающе, яко братія ея. И пріидоша же братія къ шатру, и внидоша въ шатеръ къ сестрѣ своей, и обрѣтше же сестру свою на зла(тѣ) стулѣ сѣдящу и лице ея покровенно драгимъ магнитомъ; начаша же братаничи вопрошати слезно: »повѣждь намъ, сестрица, дерзость Амира царя, аще къ тебѣ прикоснулся единомъ словомъ, то отымъ же главу его и отвеземъ въ греческую землю, да потомъ не будетъ похвалятися, осквернивъ крестьянскую дѣву.« Въ то жь время Амиръ царь собра триста верблюдъ, и наполни на нихъ драгаго злата аравитцкаго, и далъ братаничемъ въ даровяхъ, любви ради дѣвицы тоя. И рече имъ Амиръ царь ко братаничемъ: »помилуйте мя, братія моя! отвергусь я вѣры своея и днесь

еси, то мы отъимемъ главу его и отвеземъ въ греческую землю, да не будетъ похвалятись, осквернивъ крестьянскую дѣву.« Рече же дѣвица ко братіи: »никакоже, братія, не имѣйте никакова о мнѣ во умѣ своемъ: коли я похищена Амиромъ царемъ, и тогда было при мнѣ 12 корилицъ, а нынѣ боюсь поношенія отъ людей и отъ своихъ сродницъ, занеже бысть полоненица; занеже и азъ повѣдала Амиру царю дерзость вашу, и Амиръ царь всегда ко мнѣ пріѣжьжаше единою мѣсяцомъ и издалеча на меня смотряше; лице мое повелѣ сродичемъ своимъ скрывати, а въ шатеръ никто николиже вхождаше; а нынѣ, братія моя милая, хощу къ вамъ глаголати, да прежь хощу васъ заклинати молитвою матери нашея — да не преслушати вамъ заповѣди моея: аще толко отвержетца Амиръ царь правдое вѣры своея, и днесь креститься во святое крещеніе и иного вамъ запятя (зятя?) таковаго не обрѣсти, занеже славою славенъ, и силою силонъ, и мудростію мудръ, и богатествомъ богатъ.« Рекоша же братія къ сестрѣ своей: »совокупитъ васъ матерня молитва со Амиромъ царемъ.« И рекоша братаничи Амиру царю: »аще хощешы быть намъ зять, и ты отвергися вѣры своея поганыя, любве ради сестры нашея; днесь крестись во святое крещеніе и поѣди къ намъ въ греческую землю, по любимой своея дѣвицы.« И рече же имъ Амиръ царь: братія моя милая! недамся азъ вамъ; не суть греченя, яко полонивъ зятя въ домъ свой ведутъ; нарекуся азъ вамъ зять съ великою честію; хощу прежь ѣхать и изобрать верблюды со всей земли и наполнити на нихъ богатества, и хощу изобрати сильные кнети, а хто хощетъ со мною итить во святое крещеніе; и пріиду къ вамъ въ греческую землю и нарекуся вамъ зять и буду славенъ и богатъ; а вы коней своихъ не томите: подожьдите мя на дорогѣ.« Братія жь, вземше сестру свою, и поѣхаша путемъ своимъ, а Амирскіи царь (?) пріѣхавъ къ матери своей и къ брату своему и нача имъ прелестію глаголати, да чтобы его не уняли, и рече матери своей: »мати моя милая! что ходихъ въ греческую землю и полонихъ себѣ любимую дѣвицу, и пріидоша во слѣдъ ко мнѣ братія ея и начаша со мною битись, и единъ отъ нихъ, меншы братъ, крѣпость мою побѣдилъ; аще бы совокупились всѣ три брата во единое мѣсто, то и вся земля наша отъ нихъ въ работѣ была.« Рече же мати ко Амиру царю, сыну своему, гнѣвно, и власы главы своея нача терзати и лице свое, и рече ему: »на что нарекаешься царемъ и силный кметь у себя имѣешы, придатку емлютъ по 1000 и по 2000, и ты иди нынѣ, и совокупи войска своего, и иди въ греческую землю, и побѣди братію, и любимую дѣвицу приведи ко мнѣ.« Амиръ же рече къ матери своей прелестію: »мати моя! азъ хощу тожь сотворить, собрати вои своя много и идти пакости творить въ греческую землю.« И рече братъ Амиру царю: »пондемъ, брате, вскорѣ, собравъ войско свое, да не допустимъ братію съ любимою дѣвицею во градъ.« И рече Амиръ царь ко брату своему: »сяди ты, брате, на престолѣ моемъ, а азъ единъ хощу ѣхати пакости творити въ греческой землѣ.« Въ то жь время Амиръ царь посади брата своего на престолѣ своемъ, а самъ собра войска много, и собра богатества и верблюды со всей (земли) и наполни на нихъ драгаго злата аравитцкаго и каменія драгаго многоцѣнного. Видѣвъ же то Срацыняне, яко на рать не ходятъ тако, а не глаголаша ему ничего. Доиде же Амиръ царь до сумежія Греческія земли, и рече Амиръ царь ко Аравитямъ: »братія моя милая, силніи и храбріи Аравитяне! хто хощетъ со мною дерзость творить, той поди со мною въ греческую землю пакости творити!« И рече отъ нихъ единъ Аравитянинъ, во устѣхъ имѣя у себя двадесять замковъ, и рече велегласно ко Амиру царю: »великій государь, Амире царю! пріидохъ отъ греческія земли въ нашу Срацынскую землю три юношы, и единъ отъ нихъ крѣпость твою побѣди; аще бы всѣ были три совокупилися во едино мѣсто, то бы и земля наша отъ нихъ вся въ работѣ была; а нынѣ ты хочешь итить въ греческую землю, то они насъ и до остатку всѣхъ погубятъ.« Амиръ же царь, отпустивъ богатество, на-

полненныя казны верблюды, впередъ въ греческую землю, и взявъ немного кметей своихъ и поиде въ греческую землю. Братаничи же не доидоша греческаго града за пятьдесятъ поприщь и сташа на полѣ; сестра же ихъ начатъ имъ молитися: »братія моя милая! не введите мя въ срамъ великій отъ человѣкъ и отъ своихъ сродникъ, занеже азъ исхищена была рукама Амира царя; подождите зятя своего нареченного Амира царя.« По малѣ же времяни пріидоша къ нимъ Амиръ царь со всѣмъ (войскомъ) богатествомъ и съ верблюды, наполненныя златомъ и сребромъ, и рече Амиръ царь: »слава Богу, благодѣющему мнѣ, яко сподобилъ мя Богъ братію въ очи видѣти.« И рекоша братія ко Амиру царю: »рабе Христове, буди ты намъ зять.« Два же брата, болшый и середней, съ сестрою своею поѣхаша во градъ нощію, народа ради, и внидоша въ домъ матери своея, и видѣвъ же матерь два сына и дщерь свою, и рече имъ слезно: »сестрицы вы свою добыли, а братца изгубили есте!« И рече ей сынове ея: »радуйся, мати, и веселися, братъ нашъ меншый пребываетъ съ зятемъ нашимъ нареченнымъ, со Амиромъ царемъ; а нынѣ ты, мати, доспѣвай бракъ великъ, занежь есми добыли зятя: славою славенъ, и силою силенъ, и богатствомъ богатъ; а нынѣ намъ ево ввести во святое крещеніе.« И вземше патріарха града того со всѣмъ соборомъ, и пріидоша на Ворантъ рѣку и сотвориша купель, и выидоша изъ града множество народа. Видѣвше же (то) братаничи настоина Амира царя отъ народа, братаничи же повелѣ Амира царя вскорѣ крестити во имя Святаго Духа, и крестиша его самъ патріархъ, а отецъ былъ крестной царь града того. И поидоша въ домъ матери своея, и сотвориша свадбу по 3 мѣсяца; и потомъ Амиръ царь сотвори себѣ особый дворъ и полаты и жити нача съ своею любимою дѣвицею. По томъ же времяни услыша мати Амира царя, что онъ крестися и отвергся вѣры своея, любве ради дѣвицы тоя, и нача терзати власы главы своея, и собра войска своего много (же) множество и рече имъ: »кто имѣетъ дерзость внити въ греческую землю къ господину своему Амиру царю и извести его изъ Греческія земли съ любимою дѣвицею его?« И рекоша жь ей три Срацыняне: »мы, госпоже, идемъ въ греческую землю и отнесемъ.... *книги* ко господину своему, царю Амиру.« И она же имъ даша много златницъ и даша имъ три кони: конь, рекомыи *вѣтреница*, вторыи *громъ*, третіи *молнія:* аще внидите въ Греческую землю и увидите господина своего Амира царя, и изведите его изъ Греческія земли, и сядете на вѣтреницу, и вы невидими будете никимъ же: аще внидите въ Срачинскую съ господиномъ своимъ Амиромъ паремъ и со дѣвицею его любимою, и сядите вы на громъ-конь, и тогда услышатъ вси аравитіи срацынскія земли; аще сядете на молнію и невидими будете въ греческой землѣ.« Срацыняне же взяша три коня и книги ко Амиру царю, и поѣхаша путемъ своимъ, и пріѣхаша подъ градъ Греческій, и сташа внеи града въ сокровенномъ мѣстѣ, и всѣдоша на молнію, и невидимъ бысть въ греческой землѣ. Тоя же нощы царица Амира царя, прекрасная дѣвица (царица), видѣша сонъ и ужасна бысть...., и повѣдаша братіямъ своимъ: »братія моя милая! видѣла я сонъ: въ нѣкое время влетѣша въ полату мою златокрылатыи соколъ и ятъ мя и изнесе изъ полаты моея, и потомъ прилетѣша три враны и напустиша на сокола, и соколъ мя опусти.« Братія же собравше во градѣ вся волхвы и книжницы и фарисеи, и повѣдаша сонъ сестры своея. И волхвы же рекоша братіямъ; »госпожу нашу, прекрасную дѣвицу, зять вашъ новокрещенный Амиръ царь, по повелѣнію матери своея, хощетъ исхитить изъ полаты и бѣжати въ Срацынскую землю, и съ любимою сестрицею вашею; а три врана, то суть три срацынеина — стоятъ за градомъ въ сокровенномъ мѣстѣ, прислани суть ко Амиру царю отъ матери съ грамотами.« Братія жь, пришедъ къ Амиру царю и начаша его вопрошати и обличать; онъ же кленяся имъ живымъ Богомъ, и вземъ же они Амира царя и поѣхаша съ нимъ за городъ съ книжницами и съ ари-

сеями, и обрѣтоша за градомъ три срацынянина, и они жь изымаша ихъ и начаша вопрошати. И они же имъ сказаша всю тайну, и взявъ ихъ во градъ и крестиша ихъ во святое крещеніе, и начаша жить у Амира царя, а кони ихъ вземъ Амиръ царь и роздалъ братаничемъ, шурьямъ своимъ. И потомъ книжницы начаша проповѣдывать о рожденіи Девгеніевѣ, и потомъ царица Амира царя прія плодъ во утробѣ своей, мужеска полу, и родитъ сына, и нарекоша имя ему Акритъ, и ввергоша его въ божественное крещеніе и нарекоша имя ему: прекрасныи Девгенеи, а крестиша его самъ патріархъ, а мати крестная царица града того; — и бысть во градѣ томъ два царя да четыре царевича. И потомъ воспитавше Девгенія царевича до 10 лѣтъ; на первоенадесять лѣто и на второе начаша копьемъ играти, а третеенадесять лѣто начаша на добрыхъ коняхъ ѣздини, и бысть гораздъ на драгантѣ храбровать, а драгантъ подъ нимъ играетъ. Самъ же юноша красенъ велми, лице же его яко снѣгъ, а румяно яко маковъ цвѣтъ, власы же его яко злато, очи же его велми великіи яко чашы, пристрашно зрѣти на него. Отецъ же его избра ему конь бѣлъ, яко голубь, а въ гривѣ его учинены многіе звонцы; отъ прегуданія и умъ человѣчь не можетъ смыслить; а какъ юноша начнетъ на томъ конѣ скакать, а конь подъ нимъ играть, и тѣхъ звонцовъ прегуданія умъ человѣчь исхититца. На четвертое же лѣто на 10 ѣздиша прекрасный Девгеней на всякій звѣрь безъ оружія, и нача отца своего нудить; отецъ же его нача ему говорить: »чадо! рано тебѣ о ловѣхъ звѣриныхъ мыслити.« И повелѣ кони свои сѣдлати и на ловъ ѣхати со юношами и съ шурьями своими. Людіе же града того многія поидоша на ловъ смотрѣть преславнаго того чюдеси, како сій юноша прекрасный, младъ, хощетъ звѣриную дерзость имѣти. Отецъ же его повелѣ зайцы изъ острова выгонять и нача ихъ ловить со псами; преславный же Девгеней посмѣявся и рече: »отче! не тако звѣрей ловятъ, но поѣдемъ въ далные пустыя лѣса.« Отецъ же его поѣде съ нимъ, и многія люди поидоша за ними смотрѣть храбрости его и дерзости, прекраснаго того Девгенія; и доѣхаша до темна лѣсу, и слѣзе съ коня своего, и нача по лѣсу ходить и смотрити какова звѣря, и видѣ прекрасный Девгеній лося бѣгуща и сугна его пѣшь, яко борзые.... (борзѣе?) борзаго фарыжа, и догнавъ, ухвативъ его за задніе ноги и раздра его на двое, и влече его положа на руку; и видѣвъ же медвѣдя лѣсомъ бѣгуща, Девгеній же храбрый видѣвъ медвѣдя, и поскочи, и догнавъ медвѣдя, розодравъ его челюсти и разодравъ его на двое. И видѣвъ же его храбрость и дерзость, отецъ его и вси людіе и удивишася зѣло; людіе же многи ту стояхуся и дивляхуся. По малѣ же времяни видѣвше отецъ его изъ острову бѣгуща, изъ густова лѣсу, лютый звѣрь разъемше челюсти своя и хотяще проглотити юношу; отецъ же его рекоша: »чадо мое милое, Девгеній, помет ай мертвая, зри живаго — на тя бѣжитъ и хощетъ тя поглотить; той есть не лось и не медвѣдь, съ великою бо обороною приступися къ нему.« И видѣвъ же юноша, прекрасный Девгеній, лютого того звѣря, и ухвативъ мечь свой и скочи къ нему встрѣчю, и удари его мечемъ по главѣ и разсѣкъ его на двое. Видѣвъ же отецъ его изъ острова и радостенъ бысть зѣло, и пріѣхавъ къ сыну своему, и поцѣлова его во уста и во очію, како дарова ему Богъ такова отрока и подасть силу надо всѣми храбрыми и сильными, и рече отецъ сыну своему: »о свѣтозарное солнце, преславный Девгеній! отъ поту звѣринова и отъ хля медвѣжая порты па тебя изрудилися; но идемъ мы, сыне, отъ сего лѣсу темного есть въ семъ лѣсу источникъ водный, въ немъ яко свѣща сіяетъ, отъ простыхъ людей не можетъ къ нему никто пріитьти, понеже бо въ немъ многая чюдеса творятся, и нынѣ поидемъ, чадо, ко источнику, и язъ самъ тебѣ своими руками омыю лице твое, и руцѣ, и нозѣ.« И видѣша же то граждане, и поидоша граждане зрѣти предивнаго чюдеси, и пріидоша ко источнику; и нача отецъ сыну своему лице омывати и руцѣ и нозѣ; и рече сынъ, прекрасный Девгеней: »отче, руцѣ мои моешь,

а еще имъ калнымъ быть.« По томъ же словеси прилетѣ змій великій ко источнику тому, четыре главы у себя имѣя, яко человѣчь. Видѣвъ же то преславный Девгеній, и взя мечь свой и поскочи противу его, и удари мечемъ его, и отня ему всѣ главы прочь. Видѣвъ же то отецъ его и вси людіе, и дивишася чюдеси его, и нача отецъ его омывати самъ своими руками, и положиша на него драгоцѣнные порты съ драгимъ златомъ аравитьскимъ, а перерукавіе съ драгимъ магнитомъ, и потомъ же юноша сяде на конь свой, рекомый на борзый фарь, и нача скакать, а подъ нимъ конь играть, звонцы же его доброгласныи начаша прегудать, и пріѣхаша въ домъ къ матери своей, и нача же мати его радоватися, видѣвше сына своего, и любезно цѣлова его, и съ тое поры прекрасный Девгеней царевичь нача помышляти о дѣлехъ ратныхъ.

Посланіе Филипапа и отъ дочери его Максиміаны къ Девгенію прекрасному.

Слышавъ же то Филипапа и дочь его Максиміана о храбрости и о силѣ прекраснаго Девгенія и начаша они помышляти, како бы его уловить, яко зайца въ тенето. Филипапа же храбръ и силенъ добрѣ и много у себя войска имѣетъ: такоже и Максиміана мужскую дерзость и храбрость имѣетъ, и войско ихъ силно и храбро добрѣ, яко Македоняне. И поидоста на преславнаго Девгенія царевича, не доидоша града греческаго и сташа на рѣцѣ Ефраитѣ, и послаша Максиміяна грамоты съ прелестію ко преславному Девгенію, а въ грамотѣ пишетъ: »о свѣте, свѣтозарное солнце, преславный Девгеней! ты царствуеши во всѣхъ насъ храбрыхъ и силныхъ, яко май мѣсяцъ во всѣхъ мѣсяцехъ: въ маѣ мѣсяцѣ всяка красота земная процвѣтаетъ и древа лиственное листомъ одѣютца, и вся небесная красота содѣваетца, тако же и ты въ насъ процвѣте, преславный Девгеній; а нынѣ молимъ тя, преславне, не полѣнися, пріиди къ намъ не во мнозѣ силѣ на Ефраитъ рѣку, да видимъ юность и храбрость твою; а никакоже нѣсть помышленія никакова жь.« И прочетъ же тое грамоту преславный Девгеній, и посмѣявся, и рече отцу своему: »отче! хощу ѣхать видѣти преславна и храбра Филипапа и Максимьяну дѣву.« Рече же къ нему отецъ его, Амиръ царь: »чадо мое милое, преславный Девгеней! рано тебѣ въ силную рать ѣхать: еще ты въ ратехъ не бывалъ, и ничево ратнаго дѣла нигдѣ не видалъ, понеже бо Филипапа въ ратехъ храбръ и силенъ, такоже и Максимьяна, дщерь его, мужескую дерзость имѣетъ, и войско ихъ храбро и много зѣло.« Девгеній же, отписавъ грамоту и посла грека мужа, а въ грамотѣ пишетъ: »срамъ ми есть великъ въ томъ противо дѣвицы ѣхать битися, а ты, старый Филипапа, во мнозѣ силѣ пришелъ еси и неповинныхъ людей множество привелъ еси ко мнѣ.« Прочетъ же грамоту Максимьяна дѣвица и рече греку мужу: »никакоже, свѣтозарное солнце и преславный Девгеній, и не имѣй помысла во умѣ своемъ никакова; занеже пріѣхали мы юности твоей видѣти.« Девгеній же день отъ дни помышляше, како бы ему видѣть храбрость Филипата, и поятъ съ собою грековъ немного, и возме молитву у отца своего и у матери, и вборзѣ сѣде на конь свой, и рече отцу своему: »отче и мати моя! въ томъ вы помышленія никакова не имѣте: никакоже отъ руки человѣческія на тѣлѣ моемъ не будетъ ранъ, занеже надѣюся на Бога, и на силу Божію, и на вашу молитву.« И поѣде въ путь свой и пріѣде на рѣку, рекомую Ефраитъ, и ста на брегу и посла грековъ своихъ къ Филипапѣ и къ Максимьянѣ дѣвицѣ; и видѣвъ же то Филипапа девгеніевыхъ людей не много, и нача за ними гонять со всѣмъ войскомъ своимъ. И видѣвъ же то Девгеній храбрый гоненіе своихъ предстоящихъ, и ухвативъ копье свое, и попре въ рѣку концемъ, и перескочи чрезъ рѣку пѣшъ, яко соколъ дюжей отъ руку ловца, и завопи гласомъ веліимъ, велегласно: »дайте мои борзы конь, рекомый фарь,« И всѣдъ на конь свой, и нача гонять, яко добрый жнецъ траву коситъ: въ первомъ поскокѣ тысящу поби войска Филипапы; и въ другой рядъ скочилъ, такожде 1,000 жь побилъ; а въ третій нагна Филипапу самаго и удари ево копьемъ, тупымъ

концемъ, межь плечь, и сверже его съ коня на землю. И видѣвъ же то Максимьяна дѣвица, что Девгеній вяжуще отца ея Филипапу, и заправя копье свое, хотяще пробости преславнаго Девгенія созади его; Девгеній же, видѣвъ то, и ухвати копье ея рукою своею, и удари ея дланію своею по лицу, и сверже ея съ коня на землю, и связавъ ихъ обоихъ, а войско ихъ, иныхъ побиша, а иныхъ живыхъ поимаша ихъ и гнаша предъ собою, яко добрый пастухъ овца или козлища, и перегнаша ихъ чрезъ рѣку. Въ ту жь пору старый Филипапа обратяся къ Девгенію и рече: »о златокрылатый ястрябь, преславный Девгеній! ты славенъ еси и силенъ во всѣхъ насъ силныхъ и храбрыхъ; еще тя есть храбрѣе и силнѣе на семъ свѣтѣ преславный Стратигъ, имѣя у себя четыре сына, а протчая воинства его не можетъ земля держати; и бѣ у него дщерь прекрасная и преславная Стратиговна, имѣя и она мужескую дерзость и храбрость, а красотою ея нѣсть на семъ свѣтѣ краше; мнози цари и короли храбріи и силніи суть, а нихто не можетъ ея пояти; хто не пріѣдетъ, тотъ не можетъ отъ ихъ царства живъ отъѣхать; развѣ тебя Богъ одаритъ, а нынѣ пощади мя и старость мою, отпусти мя.« Рече же ему преславный Девгеній: »хощу преже проповѣдати; аще истинну сказалъ ми еси, тогда пущу тя, толко возложу знаменіе на лице твое, протчаго ради времяни.« Потомъ же и Максимьяна нача ему молитися: »о свѣтозарное, свѣтлое солнце, преславный Девгеній! мнози ко мнѣ цари и короли присылалися ко мнѣ храбріи и силніи, во мнозѣ силѣ, а нихто мя не оскверни единымъ словомъ; всѣ побѣждени моими руками, а нынѣ Богомъ покорена есми тебѣ; еще ты совокупишыся со мною, да будемъ мы вмѣстѣ, и силы нашей не можетъ держати нихтоже.» И рече ей преславный Девгеней, дѣвицѣ Максимьянѣ: »не имѣю не отъ какова человѣка помощы, кромѣ молисти Божіи и матернія молитвы; та ми поможетъ.« А Девгеній же мудръ бысть велми и взя книгу и посмотри въ нея о житіи своемъ и о смерти, и досмотрився въ книзѣ той: аще Девгеній прекрасный совокупится съ Максимьяною дѣвицею, то житія его шеснадцать лѣтъ; аще достигнетъ прекрасной Стратиговны, и то житія его тритцать шесть лѣтъ, — и кликнувъ велегласно къ греку мужу: »поиди ко отцу и къ матери и моей поздравствуй ему отъ меня великимъ здравіемъ и реки имъ: радуйся отче съ матерію моею; что помыслилъ Филипатъ и Максиміяна дѣвица, да не бысть имъ тако, — а сего старого Филипата везите ко отцу моему, а Максиміану дѣвицу отдайте матери моей: аще къ ней прикоснетъся хотя единъ единымъ словомъ, то не можетъ сей день живъ быти.« И отпусти ихъ впредь, а самъ назади поѣхаша, и пріѣхаша въ домъ ко отцу своему и къ матери; отецъ же его и мати ради бысть зѣло, сождавъ своего сына, преславнаго Девгенія. Преславный же Девгеній нача мыслить во умѣ своемъ о прекрасной Стратиговнѣ, а Максимьяну дѣвицу повелѣша матери своей беречь и держати въ великомъ бреженіи, и нача прекрасный и преславный Девгеней у отца своего и у матери безпрестани умоляти, како бы ему видѣть преславнаго Стратига царя, и сыновъ его, и все ихъ воинство, и прекрасную Стратиговну. Отецъ же его нача унимать: »чадо мое милое, уймися отъ сего помысла: многіе то помышляше о самомъ Стратигѣ и о Стратиговнѣ, како бы имъ видѣти, да не збылося имъ видѣти ея.« Преславный же Девгеній взя молитву у отца своего и матери, и совокупи воя своя много, и взя съ собою драгоцѣнныя порты, и коня своего съ звончатыми гусли, и сяде на борзой свой фарь, и поѣде съ войскомъ своимъ ко Стратигу царю, и доиде сумежья стратиговы земи, и недоѣзжая до града за пять верстъ, и устави воинство свое, и повелѣ имъ межь себе около стражу крѣпко имѣти, дабы не скрали ихъ; а самъ поѣде прекрасный Девгеній на своемъ конѣ, которой въ звонцы играетъ, ко граду Стратигову, и пріѣде во градъ, во врата града Стратигова, встрѣте юношу стратигова двора, и вопрошате юношу того о Стратигѣ царѣ и о сынѣхъ его и о самой дѣвицѣ Стратиговнѣ. Отвѣщавъ же ему юноша: »нѣсть господина нашего Стратига царя дома,

но въ иной странѣ ловы дѣюще и съ четырмя сыновьями своими, а о самой Стратиговнѣ вопрошающе мя, господине, ино нѣсть таковые прекрасные на семъ свѣтѣ; многіе суть пріѣзжали къ ней цари, царевичи, короли, королевичи, а нихто въ очи ея не видалъ, и нихто живъ изъ царства сего не выѣзживалъ, занеже Стратигъ нашъ храбръ и силенъ и сынове его, опричесь воинства его, а воинству его и смѣты нѣтъ, а храбри суть такови: единъ на сто напуститъ; и сама Стритиговна мужескую дерзость имѣетъ, иному никому на ея зрѣть неподобно.... развѣе тебе.« И слышавъ же то Девгоній прекрасный радостенъ бысть зѣло, зане.... и въ книгѣ указано ему прикасатися ко Стратиговнѣ и жить ему тридесять 6 лѣтъ съ нею, и поѣде же Девгеней прекрасный градомъ Стратиговымъ, и пріиде ко двору стратигову, и нача възирати на дворъ стратиговъ. И видѣвъ же то сама Стратиговна и приниче ко оконцу, и видѣ красоту Девгеніеву, и нача во умѣ своемъ помышлять, занеже есть красенъ, а не силенъ. Девгеней же ѣздише по двору и возвратися назад... и пріѣхаша въ станъ свой съ новопріемнымъ юношею, и нача веселитися во всю нощь, и повелѣша людемъ своимъ въ тимпаны и въ набаты бити, и въ сурны играти, сіи рѣчь трубить, и въ гусли играть. И услышавъ же то прекрасная Стратиговна, начаша вопрошать мамокъ своихъ: что-де сіе за играніе подъ градомъ нашимъ велегласное? Рече же ей мамъки: »то-де, госпожа наша Стратиговна, пріѣде подъ градъ вашъ изъ греческія земли царевичь, Девгеній прекрасны, и преславны, и храбрый, а хощеть тебя взяти.....« Во утріиже поѣде опять во градъ Стратиговъ прекрасный Девгеній на своемъ бѣломъ конѣ, у коего здѣланы звонцы въ гривѣ, и пріѣхаша ко двору Стратигову, и нача на конѣ своемъ ѣздить, а гудцы и звонцы у коня въ гривѣ начаша играть, и отъ того играніа умъ исхититьца. И слышавъ же то Стратиговна и приниче къ оконцу своему, и видѣ Девгенія, и рече кормилицемъ своимъ: »видите на дворъ и вопросите его, что велію дерзость имѣетъ сей юноша ко двору нашему.« И выиде же кормилица и нача ему глаголати: »о свѣте, свѣтозарное солнце, младый юноша! велѣла тебѣ говорить государыня наша, жалуючи тебя, в..... ты красенъ, а не силенъ, что имѣш... ружіе и дерзость ко двору сему и из... ты изъ града вонъ, откуду еси пріѣхалъ; аще ли тя заѣдетъ отецъ мой и братія.....« (1)

(1) Конца недостаетъ. Мѣста, означенныя точками, не разобраны.

ПОВѢСТЬ

ГРАДА ВАВИЛОНА

И СКАЗАНІЕ О ВАВИЛОНСКОМЪ ЦАРСТВѢ.

ПОВѢСТЬ

ГРАДА ВАВИЛОНА.

(Изъ сборника профессора Ѳ. И. Буслаева.)

Бысть в Вавилонѣ градѣ царь, именемъ Аксерьскъ, славою і честию превыше многихъ великихъ царей. Нравъ у себя в сердцы имѣяше таковъ: аще у котораго князя или у боярина или у вельможи іли у простова человѣка увидитъ с копейку красно на лбу, и тѣхъ людей велитъ на лѣсъ высылать из града вонъ, і выслать да пусть тако и живутъ, хотя и помрутъ. Та убо притчя моровое повѣтрие. Родители же іхъ приношаху имъ ясти і пити и на пняхъ покладыва(ху); а с родителеми своими не съхождахуся много лѣтъ. Много лѣтъ царь Аксерскъ в Вавилонѣ царствовалъ, а люди на лѣсу живяху много лѣтъ, а иныя померли, а іныя многи порождахуся, и поженилися, і не видали, живучи на лѣсу, ни звѣря, ни птицы. Велики же царь Акъсерскъ преставися от царъства своего; они же тѣ люди, на лѣсу живучи, слышавъ от сродниковъ своихъ, что царь Аксерскъ преставися, и на лѣсу начяша собиратися на край лѣсу: хотятъ іти в Вавилонъ градъ. И обрѣтоша соснѣ сову, а под совою младенца, да тутъ же у сосны дикая коза. Они же недоумѣша какъ совѣ, и младенцу і козѣ імя дать. И даша імя совѣ Осоръ, а младенцу находъ, а козѣ ахаизда; младенцу второе имя Находъ-Осоръ; и видѣша ево: яко левъ бяше лицемъ; і взяша ево, и начяша питати; и поидоша в лѣсу в Вавилонъ. Вавилонски же князи и бояре, і вельможи, і вси храбрыя вавилонстиі витези, і вси вавилоненя встрѣтоша сродникомъ своихъ с великою радостию, і внидоша во градъ безчисленъное многое великое войско, яко бысть болѣ дву сотъ тысячь, и бысть в Вавилонѣ радость великая, что вси сродницы сьѣхались, иныхъ знающе, іныхъ не знающе; понеже на лѣсу мнози померли, а болѣ того породилися, и поженилися, во градъ вшедъ вѣнчяшася. И бысьть вкупѣ три лѣта безъ царя. В нѣкоторы день вавилонстии князи, и бояря, і велможи, і витези храбрыя. і вси вавилоненя съѣхались к лобному мѣсту, і начяша совѣтовати и говорити: царя у насъ нѣтъ над нами, всякъ у насъ болшой; а нынѣ мнози цари с великими силами совокупляютця на градъ Вавилонъ, хотятъ насъ разорить до основания. Изъ князей, іли из бояръ, іли изъ вельможъ выбратъ намъ царя. Инъ много болшихъ, никто не хочетъ быти? И усовѣтоваша поставити рогъ со смирною на вратѣхъ градныхъ, и повелѣша ѣздить коннымъ и ходити пѣшимъ из града і во градъ, и над кѣмъ рогъ воскипитъ, тотъ в вавилонскомъ государствѣ и царь будетъ. И поставиша рогъ со смирнаю, и начяша ѣздить и ходить із града і во градъ вси от мала и до велика: ни над кѣмъ рогъ не-

воскипить. И какъ поехалъ из града і во градъ найденой младенецъ, что на лѣсу нашъли под сосною, тотчасъ рогъ воскипѣ со смирномъ. Видѣвъ же велицы витези, и князи, и бояре, і вельможи такое великое чюдо, много радовашася, и говоря, и снидоша с коней и бысть с пѣшими вкупѣ, поклонишася вси радующеся і веселящеся. Находъ-Осоръ царь скипетродержатель намъ в вавилонскомъ царствѣ буди над нами царь во вѣки! И введоша ево в царской домъ, і воздѣша на него диадиму царскую, и на главу ево возложиша перфиру царскую, і даша ему в руки скипертъ царской, и посадиша ево на царскомъ престолѣ, и поклонишася ему всиі князи, и бояря, і вельможи, и храбрыя витези вавилоненя, і рекоша вси: радуйся и веселися, велики, и силны, храбры, і велеумны Находъ-Осоръ царь. Царствуй надъ нами во вѣки, оборони насъ и заступи храбростию своею, і велеумнымъ смысломъ от находящихъ на насъ великихъ царей. И бысть в Вовилонѣ радость великая. Находъ царь начя царъствовати в Вавилонѣ і бысть мудръ зѣло, и храбръ велми. Бысть же Находъ-Осоръ царь на царствѣ три лѣта, а сѣлъ на царствѣ шесть лѣтъ. В нѣкоторый денъ Находъ Осоръ царь повелѣ быти всѣмъ княземъ и бояромъ і велможамъ і храбрымъ витезямъ і всѣмъ вавилонянемъ к лобному мѣсту. І въ той часъ всѣ съѣхались. Велики Находъ-Осоръ царь начя говорити: сотворите мнѣ новы градъ Вавилонъ о семи стѣнахъ, на семи верстахъ; а върата бы едины, въсздъ и выездъ, а около града змиі велики: глава бы змиева во вратѣхъ градныхъ и с хоботомъ свилась! Они же вси, князи, и бояры, і вельможи, і храбрыя витези, і вси вавилоненя, царева повелѣнія не ослушались: новы градъ Вавилонъ сотвориша. И повелѣ царъскиі домъ учинить і всемъ домы своя устроить: по царскому велѣнію, все устроиша. І полюбися царю новы градъ Вавилонъ, і вниде в него со всѣми силами своими, с князи, и з бояры, и с велможи, і с храбрыми витези, и со всѣми вавилоняны. И повелѣ царь по всемъ гърадѣ, на хоромахъ, и на платьѣ, и на оружи і на сосудахъ, и на коняхъ, и на сѣдлахъ все змиі учинилъ: полюбилось царю то знамя. И повелѣ царь во вратѣхъ градныхъ во главѣ змиеве по обѣ стороны рѣшетки мѣдныя подѣлать, а за рѣшетки повелѣ навозить уголья; какъ посламъ будетъ приходъ, тогда царь повелитъ кузнецамъ в мѣхи дуть, и повелитъ разжечь; и какъ послы въедутъ во врата, і во главу змиеву, тогда кузнецы начнутъ в мѣхи дуть; і тогда искры, и дымъ, и поломя, повалитъ; послы же от ужасьти едва посолство справятъ, велики же Находъ-Осоръ царь подчивать и отпустить. І взя царь Находъ-Осоръ за себя царевну от великова царскова роду и прижилъ с нею царевича Василия, и повелѣ себѣ царь здѣлать мечь самосѣкъ аспидъ змиі. В нѣкоторы день с рубежа вавилонскихъ предѣлъ приехали вѣстницы: повѣдаша царю, что пришли в вавилонски предѣлы многия великия пари с великими силами, и плѣниша вавилонския предѣлы. Велики царь Находъ-Осоръ слышавъ, великия ярости наполнися и гнѣву, і повелѣ царь в тотчасъ 60 грозныхъ воеводъ на полѣ полки великия урядить. Подъ немъ подъ однимъ же воеводою в полку по сту тысячи, і кійждо воевода в полку своемъ по уставу на златой колесницѣ; во всѣхъ полкахъ знамена, и набаты, і понакры, и многогласныя трубы. Егда многия цари с великими силами к Вавилону приближахуся, тогда Находъ-Осоръ царь воеводамъ повелѣ битися. Тотъчясъ вавилонския воеводы начяша битися, другъ другу помогаша, из утра и до вечера сѣчяхуся; без милости пришедшихъ царей на градъ напърасно вавилоненя побили болѣ двою сотъ тысячь, а вавилонянъ побито три тысячи. І не могоша пришедшихъ царей с великими силами от града отбити. Егда ночь приспѣ, тогда вси своимъ полкамъ по станамъ разъехались. На утри же день возвѣстиша царю Находъ-Осору, что немогоша от града пришедшихъ царей с великими силами отбить понеже безчисленная сила. Велики же царь Находъ Осоръ, слышавъ от воеводъ своихъ, ярости и гнѣва наполнися, аки левъ ревы, пыхая, і повелѣ велики царь той часъ грознымъ воеводамъ

во всѣхъ полкахъ знамена урядить, в набаты бить, і в понакры, і во многогласныя трубы, а битися імъ не велѣлъ. Самъ же Находъ-Осоръ царь повелѣ себѣ велики конь осѣдлать, и опояса по бедрѣ своемъ мечь свой самосѣкъ, аспидъ змиі; и сяде на велики конь, і взя съ собою царевъ дворъ 200,000 а на всѣхъ знамяхъ змѣи, и пойде из града к своимъ на помощь. І какъ пришелъ к полкамъ своимъ, в тотъ часъ мечь самосѣкъ аспидъ змѣі из ноженъ выпоркнулъ от царя, и начя сѣчь без милости; а что знамя было у вавилонскаго войска, змѣи стали живы с конемъ, із сѣделъ, из платья — все змѣи стали живы; пришедшихъ царей с великими силами всѣхъ поѣли. Бавилонския же грозныя воеводы князи и бояре і вси храбрыя витези видѣша храбрость и мудрость цареву, возопиша веліими гласы: радуйся і веселися, велики і силны Находъ-Осоръ, царь заступа и боритель ото враговъ! А что знамя, змѣи во своихъ собрѣтахуся, мечь самосѣкъ аспидъ змиі у царя в ножнахъ во свое мѣсто вниде велики царь Находъ-Осоръ со всѣми силами своими вниде ва градъ Вавилонъ. Много лѣтъ царствовалъ царь Находъ-Осоръ в Вавилонѣ, и узналъ свою смерть; мечь самосѣкъ аспидъ змѣі во градную стѣну замуравилъ до скончания вѣки, и заповеда: неповелѣ никому вымати. И умре велики царь Находъ-Осоръ, и начя царствовати его мѣсто в Вавилонѣ сяде на царство сынъ ево Василиі Находъ Осоровичь. Аминь.

СКАЗАНІЕ

О ВАВИЛОНСКОМЪ ЦАРСТВѢ.

(Румянц. Музей № 374.)

Посланіе отъ Лва царя греческаго, во святомъ крещеніи Василія, иже послалъ въ Ва(ви)лонъ градъ посланники своя испытати, и възяти тамо знаменіе у святыхъ трехъ отроковъ Ананія, и Азарія, и Мисаила. Прежде царь греческій Василій хотя послати въ Вавилонъ градъ двухъ человѣкъ, розныя языкъ, христіанска роду, они же рекоша царю: »не достоитъ намъ двумъ отрокомъ, понеже путь тѣсенъ; и ты, царю, пошли изъ Грекъ Греченина, а изъ Обежанъ Обежанина, изъ Рускихъ Словянина.« И бысть сіе слово угодно царю Василію: сотвориша тако, якоже восхотѣша посланники его, и посла трехъ благочестивыхъ мужей первого христіянскаго роду, именемъ Юрия, втораго Греченина Иякова, третіего Обежанина Исавла Словянина. Егда же посла ихъ, а самъ царь Василей собра воинство, и поѣхаша в слѣдъ посланниковъ своихъ; и доѣхавъ царь Василей Вавилона града за 15 поприщъ, и призва посланниковъ своихъ, и глагола имъ: »послушайте мене: вамъ глаголю, Юрье, Исавле, и Яковѣ, нынѣ же пойдете отъ мене въ Вавилонъ градъ, водими Богомъ. Аще обрящете глаголъ знаменіе у святыхъ трехъ отроковъ, да принесите сѣмо на мѣсто, то и самъ азъ не отлучюся отъ мѣста сего, не буду соборникъ на враги о православнѣй вѣрѣ и за родъ христіянскій. »Тріе мужіе слышавша отъ царя глаголемая, и поклонишася до земли, и поидоша отъ царя путемъ ко граду Вавилону. Идоша посланницы медливо зѣло, понеже путь тѣсенъ, и съ великою нуждою идоша; и уже пріидоша близъ града, и ничтоже не видятъ, ни града, ни полатъ. И они пустиша кони своя въ поле, и обрѣтоша малаго звѣря; ту бо израсте быліе великое, аки есть волчецъ трава безугодная, кругъ всего Вавилона града; а вдалъ (въ даль?) отъ града Вавилона тоя травы за 16 верстъ; бысть же потому былію двѣ травы, а противъ тѣхъ травъ гадовъ всякихъ змій и жабы великія, и разно различнаго(?) ростворо, имъже числа нѣсть, аки великія копны сѣнныя віющеся отъ земли и до верху: они свисташа, а иныя шипяше, и отъ иныхъ студено изхождаше, аки въ зимѣ студено бысть. Божіимъ изволеніемъ и молитвами святыхъ трехъ отроковъ, не бысть посланникомъ тѣмъ страха и ни единыя отъ гадовъ тѣхъ, но сами вси гади бѣжаша отъ нихъ съ великимъ шумомъ, крыюще главы своя, и бѣжаша тропами в доли в траву былія того. Оныя же посланницы третій день пріидоша и до великаго змія того, иже лежитъ кругъ всего града, и обогнувся, како и малый змій согнувся лежитъ. Бысть же по стѣнѣ лѣствица отъ древа кипариса положена чрезъ великаго змія того на градную стѣну; а кто поставилъ ту лѣствицу, того никто не знаетъ, токмо самъ Христосъ вѣдаетъ; а высота лѣствицѣ

18 ступеней; на той же лѣствицѣ написано три писма: первое греческимъ языкомъ, второе обѣжанскимъ языкомъ, третіе словянскимъ и россійскимъ языкомъ. А написано глаголетъ сице: греческимъ: »коего человѣка Богъ принесетъ, пойди къ лѣствицѣ«; се же обежанскимъ языкомъ глаголетъ«: полѣзи на лѣствицу сію безъ боязни чрезъ великаго змія«; а по словенски глаголетъ: »да пойди и по другой лѣствицѣ во градъ и до самыя тоя церкви, не убояся. Бысть же тамо внутрь града чрезъ великаго того змія; самъ же той змій великій обогнулся лежитъ кругъ всего града Вавилона, а хоботъ свой прягнулъ и съ другія страны къ тѣмъ же вратамъ, гдѣ лежитъ глава. Посланницы же съ боязнію идоша на лѣствицу чрезъ великаго змія того, и по второй лѣствицѣ идоша внутрь, идѣже поставлена, зъ градныя стѣны и до церкви, и тамо на той лѣствицѣ написано три писма, что и на первой же лѣствицѣ; повелѣваетъ гадовъ тѣхъ ни самого того змія великаго не боятися, ни величества его. Посланницы же вшедше въ церковъ трехъ святыхъ отроковъ, и наполнишася у святыхъ благоуханія, бысть же въ церкви святыхъ трехъ отроковъ, многія ихъ писанія и дѣянія писаны въ лицѣхъ по стѣнамъ церковнымъ. Оныя же тріе благочестивыя мужи поклонишася гробомъ трехъ отроковъ и глаголаста: »придохомъ сѣмо поклонитися вамъ, святымъ отрокомъ Ананія, и Азарія, и Мисаила, Божіимъ изволеніемъ государя нашего греческаго царя Лва, во святомъ крещеніи Василія, принести отъ васъ къ нему, елико есть вы изволите дати.« И видѣша посланницы кубокъ стояше на гробѣ чюденъ зѣло, сотворенъ отъ злата и украшенъ жемчюгомъ и каменіемъ драгимъ; стоитъ же тотъ кубокъ полонъ мира и ливана. Посланницы же взяша тотъ кубокъ, испиша изъ него, быша весели и уснуша многое время, и воспрянуша отъ сна своего, и хотѣша взяти тотъ кубокъ со благоуханіемъ тѣмъ, и нести ко царю. Бысть же имъ въ тои время отъ гробовъ въ девятомъ часѣ дни гласъ: »не дерзайте сего кубка взяти, но пойдетѣ въ царскія сокровища, сія рече въ царевъ дворъ, и тамо возмите знаменіе. Посланницы же ужасни быша. Тогда же имъ третицею гласъ бысть: »не ужесайтеся, но поидѣте въ царевы полаты.« Они же восташа и поидоша; бѣ же дворъ царевъ стоитъ отъ церкви, какъ мочно изъ лука стрѣлить; на дворѣ же царевы полатъ многое множество. Бысть же одна полата велика зѣло и украшена паче прежнихъ полатъ многими вещми. Посланницы же виидоша внутрь полаты тоя, въ полатѣ же той стоитъ одръ царской сотворенъ отъ драгихъ узорочей и украшенъ, на немъ же два вѣнца царьскихъ: первой Навходоносора царя вавилонскаго и всея вселенныя, его царицы; и тутъ же видѣша грамоту лежащу, написану греческимъ языкомъ; сице глаголь: »сіи вѣнцы сотворены бысть, егда Навходоносоръ царь тѣло златое сотвори, въ то время воспрянувше отъ сна своего и хотяше взяти на полѣ Деврѣ, и бысть тебѣ вѣнцы отъ каменія самоира, и отъ бысара драгаго, и отъ злата аравитскаго сотворены суть и досѣле Богомъ, а нынѣ же бысть на греческомъ царѣ Львѣ, во святомъ крещеніи Василія и на его царицѣ Александре молитвами святыхъ отроковъ.« Посланницы же взяша вѣнцы и грамоту, и поидоша во вторую полату, и тамо видѣша драгіе завѣсы, и (сія) рече царскія завѣсы. Посланницы же хотяше взяти ихъ руками и запоны разсыпашася въ прахъ, понеже лежать много лѣтъ. Въ той же видяша крабицу середоликовой, въ ней же бысть царскія багряница, сія рече порпура; да тутъ же и видѣша стоитъ два ларца насыпаны злата, и сребра, и бисера драгаго, и многоцѣннаго каменія, и тутъ же видѣша кубокъ златый таковъ же, что и въ церкви святыхъ на гробѣ у святаго Ананія. Посланницы же, вземше крабицу, и злато, и тотъ кубокъ, и царскую багряницу, и вѣнцы, и каменіе драгихъ числомъ 25 камней, и драгихъ тѣхъ вещей какъ бы можно нести, къ царю Василію, и возвратишася отъ царскаго двора; и пріидоша паки въ церковъ трехъ святыхъ отроковъ и поклонишася гробомъ ихъ, и уже къ нимъ гласа нѣсть отъ гробовъ тѣхъ. Посланницы же сего ради въ великой

печали быша, и приступиша со страхомъ ко гробу святаго отрока Ананіи, и вземъ кубокъ, испиша изъ кубка того, и бысть весели, якоже и прежде сего, и усныша на всю нощь. Заутра же, свитающу воскресному дни на 1-мъ часу, бысть имъ гласъ вторицею глаголь: »умойте лица своя.« Посланницы же воспрянуша скоро и видѣша кубокъ стоящъ церковный съ водою; они же вземше его, и умышася лица своя, и воздаша хвалу Богу и святымъ тремъ отрокомъ; и егда совершися пѣніе утренное и часы, тогда бываше имъ гласъ глаголя: »кое взясте знаменіе у насъ, и нынѣ же пойдите въ путь свой, водими Богомъ, къ царю Василію.« Они же, слышавше сіе, и поклонишася гробомъ святыхъ трехъ отроковъ, и еще испиша по три чаши изъ кубка того; кубокъ же тотъ, Божіею благодатію, стоитъ полонъ: не убываетъ изъ него. Потомъ же посланницы пондоша къ лѣствицѣ, и донесоша своя тяжкія в(б)ремена, иже взяше во градѣ Вавилонѣ, и пондоша по лѣствицѣ изъ града и вторую лѣствицу чрезъ великаго того змія. Единъ же отъ нихъ Иаковъ Обежанинъ ступи съ верху на третію ступень и упаде съ лѣствицы на великаго того змія и убудиша его отъ сна. Великій же той змій послыша его, и воста на немъ чешуя яко волны морскія, и нача колебатися; посланницы же вземше третіяго своего друга Якова и скоро бѣжаша, и обрѣтоша быліе, къ царю Василію, и уже близъ полудни бѣжаше, и обрѣтоша кони своя на мѣстѣ, идѣже оставиша ихъ, и положиша обѣ бремена своя на кони своя. И въ той же часъ свиснулъ великій змій и не бысть таковаго зуку слышати нигдѣже. Посланницы же отъ свистанія того съ коней повергошася на землю, и лежаще на земли долгъ часъ мертви; по малѣ же времяни очнулися и сѣдши на кони своя, и пондоша на мѣсто, идѣже стоялъ царь Василій съ воиньствомъ своимъ, и не бысть на томъ мѣстѣ царя, ни воинства, ни вѣсти про него слуху, точію видѣша мертвыхъ множество. Въ коеже время тотъ великій змій свиснулъ, и въ то время въ стану царевѣ сотворися великая напасть царю Василію и людемъ его: людіе же его и все воинство съ коней спадоша, овіе умроша отъ свистанія того, и коней множество умроша. Царь же Василій убоявся сего и отступи отъ мѣста того з(а) 15 поприщъ на второе мѣсто отъ града Вавилона за 30 поприщъ. Печаленъ же бысть царь Василій о тѣхъ трехъ мужехъ, ихъже посла въ Вавилонъ градъ, глагола о нихъ: »уже дѣти моя умроша отъ свистанія того змія.« Тако ся стуживъ царь о посланницѣхъ онѣхъ и своими дѣтми и потомъ тако глагола царь Василій: »да пождемъ ихъ на мѣстѣ семъ малое время; чаю они сохранены живымъ Богомъ и молитвами святыхъ трехъ отроковъ.« Посланницы же они дошедше на второмъ мѣстѣ царя Василія и воинство его, и пріидоша поклонишася царю Василію. Царь же Василій видѣ посланниковъ своихъ; и возрадовашася зѣло, и прославиша Бога и святыхъ трехъ отроковъ. Посланницы же повѣдаша царю Василію вся бывшая по ряду, и крестъ чюденъ у святыхъ отроковъ, и о великомъ змiи, и о себѣ, како пострадали отъ змія того, и даша царю Василію грамоту, что взяше на дворѣ царевѣ въ полатѣ. Царь же, у посланниковъ взявъ, пойде патріярху; патріярхъ же вземъ у посланниковъ царскія вѣнцы и положиша на главу царю Василію, а другой царицѣ Александрѣ, и благослови ихъ. Царь же Василій вземъ у посланниковъ своихъ 20 каменей, а 5 каменей, и кубокъ, и посла во Іерусалимъ, и пять каменей остави у себѣ, а что они посланники принесоша злато и сребра и бисера драгаго и всякихъ узорочевъ царскихъ, и то все царю объявиша Василію. Царь же Василій не взя у нихъ ничтоже, и отдавъ имъ, и свыше того давъ имъ свой даръ по 50 златницъ злата; и тако глагола царь Василій: »пойдите со мною, и просите у мене елико хощете, и азъ по прошенію вашему и со вторицею дамъ вамъ.« Посланницы же, слышавше то отъ царя Василія, и поклонишася ему, и сшедшеся прославиша Бога и благочестиваго царя Лва, во святомъ крещеніи Василія. Богу нашему слава.

ПОВѢСТЬ

О МУЛЬТЯНСКОМЪ ВОЕВОДѢ ДРАКУЛѢ.

ПОВѢСТЬ

О МУЛЬТЯНСКОМЪ ВОЕВОДѢ ДРАКУЛѢ.

(Румянц. Муз. XV в. № 558.)

Былъ в Мутьянской земли воевода грѣчскыа вѣры христьянинъ, именемъ Дракула, латынскымъ языкомъ, а нашимъ дьяволъ рускимъ, толико зломудро. яко житье его по имѣни есть. От турскаго царя пришедша некогда к нему поклисаріе посолъ. Егда внидоша і поклонишася ему по своему обычаю, свои главъ не снимаа шапки, онъ же вопроси в нихъ: »что ради таково оучинисте, великому государю придосте и велику срамоту оучинисте?« Они же отвѣщаша: »таковъ обычая земли нашея государи держатъ.« Онъ же глагола имъ: »хощу и азъ вамъ от закона потвѣрдити докрѣѣ стоите.« И повелѣ своимъ гвоздье железное взяти и колпакы ихъ къ главамъ ихъ прибивати, и отпусти ихъ, рече: »шедши скажите государю вашему: онъ навыкъ отъ васъ ту срамоту тръпети, а мы не навыкехомъ, да не посылаетъ к намъ своего обычая і ко инымъ землямъ и ко ихъ государемъ, коихъ не хотятъ имѣти.« О послѣхъ тыхъ разъярися царь о томъ, и поидѣ воискомъ на Дракулоу со многими силами; онъ же, собравъ вся, елико имяху оу себя воиска, и ударися на нихъ нощью, и множество изби турковъ. И не възможе противъ многихъ людѣи малыми людьми битися и возвратися кои с нимъ с бою того; и нача пресматривати самъ: каковы у кого раны; оу кого на спероду, то тѣмъ честь и жалованіе подаваше и витяземъ его вчиняше; а кои созади раненъ, того на колъ повелѣ сажати, то беглець смердъ, да коли поиде на туркы, глагола воиску своему: »кто хощетъ смерть помыслити, то не ходи со мною остани аде.« Царь же слышавъ то, и поидѣ прочь со многымъ срамомъ и невозможь нань поити. Царь турскыи посла к нему поклисаря да ему дань дасть. Дракула же почти вельми поклисаря и показа ему всѣ свое имѣніе, и рече ему: »азъ не токмо хощю дань дати царю, но всѣмъ своимъ воискомъ и со всѣю казною хощю к нему на слоужбу ити, и ты возвѣсти царю, как поиду к нему, чтобы по своеи земли не велелъ мнѣ и людмъ моимъ никоегождо зла учинити своимъ людмъ, и азъ хощу скоро по тобѣ поити.« Царь же слышавъ от посла своего, что Дракула хощетъ по мне поити слоужити, бѣ бо радъ бысть тому, бѣ бо ратоуя тогды со восточными царьми и странми. И посла скоро по градамъ и по всеи земли своеи, да коуды Дракула поидетъ и ни кто же бы ему зла не учинилъ, но и честь емоу воздавали. Онъ же поидѣ яко 5 дней и по земли турскои, и внезапоу верноуся, и нача пленити грады и села, и много множество плени и посѣче, овы на колье посажа, а иныхъ сожигаше, и до младенцовъ ссущихъ млеко не-

остави, и во исю ту землю поусту вчини и многъ христьянъ во свою землю плененыхъ возврати, и много корысти добы. Приставовъ тѣхъ почтивъ рекъ отпусти: »повѣстуите царю, яко же видѣсте; сколко могу, столко ему послужилъ: будеть ему служба моя ему оугодна, и ещо ему послужю.« Царь же ничтоже ему зла вчини, срамомъ побеженъ. Колико грозенъ бысь Дракула во своеи земли, ненавидя зла кому вчинити, разбоа, татбы, или кою нужю или неправдоу, то ни како же боудеть живъ, аще священникъ или бояринъ или простои человѣкъ, аще и много богатства мѣлъ кто, не можетъ искупитися от смерти. Не на коемъ мѣстѣ бяше кладяжъ хладѣнъ и сладокъ, и мнози к тому источнику пути пришли от многихъ странъ и пьяху от источника того; Дракула же вчини чяру велику дивну и злату и постави на источницѣ томъ, и аще кто пьяше чярою тою златою, и пакы поставляше на томъ же мѣсте, и никто же смѣяше взять ю от страха, елико онъ пребысть. Аще коя жона от моужа прелюбы творитъ, и онъ велитъ срамъ ей вырезати и привязати ю среди торгу нагоу, и вдовамъ, такоже и со и дѣвьства не сохранятъ, а инымъ сосци отрезаху, овѣмъ кожю здираше, а инымъ роженъ во срамъ вивязаше и оусты похожаше: тако же оу столпа стояше, дондеже плоти ея отпасти. Таковъ бо обычаи имяше Дракула. Отколѣ к нему прихожаше посолъ от царя или от князя или от кроля не изящне и не умѣяше противу козиемъ его отвѣщати, то на колъ его всажаше, глаголя: не азъ повиненъ твоеи смерти, ни ты рци на мя зло что, ни государь твои; аще государь твои вѣдая тебѣ мало ума неучена, посла тя ко мне к великоумномоу государю, то государь твои убилъ тя есть: аще ли самъ дерзнулъ есь не научився, то самъ оубилъ еси себя.« И тако поклисаромъ вчиняше колъ великъ позлащенъ весь и нань всажаше, а ко государю его горче отписаше. Со прочими от оугорскаго короля приде к нему Матяша поклисарь, лахъ родомъ, не малъ человѣкъ; и повѣле ему сести с собою на обѣдѣ средѣ трупіа и пред нимъ лежаше колъ златъ весь великъ, добелъ и высокъ, и воспроси поклисаря: повѣждь ми, что ради оучиниихъ азъ сіи колъ тако? Поклисарь же велми убояся и глагола: »государю, мнитися тако: некои великои человѣкъ пред тобою согрѣшитъ и хощетъ почестную сему смерть вчинити паче иныхъ.« Дракула же рече: »право реклъ есь: ты еси великаго государя кралевский поклисарь; тобѣ вчиненъ сіи колъ. Онъ же отвѣщаетъ рече: »аще, государю, достойно смерти дѣялъ боуду, твори еже хощеши. Праведѣнъ еси соудия: не ты ми учини смерть, но азъ самъ.« Дракула же розимися и рече: »аще бы ни ты не тому отвѣщалъ, во истину былъ бы еси на сѣмъ колѣ.« И почтивъ его велми и одаривъ, пусти, глаголя: »ты во правду ходи на поклисарство, а прочіи да не дерзнеть, во прьвіе умни будеть, какъ с великымъ государи говорити. Некогда же обѣдоваше Дракула под труньемъ мртвыхъ человѣкъ, иже на колье всаженыи множество около трапѣзе его, и послы отколѣ прихожаху к нему, и тутъ же ядяху хлѣбъ и пословаху: онъ же средѣ нихъ сѣдяше. Слоуга же его пред нимъ стояше и сирада онаго не могыи терпѣти, затисноувъ носъ ева, и голову на сторону склони. Дракула же воспроси его: »что ради тако чинивши?« — »Осподарю, сирада сего не могу терпѣти! Дракула же тоу повелѣ его на колъ посадити, и рече: тамъ ти есь высоко, ино сирадъ тебя не дондетъ!

Единою же пусти веленіе по своеи земли, глагола: »да кто старъ, или чинъ недоужень, или врѣденъ, слѣпъ или хромъ, всякымъ недугомъ одержимъ, да вси ти придуть ко мнѣ, и до сотворю васъ всѣхъ бес печали.« И собрашася к нему вси недужніи, бещисла нищахъ чающ от него великои милости. Онъ же вчини велику храмину, и собра ихъ тоу, и повелѣ имъ дати ясти и пити доволно; они же ядоша и возвеселишася. Дракула же приходъ к нимъ глагола: »что ещо вы требуете от мене?« Отвѣщаша же и рекоша вси: »вѣдаетъ, государю, Богъ да твое величество какъ тя Богъ вразумитъ.« Онъ же глаголя имъ: »хощете ли: азъ васъ сотворю бес печали на сѣмъ свѣте

и ничимъ же нужени будѣте?« Они же чаяше от него велико нѣчто, и глаголаша вси: »хощемъ, государю.« Онъ же повѣле храмъ заперѣти и сожже ихъ огнемъ, и глагола ко бояромъ своимъ: »да вестѣ, что сотворихъ? пръвое; да не стужаютъ людмъ и никто же будеть нищь в моеи земли, но вси богати, второе, свободихъ ихъ, да никто же от нихъ постражетъ на сѣмъ свѣтѣ от нищеты или от недуга.« Единою же придоша к нему от оугорскія земль два латинина мниха милости (ни) ради, онъ же повелѣ ихъ развести розно, и призва единого к себѣ, и показа ему вокругъ двора много множество бещисленное на кольи люди и ни косѣхъ, и воспроси его Дракоула: »добро ли то азъ тако творю?« Мнихъ же глагола ему: »ни, государю, зло чинишь: без милости кажнишь: подобаетъ, государю, милостиву быти, а тѣ, иже на колѣхъ, мученици суть.« И призвава же и другого мниха, и вопроси его такоже; онъ же отвѣщавъ рече: »ты, государю, от Бога поставленъ еси лихо творящихъ казнити, а добро творящихъ жаловати, а си лихо творили, ино по своимъ дѣломъ восприяли.« Онъ же, призвавъ первого мниха и глагола емоу: »да почто ты из монастыря и своеи кѣли ходишь по великымъ государемъ, не зная ничто жь, а нынѣ самъ еси глаголалъ, яко тѣ мученици суть, и азъ хощю и тебѣ мученика сотворити, сиречь учинити.« И повѣлелъ его на колъ посадити, а другому повелѣлъ дати 50 дукатъ злата: »ты еси разоуменъ человѣкь.« И повелѣлъ его с почестью отпустити на возѣхъ до угорскыа земля. Некогда же приде к нему купець от угорскыа земли вь его градъ, и по его заповѣди оставивъ возъ на улици пред полатою и товаръ свой на возѣ, а самъ спаше у полатѣ, и пришедши некто украдѣ с воза 160 дукатъ злата. Купець же иде ко Дракуле и повѣда ему погоубленіе злата. Дракула же глагола к нему: »поиди, в сию нощь обрящешъ злато«. И повелѣ по всему граду искати татя; »аще не обрящете татя, то весь градъ погублю. И повелѣ свое злато положити на возъ нощью и приложи единъ златыи. Купецъ же воставъ, обрѣте злато, и зочте и дважды и трыжды, и обрѣташеся одинъ лишніи златникъ, и шодъ ко Дракуле: »государю, обрѣтохъ злато и бысь единъ лишніи златой.« Тогда привѣдоша татя, того и со златомъ. И глагола купцю: »иди с миромъ; аще бы ми се не исповѣдалъ злата и лишнего, то быхъ велелъ и тебѣ с симъ татѣмъ на колъ посадити.« Единою же идущю ему поутѣмъ и узре не накоемъ промахѣ срачицю худоу издрану, и воспроси его Дракула: »имаши ли жену?« Онъ же отвѣщавъ рече: »государю, имамъ.« Глагола емоу Дракоула: »вѣди мя в домъ твои.« И пришедъ, и видѣ жену его младоу суще и здраву; глагола мужеви: »не сѣялъ ли еси льну?« Онъ же глагола: »государю, много имамъ.« И показа ему ленъ. И глагола Дракула жене: »да почто ты имаеши лѣность к мужеви своему? мужъ твои долженъ орати и сѣяти, а тебѣ хранити; ты бо должна еси мужю своему одежю свѣтлоу и лѣпу вчинити, а ты и срачицѣ не хощеши нарядити; а здрава сущи тѣломъ; ты есь повинна, а не мужъ. И повелѣ еи руцы отсещи, а троупъ на колъ посадити.

Оучиниша мастери ему бочки железныя, и въсыпа в нихъ злато, и положь ихъ в рѣку; а мастеровъ тыхъ посече, да никто же увѣсть содѣланного имъ; сей же тѣзоимѣнитыи діаволъ. Некогда же поидѣ кралъ угорскыи на Дракулу воискомъ; онъ же поидѣ противъ ему, и срѣтошася, и ударишася обои, и ухватиша Дракулоу жива, от своихъ зданъ по крамолѣ, и приведенъ бысть ко кралю, и повелѣлъ его вмѣтноути в темницю в Вышегородъ на Дунаю выше Боудина 4 мили 12 лѣтъ, а на мутьянской земли посади иного воеводу. Ко сѣдяще в темници и не оста своего злаго обычаа, но мыши ловя и птици покупая на торгу, и тако казняше ихъ, овѣхъ на колъ сажаше, а инымъ главы отсѣкаше, а с ынои перье ощипавъ пущаше; научися в тѣмници шити, и темъ кормяшеся. Егда же краль Матияшъ извѣде его ис темници, и привѣдъ его на Боудино и дасть ему домъ в Пѣщи противъ Боудина. И ещо в короля не былъ, и случися некоему злодѣю прибечи на его дворъ, и сохранитися ему тоу. Гонящіи же его наидоша. Дракула же вземъ мечь свои

и искочи ис полаты, и отсѣче главу приставу держащого злодѣа, и злодѣя испусти; прочіи же бѣжаша. И пришедши къ кралю и повѣда ему бывшое. Краль же посла к нему и вопроси я: »что ради тако сотворилъ еси? Онъ же тако отвѣща: »зло никое же вчинихъ, но онъ самъ себя убилъ, находи разбойнически на домъ великого государя; аще бы пришолъ ко мне тотъ кобиревъ, и азъ бы во своемъ дому нашолъ бы того злодѣа, и его выдалъ, или простилъ его от смерти. Краль же вача дивитися со мѣнии сердцю его.

Оумершю же тому воеводѣ на Мутьянъской земли и краль посла к нему въ темницю, да аще восхощеть быти на Мутьянской земли воеводою, якожь и пръвіе, да тогда латынскую вѣру приметь; аще же не восхощеть, то в темници умреть. Дракула же возлюби паче врѣменная бесконечного, отпаде православна и отступи истинны, оставивъ свѣта и прия тму. Оувы, не возможе темничныя тягости понести, и оуготовися на безаконное мученіе безконечное: оставити православную вѣру християнскую греческоую, и приятъ латынскоую прелесть. Краль же не токмо дасть ему не точию воеводство на мутьянской земли, но и сестру свою родноую дасть за него в жену, и от нея же роди 2 сына. Поживъ яко 10 лѣтъ и тако скончася во прельсти. Конець же его сице: живящю ему в мутьянской земли, и придоша на землю ту тоурковѣ и начаша пленити. Онъ же оударисе на нихъ и побегоша турци. Дракоулино же воиско без милости сечаху. Дракула же возгна на гору от радости да видитъ, како секоутъ турковъ, отторгъшеся от воиска его, мняще яко турки, и оудари его единъ копьемъ. Онъ же видѣвъ, яка от своихъ убиваемъ, и ту оуби своихѣ оубиицъ 5 человѣкъ, его же мнози копьями избодоша, и тако оубіенъ бысть. Краль же вземъ сестру свою со 2 сынолы еа во угорскую землю на Боудинъ. Единъ при кралеве сыне живеть, а дроугои оу бордонского бискупа былъ, и при насъ умре, а третіи, старишии, Михаилъ, тутъ же на Боудинѣ видѣхомъ, от царя тоурского прибѣжалъ ко кралю: еще не женився, прижилъ его съ дѣвочкою. Стефанъ же молодовскыи и с кралевы воли посади на мутьянской земли некоего воеводу Влада, воеводскаго же сына. Бысть тои воевода Владъ от младъ ноготь былъ священникъ, инокъ, игуменъ в монастыри, да ростригся, и сѣлъ на воеводство на мутьянской земли, и женилъся, и мало побылъ; и Стефанъ его убилъ, и женоу его отнялъ. И нынѣ на мутьянской земли воеводствуеть.

ПОВѢСТЬ

О ШЕМЯКИНОМЪ СУДѢ.

ПОВѢСТЬ

О ШЕМЯКИНОМЪ СУДѢ.

(Импер. Публ. Библ. рукоп. in 4 отд. XVII № 41.)

В нѣкінхъ мѣстехъ живяще два пустынника: единъ богатъ, а другъ убогъ. Богатый же, ссужая много лѣта убогого и невозможе его скудости исполнити. И по неколику времени приіде убогій к богатому брату просити лошади, на чемъ бы ему из лѣсу дровъ привезти. Братъ же богаты не хотя убогому брату лошади дати, и рече ему: брате, ссужахъ тебя много, а наполнити тебя не могу. И даде ему лошедь. І нача у него просити: хомута нѣтъ. И оскорбися на него богаты братъ, и нача ему поносити, і рече ему: »какo, брате, что у тебя и хомута нѣтъ?« И не даде ему хомута. Убоги же поиде к себѣ, и пришедъ взя свои дровни, и привяза дровни к лошеди за хвостъ, і поиде в лѣсъ, і насѣкши дровъ і накладчи на дровни елико лошеди возможно везть, і повезе ко двору своему, і привезши дрова, і отворивъ ворота, а подворотни зарывъ выставивить, (?) ударивъ лошедь кнутомъ, лошедь же изо всей мочи бросяся з возомъ черезъ подворотню і хвостъ у себя оторвала. Убоги же вземъ лошедь, приведе ко брату своему богатому; братъ же росмотря, что лошедь его безъ хвоста, і не взявъ у него лошеди, і поиде на него бить челомъ во градѣ в лошеди; (убогій) за нимъ же, вѣдая, что будетъ по него из города присылка, чтобъ ему ѣзду приставомъ не платити. І приідоша до нѣкоего села не доходя города. Богаты поиде ночевать к попу того села по знакомству; убоги же братъ пріиде к тому же попу, і приіде лягя на полати, а богаты братъ нача попу сказывати про лошедь свою, чего ради ідетъ в городъ попу познатомъ (потомъ?) нача попъ з богатымъ, ужинать, і пити і ясти, убоги же нача с полатей смотрити что з братомъ его пьеть и ѣстъ, а ево не позовутъ. І незапу убоги урвася с полатей на зыбку, а в зыбкѣ удави попова сына до смерти. Попъ же, видя сына своего смерть, і совершася з богатымъ, пошелъ в городъ бить челомъ на убогово же в убиствѣ сына своего. И приідоша ко граду, гдѣ живяше судия Шемяка. Убоги же иде за ними; и внидоша все во градъ, и какъ убоги поіде мостомъ, мостъ же здѣланъ над глубокимъ рвомъ; и нѣки человѣкъ, житель того града, рвомъ под мостомъ везъ отца своего в баню; убоги, же размышляя в себѣ, что ему от брата и от попа будетъ погибель, и умысля в себѣ, и хотя самъ себѣ смерти предати, бросися с мосту в ровъ и упаде на старого человѣка ..... (1) везъ в баню. Убоги же до смерти уби его. Того жъ убогово поимавъ все, и приведе пред судию Шемяку. Убо-

(1) Не разобрано.

ги же мысляше какъ бы ему бѣди избыти, и умысля, взя камень, і заверте в платъ, і положи в шапку, і ста пред судиею, и принесе братъ его исковую челюбитную в лошеди і подаде судѣ. Судия жъ выслушавъ челобитную в лошеди, і рече судия убогому: отвѣщай. Убоги же не вѣды, что отвѣщати, и вынявъ из шапки в платѣ заверченной камень, и показа судѣ и поклонися. Судия жъ надѣяся, что ему от дѣла сулилъ, и рече судия истцу богатому брату: когда братъ твой у лошеди оторвалъ хвостъ, и ты у него лошеди не емли, до тѣхъ мѣстъ, какъ у лошеди хвостъ выростетъ: в то время у него лошедь і возми. І потомъ нача другій судъ быти, і подаде попъ исковую челобитную в мертвомъ сынѣ своемъ; той же убоги также выня платъ с каменемъ и такожь суде показалъ. Судья же видѣ и помысли, что ему от другова суда сулилъ убоги же, рече судия попу: когда той убоги ушибъ сына твоего ты, попъ, отдай тому убогому свою попадю тому убогому. Потомъ нача третій судъ быти, что билъ челомъ сынъ во отцевой смерти, что той убоги же бросился с мосту ушибъ у него отца. Убоги же вынявъ из шапки той же заверченой камень в платі, показа суде, судя же чая что ему третя узолъ сулилъ, и рече исцу: взыди ты на мостъ, а ты. убоги же, стань под мостомъ; і с мосту бросись на того убогого, яко же бросился онъ на отца твоего. Убоги же нача Бога хвалити, что судия по немъ судъ судилъ. Послѣ суда изыде исцы со отвѣчикомъ и с приказу, і нача богаты просити убогово лошеди своей. Онъ же рече ему по судейскому: какъ у лошеди твоей хвостъ выростетъ, в ту пору и лошедь тебѣ отдамъ. Богаты же даде убогому брату своему 5 рублевъ денегъ, чтобъ онъ лошедь ему отдалъ, ... (1) потомъ же убоги нача попади просити по судейскому указу, чтобъ ему взявъ попадю ребенка у ней добыть и с ребенкомъ бы попу попадю отдать; попъ же нача убогому бити челомъ чтобъ у него попади не ималъ; а убоги же нача проситися и попадю хотя у попа взяти, і даде попъ убогому за попадю 50 рублевъ денегъ, да кобылу з жеребенкомъ, да быка с коровою, да запасу всякаго хлѣба 40 четвертей. Потомъ же нача убоги третему исцу по судейскому указу говорить: я де стану под мостомъ, а ты взыди на мостъ, и ты с мосту бросися на меня, тако же яко же азъ на отца твоего. Онъ же, размышляя в себѣ: аще мнѣ бросится, ево будетъ не убити, а себя буде убити. І нача истецъ миритися и даде ему 30 рублевъ денегъ, да лошедь с коровою. Судия же выслал человѣка своего ко отвѣтчику и велѣлъ у его взять показанныя три узла взяти. Человѣкъ же судейской нача у него трехъ узловъ просити, онъ же, вынявъ из шапки заверченой камень в платѣ, показа тому человѣку, и человѣкъ нача его вопрошати: что те за камень кажешь? Онъ же рече: я де того ради сей камень здѣ казалъ, того какъ бы онъ не по мнѣ судилъ, і я тѣмъ камнемъ хотѣлъ ево ушибити. І пришедъ человѣкъ и сказа суде. Судья же, слышавъ человѣка своего, і рече: благодарю и хвалю Бога моего, что я по немъ судилъ, а къбы я не по немъ судилъ, и онъ бы меня ушибъ. Потомъ убоги отиде в домъ свой, радуяся и хваля Бога.

(1) Не разобрано.

ПРѢНІЕ О ВѢРѢ,

(по независящимъ отъ редакціи причинамъ, не можетъ быть помѣщено.)

ОТРЫВКИ:

1. О МОЛОДЦѢ ЕГО КОНѢ И САБЛѢ,

2. О МИХАИЛѢ СКОПИНѢ-ШУЙСКОМЪ.

СКАЗКА

О ПѢКОЕМЪ МОЛОДЦѢ, КОНѢ И САБЛѢ.

(Рукоп. Импер. Публ. Библ. Погод. древлехран. № 1773.)

Въ древнихъ было лѣтехъ, в далныхъ странахъ, колиде себѣ оликой молодецъ, смолода былъ бѣлъ кудрявъ, конь у нево былъ буръ косматъ, на ухо лысъ, задняя нога по окорокъ бѣла, передняя нога по лопатку бѣла, и всего того хорошае было, у добра коня 12 приметъ: ротъ какъ пасть, языкъ какъ рукавъ, грива колѣсомъ, уши колпакомъ, окорока висли, памяти вышьли, (?) оленьи мышки, заечьи почки, хвостъ какъ кутасъ, круглые копыты что полныи морские раковины, а очи у добра коня что великие питьи чаши на лобъ вышли, весь молодецкой колъ (конь) въ примѣтахъ что лютой зверь. И колиде себѣ оликой дороднъ молодѣць оседлаетъ своего добра коня, и вскинеть на нѣго свое седло черкаское и подстѣгаетъ двѣнатцать подпругъ бѣлого шелку шемахинского, у всакие подпруги прашьки красьного золота аравитцкого, и положитъ на добра коня свою узьду тесмяную и отстегнѣтъ на себя свой полныі садакъ, а в нѣмъ 300 стрелъ, пол 100 кибирей, 70 арчичевъ, 80 ташлыковъ, 30 сверѣчъ, опричепно надобныхъ стрелъ. А всякая стрела морьская трость. На трое колото и на четверо строгоно, і наливано въ нихъ красного золота аравитцкого; и опояшелъ на себя свою молодецткую вострую саблю тулушманку пошире драницы и немногимъ поуже тесьницы, за конѣмъ с саженъ и перед конемъ съ локоть, а ковано она въ красьномъ дорогѣ заморскомъ булатѣ, огницко вострое. сабли дорога камѣни самотьвѣтного, а у: ноженъ оконьца красного золота арвитьцкого; и свѣдали про тое его молодѣцкую востьрую саблю во многихъ далнихъ ордахъ многие царевичи и с королѣвичи, и учали из далныхъ ордъ своихъ к добру молотцу послы посылати, чтобы сь его молодецкие вострые сабли сняти образецъ, великие ради хитрости и м(у)дрости образца не сняли, и прочъ по своимъ далнимъ ордамъ розехалися; і учалъ себѣ отликой молодецъ своею вострою саблею похвалятися: не потому де моя молодецкая вострая сабля, что она кована в заморскомъ красне дорогѣ булате; потому де моя молодецкая вострая сабля дорога, что еѣ ковали 70 мастеровъ с семидесятъ городовъ, а всякой мастеръ ималъ; от своего хитрого мастерства по семи сотъ рублевъ; еще де моя молодецкая вострая сабля не потому дорога; потому де моя молодецкая вострая сабля дорога, что здѣлана она хитр(о)стию и м(у)дростию натоще, в ней же ката 2 дороги зерьна бурьминьские от майдана и до долу; еще де моя молодецькая вострая сабля не потому дорога; потому де моя молодецкая вострая сабля дорога, что ково азъ тою саблею ни тиновалъ, тотъ от единого разу живъ нѣжив.... И колиде себѣ отликой дородной молодецъ сядетъ на своего добра коня, и выедетъ в чистое полѣ и заиграетъ. ...

ОТРЫВОКЪ СТАРИННОЙ ДУМЫ

О СКОПИНѢ-ШУЙСКОМЪ.

....Родишася боярину князю Ивану Михайловичу Воротынскому сынъ княжевичь Алексѣй, не дошедъ до дву мѣсяцъ по четыредесятъ рожденія.

Бысть князь Михайло крестный кумъ, кума же княгиня жена Дмитрія Ивановича Шуйскаго Марія, дочь Малюты Скуратова. И по совѣту злыхъ измѣнниковъ своихъ и совѣтниковъ помышляше въ умѣ своемъ злу мысль измѣнничью, уловити аки въ лѣсѣ птицу подобну, аки рысь сжарити, корысть змія лютя злымъ взоромъ, аки лютъ звѣрь, діаволу потѣха бѣ сице, Сатанѣ невѣста готовится.

И како будетъ послѣ честнаго стола пиръ навесело,
и діавольскимъ омраченіемъ, злодѣйница та княгиня Марія, кума подкрестная,
подносила чашу питія куму подкресному,
и била челомъ, здоровалась съ крестнымъ Алексѣемъ Ивановичемъ;
и въ той чашѣ питія уготовано лютое питіе смертное.
Князь Михайло Васильевичъ выпиваетъ чашу до суха,
а не вѣдаетъ, что злое питіе лютое смертное,
А не въ долгъ часъ у князя Михайла во утробѣ возмутилося
и не допировалъ пиру почеснаго,
и поѣхалъ къ своей матушкѣ княгинѣ Еленѣ Петровнѣ;
и какъ входитъ въ свои хоромы княженскіе,
и усмотрѣла его мати, и воззрила ему въ ясныя очи,
и очи у него ярко возмутилися,
а лице у него страшно кровію знаменается,
а власы на главѣ у него, стоя, колеблются.
И воспламенилася горько мати его родимая,
и въ слезахъ говоритъ ему слово жалостно:
»чадо мое сынъ, князь Михайло Васильевичъ,
для чего рано и поздо съ честнаго пира отъѣхалъ?
Либо тебѣ богоданной крестной сынъ принялъ крещеніе не в радости,
либо въ пиру мѣсто тебѣ было не по отечеству,
либо тебѣ кумъ и кума подарки дарили непочестныя?
А кто тебя на пиру честно упоилъ честнымъ питіемъ,
и съ того питія навѣки тебѣ не проспатися!
И колько я тебѣ, чадо, по александрову зловоду приказывала:
не ѣзди во градъ Москву,
что ляхи въ Москвѣ лютыя звѣри,
а дышутъ ядомъ змінымъ измѣнчивымъ.«
И паде князь Михайло на ложи своемъ,
и нача утроба у него люто терзатися
отъ того питія смертнаго.

Онъ же на ложи своемъ въ тоскахъ мещущеся и біющеся,
и тоскующе и кричаще лютѣ зѣло,
аки звѣрь подъ землею,
и жедая отца духовнаго.
Мати-же, да жена его княгиня Александра Васильевна,
и весь дворъ его слезъ и горькаго плача и кричанія исполнися;
и донде слухъ сія болѣзнь его страшная до войска и подручія,
до нѣмецкаго воеводы до Якова Пунтусова,
и многи дохтуры нѣмецкія
со многими лечебными пригодами,....
и не можаше бо никако болѣзни тоя возвратити.....

ПРИМѢЧАНІЕ.

Этотъ отрывокъ выписанъ изъ хронографа Румянцовскаго Музея подъ № 472 католога рукописей. Хронографъ этотъ сохранился въ спискѣ со списка Ярославской духовной семинаріи, списаннаго съ подлинника, принадлежавшаго графу Алексѣю Ивановичу Мусину Пушкину, заключающаго въ себѣ почти исключительно описанія русскихъ происшествій, преимущественно XVII вѣка. Между такими описаніями есть одно, начинающееся на листѣ 117, и кончающееся на листѣ 122, подъ названіемъ о рожденіи князя Михаила Васильевича Шуйскаго: это біографія знаменитаго полководца. Мѣсто о его отравленіи и смерти отличается отъ остальнаго разсказа и языкомъ и складомъ, и очевидно должно быть современною народною думою. О смутной эпохѣ слагались народныя думы; нѣкоторыя изъ нихъ открыты академикомъ Гамелемъ въ Оксфордѣ въ рукописи и напечатаны сначала въ извѣстіяхъ II отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, а потомъ въ Памятникахъ великорусской народной литературы. Настоящій отрывокъ принадлежитъ къ этому разряду. Къ сожалѣнію, книжникъ, включившій его въ свой разсказъ, не сохранилъ его въ первоначальной простотѣ, а наложилъ на него отпечатокъ своей учености, какъ то можетъ ясно видѣть читатель.

ЛЕГЕНДА

О КРОВОСМѢСИТЕЛѢ.

ЛЕГЕНДА

О КРОВОСМѢСИТЕЛѢ.

ВАРІАНТЪ ПЕРВЫЙ.

(Изъ сборника, принадлежащаго профессору Ѳ. И. Буслаеву.)

Бѣ градъ, і в томъ градѣ бы нѣкій купецъ, именемъ Поуливачь. Іде из ложьницы своея і слышавъ той купецъ птицъ, зовымы голуби, два глаголюще между собою: »будетъ у господина нашего радость: жена его ему родить сына, і нарекутъ іме ему Андрей, і той отрокъ убиетъ отца своего, а матерь свою себѣ в жену возметъ, і 300 дѣвицъ старицъ растлитъ блудомъ.« І то бы монастырь от града того 30 поприщъ. И слышавъ той купецъ, и удивися о глаголани птицъ тѣхъ, і той убо купецъ заповѣда бабѣ: повелѣ ево смерти предать. І какъ приспѣ время рожденія его; баба же убоеся суда Божия і смерти отроча не предаетъ (по)заповѣди господина своего; і матери отроча того сказа; мати же ево повелѣ во святомъ крещеніи ввесть іерею, і нарекоша імя ему Андрей; і повелѣ мати его прерѣзати чрево его поперекъ ножемъ, і повелѣ на дщицу привязати поясокъ і пустити на море. І баба сотвори тако, якоже повелѣ мати ево. По повелѣнію же Божію, восташа волны морския и принесоша ево к монастырю дѣвичью, зовомы Купина, от града того тридцать поприщъ, і поставиша ево под монастыремъ дѣвичьимъ, і дщица у берега противъ монастыря. І выде из того монастыря черница воды почерпнути, і узрѣ отроча лежаща на дщицѣ мужескъ полъ, едва дышуще, мало гъласа ево слышить; таже убо черница, узрѣвъ і, скоро повѣда игуменьѣ. Игуменья же повелѣ ударить в било: и собрашеся вси черноризицы 300 ихъ числомъ і идоша досмотрити отрочати, і видѣша утробу ево разрѣзану. І рече игуменья ко старицамъ своимъ: »о дивное чюдо, сестры! Откуду се отрочати море принесло к нашіей обители?« Онѣ же недомышляхуся; і вси старицы плачущеся і заклинахуся іменемъ Божіемъ і Пресвятою Богородицею. Бяше же монастырь Пресвятыя Богородицы Неопалимые Купины. І глаголюще ко игуменьи: »мы не вѣмы, госпоже, сего дѣтища і не растлихомся. І рече игуменья: Богу изволившу, тако и будетъ. І взѣ его игуменья, і велѣла зашить утробу его, і вскормиша ево от козлия млека, і выкормиша ево до девяти лѣтъ, і даша ево нѣкоей старицѣ в наученіе грамотѣ; і нача ево посылати с сестрами. Отроча же бысть 15 лѣтъ, и вложи на умъ ево ветхи зломышленье і ненавистникъ рода христіанскова дияволъ мысль злую, і нача отрокъ той едину но единой дѣвицѣ и старице оскверняти блудомъ, овогда силно творяще блудъ, овогда любовию в тайнѣ улучи время, і то і со игуменьею блудъ сотвори. Игуменья же видѣ свое беззаконіе, і собра вся сестры своя 300 числомъ, і нача пред ними каятися грѣха своего, якъ золъ грѣхъ

сотворила еси (есть) со отрокомъ тѣмъ. І рѣкоша старицы: »не ради мы тому грѣху.« І поклонися ігуменья сестрамъ до земли; і сестры рекли игуменьѣ: »і насъ отрокъ той всѣхъ растли, овогда волею і неволею!« І начаша плакатися. І рекла имъ игуменья: »азъ вамъ повѣдаю, какъ меня отрокъ изнасилилъ блудомъ: прельстилъ мя своими многими притчами прежнихъ человѣкъ паденіи во грѣхъ мытарей, і гонителей, і блудницъ, і блудниковъ, і всѣхъ праведныхъ от вѣка, реклъ: покаяніемъ і слезами і милостынею спасохомся; азъ же слышахъ такое глаголаніе его, і разслабѣ тѣло мое, і разгорѣся сердце мое, і умомъ поколебахся, і тако в поползовеніи во грѣхъ великій впадохъ. Простите мя, сестры моя!« — І падоша (паде) до земли на многъ часъ, лежаще на многъ часъ на земли, и онѣ такоже от нея прощения прошаху, і прощеніе межь себя приняша со слезами, і такъ стали имѣть постъ, і молитву, і милостыню, а отрока із монастыря выслаша, і закрѣпиша ворота монастырския твердо, чтобъ мужескъ полъ не ходилъ нихто в монастырь. Отрокъ же той Андрей поиде во градъ Критъ, і не познаше отца своего, ни матери, і нанися у отца своего винограда стрещи; і даде ему заповѣдь: »аще кого узриши ідуща въ виноградъ, і того во дни или въ нощи устрели ево до смерти.« І тако отрокъ стреже у господина своего винограда і заповѣди его творяше. І рече господинъ его: »поиду въ виноградъ мой, іскушу стража своего.« І пришедъ полунощию к виноградным вратамъ, і увидѣвъ отрокъ той, і вза лукъ свой, і устрели отца своего до смерти, чая яко тать приде; і увиде отрокъ, что онъ господинъ его есть, і убояся, і шедъ скры ево под яблонью, і повѣда госпоже своей. Госпожа мало плакавъ, погребе ево; і мало время минувъ, восхотѣ отрокъ той поняти госпожу свою в жену, і браку сочетаему веселися, и возлегше на одръ спати, і хвати жена его за чрево, і на чьревѣ рубецъ. І рече госпожа его: »како се у тебе рубецъ?« Онъ же сказа ей по ряду, іже от дѣтища сотворися над нимъ, і како повелѣ его убити отецъ ево, і какъ мати ево повелѣ утробу прорѣзати ножемъ, і какъ по морю на дщицѣ плавалъ, к монастырю дѣвичью приплывъ, і какъ игуменья і сестры вскормиша козлинымъ млекомъ, і какъ сотворя с ними грѣхъ, і какъ ізгнаша ево із монастыря вонъ, і какъ приде во градъ Критъ: »и нынѣ поняхъ тя госпожу свою в жену.« Она же возопи гласомъ великимъ і рече с плачемъ: »не жена тебѣ есть, но мати твоя азъ; ты любимый сынъ Андрей, отца своего устрели в винограде моемъ!« І вскочилъ Андрей вскорѣ со одра своего, і рече: »о горе мнѣ окаянному, яко чрезъ законъ согрѣшихъ паче всѣхъ человѣкъ.« І посла мати ево во градъ Критъ искати отца своего духовнаго, іскусна исповѣдати ему вся съвоя согрѣшения порядъ. Іерей же не прости ево за ево многая согрѣшения. Онъ же, Андрей, уби того отца своего духовнаго налоемъ церковнымъ до смерти, і изыде из церкви тайно едино, і приде ко иному отцу духовному, такоже вся іисповѣда ему вся согрѣшения, еже согрѣшихъ от юности своея і до днесь, і донде слово о блудѣ і о кровопролитіи; иерей же не прости ево, і рекъ Андрею: »не подобаетъ намъ такихъ на духъ принять.« І рече Андрей, глаголя: »Христосъ приде в миръ призвати грѣшныхъ на покаяние; ты же, іерей, не хощеши простити мя во грѣсѣхъ моихъ; рече во Еванели: аще свяжете на земли, будете связаны на небеси; аще разрѣшите на земли, будете разрѣшены на небесѣхъ.« Іерей же рече: »не хощу азъ такова грѣха носити на себѣ, яко не имать таковаго прощения человѣку (къ), сотворивы грѣхъ.« Андрей же і того иерея уби і поясомъ своимъ извлече ево из церкви вонъ; такоже приіде к третьему іерею, исповѣда ему вся своя согрѣшенія; і тотъ іерей не прости ево за его многия грѣхи. Андрей же і третьяго іерея уби замкомъ церковнымъ до смерти. І рече Андрей себѣ: »іду во градъ Критъ, да тамо есть епископъ; той мя приіметъ на покаяніе; прозорливъ бо есть, да иметъ мя простити, і богобеязливъ. Аще не имать мя простити, пойду в далную страну къ царю во орду и вздвигну рать велику, і городъ Критъ зажгу, а людей в плѣнъ возму, а еписко-

ВАРІАНТЪ ВТОРОЙ.

(По списку XVII в. доставленному изъ Новгорода г. Гагелемъ.)

Во странахъ римскихъ нѣкии король, именемъ Пѣрькусъ (?) мудры, имѣ у себя единаго сына и дщерь едину, ихъ же велми любилъ. И егда бысть старъ и разболѣся велми, и призва к себѣ всѣхъ бояръ и вельможъ и рыцарей и князей, и рече имъ: »милые мои князи и бояры! вѣдаете, что мнѣ от сея болѣзни не востати; и дщерь у себя имѣю, а не совокупилъ ея законному браку, и нынѣ приказываю тебе, сыну своему, и благословляю, дабы онъ, братъ ея, послѣ моея смерти сестру свою, а мою дщерь, мужеви совокупилъ по закону, и имѣлъ ее по смерти моей честно.« Се рекъ и умре. И потомъ плачь и вопль велій во граде томъ учинися о кралевской смерти. Сынъ же его кралевствовалъ велми мудро и свою сестру имѣлъ и почиталъ добре, и любилъ и без нея ни пилъ, ни ѣлъ, и прилучися ему таковое разжение велми к своей сестрѣ еже бы прелюбодѣяние сотворити; и призва сестру свою и началъ ей помышление свое повѣдати: »молю убо тя, сестра моя, не буди противна воли моей, сотвори желание мое; аще сицеваго желания моего не сотвориши, не можеши мене видѣти жива!« Она же ему рече: »брате мой, не сотвори сего грѣха, понеже бо братъ ми еси и азъ есмь тебѣ сестра; но воспомяни заповѣдь отца нашего, какъ тебѣ заповѣдалъ под клятвою, дабы дѣвство мое сохранилъ. Бойся Бога, понеже бо грѣшныхъ ненавидитъ Господь Богъ.« И тогда король братъ ея не послушалъ прошения ея, и сотвори над нею волю свою, и потомъ кралевна нача велми плакати, и никто же не могъ ее утѣшити, но и король братъ ея множицею утѣшалъ, а любодѣяние свое совершалъ; и егда пріиде полгодное время и увѣда король, что сестра его во чревѣ зачатъ, и опечалися зѣло, и нача плакати, но утѣшити его отъ печали никто возможе; сестра же его нача разговаривати: »милой мой братецъ! послушай мене! не мы однѣ на свѣте первыя, что Господа Бога прогнѣвали и такое преступление сотворили! Есть у насъ человѣкъ старь и мудръ зѣло, и отецъ нашъ призывалъ его к себѣ, и спрашивалъ у него о всемъ, и тайну отца нашего вѣдалъ и хранилъ, и мы призовемъ его и скажемъ ему: что онъ намъ придумаетъ, то мы и учинимъ.« Призвалъ же король того человѣка и сказалъ ему с великою жалостию все по ряду, что ему приключилося. Человѣкъ же той рече ему: »послушай, кралю, моихъ словесъ: аще хощеши сие дѣло чтоб тайно было, и ты вели собрати всѣхъ князей и бояръ державы своея, да предъ всѣми отдаси кралевну свою мнѣ на руки, а самъ поиди ко гробу Господню и ко всѣмъ святымъ мѣстамъ помолитися, и проси ты прощения у Господа Бога о своемъ согрѣшении. Азъ же, взявъ сестру твою к себѣ, з женою моею тайну сию покроемъ! Слышавъ же король, похвали его мысль, и рече: »се сотворю, что еси мя повелѣлъ.« А в то время созва всѣхъ князей своихъ, бояръ, и рече имъ: »о милые мои вѣрные князи и бояры! вѣдомо вамъ буди, что азъ иду ко гробу Господню и святымъ мѣстамъ поклонитися, а сына не имамъ, но оставляю вамъ сестру свою, дондеже возвращуся, аз тебѣ, стары рыцарю, отдаю сестру мою на соблюдение. И простися со всѣми и поиде святымъ мѣстамъ поклонитися. Тогда той стары рыцарь взявъ кралевну на свои руки в свой градъ, и сказа женѣ своей всю тайну, и наказалъ ей велми, дабы все дѣло было тайно, и жена его в томъ обѣщание вѣрно даде ему, что ея таити до смерти своея. Кралевна же, будучи у рыцаря, пребы-

ваша с рыцаревою женою в особой храминѣ, и егда приспѣ время рождения, и видѣвъ то рыцаръ, хотѣ призвати попа младенца окрестити. Кралевна же рече: »не хощу азъ, дабы сие отроча не крещено было«. И повелѣ рыцарю учинити лодицу малую, и повивъ, велѣла его положити в ту лодицу, а под голову того младенца повелѣ положити пятьдесятъ фунтовъ злата, а под ноги фунтъ серебра, и листъ повелѣ написати: »кто сие отроча обрящетъ, да вѣсть яко отъ брата и сестры рожденное и некрещено, и иматъ под главою пятьдесятъ фунтовъ злата, а в ногахъ фунтъ сребра; и кто обрящетъ отроча сие да окреститъ его, за то возметъ себѣ злато, а сребро хранити ему в научение грамотѣ.« И положи тотъ листъ в сосудъ с великими слезами; и повелѣ рыцарю дѣтище то в лодице пустить по морю, дабы онъ плылъ по морю, куды Богъ ему изволитъ. Рыцарь же, взявъ младенца, злато, и сребро, и епистолию, положи в лодицу и пусти по морю; егда же бысть у двора своего, срете его посолъ кралевский, приде от земли святыя. Рыцарь же вопроси того посла: »откуду еси идеши?« Отвѣща же ему посолъ: »иду азъ отъ земли святые.« Рыцарь же рече »ему: что намъ повѣдаеши?« И рече посолъ: »государь нашъ король умре, и тѣло его везутъ из земли святые. »Слышав же сие рыцарь, велми плакася горко и жена его; егда услыша о смерти кралевскои, велми печална быша; и поиде рыцарь з женою своею и кралевнѣ. Она же видѣвъ ихъ печалныхъ, и рече имъ: »чесо ради вы печалны?« Они же рекоша: »госпоже милостивая! нѣсть мы печални о семъ, что избавилася еси отъ великия сея болѣзни!« Она же рече: »нѣсть тако; но скажите мнѣ аще что и не радостно.« Тогда рыцаръ нача ей повѣдати: нѣкій посолъ приде отъ земли святые, и повѣдаетъ намъ, что государь нашъ король, а твой братъ, умре.« Она же повелѣ посла того пред собою поставити; и егда поставиша посла того предъ нею, и нача его спрашивати о королѣ братѣ своемъ. Онъ же рече: »братъ твой и нашъ государе умре, и тѣло его везутъ из земли святые к его граду, дабы онъ подлѣ отца своего погребенъ былъ.« И слышавъ же кралевна падъ на землю, и от великои жалости плакася горко, с воплемъ неутѣшнымъ, и глаголя: »нынѣ азъ потеряла надежду мою и половина души моеи, брата своего единороднаго!« Тогда рыцарь утѣшаше ее многими словами: »видиши ли, милостивая наша кралевна, яко печали той не помощи, но сама себѣ от печали болѣзнь приимеши, а в кралевствѣ болшѣе смятение учиниши; но пойдемъ мы с тобою, гдѣ тѣлу брату троему погребену быти, учинимъ ему погребение честно!« И кралевна от печали мало нѣчто отдохнула, и щед ко гробу брата своего, и погребѣ его честно во градѣ. В то же время нѣкий князь бургонской посла своя послы честныя к кралевнѣ, хотя ея восприяти за себя и сочетатися с нею бракомъ. Она же ему отказала: что до смерти мужа себѣ не хощу имѣти. Посолъ же слышавъ же речения ея, возратишася и повѣдаша вся князю своему. Князь же сие слышавъ, велми разгнѣвался, и собравъ силу немалу и приде в землю ея, и многая мѣста огнемъ позже, и люди казни, и много зла сотвори, и от того великого страха кралевна унде в нѣкиі крѣпки градъ, и тамо многое время живе.

Лодица же та малая со младенцемъ но морю долголи плыла про то Богъ вѣсть, и приплыла в пятнишни день к нѣкому монастырю, и приключися в то время игумену ходити при мори, и узрѣ лодицу малу, и повелѣ ю рыбаремъ ко брегу припроводити, и обрѣтоша в лодице младенца в драгомъ платьѣ, и повелѣ его взяти, и обрѣтоша писание, и прочетъ его, и взявъ под главою злато, и подъ ногами сребро, и увѣда яко высокаго роду, и взявъ его, и окрестивъ, и даде имя Григориі. И потомъ отдавъ его ради воспитания нѣкоему рыбару. Рыбаръ же воспита его, и бысть отроча красно. Егда же бысть седми лѣтъ, взявъ его игуменъ к себѣ в монастырь в научение грамотѣ, и вскоре изучиша божественнаго писания, и того ради иноцы его возлюбиша духовною любовию; бысть же чтецъ божественнымъ книгамъ. В нѣкое же время прилучися Григорию того рыбара с сыномъ играть мечемъ, чая рыбаря отцемъ своимъ, и нѣ-

кимъ прилучаемъ удари мечемъ сына рыбарева; сынъ же рыбаревъ нача плакати и жаловатися матери своей; мати же его, вышедъ, нача Григория поносити, глаголя: »что, Григории, биеши сына моего, онъ есть лутчѣе тебя; и мы вѣдаемъ откуду еси ты? И рече к нем Григорий мати моя возлюбленная! или нѣсть азъ сынъ твой, что тако мя поносиши? Она же рече: нѣси ты сынъ мой, и не вѣмы откуду еси ты, но вѣтромъ носимы яко нѣкотораго дни обрѣтохъ тя в малой лодице по морю плавающа, и игуменъ далъ тя намъ воспитати.« Услышавъ же сие Григорие, нача горко плакати, и тече ко игумену и рече ему:« Честный отче! азъ чаяхъ сынъ что есмь онаго рыбаря, но нынѣ увѣдалъ, яко не сынъ его есмь, и егда отецъ и матере не вѣмъ, но молю тя и вседушно прошу, честный отче, отпусти мя в военъски чинъ послужити. Азъ бо здѣ болше сего не хощу жити. И рече ему игуменъ: »сыне мои милый! не мысли того, понеже вся братия любятъ тя, а по моей смерти будеши здѣ началникъ. Рече же ему Григорий: »азъ игуменства здѣ не желаю но пойду своихъ родителей искати.« И услыша сие игуменъ, иде в келию свою, и взявъ писание, кое обрѣлъ в лодице, и даде Григорию. Онъ же прочетъ, и разумѣ яко от брата и сестры рожденъ есмь и рече: »Боже вседержителю! каковыхъ азъ родителей имѣхъ! нынѣ же егда тако есть, поиду в землю святую работати Господеви за грѣхи родителей своихъ, и тако животъ свои скончаю.« Игуменъ же слышавъ сие, благословие, и отпусти его с плачемъ; потомъ и вся братия и людие монастыря того плакахуся о отшествие его. И тогда Григорие обрѣтъ корабль, и простався со игуменомъ, и с братиею, и со всѣми людьми монастыря того, и сяде в корабль, и поиде ко святымъ мѣстомъ. И плы от брега три дни и три нощи, воставше вѣтръ противенъ, и принесе его ко граду, идеже мати его живяше. Кораблеицы же не познаша града того или кралевство чие есть. Григорие же вышедъ ис корабля, и »ойде ко граду, и срете его нѣки гражданинъ. Григорие же моли гражданина того, дабы ему указалъ добрый домъ во обитание. Тои же гражданинъ вая его к себѣ в домъ свой со всѣми людми; а егда начаша хлѣбъ ясти, тогда Григорие же вопроси господина дому о граде той земли, и о людехъ, и кто ими владѣтель. И отвѣща ему господинъ дому того, и рече ему: »имѣли мы у себя короля велми честна и славна, и умре во святой земли, не остави намъ дѣтища, кому послѣ его в земли кралевство держати, толко намъ остави едину сестру свою. Нѣкие же князь восхотѣ ея въ жену себѣ поати, она же отказа ему глаголя: яко по смерть свою мужа не хотяше имѣти. Князь же той приде с воискомъ своимъ і силу ея поби, и многия грады огнемъ позже, а иныя за себя взялъ, опричь крѣпкаго града сего. И рече ему Григорий: »азъ есмъ рыбарь і воинъ, и с мечемъ в воинствѣ храбръ; поиди убо, вежды началнику града чего что онъ мнѣ обѣщается дати? Азъ буду воевати за правду дѣвы оныя, и за весь градъ противу ея неприятелей! И рече ему господинъ дому: »велми азъ мы веселимся о приѣзде твоемъ, тако і весь градъ возрадуется. Во утрие же день сие дѣло началнику сего града возвѣщу.« И поутру рано той человѣкъ шедъ во градъ и повѣда началнику своему и всѣмъ людемъ; людие же града того возрадовашася. И призва Григория и поставиша его предъ кралевну, похвалы его ради. Кралевна же прилежно на него смотрила, и не позна что сынъ ея есть; приятъ же его и даде ему великия дары, и увѣщалися, что ему землю ея очистить и наемъ у нея взяти, а про сына своего чаяла, что в тѣ же поры утонулъ. Тогда же Григорие бысть славенъ богатырь, и вышедъ противу того князя, которы землю кралевину воевалъ, и поби Григорие силу его до самыхъ шатровъ, и самому князю главу отсѣче, и силу его разгна; и бысть славенъ богатырь, и во единъ годъ всю землю от рукъ неприятельскихъ свободи, и возвратися от побѣды к началнику града по уговору плату свою взяти, и хотѣ ко иному граду итти. Рече же ему началникъ града: предивный воинъ! довлѣетъ тебѣ дати еже обѣщалися, но иду ко кралевнѣ, и помыс-

лимъ о твоемъ нашему. Приде же началникъ ко кралевнѣ и рече ей: »госпоже кралевна! за сию службу сего Григория да посягнеши замужъ за него; и сама ты вѣси, госпоже, что отъ враговъ твоихъ без государя нашего терпишь, да впредь бы кралевство твое не поколебалась, и немятежно было, и дабы ради прошения нашего имѣти сего воина Григория себѣ в мужа произволила, и онъ бы твое кралевство и впредь соблюдалъ. Сие же слышавъ кралевна, аще и не хотѣла мужа и до смерти имѣти, но за слово сие взяся в размышление до трехъ днехъ; егда же приспѣ день, тогда отвѣща при всемъ народѣ: »егда воинъ Григорий храбры и удалы насъ ради воевалъ, и кралевство наше от рукъ неприятелскихъ избавилъ, и сего ради хощу его в мужа себѣ взяти.« Слышавше князи и боляре и вси велможи, возрадовались, и положили день срочны, в онъ же быти законному браку произволениемъ всея земли; и не вѣдяше сына с материю. Егда же соединилися законному браку и они жили в веселиі. Григорий же, по обычаю своему, никогда ни пилъ, ни ѣлъ, но прежде входилъ во особую храмину и прочиталъ писание, кое с нимъ было в лодице положено, и оттуду со слезами исходилъ, и прилучися в нѣкое время нѣкоей дѣвицѣ видѣти короля плачюща, и прочитающа писание, и повѣда госпоже своей кралевнѣ: »в чемъ еси прогнѣвала государя своего?« Она же рече к ней: »яко никакова жена тако живе, яко же азъ з государемъ своимъ пребываю, но повѣждь ми, чесо ради тако ми глаголеши?« И рече к ней дѣвица: »азъ видѣхъ многажды како государь нашъ на всякий день прежде стола и послѣ стола входитъ во особую храмину веселъ, а из нея изходитъ велми плачетъ, а чего ради творитъ, и азъ сего не вѣмъ. Нѣкоего же дни отъѣхавшу королю на ловлю звѣрей, и кралева жена пойде в ту его особую храмину и обрѣте писание, и прочетъ е, и разумѣ, что отъ нѣя то писание, и рече: »кому сие писание обрѣсти, аще не бысть мои сынъ Григорий.« И нача плакати велми: »горѣ мнѣ окаянной! чесо ради на сей свѣтъ родилася! лутчебъ мнѣ было ащебъ умерла с материю своею! Услышавше сие мужие и жены, стекошася ко храминѣ той, и видѣша ю на земли лежащу, аки мертву, егда же ощутися, и бысть во умѣ своемъ, и рече: »приведите ми в часъ сей государя моего.« И воини сѣдше на кони, скоро гнаша до короля, и рекоша ему: »милостивый государь нашъ королю! кралевна твоя вельми болить и молитъ тебѣ, дабы ѣхалъ скоро. Слышавъ же король, скоро гна ко граду, и иде храмину, идеже жена его. Она же видѣвъ его и рече ему: »государь мой! повели да вси изидутъ вонъ из храмины сея, а мы здѣсь одни останемся, да никто же бы слышалъ словесъ нашихъ.« И егда изыдоша вси вонъ, она же нача вопрошати: »государь мои милы и Богомъ мнѣ данны супругъ! повѣждь ми, откуду еси ты и какова роду?« Онъ же рече к ней: »вѣдаеши ли ты о вопрошении моемъ, что азъ земли святыя есмъ.« Она же рече ему: »аще ли ты мнѣ правды не повѣси, то жива на свѣтѣ не хощу быти!« Королъ же рече к ней: »азъ былъ человѣкъ убогиі и не имѣлъ у себя ничего токмо едину воинскую збрую, которою кралевство сие избавилъ от рукъ неприятелскихъ.« Рече же ему кралева: »повѣждь ми, которыя еси ты земли и кто были родители твои? аще ли ты правды мнѣ не повѣси, то жива на свѣтѣ не хощу быти!« Онъ же рече ей: »азъ родителей своихъ не вѣмъ, токмо сие вѣмъ, яко некоторого монастыря игуменъ взялъ меня при мории и воспиталъ мя, и сказалъ мнѣ, что яко взялъ на морю в ладице малой, и до сего времяни дондеже в сю землю не приидохъ, и хранилъ мене.« И егда услыша кралева жена, и показа ему писание свое; онъ же пристрашенъ бысть и падъ на землю, и бысть пристрашенъ. И рече ему кралева жена: возлюбленныи государь мой! ты еси сыне мой, а братъ мой отецъ тебѣ былъ! А милое мое чадо! азъ велѣла в ту малую ладицу и с писаниемъ симъ любезно положити и егда родихъ — тя о горе мнѣ страшное! и много зла сотворше познахъ брата моего падение! Нынѣ же тебе, сына моего отъ него (и) меня рожденнаго, не познахъ и вмѣсто мужа имѣхъ его! Лутче бы мнѣ не родитися и матери своей не познати! О бо-

же милосердный лучебъ! азъ огнемъ сожжена была, или червиі изедена, нежели бы таковая сотворила! И рече королъ Григориі: »не чаялъ і азъ в такую злую впасти напасть.« Нача и онъ плакатися горко: Господи Боже вседержителю! Что на мя тако прогнѣвался еси, яко в таковую азъ напасть впадохъ! се мати моя, а стала быть мнѣ жена!« Видѣвше таковую великую напасть и печаль сына своего, и рече ему: »о возлюбленный мои сыне! нынѣ стану азъ Господу Богу молитися и труды ко трудомъ прилагати и странствовати до исходу души своея! Ты же владей кралевствомъ!« Рече к ней сынъ ея: »не тако, мати моя, но ты государствуй в кралевствѣ семъ; азъ же поиду странствовати и плакать вся дни живота моего, аще Господь Богъ проститъ, грѣхи наша!« И воста нощию, одѣявся в нищенскую одежду, и простився с материею своею, и поиде босыми ногами, идѣже Богъ наставить и приниде в нѣкиі градъ и в домъ нѣкоего рыболова, и моли его дабы пустилъ обначевать. Рыболовъ же видѣ человѣка благородна, а не странна, и рече ему рыболовъ: »вижу бо тя, человѣче, по образу, что не отъ простыхъ еси человѣкъ. »Григорий же к нему рече: азъ есмъ странникъ, и всякия добродѣтели лишеныи; но точию пусти мя, Бога ради, в домъ свой.« Услышавъ же жена рыбарева, и рече мужу своему: дабы онъ пущенъ былъ. Рыбарь же веде его в домъ свой, и даде ему хлѣбъ ясти. Рыбарь же повѣда Григорию: »хощеши ли азъ знаю на море островъ пусто мѣсто подобно жити Бога ради странному человѣку. Григорий же радъ бысть и паде ему в ноги и рече: скажи ми, господине, мѣсто сие.« Рыболовъ же рече: »во утри день азъ тя отвезу на мѣсто оно. »Нощи же прошедше, взя рыбаръ с собою Григория на море, и ввѣдоша в ладицу, и отплыша от брега поприщъ шестьнадесять, и присташа к оному острову, и обрѣтоша на немъ полату пусту. Григориі же вшедъ в ню, и повелѣ рыболову себя заключити, и ключь вовреши в море. Рыболовъ же затворилъ Григория и заключи его замкомъ, и ключь вверже в море, и возвратися в домъ свои. Григориі же пребысть в той в полатѣ семьнадесять лѣтъ, плача и молися Богу. В тоже время не стало в Римѣ папы. Бывшу же взыскнию многу, еже бы обрѣсти мужа свята на престолъ святаго апостола Петра и Павла, и гласъ бысть с небеси глаголя: »поищите мужа свята Божия именемъ Григория, и освятите его папою.« Слышавъ же людие таковое неизреченное чюдо, и возрадовашася, и послаша по различнымъ странамъ искати свята мужа Григория. Посланникомъ же тѣмъ прилучися обначевать у того же (рыболова); рыболовъ же вопроси ихъ: »откуду есте, и куды путь вашъ?« Они же рекоша ему: »друже нашъ! много странъ обыдохомъ, ищуще мужа свята именемъ Григория, иже отъ Бога нареченъ быти папою в Римѣ. Слышавше рыбаръ и воспомянулъ оного странника, и повѣда имъ глаголя: »прежде сихъ лѣтъ ночевалъ у мене нѣки человѣкъ страненъ, именемъ Григориі, его же азъ отвезъ на море на нѣки островъ пустъ, и затворивъ и заключилъ его въ пустой полатѣ, и завергъ тотъ ключь в море, и тому лѣтъ семьнадесять чаю; по сие время онъ умре!« И прилучися того дни тому рыболову ловити рыбу, и ізловилъ токмо едину рыбу, и распоролъ ю и обрѣте въ ней ключь, иже кинулъ в море, егда заключилъ Григория. И возопи гласомъ велиімъ: »видите ключь, которы азъ кинулъ въ море, егда же заключилъ оного Григория! »Услышавъ же сие посланницы, возрадовашеся радостию велиею. Во утриі же день наемъ даша рыболову, дабы ихъ отвезъ во островъ той; и егда быша на островѣ, и увидѣша угодника Божия Григория, и рекоша ему: »святче Божиі! изыди к намъ хвалу воздати Богу вседержителю! Изволениемъ Божиімъ, да будеши папою великому граду Риму и всему христианству! Григорий же рече: »Якоже Господеви годенъ, тако и будетъ! Взяша же его и повезоша с великою честию радуяся, и хвалю воздаша, что Богъ дарова имъ таковаго угодника Божия! Егда же быша близъ града Рима, и учиниша звонъ во граде, и услышавъ же граждане вси хвалю Богу воздаша, и срѣтоша его с великою честию; восприяша же отъ него благословение, послѣдствующе во градъ, и по-

ставиша его папою в Римѣ, в соборной церкви святыхъ апостолъ Петра и Павла. Бысть же Григорні папою, благолюбивъ и богобоязливъ, праведенъ же и благочестивъ, ходя по заповедемъ Господнимъ. Прослы же слава о немъ повсюду, ради добродѣтельнаго житня его, и того ради мнози людие от различнихъ странъ послушающе его на ползу душамъ своимъ. Доидѣже слава о немъ матери его, яко есть таковъ святъ человѣкъ папою в Римѣ, и помысли во умѣ своемъ о себѣ, яко до пойду и азъ прощения просити о своемъ прегрѣшенні, и кому иному повѣмъ грѣхи мои развѣ сего святаго мужа, и да объявлю ему все житие мое. А кто ея сынъ и она того не вѣдаетъ. Приіде же в Римъ к папѣ, и припаде к ногама его, и повѣдая грѣхи своя, и прося прощения от нѣго; егда же увѣда Григорні матерь свою на покаяни, и рече к ней: »о мати моя рожденная и супруга моя! азъ есмъ сынъ твои и мужъ! Понеже предъ Богомъ испровѣдала еси грѣхи своя, и о семъ благодари Христа, яко трудъ и молитву приялъ есть Богъ; согрешения наша простилъ! Слышавъ же сие мати, падъ, поклонися предъ ногами его и от великои радости велми плакася. Когда папа Григорий воздвигъ ея отъ земли и взяша(взя) в домъ свой с великою честию. По семъ святый папа постриже матерь свою во иноческні образъ, и учини ея игуменьею в дѣвичъ монастырь надъ свѣми дѣвами. И тако святый Григорні и мати его очистишася от грехъ своихъ, и в старости глубоцеи с миромъ ко Господу отиде(доша). Богу нашему слава, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь!

ПРИМѢЧАНІЕ.

Легенда о кровосмѣсителѣ въ своемъ основаніи есть безъ сомнѣнія вымыселъ глубочайшей древности. Первоначально это та миѳологическая исторія, которая выразилась такъ затѣйливо въ миѳѣ объ Эдипѣ. Древность существованія этой исторіи у Славянъ доказывается сохранившимися у разныхъ славянскихъ народовъ обломками въ народныхъ пѣсняхъ и разсказахъ. Языческая древность, подъ вліяніемъ христіянства, хотя ослабѣла, но не совсѣмъ исчезла; у тѣхъ, которые еще не вполнѣ уразумѣли высокое достоинство христіанства, она сочеталась съ новыми нравственными понятіями и воображеніе перенесло ея образы на христіанскій миръ. Представляемый въ легендѣ герой превращается въ христіанскаго подвижника и называется то Андреемъ, то Григоріемъ; невѣжество слагателей переноситъ сцену дѣйствія то въ Критъ, то въ Римъ, — географическія имена, знакомыя по наслышкѣ; на сцену являются то говорящія птицы, явный признакъ древней миѳологіи, то монастыри, но съ уродливыми прибавленіями чуждыхъ имъ образовъ .... все здѣсь носитъ на себѣ отпечатокъ той переходной эпохи умственнаго броженія, когда старыя языческія представленія уступали христіянскимъ и прежде чѣмъ исчезли, переплетались съ послѣдними, искажали ихъ чистоту и сами въ свою очередь отдалялись отъ первобытнаго склада. Въ этомъ отношеніи настоящая легенда, мы надѣемся, будетъ однимъ изъ важнѣйшихъ матеріаловъ для изслѣдованія старой духовной жизни. Изъ многихъ примѣровъ, гдѣ старыя языческія преданія входятъ въ повѣсти, носящія характеръ религіознаго содержанія, мало такихъ, которыя бы сохраняли въ себѣ въ такой живости миѳологическія элементы, какъ настоящая легенда. Ея соотношеніе съ народными пѣснями сербовъ и молороссіянъ и народными разсказами, слышанными въ Великороссіи, указано въ нашей статьѣ »Легенда о кровосмѣсителѣ«, напечатанной въ III книжкѣ Современника 1860 года.

ЛЕГЕНДА

О ПРОИСХОЖДЕНІИ ТАБАКА.

ЛЕГЕНДА(*)

О ПРОИСХОЖДЕНІИ ТАБАКА.

(Импер. Публ. Библ. сборн. Погод. № 1364.)

СКАЗАНІЕ ОТЪ КНИГИ, ГЛАГОЛЕМЫЯ ПАНДОКЪ, О ХРАНИТЕЛЬНОМЪ БЫЛІИ, МЕРЗСКОМЪ ЗЕЛІИ, ЕЖЕ ЕСТЬ ТРАВѢ ТАБАЦѢ, ОТКУДУ БЫСТЬ, И КАКО ЗАЧАТСЯ, И РАЗСѢЯСЯ ПО ВСЕЛЕННѢЙ, И ВСЮДУ БЫСТЬ.

По первомъ пришествіи Господа нашего Іисуса Христа на землю, и по еже во адъ сошествіи, и по воскресеніи Господнемъ, бысть сицево пѣчто, еже писано о семъ, еже видѣ Іоаннъ Ѳеологъ писа, глаголя, во апокалипсисѣ во главѣ второй: »и ангелу Ѳіатирскія церкви рече Господь: напиши, яко оставляеши женѣ Іезавель, глаголющейся быти пророчицы, учитъ и лститъ моя рабы любодѣйствовати, и снѣсти жертву идолскую, и вдахъ ей и время да покается, и не покаяся; и паки рече Господь: се азъ полагаю на одръ и любодѣющія съ нею въ скорбь велію, и чада ихъ умрутъ смертію; вамъ же, глаголю, сущимъ въ Ѳіатирѣ, иже не разумѣютъ глубины сатанины, яко токмо еже имате держите; и паки индѣ сказуетъ въ томъ же апокалипсисѣ во главѣ седмой на десять: пріиде единъ отъ седми ангелъ, имущихъ седмь ѳіалъ и глаголя со мною: гряди да покажу ти судъ любодѣйцы великія, сѣдящія при водахъ; и видѣхъ жену, сѣдящу на звери червленѣ, исполненъ именъ хулныхъ, жена оболчена въ порфиру червленицу и позлащена златомъ, и каменіемъ драгимъ, и бисеромъ, имущи чашу злату въ руцѣ полну мерзости и скверны любодѣянія, и на челѣ ея написано тайно: вавилонъ великій, мати любодѣицамъ и мерзостямъ земскимъ имать пріити отъ бездны въ пагубу, и удивятца живущія на земли, имъ же имена напишутся въ книги животныя; и сію ангелъ сходящу съ небеси возопи: паде, паде вавилонъ великій, отъ вина ярости любодѣянія ея напои вся языки, и купцы земстіи отъ силы пищи ея разбогатѣша, и отъ овощія похоти души твоея отъиде отъ тебе. Слышите и разумѣйте, како духъ святый назнамена о семъ хранительномъ быліи мерзкомъ зеліи табачной травѣ, иже искони бысть сый и показа ея, дабы не впали въ толикое скверны любодѣйство христіяня. Егда бо плотію Господь на земли образъ преложися (1), и волею на смерть пріиде, и удицею вочеловѣченія своего змія извлече во адъ, сій рѣчь діавола связа узами нерѣшимыми и во тмѣ посади; онъ же сатана умыслилъ на земли плевелъ посадити, и посла слуги своя любодѣйчивыя бѣсы и блудныя демоны, нетерпя срама и студодѣянія своего, аще возможно, прелстити избранныя Божія. Бысть же тогда нѣкая жена Іезавель, гла-

(*) Раскольничья.

(1) Надлежалобы сказать: »на земли явися«.

голющаяся быти пророчица, и пострижеся въ черноческій образъ, уже пророчества сподоблена бысть, лстивый же сатана посла множества бѣсовъ любодѣйчивыхъ прелсти ю любодѣянія прежде на пищу, потомъ на питіе, таже на блудъ, во блудѣ же зачении чадо женскъ полъ образуемъ, и роди окаянную дщерь, любодѣйцу великую, исполнену всякія мерзости, иже хуленіемъ своимъ хощетъ сосудъ непріязненъ демону быти, и имать ѣздити на звѣре червленѣ, — звѣрь же толкуется: множество земель невѣрныхъ, Бога незнающихъ, иже вкушати имутъ блудодѣйства ея скверныхъ и смрадныхъ мерзостей, — именъ же хулныхъ исполнена множествомъ, въ порфиру же и червленицу одѣяна, и златомъ, и бисеромъ, и каменіемъ драгимъ оболчена, — се толкуется: мнози царіе, и князи, и велможи, богатіи и убози, свободныя и работныя приносити имутъ себѣ во уста смрада оного любодѣйчива бѣса, и то имъ будетъ забава и утѣха, — и множества злата и сребра ляжетъ за ону мерзость скверную, и се наречена мати любодѣйцамъ и мерзостямъ земскимъ, и имать пріити отъ бездны грѣховныя и въ пагубу идетъ всему міру, понеже отъ сквернъ любодѣянія ея множество народа погибшихъ и погибати будутъ; чаша же златая въ руцѣ держима образуетъ часто златомъ и сребромъ купующимъ мерзость, и пріимше восчудятся, яко обвеселишася чиловѣцы плоду чрева ея, ихже потребитъ Господь имена отъ книги и съ праведными да не напишутца; мнози же купцы и продавцы обогатѣютъ мерзскаго зелія оного и отъ силы пищи ея и овоща похоти, дща ея, хранителного былія, ихъ же часть съ невѣрными во огни горящимъ и сѣре смердящей въ трезвости, понеже въ той земли піянства не имуще, и хмелнаго питія не было, и неразумѣвающе людіе вина или сикера не знаяху, и къ требованію веселія ко утѣшенію своему чего принести, не просто живуще и погани суще, сирѣчи, некрещени пребываютъ. Прояви же Господь сіе хранителное былие сицевымъ образомъ: тогда нѣкоему царю еллинскому, именемъ Анепсію, царствующу въ той землѣ, престолъ свой содержащу, по разсѣяніи святыхъ апостолъ, вѣре по вселеннѣй уножающися, идольская лесть обнажашеся, и сатанѣ постыдѣвающуся, умысли сатана прелстити живущихъ на земли, насадити зеліе скверное, хранителное былие, надъ трупомъ смраднымъ блудницы тоя, якоже рѣхъ, табачное сицевымъ образомъ; тогда убо благій Господь и на ползу вся строяй, обнажая его коварство, и наведеніемъ нѣкіимъ страшнымъ царю Анепсію, дабы не вѣдевше человѣцы не вошли въ пагубу и въ муку вѣчную. Во едину убо нощь, спящу ему въ дому на одрѣ своемъ, видѣхъ сонъ сицевъ: во снѣ же видѣхъ дѣву нѣкую въ царскомъ одѣяніи, яко взыде на престолъ его царскій и сяде на немъ, на главѣ же ея царскій вѣнецъ, дѣва же лицемъ чермна, образомъ доброзрачна, и еже видѣ сѣдящу и радующуся, и веселящуся, и узрѣвъ онъ, яко на ню взираютъ окрестъ ея множество народа, человѣцы старыя мужи и, дивящеся ея, ужасаются, и отъ страха умираютъ, таже трепещутъ и изнемогаютъ, и потомъ увидѣвше умираютъ; потомъ же видѣвъ онъ и младыя юноши яко дѣву ону между трупомъ онѣхъ мало видятъ и, возлезше на трупы, тѣ юноши взираютъ на ню, и, видѣвше, убояся и отъ страха трепещутъ и трепетавъ умроша, такожде и младенцы восхотѣша тоя дѣву видѣти, возлегоша на трупы тѣ возглядати и, видѣвше ю, и тіи такожде помроша, яко между множества труповъ не можно дѣвы оныя видѣти и знати ея, ни престола ея царскаго, яко онъ царь Анепсій не возможе ю во снѣ видѣти, токмо мертвые трупы видѣти, и ужасеся сердцемъ, и пренеможе духомъ. И пробудися же царь Анепсій отъ сна своего, и нападе нань ужасъ, и трепетъ, и страхъ велій пріиде на него, и велми ужасеся, и весь вострепетая, яко не смѣя повѣдати сна своего, не повѣда же и царицѣ женѣ своей, ни болярамъ, ни ближникомъ, ни совѣтникомъ своимъ возвѣстити не можетъ, ни яде, ни пія, помышляя бѣжати отъ премногія бури. И отъ страха того и ужаса убояся, остави власть, и паки бѣжа отъ царства своего, и мало съ собою взя пищи, и иде три

дни и три нощи, и ни яде, ни пія, смиряя себѣ постомъ и путешествіемъ трудомъ. И видѣ Господь смиреніе его, посла къ нему ангела своего, во образѣ каженика, сирѣчь, нѣкоего велможи, возвѣстити ему сонное видѣніе, еже видѣ нощію царь Анепсій во снѣ своемъ, повѣда же како будетъ во дни послѣднія роду человѣческому пагуба и паденіе отъ хранителнаго былія, како зачинается и начало пріемлетъ при царствіи его. И явися яко человѣкъ на пути царю, и срѣте его ангелъ Господень во образѣ человѣчестѣмъ, царь же Анепсій видѣ лице его прекрасно, и поклонися ему, глаголюще: миръ тебѣ, человѣче! Онъ же отвѣщалъ: миръ. Рече же: откуду грядеши? И отвѣщавъ ангелъ: а ты гдѣ идеши? Царь же не хотяше сказати и сонного видѣнія исповѣдати, мняше его человѣка суща, не восхотѣ ничтоже рещи, яко человѣку, чего ради идетъ отъ дому своего. Тогда глагола ему ангелъ Божій: что ты, человѣче: исповѣси ми, ибо азъ тя знаю, и вѣмъ кто ты, и чего ради бѣжиши, оставя царскій свой престолъ и власть; ты еси царь Анепсій, но азъ глаголю ти, возвратися въ царство свое и не бойся сонного видѣнія, еже еси видѣлъ нощію во снѣ и бѣжиши, чего ради оставляеши власть и престолъ свой; не будетъ ти зло ничтоже, ни царству твоему; не страшися того, еже видѣлъ; азъ тебѣ повѣмъ о немъ, ты же возвратися во свое мѣсто, и царствуй правяще престолъ свой; то будетъ въ послѣднія дни, слыши человѣче. И начатъ ангелъ Господень повѣдати сице глаголя: (¹) разумѣй, что есть дѣвическій образъ. Дивно чюдо хощетъ быти, от трезвости во піянство діаволъ міръ прелститъ сицевымъ образомъ. Бысть нѣкая черноризица, именемъ Ієзавель блудивши, отъ блуда же зачеши дщерь, и рождши, и воспитана бысть до двоюнадесять лѣтъ, вниде въ ню сатана и распали ю на блудъ, и едва оскверни ложесна своя и всю волю діаволю творяще, и блудящеся тридесять лѣтъ, и далъ ей Богъ время да покается; и видѣ ю Богъ непокаявшуюся, посла ангела своего и повелѣлъ земли разступитися, и разступися земля на тридесять лакоть, и пожре ю въ себя живу, сатана же въ ней, любодѣйчивый демонъ во чревѣ ея, почерпѣвъ въ ложеснахъ ея чашу полну мерзости и скверности любодѣянія ея, и покропи на земли надъ трупомъ блудницы тоя — и вкоренися, изведе земля быліе, травное зеліе, и возмутъ еллини по повелѣнію сатанину на прелесть будущимъ родомъ, и вземше, имутъ садити въ садѣхъ своихъ, и расплодятъ веселія ради, и нарекутъ имя ей табака; и елиціи убо зелія травнаго и хранителнаго былія вкусятъ, и тѣ будутъ растлѣни умомъ, и облѣдѣютъ, и обмирати будутъ, и трястися имутъ. Рече аггелъ царю: піянства ради, иніи помрутъ, иже къ діаволу пойдутъ во адъ; не многоже времени и ты увидишъ самъ, царю. Царь же рече Анепсій: въ которое время азъ сихъ увижу? — Глагола же ему ангелъ Господень: по двоюнадесяти лѣтехъ предъ царскими враты твоими увидиши ихъ пьяныхъ множество народа, трястися имутъ, и обмирати будутъ, и мертвыхъ много объявятца отъ зелія травнаго и хранителного; тогда разумѣй яко любодѣйца царство начинаетъ въ мірѣ, и демонъ жезломъ убиваетъ; сего ради овъ умираетъ, а врагъ уязвляетъ сею похотію; ничтоже тако разьеритъ и разнобитъ человѣка яко блуженіе и піянство. И по сихъ глаголетъ ангелъ Господень невидимъ бысть. Царь же Анепсій возвратися во свое мѣсто, и имѣя повѣсть сію на умѣ своемъ, и не повѣда никому до двоюнадесяти лѣтъ, и не видя ни въ домѣ своемъ и нигдѣ, размышляя, когда увидитъ все реченное. Въ то же время по симъ видѣніямъ нѣкто бысть врачь, именемъ Тремикуръ, родомъ еллинъ, изыде на поле врачебнаго зелія искати, и обрѣте на поли сіе зеліе травное надъ нѣкою пропастью, идѣже беззаконную и скверную блудницу ангелъ Господень порази, и видѣ траву ту новорастущу, пріиде на нея, и вложи въ него сатана мысль, еже сорвати ему, и сорвавъ обню-

(¹) Очевидно, — слагатель этой легенды, увлекаясь духомъ тогдашняго времени, когда любили вымышлять сказанія, по невѣжеству своему нѣкоторыя слова передаетъ какъ бы отъ лица Ангела, а другія даже отъ лица Божія Матери и самаго Господа.

хати на прелесть будущимъ народу; и вземъ Тремикуръ и обоня ноздрями своими, и обвеселися, яко забыти ему вся печали житейскія; тогда Тремукуръ принесъ траву и сѣмени, и посади въ садъ свой овошный оградъ, и начатъ рвати ту траву и обнюхивати, и веселъ ходить, аки пиянъ, и расплодися у него множество зелія того. И увидѣвше людіе того мужа піяна суща и вопрошаху его; откуду піянство имать? Онъ же показа имъ въ саду траву и продаде имъ комуждо на сребро, и тіи такожде въ садахъ своихъ насадивше и расплодивше и другъ отъ друга еллине расплодивше сады и обонявающь ноздрями своими, и піянствовати начаша; мнози же на огнь того былія полагающе и дымъ его цевицами вдыхаху во уста, и обледяша, иніи обмираютъ, овіи умираютъ, иніи яко мертвіи лицы разслабленнымъ умомъ растлѣнны вертяшеся безчинно, ходящу во умѣ піяны сущи и во умѣ своемъ сице имуще кійждо сошедшеся глаголаху: сіе зеліе за вся далъ веселія ради в мѣсто хмѣлнаго питія, якоже во иныхъ земляхъ бываетъ; у насъ же здѣ сіе зеліе насъ веселитъ. И во иное время пріидоша предъ царевы палаты пьянствующи вертящися и обомроша падающи, иныя еже въ смерть внезапу умроша. И видѣвше царь Анепсій народъ піянъ вертящеся, и обмирающе, бѣшущася, и подивися новому ихъ начинанію, и позна быти ихъ піяныхъ, и вопроси о нихъ нѣкіихъ еллинъ: »чесо ради сія гибель? — овіи обмираютъ, овіи мрутъ, и у всѣхъ лица перемѣняющеся, овогда блѣдны, яко мертвыя, овогда трясутца вертящеся, колеблящися, яко піяни, или откуду піянство имате? Еллинъ же, отрицаюшеся того, сказуетъ яко хмелнаго питія и сикера не имѣтъ у себя и піянства нѣсть у насъ.« Царь же Анепсій повелѣ мучити ихъ и еллини же сказаша, яко токмо имѣютъ во градѣ сады, а въ садахъ траву, зеліе нѣкое странное, и обоневающеся піянствомъ. Вопроси же ихъ царь: откуду взясте плодъ того зелія, или сѣмена тоя травы добыли сюда? И они сказаша, яко врачь, еллинъ Тремикуръ, продаде имъ того зелія травного. И повелѣ же царь Тремикура привести предъ себя. И приведенъ бысть предъ царя Тремикуръ; и нача царь Анепсій истязати Тремикура о семъ зеліи и вопрошаета царь: откуду обрѣте піянственное сіе зеліе, травное кореніе, или цвѣты, или сѣмя, и гдѣ то мѣсто найде, на немъ же израсте сія трава? — И повелѣ ему указати то мѣсто, идѣже сначала воспріясте, и корень взятъ сѣмене того зелія, нарицаемаго табакъ, откуду обрѣтеся. Тогда же Тремикуръ сказа мѣсто, и поведе его на нѣкое пустое мѣсто, идѣже скверную оную блудницу порази аггелъ Господень, и пожре трупъ ея земля, и бысть въ земли въ глубину на тридесятъ лакоть; видѣвъ же царь мѣсто, и повелѣ народу то мѣсто копати; и ископаша народъ яму глубоку до трехдесяти лакоть и болши, и обрѣтоша трупъ мерзокъ, и смрадъ, и зловоненъ, смердящь, едины кости, тѣло же истлѣ все, токмо единыя кости ея главныя и аѳендроновыя. Вопроси же царь: »кто вѣсть, таковъ трупъ мужеска ли полу или женска бысть? — И отвѣщавъ Тремикуръ: азъ, царю, не вѣмъ каковый трупъ сей бысть отъ аггела Господня: прежде двоюнадесяти лѣтѣхъ на пути блудница живяше.« Вопроси же царь глаголя: »не бысть ли у васъ какихъ блудницъ прежде сихъ лѣтъ двоюнадесяти во градѣ семъ?« — Отвѣща же Тремикуръ: »бысть убо, царю, прежде двоюнадесяти лѣтѣхъ блудно живяше и хождаше дѣвою, мало же кто отъ гражданъ ловленія ея убѣже, а пріиде не вѣмъ откуду.« Царь же вопроси ихъ: »какова роду бысть она?« — И рече еллине нѣкіи: »слышахомъ, царю, отъ ея, яко родомъ христіаныня, и мати ея отъ блуда черническа зачепши, прежде живущіи вѣрніи, но и оскверни ея суще блудно живуще осквернени на многихъ мѣстехъ болѣе тмы мужей невоздержанныхъ и невоздержаніемъ своимъ; понеже еще млада двоюнадесяти лѣтъ на блудъ дерзали и живяше тритцать лѣтъ въ сущемъ блудѣ, и не вѣмъ, куда нынѣ дѣвалася; во градѣ семъ дано ее нѣсть, и не слышахомъ ея нигдѣ. Царь же рече: »много ли тому яко не обрѣтается блудница та на земли?« Рече же Тремикуръ: »яко же рекохъ ти: дванадесять лѣтъ не видѣхомъ ея.« Рече же царь:

не бысть ли въ то время никаковы грозы страшныя, тогда грозы небесныя надъ градомъ симъ? Рече еллинъ: »бысть царю въ то время гроза и громъ страшенъ яко поколебатися земли и граду нашему; вострепеташа, многимъ храминамъ отъ труса развалитися, и всѣмъ человѣкомъ ужаснутися въ разумахъ, иступити отъ помысловъ же. Царь и разумѣ, яко въ той день и время порази ангелъ Господень, и израсте быліе травное зеліе надъ трупомъ ея, и помяну о семъ явшемся ему хранителномъ былін, сіе есть табакъ. И помысли въ себѣ царь пріяти святое крещеніе, и посемъ призва Тремикура и рече: »естли кто въ нашей земли отъ христіанъ, иже вѣрующа въ Бога небеснаго, или есть знаменіе образа его начертаніе? Рече же Тремикуръ: слышавъ, царю, яке дѣвица есть, христіаныня суща, иже вѣруетъ въ распятаго Христа, развѣ есть у нее знаменіе каковый Богъ ея. Повелѣ же царь сыскати и привести ея предъ себя; пославъ же нѣкоего мужа по нея съ Тремикуромъ, и приведоша ю предъ царя. Вопросивъ же царь дѣвицу: »каковыя еси ты вѣры?« Она же отвѣщавъ рече: »христіаныня есть.« Вопроси же царь: како тебѣ есть имя? — Она же отвѣщавъ. Вопроси же царь: есть ли образы или начертаніе Христа твоего, какова суть начертанія и воображеніе его? — Мняху царь яко самъ Богъ явися ему на пути, возвѣщая о томъ зеліи травномъ. Дѣвица бо, имѣя у себя въ нѣдрахъ образъ единъ на обѣ страны написанъ, на единой странѣ распятіе Христово, на другой странѣ образъ пресвятыя Богородицы, яже обвязаше на выи своей ношаше, посмотривъ же дѣвица въ нѣдра своя, хотя показати образъ Божій царю, и не обрѣте у себя; понеже закры Богъ лице свое отъ лица нечестивыхъ; потому упрошаше дѣвица времени на молитву. И помолися въ ту нощь до девятаго часа, и въ часъ девятый показа Богъ дѣвицѣ образъ свой въ нѣдрахъ въ пазухе ея, и сказа дѣвица цареву слугѣ; слуга же повѣдаша царю; и паки приведоша дѣвица ту предъ царя Анепсія; и вопроси царь: »которыхъ боговъ знаменіе образы?« Она же отвѣщавъ: »небеснаго и матери его по плотскому рожденію, которой сотвори небо, и землю, море, и вся, еже въ нихъ, нашего ради спасенія отъ чистыя дѣвы рождшагося, и сшедшаго съ небесъ, явшагося человѣкомъ, и на крестѣ распятаго отъ людей, и за беззаконіе наше претерпѣвшаго страсти волею, и погребеннаго бывшаго, и воставшаго отъ мертвыхъ, и вознесшаго(ся) на небеса, и паки хотящаго пріити на землю судити живыхъ и мертвыхъ, и воздати комуждо по дѣломъ его, праведнымъ въ рай животъ вѣчный, а грѣшнымъ по достоянію мука вѣчная.« Глагола же ей царь: »откуду ты еси сія мудрости научися или образъ и начертаніе Бога своего?« И отвѣщавъ рече дѣвица: »есть, царю, во градѣ Еладетерѣ, въ немъ же учитель нашъ, епископъ оный, сице ему же имя нарече, сія учити и вѣровати въ Бога небеснаго, отъ него же и крещена есть, и вѣрую во единаго Бога, сотворшаго вся, и той мнѣ даде образъ сей.« Слышавъ же царь отъ нея сія словеса и размышляя о вѣрѣ христіанстѣй, и въ томъ размышленіи въ нощи успѣ, и явися ему ангелъ Господень во снѣ: »повелѣваю, царю, послати по епископа онаго, глаголя: слыши, царю, и разумѣй, яко же тебѣ дѣвица о ней извѣсти епископа оного, и ты посли во онъ градъ, и призови его, и той пути вся тебѣ, яже ко спасенію, скажетъ, къ сущемъ съ тобою яже ко спасенію.« Тогда рече царь ко аггелу: »ты кто еси?« Глаголя и отвѣща ангелъ: »азъ есть являяся тебѣ иногда на пути прежде двоюнадесять лѣту, егда ты бѣжалъ отъ царства своего; азъ повелѣваю тебѣ возвратитися во свояси въ землю свою царствовати. — »Воставъ же царь и посла по епископа, и той епископъ бысть предъ царемъ Анепсіемъ. Вопрошаше царь епископа; епископъ же нача повѣствовати о вѣрѣ отъ начала міра бытія, и отъ Адама, и до Моисея, и до рождества Христова, и отъ пророкъ увѣренія отъ всѣхъ писаній его, и отъ апостольскія проповѣди извѣстися, и научи проповѣдая дванадесять дней; и умягчи царь сердце своего, начне въ себѣ семя божественныхъ словесъ, и крестися самъ царь Анепсій во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, и

въ крещеніи нарече имя ему Алексій и съ нимъ множество князей, и бояръ, и народу много крестися; потомъ же царь сказа прежде бывшей сонъ, еже видѣ прежде двоюнадесяти лѣтѣхъ, повѣдавше же тако глаголя. Сице вопрошающи епископъ: »како и какимъ образомъ посласте по мене?« И отвѣщавъ царь рече ему: »азъ видѣхъ, отче, во снѣ, прежде сихъ двоюнадесяти лѣтѣхъ сѣдящу дѣвицу на престолѣ царскомъ велику и червлену, въ рукахъ своихъ имѣетъ жезлъ и чашу злату, окрестъ того престола множества народа старыхъ мужей, и средовичныхъ, и младыхъ юношей, и малыхъ отроковъ зрѣвшихъ на ню и дивящеся помроша вся окрестъ престола ея, яко между трупомъ ..... (1) престола и съ дѣвицею не знать, яко же и азъ не видѣ ея, и ужасъ пріиде на мя и нападе на мя страхъ и трепетъ, яко егда убудихся отъ сна своего, во мнѣніе себѣ пріятъ, яко лишенъ буду царства или тѣлесе своего, паденія нѣкое будетъ, и отъ ужастѣй не смѣяхъ тогда возвѣстити никому; возмнѣхъ же яко избѣжати и избыти имамъ оной страхъ, и вста побѣже на чуждую страну, избѣгохъ отъ царства своего, идохъ три дни, ни яде, ни пія, и нѣкто на пути встрѣтъ мя во образѣ свѣтла мужа, и повелѣ ми возвратитися вспять въ царство моей земли, глагола мнѣ: иди въ землю свою, не бойся, возвести мя, яко рождена дѣвица бысть отъ черноризицы и осквернися любодѣйствомъ, двоюнадесяти лѣтъ любодѣйствова, тридцать лѣтъ въ блудѣ пребысть, и порази ю ангелъ Господень въ землю на тридесять лакоть, изыде надъ трупомъ ея травное зеліе; возмутъ еллине и въ садахъ расплодятъ ея, и тѣмъ зеліемъ утѣшатися имутъ, и прелстятъ народъ: возметъ веселіе, и мнози же помрутъ вкушающе то зеліе и обѣснуются; — и абіе невидимъ бысть. По двоюженадесяти лѣтѣхъ азъ ихъ еллинъ мнозѣхъ видѣхъ бѣсящихся, и вертящихся, и обмирающихъ, и мрущихъ, и вземъ ихъ, и распросихъ гдѣ обрѣтоша зеліе то, и показаша ми мѣсто, на немъ же израсте трава сія и корень сего зелія, и азъ повелѣ то мѣсто изрыти, и ископавше трупъ зловоненъ и смердящь, изотлѣ все тѣло ея, токмо кости едины главныя и аеендроновыя, и отъ смрада оного много болѣзни томими, иніи же помроша; зеліе же оно назвавше табакъ, и до днесь мнози человѣцы ноздрями обоняютъ и вдыхающе въ себѣ, иніи же въ нѣкоемъ подобающемъ сосудѣ зжигаютъ то быліе огнемъ и исходящи дымъ смердящь вдыхаютъ въ себе, и въ той забавѣ и въ утѣхѣ и веселіе имуще пьянствоваху и обмираютъ, иніи болѣзнми умроша, мнози же во единъ часъ исчезоша. И по семъ явися въ минувшую нощь во снѣ мужъ свѣтелъ, повелѣ же послати по тебе и по твою святыню, и глагола ми, якоже и прежде на пути являемися, извѣщая ми о томъ о зеліи травномъ; потому азъ послахъ по тебя, честный отче, ты же сотворихъ яко пріиде къ намъ и просвѣтилъ святымъ крещеніемъ.« Отвѣщавъ епископъ: »блаженъ ты еси, царю, своимъ житіемъ, яко являшагося мужа ангела Божія сподобился еси видѣти. И потомъ помолися епископъ, и постися четыредесять дней, и паки посла Богъ ангела своего, повелѣвающе проклятя тое зеліе, законопреступленія плодъ. Явися ангелъ епископу, глаголя сице: »слыши, человѣче Господень, проклятии плодъ тоя травы, понеже преступленія законооскверненнаго трупа яко отъ беззаконнаго и проклятаго, отъ сосуда мерзка и чаши гнусныя посѣя сатана свой смрадный плодъ на земли надъ проклятою и поганою; аще кто отъ избранныхъ твоихъ проклятымъ быліемъ по невѣріямъ да обонаетъ, дабы ихъ Богъ отъ царства своего небеснаго отлучилъ, и царскія пищи лишилъ, и въ муки лютыя вложилъ, дабы ему міръ весь лишенъ былъ; и завистный врагъ и діаволъ сатана, хотя свое желаніе исполнити и міръ весь осквернити; и осквернятца и по невѣдѣніемъ падетца; тотъ сатана и съ бѣсы осудятца и наслѣдятъ рѣку огненную; и аще кто и престанетъ отъ сего вкуса и покается съ постомъ и молитвами чистымъ сердцемъ со слезами и воздыханіемъ чистымъ, и то малую отраду и ослабу приметъ себѣ, и между рая и

(1) Слово не разобрано.

мукою учиненъ будетъ, а въ рай не входимъ будетъ; и аще кто не послушаетъ поученія моего, и повелѣнія Божія противитца, тотъ человѣкъ вѣчный врагъ Богу будетъ, его же имя отъ книгъ животныхъ потребитца, и связанъ будетъ по руцѣ и по ногамъ, и сверженъ будетъ къ діаволу во адъ; діаволъ же посадитъ его въ сѣру кипячую; и сего ради повелѣ Богъ тебѣ вѣрныхъ іереевъ собрати, и плодъ той проклятн; будутъ въ послѣдніи вѣцы человѣцы лукави лицемѣри, запорницы, и піяницы, законопреступницы, отступятъ отъ вѣры, и по своему хотѣнію имутъ ходити, и умножитца плодъ той, и множество людей вкушати имутъ и упіютца отъ него, и не помнятъ о покаяніи своемъ, и отвратитъ лице свое Господь праведное отъ нихъ, и тогда изсякнетъ любви многихъ, и возненавидятъ другъ друга, и востанутъ отцы на сыновей своихъ, а сынове имутъ противитися отцемъ своимъ, и не станутъ слушати божественнаго писанія; того ради Богъ вложитъ во власти немилосердыя на рабы многія томителство, на сироты яко ни въ чемъ щадити не имутъ, и возненавидитъ богатъ убога, и не преставутъ родъ земнородный соютися (?) и востанутъ языкъ на языкъ, и царство на царство, и всѣмъ будетъ пагуба великая, и будетъ вся земля смирѣтца; того ради и тебѣ проклятн Господь повелѣ сей мерзкій, скверный и смрадный плодъ.« И абіе невидимъ бысть ангелъ Господень. И тогда слышавше епископъ отъ ангела глаголемаго и собра множество епископъ соборъ и прокля плодъ той святыми отцы, и въ проклятіи томъ благовѣрные мужіе и жены новокрещеные изъ вертоградовъ своихъ изъ садовъ изведоша, искорениша; а которые остались некрещены, Божію закону неповинующуся, тое зеліе развезоша по далнымъ странамъ поганымъ, сіи рѣчь, некрещенымъ странамъ, и тамо того былія еллини поганы расплодиша и всюду развезоша: въ нѣмцы, въ турки и въ татара, и въ черкасы, и оттуду, увы, намъ христіаномъ прежде по невѣденіемъ вкусивше, мнози же хранивъ былія, се ту отъ вѣрныхъ были сему пріобшаются и дящія вкусити и съ погаными въ муку вѣчную себѣ исходатайствуютъ. Тогда видѣ Богъ человѣка гиблема, и впадающа во грѣхъ, во адово дно питіемъ табачнымъ, и впадающа въ пропасть сѣни смертныя, посла Богъ грозу на землю, и потрясе ею. и бысть трусъ по многимъ землямъ и странамъ, земли тресящейся по многимъ мѣстомъ разседошася и провалишася, и море отъ предѣлъ своихъ изыде; архіепископъ же молящеся день и нощь о обращеніи земли и смиреніи ярости гнѣва Божія; явися епископу ангелъ Господень глаголя: иди и рцы людемъ непокоривымъ, которыя пріобшаютъ сираду оному христіанстіи сынове, отлучи ихъ отъ церквей и не повелѣ имъ образа своего лобзати, ниже ко кресту или евангелію приложитца, ни святыхъ таинъ причащатися, ни въ церкви стояти, дондеже не отстанетъ сего мерскаго и богопротивнаго зелія; и аще кое мѣсто бываетъ приступятъ ко епископу, и на лице ихъ не достоитъ крестнаго знаменія воображати, понеже аки смрадными усты и мерзцы сердцы, необрѣзаны уши, присно Святому Духу противитъ, отсѣкоша своя мысленныя, и присадиша къ пустыннѣй лозѣ неплоднѣй, иже осквернишася похотію своею, и осмрадиша своя тѣлеса; не повелѣ бо Господь ниже тѣлесъ ихъ съ вѣрными погребати, ниже близъ святыя церкви, ни молитвы святыя творити надъ ними, ни пѣнія, ни службы, ни приношенія за ихъ взимати, яко они Богу врази, а діаволу тѣ друзи въ животѣхъ своихъ, колми паче по смерти, и гнушается Господь; не повелѣ намъ тѣхъ душу пріима въ рай, ко Аврааму относити, ни въ царство небесное пущати, ни въ свѣтло мѣсто, ниже въ покой, ниже въ веселіе приносити; но отдадутся бѣсовомъ связаны посадити въ темномъ мѣстѣ до дне суднаго, по судномъ же дни во смрадную сѣру горящую. И аше кто восхощетъ исправится, ежебы отъ злыхъ мукъ, и бысть на тѣхъ каетися: отъ сего хранителнаго былія табачнаго останется, седмолѣтенъ запрещеніемъ, яко блуднику, подлежитъ; по семи же лѣтехъ пріитти въ церковь, и не яко враги его имѣя, но

рести, Богу жалостно со слезами плакати ума, со страхомъ кающеся грѣховъ своихъ день и нощь, живуще не похотѣніемъ сердца своего, яже по своихъ воляхъ ходити. Богу славу возсылаемъ человѣколюбцу Отцу и Сыну и Святому Духу. Слышавъ же епископъ отъ ангела и написа сія. По многихъ же лѣтехъ бысть явленіе на красной горѣ недужной дѣвицѣ Ѳеклѣ: явися пресвятая Богородица во свѣтлости велицей съ безплотными силами, въ рукахъ своихъ жезлъ имѣяй, и глаголюще сице: »Ѳекла, иди въ міръ и возвѣщай Божіе повелѣніе.« Она же прежде бысть въ болѣзни и внезапу очутивши исцѣленіе, и бысть здрава, и воста дѣвица, и поклонися до земли. Тогда паки рече ей пресвятая Богородица: »якоже рекохъ ти, иди и возвѣщай повелѣніе Божіе, чтобы людіе праздники господскія почитали, и въ воскресныя дни не работали, и матерно не бранились, въ церковь Божію ходили бы, Богу молились, и отъ своихъ трудовъ имѣнія Богу давали приношеніе по силѣ десятую часть, піянства отставляли бъ а табакъ отнюдъ не пили бъ: проклятъ бо есть отъ Бога и отъ святыхъ отецъ; егда кто его испіетъ, въ то время земля дрогнетъ, Богородица вострепещетъ и небо колыхнется у Божія престола стоя; а егда человѣкъ матерно избранитца, то гибель его крововито, небо и земля потрясетца, а Богородицѣ укоризну приносятъ. Азъ мати Творца свѣта своего, азъ сама молю Бога своего Іисуса Христа, уже отехчеваютъ грѣхи и беззаконіе ваше, и за питіе хощетъ васъ Богъ погубити, за піянственное зеліе, острымъ мечемъ. Сего ради азъ тебѣ являюся и повелѣваю тебѣ возвѣстити на сонмищахъ во градѣхъ и въ селѣхъ, чтобъ отъ питія табачнаго и хранителнаго былія унелися, Божію бо волю творили, и посты говѣли о грѣсѣхъ своихъ, другъ друга не обидите, будите доволны своими оброки, а къ чужимъ частемъ не прикасайтеся, такожде и чужихъ грѣховъ на себѣ не залазите и не пріобщайтеся; желая чюждая своя погубляяй; уже бо Божій мечъ новый изостристе, хощетъ васъ посѣщи внезапу, жены ваша и чада въ плѣнъ пойдутъ и гладомъ помрутъ, и въ поганыя земли за оскверненое ваше питіе разсѣяно будетъ, поля ваша запустѣютъ, и жита родить не станутъ, и нивы ваша запустѣютъ, красота селъ вашихъ отъ страха побѣгнутъ, всячески устрашитеся, идѣже не бѣ страха, того ради останетеся всячески, устрашитеся и покаитеся, отстаните отъ блуда, и піянства, и табачнаго питія, и грабленія, и сквернословія, и кощунства, и всяческія нечистоты; втворите любовъ, праздники господскія почитайте, среду и пятокъ и посты имѣите, и воскресные дни въ церковь ходите, и о грѣхахъ своихъ кайтеся: уже бо страшный судъ готовится.« И паки глаголавъ и невидима бысть. Дѣвица же Ѳекла въ послѣднемъ родѣ на прочитаніе православнымъ христіаномъ предашася. Богу нашему славу возсылаемъ со безначалнымъ его Отцемъ и со пресвятымъ и благимъ и животворящимъ Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

ПРИМѢЧАНІЕ.

генда эта сложилась на основаніи древняго миѳолокаго вѣрованія о произрастаніи травъ и деревьевъ огилахъ умершихъ сообразно свойствамъ покойни- Такъ въ поэзіи всѣхъ европейскихъ народовъ незнно найдется пѣсня, гдѣ разсказывается, что на ѣ юноши и дѣвицы, умершихъ отъ несчастной и, выросли какіе нибудь цвѣты, то роза, то лилія, ярышникъ (crategus) и т. п., также точно на мо- ъ злыхъ людей выростаетъ крапива, волчецъ или -нибудь другое дурное и некрасивое зелье. Тутъ ся кроется наблюденія надъ дѣйствительнымъ фак- природы, что погребенные тѣла, какъ органичевещества, способствуютъ процессу произрастанія. і-то грамотѣй XVII вѣка, напитавшись въ дѣттакими преданіями отъ разсказовъ бабушекъ и теъ, а впослѣдствіи начитавшись въ рукописныхъ ихъ переводныхъ повѣстей благочестиваго сонія, искаженныхъ переписчиками, составилъ нацую легенду. Мы печатаемъ ее, какъ образчикъ танія, сложившагося подъ смѣшеніемъ понятій, нныхъ издревле чтеніемъ этихъ переводныхъ поій, съ древними языческими вѣрованіями, смѣше-, принявшимъ оригинальный складъ отъ вліянія ыхъ измѣненій, налегавшихъ на умъ и фантазію ца. Самоучка-грамотѣй переноситъ сцену дѣйствія еческій міръ, съ цѣлію, какъ кажется, придать у вымыслу почтенное значеніе старины, стараеся зиться книжноцерковною рѣчью и не можетъ съ сладить, путается въ грамматическихъ формахъ, ыхъ не созналъ посредствомъ правильнаго изу-, и, такимъ образомъ, создаетъ верхъ нелѣпости и одержанію и по формѣ. Табакъ въ XVII столѣтіи считался нравственными людьми признакомъ развращенія нравовъ. Правительство преслѣдовало его наравнѣ съ пьянствомъ и распутствомъ и признавало его губительнымъ для народнаго здоровья. Не смотря на такое запрещеніе и вообще на неблаговоленіе къ нему нравственнаго чувства, табакъ въ тотъ уже вѣкъ сильно распространялся въ народѣ и употребленіе его считалось удальствомъ. Молодцы тайно собирались въ корчмахъ, тогдашнихъ притонахъ пьянства и разврата, курили табакъ изъ бычачьихъ роговъ и затягивались до того, что падали въ обморокъ. Церковь также неблаговолила къ нему, и когда однажды, при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ, правительство рѣшилось было дозволить табакъ съ нѣкоторыми ограниченіями, духовные лица подали противъ этого голосъ. Нельзя видѣть въ этомъ одинъ предразсудокъ: употребленіе табака часто соединялось въ тотъ вѣкъ съ безнравственностію, и притомъ самые роды табака были до того крѣпки, одуряющаго свойства, что вредъ этого *заморскаго* зелья былъ слишкомъ очевиденъ. Вотъ этотъ то нравственный взглядъ на табакъ руководилъ авторомъ легенды. Раскольники читаютъ эту легенду, и она поддерживала въ нихъ суевѣрное табакобоязніе; впрочемъ намъ случалось слышать отъ самыхъ раскольниковъ недовѣріе къ ней, и увѣренія, что они чуждаются употребленія табака, считая его, во первыхъ, вреднымъ для здоровья, во вторыхъ, поводомъ къ напраснымъ издержкамъ, которыя могли быть употреблены на дѣло, болѣе полезное для ближнихъ. Разсуждающіе такимъ образомъ, уже не стѣсняются табачнымъ дымомъ, а надъ повѣстію объ Анепсіѣ и Тремикурѣ позволяютъ себѣ даже подсмѣиваться.

ПРИТЧА

О ВИТЯЗѢ И О СМЕРТИ.

ПРИТЧА

О ВИТЯЗѢ И О СМЕРТИ.

(Изъ Рукописи XVII вѣка.)

Нѣкій человѣкъ воинъ оудалой, ѣжа по полю по чистому, и по раздолью широкому, пріиде к нему смерть, и бѣ видѣніе ея яко левъ, ревнуя всячески, страшна от человѣческаго оустроенія, носящи оу себе оружія всякое мечи, и ножи, и рожни, и серьпы, и сѣчива, и оскорды, и иная многая незнаемая кознодѣйства различная образы. Сіяже велми смиреная душа и оустрашися вельми изревнова же ей: кто ты еси лютая и звѣрь образъ твой страшенъ велми, хоженіе твое о тебѣ звѣриное, а подобіе человѣческое? И рече ему смерть: пришла есмь, хощу взяти! И рече человѣкъ той: азъ не хощу, а тебя не боюся. Рече ему смерть человѣче, чимъ мя не боишися? цари и князи и воеводы боятся, и святители, азъ есмъ славна на земли, а ты мене не хощеши боятися. Рече же человѣкъ той: азъ есмь оудалецъ, в ратнихъ дѣлехъ многи полки побивалъ, а от единыхъ человѣкъ никтоже можетъ братися, и напротиву стати, а ты ко мнѣ едина пришла еси, а оружія и запасы носиши; видится мнѣ, что есть не удала, толко есть страшна, образъ твой страшитъ мя, и оуды во мнѣ трепещутъ, на тебя смотря, и отъиди прочее, доколѣ тя не ссѣку мечемъ моимъ. И рече ему смерть: азъ есмь не сильна, и не хороша, и некрасна, да сильныхъ и красныхъ, отъ Адама и до сего дни, сколько было царей, и князей, и владыкъ, и женъ, и дѣвицѣ, то всѣхъ азъ собрала. Самсонъ силный, не богатырьли былъ, тако говорилъ: аще было кольцо в земли здѣлано, и азъ бы всимъ свѣтомъ поворотилъ; да и того взяла! Александръ Македонскій и оудалой и храбръ и всей подсолнечной царь и государь былъ; да и того азъ взяла! О человѣче! не мудрѣе ли тя царскіи Соломона? Царь Соломонъ хитръ и мудръ, да и тотъ со мною не смѣлъ говорить. Акиръ премудрыи во ельлинскомъ царствіи не было такова мудреца, ни под солнцемъ, да и тотъ со мною несмѣлъ говорить, да и того азъ взяла! Господь нашъ Іисусъ Христосъ, и той мя изволи вкусити, горькіе смерти! Да вѣдомо человѣче тебѣ: азъ есмь смерть не посулница, ни богатьства не собираю, ни красна, ни хороша не ношу, азъ земныя славы нехощу. Занеже есмь не милостива и с дѣтска неповадилася миловати, азъ не милую, ни наровлю ни в чемъ ни часа. Какъ пришедъ, такъ возму. И рече человѣкъ той: госпоже моя смерть, яви на мнѣ любовь свою. Рече же ему смерть: никако же, человѣче, занеже до миру моя любовь равна есть, какова до царя, такова и до князя, и до нища, и до святителя; аще бы богатства собрала, столко было бы оу мене богатества бесчисленно всего много, несказанно, царствъ и земель, занеже,

человѣче, азъ яко тать животъ возму. Рече: госпоже моя смерть, пожди мало, да покаюся. И рече ему смерть: понеже, человѣче, Богъ глагола вамъ святыми книгами: бдите и молитеся, на всякъ день и часъ, вамъ смерть ни грамоты не посылаетъ, ни вѣсти не подастъ, но пріидетъ аки тать, и слышалъ еси, человѣче, во святомъ евангеліи Господь рече: братіе, бдитеся, будите готови, и аще бы человѣкъ вѣдалъ, в кій день или в кій часъ тать будетъ, и онъ бы в ту нощь бдѣлъ и стреглъ бояся крѣпка, не далъ бы подкапывати храмины своея; тако мене горкія смерти кто вѣдалъ пришествіе мене, и онъ бы крѣпко того часа ждалъ, и боялся и готовилъся. Животъ рече: оувы мнѣ в великихъ есми нуждахъ! О смерть! пощади мя до утра, да дѣла своя исправлю, исполняюся. И рече смерть: безумныи вы человѣцы, тѣмъ вы, человѣцы, себе прельщаетеся, и ко инымъ я такоже преступаю, иные се такоже молятся, и покаянія просятъ; Богъ повелитъ ми ослабити, и егда оздравіетъ, и забудетъ мене, и оучнетъ жити яко безсмертенъ, и добрыхъ дѣлъ не творитъ, а нынѣ ты глаголеши, яко оутру покаюся; да тѣхъже оузаоутріевъ много есть, а бес покаянія, но и паче согрѣшаете, но и нынѣ азъ пріидохъ, не пожду, ни пощажу ни единаго часа, но было вамъ время каятися, но вы пребываете в лѣности, и в жестосердіи, нищихъ не милуете, но мняще на семъ свѣте бес конца жити, но тордостію распаляся на мя, и хощете со мною братися. Животъ рече: се оуже види, душе моя, и оустрашися зѣло. И рече же ей человѣкъ той: госпоже моя смерть, отпусти мя во градъ, и азъ шедъ куплю себе срачицу и саванъ и милостыню сотворю, и нищимъ и раздамъ животъ свой по себѣ по церквамъ, да священники творятъ службы над нимъ: богатство свое оставлю. Рече ему смерть: никако не отступлю отъ тебе, человѣче, коли еси ты былъ здоровъ, и ты о души своей непекася, и милостыни не творилъ от своего богатества своими руками. А нынѣча своимъ животомъ не воленъ останется немилому другу; а труждалъся еси даромъ напрасно весь, а дѣти твои и жена твоя оскротаютъ и отъ нихъ пользи нѣсть; добро человѣку своими руками давати милостыня и сороковустія по души своей. И рече человѣкъ той: охъ, охъ! И начатъ плакатися, и рыдати горко, и вопѣти горше: охъ злодѣю смерть! пришелъ еси по меня посолъ немилостивый, и никому отъ тебе не избыть! И приступи к нему смерть и захвати за шею серпомъ, и претре ему пилою сердце на полъ, и потомъ малымъ оскордецемъ, и посѣче ему ноги его, потомъ руцѣ, таже теслою главу ему отсѣче, и разрушивъ вся составы его. Тѣмже и разумѣйте, человѣцы вы, и егда человѣкъ болитъ и не оучнетъ владѣти собою, и оуды раздробитъ, а какъ оувидитъ больный человѣкъ смерть, и отъ страха забудетъ, и языкъ его оумолкнетъ, и очи остеклѣютъ; тогда видитъ смерть, Ангела Божія видитъ и грѣхи своя что на семъ свѣте согрѣшилъ, то все бѣси ему покажутъ, и родню свою видитъ, и сыновы, и дочеры, и жену свою, кругъ его стоятъ, над нимъ плачются; говоритъ к нимъ не можетъ отъ страха, видя грѣхи своя. Тогда смерть наливаетъ чашу горкую и вольетъ человѣку в ротъ и в той горести душа из человѣка изыдетъ пред всѣми, душу праведную ангелы Божіи несутъ в рай, а грѣшную душу несутъ бѣси въ муку; понеже сама оуготова. Добро человѣку всякому каятися трижды на годъ, и милостыня творити и (в) церкви ходити. Братіе, блюдѣтеся смерти сіи языкъ нашъ кротокъ, а тамо бес конца, а смерть никогожо минетъ, всей повѣдаетъ без милостива. Богу нашему слава и нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

ВАРІАНТЪ МАЛОРОССІЙСКІЙ.

(Изъ сборника XVII вѣка.)

миповѣсть о нѣкоторомъ рыцери который былъ, ъ себѣ часу едного поѣхалъ въ полѣ, где предъ розніе полки мобивалъ, такъ же и жадного че- ка нѣкгди не боялся и о смерти нѣкогда не по- лялъ, а кгди того часу на томъ чистомъ полю на ъ добромъ коню гулялъ и явилася ему смерть во ъ страшномъ образи и оружіе свое показала ему, кривую; и рече смерть до рицера: »что, чело- , мыслишъ? не вѣдаешъ не тебе хочу вязати!« Ри- мовитъ великимъ фукомъ: »я не хочу войти и не я тебе.« Смерть мовить до рицера: »чи знаешъ ты , вѣче, хто я есть, що ся мене не боѣшъ? Чи сли- ты коли колвекъ о смерти, до сего часу живучи витѣ?« Рыцеръ мовитъ до смерти: »не такъ слихалъ, і много видалъ, бо ратные полки побивалъ.« Смерть гъ до рицера: »коли ты смерти многимъ людемъ алъ, а на себе смерти нѣкгди ся не сподѣвалъ.« ръ рече до смерти: »я естемъ власний король на и, я тебе ся не бою.« И мовитъ смерть до него: »о ный человѣче! Чему ся ти мене не хочешь бо- мене царіе бояться, владыки почитають, а и ти ъ на богатство свое и на силу. Чи не слыхалъ человѣче, якъ писмо святое мовить; да не хвалится ый силою, богати богатствомъ своѣмъ.« Рицеръ мо- до смерти: »я по полю ежду и тебе ся не бою; къ я въ далекихъ краяхъ бивалъ и разние полки валъ и нѣхто противно мене не спротивился, бо оглъ, и ти до мене зъ якихъ пришла и дивуюся , що ти мене а нѣ меча моего острого не боиши- Смерть мовитъ до рицера: »бо я тебе своимъ ору- ъ не страшу, бо мое оружіе таковое есть: пила те- кордъ, коса кривая; пила есть разние тѣла, тесла есть отпаденіе тѣла, а кордъ мой прободеніе сердцу и кривая коса всѣхъ заровно коситъ, якъ царей славнихъ, такъ и князей велможныхъ, патриарховъ, святителей, ченцовъ и игуменовъ, богатыхъ и убогихъ людей.« Рицеръ мовитъ до смерти: »почто жъ ти сюда пришла?« Смерть мовитъ до рицера: »я хожу помежду дорогами, по чистому полю, по мѣстахъ, по селахъ, по водахъ, шукаючи человѣка; а знайшовши заразъ устрашу его, и озьму его до себе. Рицеръ мовитъ до смерти: що ти мя устрашити хощешъ своими похвалными словами и кривою косою и иншимъ своимъ оружіемъ. Обачимо хто промежку нами будетъ старшій, бо якъ бачу безпечне ходишъ сама без чоду, едно оружіе свое носишъ.« Смерть рече рицару: »Заисте есть, рицеру, оружие мое, которое я ношу, увидивъ надъ собою и окриеться надъ тобою. Рицеръ мовитъ до смерти: не страши ти мене своѣмъ оружиемъ, бо я готовъ зъ своимъ всѣмъ оружіемъ противну тебе стати.« Смерть мовитъ до рицера: »безумній человѣче! подъ ногами моими лежишъ.« Рицеръ мовитъ: »я хочу же бъ ти подъ ногами моими лежала.« Смерть мовить до рицера: »безумній человѣче! послухай но ти мене; Самсонъ силній былъ паче всѣхъ и мовний; кгди бы мѣлъ коло въ землѣ, то бы всю землю повернулъ, да я и того взяла.« Рицеръ мовитъ до смерти:« откуду ти сюда пришла, чи я по тебе сюда посылалъ? чи я вѣдалъ тебе, албо ти чи знаешъ мене? Повѣждъ мнѣ правду. На що ти косу кривую за собою носишъ?« Смерть мовитъ рицеру: »то моя коса ризумѣется по всѣхъ царствахъ: далъ ми тежъ Господь Богъ владзу, же бы всѣхъ заровно стинала, бо я есть смерть; потреба мене знати.« Рицеръ мовитъ до смерти: »коси ти своею косою плодъ земній, то есть траву, що

на косу приналежить, биліе, кропиву, а мене ти для чого косити маешъ, бо я тебе не зналъ, и ти мене не знала: по доброй волѣ розидѣмося.« Смерть мовитъ рицеру: »южъ уховай сердце въ скромности, бо якъ инишихъ людей не отпускаю, такъ и тебе не отпущу.« И почалъ рицеръ на смерть ласково глядѣти и мовилъ: »вѣдаешъ о томъ, смерть, же мнѣ барзо страшенъ образъ твой, же ажъ не могу отъ страха твоего на конѣ сидѣти, бо южъ суставы мнѣ всѣ трясутся. Прошу тебе лагодне, пойди отъ мене себѣ прочъ съ своею косою.« И рече къ нему смерть: »о человѣче! не пишная есмь и за тимъ до тебе пришла — не красная, а велми сильная, молодихъ и старыхъ, богатихъ и убогихъ за ровно всѣхъ побираю; спомни собѣ человѣче, отъ Адама и до сего дне колко было царей, князей, патриярховъ, митрополитовъ, богатихъ и убогихъ людей, старыхъ и молодихъ, то я всѣхъ тихъ побрала; и всѣ мене бояться: чувалъ еси, рицеру, царя Давида, же во пророцѣхъ былъ пророкъ, то я и того взяла; царь Александръ, же надъ всѣми кролевалъ, то я и того взяла. А чи вѣдаешъ ти человѣче, же я жадного богатства не забираю, а нѣ красного одѣня, зане же немилостива есть, и нѣкому часу надалѣй не откладаю: якого часу прійду, того часу и озму.« А кгди рицеръ вислухалъ отъ смерти такіе слова, воздхнувши мовилъ: охъ мнѣ неизному! Уви мнѣ Господи, Іисусе Христе Сыне Божий, ты сотворилъ еси небо и землю; изволивий насъ ради смерти скусити!« А обернувшися до смерти, рече:« о госпоже моя смерть! Чи явишъ любовъ и ласку свою на мене?« Смерть мовить: никакоже не явлю, человѣче, тебѣ любили и фолкги, бо моя любовь во всѣхъ есть еднакова, якъ до царей, такъ и до всякого человѣка.« Рицеръ мовитъ: »мати моя смерть, маю маетностей барзо много — теди тебѣ все отдаю; до себе бери, а мене отпусти.« Смерть мовитъ: »Не залѣцай мнѣ своего богатства; вѣдаю о томъ, же ти мѣешъ скарбы великии, а ле зъ собою не заберешъ, тилко едну кошулю, и скарбы твои люде поживутъ, которие на нихъ не працовали, бо тебѣ болшъ нѣчого не треба: три лактѣ тилко землѣ, и отселѣ не пойдешъ, толко тутъ мертвъ лякешъ, а що свой маетокъ мнѣ отдаешъ, то тилко гришишъ; бо можешъ ти знати же я богатствъ и скарбовъ не забираю, а если бымъ я богатства сбирала, то би и у мене бло несказано и неслихано и не билъ би нѣхто богатій надъ мене, Царь Александръ Македонскій албо тие не мали богатства же вся (?) отъ мене могли откупити, але я не хочу жадного богатства; мое богатство есть разлучити всякаго человѣка отъ жития сего; бо хожу такъ, яко тать потаемне, нѣкому ся не кажу, а никого ся не лишу; теди въ чомъ застану, въ темъ и озьму.« Рицеръ мовитъ до смерти лагодне: хто тобѣ владзу таковую давъ, же берешъ людей, а тебе нѣхто не озьметъ? Если хочешъ, живѣмо за ровно: надъ тебе и надъ мене нѣхто не буде дужшій.« Смерть мовитъ: »неразумный человѣче! южъ и слова твоѣ нѣчого тебѣ не помогутъ, а нѣ потѣшатъ тебе; хочу тебе безъ жадного милосердия зъ сего свѣта заразъ порвати, яко срокги и лютій звѣръ левъ человѣка.« Рицеръ мовитъ: уви мнѣ госпоже моя смерть! Пожди мало, прошу тебе, отврати отъ мене гнѣвъ свой, бо еще не готовъ умерти, же бымъ скоро не отданъ былъ до пропастей адовихъ.« Смерть рече: теперь уже, окаянный человѣче, хощешъ каятися своѣхъ грѣховъ, коли я до тебе пришла, албо не було предъ тимъ часу каятися грѣховъ своихъ. Кгди еси у добрахъ своѣхъ и въ коштованихъ шатахъ ходилъ еси, але тогда откладалъ день за день, часъ за часъ, и чомъ есь не каялся тогда грѣховъ своихъ, а нѣ тожъ милостиню убогимъ давалъ?« Рече человѣкъ: »о горе мнѣ грѣшному человѣку! Кгди жъ многимъ людямъ смерти давалъ, а на себе смерти нѣкгди не сподѣвался, а теперь смерть пришла до мене и взяти немилостивно хочетъ.« И смерть рече: »чи слышалъ еси, человѣче, якъ Господь Богъ до учениковъ своихъ и всѣхъ людей мовитъ: бдите и молѣтеся, да не внидете въ напасть; бо не вѣдаеть человѣкъ коли злодѣй въ домъ его прійде красти, а кгди бы вѣдалъ, то бы ся стереглъ и не далъ бы дому своего викрасти; такъ и тебѣ волно было, человѣче, размишляти

о своихъ грѣхахъ и о смерти: а нѣ царь, а нѣ воевода, а нѣ тежъ святитель але всѣхъ заровно стынаетъ старого не чтитъ, молодого но щадить.« Смерть рече: »писмо святое учить, а бысте день и ночь молилися, абы васъ Господь Богъ не знайшолъ порожнихъ. И почала смерть его напоминати мовячи: »человѣче если бы ты вѣдалъ, же смерть есть праведникомъ покой, дѣтямъ веселіе, разбойникомъ, которые на покаяніе приходятъ, радость вѣчная, должникомъ откупленіе, плачущимъ утѣха.« Человѣкъ рече: »о горе мнѣ грѣшному! Госпоже моя смерть! отврати гнѣвъ свой отъ мене, пожди мало« Смерть рече: »коли вамъ Богъ ждетъ; же бы ви каялися грѣховъ своихъ и за нихъ покутовали, то ви горше Господа Бога ображаете; якъ много на свѣтѣ живете, тимъ болшей грѣшите, откладаете день отъ дня, а не вѣдаете въ котрую годину прйиду и васъ кгди въ чомъ застану, въ томъ и озму: вже и тобѣ, человѣче, животъ и душа отъ тѣла разлучается, солнце заходитъ, годѣ мнѣ говорити съ тобою.« И почалъ человѣкъ плакати горко, отъ сердце ревне мовячи: »Госпоже моя смерть! прошу тебе, дай мнѣ хочь трохи на святѣ пожити! Нехай бымъ покаялся грѣховъ своихъ.« Смерть мовитъ: »не отпущу тебе.« Рече человѣкъ: »уви мнѣ, смерте злая! Хто тебе ублажитъ немилостивую? Волѣлъ бымъ ся на свѣтъ не родича, що ти теперь надо мною старшинство маешъ.« Смерть мовитъ: »Безумный человѣче! Где твое рицерство и молодость, гдѣ твое богатство: все въ землю сокрилъ еси; чи далъ еси на церковь? чи далъ еси убогимъ? Якивий еси пожитокъ душѣ своей учинилъ? Теперь уже, окаянный человѣче, всю маетность отдалъ бы еси, кгди бы моѣхъ рукъ смертелнихъ увошолъ, але южъ не можна.« И узявши кравую косу приступила до него и начала оттинати руки и ноги и всѣ суставы его, и на тихъ мѣстцахъ поразила его смерть. И такъ животъ его скончался.

ПРИТЧА О ХМѢЛѢ.

ПРИТЧА

О ХМѢЛѢ.

(Имп. Публ. Библ. in 4, отд. XVII № 41.)

Бѣ нѣкій человѣкъ: живяше бо в дебриі і сотвори себѣ хижу, и живяше в ней много лѣтъ і в нѣкое время не ста у него пищи, и иде мужъ той искати себѣ на потребу снѣди, и ходяще по лесу много, и абие обрѣте стоящу яблонь велии добру, і вза от того дрѣва едино яблоко, і вкуси, і бысть сытъ велми. И нача яблоки собирати съ яблони той, и узрѣ на яблони траву: обвилась около дрѣва, и сорва травы той едину смоквицу, и нача быти от тое травы гласъ сицевъ:

»Человѣче! знаеши ли ты меня? и слыхалъ ли еси про меня?«

И человѣкъ той ста ізумѣлся, нападе на него ужасъ великій и нача вопрошати той человѣкъ:

»Кто есть ты гласъ іспущаешъ? Азъ бо тя не знаю. Повѣжъ ми.«

И гласъ бысть от тое травы:

»Глаголю тебѣ, человѣче, азъ бо есмъ хмель.«

І рече человѣкъ той:

»Кто ты хмель, і какую силу знаеши в себѣ?«

І гласъ бысть от травы тоя:

»Глаголю тебѣ, человѣче: азъ бо есмъ хмель, и начну ти всю тайну свою. Слыши мои глаголы і внимай: азъ бо есмъ силенъ, боле всѣхъ плодовъ земныхъ, от корени есми силного, и многоплодного, і племяни великого, а мати моя сотворена Богомъ, а имѣю у себя ноги комки, а утробу не ожерчиву, а главу есми имѣю высоку, а языкъ многоглаголивъ, а умъ розной, а очи обѣ имѣю мрачниі, завидливъ, а самъ язъ спесивъ велми, и богатъ, а руце мои держатъ землю всю; а таковъ нравъ имѣю: аще который человѣкъ станетъ меня держатца, царь или князь, или бояринъ, или кто свитителскиі чинъ имѣеть, или чернецъ, или черница, или купець, или мужъ, или жена всякова чину человѣкъ, учнетъ толко меня держатца, первое доспѣю его блудникомъ и к Богу немолебника, на молитву нестаплива и умъ его отиму: начьнеть без ума ходити, і, вставъ онъ с похмеля, не можетъ, на постели своей стонетъ, и глава болитъ, и очи его свѣта не видятъ, и руки его дрожатъ, и на душѣ его мутитца, и дѣлатъ ничего не хочетъ, и ничто ему доброе на умъ не идетъ, толко душа его жадаетъ, какбы напитися. Аще у которого человѣка лучится гостемъ званымъ быть, на обѣде друзямъ и сердоболямъ, а буде меня не станетъ, тутъ бо несть ни радости і ни веселия, той бо и обѣдъ не честенъ и не похваленъ. Аще у коего обѣда пребываю, тутъ бо много радости і веселия, той бо и обѣдъ честенъ и славенъ, всѣхъ людей пребывающихъ в дому

его. Аще кто напеться и спохмеля испьетъ чашу, а потомъ жадаетъ другую, и потомъ иные многие испиваютъ, и какъ напиваютца по вся дни, а язъ в ту пору отрыну отъ него доброе, і воздвигну на него помыслъ бесовский, и потомъ введу его в болшую погибель, и учиню его горда и ленлива, и напущу на него тягость болшую, и пойдетъ изъ него, во пьянстве всякая неподобная рѣчь, і станетъ с всякимъ бранитца і задиратца, покажетьца ему, что онъ силенъ добре и богатъ, и лутче всехъ. Азъ бо тебѣ глаголю, человѣче: аще которыі князь или бояринъ учнетъ меня держатца, то азъ доспѣю его у Бога не милости, а у царя не в жалованье, и сотворю его хуже нищаго и убогаго. Аще ли от питя умретъ, і та душа его будетъ в огни негасимомъ, а тѣло у церкви не положатъ, а покамѣстъ онъ живъ, и напився станетъ сидеть и пить до полуночи, а спать до полуночи (полудня), и на людеі учнетъ восхвалятися; тогда вси людие ево сироты і вдовицы восплачются, и разбѣжатца от его пьяньства. Еще глаголю тебѣ, человѣче: аще которой мастерой человѣкъ учнетъ меня держатца, азъ бо сотворю его ленива, и руки его станутъ дрожать, и дѣлать ничего не восхощетъ, и створю его злымъ пьяницею хуже всѣхъ людей, и учнетъ пить і пропьеться весь, а жена и дѣти пойдутъ в миръ, и домъ его весь раззорю, и не будетъ жилища его ничего, и родъ и пълемя от него отступятца. Еще глаголю тебѣ, человѣче, аще учнетъ меня держатца которой гость или купецъ, всякъ торговой человѣкъ, і азъ сотворю его безумна и животъ свой весь растерзаетъ и пропетъ, и будетъ ходить во вѣчаной ризѣ і во издраныхъ сабозѣхъ, і станетъ себѣ заімывать у которого господина, і ему никто не дастъ и (не) повѣритъ, и не дадутъ, видя его пьянство, і родъ і племя от него отступятца. Еще глаголю тебѣ, человѣче: аще учнетъ меня держатца которой бояринъ, доспѣю его у государя в ненависти, и будетъ онъ ни дворянинъ, ни селянинъ, и умъ его отниму: начнетъ без ума ходити и без призору умретъ. Еще глаголю тебѣ, человѣче: аще которая жена учнетъ меня держатца, сотворю ея злу пьяницу, иметъ она пити, таясь мужа своего, и наведу на нее похоть тѣлесную, и потомъ введу в болшую погибель і в большой позоръ, и будетъ она от Бога отлучена, и от людей в посмѣхъ. Еще глаголю тебѣ, человѣче, во всемъ людемъ всякому чину, мужамъ и женамъ, кто станетъ держатся, азъ таковъ нравъ имѣю: добро все от него отставлю і наведу на него все худое, і учнетъ по дворамъ ходитъ и питъ. Слыхалъ ли еси ты, человѣче, о пьяница? Пьяница есть примѣненна ко свине, свинья бо гдѣ не видитъ, іно рыломъ потыкаетъ, тако і пьяница, аще в которомъ дворѣ пьютъ, и тутъ стоитъ і слушаетъ, пьютъ ли въ томъ дворѣ, и спрашиваетъ: в которомъ дворѣ пьютъ? и стоитъ у воротъ и забнетъ, и проситъ пить, а сорама нетъ и стыда не имѣетъ, толко во умѣ своемъ имѣетъ, какъ бы напится, а въ которомъ дворѣ пьютъ і ему не дадутъ, и отойдетъ от двора того и зломыслитъ на господина дому того, бранитъ неподобною лаею и и никого не боитца, и онъ никого не почитаетъ, самъ себя величитъ і велика сотворяетъ, і со всякимъ бранитца, и со всякимъ задидаетца, покажетца ему, что онъ силенъ добрѣ и богатъ и лутче всехъ. Человѣкъ от пьянства: царь царства отстанетъ, а силныі человѣкъ силы отстанетъ, а храбрыі мечю преданъ бываетъ, а здравы немощенъ бываетъ, а многолѣтны скоро умираетъ без суда Божия; аще кто пьянъ умретъ, и тело его у церкви не положатъ, и пѣния Божия не будетъ, а душѣ мука зла. Пьянство умъ отнимаетъ, рукодѣлия порьтитъ, прибыли теряетъ, пьяньство князя сотворяетъ во убожество, и землю его пусту творитъ, и долгъ наводитъ; пьянство мастеромъ умъ отнимаетъ: не можетъ смыслитъ дѣла своего, и сотворяеть его во убѣжество, пьянство же от женъ мужей отлучаетъ. а женъ от мужей; пьяньство ноги отнимаетъ, пьянство в бездонную бѣду человѣка вводитъ, пьянство зрения очей отнимаетъ; пьяньство к церкви Божиі не пуститъ, честь князъ не даетъ, Богу молитися не дастъ. Вѣдай себѣ, человѣче: на комъ худое пьлате, то пьяница; или нагъ ходитъ, то пьяница жъ; кричитъ кто

или вопитъ, то пьяница; кто убился, іли самъ ногу или руку переломилъ, или голову сломилъ, то пьяница; кто въ душегубителство сотворитъ, то пьяница; кто в грязи увалялся, или убился, до смерти кто самъ зарѣзался, то пьяница. Негоденъ Богу и человѣкомъ пьяница, толко единому дьяволу, и людемъ всѣмъ постылъ пьяница; языкъ дологъ у пьяницы. Что есть недоброе, то все пьяница. Какъ его в животѣ не станетъ, и ево во огнь кинутъ пьяницу, в муку волокутъ пьяницу, черви ѣдятъ пьяницу, мразъ великъ пьяницу, розными учнутъ муками мучить пьяницу, с сотоною во огни царствуетъ пьяница. О человѣче! якоже азъ глаголю тебѣ, сія вся заповѣдаю, словеса моя, вонни во уши своя, отложи прочъ от себя смоквицу сию, якоже еси сорвалъ, да не увидиши зла надъ собою.

Опъ же, той мужъ, слыша от тое травы гласъ глаголющъ сицевы словеса, і пристрашенъ бысть велми, и дивяся, что от травы тоя ісходитъ гласъ человѣческой, и верзетъ онъ смокьвицу на землю, и поіде той человѣкъ в хижицу свою, і несе яблока в хижицу свою на пищу себѣ і размышляя: »великое чюдо показаса мнѣ: слышахъ бо азъ от плода, яко угодное есть, то есть временное, а ни мало вкушати от вина: много убиваетъ, много человѣкъ; пите бо есть никоторого человѣка в добро не вводитъ, но толко во зло глаголъ возводитъ, а Господь от того человѣка отходитъ, видя безмерное его пьянство, а дяволъ о такове челевѣкѣ радуетца, о невѣрномъ і о поганомъ человѣкѣ такъ не радуетъца, какъ о пьяномъ человѣкѣ православные вѣры; невѣрному и поганому ничто сотворити, а над пьянымъ человѣкомъ, что хощетъ, то и створитъ и на вся злая наводитъ, а Господа Бога нашего прогневаетъ пьяны человѣкъ. Аще ли киі человѣкъ от пьяньства бываеть лишенъ, и тѣмъ Господа Бога своего возвеселитъ, а аньгелъ, хранитель души его и тѣлу, ходитъ с нимъ, радуетца, а беси отъ таковаго человѣка отходятъ и гнѣвъ болшей на него имѣютъ, а Господь Богъ такова человѣка своею милостю и благодатию хранитъ его ото всякого дьяволского нахождения, і станетъ Божие сполнять воздержание доброе і благопріятно Богу, и получитъ душе своей спасение, і обьряшетъ от Господа Бога милость в семъ вѣцѣ и в будущемъ, нинѣ і присно і во вѣки векомъ. Аминь.

ПРИТЧА

О СТАРОМЪ МУЖѢ И МОЛОДОЙ ДѢВИЦѢ.

ПРИТЧА

О СТАРОМЪ МУЖѢ И МОЛОДОЙ ДѢВИЦѢ.

(Импер. Публ. Библ. in 4° отд. XVII № 41.)

Бысть старыі мужъ, велми старъ, и сватался ко прекрасной девицѣ, брадою сѣдъ, а тѣломъ младъ, костью храбръ, плотию встанливъ, умомъ свершенъ; і рече старый мужъ ко дѣвицѣ: »поиди за меня, дѣвица: носить тебѣ у меня есть что, слугъ і рабынь много, і коней і портищъ дорогоцѣнныхъ много, есть тебѣ у меня в чемь ходити, пити, і ясти, і веселитися.« И рече дѣвица ко старому своему мужу: »О безумныі і несмысленныі старыі старикъ, матерой материкъ! Коли меня, прекрасную дѣвицу, поімешъ за себя, храбростъ твоя укротитца, и образъ твой померкнетъ, и седины твои пожелтеютъ, тѣло твое почернеетъ, и кости твои изсохнутъ, и уды твои ослабѣютъ, і плоть твоя обленитца, и не угоденъ будеши младости моей і всему моему животу не утѣха будеши; умъ твоі от тебя отидетъ, и учнѣшъ ходити, аки лихая понурая свиня, на добро и на любовъ нѣ помыслишъ, и уды твои ослабѣютъ, и плотскому моему естеству не утеха будеши; тогда азъ, дѣвица, от распаления, впаду в преступление со младымъ отрокомъ, с молодцомъ хорошимъ, а не с тобою, старымъ мужемъ, с вонючею душею, с понурою свинею.« И рече старый мужъ ко девицѣ: »на что, дѣвица, словеса сия сложила, ами древа листиемъ украсила, аки цвѣтъ по земли расцветила? А в дому моемъ рабы; государынею будеши; і станешъ, моя миленкая, на многоцѣнныхъ коврахъ сидѣть, пити, і ясти, і веселитися со мною неизреченна многоразличные яствы; не дамъ тебѣ, миленкая, у печи от огня рукамъ твоимъ упечися і ногамъ твоимъ о камень разбитися. Сядешь, моя миленкая, в каменной полатѣ; и начну тебя, миленькая, согревати в теплой бане, по вся дни, украшу тебя, миленкая, аки цвѣтъ в чистомъ поле, і аки паву, птицу прекрасную, аки Волгу рѣку при дубраве, і упокою тя во всемъ наряде; і сотворю тебѣ пиръ великиі; і на пиру велю всякую потѣху іграти гуселникомъ и трубникомъ и пляску; и начнутъ тебя тешить; и начнешъ, моя миленкая, всемъ моемъ именіемъ владѣти; не дамъ тебѣ, миленкая, оскорбѣти, твоему повся дни і животу твоему.« І рече дѣвица ко старому своему мужу: »о безумны и несмысленны стары старикъ, матерой материкъ! Хощешъ со мною любовь сотворити, а такъ не спешишь о будущемъ вѣцѣ и о смерти, какъ душа своя спасти; хощешъ угодити женѣ, а нѣ Богу. Пора тебѣ раздать имение свое нищимъ; а самъ постригися в почестныі монастырь, рабъ и рабынь отпусти на волю, и онѣ за тебя Богу молить.« И рече старый мужъ ко дѣвице: »какъ ты, дѣвица, поидешь за меня, и азъ твоего отца и матерь одарю многоцѣнными дары и

честь воздамъ великую.« И рече дѣвица ко старому мужю: »о безумныі и несмысленныі старой старикъ матерой материкъ! Аще ли одолееши отца моего и матерь мою многоценными дарами, і отецъ мой і мати моя выдадутъ меня за тебя по неволи, і язъ стану ходить не по твоему докладу, и слова твоего не послушаю и повеления твоего не сотворю; аще велиши здѣлать кисло, азъ здѣлаю пресно, а мякова тебѣ у меня хлеба не видать, всегда тебѣ сухая крома глодать, зазкаломъ зубамъ твоимъ пагуба, скорынямъ твоимъ погубитъ (?) пагуба жъ и кончина, а тѣлу сухота, а самому тебѣ, старому смерду, ізчезновение, а младому отроку моему, молодцу хорошему, совѣтнику, мяхкия крупичетые колачики и здобныя пироги, і различныя овощи, да сахаръ на блюде да вино в кубце, в золотомъ вѣнце, да сверхъ тово ему мяхкая хорошая лебединая перина да чижовое зголовье, да соболиное одѣяло, а тебѣ у меня, старому смерду, спать на полу или на кутникѣ на голыхъ доскахъ с собаками, а в головы тебѣ із под жерновъ дресваной камень; да пожалую тебя, велю тебѣ дать соломенную рогожу, да пей болотную воду, да ежь сухой хлѣбъ, да квашеные поскрепки, а в мѣсто тебѣ мѣсто, старому смерду, мостолыга старые коровы, і та недоварена, а младу отроку молотцу, хорошему моему советнику, калачи крупичетые, да сахаръ на блюде, да вино в купцѣ, в золотомъ венце, и язъ пред миленкимъ стою с трепетомъ із боязнию, чтобы меня миленкой любилъ, і жаловалъ, і дрочилъ почесту, а нянки и мамки учнутъ милова на рукахъ носити, а тебѣ, старому смерду, побѣрещеной (?) рожѣ, неколотой потылицѣ, жаравной шеѣ, лещевымъ скорынямъ, сомовѣ губѣ, щучимъ зубамъ, повырой свине, раковымъ глазамъ, потхилому г...у опухлымъ пятамъ, синему брюху, рогозиннымъ руковицамъ, посконная борода, желтая сѣдина, кислая простокваша, неподтвореная сметана, моржовая кожа в воде варена, чертова болота, свиной пастухъ, сиделъ бы ты на печи, чтобы у тебя, смерда, в шее скрыпело, а в роте храпело, а в носе сапѣло, а въ г...ѣ, шипѣло, жилъ бы ты что жукъ в г...ѣ, что желна в дуплѣ, что червь за корою, что сверчекъ за опечью, костямъ бы твоимъ ломота, зубамъ щепота.« И рече старой мужъ ко дѣвице: »коли ты, девица, за мною будеши, и ти не такова будешь. И сталъ старой мужъ свататца ко девице і все имѣние свое на сватовство отдалъ, а прекрасной дѣвицы за себя не сасваталъ; и какъ дѣвица старому мужу говорила, такъ надъ нимъ і сотворила. І вы, старые мужи, сами себѣ разсудите, младыхъ женъ не понимайте: младая жена лишная сухота; от людей старъ бѣгаетъ, в пиру не сидитъ, к людемъ не пристанетъ, а от воротъ не отстанетъ, в ызбу не лезетъ, а хотя і влезетъ, и онъ не сядетъ, в верхъ глядитъ, голову закинулъ, языкъ закусилъ, кропчетца, что лихая сабака из под лавки, а укусить не смеетъ, чтобъ самое не зашибли, не говоритъ, дметца, самъ себѣ досадилъ старой мужъ, три годы бѣгалъ и удавился. А красная дѣвица вышла замужъ за молотца хорошева, с молодымъ прощаючись, а старова проклинаючи. І какъ девица старому говорила, такъ над нимъ и сотворила. Младому дѣвица честь и слава, а старому мужу коровай сала. А хто слушалъ, тому сто рублевъ а хто не слушалъ, тому ожегъ в г...о, четцу калачикъ мягкой. Сей сказке конецъ.

СКАЗАНІЕ

О РОСКОШНОМЪ ЖИТІИ И ВЕСЕЛІИ.

СКАЗАНІЕ

О РОСКОШНОМЪ ЖИТІИ И ВЕСЕЛІИ.

(Изъ сборника, принадлежащаго профессору Ѳ. И. Буслаеву.)

Нѣ в коемъ государствѣ добры и честны дворянинъ вновъ пожалованъ помѣстицомъ малымъ, и то ево помѣстье межъ рѣкъ и моря, подлѣ горъ и поля, межъ дубровъ и садовъ і рощей избраныхъ, езерь сладководныхъ, рѣкъ многорыбныхъ, земель доброплодныхъ, тамъ по палямъ пожити видѣти скотопитательныхъ пшеницъ і житъ различныхъ, изобилны полугамъ травы зеленящия, і разноцвѣтущи цвѣтовъ сличныхъ прекрасныхъ и благовонныхъ несказанно по лѣсамъ древесъ кедровъ, кипарисовъ, виноградовъ, яблонь, и грушъ, і вишень, и всякаго плодного масличья зѣло много, и телико премного и плодовито, что яко само древесие человѣческому нраву самохотие служитъ, преклоняя своя вершины, і розвѣвая своя вѣтви, пресладкия своя плоды объявляя; в садѣхъ же і дубровахъ птицъ преисполнено і украшено пернатыхъ і красногопѣснивыхъ сириновъ і попугаевъ, і струфокамиловъ, і иныхъ птахъ служащихъ на снѣдь человѣческому роду, на голосъ кличущему человѣку прилетаютъ на дворъ і в домы і в окны і в двери приходятъ, і кому какая птица годна, тотъ ту себѣ ізбравъ возметъ, а остаточныхъ прочь отгоняетъ, а по мори пристанищъ корабелныхъ и портовъ утѣшныхъ і утишахъ добрыхъ без числа много тамъ, насадовъ и кораблей, шкунъ, каторгъ, бусъ и лодей, струговъ и лотокъ, паюсковъ, кояковъ і карбусовъ неисчетныи тьмѣ, тысящи со всякими драгоцѣнным заморскими товары безпрестанно приходятъ, з бархоты і отласы, со златоглавы і оксамиты, і с олтабасы і с юберцами, і с камками, і отходятъ и торгуютъ без пошлинъ; а по краямъ і берегамъ морскимъ драгоцѣнныхъ каменей акинеовъ, алмазовъ, яхонтовъ, ізумрудовъ дрогоцѣнныхъ, бисеру і жемчугу добрѣ много, а по дну морскому песковъ рудъ златыхъ, і сребреныхъ, і мѣдныхъ, і оловяныхъ, мосяровыхъ, і желѣзныхъ, і всякихъ кружцовъ несказанно много; а по рѣкамъ тамъ рыбы бѣлуговъ, осетровъ, і семги і бѣлыхъ рыбицъ, і севрюгъ, стерледи, селди, лещи і щуки, окуни, і караси і иныхъ рыбъ много, і толико достаточно, яко сами под дворы великими стадами подходятъ, і тамощния господари із домовъ не исходя, но із дверей і из оконъ і руками, і удами, і снастями, і баграми ловятъ. А по домамъ копей стоялыхъ аргамаковъ, бахматовъ, иноходцовъ, куръ і овецъ, і лисицъ і куницъ, буйволовъ, і еленей, лосей, і соболей, і бобровъ, зайцевъ і песцовъ, і иныхъ одѣвающихъ плоть человѣческую во время вѣтровъ безчисленно много. А за такимъ великимъ приходомъ той земли не бываетъ снѣговъ, не знаютъ дождя, грозы не видѣть и что зима, отнюдъ слыхать. И такихъ звѣрей і шубы людемъ непотребны. Да тамже есть едина

горка не добрѣ велика, а около ея будетъ 90 миль полскихъ, а около тоя горки испоставлено преукрашенныхъ столовъ множество, со скатертми и с убрусами и с ручниками, и на нихъ ключи и мисы златыя и сребреныя, хрустальныя, и стеклянныя, і различныхъ яствъ с мясными и с рыбными, с посными и скоромными, ставцы, и сковороды, и сковородки, лошки и плошки, а на нихъ колобы и колачи, пироги и блины, мясныя части, и кисель, рыбныя звена и ухи, гуси жареныя и журавли, лебеди и чапли, і индейския куры і курята и утята, кокоши и чирята, кулики и тетеревы, воробьи и цыплята, хлѣбы ситныя и пирошки, и сосоуды с разными напитками, стоятъ велики чяны меду, сороковыя бочки вина, стоновыя дѣлвы ренскова і рамонеи, балсамовъ и тентиновъ, і иныхъ заморскихъ драгоцѣнныхъ питій множество много, и браги, и бузы и квасу столь множество, что і глядеть нехочется. А кто либо охотникъ і пьянъ напьется, іно ему спать доволно нихто не помѣшаетъ; тамъ усланы постели многия, перины мяхкия пуховыя, изголовья, подушки и одеяла, а похмельнымъ людямъ также готово похмельныхъ ядей соленыхъ, капусты великія чаны, огурцовъ і рыжиковъ, і грушей, і рѣдки, чесноку, луку і всякия похмелныя яствы, да тамже есть озеро недобре велико, исполненно вина днойнова, и кто хочетъ испивай, небойся, хотя вдругъ по двѣ чаши, да тутъже близко прудъ меду, і тутъ всякъ пришедъ хотя ковшемъ іли ставцомъ припадкою іли горьстью, Богъ в помощь, напивайся; да близкожъ тово цѣлое болото пива, и ту всякъ пришедъ пей, да и на голову лей, коня своего мой, да і самъ купайся, и нихто не оговоритъ, ни слова молвитъ. Тамъ бо того много, а все самородно: всякъ тамъ пей и ѣжъ в свою волю, и спи доволно, і прохлаждайся любовно. А около горъ і по полямъ, по путемъ, і по дорогамъ, перцу валяется что сорю, а корицы, інбирю что дубовова коренья, а онисъ і гвоздика, шаврань і кардамонъ і изюмныя і винные ягоды и виноградъ на всѣ стороны лопатами мечутъ, дороги прочищаютъ, чтобъ ходить куды глаже, а нихто тово не подбираетъ, потому что всего тамъ много, а жены тамъ ни прядутъ ни ткутъ, ни платья моютъ, ни кроятъ, ни шьютъ, і потому что всякова платья готоваго много, сорочекъ и портъ мужескихъ і женскихъ шесты повѣшены полны, а верхнева платья цвѣтнова коробьи и сундуки накладены до кровель, а перстней златыхъ и сребреныхъ зарукавей, цѣпочекъ і монистовъ, без ларцевъ валяется много: любое выбирай да надѣвай, а нихто не оговоритъ, ни попретитъ ни в чемъ; і кромѣ тамъ радостей и веселья, пѣсень, танцованья, і всякихъ игръ плясанья, никакия печали не бываетъ, тамошняя музыка за сто миль слышать. Аще кому про тамошней покой и веселье сказывать начнешь, никако ни что тому вѣры не пойме, покаместъ самъ увидитъ и услышитъ, і кто изволитъ до такихъ тамошнихъ утѣхъ и прохладовъ, радостей и веселья ехать, і повезъ бы с собою чяны с чянички и с чянцы, бочки и бочерочки, ковши и ковшички, братины и братиночки, блюда и блюдички, торелки и торелочки, ложки и ложечки, рюмки і рюмочки, чашки, ножики, ножи і вирочки, ослопы і дубины, палки, жерди і колы, дреколие, роженье, оглобли и каменья, броски и улоки, сабли і мечи и хорзы, луки, сайдаки и стрѣлы, бердыши, пищали і пистолеты, самопалы, винтовки і метлы, было бы семъ от мухъ пообмахнутися, а прямая дорога до тово веселья от Кракова до Аршавы і на Мозовшу, а оттуда на Ригу и Ливляндъ, оттуда на Киевъ, і на Подолескъ, оттуда на Стеколню и на Корелу, оттуда на Юрьевъ і ко Брести, оттуда к Быхову и в Черниговъ, в Переяславль и в Черкаской, в Чигиринъ і Каѳимской, а кого перевезутъ Дунай, тотъ домой не думай; а тамъ берутъ пошилины неболшия: за мыты за мосты и за перевозы з дуги по лошади, с шапки по человѣку, і совсево обозу по людямъ; а тамъ хто побываетъ і тотъ такихъ роскошей вѣкъ свой не забываетъ.

ПРИ'ЧА

О ЖЕНСКОЇ ЗЛОБѢ.

ПРИТЧА

О ЖЕНСКОЙ ЗЛОБѢ.

Сказание и бѣседа премудра и чадолюбика отца, предание ї поучение к сыну, снискателна от различныхъ писаниї богомудрыхъ отецъ, и премудраго Соломона, Іисуса Сирахова, и от многихъ философовъ ї искусныхъ, о женстеї злобѣ.

(Румянц. Муз. № 363.)

Послушаі, сыне мои, преклони ушеса свои, внуши словеса устъ моихъ, да скажу ти. Ісперва сотвори Богъ человѣка единаго отъ всѣхъ стихиі і нарече ему імя Адамъ; і потомъ успе Адамъ, і взятъ Богъ ребро его, и сотвори ему жену. И Адамъ не прелстися, но жена его прелстися совѣтомъ змиінымъ, і тоя ради вины въсе отъято самовъластие у жены. И рече Богъ ко Евъве: »отныне буди ты покоренъна мужу своему во всемъ, и повинуіся ему, и не буди тебѣ ни единыя въласти надъ нимъ: то глава тебѣ и господинъ, да владѣетъ тобою во всемъ, преступила бо еси повелѣние мое и не восхотѣла еси свободна быти.« *Зри же, сыне мои, сия* (¹): яко отъя Богъ у жены самовластие, да не вопреки глаголютъ мужу своему; единою бо поучи Евъва Адама, і всему миру клятву наведе, и запрещение пріятъ прабаба наша—в печалѣхъ родити чада.

Рече сынъ ко отцу: Отче, обоимъ симъ вещемъ писание свидѣтелствуетъ быти істинъне, благовѣствуетъ бо Богъ своему созданию посла архангела своего Гавъриіла к дѣве Марие: вмѣсто древние печали Евъвѣ, радость Богородицѣ принесе, рече: »радуіся, благодатная! Господь с тобою, и благословенна ты в женахъ!» Сия радость сопротивна клятвы, і вмѣсто Адама новыі Адамъ — Христосъ, і вмѣсто Евъвы — благословенная Богородица Мария, и безъ болѣзни Адама породи, тояже чистотѣ дѣвичестиі лицы ревънующе и жены по Христѣ мучившеся, на уди разсекаемиі, и ко Христу приведошась; того ради въся нова бысть, и женское племя благословися, и яко жена добра мужа своего и по смерти спасетъ, и дому строителница бываетъ, і венецъ похвалныі мужу своему сплетши полагаетъ, и яко сладкия воды от устъ ея истекаетъ, сердечную мужу своему усложаетъ, милосерда, чадолюбива своимъ дѣтемъ бываетъ, и домъ своі въсякимі добродѣтелми наполняетъ, бѣзкрывныхъ покрываетъ, беспомочнымъ помогаетъ, бѣдныхъ призираетъ, нагихъ одѣваетъ, алчныхъ і жадныхъ накормляетъ, болныхъ і въ темъницахъ посѣщаетъ. І по писанному въсего силнѣе жена бываетъ: жена и цареі породи, и одеяние имъ сотвори, ибо всякъ человѣкъ отъ жены рождаетъца и сосцами ея питаетъца. И приречe: Не сутъ зло естество женское.

Рече отецъ к сыну своему. Сыне, аще бы не благословилъ Богъ отъ жены родитися і водою креститися і на крестѣ роспятися, то уже бы приближися весъ родъ ко вратомъ адовымъ. *О семъ, сыне, изве-*

(¹) Отмѣчаемъ курсивомъ тѣ мѣста, которыя въ подлинникѣ писаны киноварью.

стно буди тебѣ: в нынешьнихъ лѣтехъ едина жена отъ тысящи такова, якоже ты глаголеши, обрящетца А сия в Бытиі глаголется: »позна Адамъ жену свою и роди отъ нея сына:« не Евъва роди по Адамъ; і во евангелиі глаголетъ: »Авраамъ роди Ісаака«: слыши, сыне моі, не Сарра роди, но Авраамъ. Но аще и сосцами питаемся, но множицею отъ нихъ кровию венчаемся. От женъ бо многия крови пролияшася и царства разорешася, и царие от живота гонъзнули, села и домы раскопашеся. Горе граду, в немже въладѣтелствуетъ жена! Горе дому тому, имже владѣстъ жена! Зло и мужу тому, иже слушаетъ жены! Въ нынѣшънихъ вѣцехъ мнози человѣцы грады многими въледѣютъ, а женамъ своимъ работаютъ; извыкли бо жены ихъ в зерцало призирати і вапами лица своя, помазовати, і вѣжда свои возвышати, и черновидно лица своя вооброжати, и многимъ себе уряженнемъ украшати, и многихъ очеса на видѣние красоты своея превращати и приводити: украшаютъ бо тѣлеса своя, а не душу; уды своя связали шолкомъ, лбы своя поттягнули жемчюгомъ, ушеса своя завесили драгими рясами, да не слышатъ гласа Божия, ни святыхъ книгъ почитания, ни отцовъ своихъ духовъныхъ учения. Жены познали заблуждения, мужие же возлюбили на женахъ своихъ многая украшения, а сами восприяли убогое одѣяние носити на себѣ, въсе для женъ своихъ украшение. О мужие! от ково есъте приняли сия обычаі, еже многая полагаютъ на женахъ своихъ украшения? От сего вамъ несть ползы, толко ваше злое погубление, ибо женское украшение въсегдашнѣе мужу сухота, и приводитъ до острого меча. Много бо сего бываетъ, еже в великия долги себя вълагаетъ, и от того вѣчно погибаетъ, понеже своего не имутъ, а женъ украшаютъ.

Аще ли къто хотѣния ея не исполнитъ, тогда она зѣлне воздыхаетъ, слезитъ, и шепчитъ, ни худа ни добра не глаголетъ, очи свои изменитъ, носъ потупитъ, и зубы своими скрегчетъ, и что речетъ мужъ еѣ, и она что медвѣдица пыхнетъ, і пред нимъ плачетъ день и нощъ, и мужу своему покоя не дастъ. гневъ імѣетъ, и мужъ ея от неѣ покоя не иматъ. а она глаголетъ: »иныхъ мужеі жены ходятъ красно, і вси ихъ чтутъ; азъ же бѣдная, в женахъ возненавиденная, і всѣми незнаема, и отъ въсѣхъ укоряема! Почто ты мнѣ ныне мужъ? дабы азъ не знала! Азъ была отца богатого дочь и матери добрыя, и племяни славного, и таковыхъ родителеі дщерь — і тол(ко) бы азъ была дѣвица, былъ бы мнѣ мужъ отца богатого сынъ, и была бы азъ госпожа добру многу, і вездѣ бы была азъ честна и хвална, і почитаема отъ всѣхъ людеі!«

Хощетъ убо жена, дабы въси хвалили, любили и почитали; аще ли иную похваляютъ, то она возненавидитъ, і вмѣняетъ в недружбу, и чужую похвалу в студъ въ лагаетъ. Аще ли мужъ ея угодити хощетъ еі, то всехъ ему любити, ихже она любитъ, тако і всѣхъ сихъ в ненависти имѣти, ихъже она возненавидитъ, І всегда хощетъ болшину имѣти, і никому не хощетъ покоритися ни послушати, то въсегда хощетъ повелѣвати, і всего хощетъ повелѣвати, і всего хощетъ вѣдати, и поучати, и умѣти; аще же не умѣетъ і не знаетъ, а глаголетъ умѣю і знаю; аще будетъ прекрасна и лѣпа, многи очи имутъ на ню, якоже бо в луже вода, семо и овамо проходя, погибаютъ, тако и яко вѣтрило наверху горъ скорообразно вертящеся. К таковымъ бо женамъ мнози человѣцы прелщаютъ — овъ добролѣпнемъ женъ, овъ разумомъ, а инъ смѣхотъ утѣхами, инъ красноглагоніемъ и дарованиемъ, и прочими лестьми прелщаются, якоже речено есть: лутъче купити коня, или вола или ризу, нежели злу жену поняти, понеже не мощно познати, какова обычаемъ: аще и не добролѣпъна, или буя, или болна, или блядлива, или горда, или гнѣвлива, или инымъ покоромъ повъреждена, и к тому невозможно такия за себя поняти, доколѣ она жива. Аще хощеши. сыне моі, бесъ печали жити, то лутче не женитеся и опослѣ не тужити.

Речa сынъ ко отцу своему: Отче, во евангелиі речено: »всего ради оставитъ человѣкъ отца своего и матерь и прилепитца жене своеі, и будета оба в плоть

едину.« Богъ же ми дастъ жену добронъравну, въсякими добродѣтелми украшену — смиреніемъ, молчаніемъ, послушаніемъ, пощеніемъ, доброумиемъ, нищелюбіемъ, рукодѣліемъ, нескверноложіемъ: таковыя жены у Бога милости просятъ о мужахъ своихъ, и когда в дому буду, и о доброі женѣ возрадуюся и о дѣлехъ ея; чюжеи же радости не зазрю, навсегда радость в дому моемъ будетъ.

Рече отецъ к сыну своему. Сыне, аще будетъ тебѣ якоже реклъ еси, блаженъ еси, и добро тебѣ будетъ, жена тъвоя яко лоза плодовита; аще же грѣхъ ради житие злѣ проводиши, а такову жену не обрящеши, якоже хощеши, — въсегда от нѣе сердцемъ поскорбишь і в горести сердца речешь: блаженъ тоі, иже дѣвствъвомъ живетъ, да сицевыя жены не обрящетъ, яко ты, сыне моі! Последи злонъравъную жену не возлюбишъ і в раскаяние приідешъ, и ничто тебѣ успѣетъ; аще ли сицеву обрящеши — пронырливу, льстиву, лукаву, крадливу, блядливу, злоязычну, обавницу, еретицу, медвѣдицу, лвицу, змию, скорпию, василиску, аспиду.

Рече сынъ ко отцу своему. Отче, не могу разумѣти словесъ твоихъ, скажи ми известно.

Рече отецъ сыну своему. Слыши, сыне моі, про льстивую и пронырливую. Сия рукодѣлия дѣлати не хощетъ, а какъ мужъ еѣ приідетъ, і она лежитъ — шипитъ, стонетъ, востаетъ — охаетъ, и мужъ ея сия рече: »жено, что и о чемъ скорбишъ і о чемъ нерадишь?« І она хотя і здорова, а рече: не могу! Сия строителница дому своему и мужу своему не помощница, і ножного одѣяния не сотворитъ; аше что мужъ ея припасетъ, и она пронырствомъ въсе изнуритъ. — *Слыши, сыне моі, про сварливую и злоязычную.* Імѣетъ языкъ яко бритву изощрену, на всякаго человѣка наскачетъ аки левъ, всѣхъ злословитъ и укоряетъ, и осуждаютъ і на всехъ ядъ своего языка іспущаетъ. — *Слыши, сыне мой, про крадливую и лукавую.* Лукавство женское сице: імѣетъ умъ остръ, пред мужемъ своимъ показуетъ, і никакоже мужъ ея лукавства женскаго разумѣетъ, ібо с мужемъ живетъ аки единодушна, а въ сердцы своемъ мыслитъ: аще мужъ моі умретъ, а живота своего не прикажетъ мнѣ, і мнѣ за иного мужа поити не с чемъ, і никто меня за себя не возметъ. І се глаголя, мыслитъ: ныне есми въсему добру господжа; учиню себѣ сокровище таіное! И начнетъ у мужа своего красти, а онъ не вѣдаетъ, і сице к неі речетъ: »жено, что обнищахомъ, і в велицеі скудости домъ нашь сотворися?« И она речетъ: »а то, господине, грѣхъ ради нашихъ, а я не крадливая! Іже въсе імѣние мужа своего погубитъ і оба обнищаютъ! — *Слыши, сыне моі, про льстивую и блядливую.* Таковая жена мужу своему во стретение изыдетъ ланитами склаблящиіся уничижающися, и за руцѣ мужа приімающе, і одѣяние совлачаю(ще), словесы льстящиі и усты лобызающе, сице глаголюще: »поиди, государь моі, светъ очию моею, сладость гортани моему, зрѣние свѣта моего! Не могу ни единого слова промолвити! Лице мое поекло(?) и сердце мое окаменило; и егда возрю на тя, света моего, тогда зѣло возрадуюся: составы моі роступаются, і вси уди тѣла моего трепещутъ, и руце моі ослабѣваютъ! Бракъ ты моі любезный, і всегда пред очима моіима есть, егда услощу (услышу) сладкая твоя словеса, тогда не смѣю что отвѣщати: не отверзутся ми уста, огнь в сердцы горитъ, и лице мое палитъ, і всѣ составы грѣются!« И аще будетъ онъ мужъ ея, и она его вскоре оболститъ; аще в дому его не прилучится, і она близ оконъца приседитъ, сѣмо и овамо колеблющеся, а со смиреніемъ не седитъ: скачетъ и пляшетъ, і всѣмъ тѣломъ движетъся, сандалиями стучитъ, руками плещитъ, и пляшетъ яко прелстивъшаяся блудница Іродиада, бедрами трясетъ, хрептомъ вихляетъ, головою ківаетъ, гласомъ поетъ, языкомъ глаголетъ, бѣсовская ризы многи премяняетъ, і в оконце часто призираетъ, подобна Иродиаде чинитца, и многимъ юнымъ угодитъ, і всякого к себѣ льститъ. — *Слыши, сыне моі, про обавъницу и еретицу.* Издѣтъска начнетъ у проклятыхъ бабъ обавничества навыкать и еретичества іскать, і вопрошати будетъ многихъ, како бъ еі замужъ выітить и какъ бы еі мужа оба-

вити на первомъ ложе і в первої бане. І взыщетъ обавниковъ и обавницъ, і волшебствъ сатанинъскихъ, и над ѣствою будетъ шепъты ухищьряти, і под нозе подсыпати, і в возглавие і в постелю въшивати, і в порты рѣзаючи, і над чѣломъ вътыкаючи, і всякия прилучившияся к тому промышъляти, и кореньемъ и травами примѣшати, і всѣмъ над мужемъ чаруетъ: сердце его выссетъ, тѣло изсушитъ. красоты в лице не оставитъ, і во очесех свѣтлость погубитъ, і разумъ погубитъ всякому в поношение въложитъ его. Сицевая сотворитъ мужа своего і тако его возненавидитъ, юныхъ же возлюбитъ, умершвляющѣе зелие сыщетъ, и подобна въремя обрящетъ, и смертънымъ въкусомъ мужа своего покуситъ, якоже класъ прежде времяни історгнетъ. — *Слыши, сыне мой, про медвѣдицу и львицу.* Якоже от таковыхъ звѣреі едина, егда узритъ человѣка, тогда главу свою похилитъ, и очи своі посупитъ в землю, и злобою пыхнетъ, на человѣка нападетъ и задушитъ его въскоре: тако и злая жена главу свою наклонитъ, і очи посупитъ, и уста стиснетъ, даже злобою на мужа своего дыхнетъ, и на выю его сило наложитъ, і гортанное дыханые заіметъ, і зле скончаетъ его. А львица в пустыни на всякого человѣка и зверя наскачетъ и заторзаетъ: тако и злая жена яко львица, и домочадецъ возненавидитъ, и ризы растерзаетъ, и тѣло кровию обагряетъ, і власы искореняетъ, і на мужъ рыкаетъ, злобою восхищаетъ; не львовы зубы ухапаетъ ни ножемъ, ниже мечемъ, виже копия мужа своего закалаетъ, но нравомъ злѣе львицы бываетъ. — *Сѣлыши, сыне мой, про змию и скорпию.* Ибо змиінъ родъ велми въползающихъ зълобою зълѣіши иныхъ гадовъ. Ізначала бо велика зъла сотъвори человѣку и проклята от Господа зъмия: того ради пресмыкаяся по земъли ходитъ чревомъ своимъ, того же ради и скорпия, і жаба, і черепаха, аще бьешъ или колешъ или стреляешъ, ничтожо ея не возметъ, точию розжещи клещи и імати ю і во огни сожещи; а секнутие ея таково зло скоростию и до смерти приводитъ: тако і злая жена во человѣцехъ інѣхъ злѣіши суть. — *Сѣлыше, сыне мой.* Ис куста исходитъ змия, и узритъ человѣка, и от него бѣжитъ; а злая жена подле человѣка лежитъ, а змиінымъ ядомъ дышитъ — семъ истинная запазушная змия; данелижъ мужъ еѣ по неі ходитъ і вопреки ничего не глаголетъ, то и она ему терпитъ; а егда еі мужъ чѣмъ погрозитъ или досадитъ, и она на него яко змия шипитъ; и аще ю бьетъ жезлнемъ или пинаниемъ или за власы рваниемъ, то злую жену ничто неѣметъ, но точию раздражаетъ, и она злобою своею что змия шипитъ, в сердце его злохитръствомъ секнетъ, по времяни же и сама умретъ: аще не покаетца, то во огнь въвергнетца, да тамо окаянная накажется. — *Слыши, сыне мой, про ехидну.* Такова суть, ибо своихъ чадъ ненавидитъ; аще хощетъ родити, подшится ихъ съѣсти, они же погрызаютъ у нѣе утробу, и на древо от нея отходятъ, и она от того умираетъ. Сеі же уподобишася ехидне нынешния дѣвицы многия: не бываютъ мужемъ жены, а во утробѣ імѣютъ, а родити не хощетъ, и помышляетъ: егда отроча от чрева моего изыдетъ, и азъ его своими руками удавлю. Аще дѣвическую печать разоритъ, а дѣвицею имянуется; образъ бо яко дѣвица, а нъравомъ яко окоянная блудница, ибо кому прилучится таковою женитись. Виждь и разумѣи: та бо ходитъ быстро, и очима обзорлива, и нъравом буя, і во въсемъ несчастлива. — *Сѣлыша, сыне мой, про змию і василиску.* Такова суть ибо зъреньемъ убиваетъ человѣка: гдѣ завидитъ, тамо и побиваетъ: такова бо есть змия василиска, стрелами своими смертными люта велми человѣка умерщвъляетъ. Такожъ прокудливая жена нъравомъ змия василиска, ибо прехитро себя украшаетъ, но приятни сандалия обуваетъ, і вежда своя ощипъляетъ, і духами учинить, и лице і выю вапами повапитъ, и черности во очесѣхъ себѣ украситъ, і во одѣяние себѣ облечетъ, и перси на руце возлагаетъ, і верхъ главы своея златомъ и каменіемъ драгимъ украшаетъ, и на лукавыя дѣла тъщится; егда же ли градетъ, ступаетъ тихо і выю кротце обращаетъ, и очима не въскоре, і зрѣньемъ умилно възпрастъ, и устъне гладце отверзаетъ, і вся составы своі к прелести ухищряетъ, і многия души огне палными стрѣлами устрѣляетъ яко ядомъ змиінымъ

видѣниемъ своимъ юныхъ убиваетъ, яко разслабленны удове ихъ бываетъ. Сыне моі, глаголахъ ти про асъпида, иже зѣло золъ въли в роде зъмиевомъ въ 70 родехъ, а сей аспидъ перъвый от нихъ злобою, і в которую страну въселится, и сотъворитъ ю пусъту; и нравомъ таковъ есть, иже не можетъ слышати гласа тръубнаго, но разбиетъ себѣ о камень і скончавается: тако и злонъравная жена не можетъ слышати доброго еі поученія и уши свои затыкаетъ неслушания каменіемъ и непокоренія жемъчюгомъ драгимъ, яко аспидъ хоботомъ; в которої домъ таковая жена въселится, і сотъворитъ его пуста, ібо всяка печалъ ало бываетъ, а корень въсемъ женъская зъло (ба).

Рече сынъ ко отцу своему. Отче, апостолъ рече: лутче женитись, нежели разжизатись якоже палима пещь огнемъ, такоже и юношеская пълоть к вожделѣнию женъскому разжизаетъ, ибо огнь естестъвенный не ветъромъ разгнещается, но видѣниемъ красныхъ лицъ прелщается, і время і мѣсто согрѣшения врагъ полагаетъ бываетъ; женъская красота мя прелщаетъ, на нюже възирая веселъ.

Рече отецъ к сыну съвоему. Сыне моі, аще не разумѣеши словесъ моихъ, якоже рекохъ тебѣ, слыши, да скажу ти извѣстъно подробъну. Сотъвори Богъ человѣка единаго и помысли, яко недобро единому быти ему: и успи его в породе раістеі, і взя ребро его, і сотвори ему помощьницу, рекъше жену. Егда же прабаба наша Евъва прелстись совѣтомъ змиінымъ, такоже и мужа своего прелсти, і посѣти Богъ Адама в раі, и рече ему: Адаме! Онъ же рече: се азъ, Господи! Господь же рече к нему: почто заповѣдь мою преобиделъ еси? Адамъ же ко Господу рече: Господи моі Боже, жена мя прелсти, еже ми еси далъ. И рече ему Господь: послушалъ еси совѣта жены своеі! аз бо далъ тебѣ сию не совѣтъницу, ни въладѣтелницу над тобою, но поручницу и помощницу тебѣ. И тогда ради изгна Богъ Адама и жену ево от раіские пищи. І по изгнании нача Адамъ плакатися, седя и сътуя плачемъ възываше: увы мне, раю моі прекрасныі, яко меня ради сотворенъ еси! увы мнѣ, раю моі прекрасныі, яко меня ради сотворенъ еси! увы мнѣ, яко погубихъ Божие человѣколюбие и духа святаго благодати ралихся! И коимъ плачемъ восплачюся или которымъ рыданиемъ возрыдаю, іли коимъ сетованиемъ возсѣтую от рая мое изгнание, і в ностѣ і в трудѣхъ терновъное прозябѣние, і в преісподнихъ адскихъ мѣстехъ воздыхание помяну! И сице рече: увы мнѣ, въся злая содѣлашася і внезапу постигошася тебѣ ради, жено, прелстися, ты мнѣ незрѣлое безсмертие пожала еси серпомъ лукавства змиіна, ты бо мою власть на рабство преложила, і во очесѣхъ свѣтлость помрачися, и нуждею реце слезъ изливаю! увы мнѣ! о жено безумная, почто отлучи мя ангельского ликования і студнымъ дѣломъ принуди мя? ты прелстивъшая мя, отиди от мене, уж бо к тому не требую совѣту твоего пагубного и лукаваго, ниже будетъ о тебѣ промышление мое от сего времяни! И от Адама правнуцы его многими напастьми и бѣдами пострадали от жены. — *Слыши, сыне пой, како святиі отцы иосъстрадали от жены.* Ноі праведныі от жены напаенъ бысть квасомъ смешенымъ с травою и увѣщаемъ от нея о таінѣ, иже заповеда ему ангелъ Господень запрещениемъ, еже никому повѣдати; но умъ его не возможе терпети от вонания травъного, и отбѣже от главы его, и в забытие приіде памятъ его о запрещении, і сказа таіну женѣ своеі; и яко отщетився и приіде на мѣсто, идѣже ковъчегъ дѣлая, и видѣ яко разсыпася дѣло его і всѣхъ живущихъ на земъли, і плакася на мѣсте томъ 40 днеі. Такоже и Лотъ праведныі в Содомѣ живяше з беззаконными людми и не прикоснуся і не поколебася имъ, і никакоже осуждая, и того ради содомского запаления убѣжа, но от лукавства дщереі своихъ неможе убѣжати, но напоенъ бысть виноградным виномъ, і падеся со дщерми своими, и зачатъ во чревехъ; последи же увѣдавъ грехъ своі, начатъ сумневатися душею ужасатися, і плакася на горахъ горко, и бысть Лотъ дщеремъ своимъ посягатель, отецъ и мужъ. — *Сьлыши сыне моі, про Осифа праведного.* Якоже рече

писания, в рабь проданъ бысть Иосиѳъ живяше чистотою душевъною и красотою телесною, и лице его яко солнце сияя. Зряще же на него господина его жена и желаше насытитися красоты его, и тъщашеся ласканиемъ запяти Иосиѳа і бѣз мужа своего и призва его в ложницу свою, і нача его увещевати льстящи его, і напрасно его охапи руками своими к падению себя, тоі же отторгнуся отъ нея; она же ятъ за ризу его; онъ же оставивъ ризу свою в руцехъ ея, и отбѣжа от нѣя вънѣ двора. Приіде ж мужъ ея от полаты царевы, она же въземъ ризу Іосиѳову і показа мужу своему, і с великою злобою поношаше на Осиѳа: »сеі рабъ твоі восхотѣ ругатися женѣ тъвоеі; азъ же не восхотѣ осквернити ложа твоего, і возва иже в дому нашемъ; онъ же оставль ризу, бѣжа от мене.« Потерпирий же ятъ вѣру словесемъ ея, і повелѣ Иосиѳа затворити в темъницe, и смириша во оковахъ нозѣ его, лукавыя ради жены, и избави его Богъ, і сотвори царя Египъту. *Слыши, сыне моі, про царя Давида. како блуда ради хотя смерть приняти.* Богоотецъ великиі во пророцехъ царь Давидъ, егда виде Вирсавию, жену уриіну, красну лицемъ і величествомъ, і повелѣ ю привести во свою полату и падеся с нею; и по сотворению блуда, узрѣ вся въспять, і виде ангела стояща и держаща мечь обнаженъ над главою его, і паде ницъ на землю, молящеся і плакася горко, глаголющи: »Безвѣстная и таіная премудрости тъвоея явилъ ми еси!« И паки рѣхъ: »возсмердеша і согнишася раны моя, от лица безумия моего пострадахъ; яко беззаконие мое азъ знаю, и грѣхъ моі предо мною есть въсегда; тебѣ единому согрѣшихъ и лукавое пред тобою сотъворихъ; отврати лице твое от грѣхъ моихъ і вся бѣзаконня моя очисти!« И услыши Господь моление его, и прия Давидъ Духа святаго благодать и глаголаше: »азъ рѣхъ во обилиі моемъ: не подвижуся во вѣки.«

Рече сынъ ко отцу своему. Отче, приихъ поучение твое і во уверениі ми бысть; приточникъ рече: не пощади жезла своего, его же любиши; азъ слышахъ о тебѣ все по ряду, и от словесъ уразумѣхъ и смыслъ своі укрѣпихъ, и разума наполнихся, наказанию тъвоему і опасному житию научихся, и укрѣпихся, и искусенъ быхъ.

Рече отецъ к сыну своему. Сыне моі, несть то ти тако, якоже рекълъ еси: ібо дивная сия вещь — жена злая кротима высится, а биема бѣситца, сварится, а подобна болѣзни нѣкакоі. Не превозносися, сыне моі, не рцы во умѣ твоемъ, і не уповаі на смерть твою і на мужество свое и на храбрость, еже жити со зверемъ симъ, что укротити его: свирѣпие и безстуднѣе суще полскихъ зъвереі, невозможно сущи убѣжати лютости ея. Обрѣли бо есми в писаниіхъ: кто Соломона премудрого премудрея, или кто Самсона силнѣе, и Александра храбрѣе, и они от женъ пострадали и скончалися. — Соломонъ в юности своеі наполнися разума, яко река многотекущая исполнися притчами и гаданиі, яко звезда утренняя, яко луна полна, і во дни сияя яко солнце, и яко маслина славы, из нея же сладкиі плодъ приходитъ; имя его и мудрость во вся конъцы и страны прослышася; жены же лукавые умъ его помрачаше и яко реку многотекущую пресушиша, доброту его погубиша, обратиша его на пагубу и блудомъ растлиша его, и прелстиша его во идолобѣсие, и сотвориша его поклонятися твари, і тоя ради прелести пророческого дара лишенъ бысть. — *Слыши, сыне моі, про Самсона силного,* еже по благовестию родися, яко да будетъ силенъ, и глаголаше: »аще бы Богъ укрѣпи колце, то бы моглъ всею вселенную поворотить», и челюстию по 1000 на день иноплемянъныхъ побивалъ; а жена любодѣица не убояся силы его, и напоивъ на колеѣхъ своихъ успи его, і власы, имиже силенъ бысть, остриже, и очи ему ископа, і на поругание иноплемянныхъ его предаде. — *Слыши, сыне мои, про царя Александра,* яко храбръ бѣ, от палестинския страны от востока солнечнаго вся царствия мира сего своею храбростию къ себѣ приклониша, а от жены отравленъ бысть зелиемъ травнымъ і скончася. — Илия пророкъ славнѣ бѣ во пророцехъ, иже молитвою своею на три лѣта і на шесть мѣсяцовъ небо заключи и не одожди земля,

толико время і огнь с небѣсе сведе, і пятдесятниковъ пожже, ібо елико имутъ святві житія; і сия въся имѣя святыі Иоанънъ, і прия от Бога ангеломъ нареченъ бысть, і в рожденныхъ женами болши не бысть. Терпенія ж и проповѣдание ужесѣся дияволъ і нача търепещущи глаголати «горе мнѣ! что сеі мужъ и кто ми возвѣститъ будущаго гнѣва убѣжати? горе мнѣ, яко будущая возвѣщаетъ, единъ стоитъ пришедши у народа і всѣхъ учитъ и укоряетъ, и обличаетъ Ирода и совѣтницу мою Иродіаду; и наполню ея гнева.» И скверная любодѣица испусти гнѣвъ свой на праведнаго, не убояся великого во пророцѣхъ, скакавъши и плесавши Иродова; и полюбися плесание Ироду, и клятся еі Иродъ дати и до пол-царствия; а она же, научена материю своею, испроси главу Іоанъну предтечи; Иродъ же повелѣ Іоанъну главу усѣщи, и усѣченою главою предтечевою яко яблокомъ поигравъ на блюде его. В пустыни диви і зверие убоящая, зъмиі и аспиды честно нозѣ его лижуща, а жена зла такова свѣтилника не убояся. И великого во апостолехъ і еваньелиста Іоанъна-богослова, наперстника і возлюбленъника и друга Господня, со ученикомъ его Прохоромъ, злая жена по ланитома бияху; І великого во святителехъ, покоянию проповѣдника, вселенъиѣі учителя и свѣтилника Іоанна-Златаустаго, учение же его во всю вселенную проіде, яко река многотекущая, царица же властолюбица не терпя обличения его, с престола его изгна, і в далния страны в заточение засла его.—*Сълыши сыне моі*: уразумѣлъ ли еси словеса моя, яко тебѣ про патъриархъ и праотецъ и про пророкъ и святыхъ апостолъ святыхъ отецъ рекохъ? Елико они пострадаша от неистовства женского, толико и разумныхъ пострадали от нихъ; ибо дияволъ не можетъ самъ сотворити таковыя пагубы святымъ, якоже наводитъ злыми женами: та бо есть оружие дияволе, и мечь сатанинъ, и оболгателница святымъ. И обрѣтохомъ азъ написано в старчествѣ. Нѣкто человѣкъ добронъравенъ живяше со злою женою, імѣя 7 сыновъ, а всѣ в совершенномъ возрастѣ, и многого ради злонравия ея, наказа ю мужъ жезломъ; она же, окаянъная, убѣжа в нѣкую пустыню, к затворнику старцу толкиіся, глаголюще: «сего ради пришла к твоеі святыни, да избуду напрасныя смерти.» Онъ ж приятъ ю в пещеру свою, и помалу прелсти его окаянная, и падеся с нею, яко своею женою; и елико мужъ ея бияще, она же к затворнику убѣгаше в пустыню и глаголаше: «уморю мужа своего!» Потомъ же мужъ ея бияше про злонравие ея, она же умори мужа своего, и шести сыновъ умори же по единому; а седмыі сынъ, шедъ во градъ, сказа народу, и ізыдоша людие в пещеру, яша старца и жену ту, і испытавше ихъ, огнемъ сожгоша. И сеі повѣсти не могу глаголати без слезъ многихъ и горкого воздыхания, понеже очи моі зѣлне плачютъ, а душа зѣлне воздыхая трепещетъ. *Сльщи, сыне мой:* кто не прослезитца о семъ великомъ старце погибѣли? Здѣ огнемъ скончася, а в будущемъ веце злѣ лютѣ адскоі муцѣ предастся! О лютѣ! очи моі слезы многия испустиша, а душа моя зжалѣся и серце мое восколѣбася! Колико сеі старецъ подвизався в пустыни, со многочисленными бѣсы боряся, а з женою злонравною вмалѣ прелстився і погибѣ: о семъ всякъ да восплачетъ умильными слезами и горкимъ воздыханиемъ, сердечнымъ возрыданиемъ!

Слыши, сыне моі, про некоего мужа: пришедше в домъ к женѣ вдовице, и хваляху людие ему, да ся оженитъ ею, понеже юнъ бяше; она же окаянъная злонъравно с нимъ живяше неколико лѣтъ. По времени же умрѣ жена; онъ же начатъ продавати дети своя и ея, людие же кляняху его, что тако творятъ; онъ же рече: »егда возрастутъ и будутъ обычаемъ в матерь свою, тогда и меня продадутъ! И плакася по женѣ своеі. Людие же глаголаху: »почто плачешися?« Онъ же рече: »плачуся, дабы другая такова не была.« Нѣкиі человѣкъ рече: былъ есть в трехъ нужахъ: в темнице, у шибаницы, и от дву нуждъ убѣжахъ, а отъ третия нужды—от злыя жены, не могу убѣжати.

Рече сынъ ко отцу своему. Отце! отяготехъ тягостию; рцы ми слово вкратце, что лихая жена и что злоба ея; скажи ми, і напиши на сердце моемъ!

Рече отецъ к сыну своему, Слыши, сыне моі: жена злая домовня буря, многимъ потопъ, неудержимое стремление, сердцу копие, і никомъ (?) зжение, і очесемъ поползение, таінамъ обличение, покоище змиіно, смертоносная бѣседа, не оставляющая трясавица, неутолиная огневица, мужу спящая, лесть востающая, печаль самахотная, злая ратница, грѣхомъ учительница, темныі вождь, хоругви адова, неспадаемое желание, вѣтвь диаволя, спасаемымъ соблазнь, болезнь неисцелная, злоба безувѣтная, удобъ уловляюща дерзость; жена злая — вѣтръ северъ, день неведрянъ, гостинница жидовская, совокупленница бѣсовская, несытная похоть; якоже ровъ глубокъ не наполнится водою и огнь дровами, тако і злая жена николиже наполнитъся хотѣния своего, и злоба ихъ не умаляетъся, имѣя сокровище злобы, источникъ зла кипя непрестанъно.

Рече сынъ ко отцу своему. Отче! слухи моя наполнишася твоего наказания: уже душа моя ужасеся, и разумъ моі умилися, и сердце мое восколебася, стоя пред очима твоіма!

Рече отецъ к сыну своему. Сыне моі! не буди укоряти собою: естество женъское велми есть зло. Приточникъ же рече: бѣжи і не озираіся красоты женскоі, яко Ноі от потопа и яко Лотъ от содомъского запаления, и не буди с прилежанием зрѣти на чюжие жены и объятъ буди руками іхъ, и не жалаі ея: та бо погубляетъ человѣки острѣиши меча. Нѣкто рече: стрѣхъ бѣхъ на пути льва, а на распутиі разбойника. і обоихъ сих убѣжа, а злыя жены не могохъ убѣжати. Аще кому случитца злая жена поняти, то над чюжимъ мертвецомъ не ходи плакати: всегда бо ти у себѣ въ дому плачь. Сыне моі и любимое мое чадо! вся сия видѣхъ і в писаниі обрѣтохъ, и согласию твоему рекохъ (о) злобости и неразумиі женъ. Лѣта, в няже правляху римскую власть и папы, тогда случися быти в римскиі совету велику о градскихъ великихъ дѣлехъ; снидоша же на семъ велицы сенатыриі в великую на то устроену полату, и за единымъ сенатыремъ вшедшу в ту полату дѣтищу младу, сущу іменемъ Папиру, начаша же о таіныхъ великихъ советовати дѣлехъ, отрока же не вѣдяху; яко с ними в полате тоі. Папиръ же въся глаголемая прелѣжно слушаши и сладце вынимаше. Егдаже совершися совѣтъ, о неиже дѣла совѣтовахъ (ша), и разыдошася во своясн. И узрѣша нѣцыи отрока вслѣдъ отца ис полаты грядуще, но не рѣша ничтоже о пребываниі отрока в полатѣ, яко младъ есть и ничтоже вѣсть. Егда же Папиръ приіде в домъ своі, мати же начатъ вопъроша́ти его: гдѣ, рече, чадо, в толико время былъ еси? Папиръ — былъ, рече: в полатѣ со отцемъ моимъ, идѣже творітся совѣтъ о градскихъ дѣлехъ. Мати же его, яко едина отъ бѣзумныхъ и яко жена вся хощетъ вѣдати и слышати, егда же и мало услышитъ, во мъного скажетъ, и повсюду разнесетъ, начатъ сына своего увѣщевати лестными глаголы: скажи, рече, чадо мое любимое, что сенатыри тиі малиі и о чемъ совѣтовали? Отрокъ же, разуміченъ сыі, в таковемъ малолетствиі показа совершенъныхъ мужъ разумъ, о сицевыхъ же слыша в полатѣ ничтоже матери своеі рече, извѣща всяко отрицаяся сказати и невѣданием скрываше таіну; видѣвъ же неотложное притужение матери своея: яко истинъну сице, рече, слышахъ яко сенатырство советъ творили о семъ, да всякому мужу имѣти себе по две жены, иниі же рекоша яко женамъ подобна имѣти по два мужа, на семъ же утвердиша рѣчь, яко быти у въсякого мужа по двѣ жены. Сеже умысли отрокъ сказать да о прочихъ не вопрошаетъ. Мати же слышавши у Папира и вмѣнивши истиннѣ быти, созва к себѣ великихъ римскихъ господинъ (госпѡнъ?), и точныхъ (?) к себѣ разумъ к сыновню речению свое ложное многое присвоение, и увѣща итти в полату к сенатыремъ. Наутрия же собравшися жены многи, идоша до полаты, сказывающе да сенатыреі велику рѣчь; сенатыри же воздвившеся, повелѣваша имъ с честию внити и глагола глаголемыхъ хотяху увѣдать, рекоша к женамъ »что приідоста к намъ, госножи, и чего требуете, и что есть намѣрение ваше?« Жены же рекоша к нимъ: »мы рѣчь и совѣтъ вашь, яко умышляете і хощете сотворити — единому коемуждо мужу две жены имѣти, а сие намъ не угодно; но молимъ васъ, вел-

мнѣйшіі, пріимѣте совѣтъ нашъ и исполните прошение наше, да будетъ единоі женѣ два мужа. »Сенатырие ж сия слышавше, воздившася о глаголехъ нелѣпыхъ гласныхъ (глаголанныхъ) от женъ, другъ же на друга взирающе и мало осклабляющеся, кождо отрицающеся реченѣ техъ, иже глаголютъ жены; вопрошаютъ же ихъ: откуду произнесеся таковое ложное сложеніе? Мати же отрока повѣда, яко сынъ ея Папиръ, бывыі с ними, произвести еі сия; нача же сице с прилѣжаніемъ молити ихъ, да будетъ женѣ по два мужа. Сенаторове же сия слышавше, руце на устѣхъ положиша, помняще, яко вчерашъного дне отрокъ Папиръ с ними в полату входилъ; слово же, ихъже глаголютъ жены, чюждахуся, понеже ни сами глаголаху, от кого слышаша; женамъ же обѣщавъшися, яко бы по воли ихъ сотворити, і отпустиша ихъ с честию. Жены же ідоша в домы радующіися, и чающіі, яко збудется прошение ихъ. По отпущению же ихъ призваша отрока Папира, начаша его вопрошати; туже бѣ і отецъ его. Отрокъ же изрече въся по ряду, како при нихъ в полатѣ пребываше, и како и о чемъ они совѣтоваша, и како мати его принуждаше сказати сенатырские совѣты, и како замысли сказа матери своеі ложная і неслышанная, да о прочихъ не вопрошаетъ: а что же вы рекли, велможнѣйши, о потребныхъ граду и людемъ, ни единого извѣстихъ слова. Сенатырове удившася разуму отрока, восхваляюще же его и лобызающе, женамъ же, бѣзстудству, и неразумию, и прелестному нраву, і немощи, и несытъному хотѣнию, зазирающе і удивляющеся, и оттолѣ совѣщавшеся жены в наказаніі і во всякомъ соблюденіі имѣти, и нѣ в чѣмъ имъ не вѣрити, и совѣту ихъ не слушати, і своихъ тъаинъ не объявляти; отрока же зело возлюбиша і всякому наказанию научиша, и приняша его в сенатырство, учиниша же ему надъ многими высочаішее мѣсто, потомъ и потомъ, (?) бысть. *О муже подобна.* Соломонъ, премудрый царь, помысли испытати, какова мудрость мужа и целомудрие, тако же и жены хотя искусити. Призва нѣкоего ему предстоящаго сынъклита от великихъ, именемъ Даркира, и глагола ему: »любезнѣйшіі Даркире! вѣси яко надо всѣми люблю тя; наипаче же мнѣ возлюбленъ будешъ, аще повелѣнъное мною сотъворишіи, і велицеі чести надо всѣми сподобишися.« Даркиръ же глагола ему: »О царю! аще повелиши, сотворю волю твою.« И яко обѣщася, рече ему царь: »Се повелѣніе мое, да усечеши главу жены своея; азъ же дамъ ти в жену от дщереі царьскихъ, паче же и сопрестолникъ мнѣ будеши.« Даркиръ же о семъ ужасенъ бысть, обаче повинуется сотворити волю цареву. Царь же дастъ ему преострыі своі мечь: »симъ, рече, соверши повелѣніе мое, и егда главу женѣ отсечеши, на извѣщеніе ю мнѣ да принесеши.« Даркиръ же возмущашеся и жалостию препобѣждашеся, страха же царьска наіпаче боящеся, взем же мечъ у царя, и приіде в домъ своі, и обрѣте жену свою спящу, и по обою страны ея дѣти, младенци суща. Видѣвъ же сия і восплака, и рече в себѣ: »Како утъкну мечемъ сожительницу мою, толико ми лѣтъ с нею пожившие? кто же ли по смерти ея утѣшитъ дѣтища моя, і вскормитъ я? И аще сия сотъворю чтись ради земнаго царя, но что отвѣщаю царю царемъ и господу господемъ?» Отложи сотъворити повелѣніе царево. Призва же его царь и глагола: »сотъворилъ ли повелѣнное мною?« Даркиі же рече: »о великиі царю! лутъче ми есть самому при въсеі твоеі воли быти, неже сожительницу мою умертъвити и младыхъ же чадъ матери лишити.« Царь же яко-бы разъярился, зане преслушалъ повелѣніе его и часто презрѣлъ, повелѣ его послати во иныі градъ; призываетъ же жену к себѣ и глагола еі: »воистинну ты еси добрая в женахъ, прекрасная и премудрая, и мною прелюбезная; но како еси за таковымъ мужемъ? достоіна венъцу цареву! Но аще что реку тебѣ, сотъвори волю мою, и аще волю мою сотъвориши, будеши мнѣ прелюбѣзная царица і всему царстъву владѣтельница.« Она же, окаянъная, рече: »еже аще глаголеши, царю, сотворю волю тъвою!« Глагола же еі: »сия воля хотѣния моего, да внегда мужъ тъвоі приідетъ во градъ і в домъ своі, ты же, яко радуйся приходу его, напоивъ его виномъ, отсещи ему главу;

азъ же тебѣ дамъ острый мечъ, да без замедления дѣло скончаеши.« Она же, бѣсомъ подъустрѣкаема, вознепъщева, яко зъбудется еі все, еже царь рече, обѣщася со усердиемъ повелѣнъное исполнити. Пославъ же царь, повелѣ мужу еѣ без въсякого страхования к себѣ быти и во своемъ ему чину пребывати, якоже и прежде; видѣвъ же и разумѣ царь, яко жена готова мужа своего погубити, дастъ еі мечь зѣло претупъленъ и глаголетъ: »иди, превозлюбленъная! сотъвори волю мою, да многу добру госпожа будеши.« Она же мнѣвъ, яко острой мечь, и принесе его в домъ своі. Даркиі же по цареву велѣнию приіде в домъ своі, совѣщания же жены своеи не вѣдяше; жена же ласкосердствующиі, яко бы во много время не видавши его, воздыхающи, слезящи, и лобызающи, яко да вскоре въкуситъ брашъна и на одрѣ да возляжетъ, яко да ослабу въскоре от печали приіметъ, ничто не содѣвающе, еже бы еси въскоре желаниѣ совершити и женѣ царю быти. Даркиі же, не вѣдая злыхъ умышленія жены своея, и вкусилъ брашъна, и испивъ мало вина, въскоре возлегъ на одрѣ и успе; жена же его спяща и храплюща, въземъши мечь, наложивши на гортань мужу своему, и яко жена, не имѣя обычая мечемъ, яко пилою сюду и сюду преводити и ничтоже успѣ, яко претупъленъ бѣ мечь. Мужъ же ея вскоре въскочи от сна, мня яко нѣкое дяволе злохитърство мечътуется; жена же мало утаивъшися. Даркиі же паки въскоре возлегъ и успе, жена же его, любоначалствомъ несытства одержима, паки нача мужа мѣчемъ по гортани сюду и сюду преводити, и паки ничтоже успѣ, но велми ему досади, мало мечемъ не удави. Даркиі же въскоре услыша и трепетенъ воскочи, повелѣ же и свѣщу принести; видѣвъ жену свою с мечемъ стоящу, ужасеся ужасомъ великимъ и рече одержимъ к женѣ: »что сицево зло умыслила еси надо мною, и за какое зло убити ми хощеши?« И мало ю понаказавъ, ничтоже сотъвори, но повѣдася сія царю. Царь жа разумѣвъ, каковы жены к прелести готовы и злонъравъны, како ни Бога убоясь, ни мужних сѣдинъ устыдѣся, ни чадъ помилова, и рече царь: »обрѣтохъ в тысящиі много мужеі мудрыхъ, жены же мудрыя не обрѣтохъ ни во тмѣ единыя.« И глагола Даркию, да ничтоже еі зло сотъвори.

И паки глаголетъ: умъ женъскиі нетъвердъ, яко храмъ непокровенъ; или паки: оплотъ неокопанъ до вѣтъра стоитъ, тако и мудрость женъ до прелестного глаголания и до сладкого увѣщанія тъверда; егда же ли и по маломъ прелститься, никакоже Бога убоится, ни чадъ помилуетъ, ни священъника почтитъ, ни святителя усрамится, ни пророка убоится. И сие въсякъ да вънимаетъ, и жены прелестны совѣта не приимаютъ; аще и медомъ реченъная отъ усть ея каплѣтъ, последи же горъчая пелыни обращется. И приречe: злая жена — стрела сатанина, уязвляющая многихъ сердца; по истинънѣ неукротимыі зверь, скорпия многожалная, болячка смертная. И паки: тяжко бремя стражу, идѣже соблюдати великую казну, еще и петъверду имѣющу храмину; тако и мужу імѣти всякую жену: аще будетъ злообразна, мука ему есть; аще ли прекрасна, то въси на ню зърѣти будутъ, мужу же безутѣшная плачь.

ПРИТЧА

О КОРЫСТОЛЮБЦѢ.

ПРИТЧА

О КОРЫСТОЛЮБЦѢ.

(Отрывокъ изъ синодика, принадл. Импер. Публ. Библ.)

Горе тѣмъ человѣкомъ здѣ живущымъ, а о себѣ и о душахъ своихъ нерадящымъ: грабятъ насилуютъ, а при своемъ животѣ церквамъ божіимъ, ни слугамъ церковнымъ не подаютъ, ни странна помилуютъ, ни нага одѣютъ, ни болнаго посѣтятъ, а отходя сего свѣта, и онѣ приказываютъ оуправляти таковымъ же злымъ человѣкомъ, грабителемъ немилостивымъ; и онъ худоумный человѣкъ обрадуется злому тому собранію, сице во умѣ держа: да онъ самъ, другъ мой, не раздаде при своемъ животѣ, а не даю, и не вѣдаю я откуду что взято, отъ правды ли, или отъ неправды, и азъ не вѣмъ, како, или кому что раздати. Да въ томъ размышленіи сущу, и въ то время припадаетъ къ нему аггелъ сатанинъ, еже есть корень сребролюбія, поучая его, глаголетъ; о добрый человѣче! то тебѣ Богъ далъ за твоя добрая дѣла, владѣй, пій, и яждь, и чада вскорми въ наслѣдіе себѣ, и онѣ послѣ твоего живота раздадутъ? И онъ, худоумный человѣкъ, пріимъ въ сердцы своемъ бѣсовскую прелесть, радъ бысть, и нача владѣти, и потомъ поживе много лѣтъ въ питіи, и яденіи безвременомъ: и тако отходя сего свѣта, оуказа послѣ своего живота, женѣ, и дѣтямъ, своимъ разпространно давати своя и чюжая. И оставшаяся жена, послѣ своего мужа, начнетъ съ дѣтьми помышляти, сице рекущи: чада моя, что се умысли отецъ вашъ, а мой мужъ? Мню яко безумна есть: повелѣ своя имѣнія, и чюжая, нищымъ и церквамъ Божіимъ раздаяти; а мене, и васъ оставляетъ сиротами. Воистинну безуменъ есть глаголъ сей мужа моего. Чада моя! оумыслила есмь тако: с таковымъ богатствомъ, иду за богата мужа, и онъ мене возлюбитъ, и воскормитъ..... (1)

(1) Конца недостаетъ.

ПРИТЧА О БРАЖНИКѢ.

ПРИТЧА

О БРАЖНИКѢ.

СЛОВО Ѡ БРАЖНИКѢ КАКО ВНИДѢ В РАЙ.

(Изъ сборн. принадлеж. профе҃ору Ѳ. И. Буслаеву.)

Бысть нѣки бражникъ і зѣло много вина пилъ во вся дни живота своего, а всякимъ ковшомъ Господа Бога пъ́рославлялъ, и часто в нощи Боту молился. И повелѣ Господь взять бражникову душу, и постави ю у вратъ святаго рая Божия, а самъ ангелъ і прочь пошелъ. Бражникъ же начя у вратъ рая толкатися, и приде ко вратамъ верховныі апостолъ Петръ, і вопроси: »кто есть толкущися у вратъ рая?« Онъ же рече: — азъ есмь грѣшны человѣкъ бражъникъ; хощу с вами в раю пребыти. — Петръ рече: »бражникомъ здѣ не входимо!« И рече бражникъ: — кто ты еси тамо: гласъ твой слышу, а имени тъвоего не вѣдаю! — Онъ же рече: »азъ есть Петръ апостолъ.« Слышавъ сия бражникъ рече: — а ты помниши ли, Петре, егда Христа взяли на распятие, і ты тогда трижды отрекся еси отъ Христа. О чемъ ты в раю живеши? — Петръ же отъиде прочь посрамленъ. Бражникъ же начя еще у вратъ рая толкатися; и приде ко вратомъ Павелъ апостолъ, і рече: »кто есть у вратъ рая толкаетца?« — Азъ есть бражникъ; хощу с вами в раю пребывати. — Отвѣща Павелъ: »бражникомъ здѣ не входимо!« Бражникъ рече: — кто еси ты господине? гласъ твой слышу, а имени твоего не вѣмъ! »Азъ есть Павелъ апостолъ.« Бражникъ рече: — ты еси Павелъ, помнишъ ли: егда ты первомученика архидиякона Стефана камениемъ побилъ? азъ, бражникъ, никово не убилъ! — И Павелъ апостолъ отъиде прочь. Бражникъ же еще начя у вратъ толкатися и приде ко вратомъ рая царь Давыдъ: »кто есть у въратъ толкаетца?« — Азъ есть бражникъ; хощу с вами в раю пребыти? — Давыдъ рече: »бражникомъ здѣ невходимо.« И рече бражникъ: — господине, гласъ твой слышу, а въ очи тебя ни вижу; имени твоего не вѣмъ. — »Азъ есть царь Давыдъ.« И рече бражникъ: — помниши ли ты, царь Давыдъ, егда слугу своего Урию послалъ на службу и велѣ ево убити, а жену ево взялъ к себѣ на постелю, и ты в раю живеши, а меня в рай не пущаеши! — И царь Давыдъ отъиде прочъ посрамленъ. Бражникъ начя у вратъ рая толкатися, и приде ко вратомъ царь Соломонъ. »Кто есть толкаетца у вратъ рая.« — Азъ есть бражникъ; хощу с вами в раю быти! — Рече царь: »бражникомъ здѣ невходимо.« Бражникъ рече: — кто еси ты? гласъ твой слышу, а имени твоего не вѣмъ! — »Азъ есмь царь Соломонъ.« Отвѣщавъ бражникъ: — ты еси Соломонъ; егда ты былъ во адѣ, і тебя хотѣлъ Господь Богъ оставити во адѣ, и ты возопилъ: Господи Боже мой, да вознесетца рука твоя, незабуди убогихъ своихъ до конца! А се еще жены послушалъ, ідоломъ поклонился, оставя Бога жива и четыредесять лѣтъ работалъ еси имъ; а я, браж-

никъ, никому непоклонился, кромѣ Господа Бога своего; очемъ ты в рай вшелъ? — И царь Соломонъ отъиде прочъ посрамленъ. Бражникъ же начя у вратъ рая толкатися и приде ко вратомъ святитель Никола. »Кто есть толкущися у вратъ рая?« — Азъ есть бражникъ; хощу с вами в раю во царствіе внити. — Рече Никола: »Бражникомъ здѣ невходимо в рай: имъ есть мука вѣчная и тартаръ неисповѣдимъ!« Бражникъ рече: — зане гласъ твой слышу, а имени твоего не знаю; кто еси ты? — Рече Никола: »Азъ есть Николай.« Слышавъ сия бражникъ рече: — ты еси Николай, і помнишъ ли: егда святи отцы были на вселенскомъ соборѣ, и обличяли еретиковъ, и ты тогда дерзнулъ рукою на Ария безумнаго; святителемъ не подобаетъ рукою дерзку быти; в законѣ пишетъ: не уби, а ты убилъ рукою Ария треклятаго! — Николай, сія слышавъ, отъиде прочь. Бражникъ же еще начя у вратъ рая толкатися, и приде ко вратомъ Иоаннъ Богословъ, другъ Христовъ, и рече: »кто у вратъ рая толкаетца?« — Азъ есть бражникъ, хощу с вами в раю быти! — Отвѣщавъ Иоаннъ Богословъ: »бражникомъ есть ненаслѣдимо царство небесное; но уготованна имъ мука вѣчная, что бражникомъ отнюдь невходимо в рай!« Рече ему бражникъ: — кто есть тамо? зане гласъ твой слышу, а имени твоего не знаю? — »Азъ есть Иоаннъ Богословъ.« Рече бражникъ: — а вы с Лукою написали во евангели: другъ друга любяй; а Богъ всѣхъ любитъ, а вы пришельца ненавидите, а вы меня ненавидите! Иоаннѣ Богословѣ! либо руки своея отпишись, либо слова отпрись! — Иоаннъ Богословъ рече: »ты еси нашъ человѣкъ бражникъ! вниди к намъ в рай.« И отверзе ему врата. Бражникъ же вниде в рай и сѣлъ в лутчемъ мѣстѣ. Святи отцы почяли глаголати: »почто ты, бражникъ, вниде в рай и еще сѣлъ в лутчемъ мѣстѣ? Мы к сему мѣсту не мало приступити смѣли.« Отвѣща имъ бражникъ: — святи отцы! не умѣете вы говорить з бражникомъ, не токмо что с трезвымъ! И рекоша вси святиі отцы: »буди благословенъ ты, бражникъ, тѣмъ мѣстомъ во вѣки вѣковъ! Аминь.

ДОБАВЛЕНІЕ (*)

ПОВѢСТЬ

О ВДОВѢ И ТРЕХЪ ЖЕНИХАХЪ.

(*) Третій варіантъ легенды о кровосмѣсителѣ и старая застольная пѣсня, обѣщанные въ предисловіи по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, редакція не могла напечатать, а вмѣсто нихъ мы помѣщаемъ взятую изъ малороссійскаго сборника XVII вѣка, вѣроятно, переводную, повѣсть.

ПРИПОВѢСТЬ

О ТРЕХЪ МЛАДЕНЦАХЪ: КАКО ОШУКАЛА ИХЪ ОДНА ВДОВА СВОИМИ ФОРТЕЛЯМИ БАРЗО ШТУЧНЕ.

Въ едномъ мѣстѣ славномъ былъ мѣщанинъ можний купецъ: той мѣлъ трехъ дѣвокъ, двохъ же отдалъ скоро замужъ, а третяя долго рутку сѣяла, бо груба была на твари. Въ томъ же мѣстѣ былъ купецъ барзо можний, котрій, завдовѣвши, мыслилъ собѣ мовячи: если озьму вдову, буде мнѣ во всемъ спречная, а прето озму тую дѣвку; а она будетъ въ послушаніе мнѣ. И такъ понялъ собѣ тую шпетную дѣвку за жону, втомъ поживши килко лѣтъ въ покою, видячи себе быти хоримъ, за живота все, що мѣлъ, леговалъ жонѣ своей въ тистаменту при людехъ; самъ скоро померъ. Тодѣ, по смерти мужа своего, тая вдова жила статечне, всими добрами обладаючи; а втомъ почалися на тую вдову залицати три младенцѣ: еденъ студентъ, другій служалецъ, третій мещанскій синъ; а такъ собѣ чергою до неи хожовали зъ музыками и напитками, а всѣ три намовляли ее, ижь бы замужъ пошла била. Вшакъ же одинъ о другомъ не знали. Сусѣди зась, жиючие поблизу той вдовы, почали нарекать на вдову, мовячи: же за твоими зальотниками спать не можемо; певне албо замужъ иди, албо имъ откажи, ижъ бысьмо болше того гомону не слухали. Тогди тая вдова пошла радитися у людей, що би мѣла съ тымъ почати. Тогдѣ една зацная жона мовила ей: »вѣдай, добрая панѣ, що! що чинишъ помни: кгди была дѣвкою убогою, нѣкто ся о тебе не старалъ; теперь зась не о тебе имъ иде, але о маетность твою; прето ражу тобѣ, абысь нѣ одного зъ тыхъ трохъ не брала собѣ за мужа, але росправъ ихъ такимъ способомъ: кажи прійти першому въ ночь першои години, а гди будешъ мѣть зъ нимъ розмову сторони женитьбы, откажи ему такими словами: вѣдай, милий пане, ижъ естемъ вдова, а молю по ласцѣ . . . . (1) досить всего добра позасталого мнѣ по мужу моемъ, ти, зась, вѣдаю, же не о мене тебѣ идетъ, але о моѣ маетности, а претожъ, если хочешь мене собѣ мѣти за жену, прошу тя: ночи сей вчини волю мою такую: ото той сусѣдъ сегодня померъ, а стоить на марахъ нехований; а ти пойди, и винявши того мертвого изъ домовини, отнеси, положи попу подъ двери, а самъ положися въ домовинѣ той, и лежи поки позвонять на утреню; того часу я къ тебѣ прійду, а озму тя себѣ за мужа. Тогди тимъ способомъ досвѣдчишъ его приязнь. Потомъ другому кажи прийти о четвертой годинѣ, также яко и первому; же не о мене, мовъ, тебѣ иде, лечь о маентокъ мой; предсяжъ прошу тя: хочешь ли мнѣ быть мужемъ вѣрнимъ — учини ночи сей волю мою: озми сее бѣлое плате и свѣчу, а пойди до церкви; тамъ стоить на марахъ умершій мой приятель; а ти, пришовши, стань въ него въ головахъ, а стой съ

(1) Не разобрано два слова.

тою свѣчою, поки позвонятъ до утрени; тогдѣ я приду до тебе, за мужа собѣ озьму. А потомъ съ третимъ умовся, абы о девятой годинѣ пришолъ до тебе, и такъ же будешъ зъ нимъ розмовляти о злученю малженства, але и тому тымъ же способомъ откажи, ижъ тобѣ не идеть о мене, якъ о маетность мою, а прето жъ, покажи свою вѣрность противъ мене: ночи сей озьми сее чорное платя на себе и сей желѣзный крукъ, а пойди до церкви, тамъ стоить на марахъ мертвий мой пріятель; ты зась, пришовши, стань у головахъ его, а стой, поки позвонятъ на утреню, тодѣ прійду къ тобѣ, и озьму тя собѣ за мужа, и будешъ мнѣ паномъ моимъ. Такъ панѣ барзо рада была той порадѣ; и такъ все справовала такъ. Тые пахолки бѣдние, не знаючи зради, и единъ по другомъ, перший гди пришовъ до той панеи зъ музиками, втомъ не много по розмовахъ сталася панъ молодий доправляти собѣ, и предложила ему все. Онъ, вѣрній товарищъ, поднялся тое учинити; и такъ, пришовши, зъ великою працею мертваго винялъ зъ домовини, и на плечахъ принесши, попу подъ дверу положилъ, и самъ, лѣгши, з верха дошкою прикрился; она зась барзо глупству его дивовалася. Гди зась другий пришолъ о умовной годинѣ къ той пани; она и тому, ведлугъ порады, также що хотѣла мовила, поднявся и той также таковую речъ исполнити, але гди близко приходилъ съ походною свѣчею, той перший у щѣлину обачилъ свѣчу .... (1) барзо ся злякалъ; предъ ся такъ разумѣлъ, же ангелъ стеречи идетъ того человѣка мертваго, а зла не учинитъ ему, дрижачи лежалъ. Потомъ третий пришолъ ведлугъ умовной години, и такъ, по розныхъ мовахъ и жартахъ, стался пани доправлять свою доходу; тогдѣ панѣ мовила тожъ, щой першимъ; потомъ мовила: »пане милий! если мя хочешь мѣти за жону, послухай же мя сеи ночи, а я, твою вѣрность познавши, полюблю тебѣ быть жоною; возми на себе сее чорное платя и крукъ желѣзний, а иди до церкви, есть тамъ на марахъ мертвий мой пріятель; ти зась тамъ у головахъ стань, а стой, поки позвонять на утреню.« Тогди и той поднялся на тое, але кгди обачилъ той, що стоявъ изъ свѣчею, барзо ся зъ тривожилъ, той зась, мѣючи добрий крукъ желѣзний, ишолъ безпечне погрожуючися. Кгди ся сближилъ, обачилъ той зъ домовини дѣркою, сродзи зляклъся, бо домнѣмалъ, же то діаволъ идеть по того мертвого, одревенѣлъ лежачи, але той еще горше злякъся изъ свѣчею, кинувъ чорту свѣчу у очи, скочилъ втеки .... (1) Тогди той, що у домовинѣ бувъ, вдарилъ ногами и руками дошку, и самъ, вирвавшися, бѣгъ, самъ не знаючи куди. А такъ всѣ розбѣглися, бо не зналъ одинъ другого, Попъ зась, почувши туртусъ, хотѣлъ вийти на дворъ, але кгди мертвого человѣка обачилъ, барзо перестрашонъ, феброю заражонъ. Тогди тая вѣсть по всему свѣту грухнула, а младенци зе встиду пречъ разъезьдилися. Такъ ся жоноцкая хитрость уписана есть.

(1) Не разобрано. По смыслу слѣдуетъ что тотъ, кто лежалъ во гробѣ, увидѣлъ идущаго.

(1) Не разобрано.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВАГО ВЫПУСКА.

	стр.
Горе-злочастіе	1
Объяснительная статья	9
О миѳологическомъ значеніи Горя-Злочастія.	12
Повѣсть о посадникѣ Новгородскомъ Щилѣ:	
Варіантъ первый	21
Варіантъ вторый	22
Объясненіе	25
Повѣсть о муромскомъ князѣ Петрѣ и супругѣ его Февроніи:	
Варіантъ первый	29
Варіантъ вторый	34
Варіантъ третій	39
Прибавленіе	46
Примѣчаніе	49
Легенда о Мароѣ и Маріи:	
Варіантъ первый	55
Варіантъ вторый	58
Повѣсть объ Ульяніи Муромской	63
Сказаніе о плѣнномъ Половчинѣ	71
Примѣчаніе	74
Сказаніе о старцѣ, низведшемъ дождь съ неба	86
Отмѣны по другому варіанту	87
Повѣсть о благочестивомъ рабѣ:	
Варіантъ первый	81
Варіантъ вторый	82
Примѣчаніе	84
Легенда о двухъ сапожникахъ	87
Легенда о покаяніи князя:	
Варіантъ первый	91
Та же легенда малороссійская	93
Примѣчаніе	95
Повѣсть о грѣшной матери:	
Варіантъ первый	99
Легенда о грѣшной матери малороссійская	101
Видѣніе мукъ грѣшницы во адѣ	105
Легенда о временномъ посѣщеніи ада	109
Примѣчаніе	110
Легенда о прельщенномъ инокѣ	113
Легенда объ умерщвленномъ младенцѣ	117
Примѣчаніе	119
Легенда о братствѣ	123
Примѣчаніе	125
Легенда о св. Георгіи	129
Примѣчаніе	130
Легенда о купцѣ	133
Примѣчаніе	134
Легенда о происхожденіи винокуренія	137
Легенда о пьяницѣ, продавшемъ душу бѣсу	141
Легенда объ игрокѣ	145
Легенда о ляхѣ и пресвитерѣ	149
Повѣсть о бѣсноватой женѣ Соломоніи	153
Отмѣны по другому варіанту	161
Примѣчаніе	167
Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ:	
Варіантъ первый	169
Варіантъ вторый	180
Примѣчаніе	191
Повѣсть о пресвитерѣ Тимоѳеѣ	195
Сказанія о бѣсовскихъ искушеніяхъ:	
I. О бѣсовскомъ писаніи	201
II. О пляшущемъ бѣсѣ	202
III. О бѣсѣ Зереферѣ	203
IV. Объ искушеніи бѣсомъ старца-страннолюбца	205
V. О бѣсовскомъ князѣ Лазіонѣ	207
VI. О танцующей дѣвицѣ	209
VII. О женщинѣ, вошедшей въ церковь въ нечистомъ видѣ	210
Повѣсть о цѣломудренной вдовѣ	213

стр.
Легенда объ оживленной курицѣ 217
Примѣчаніе 218
Повѣсть о водвореніи христіанства въ Ростовѣ . . 221
Отмѣны по другому варіанту 224
Повѣсть о водвореніи христіанства въ Муромѣ. . . 229
Примѣчаніе 238
Повѣсть о побѣдѣ Новогородцевъ надъ Суздальцами . 241
Повѣсть о путешествіи Іоанна новгородскаго . . . 245
Легенда о построеніи варяжской божницы въ Новгородѣ 251
Примѣчаніе 253
Повѣсть о построеніи Благовѣщенскаго монастыря въ Новгородѣ 255
Примѣчаніе 259
Повѣсть объ Антоніи Римлянинѣ 263
Новгородскій судъ и св. Варлаамъ 273
Пророчество св. Варлаама 277
Видѣніе пономаря Тарасія 283
Повѣсть о новгородскомъ бѣломъ клобукѣ 287
Отмѣны по другому взріанту. 299
Примѣчаніе 301

ВТОРАГО ВЫПУСКА.

стр.
Бесѣда Іерусалимская 307
Повѣсть о семи богатыряхъ. 311
Сказка объ Иванѣ Пономаревичѣ 319
Сказка о Еруслонѣ Лазаревичѣ 325
Сказка о царѣ Даріанѣ 343
Повѣсть о Дмитріѣ кіевскомъ купцѣ и его сынѣ
Варіантъ первый 347
Варіантъ вторый 352
Повѣсть о премудромъ Акирѣ:
Варіантъ первый 359
Варіантъ вторый 364
Повѣсть объ иверской царевнѣ Динарѣ. 373
Отмѣны по другому варіанту 375
Повѣсть о прекрасномъ Девгеніи 379
Повѣсть о градѣ Вавилонѣ 391
Сказаніе о вавилонскомъ царствѣ 394
Повѣсть о мультанскомъ воеводѣ Дракулѣ. . . . 399
Повѣсть о шемякиномъ судѣ 405
Сказка о нѣкоемъ молодцѣ, конѣ и саблѣ 409
Отрывокъ старинной думы о Скопинѣ-Шуйскомъ . . 410
Примѣчаніе 412
Легенда о кровосмѣсителѣ:
Варіантъ первый 415
Варіантъ второй 418
Примѣчаніе 424
Легенда о происхожденіи табака 427
Примѣчаніе 435
Притча о витязѣ и о смерти 439
Варіантъ малороссійскій 441
Притча о хмѣлѣ 447
Притча о старомъ мужѣ и о молодой дѣвицѣ . . . 453
Сказаніе о роскошномъ житіи и веселіи 457
Притча о женской злобѣ. 461
Притча о корыстолюбцѣ. 473
Притча о бражникѣ 477
Добавленіе: Повѣсть о вдовѣ и трехъ женихахъ . . 481

294372 1948
378р.
Филолог. кабинет.
Высшаго Института Народн. Образованія
Библиотека
327

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Stanford University Libraries
3 6105 005 376 020

STANFORD UNIVER
CECIL H. GREE
STANFORD, CALIFOR
(415) 723

All books may be rec

DATE D

28D MAY 02 1994